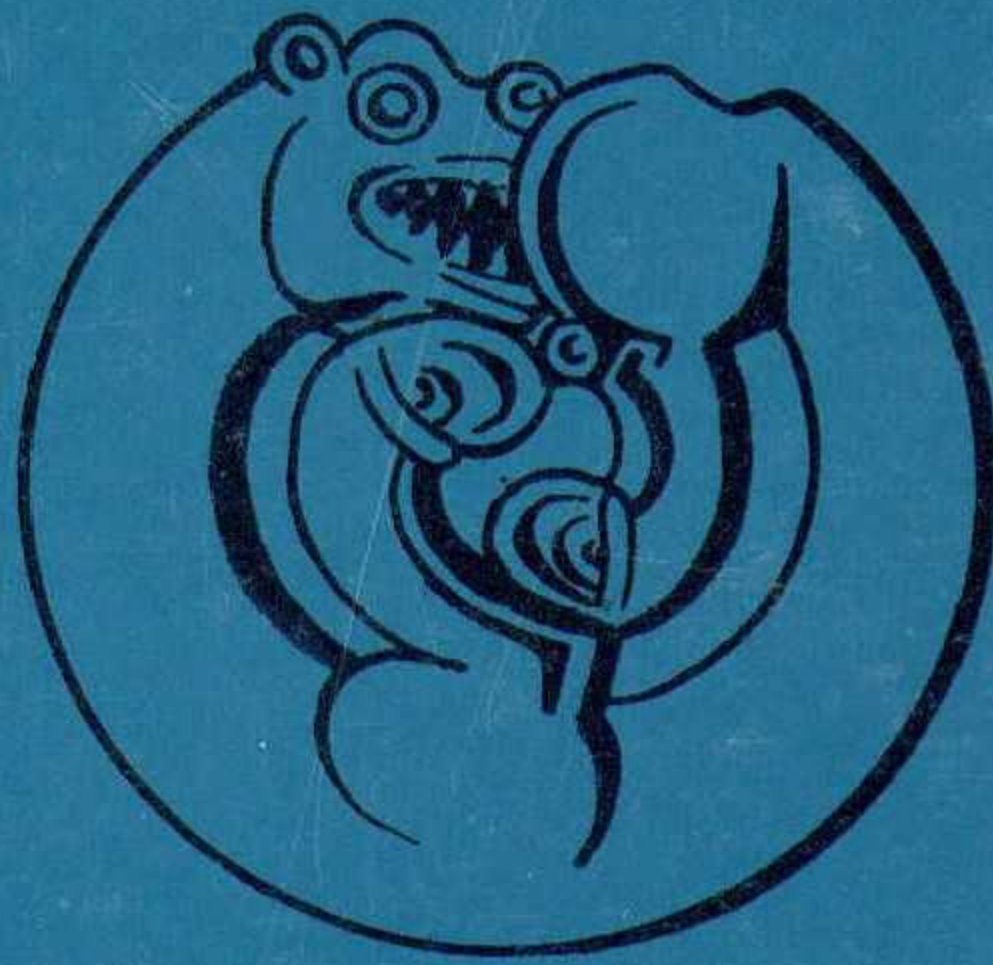

АРХЕОЛОГИ-
ЧЕСКИЕ
ВЕСТИ

-3-

•1994•

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Археологические Вести
№3

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1994

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.А.Алекшин, Ю.А.Виноградов, Г.В.Григорьева,
В.М.Массон (отв.редактор), Е.Н.Носов (зам.отв.редактора), Н.В.Хвоцинская
(отв.секретарь).

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Россия, 191186, С.-Петербург, Дворцовая наб.,18. Институт
истории материальной культуры РАН
Телефоны: (812) 312 14 84, (812) 314 06 85, (812) 311 50 92.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА: Т.С.Дорофеева (компьютерная набор); К.А.Матехин
(компьютерная верстка); В.Я.Стеганцева (компьютерная графика); Г.А. Кузнецова
(художник).

EDITORIAL BOARD: V.A.Alekshin, Yu.A.Vinogradov, G.V.Grigorieva, V.M.Masson,
E.N.Nosov, N.V.Khvostchinskaja.

ADDRESS: Russia, 191186, St.-Petersburg, Dvortzovaja nab., 18, Institute of the History of
Material Culture Russian Academy of Sciences
Tel.: (812) 312 14 84, (812) 314 06 85, (812) 311 50 92.

PUBLISHING GROUP: T.S.Dorofeeva, K.A.Matekhin, V.A.Stegantseva, G.A.Kuznetsova.

© Институт истории материальной культуры РАН

ISBN 5-201-01162-4

THE INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ARCHAEOLOGICAL NEWS
№3

ST.-PETERBURG

1994

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

В.М.Массон. Взаимодействие культур и культурная интеграция.....	1
---	---

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.К.Анисюткин. Древнейшие местонахождения Раннего палеолита на юго-западе Русской равнины	6
В.В.Щелинский. Функциональное назначение двусторонне обработанных орудий мустьерской стоянки Заскальная V в Крыму.....	16
А.Е.Матюхин. Палеолитические мастерские в бассейне нижнего Дона.....	25
И.В.Сапожников. Локальный хозяйственно-бытовой комплекс на позднепалеолитической стоянке Большая Аккаржа	38
С.В.Ошибкина. Мезолитические погребения Восточного Прионежья	48
Н.Н.Скаун. Новые раскопки энеолитических поселений в низовьях Дуная	58
Б.Н.Удемурадов. Древние земледельцы Южной Маргианы (юго-восток Туркмении)	69
Е.Е.Филиппова. Плоская таштыкская маска из собрания Государственного исторического музея.....	75
В.И.Денисова. Литейная форма мастера Гикесия из Ольвии	78
Ю.А.Виноградов. Раскопки храма Зат-Химьям в западном Хадрамауте (Райбун V)	88
А.Э.Бердимуратов, М.К.Самибаев. Ранние росписи согдийского храма Джартепе II (V- начало VI вв.).....	96
Б.Амбросиани, П.Г.Гайдуков, Е.Н.Носов, И.Янссон. Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси.....	110
О.В.Овсянников. Средневековая Арктика: археологические открытия последних лет	121
А.Н.Кирпичников, С.В.Белецкий. Новые сфрагистические находки из Старой Ладоги.....	132

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ.

В.А.Алекшин. Новые данные о мустьерских погребениях Ближнего Востока	136
М.В.Аникович. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы.....	144
С.А.Васильев. Финальный палеолит Сибири и мадлен Франции: сравнительный анализ структуры стоянок	158
Г.Ф.Коробкова. Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке	166
А.А.Вайман. О квазишумерских табличках Тэртэрии.....	181
А.Стальсберг. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. (по археологическим собраниям СНГ).....	192
А.Гвиди. Итальянское "многостишие": различные направления доисторической археологии.....	203

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л.Б.Вишняцкий. История одной карьеры	208
А.Я.Щетенко. Реконструкция хозяйства хараппцев (по палеоботаническим материалам Рожди)	211
Ю.Е. Березкин. Город-государство или империя? Контroversа Уари	214
Г.М.Левковская. Взаимодействие человека и окружающей среды.....	221
О.И.Богуславский. Новый цикл исследований Бирки	223
Е.Н. Носов. Морская археология в скандинавских странах	226
В.А.Лапшин. Спасательная археология в Швеции	228

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

А. Стальсберг. Норвежская археология: организация и финансирование231

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

В.М.Массон. Международные конференции по изучению древних городов
Средней Азии.....235

Г.Н. Курочкин. Древние торговые города восточной Африки шведская
программа их изучения237

А.Альслебен, Л.-К.Кенигссон, Х.Кроль, М.Мюллер-Вилле, Е.Н. Носов,
Т.Хаммер, И.Янссон. Международные палеоботанические исследования
в Новгородской земле(400 – 1200 г. н.э.)240

М.Брисбейн, Е.Н.Носов, А.С.Хорошев. Российско-английское сотрудничество
археологическом изучении Новгорода245

А.Я.Щетенко. Американские археологи в Санкт-Петербурге.....249

ПЕРСОНАЛИИ

Г.В.Григорьева. Чтения памяти Павла Иосифовича Борисковского252

П.И.Борисковский. О научном предвидении в археологии палеолита253

А.Д.Столяр. Памяти Павла Иосифовича Борисковского.256

Т.Д.Белановская. Проблемы истории первобытного общества в трудах
П.И.Борисковского.....260

Г.П.Григорьев. П.И.Борисковский и П.П.Ефименко.....262

Фам Куанг Шон. Роль П.И.Борисковского в формировании и развитии
археологии во Вьетнаме.264

ХРОНИКА

Л.Б.Кирчо. Институт истории материальной культуры РАН в 1993 году.266

CONTENTS

EDITORIAL

V.M.Masson. Interaction of cultures and cultural integration	1
--	---

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

N.K.Anisiutkin. The earliest sites of the Early Palaeolithic in the South-West of the Russian Plain	6
V.E.Shchelinsky. On the function of bifaces from the Mousterian site Zaskalnaja V, Crimea	16
A.E.Matiukhin. Palaeolithic workshops in the Lower Don basin	25
I.V.Sapozhnikov. A local dwelling complex at the Late Palaeolithic site Greater Akkarzha	38
S.V.Oshibkina. Mesolithic graves to the east of the Onega Lake	48
N.N.Skakun. New Excavations of the Eneolithic settlements in the Lower Danube Region	58
B.N.Udeumuradov. Early agriculturalists of Southern Margiana (Southern-Eastern Turkmenia)	69
E.E.Philippova. Flat Tashtyk mask from the collection of the State Historical museum	75
V.I.Denisova. The mould of the craftsman Hikesios from Olbia	78
Yu.A.Vinogradov. Excavations of the temple of the goddess Zat-Himyam in Western Hadramaut (Raybun V)	88
A.Z.Berdimuradov, M.K.Samibaev. Early wall-painting of the Sogdian temple Jartepa II (5th - early 6th century AD)	96
B.Ambrosiany, P.G.Gajdukov, E.N.Nosov, I.Jansson. The first find of a Scandinavian equal-armed brooch of Valsta type in Rus'	110
O.V.Ovsiannikov. The Arctic of the Middle Ages: recent archaeological discoveries	121
A.N.Kirpichnikov, S.V.Beletsky. New sphragistic finds from Old Ladoga	132

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

V.A.Alekshin. New evidence on the Near Eastern Mousterian burials	136
M.V.Anikovitch. The main principles of the chronology and periodization of the Upper Palaeolithic of Europe	144
S.A.Vasilyev. The final palaeolithic of Siberia and the Magdalenian of France: a comparative analysis of structural features	158
G.F.Korobkova. Stone tools and the beginning of agriculture in the Near East	166
A.A.Vaiman. On the Quasi-Sumerian tablets from Tartaria	181
A.Stalsberg. Problem of cultural interaction between Rus and Scandinavia during the 8th-11th centuries (based on archaeological collections in CIS)	191
A.Guidi. The Italian "pluriverse": different approaches to prehistoric archaeology	203

REVIEW' ARTICLES AND BOOK REVIEWS

L.B.Vishnyatskij. The history of one career	208
A.Ya.Shchetenko. The reconstruction of Harappan economy (paleobotanic materials from Rozhdy)	211
Yu.E.Berezkin. City-state or impire? Controversy of Uary	214
G.M.Levkovskaya. The interaction of the man and the environment	221
O.I.Boguslavskij. New stage of excavation in Birka.	223
E.N.Nosov. Marin archaeology in Scandinavian countries	226
V.A.Lapshin. Rescue archaeology in Sweden	228

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

A.Stalsberg. Norwegian archaeology: organization and finances	231
THE EAST-WEST COOPERATION.	
V.M.Masson. International conferences on the study of ancient towns of Middle Asia	235
G.N.Kurochkin. Ancient trading towns of Eastern Africa and the Sweedish program of their studies.	237
A.Alsleben, L.-K.Köningsson, H.Kroll, M.Müller-Wille, E.N.Nosov, T.Hammer, I.Jansson. International palaeobotanical studies on the Novgorod Land c.400-1200 A.D.	240
M.Brisbain, E.N.Nosov, A.S.Khoroshev. Anglo-Russian Collaboration in the Archaeological Study of Novgorod	245
A.Ya.Shchetenko. American archaeologists in St.-Petersburg	249
PERSONALIA	
G.V.Grigor'eva. Meeting in memory of Pavel Iosifovitch Boriskovskij	252
P.I.Boriskovskij. About the scientific prevision in the archaeology of palaeolithic.	253
A.D.Stolyar. In memory of Pavel Iosifovitch Boriskovskij	256
T.D.Belanovskaya. The problems of history of primitive society in the works of P.I.Boriskovskij	260
G.P.Grigor'ev. P.I.Boriskovskij and P.P.Efimenko	262
Fam Kuang Shon. The role of P.I.Boriskovskij in the formation and development of archaeology of Vietnam	264
CHRONICLE	
L.B.Kircho. Institute of the History of Material Culture RAS in 1993.	266

ОТ РЕДАКЦИИ EDITORIAL

Взаимодействие культур и культурная интеграция

В.М.Массон*

Культурное взаимодействие является одним из широко распространенных исторических процессов. Его последствия как правило оказываются более существенными и плодотворными, чем односторонне направленные воздействия характеризуемые как влияния. Отражаясь в той музейной выборке древней материальной культуры, которую изучает археология, подобные взаимодействия весьма существенны как для узко профессиональных интересов археологической науки, например, для археологической хронологии, так и для интерпретационных построений культурологического характера.

Одним из формопроявлений процессов взаимодействия на результативном уровне является культурная интеграция. Этому феномену недостаточно уделялось внимания в исторических исследованиях, где авторы традиционно следуют механистически понимаемой бинарной оппозиции по принципу ответ-вызов, влияние – автохтонное развитие. Переход к построениям, учитывающим диалектический характер протекающих процессов осложнен грузом догматического наследия особенно ярко проявившимся в формационном эволюционизме, которому были приданы детерминистические черты. Считалось, что за матриархатом обязательно должен был следовать патриархат, что за первобытно-общинным строем – рабовладельческая формация и так далее до утопической структуры коммунизма. Здесь разумеется сказались воздействия философской концепции дарвинизма, согласно которой развитие носит постепенный или градуалистический характер. Вместе с тем, разработки современной биологии отмечают необходимость различения процессов, протекающих на уровне макроэволюции и на микроэволюции. Первые отличаются большой сложностью и разнообразием и далеко не всегда вписываются в градуалистическую концепцию. В связи с этим была развита концепция прерывистого развития или пунктуализм. Такой дифференцированный подход тем более необходим при изучении общественных феноменов являющихся, и в этом нет оснований откисиваться от марксистских формулировок, наиболее сложной формой движения материи.

В этом отношении культурная интеграция отражает сложный, диалектический характер процесса культурогенеза и может лучше объяснить ряд исторических явлений, чем прямолинейные поиски моноэтнических структур или антитезы влияние-заимствование. Эти последние понятия связаны в значительной мере с явлениями механического характера, хотя в условиях сложного общественного организма обычно проходят стадии селекции и адаптации. Культурная интеграция отражает движение культуры через трансформацию к качественно новому состоянию. Естественно, что при этом значительную роль в формировании новых стандартов и эталонов играли селекция и адаптация как внутренние, составные элементы развития этого процесса. Как правило культурная интеграция обуславливается глубинными политическими и социально-экономическими явлениями консолидации общества. Огромную роль играет и мода, возникновение которой лежит в сфере социально-психологических стереотипов. Темпы и масштабы интеграции различны в догосударственную и государственную эпохи. В обоих случаях большую роль играет фактор социальной психологии, без учета которого распространение определенных стандартов может быть заблокировано "реакцией отторжения".

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел Средней Азии и Кавказа.

Понятие культурной интеграции очень важно для изучения полиэтничных структур. В ходе интеграционных процессов складывается часто устойчивый культурный комплекс. Он представляет своего рода надстройку над полиэтническими структурами, которыми могут быть и отдельные города и целые политические образования. При этом следует учитывать, что явления культурной интеграции особенно на региональном уровне способствуют и становлению новых этнических структур. Сложность процессов культурогенеза в разные исторические эпохи можно видеть и на материалах приводимых в настоящем выпуске "Археологических вестей". В эпоху палеолита, при достаточно широком распространении передовых технологий обработки камня в целом процесс культурного взаимодействия выглядит весьма бедно, а процессы культурной интеграции, судя по всему, не представлены вовсе. Достаточно нагляден пример микрорегиона верхнепалеолитических Костенок, где наблюдается сосуществование, но отнюдь не взаимодействие различных культурных комплексов обычно именуемых культурами. Как известно в биологии замкнутость вида обеспечивается целой системой барьеров, изолирующих механизм локальной эволюции. В культурогенезе роль таких консервантов играли традиции, судя по всему, особо устойчиво отторгавшие внешние воздействия на ранних этапах развития общества. Барьер культурных традиций блокировал развитие культурной интеграции и в верхнепалеолитическую эпоху.

Положение заметно меняется в раннеземледельческую эпоху, когда общества близкого культурного и интеллектуального развития оказывались весьма восприимчивыми к интеграционным процессам. Но и здесь зачастую налицо реакция отторжения. Если верна представленная в настоящем выпуске "Археологических вестей" дешифровка знаменитых табличек из раннеземледельческого поселения Тартария в Румынии, предлагаемая А.А.Вайманом, крупнейшим в мире знатоком шумерских текстов, то вырисовывается весьма примечательная картина. В глубине раннеземледельческой ойкумены Балкан с их замечательными достижениями в области прикладного искусства и интеллектуальной сферы обнаруживается устойчивый комплекс связанный с храмовыми структурами шумерской цивилизации. Не касаясь вопроса о том, находилось ли где-то здесь святилище культу ртуртрегеров из Урука или перед нами уникальный образчик импорта не имеющего прагматической ценности, совершенно ясно, что эти эталоны городской цивилизации никак не вписались в систему раннеземледельческих общин, которые, как мне кажется, находились на раннем этапе развития раннего комплексного общества. Многочисленные и разнообразные знаки, обнаруживаемые на бытовых предметах раннеземледельческих общин Балкан безусловно связаны с какой-то символично-магической системой, но не являются системой письменности как качественно иного явления. И протошумерский эталон не оказал никакого воздействия в этом отношении на местное общество, которое очевидно удовлетворяло имевшиеся в нем системы хранения и передачи информации (видимо устная и художественная).

Для древнего мира можно назвать два ярких примера культурной интеграции – кельтскую цивилизацию и скифский мир. Высокоразвитые культуры материковой Европы, формируясь на основе гальштатских традиций, во второй половине I тыс. до н.э. уверенно развиваются как урбанистические общества. При этом были использованы и органически включены в местную культурную среду греко-римские эталоны. Соединение этих составляющих и дало сплав кельтской цивилизации. В значительной мере это касается и взаимодействия традиций номадов и эллинских стандартов на позднем этапе развития скифской культуры, представленной, в частности, так называемой Малой Скифией. Известны многочисленные дискуссии об этнической принадлежности носителей так называемой черняховской культуры. Сейчас как будто возобладало уравновешенное мнение о полиэтнической основе этого исторического феномена. С тем большими основаниями саму черняховскую культуру можно рассматривать как отражение процессов культурной интеграции за границами поздне римского лимеса, но с активным использованием его ремесленных и культурных стандартов и даже денежных знаков.

Интеграционные процессы нашли отражение и в согдийской цивилизации, сообщение о выдающемся памятнике которой – храме Джартепа под Самаркандом – публикуется в настоящем номере "Археологических вестей". В согдийской художественной культуре и в культово-религиозной символике налицо традиции и целые наборы различных образов восходящих, видимо, через кушанское посредство, к культуре Индии. Вместе с тем, эти

традиции органически включены в общий стиль и дух согдийского культурного комплекса, не вызывая ощущения нарочитого диссонанса.

Для средневековой эпохи одним из примеров явления культурной интеграции могут служить процессы наблюдаемые в балтийском регионе в VIII–XI веках нашей эры, когда интенсифицировались все формы связей от политических до торговых. Хорошо известно распространение вещей скандинавского типа в Восточной Европе, что нашло отражение и в ряде статей настоящего издания, равно как и еще мало изученное проникновение славянских древностей за пределы Древней Руси. Особенно характерны стандарты и эталоны элитарной, "дружинной" субкультуры, дающие стандартные наборы одеяния, предметов вооружения и культово-символических объектов. Ожесточенные, хотя и несколько упрощенные, споры норманистов и антинорманистов вращались в тех же заданных пределах механистической бинарной оппозиции. Скорее всего, в этих явлениях нашли отражения интеграционные процессы, которые в мире культуры соответствовали качественно возросшим политико-экономическим связям. Как бы то ни было, совершенно ясно, что по мере накопления новых материалов в области археологии мы с большим пониманием и чуткостью должны относиться к сложному характеру явлений и процессов, отражением и спутниками которых являются артефакты, обнаруживаемые в ходе экспедиционных изысканий.

INTERACTION OF CULTURES AND CULTURAL INTEGRATION

Cultural interaction is one of the widely-spread historical processes. As a rule, its consequences turn out to be more significant and fruitful than those of the unidirectional effects described as influences. Being reflected by that museum sample of the ancient material culture which is studied by archaeology, such interactions are highly meaningful both in terms of the professional demands of archaeology in its narrow sense (e.g. for archaeological chronology), and for the interpretative constructions of a broader anthropological scope.

One of the manifestations of the interactive processes at the level of their results is cultural integration. This phenomenon has not received sufficient attention in the historical studies, whose authors traditionally adhere to the binary opposition of the stimulus vs. response (or influence vs. autochthonous development) type, treated in mechanical terms. The transition to constructions taking into account the dialectical nature of the processes is hampered by the burden of our dogmatic heritage. This is especially evident in the scheme of so-called "formations", an evolutionist doctrine which has acquired deterministic features. It was believed that matriarchy should be necessarily followed by patriarchy, the primitive tribal society, by the slave-owning formation, and so forth up to the utopian structure of communism. This view was certainly influenced by the Darwinist philosophy with its emphasis on gradual evolution. However, as developments in modern biology suggest, macroevolutionary processes should be viewed differently from microevolutionary ones, the former being more complex and not always compatible with gradualist views. The alternative idea is that of punctuated equilibrium. Such an approach is all the more essential in studies of social phenomena, which (and I see no reasons to disclaim Marxist formulas at this particular point) represent the most complex form of the motion of matter.

In this respect, the phenomenon of cultural integration mirrors the complex dialectical nature of the process of cultural origins and provides a better explanation of the historical events than does the straightforward search for monoethnic structures or the influence vs. borrowing opposition. The latter are largely related to mechanical phenomena, although under conditions of a complex social organism they usually undergo the stages of selection and adaptation. The phenomenon of cultural integration reflects the movement of culture through transformation towards a new quality. Of course, a significant role in the formation of new standards and norms was played by selection and adaptation as integral elements of this process. As a rule, cultural integration is caused by deep-level political and economical factors of social consolidation. An immense role is played also by fashion, which emerges in

the domain of socio-psychological stereotypes. The tempo and scale of integration are different in periods before and after the emergence of states. In both cases, the crucial factor is social psychology, and when it is not taken into account, the social organism reacts to the introduction of certain standards by rejecting them.

The concept of cultural integration is of utmost importance for the study of multethnic structures. In the course of integrational processes, a stable cultural complex is often formed. It represents a sort of superstructure above the multethnic structures which may range from single cities to large political unities. It should be kept in mind that cultural integration favours also the formation of new ethnic structures, especially at the regional level.

An illustration of the complexity of processes resulting in culture formation in various historical periods is provided by the present issue of "Archaeological News". In the Paleolithic, despite the relative abundance of progressive lithic technologies, the process of cultural interaction as a whole was apparently quite rudimentary, and cultural integration seems to have been virtually nonexistent. Especially illustrative in this respect is the Upper Paleolithic microregion of Kostenki, where several cultural complexes, usually termed cultures, coexisted without any interaction. The biological species is a closed unity due to a system of barriers isolating the mechanism of local evolution. In the cultural sphere, conservation was secured by traditions, which at the early stages of social development were especially efficient in repulsing external influences. One of the periods when the barrier of cultural traditions blocked the development of cultural integration was the Upper Paleolithic.

An appreciable shift occurred in the early agricultural period, when societies which had attained similar levels of cultural and intellectual development displayed considerable receptivity to integrational processes. Yet here as well the "rejection" is evident. If the decoding of the famous tablets from the early agricultural site of Tartaria, Romania, proposed by A.A.Weiman, one of the world's most authoritative experts in Proto-Sumerian texts (see this issue), is correct, a highly peculiar picture emerges. In the depth of the early agricultural Balkan area with its remarkable achievements in the artistic and intellectual domains a stable complex is found which is related to the temple structures of the Sumerian civilization. No matter whether the kulturträger from Uruk had actually built their temple somewhere in the vicinity or whether we have before us a unique case of import having no pragmatic value, it is absolutely clear that these hallmarks of urban civilization had in no way been integrated into the system of early agricultural communities, which, in my opinion, had achieved the initial stage of the early complex society. Numerous and diverse signs found on the artefacts from the early agricultural Balkan sites are doubtless related to some symbolic and magic system, but do not represent a system of writing, which is a phenomenon different in quality. So the Proto-Sumerian prototype did not in any way affect the local society, which was probably content with the available systems of storage and transmission of information (probably the oral and the artistic ones).

Two striking cases of cultural integration can be mentioned for the ancient world: the Celtic civilization and the Scythian world. Having emerged on the basis of Halstattian traditions, the highly developed cultures of mainland Europe were in the late 1st millennium BC rapidly heading towards urban society. In doing so they adopted the Greco-Roman prototypes and incorporated them into the local cultural milieu. The amalgamation of these components resulted in the Celtic civilization. This to a large extent applies also to the interaction of the nomadic traditions and the Hellenic standards at the late stage of the Scythian culture, represented by so-called Scythia Minor. Another controversial issue is the ethnic affiliation of the people who created the Chernyakhov Culture. A compromise view suggesting that this culture was multethnic appears to have gained ground in recent years. There are even more reasons to regard the Chernyakhov Culture itself as an outcome of the processes of cultural integration which occurred beyond the limes of the Late Roman Empire but with the active use of its technological and cultural standards and even its monetary units.

One more example of the integration processes is the Sogdian civilization, whose brilliant monument, Jartepa Temple near Samarkand, is described in the present issue. In Sogdian art and religious symbolism, traditions and complexes of images are evident which apparently derive from the culture of India (via the Kushan milieu). These traditions, how-

ever, are tightly interlaced with other elements of the Sogdian cultural complex in terms of general style and spirit without evoking a sense of dissonance.

A case of cultural integration in medieval times is presented by processes which occurred in the Baltic region from the 8th to the 11th centuries, when ties in all spheres, from politics to trade became more intensive. Scandinavian artefacts circulated in Eastern Europe (see this issue), while Slavonic ones were distributed outside Old Russia (a fact which has not been studied in sufficient detail). Especially demonstrative are norms which were developed by the elitary subculture of the Russian princes' Norse bodyguard, with its standard set of costume, weaponry, and items of religious symbolism. Fierce (but somewhat unsophisticated) debates between Normanists and anti-Normanists floundered within the same fixed limits set by the mechanical binary opposition. It is likely that here again we observe the outcome of integration processes which, in the domain of culture, corresponded to the new qualitative level attained by the political and economical network. At any rate, it is perfectly obvious that the accumulation of archaeological data should prompt us to develop a more understanding and receptive attitude towards those complex phenomena which were accompanied and mirrored by the artefacts unearthed in the course of excavations.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ NEW DISCOVERIES AND STUDIES

Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины

Н.К.Анисюткин*

До недавнего времени самым ранним памятником Юго-Запада Восточной Европы оставался грот Старые Дуруиторы, в нижних слоях которого обнаружена тайякская индустрия, датирующаяся рисским временем (Кетрару 1973). Правда, к раннему ашелю относят давно известное местонахождение Лука-Врублевецкая (Борисковский 1953), но оно представлено всего пятьюдесятью кремневыми изделиями, собранными на бичевнике, определить геологический возраст которых невозможно. Поэтому особенно важно открытие в 1982 году в Нижнем Приднестровье в районе г.Дубоссары двух местонахождений, комплексные исследования которых показали, что в настоящее время это самые древние палеолитические памятники региона.

Эти местонахождения расположены по соседству и имеют сходную геоморфологическую ситуацию. Они изучались совместно специалистами Молдавии (Отдел географии АН Молдавии) и России (ЛОИА АН СССР, ныне - ИИМК РАН). Основные работы проведены на памятнике Погребы; второй памятник: Дубоссары-Большой Фонтан - изучен пока предварительно.

Погребы. Местонахождение открыто в 1982 году. Оно исследовалось в 1983, 1985 и 1986 гг. (Анисюткин 1989).

Место находок архаичных каменных изделий расположено в 1,5 км северо-западнее села Погребы, в 8 км ниже по течению реки Днестр от г.Дубоссары, на VI надпойменной террасе, которая протянулась узкой полосой вдоль левого берега реки, прислоняясь к VII террасе. Местонахождение приурочено к остаткам террасы, сохранившейся у тылового шва со всеми субэаральными отложениями. Общая стратиграфия террасы, полученная раскопками в стенке глубокого оврага, распространенного в сторону реки (рис.1Б): 1) гумусированный пахотный слой черного цвета мощностью до 0,5 м (преимущественно 0,2 м); 2) лесс желтовато-палевый (днепровский по М.Ф.Векличу, чья номенклатура принята молдавскими геологами) - 3,7 м; 3) ископаемая (завадовская) почва красновато-коричневого цвета, карбонатная, полного профиля - 1,8 м; 4) толща суглинков и супесей, часто слоистых (тилигульский лесс) - 7,5 м; 5) две ископаемые почвы красновато-бурого цвета, разделенные горизонтом осветления (0,5 м) - до 5,7 м; 6) суглинок палево-желтый - 0,8 м; 7) аллювий - мелкогалечный конгломерат - до 6,5 м. Цоколем террасы являются сарматские известняки (Гольберт 1989: 74-76). Поверхность террасы наклонена в сторону реки; крутизна склона уменьшается по направлению к тыловому шву террасы и увеличивается в направлении Днестра.

Выделено два одновременных комплекса находок: архаичный и поздний. Здесь речь идет только о находках архаичного комплекса, так как поздний, являющийся смесью верхнего палеолита и энеолита, не представляет большого научного интереса.

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.

Рис.1 А: Карта местонахождений раннего палеолита Нижнего Приднестровья (в верхней части). Б: Поперечный профиль долины Днестра в районе Дубоссар (по О. М. Адаменко). Обозначения: 1 - лесс; 2 - ископаемые почвы; 3 - песчанистые прослойки; 4 - галечник (аллювий); 5 - шурфы; 6 - каменные изделия; 7 - поверхность реки; 8 - местонахождения. Д - днепровский лесс; З - завадовская почва; Т - тилигульский лесс; Л - лубенская почва; С - сульский лесс; М - мартоношская почва.

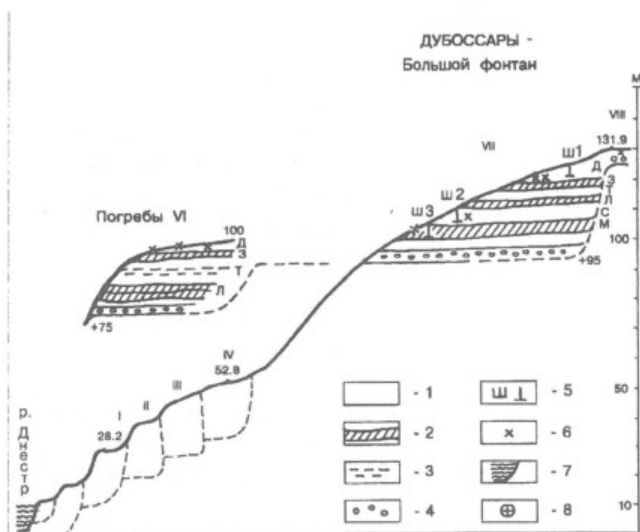

Fig.1 A: Map of the location of the Early Palaeolithic in the Lower Dniester region (top). Б: Profile of the Dniester valley near Dubossary (according to O. M. Adamenko). Signs: 1 - loess; 2 - fossil soil; 3 - stone interlayers; 4 - shingle (alluvium); 5 - exploring shafts; 6 - stone objects; 7 - river surface; 8 - locations. D - Dnieper loess; Z - Zavadovskaya soil; T - Tiligulsky loess; L - Lubenskaya soil; S - Sulsky loess; M - Martonshskaya soil.

Б

Основные находки каменных изделий сделаны в 1985-1986 гг., когда на территории колхозного сада, где расположен памятник были проведены большие мелиоративные работы. Траншеи пересекали всю территорию и вскрыли четвертичные отложения: лессовые - на вышележащих участках склона, ниже - ископаемую почву, еще ниже по склону - тилигульские супеси.

Находки встречены только на уровне днепровского лесса или завадовской почвы как на поверхности, так и в четвертичных отложениях, вскрытых шурфами, расчистками или траншеями. В завадовской почве, помимо каменных изделий, был найден обломок зуба трогонтериевого слона (определение В.Е. Гаррута). Непосредственно из четвертичных отложений происходит 16 кремневых изделий. В днепровском лессе найдено 7 предметов (1 нуклеус, 1 орудие и 5 отщепов) и 9 в завадовской почве (2 нуклеуса, 1 орудие, 1 от-

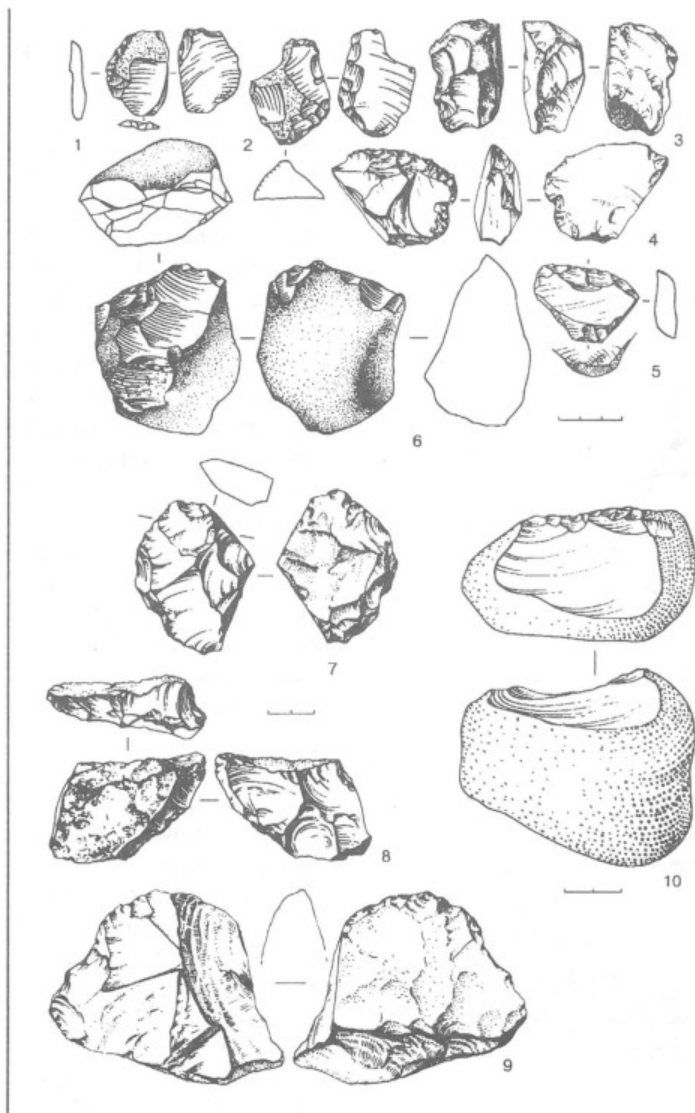

Рис.2 Погребы. Каменные изделия. 1-6 изделия одного масштаба: 1 - отщеп с ретушью, 2 - скребло с чередующейся ретушью края (завадовская почва), 3-5 - скребла, 6 - галечное орудие, 7-9 - изделия одного масштаба: 7 - бифас с обушком, 8 - нуклеус радиальный (завадовская почва), 9 - бифас известняковый (проторубило?). 10 - галечное орудие-чоппер.

Fig.2 Pogreby. Stone objects. 1-6 - objects of the same scale: 1 - a flake with retouch; 2 - a side-scraper with alternate retouch (Zavadovskaya soil), 3-5 - side-scrapers, 6 - a shingle tool; 7-9 - objects of the same scale; 7 - a backed biface; 8 - a radial core (Zavadovskaya soil), 9 - a limestone biface (protohandaxe?); 10 - a shingle chopping tool.

щеп, 5 чешуек и обломков). Около сорока кремневых изделий с патиной и мощными известковистыми натечками выявлены в выбросах из траншей. Остальные изделия собраны на поверхности. Интересно отметить отсутствие подъемного материала там, где голоценовые отложения превышали 30 см.

Всего найдено 260 предметов, включая 28 нуклеусов, 38 галечных форм, 41 орудие на отщепах и осколках, 108 отщепов, 9 чешуек, 44 обломка и осколка, 1 отбойник и 1 галка со следами работы. В качестве сырья использовался качественный кремний из галек серого и черного цветов - 229, серый кремний низкого качества - 24, кварцит - 5, известняк очень прочный - 4, песчаник - 4, кварц - 1. Практически все кремневые изделия архаичного комплекса покрыты мощной патиной белого цвета с люстражем, нередко со следами ячеистого выветривания поверхностей. Все предметы из лесса или ископаемой почвы, а также из выброса траншей, покрыты известковистым натечком. Кремневые изделия из почвы имеют двойной натек; нижний отличается коричневым цветом и особой прочностью. Эти признаки согласуются с положением кремневых изделий в плане. В верхней части местонахождения (у тылового шва террасы), где пахота прикрывает днепровский лесс, обычен простой натек, в средней, на уровне почвы - двойной. В нижней части, на уровне тилигульского лесса, находок архаичного комплекса нет, но встречаются предметы без патины. Это дает основание увязывать основной комплекс, включая аналогичные находки с поверхности, с отложениями рисского (днепровский лесс) и

миндель-рисского возраста (завадовская почва). Удалось установить, что кремневые изделия из днепровского лесса имеют более интенсивный люстраж и более распространенные следы ячеистого выветривания поверхностей, отличаясь от изделий из завадовской почвы. Подобное обстоятельство говорит об их переотложенности с поверхности более высокой террасы.

Среди нуклеусов преобладают грубые радиальные и многогранные, немногочисленные одноплощадочные и единичные треугольный и пирамидальный. Последний переоформлен в орудие с "носиком". Четко прослеживается типичная для раннего палеолита техника раскалывания, когда предшествующий скол остановится ударной площадкой для последующего, и предмет приобретает чоппинговидную форму.

Сколы имеют небольшие размеры; крупных нет совсем. Они подразделяются на мельчайшие - до 30 мм в длину - 29, мелкие - до 50 мм - 53, отщепы средних размеров - до 70 мм - 18. Преобладают массивные отщепы неправильных форм. Единственный левалуазский отщеп с фасетированной ударной площадкой, видимо, является более поздней примесью. Пластин всего 2, включая одну с корочным покрытием спинки. Индустрия нефасетированная с многочисленными клетонскими отщепами. Среди сколов с гладкими ударными площадками многие сохраняют галечную корку.

Техника вторичной обработки представлена оббивкой и ретушью. Отмечены единичные резцовые сколы. Среди орудий много галечных форм (около 40 экз.), изготовленных из грубого сырья: кварцита, песчаника, известняка, низкокачественного кремня серого цвета. В их числе были как крупные изделия, так и мелкие. Размеры варьируют от 120 мм до 40 мм. Преобладают крупные (рис.2:6,10). Эти формы можно подразделить на односторонние чопперы - 18, чопперы с острием - 3, чоппингов выделено 16. В их числе 2 крупных орудия из известняка можно рассматривать как прото-рубила. Одно орудие - комбинированный чопперчоппинг.

Орудия на отщепах и обломках представлены протолимасом, "брюшко" которого сохранило корку, а также 13 скреблами. В их числе 5 простых однолезвийных, ' поперечных или диагональных, ' ретушированных с брюшка и " с чередующейся обработкой лезвий. Последние особенно интересны тем, что их рабочие края зигзагообразной формы напоминают по обработке чоппинги. Одно из таких скребел найдено непосредственно в ископаемой почве (рис.2:2). В коллекции выделено 2 атипичных резца и 3 проколки, 1 нож с естественным обушком, 2 выемчатых и 8 зубчатых орудий, тайякское и 1 массивное острия, а также 4 клювовидных формы и 2 небольших диска, оббитых с двух сторон. К бифасам можно отнести 3 предмета, включая 1 обломок орудия из кварцита, кремневую заготовку и бифас с обушком. Последний (рис.2:7) напоминает "Keilmesser" немецких исследователей (Bosinski 1967).

Дубоссары - Большой фонтан. Это местонахождение расположено юго-западнее Дубоссар, над предместьем "Большой фонтан", на VII надпойменной террасе Днестра. Подъемный материал распространен на площади 90 м x 250 м. На местонахождении также выделено два комплекса. Однако здесь каменные изделия рассеяны почти по всему склону, включая нижнюю часть, где появляются обильная галька аллювиальной толщи. Каменные изделия найдены также на поверхности VIII террасы, где они связаны с лессовыми отложениями, вскрытыми раскопками Н.А.Кетрару под насыпью кургана, а также траншеей газопровода. Находки встречены только у края террасы полосой не более 10 м. Здесь они характеризовались очень сильной патиной и люстражем с почти полным отсутствием натека, хотя кремни из суглинка были покрыты известковистым натеком. Это же типично и для предметов с поверхности VII террасы. Слабый люстраж обычен для кремневых изделий с нижней части склона, особенно на участке нижней ископаемой почвы, определенной О.М.Адаменко, использующего номенклатуру М.Ф.Веклича, как "мартоношская" (миндель 1-2). Здесь на месте плоскостного смыва в 1982 г. была хорошо обнажена ископаемая почва, из которой извлечено 4 кремневых изделия в известковистых "рубашках", почти неотличимые от обычных карбонатных конкреций. В отличие от местонахождения Погребы здесь не было проведено раскопок, вскрывших все субэральные отложения. На Большом фонтане было заложено несколько шурфов и сделаны расчистки по стенкам траншей мелиораторов и газопровода. Очень важное значение имело совместное изучение с геологами трех шурфов, расположенных по склону. Первый шурф располагался непосредственно вблизи тылового шва VII террасы, вскрывая днепровский

лесс, в котором найдено несколько каменных изделий. Второй шурф находился в средней части склона. Он вскрыл "сульский" лесс, синхронизирующийся со стадиалом миндель 3. Здесь на глубине 0,7 м обнаружен отщеп. Всего в четвертичных отложениях было найдено 17 каменных изделий. Из них 5 происходят из мартоношской почвы и 12 из лессово-почвенных слоев средней и верхней части склона. Это количество может быть увеличено за счет предметов из выбросов траншей и найденных на участках плоскостей смыва ископаемой почвы. В последнем случае все находки имели мощные известковистые натёки аналогичным тем, которые характерны для кремневых изделий из слоя. Около двух десятков каменных изделий выявлены в суглинке VIII террасы, но в отвалах, образовавшихся при раскопке кургана, расположенного на кромке террасы.

Основную массу находок составляет подъемный материала, рассматриваемый здесь как единичный. Коллекция состоит из 427 каменных изделий, в их числе 74 нуклеуса, 114 орудий, 211 отщепов и обломков, 28 осколков и 12 галечных форм. В качестве сырья использовались те же породы камня, что и в Погребях, но в отличие от них, здесь абсолютно преобладает высококачественный кремнь - 97%. Остальные - трещиноватый серый кремнь, кварц, известняк, карпатская галька - единичны. Показательно, что из серого грубого кремня было всего 4 предмета. Налицо разные сырьевые источники.

Многочисленные нуклеусы, преимущественно мелких и средних размеров подразделяются на радиальные - 30, одноплощадочные массивные - 7, многоплощадочные (многогранники) - 5, пирамидальные - 3, атипичные - 29. Последние часто использованы как орудия; много ядрищ заключительной стадии расщепления. Сколы имеют те же характеристики, что и сколы местонахождения Погребы.

Вторичная обработка почти неотличима от вторичной обработки, выявленной в Погребях. Незначительные отличия касаются бифасиальной обработки и оббивки. Первая выразительнее в дубоссарской коллекции, вторая - в погребской. В этом, вероятно, сказываются различия в характере сырья. В Погребях оно происходило из галечников VII террасы и отличалось более низким качеством, в Большом фонтане - из галечников VIII террасы Днестра, представленных, в основном, высококачественным кремнем.

Среди орудий представлены как галечные, так и орудия на отщепах. Галечные здесь не столь многочисленные как в Погребях: их только 19 экземпляров. Подлинных чопперов всего 3: на кварцевой гальке, использовавшейся в качестве отбойника, на карпатской (рис.3:1) и обломке гальки грубого серого кремня. В последнем случае это комбинированная форма, где чопперу на одном конце противолежит раба - на противоположном (рис.3:8). Сюда можно включить небольшое массивное острие на кремневой гальке (рис.3:13). Два крупных изделия из окатанных кремневых обломков можно рассматривать как "первичные орудия" (термин А.Е.Матюхина). На острых краях имеются хорошо выраженные фасетки ретуши (следы изношенности)? К чоппингам следует отнести небольшое орудие на окатанном кремневом осколке. Его рабочий край выделен чередующимися снятиями, создающими зубчатый контур. Серией из 6 орудий представлены изделия высокой формы на окатанных кремневых осколках со скребко- или скребловидными рабочими краями, как правило, крутыми. Их размеры варьируют от 80 до 42 мм. Близки вышеописанным формы с двусторонней (4 экземпляра) и чередующейся (2 экземпляра) обработкой. Значительный интерес представляют два унифаса, с противоположной стороны покрытые галечной коркой (рис.3:10). Дорсальная сторона почти сплошь обработана оббивкой в сочетании с чешуйчато-ступенчатой ретушью. Предмет удлиненной формы можно рассматривать как протолимас. Близкую форму имеет орудие на удлиненном отщепе, обработанное в той же манере, что и выше описанное. По характеру вторичной отделки им аналогичны еще два обломка лимасов.

Среди орудий на отщепах скребла являются самыми многочисленными. Их 40 экземпляров. Они подразделяются на скребла высокой формы - 5, простые однолезвийные - 24 (из них 10 с естественными обушками), двойные - 2, угловатые - 2 (в их числе 1 на мелкой гальке (рис.3:12)), поперечные - 4 (3 диагональные), 1 ретушированное с бруска и 2 с чередующейся обработкой (извилистое лезвие напоминает край чоппинга). Среди скребел много типичных с ретушью чешуйчато-ступенчатой, включая полукина, что отличает их от скребел из тайяжскоэвенозийских коллекций (Старые Дуруиторы, Мерсына, Хоробра).

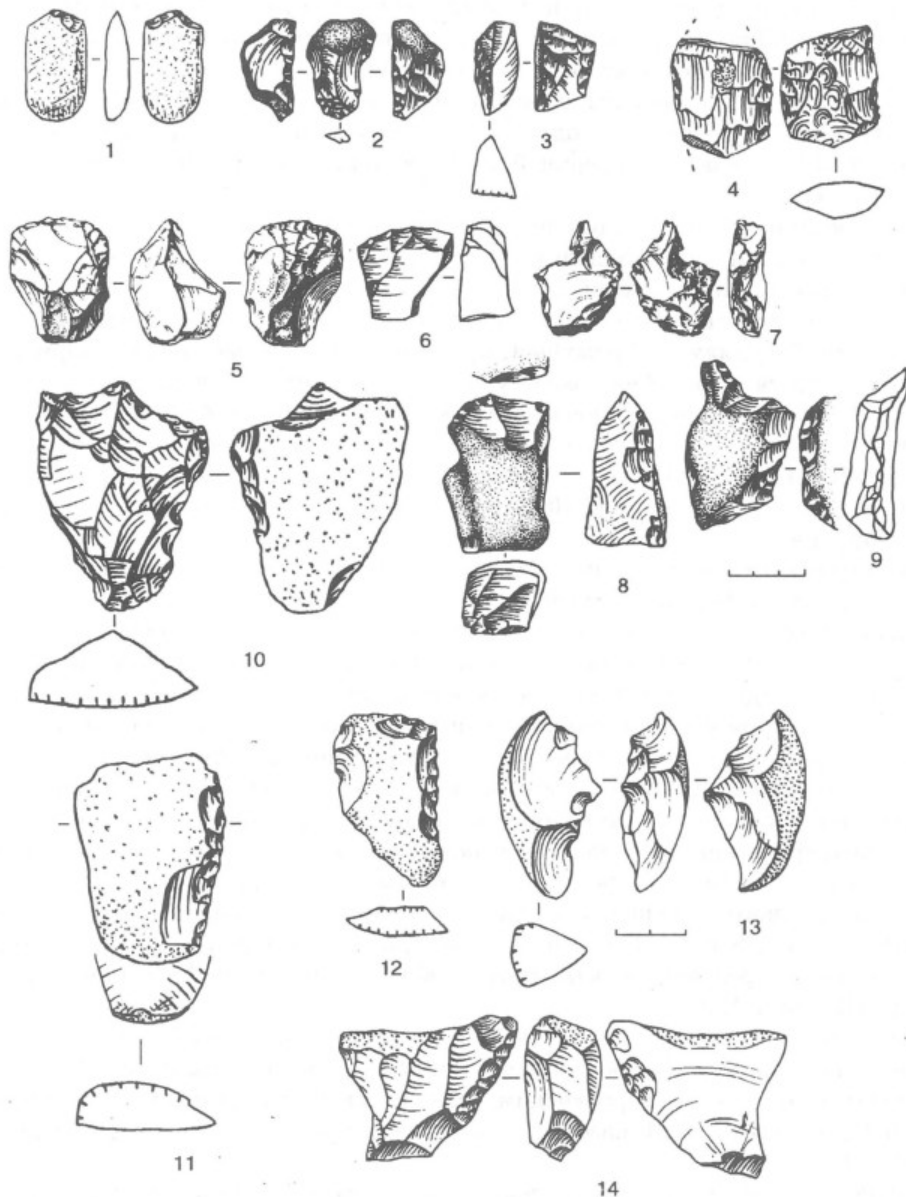

Рис.3 Дубоссары-Большой фонтан. Каменные изделия. 1-9 - изделия одного масштаба: 1,5 - галечные орудия, 2-3 - скребла высокой формы, 4 - обломок бифаса, 5 - галечное орудие, 6 - скребловидное орудие высокой формы, 7,9 - скребла с чередующейся ретьюшью краев, 8 - чоппер-рабо. 10-11 - изделия одного масштаба: 10 - унифас, 11 - скребло (днепровский лесс). 12-14 - изделия одного масштаба: 12 - скребло угловатое (dejete) на гальке (мартоношская почва), 13 - галечное орудие-острие, 14 - скребло (поверхность мартоношской почвы).

Fig.3 Dubossary - The Large Fountain. Stone objects. 1-9 - objects of the same scale: 1,5 - shingle tools, 2-3 - carinate end-scrapers, 4 - fragment of a biface, 5 - a shingle tool, 6 - a carinate scraper-like tool, 7,9 - side-scrapers with alternate retouch, 8 - a chopper, 10-11 - objects of the same scale: 10 - a uniface, 11 - a side-scraper (Dnieper loess), 12-14 - objects of the same scale: 12 - an angular side-scraper (dejene) on shingle (Martonoshskaaya soil), 13 - a shingle point, 14 - a sidescraper (the surface of Martonoshskaaya soil).

Скребок всего 7 экземпляров, 2 резца и 2 ножа с естественными обушками. Все скребки атипичные, в их числе 3 на ударных площадках отщепов. Столь же атипичны "резцы".

Выемчатые орудия малочисленны - 5 экземпляров. В их числе только один с клетонской выемкой. Более обильны зубчатые орудия - 15. У 9-ти имеются естественные обушки. Обращает на себя внимание одно орудие на отщепе леваллуа с фасетированной ударной площадкой (оно найдено в верхней части склона, где под тонким пахотным слоем был днепровский лесс).

Тайякских острий всего 5. Одно из них, удлиненной формы, напоминает лимас, обработано двусторонней плоско-выпуклой ретушью. Самое выразительное острие найдено на поверхности мартоношской почвы.

Клювовидных орудий немного - 5 (острие и 4 резака). Последние невыразительны и их точнее назвать "орудиями с режущей кромкой". Эти клювовидные формы очень существенно отличаются от подобных же орудий из тайякских коллекций.

Бифасиальные орудия представлены обломком подлинного бифаса, являющегося, видимо, ручным рубилом (рис.3:4), обломком удлиненной формы с плоско-выпуклой обработкой и небольшим бифасом с обушкой. Последний близок типу "Keilmesser" Центральной Европы (Mania 1988:1060). Два обломка можно рассматривать как неоконченные орудия.

Среди маловыразительных орудий обращает внимание массивное кремневое изделие, которое можно отнести к формам "кинсон".

Описанная здесь индустрия отличается как от хорошо изученного мустье рассматриваемого региона, так и от более ранних памятников, включая нижние слои грота Старые Дуруиторы, где стандартизация более отчетлива. Это нефасетированная и непластинчатая индустрия с примитивной техникой, где господствуют массивные отщепы неправильных форм с распространенными, но уплощенными бугорками. В качестве заготовок нередко использовались осколки и обломки, включая фрагменты галек. Сравнительно многочисленны галечные орудия, в их числе чопперы и чоппинги, а также унифасы и специфические скребла с чередующейся обработкой "под чоппинги". Господствуют скребла, высокой формы и типичные, нередко с ретушью полу-кина. Зубчатые орудия немногочисленны, а выемчатые единичны. Малочисленны и атипичны позднепалеолитические формы. Все это отличает данные материалы от "дуруиторской" индустрии, которая определяется как тайяк, обладающий специфическими местными особенностями (Кетрару 1991).

Как особое явление следует выделить "дубоссарскую индустрию", которая пока еще мало изучена. Она близка, в первую очередь, комплексам раннего палеолита Центральной Европы и некоторым западноевропейским. На Русской равнине сходная индустрия изучена Н.Д.Прасловым в Приазовье: местонахождения Хрящи и Михайловское (Праслов 1968, 1984).

Естественно, трудно в данном случае говорить об абсолютно чистом комплексе. Каменные изделия найдены в переотложенном положении в рисских, миндель-рисских и миндельских отложениях. Причем, как мы уже отмечали выше, налицо единичная примесь более совершенных форм орудий, хотя известны очень древние индустрии, где "поздние" формы орудий обычны. Обратим внимание на такую широко известную коллекцию как Хай Лодж в Англии, где мустьерская по облику индустрия, но примитивная технически, синхронна раннему ашелю (Cook 1991:133-138). Для определения возраста очень важное значение имеют находки каменных изделий, датированных ранним временем непосредственно в четвертичных отложениях. Материал из Дубоссар частично найден в скульском лессе, а также на поверхности плоскости эрозии мартоношской почвы. Он может быть древнее мартоношского горизонта (то есть интерстадиал миндель 1/2) (Адаменко 1990:5). Датировка каменных изделий местонахождения Большой фонтан миндельским временем подтверждается и архаичностью индустрии и топографией местонахождений, связанных с кромкой высоких террас, что не случайно. В Погребах наиболее вероятны поселения на берегу большого водоема, которым явился "тилигульский лиман", выявленный в разрезе. Здесь, ниже завадовской ископаемой почвы, представлены слоистые супеси, в которых обнаружена микрофауна, включая корофинид, обитающих на морских мелководьях. По заключению О.М.Адаменко: "полученные данные указывают на образование грубослойистой пачки

разреза Погребы не в озере, как предполагалось при полевом фациально-литологическом ее изучении, а в древнем лимане. Этот лиман в тилигульское время (конец раннего плейстоцена) по долине палео-Днестра внедрился в сушу, видимо значительно глубже, чем это считалось ранее (по крайней мере, до широты г. Дубоссары)" (Адаменко 1987:32). Не исключено, что часть поселений в районе Большого фонтана также связана с прибрежной частью этого лимана. Во всяком случае, сходство коллекций изучаемых нами местонахождений, вплоть до тождества, указывает на их близость во времени. При очень медленной эволюции в раннем палеолите различия даже в несколько десятков тысяч лет не имеют значения. А разница в количестве галечных орудий, как отмечалось, объяснима различием качества сырья. Сходное явление зафиксировано на стоянке Изерни в Италии, где на двух разных участках наблюдалось различие в сырьевом материале и в количестве галечных орудий. Последние были многочисленны там, где преобладали крупные гальки из известняка (Cremaschi 1988).

Приуроченность поселений к кромкам высоких террас давала древним людям в данном конкретном случае, определенные преимущества: хороший обзор долины, постоянный источник сырья, получаемый из галечников и, вероятно, наличие скальных убежищ в цоколях этих высоких террас (Адаменко 1990). Это были разные по продолжительности обитания поселения, на которых очаги горели долго и интенсивно (поверхность некоторых каменных изделий растрескалась от воздействия огня, а затем покрылась патиной), но функционально, как можно предположить, они существенно не различались. В дальнейшем, вероятно в рисское время, эрозия разрушила эти стоянки, кремни были постепенно снесены вниз по склону, где вторично погребались. Последующая эрозия, связанная в значительной мере и с деятельностью человека, частично разрушила покровные почвенно-лессовые отложения, вновь обнажив кремневые изделия, которые превратились в "подъемный материал".

Существование поселений в рисское время маловероятно. Климатические условия, как показывают палеоботанические исследования (Левковская, Анисюткин 1989), были очень суровыми и стоянки должны были находиться в нижней, защищенной от холодных ветров, части долины: на 50 м ниже местонахождений. Человек посещал эти места лишь эпизодически. Маловероятно существование поселений в периоды климатических оптимумов миндель-рисса из-за распространенности лесов и отсутствии эрозии обнаженной на местах выхода древних галечников. Наиболее благоприятные условия для существования и функционирования поселений были именно в миндельское время, когда, как показывает споро-пыльцевой анализ, выполненный С.И.Медяник, господствовали степные и лесостепные ландшафты (Адаменко 1987:34).

Общий облик дубоссарской индустрии, древнейшей в регионе, соответствует облику синхронных индустрий Центральной и Западной Европы, и отличаясь некоторыми деталями (малочисленность остроконечных форм у нас и относительное обилие их в Верешсоллеш и Бильцингслебене), значимость которых не следует переоценивать, если принять во внимание низкий уровень стандартизации в домустьерское время.

Необходимы дальнейшие исследования на местонахождениях, которые помогут обнаружить участки со скоплением археологического материала или даже найти фрагменты культурного слоя хорошей сохранности. Нет сомнения в том, что в регионе могут быть найдены еще более древние памятники, аналогичные по времени тем, которые известны в Европе в настоящее время.

К сожалению, дальнейшие исследования здесь сейчас невозможны по причине политической нестабильности.

АДАМЕНКО, О.М. 1987. Обоснование возраста и восстановление природных условий обитания первобытного человека на археологических стоянках Молдавского Приднестровья. Кишинев.

1990. Геологические и палеогеографические проблемы лессового раннего палеолита на Юго-Западе СССР. // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: 3-5. Новосибирск.

АНИСЮТКИН, Н.К. 1989. Домустьерское местонахождение у с.Погребы на Нижнем Днестре и положение индустрии в раннем палеолите Европейской части СССР и

- сопредельных территорий. // Четвертичный период. Палеонтология и археология: 124-137, Кишинев: Штиинца.
- БОРИСКОВСКИЙ, П.И. 1953. Палеолит Украины. Материалы и исследования по археологии СССР 40. Москва, Ленинград.
- ВЕКЛИЧ, М.Ф. 1968. Стратиграфия лессовой формации Украины и соседних стран. Киев: Наукова думка.
- КЕТРАРУ, Н.А. 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта МССР. Вып.1, Кишинев: Штиинца.
1991. Производственные комплексы раннего палеолита Молдовы. Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы. Киев: Штиинца.
- ЛЕВКОВСКАЯ, Г.М., Н.К.АНИСЮТКИН. 1989. Первые данные о палинологической характеристике палеолита в разрезе Погребы. Четвертичный период. Палеогеография и литология: 97-102. Кишинев: Штиинца.
- ПРАСЛОВ, Н.Д. 1968. Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона. Материалы и исследования по археологии СССР 157. Ленинград.
1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма. Археология СССР. Палеолит СССР. Москва: Наука.
- BOSINSKI, G. 1967. Die Mittelpäolithischen Funde im westlichen Mitteleurope // Fundamenta A/4. Köln-Graz.
1983. Eiszeitjager im Neuwieder-Becken. Archaologie an Mittelrein und Mosel 1.
- COOK, J., N.ASHTON. 1991. Highlodge Mildenhall // Current Archaeology 123. Vol. XI/3: 133-138.
- CREMASCHI, M., C.PERETTO. Les sols d'habitat du site Paléolithique d'Iseknia la Pineta // L'Anthropologie 92/4: 1017-1039.
- LUMLEY, H. de. 1976. Les civilisations du Paléolithique inferieur en Languedoc mediterranéen et en Roussillon. Le Prehistoire Francaise I. Paris.
- MANIA, D. 1988. Le Paléolithique ancien et moyen de la region de la Saalo et de l'Elbe, Allemagne de l'Est. L'Anthropologie 92/4: 1051-1092.

THE EARLIEST SITES OF THE EARLY PALAEOLITHIC IN THE SOUTH-WEST OF THE RUSSIAN PLAIN.

Summary

Early Palaeolithic sites Pogreby and Dubossary-Bolshoi Fontan in the lower Dniester region are connected with fragments VI and VII of the Dniester terraces above the floodlands. Subaerial sediments of these terraces are formed by loess-soil complexes, several metres thick, of the Early and Middle Pleistocene. This is a peculiar section where horizontally lying sediments, exposed not on a vertical section (as usual) but on a "screen" inclined towards the river, are only slightly "sprinkled" with a thin arable layer. The latter is not a real Holocene soil but a product of the modification of underlying layers. The collections of stone tools mainly consist of those found on the surface, only a small number of stone objects being uncovered in Pleistocene sediments. Single objects were found in the Dnieper (Riss) loess, Zavadovsk (Mindel-Rissien) fossilized soil as well as in Sulsk loess and Martonoshk soil of the Mindel period (Fig.1). Palaeolithic artefacts, made of different kinds of flint and some other materials (quartzite, quartz, sandstone, limestone), have a white patina and a lustree. The latter is the most intensive in the upper part of the slope (section) with the Dnieper loess and the least intensive in the lower part (Mindel sediments in Dubossary). This testifies to the redeposition of the material from the surface of the upper terraces. Interdisciplinary studies have confirmed these conclusions about redposition of the material. Estuary sediments of the second half of the Mindel period have been revealed. The

ancient estuary spread along the pra-Dniester valley up to the latitude of Dubossary. Ancient people probably settled on its banks. The sites are located near the outcrops of ancient pebbles which were used as raw material. The presence of strongly fired and cracked flint objects which were later covered with patina points to the fact that the hearths used to be burnt here for a long time and intensively. Later, apparently during the Riss glacial period, these sites were destroyed by erosion, the flints were carried down the slope where they were buried for the second time in the upper part of Early Pleistocene sediments. Subsequent erosion, mainly caused by human activities, partly destroyed the topsoil-loess sediments. Thus, stone artefacts were uncovered again and became surface finds. The industry which can be tentatively termed the Dubossary industry (taking into account its uniqueness for the South-West of the Russian Plain) is presented by numerous small flint tools and large pebble forms. The latter are made mainly of low-quality raw material. Among the pebble tools there were choppers and chopping tools as well as smaller side-scraper forms with steep retouch of the edges. True handaxes are absent. Fragments of bifaces predominate. Among the several intact ones there are forms with natural backs. Side-scrapers are absolutely predominant including the typical ones with demi-quina retouch as well as specific forms with alternate retouch resembling chopping tools on flakes (Fig.2:2 and Fig.3:7,9). Unifaces (Fig.3:10) and protolimaces are very few. Denticulated and notched tools are of minor importance. End-scrapers and burins are scanty and atypical. Not only huge clactonian flakes but also pebble fragments were blanks for the tools (Fig.2:3 and Fig.3:9,10,12,13). This industry in its general features is close to the Early Palaeolithic of Central Europe and in a lesser degree of Western Europe in terms of the complexes without typical handaxes and with predominant small tools including larger pebble forms. On the Russian Plain, a similar industry was studied by N.D.Praslov on the Seversky Donets (Khriatschi, Mikhailovskoye). Further investigations may result in the discovery of more ancient sites.

Функциональное назначение двусторонне обработанных орудий мустьерской стоянки Заскальная V в Крыму

В.Е. Щелинский*

Двусторонне обработанные орудия являются характерным компонентом инвентаря целого ряда мустьерских индустрий Центральной и Восточной Европы, составляющих, вероятно, один культурный ареал (Праслов 1984:111). Появляется все больше сведений о наличии такого рода орудий, подобных европейским, и на мустьерских стоянках сопредельной к югу территории Северо-Западного Кавказа (Любин 1984:69; Голованова 1991:33-36).

Надо сказать, что эти орудия, по сравнению с орудиями, оформленными односторонней краевой обработкой, отличаются сложной морфологией и более упорядоченной конструкцией. Поэтому их надо отнести к наиболее информативным изделиям, особенно важным в плане изучения факторов формообразования, типологии орудий и конкретных культурных традиций в технологии обработки камня нижнего палеолита. Мустьерские двусторонне обработанные орудия (бифасы) нередко обработаны с большим мастерством и очень выразительные. Причем в разных индустриях они имеют свои типологические особенности. Среди них различают листовидные наконечники, остроконечники, ножи, скребла и другие орудия, подразделяемые, когда это возможно, на типы (Bosinski 1967; Гладилин 1976:61-76; Колосов 1986:10-106).

Большое количество таких орудий обнаружено Ю.Г.Колосовым, в частности, на многослойной мустьерской стоянке Заскальная V, расположенной в предгорьях крымских гор в районе г.Белогорска (Восточный Крым). Здесь они удивительно разнообразны и в значительной мере именно на них автором раскопок обосновывается вывод о существовании своеобразной аккайской мустьерской культуры, объединявшей несколько стоянок (Колосов 1983:185-140). Заслуживает внимания опыт Ю.Г.Колосова в технико-типологической группировке орудий. Следует заметить, что подход его к подразделению интересующих нас орудий, по-существу, сходен с подходом Г.Босинского, систематизировавшего среднепалеолитические материалы Центральной Европы (Bosinski 1967:30-38). Используются в некоторых случаях и названия типов изделий, предложенные немецким исследователем. Вместе с тем подразделения двусторонне обработанных орудий у Ю.Г.Колосова более дробные, а классификационные признаки в основном другие. Среди бифасов выделяются в первую очередь многочисленные ножи. Это весьма разные орудия. Часто они имеют площадку для упора пальца, которая может быть намеренно изготовленной или естественной, покрытой коркой, в виде грани или комбинированной. Кроме того, выделены ножи типа прондник, дисковидные, сегментовидные, треугольные, аккайского типа и с ручкой. Другие двусторонне обработанные орудия описаны как остроконечники, скребла, бифасы-рубила и наконечники копий (Колосов, 1983:37-103). Эту попытку разделения коллекции бифасов на типы, очевидно надо рассматривать как предварительную. Исследователю, на наш взгляд, пока не удалось в должной мере раскрыть ни типологию, ни функции орудий, поскольку не были четко разграничены и выдержаны соответствующие уровни изучения материала. Ведь совершенно ясно, что для полноценного типологического и функционального анализов орудий должны были быть использованы разные методики. К сожалению, такие специальные методики не были применены к аккайским бифасам. Особенно неудовлетворительным следует признать способ функциональной интерпретации этих орудий. Взять хотя бы "ножи". В качестве главного критерия их выделения принимается наличие на орудиях "площадки для упора пальца". Эта площадка, несомненно, служила цели аккомодации орудия к руке. Однако,

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трасологическая лаборатория.

почему данный элемент конструкции орудий надо оценивать только как признак ножей? Он в такой же степени практически полезен и для многих других ручных инструментов: рубящих орудий, скребков и так далее. В ряде случаев исследователь отступает от выбранного критерия и относит к ножам орудия без "площадки для упора", но не указывает на какие-либо иные диагностические признаки. Таковы, в частности, ножи типа прондник и треугольные ножи. Последние отличаются правильной формой и больше похожи на наконечники.

Таблица 1.

Типологические подразделения орудий	Орудия со следами сработанности	Орудия плохой сохранности	Количество орудий
Наконечники	11	4	15
Орудия остроконечные обушковые			20
<i>однолезвийные</i>			12
подтреугольные	2	-	2
подтреугольные удлиненные	3	1	4
подтреугольно-сегментовидные	5	-	5
подлистовидное асимметричное	1	-	1
<i>однолезвийные с редуцированным вторым лезвием</i>			8
подтреугольные	2	3	5
подтреугольные удлиненные	2	1	3
Орудия остроконечные двулезвийные			51
подтреугольные	12	5	17
подтреугольные удлиненные	10	4	14
подтреугольно-сегментовидные	11	6	17
сегментовидные	2	-	2
подлистовидное асимметричное удлиненное	-	1	1
Орудия остроконечные двулезвийные обушковые			22
подтреугольные	4	3	7
подтреугольные удлиненные	3	-	3
подтреугольно-сегментовидные	10	1	11
трапециевидное	1	-	1
Орудия без острия			6
<i>Однолезвийные</i>			2
овально-удлиненное	1	-	1
сегментовидное	1	-	1
<i>Однолезвийные с подтеской дистального конца</i>			2
овальное	1	-	1
овально удлиненное	1	-	1
<i>Двулезвийные</i>			2
овальное	1	-	1
сегментовидное	1	-	1
Всего	85	29	114

В нашу задачу, разумеется, не входил детальный типологический анализ двусторонне обработанных орудий стоянки Заскальная V. Однако те из них, которые мы взяли для функционально-трасологического исследования, нам надо было как-то сгруппировать, причем таким образом, чтобы уже на первой визуальной - морфологической стадии анализа получить определенную информацию не только об особенностях конструкции, но и функциональном назначении орудий. Дифференцируя орудия, мы принимал во внимание

их симметричность или асимметричность, наличие или отсутствие у них острия и обушка (изготовленного или естественного), количество лезвий, общую форму и некоторые другие менее значимые морфологические признаки орудий. При этом надо подчеркнуть, что наделять орудия функциональными названиями до специального изучения их функций мы считаем неправомочным, поскольку это не дает ничего, кроме путаницы понятий. Исключением является, пожалуй, только орудия в виде наконечников, основная функция которых представляется более или менее ясной без трасологического изучения.

Из инвентаря стоянки нами исследовано 114 двусторонне обработанных орудий, изготовленных из хорошего мелового кремня. Орудия эти были взяты из разных культурных слоев стоянки, причем преднамеренного отбора их по типам, кроме того, что они должны быть с двусторонней обработкой, не проводилось. Выбраны были только целые орудия. Следует сказать, что во всех случаях выполненных нами функциональных определений орудий мы опирались только на четкие достаточно информативные следы сработанности. При этом решающее значение имел анализ микрозаполировок и линейных проявлений износа (Щелинский 1987:295; 1991:105).

Об основных типологических характеристиках и составе изученных орудий дает представление таблица 1. Как видно из нее, выделяется несколько групп орудий, имеющих существенные морфологические различия.

Посмотрим, что представляют собой эти орудия в функциональном отношении. Начнем о анализа наконечников.

Наконечники. К этой категории бифасов мы отнесли двусторонне- и частично двусторонне обработанные орудия симметричных пропорций листовидной, треугольной и ромбовидной формы с хорошо выраженным острым дистальным концом и обработанным основанием.

Ю.Г. Колосовым и инвентаре стоянки было отмечено 4 таких орудия, происходящих из I, II и VI культурных слоев. Однако описано и опубликовано 1 орудие (Колосов 1983:106, табл. LXX,3), которое мы, к сожалению, не видели. Судя по рисунку, речь идет о крупном треугольном удлинненном наконечнике с утонченным выпуклым основанием.

Нами было выделено среди бифасов Заскальной V 15 наконечников (Рис.1:1-8). В ряде случаев хорошо видно, что исходными заготовками для них служили отщепы и небольшие естественные плитки кремня. Некоторые орудия не закончены обработкой (Рис.1:3-8).

По форме эти орудия распределяются следующим образом:

Листовидные (4)

с выпуклым основанием.....3
с вогнутым основанием.....1

Треугольные (8)

с выпуклым основанием.....4
с прямым основанием.....1
с вогнутым основанием.....1
с грубо обработанным основанием.....2

Треугольные удлинненные (2)

с выпуклым основанием.....1
с прямым основанием.....1

Ромбовидный.....1

Орудия и целом небольшие. Длина их колеблется в основном от 4,2 до 6,4 см (12 орудий). Только 2 орудия крупные, длиной 10,3 и 11,2 см. Оба эти последние орудия - листовидные.

Следы от использования обнаружены на 11 орудиях, которые согласно этим следам служили :

- мясными ножами (7)
- орудиями, закрепляемыми в древках (2)
- орудием, закрепляемым в древке, и скребком для шкур (1)
- проколкой для шкур (1)

Как видим, функции наконечников оказались довольно широкими, хотя чаще всего они были мясными ножами. Имеются среди них скребок и проколка для шкур. Налицо отсутствие однозначной связи между формой и функцией наконечников. Однако обращает на себя внимание вот какое обстоятельство. Почти половина изношенных наконечников являются в той или иной мере незаконченными орудиями. Те же из них, которые сработаны как скребок и проколка имеют к тому же признаки частичной переделки первоначальной формы орудий и специального повторного приспособления их для скобления и прокалывания. Все это дает возможность предположить, что функции наконечников, установленные по следам сработанности, являются в какой-то мере не самыми главными функциями данной категории орудий. В случаях переделки орудий сомнений, пожалуй, не возникает. Сложнее выяснить функциональное назначение, главные функции наконечников непереоформленных, хотя априори можно полагать, что они изготовлялись как наконечники копий. Об этом достаточно определенно свидетельствуют прежде всего общая конструкция и характер отделки орудий, приспособляющие последние для применения в соединении с древком. Вопрос состоит в том, использовались ли наконечники стоянки по назначению? Функционально-трасологическое изучение позволяет ответить на него утвердительно, хотя применительно к изучаемой коллекции орудий мы располагаем только косвенными данными. Имеются в виду, в частности, 3 орудия, на которых обнаружены следы изнашивания от использования их, на наш взгляд, именно как наконечников. Речь идет, однако, не о самих следах изнашивания от ударно - проникающей функции наконечников (характерных сломах дистальных концов орудий). На этих наконечниках прослежены только специфические следы заполировки поверхности, которые идентифицируются как следы изнашивания от закрепления предметов в деревянных основах (древках). Примечательно, что наконечники с изношенной поверхностью оказались треугольной формы, но с разными по конфигурации основаниями: выпуклым, вогнутым и прямым (Рис.1:1,2,6).

Почему же отсутствуют прямые трасологические свидетельства применения наконечников в работе по назначению? Объяснение этому, как нам представляется, надо искать прежде всего в самой специфике изнашивания такого рода орудий при использовании. Сошлемся, в частности, на данные наших экспериментов, которые показали, что следы изнашивания с микроскопическими параметрами (заполировка, линейные следы) проявляются на наконечниках копий довольно слабо. Поэтому понятно, что обнаружение и идентификация их на археологических материалах нередко бывает сложным делом тем более в тех случаях, когда материалы эти не самой лучшей сохранности. Более надежными трасологическими показателями ударно-проникающей функции наконечников являются следы сработанности, видимые невооруженным глазом, в виде специфических сломов и чешуйчатого повреждения дистальных концов орудий (Fisher, Hansen and Rasmussen 1984; Genest et Plisson 1986; Plisson, Genest 1989). Но и они образуются на орудиях лишь в экстремальных условиях, а именно, когда наконечник копья с силой ударялся, обычно при промахе удара, в дерево, камень или кость. Только в этих случаях наконечник ломался или же на его боевом конце появлялись характерные повреждения, важные для функциональной диагностики орудий. Исследованные орудия, по всей вероятности, не были в подобных ситуациях. Вместе с тем, не обнаруживая на наконечниках соответствующих следов сработанности, мы не должны забывать и того, что некоторые из этих орудий, найденные на месте, где они изготовлялись или ремонтировались, попросту и не могли использоваться для своих основных функций. Кроме того, среди них несомненно имеются незаконченные и отбракованные изделия.

Двусторонне обработанные орудия других категорий. При первичном анализе и группировке более многочисленных двусторонне обработанных орудий стоянки, которые по форме не могут быть отнесены к наконечникам (99 экз.), мы также придавали определяющее значение основным формообразующим признакам изделий : наличию остря, обушка, одного или двух рабочих лезвий. Но поскольку функциональная интерпретация данных признаков может быть достаточно широкой, мы предпочли обозначать эти орудия не функциональными, а нейтральными по отношению к функции описательными терминами. Учитывая сказанное, среди таких орудий стоянки выделены 4 относительно самостоятельных подгруппы изделий, внутри которых сделаны дополнительные подразделения их отражающие общую форму орудий (Табл.2).

Таблица 2.

Двусторонне обработанные орудия	1	2	3	4	5	6	Количество орудий
Остроконечные обушковые однолезвийные							
подтреугольные	1	1					2
подтреугольные удлинённые	3						3
подтреугольно-сегментовидные	5						5
подлистовидное асимметричное	1						1
однолезвийные с редуцированным вторым лезвием							
подтреугольные	2						2
подтреугольные удлинённые	1	1					2
Остроконечные двулезвийные							
подтреугольные	9	1		1	1		12
подтреугольные удлинённые	6	1			2	1	10
подтреугольно-сегментовидные	9	1	1				11
сегментовидные	2						2
Остроконечные обушковые двулезвийные							
подтреугольные	3				1		4
подтреугольные удлинённые	3						3
подтреугольно-сегментовидные	9		1				10
трапецевидное	1						1
Без острия и обушка							
однолезвийные							
овально удлинённое	1						1
сегментовидное	1						1
однолезвийные с подтеской дистального конца							
овальное	1						1
овальное удлинённое	1						1
двулезвийные							
овальное	1						1
сегментовидное	1						1
Всего	61	5	2	1	4	1	74

1. Мясные ножи.
2. Ножи для дерева-кости (рога).
3. Мясные ножи, ножи для дерева-кости (рога).
4. Скребок для шкур.
5. Проколка для шкур.
6. Скребок для шкур, дерева-кости (рога).

Орудия в целом крупнее наконечников. Преобладают орудия средних размеров длиной 4,5 - 8 см (66), но много и крупных, длина которых колеблется от 8,1 до 14,8 см (32 экз.).

Следы сработанности выявлены на 74 орудиях. Среди них представлены все выделенные нами крупные группы и подавляющее большинство мелких морфологических подразделений изделий. Тем самым, отпадает какое-либо сомнение в том, что перед нами действительно подлинные, хотя и удивительно разные по форме, орудия труда, а не заготовки или отбракованные экземпляры орудий. При этом необходимо ответить, что следы сработанности распространяются, как правило, по всей линии лезвий, но максимум износа наблюдается обычно на остриях и других краевых выступах орудий. Весьма показательно и то, что почти на всех сработанных орудиях, наряду с изношенными лезвиями, имеются также следы локального истирания (пришлифовка, заполировка, ли-

нейные следы) на поверхностях, которые являются ничем иным как следами изношенности от многократного захвата орудий рукой. Причем заслуживает внимания факт что этот износ поверхности во многих случаях является значительно более сильным, чем износ на лезвиях и остриях орудий. Данное наблюдение имеет исключительно важное значение, так как неоспоримо указывает на то, что орудия использовались в работе длительное время и при затуплении неоднократно подправлялись дополнительной обработкой. В индустрии стоянки Заскальная V для этих целей широко применялся, наряду с повторной оббивкой и ретушью, интересный прием особой подтески. Последняя заключалась в том, что затупившаяся кромка лезвия как бы стесывалась снятием от конца острия или суженного края продолговатого, тонкого, плоского, продольного или диагонального скола, практически мало изменявшего первоначальный угол заострения рабочего лезвия орудия.

Различались ли функции разных по форме орудий? Если мы посмотрим на таблицу 2, то увидим, что как ни странно орудия, независимо от их формы, были преимущественно мясными ножами. Применялись они и в других функциях: для работ по дереву, кости (рогу) и шкурам животных. Однако анализ показывает, что эти последние функции орудий были, скорее, исключением. И действительно, если мясные ножи среди изношенных орудий составляют 82,4% (61 экз.), то орудия с другими функциями - только 17,6% (13 экз.). Отсюда мы можем заключить, что рассматриваемые двусторонне обработанные орудия Заскальной V не только использовались, но и несомненно намеренно изготовлялись главным образом как мясные ножи. Не исключено, что эти ножи были, до некоторой степени, разной специализации. Учитывая особенности конструкции орудий, правомерно различать среди них, по крайней мере, остроконечные и простые мясные ножи. Нетрудно заметить, что в изученной коллекции остроконечные мясные ножи абсолютно преобладают.

В связи с обнаружением среди двусторонне обработанных орудий Заскальной V многочисленных подлинных мясных ножей становится ясно, насколько неоправданны попытки некоторых исследователей выделить в археологических коллекциях категорию ножей лишь по отдельным, пусть даже показательным на первый взгляд морфологическим признакам. Выше уже отмечалось, что Ю.Г. Колосовым - автором раскопок Заскальной V - большая часть двусторонне обработанных орудий этой стоянки была описана именно как ножи на том основании, что многие из них имеют "площадку для упора пальца". В действительности же ножей в инвентаре стоянки оказалось значительно больше. Как показал функционально - трасологический анализ, двусторонне обработанные ножи здесь были весьма разной формы, но далеко не всегда имели специальные обушки, которые, казалось бы, нетрудно было сделать с целью облегчения использования ножей в работе. Удобный захват этих ножей без обушка обеспечивался, надо думать, благодаря шероховатости рельефа поверхности и зазубренности краев, достигнутых двусторонней обработкой орудий. В распределении обушковых орудий примечательно то, что среди них имеются не только мясные ножи, но и орудия других функциональных категорий: ножи для дерева-кости (рога), скребок и даже проколка для шкур. Таким образом, совершенно ясно, что наличие обушка не является специфическим признаком какой - либо функциональной категории орудий. Можно, конечно предполагать, что изготовление разных орудий с аккомодационным обушком было одной из культурных традиций обитателей стоянки. Вместе с тем, очевидно, не последнюю роль играли и особенности исходного кремневого сырья, применявшегося людьми для изготовления орудий. Это сырье имело форму сравнительно тонких плиток с естественными вертикальными плоскостями сломов на краях, которые часто намеренно не удаляли полностью обработкой, чтобы лишний раз не расколоть заготовку, и оставляли в качестве нелишнего элемента конструкции изготавливаемых орудий, использовавшихся для работы без закрепления в древках или рукоятках.

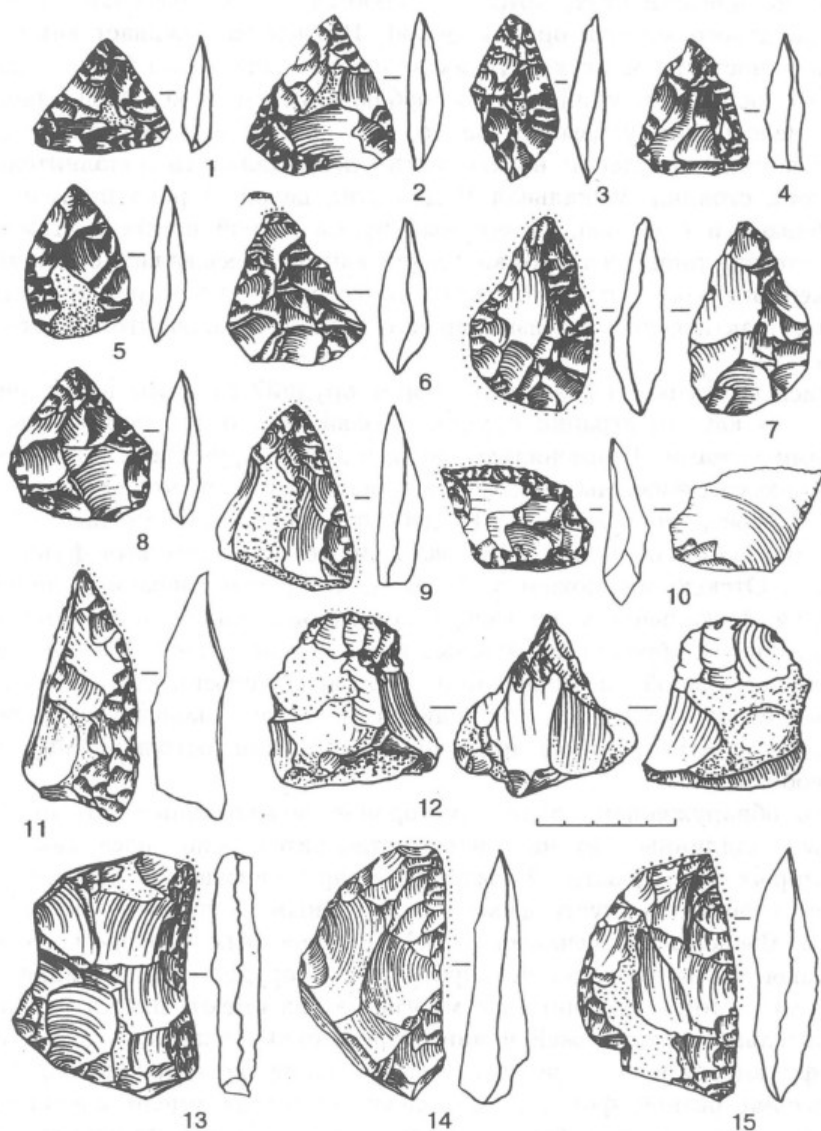

Рис.1 Заскальная V. Каменные орудия. 1-8 - двусторонне обработанные наконечники; 9,11 - остроконечные обушковые однолезвийные бифасы; 10 - угловатое скребло; 12 - клиновидное орудие; 13 - обушковый однолезвийный бифас без острия; 14 - остроконечный обушковый двулезвийный бифас; 15 - остроконечный двулезвийный ассиметричный бифас. Функции орудий: 1,2 - наконечники копий; 3 - без следов сработанности; 4 - проколка для шкур; 5,7,9,11,13,14,15 - мясные ножи; 6 - скребок для шкур; 8 - без следов сработанности; 10 - проколка для шкур; 12 - клин для раскалывания дерева, кости (рога).

Fig.1 Zaskalnaya V. Stone tools. 1-8 - bifacially worked points; 9,11 - backed pointed single-edged bifaces; 10 - an angular scraper; 12 - a wedge-shaped tool; 13 - a backed single-edged biface without a point; 14 - a pointed backed double-edged asymmetric biface; 15 - a pointed double-edged asymmetric biface. Functions of the tools: 1,2 - spearheads; 3 - without use-wear traces; 4 - an awl for skin; 5,7,9,11,13,14,15 - butchering knives; 6 - an end-scraper for skin; 8 - without use-wear traces; 10 - an awl for skin; 12 - a wedge for cleaving wood, bone (antler).

Почему на стоянке много двусторонне обработанных ножей? Ю.Г.Колосов, пытаясь объяснить присутствие большого количества таких орудий в инвентаре стоянки аккайской культуры, в том числе Заскальной V, связывает их с охотой обитателей стоянки на мамонтов, полагая, что свежевать и расчленять туши этих животных можно было только крупными орудиями - бифасами с площадкой для упора руки (Колосов, 1986: 116-118). Утверждение, несомненно, спорное. Достаточно сказать, что хорошо известны мустьерские стоянки с многочисленными костными остатками мамонтов, на которых, однако, двусторонне обработанные орудия отсутствуют или редки. Необходимо также принять во внимание данные экспериментов по разделке туши погибшего в зоопарке слона, которые показали, что при этой работе ни характер отделки, ни размеры орудий не имели существенного значения. Хотя, конечно, крупные орудия (не обязательно бифасы) в чем-то были лучше мелких. Наличие многочисленных бифасов на стоянке Заскальная V и охота ее обитателей именно на мамонтов едва ли имели прямую зависимость. Феномен бифасиального облика заскальнинской индустрии, очевидно, надо объяснять в первую очередь техническими традициями людей, в течении длительного времени применявших для изготовления орудий труда и оружия специфическое по форме местное кремневое сырье (Праслов 1984:104-106). Традиция изготовления двусторонне обработанных орудий, вероятно, в немалой степени поддерживалась также тем, что такие орудия предназначались для длительного использования.

- ГЛАДИЛИН, В.Н. 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова Думка.
- ГОЛОВАНОВА, Л.В. 1991. О двух путях заселения Северо-Западного Кавказа в мустьерскую эпоху. // Древности Кубани. Материалы научно-практической конференции. Краснодар: 34-36.
- КОЛОСОВ, Ю.Г. 1983. Мустьерские стоянки района Белогорска (к вопросу о периодизации раннего палеолита Крыма). Киев: Наукова Думка.
1986. Аккайская мустьерская культура. Киев: Наукова Думка.
- ЛЮБИН, В.П. 1984. Ранний палеолит Кавказа. // Археология СССР. Палеолит СССР: 45-93. Москва: Наука.
- ПРАСЛОВ, Н.Д. 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма. // Археология СССР. Палеолит СССР: 94-111. Москва: Наука.
- ЩЕЛИНСКИЙ, В.Е. 1987. Трасологические признаки функций на каменных орудиях нижнепалеолитических типов (данные экспериментов). // Задачи советской археологии. Тезисы докладов (Суздаль, 1987 год): 294-295. Москва.
1991. Изучение функций орудий нижнего палеолита Прикубанья (методический аспект). // Древности Кубани. Материалы научно-практической конференции: 103-106. Краснодар.
- BOSINSKI, G. 1967. Die Mittelpaleolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. // Fundamenta A/4. Koln-Graz.
- FISCHER, A., P.V.HANSEN, P.RASMUSSEN. 1984. Macro and Micro Wear Traces on Lithic Projectile points. // Journal of Danish Archaeology 3: 21-35.
- GENESTE, J.-M., H.PLISSON. 1986. Le Solutréen de la grotte de Comb-Sauniere I (Dordogne): premiere approche paléontologique. // Galia préhistoire 29: 9-21.
- PLISSON, H., J.-M.GENESTE. 1989. Analyse technologique des pointes à cran solutréennes du Placara (Charente), du Fourneau du Diable, du Pech de la Boissiere et de Combe Saunire (Dordogne). // Paleo I: 65-106.

ON THE FUNCTION OF BIFACES FROM THE MOUSTERIAN SITE ZASKALNAYA V, CRIMEA.

Summary

Bifaces are a typical and, most probably, a culture-distinctive component of a number of Mousterian industries in Central and Eastern Europe. They are characterized by complex morphology and regular design. A large number of such tools was excavated at the Mousterian site Zaskalnaya V, Crimea. What was the function of these tools? A sample of 114 tools has been studied by the function-use-wear method. They are divided into two typological groups according to their outwards features: points (leaf-shaped, triangular, triangular elongated) and bifaces of other categories. Points (15). Nearly half of the tools with use-wear traces were either unfinished or reshaped. They were used for different purposes, mainly as butchering knives. Used according to their function were several triangular spearheads with use-wear traces as a result of fastening to the shaft. The lack of specific use-wear on the spearheads is due to the fact that at the site these tools were mainly made and repaired. Bifaces of other categories (99) are divided into subgroups: backed pointed single-edged, pointed double-edged, backed pointed double-edged, and bifaces without either points or backs. Irrespective of the shape the tools were mainly butchering knives. In other functions they were used very seldom. Bifaced knives were intended for long-term use. In the typological respect, these are the most informative tools.

Палеолитические мастерские в бассейне нижнего Дона

А.Е.Матюхин*

Проблема палеолитических мастерских в последние 25 лет привлекает пристальное внимание многих исследователей. Мастерские это такие памятники, инвентарь которых состоит из каких-то определенных, то есть ограниченных в числовом отношении категорий и типов изделий, например, нуклеусов, пренуклеусов, отщепов, пластин или орудий, в частности, листовидных или треугольных острий, скребков, резцов, и т.п. С учетом двух основных видов направленной производственной деятельности первобытных людей уместно в соответствии с их содержанием выделять и три группы мастерских: а) мастерские по первичной обработке камня, б) мастерские по изготовлению орудий и в) мастерские смешанного типа. В мастерских первой группы много нуклеусов, пренуклеусов, отщепов, пластин и отходов производства и мало орудий. Напротив, инвентарь мастерских второй группы чаще включает невыразительные сколы, многочисленные мелкие осколки и чешуйки, а также незаконченные (реже готовые) орудия и их заготовки.

Кроме собственно мастерских уместно выделять мастерские-стоянки и стоянки-мастерские. Последние следует рассматривать как типичные стоянки, но приуроченные к выходам сырья и содержащие разнообразные типы орудий. Что касается мастерских-стоянок, то здесь присутствуют, с одной стороны, орудия, связанные с хозяйственно-бытовой деятельностью, в частности, скребла, остроконечники, скребки и другие, а, с другой, строго определенные (профильные) типы изделий, например, нуклеусы, пренуклеусы, выразительные отщепы и пластины, незаконченные (реже готовые) орудия и их заготовки - листовидные или треугольные острия, скребки и тому подобные. Все эти изделия, после их изготовления уносились за пределы мастерских, то есть на стоянки, поселения и в охотничьи лагеря, а поэтому инвентарь мастерских всегда обеднен.

Изучение мастерских Русской равнины в широком объеме по сути дела только начинается. Упомянем мустьерские кварцитовые мастерские у ст.Калитвенской Каменского района Ростовской области (Матюхин 1987:83-89), позднепалеолитические мастерские Донбасса (Борисковский 1953:362-370), бассейна Дона (Борисковский 1963:25-191), в долине Северского Донца (Матюхин 1992:10-13). Упомянем также мастерские-стоянки мустьерского времени Антоновку 1 и Антоновку 2 в Донбассе (Гладилин 1976), Рихту (Кухарчук 1989), Житомирскую стоянку (Кухарчук 1991) в Украинском Полесье, Стинку (Анисюткин 1978:5-21) в долине Днестра и другие.

В данной статье мы намерены провести описание позднепалеолитических слоев мастерской-стоянки Бирючья балка 2, расположенной у хутора Кременского Константиновского района Ростовской области (Матюхин 1994). Планомерное исследование памятника проводится с 1988 г. экспедицией Института истории материальной культуры Российской Академии наук. В статье рассматриваются материалы раскопок 1988-1992 гг. В настоящее время проведено предварительное геологическое исследование памятника. Изучение древней растительности, окружавшей мастерскую, еще не закончено. Фаунистические остатки в позднепалеолитических слоях практически не представлены. Абсолютные даты пока отсутствуют.

Памятник располагается в долине Северского Донца, самого крупного притока р.Дон, в 3 км от его древнего берега. Площадь стоянки составляет примерно 10 000 кв. м. Она связана с суглинистым обнажением склона Бирючьей балки, мощность которых в разных местах составляет 9-12 м. Правый берег балки сложен меловыми мергелями, содержащими в верхней части желваки и куски кремня. На Бирючьей балке 2 раскопки проводились на трех участках - северном, южном и восточном. Общая раскопанная

* Россия, С.-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально - трасологическая лаборатория

площадь составляет около 60 кв.м. В раскопах на восточном участке получен полный стратиграфический разрез отложений склона (рис.1). Он представляет собой чередование легких и средних суглинков.¹ Нижние коричневатые суглинки в подошве обнажения содержат несколько мустьерских слоев. В средней части разреза выделена прослойка коричнегато-серого суглинка, которой, по заключению С.В.Хруцкого, является ископаемой почвой предположительно брянского возраста. В раскопе на северном участке эта почва содержит обильные находки. В верхней части разреза присутствуют бурые и светло-бурые суглинки. Они, судя по всему, подвергались влиянию солифлюкционных процессов. Не исключено, что эти суглинки сформировались в начале ошашковского интервала. Пока это только допущение. Основной (3-й культурный слой) связан с бурым суглинком, а светло-бурый суглинок вмещает 2-й культурный слой. Наконец, современная почва содержит находки неолитического или энеолитического возраста.

Таблица 1. Послойный список изделий из раскопов восточного и южного участков.

	восточный участок		южный участок	
	слой II	слой III	слой II	слой III
	кол-во; %	кол-во; %	кол-во; %	кол-во; %
желваки и куски кремня без обработки	-	38(0,06)	2(0,05)	6(0,01)
желваки и куски кремня с единичными сколами	1(0,08)	77(0,11)	4(0,05)	24(0,04)
нуклевидные куски	11(0,91)	204(0,30)	39(0,56)	250(0,45)
нуклеусы	14(1,16)	248(0,37)	25(0,36)	142(0,25)
отбойники	-	19(0,03)	-	1(0,01)
отщепы	354(29,33)	14643(21,70)	1800(25,75)	10878(19,76)
пластины	5(0,41)	1558(2,31)	185(2,64)	1506(2,73)
осколки и чешуйки	806(66,78)	50031(74,14)	4887(69,87)	41892(76,12)
орудия	16(1,33)	675(0,99)	53(0,75)	330(0,59)
всего	1207	67493	6997	55029

Верхний слой на всех участках оказался умеренно насыщенным находками. Однако нижний, то есть 3-й культурный слой, содержал многочисленные кремневые изделия, представленные в виде скоплений разных размеров. Культурные слои в результате солифлюкционных и иных процессов были потревожены. Тем не менее, как показывает планиграфический и типологический анализ изделий из обоих слоев, их первоначальная структура сохранилась.

В данной статье будут рассмотрены позднепалеолитические коллекции из раскопов восточного и южного участков. Практически все изделия изготовлены из кремня. Кварцитовые предметы единичны. Расстояние до ближайших выходов сырья составляет около 100 м. Кремень представлен желваками и плитчатыми кусками длиной 5-15 см. Цвет кремня преимущественно темно-серый, реже черный, желтоватый и красноватый. Довольно разнообразны кремни с точки зрения их физических и технологических свойств. Часто встречаются желваки, обнаруживающие заметную упругость и жесткость. Такие кремни трудно обрабатывать. В то же время многие желваки и куски кремня обладают относительно высокими пластическими свойствами и легко подвергаются раскалыванию. Нередко кремни содержат пустоты и инородные включения в виде кальцита и мела, а также имеют трещиноватость. Все это, несомненно, ослабляет их технологические свойства. Не удивительно, что очень многие изделия сломаны. Нередко кремень, имеющий явные дефекты, использовался для изготовления орудий и, в том числе, треугольных острий.

¹ Описание стратиграфии и геологических условий стоянки проводится на основе изучения, проведенного С.В.Хруцким, геологом Воронежского Госагроуниверситета, которому автор выражает глубокую благодарность.

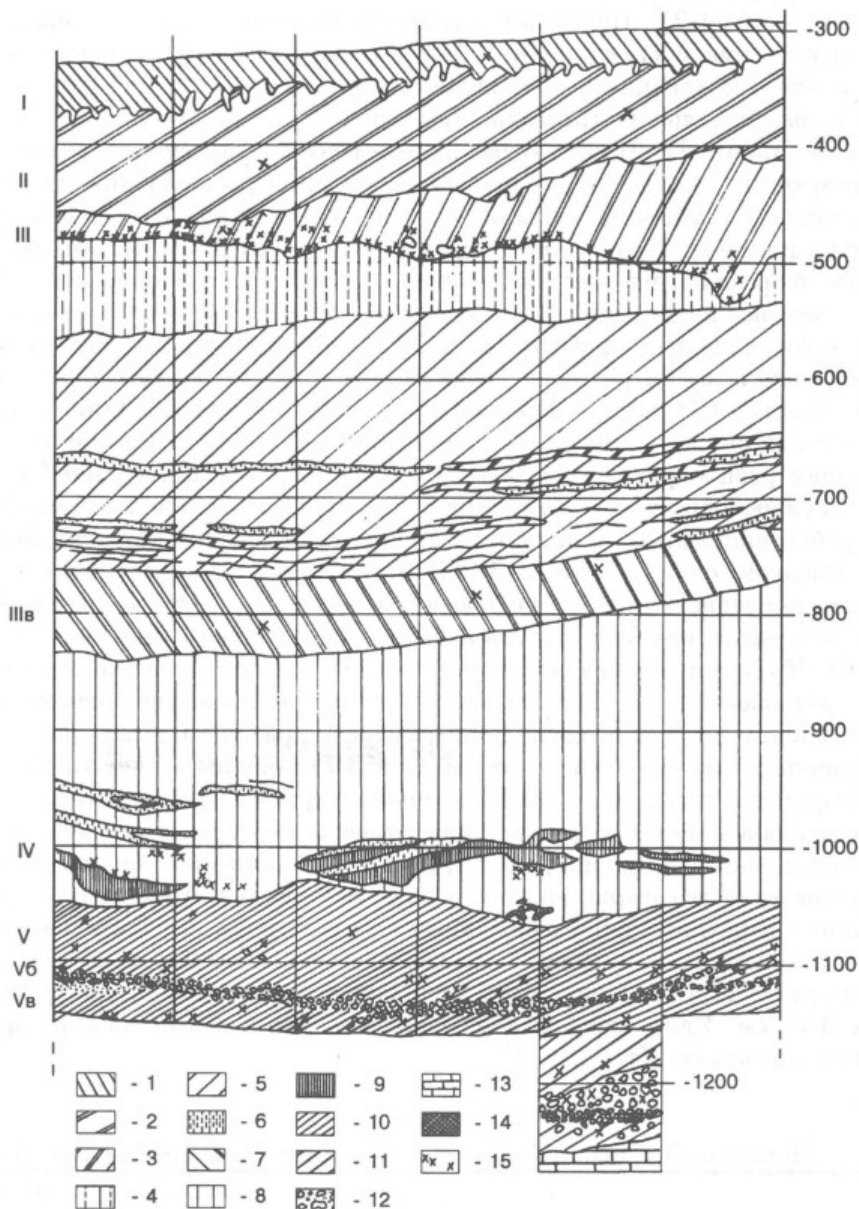

Рис.1 Бирч балка 2, восточн й участок. Разрез отложений по восточной стене раскопов 1-2. Арабскими цифрами в кружках обозначен номера кул турн х слоев. 1 - современна почва; 2 - суглинок светло-бур й; 3 - суглинок бур й; 4 - суглинок желтовато-бур й; 5 - суглинок желтоват й; 6 - суглинок палев й; 7 - суглинок коричневато-сер й; 8 - суглинок коричневат й; 9 - суглинок гумусированн й; 10 - суглинок зеленоват й; 11 - суглинок желтовато-коричнев й; 12 - ебен мергелев й; 13 - меловой мергел ; 14 - очажна линза; 15 - кремнев е изделия .

Fig.1 Biriuchia ravine 2, the eastern part. The section of deposits along the eastern wall of excavation areas. 1-2 - Marked with Arabic figures are the number of cultural layers. 1 - present soil; 2 - light brown loam; 3 - brown loam; 4 - yellowish-brown loam; 5 - yellowish loam; 6 - pale-yellow loam; 7 - brownish-grey loam; 8 - brownish loam; 9 - humus loam; 10 - greenish loam; 11 - yellowish-brown loam; 12 - marl detritus; 13 - chalky marl; 14 - hearth lens; 15 - flint objects.

Восточный участок.

Слой 2 (табл.1-2). Почти все нуклеусы являются параллельными плоскостными. Призматические нуклеусы единичны. Выразительные отщепы и пластины не характерны. Малочисленны в коллекции и орудия. Отмечено несколько скребков, отщепов с ретушью и обломков выразительного треугольного острия.

Слой 3 (табл.1-2). Призматических нуклеусов выделено 21 экземпляр. Остальные демонстрируют параллельную и смешанную системы расщепления. Основная масса сколов представлена грубыми отщепами, пластинами, осколками и чешуйками. Выразительные сколы единичны. Приступая к характеристике орудий, отметим значительную вариативность формообразующих признаков и большое разнообразие первых (табл.2). Скребки уместно разделить на типичные, атипичные и их заготовки. У атипичных скребков края лишены обработки (рис.3:14). Дистальные концы оформлены крупной грубой ретушью и имеют неровные очертания. Типичные скребки изготовлены из отщепов (36 экз.), пластин (23 экз.) и фрагментов последних (9 экз.). Длина скребков 2,2-10 см, ширина 1,6-5,3 см, толщина 0,5-2 см (рис.3:3,6,9,13-14). Скребки из пластин типологически менее разнообразны. Среди всех орудий преобладают удлиненные и укороченные скребки с суживающимися к основанию краями, а также простые скребки (рис.3:3,6,9). Редки скребки подовальной, подокруглой формы, а в равной мере скребки нуклевидные и скребки высокой формы (рис.3:13). Заметим, что среди скребков с суживающимся основанием последнее никогда не бывает заостренным. На брюшковой поверхности 8 скребков отмечена крупная регулярная ретушь в зоне основания и боковых краев (рис.3:5-6). У одного скребка основание заужено с помощью преднамеренного облома, а у другого - резцового скола. Дистальные концы имеют преимущественно умеренно и слабо выпуклые очертания. Характерен плавный переход рабочего лезвия в боковые края.

Атипичны и малочисленны резцы (рис.3:7), орудия с чешуйчатой поверхностью, ретушированные пластины, а также тронкированные формы. Что касается выемчатых, зубчатых и клювовидных форм, а также отщепов с ретушью, то они, видимо, представляют разные по своей природе предметы: собственно орудия, пробные орудия (опробование качества сырья на конкретной заготовке) и отщепы с псевдо-ретушью. Остроконечники и острия немногочисленны и недостаточно выразительны (рис.3:10). Мелкие острия полностью отсутствуют. Среди скребел выделены типичные и атипичные экземпляры (рис.3:12;4:5). Причем последних довольно много. Длина скребел колеблется в пределах 3-10 см. Явно преобладают простые скребла с выпуклыми, прямыми и вогнутыми боковыми краями (таблица 2).

Таблица 2.

Послойный список орудий из позднепалеолитических слоев Бирючьей балки 2.

	восточный участок		южный участок	
	слой II	слой III	слой II	слой III
	кол-во;%	кол-во;%	кол-во;%	кол-во;%
скребки типичные	4(25,00)	66(9,80)	4(7,41)	34(10,33)
скребки атипичные	1(6,25)	18(2,66)	1(1,89)	6(1,82)
заготовки скребков	-	22(3,26)	-	3(0,93)
резцы атипичные	-	15(2,22)	1(1,89)	9(2,73)
пластины с ретушью	-	1(0,15)	-	3(0,91)
отщепы усеченные	-	7(1,04)	-	2(0,61)
орудия с чешуйчатой подтеской	1(6,25)	4(0,61)	-	2(0,61)
выемчатые формы	1(6,25)	32(4,75)	-	8(2,42)
зубчатые формы	-	32(4,75)	1(1,89)	4(1,21)
клювовидные формы	-	4(0,61)	-	1(0,30)
остроконечники	-	10(1,48)	-	2(0,61)
скребла одинарные	-	53(7,86)	11(20,76)	14(4,24)
скребла двойные	1(6,25)	1(0,15)	-	3(0,91)
скребла конвергентные	-	1(0,15)	-	2(0,61)

скребла угловатые	-	-	-	1(0,30)
скребла поперечные	-	3(0,45)	-	2(0,61)
скребла брюшковые	1(6,25)	5(0,74)	-	-
скребла с крутой ретушью	-	1(0,15)	-	-
скребла с утонченной спинкой	-	-	-	1(0,30)
скребла с двусторонней ретушью	-	3(0,45)	-	1(0,30)
скребла с противоположащей ретушью	-	2(0,30)	1(1,89)	1(0,30)
скреблышки	-	16(2,37)	1(1,89)	5(1,52)
треугольные острия	1(6,25)	143(21,22)	25(47,17)	104(31,52)
комбинированные орудия	-	7(1,04)	-	3(0,91)
отщепы с регулярной ретушью	3(27,27)	30(4,45)	-	13(3,93)
отщепы с нерегулярной ретушью	3(27,27)	36(5,34)	5(9,43)	14(4,24)
макроорудия атипичные	-	1(0,15)	-	4(1,21)
чоппинги	-	5(0,74)	-	2(0,61)
топоровидные крупные	-	-	1(0,15)	-
протобифасы	-	2(0,30)	-	4(1,21)
бифасы классические	-	3(0,45)	-	5(1,52)
бифасы неклассические	-	25(3,73)	-	6(1,82)
бифасы неопределимые (обломки)	-	6(0,89)	-	2(0,61)
орудия с двусторонней обработкой	-	11(8,63)	-	3(0,91)
обломки крупных орудий с двусторонней обработкой	-	-	-	12(3,64)
колуны	-	1(0,15)	-	1(0,30)
трехгранники	-	1(0,15)	-	2(0,61)
нуклевидные формы	-	6(0,89)	-	1(0,30)
топорики	-	2(0,30)	-	3(0,91)
орудия с уплощенным корпусом	-	19(2,82)	-	8(2,42)
орудия с утонченным основанием	-	20(2,97)	-	8(2,42)
неопределимые обломки орудий	-	60(8,88)	3(5,66)	28(8,49)
всего 16 675 53 330				

Треугольные острия представлены целыми (24 экз.), почти целыми (13 экз.), формами, а также верхними (49 экз.), нижними (34 экз.) и средними (6 экз.) частями. Кроме того, выделены заготовки треугольных острий (5 экз.) и их обломки (12 экз.). Длина целых орудий составляет 2,9-11,5 см, ширина 2,5-4,5 см, толщина 0,5-1,5 см (рис.4:1,6-7,10,11). Около 8 орудий имеют длину 2,5-4 см (рис.4:1,7). Лишь около 30 изделий являются полностью законченными. Остальные оставлены на разных стадиях обработки. Это прежде всего сломанные, неполучившиеся и брошенные по тем или иным причинам орудия (рис.4:7). Можно выделить следующие формы треугольных острий: а) в виде равнобедренного треугольника (3 экз.), б) умеренно удлиненные (18 экз.), заметно удлиненные (13 экз.), подтреугольные (2 экз.). В коллекции присутствует всего 2 листовидных острия. Судя по многочисленным склеенным изделиям, а также крупным обломкам, заметно преобладают умеренно и заметно удлиненные треугольные формы. Законченные орудия имеют нередко исключительно правильные пропорции и тщательную обработку (рис.4:1,10-11). Это в равной мере относится как к крупным, так и с мелким треугольным остриям. Уместным будет допущение о том, что некоторые миниатюрные острия могли использоваться в позднем палеолите как наконечники стрел (Праслов 1982:232-233). Характерными признаками в равной мере у законченных и незаконченных острий являются, например, срезанный ударный бугорок, утонченное основание, вогнутые или прямые очертания последнего. В частности, эти признаки отмечены не только собственно у треугольных острий, но также их заготовок, некоторых грубых бифасов, комбинированных орудий и отдельных скребел.

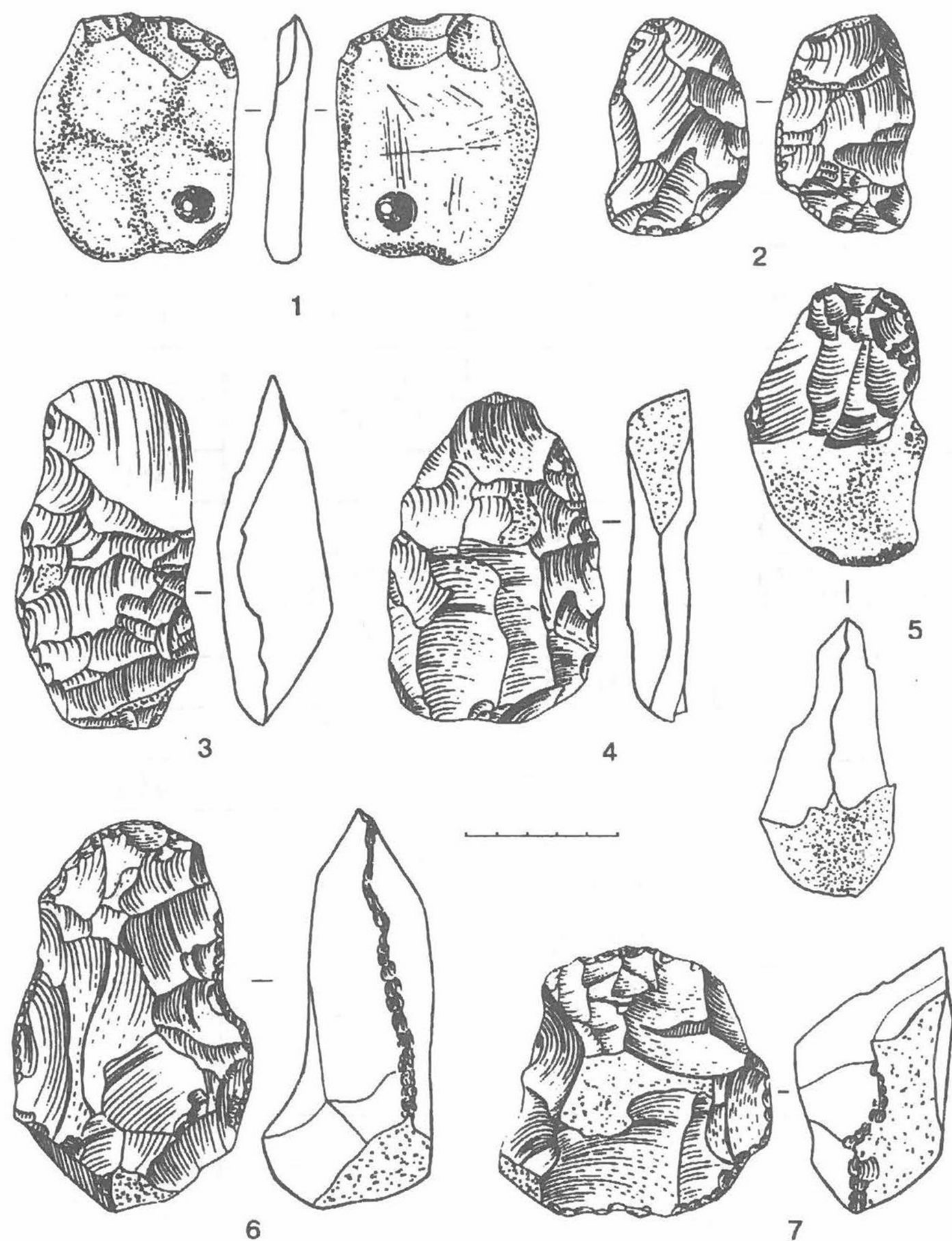

Рис.2 Бирючья балка 2. Кремневые изделия. 1 - южный участок, слой 3, изделие из сланца; 2 - восточный участок, слой 3, орудие с двусторонней обработкой; 3 - южный участок, слой 3, колун; 4,6 - южный участок, слой 3, бифасы; 5 - восточный участок, слой 3, бифас; 7 - восточный участок, слой 3, чоппинг.

Fig.2 Biriuchia ravine 2. Flint objects. 1 - southern part, layer 3, a shale object; 2 - eastern part, layer 3, a piece with bifacial flaking; 3 - southern part, layer 3, a chopper; 4,6 - southern part, layer 3, bifaces; 5 - eastern part, layer 3, a biface; 7 - eastern part, layer 3, a chopping tool.

Основание у треугольных острий имеет следующие очертания: прямые (16 экз.), слегка выпуклые (6 экз.), слабо вогнутые (28 экз.), умеренно вогнутые (17 экз.) и заметно вогнутые (4 экз.). На рабочем лезвии единственного атипичного макроорудия размерами 9,7x6x5,8 см отмечена сильная выкрошенность от работы (рубки кости или рога). Эти орудия характерны для мастерских (Матюхин 1988:23-42). Длина чоппингов колеблется в пределах 9-11 см (рис.2:7). У них крупными сколами оформлено не только лезвие, но также боковые края и основание. Весьма разнообразны бифасы (табл.2). Хотя типичных экземпляров среди них мало. Классические бифасы разделены на подтреугольные, сердцевидные, удлиненные, миндалевидные, овальные, копьевидные, а не классические содержат аббевильские, с поперечным лезвием, с вогнутым основанием, нуклевидные, частичные, бифасы-проколки, бифасы с обушком, мелкие грубые бифасы, листовидные бифасы и обломки бифасов. Выделяются как законченные, хотя и грубые формы, например, аббевильские, так и невыразительные, в данном случае нетипичные (рис.2:5). Как показывает морфолого-технологический контексты данной индустрии последние являются на деле незаконченными треугольными остриями. Показательны орудия с двусторонней обработкой (рис.2:2). Как правило это также незаконченные острия. Их строгая типологическая идентификация часто затруднительна (Matiukhine 1990:145). Интересны орудия, напоминающие топоры (рис.3:11). Длина их 4-5 см. Одно имеет сплошную, а другое - частичную обработку поверхности. Рабочие лезвия оформлены сколами и чешуйчатой подтеской. Сходство нуклевидных форм с нуклеусами обусловлено прежде всего наличием на их краях или концах ударных площадок, с которых снимались сколы с целью уплощения массивных исходных заготовок (рис.4:9). Несколько похожи на нуклевидные формы орудия с уплощенным корпусом (рис.4:4). Практически во всех случаях исходными заготовками здесь выступают массивные отщепы и пластины. Орудия с утонченным основанием, как правило, представлены обломками (рис.3:8). Утончение осуществлялось как путем срезания ударного бугорка, так и обработки основания со спинки исходного отщепа-заготовки. В соответствии с нашими типологическими и технологическими наблюдениями такие орудия как нуклевидные формы, орудия с уплощенным корпусом и орудия с утонченным основанием, а также

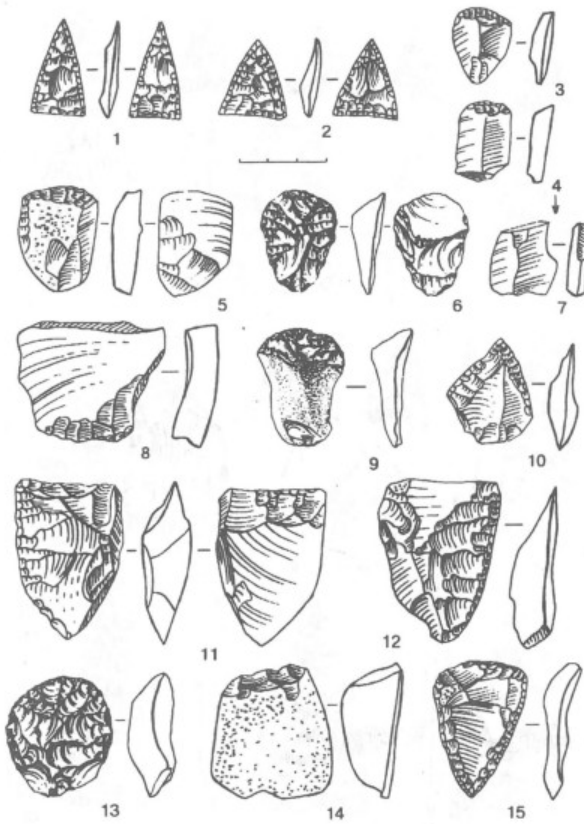

Рис.3 Бирючья балка 2. Кремневые изделия. 1,2 - южный участок, слой 3, треугольные острия; 3,5,9,13,14 - восточный участок, слой 3, скребки; 4-5,15 - южный участок, слой 3, скребки; 8 - восточный участок, слой 3, орудие с утонченным основанием; 10 - восточный участок, слой 3, остроконечник; 11 - восточный участок, слой 3, топорик; 12 - восточный участок, слой 3, скребло.

Fig.3 Biriuchia ravine 2. Flint objects. 1,2 - southern part, layer 3, triangular points. 3,5,9,13,14 - eastern part, layer 3, end-scrapers; 4-5,15 - southern part, layer 3, end-scrapers; 8 - eastern part, layer 3, a piece with thinned base; 10 - eastern part, layers 3, a ...; 11 - eastern part, layer 3, a katchet; 12 - eastern part, layer 3, a scraper.

на брюшке и у двух - частичное срезание ударного бугорка. Основная часть скребков имеет умеренные и слабовыпуклые очертания рабочих лезвий. Последние (за исключением 4-х экз.) плавно переходят в боковые края. Выделено 4 скребка высокой формы.

Выемчатые и зубчатые формы, а также отщепы с ретушью, как и в восточном раскопе имеют различную природу. Изделия с чешуйчатой подтеской и резцы для рассматриваемого комплекса не характерны. Остроконечники единичны. Скребла в целом маловыразительны. Преобладают простые продольные, двойные и поперечные скребла.

некоторые скребла и многие бифасы являются не деле незаконченными треугольными остриями и их заготовками. В меньшей степени это относится к скребкам.

Южный участок (таблицы 1-2).

Расстояние между крайними точками раскопов на восточном и южном участках составляет 34 м. В слое 2 здесь собрано гораздо больше изделий, чем в раскопах на восточном участке. Техника расщепления мало чем отличается от той, которая выявлена при изучении слоев 2 и 3 на восточном участке. Почти все орудия, кроме нескольких скребков и особенно треугольных острий, имеют грубые очертания и такую же обработку. Треугольные острия представлены в основном фрагментами (рис.4:6). Очертания острий умеренно удлиненные. У них преобладает прямое или слабо вогнутое основание.

Слой 3. Как и в раскопах на восточном участке здесь найдено очень много различных изделий (табл.1-2). Близки и технолого-морфологические характеристики инвентаря. У нуклеусов господствующей является параллельная плоскостная система расщепления. Выразительные отщепы и пластины встречаются редко. Показательны скребки (рис.3: 4,5,15). Из отщепов изготовлено 21 экз., пластин 6 экз., обломков пластин 5 экз. Длина скребков 3,2-9,2 см, ширина 2,2-5,5 см, толщина 0,5-3 см. Выделены такие типы как подовальные, с суженным к низу основанием, с расширенным к низу основанием, с "рыльцем", простые скребки и другие. Заметно преобладают простые и скребки с суженным к низу основанием. Последние разделяются на укороченные и удлиненные. Несомненно интересным является скребок с отчетливо заостренным основанием (рис.3:15). Концевые скребки на пластинах имеют укороченные пропорции (рис.3:4). У двух скребков отмечена лишь ретушь выравнивания

Очертания краев у них прямые и выпуклые, нередко неровные. У конвергентного скребла обработанное основание имеет вогнутые очертания. Вполне возможно, что некоторые скребла, в частности, конвергентные, двойные и поперечные - это незаконченные треугольные острия или их заготовки. Другие являются собственно орудиями. Среди грубых скребел могут оказаться и пробные орудия. Треугольные острия представлены целыми (8 экз.), почти целыми (8 экз.), верхними (40 экз.), нижними (32 экз.), средними (6 экз.) частями и неопределимыми фрагментами (8 экз.). Из целых и почти целых орудий только 7 экземпляров можно считать законченными (рис.3:1-2; 4:2-3). Это исключительно мелкие острия. Длина целых острий составляет 2,8-11,2 см, ширина 1,8-5,2 см, толщина 0,4-1,5 см. Самое мелкое треугольное острие имеет размеры 2,8x2,2x0,7 см (рис.4:3). Основная часть треугольных острий - это сломанные и неполучившиеся экземпляры (рис.4:12). Очертания целых и почти целых острий таковы: а) в виде равнобедренного треугольника (1 экз.), б) умеренно удлиненные (8 экз.), в) заметно удлиненные (4 экз.), г) подтреугольные (1 экз.), д) листовидные с вогнутым основанием (1 экз.), е) листовидные с прямым основанием (1 экз.) Многие законченные острия имеют правильные, нередко идеальные пропорции и плавные очертания боковых краев. Они весьма тщательно обработаны крупной и мелкой ретушью.

Заметная выкрошенность от работы (скорей всего рубки кости или рога) отмечена на рабочих лезвиях атипичного макроорудия и некоторых чоппингов. Длина бифасов 8,5-11 см, ширина 4-8 см, толщина 1,7-3,3 см (рис.2:4,6). Они подразделены на выразительные и грубые образцы. Однако среди первых типичные, то есть классические, по Ф.Борду, формы редки. Среди обломков бифасов бросаются в глаза тонкие в сечении изделия зауженных пропорций. У грубых, в данном случае незаконченных, бифасов, не выделены основные структурные элементы (рис.2:4). И те, и другие являются в действительности незаконченными треугольными остриями. Интересен миндалевидный бифас размерами 12,6x7,7x5,1 см (рис.2:6). Боковые края интенсивно забиты, сглажены и имеют вогнутые очертания. Видимо, это следы от рубки твердых материалов (кости или рога). Типичным орудием является колун размерами 11,3x6x3,5 см (рис.2:3).

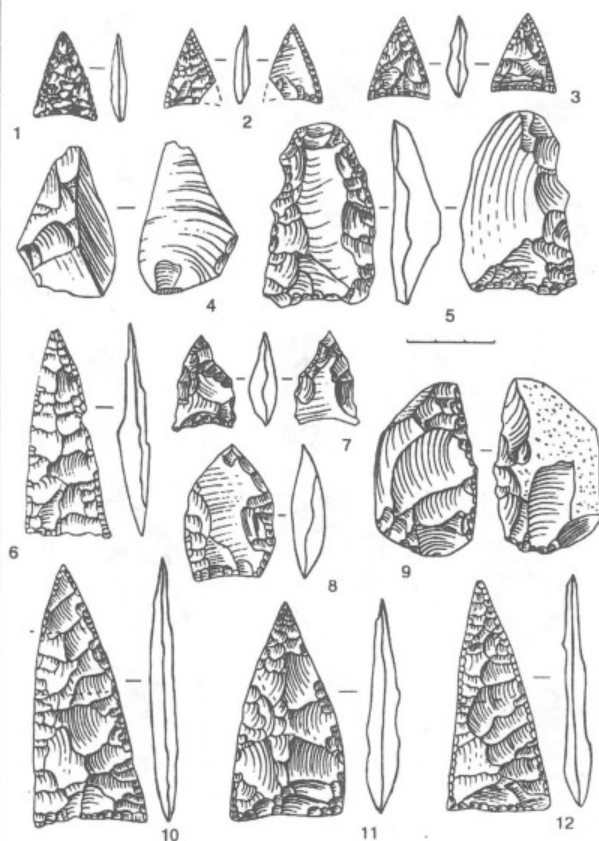

Рис.4 Бирючья балка 2. Кремневые изделия. 1,7,10-11 - восточный участок, слой 3, треугольные острия; 2-3,12 - южный участок, слой 3, треугольные острия; 4 - восточный участок, слой 3, орудие с уплощенным корпусом; 5 - восточный участок, слой 3, скребло; 6 - южный участок, слой 2, треугольное острие; 9 - восточный участок, слой 3, нуклеидное орудие.

Fig.4 Biriuchia ravine 2. Flint objects. 1,7,10,11 - eastern part, layer 3, triangular points. 2,3,12 - southern part, layer 3, triangular points; 4 - eastern part, layer 3, a piece with thinned body; 5 - eastern part, layer 3, a scraper; 6 - southern part, layer 2, a triangular point; 9 - eastern part, layer 3, a core-shaped scraper.

У кремневого топорика, имеющего размеры 6x4,1x1,3см, крупной ретушью выделены боковые края и основание, имеющее заостренную форму и на одном крае выемку. Рабочее лезвие оформлено с помощью чешуйчатой подтески. Уникальным следует признать орудие, похожее на топорик (рис.2:1). Его размеры 8,1x6,8x1,2 см. Оно изготовлено из плоской слабо окатанной сланцевой гальки. Один конец обработан с двух сторон крупной чешуйчатой и ступенчатой ретушью. В нижней части одного из боковых краев имеется просверленное отверстие диаметром 0,45 мм.

Неудавшимися или, может быть, неиспользованными заготовками треугольных острий и скребков следует считать нуклевидные формы, орудия с уплощенным корпусом и орудия с утонченным основанием. Исходными заготовками для них послужили массивные отщепы. Мелкие сколы снимались с подготовленных площадок и с обломанных торцов отщепов. В коллекции южного участка обращает на себя внимание присутствие большого числа крупных орудий с двусторонней обработкой. Вероятнее всего, это неудавшиеся заготовки треугольных острий самой начальной стадии обработки.

Из проведенного описания видно, что по типологическому составу и технологическим показателям инвентарь из коллекций восточного и южного участков близок. Различия между ними наблюдается, прежде всего, в количественном отношении. Не установлено какого-либо существенного отличия между находками 2-го и 3-го культурных слоев на обоих участках. Вполне возможно, что на южном участке в большей степени, чем на восточном осуществлялась деятельность по изготовлению треугольных острий и их заготовок. Пока неясно, является ли южный участок частью общей стоянки или перед нами отдельный памятник. Вероятнее всего первое.

Характерной технологической чертой индустрий обоих слоев является явное преобладание параллельной плоскостной системы расщепления, отсутствие целых и вообще выразительных пластин, которые на деле являются отходами производства, небольшое число выразительных отщепов и наличие огромного количества грубых отщепов, осколков и чешуек. Что касается орудий, то преобладают, прежде всего, треугольные острия, скребки и скребла. Во всех коллекциях очень много незаконченных и пробных орудий и заготовок орудий. Это не самостоятельные, то есть функционально значимые орудия, а незавершенные, например, треугольные острия и скребки, главным образом, первые. Как уже отмечалось, это относится ко многим бифасам, орудиям с двусторонней обработкой, нуклевидным формам, орудиям с уплощенным корпусом, орудиям с утонченным основанием, некоторыми скреблами и другим. Присутствие большого числа грубых, но законченных бифасов аббевильского облика, чоппингов, колунов, протобифасов и атипичных макроорудий указывает не на древний, в пределах палеолита возраст памятника, а на особенности его функционального типа. В частности, данные орудия использовались для изготовления отбойников из кости, рога, может быть, дерева, с целью обработки треугольных острий. Как показывает анализ, изготовление последних осуществлялось с помощью мягких отбойников, а не отжима. В качестве отбойников вполне могли применяться гальки из сланца.

Следует обратить внимание и на то, что непосредственными заготовками треугольных острий служили, с одной стороны плоские желваки, плитчатые куски, крупные, массивные отщепы, а с другой относительно крупные прямоосные отщепы с правильной огранкой спинки. Если в первом случае изготовление треугольных острий представляло технологически сложный и многоступенчатый процесс, то во втором обработка их была более экономной. Скорее всего, данные технологические приемы были продиктованы в первую очередь требуемыми размерами орудий. В виду довольно плохого качества исходного сырья скалывать с нуклеусов крупные качественные сколы-заготовки было часто невозможно. Становится понятно, почему крупные острия изготавливались из желваков, плиток, острия мелкие и средних размеров - из некрупных отщепов.

Принимая во внимание большое количество законченных и незаконченных изделий и в первую очередь треугольных острий, возможно составить различные варианты, иллюстрирующие динамику изготовления и формообразования, другими словами, редуцированные ряды. Например, изготовление треугольного острия начинается с нуклевидной формы, проходит через разные стадии бифасов и грубых форм острий, в данном случае треугольных. Здесь модель треугольного острия появляется на средней стадии технологического цикла. При другом варианте обработка начинается, например, от двойного или

конвергентного скребла, проходит через ряд стадий формирования модели треугольного острья. В третьем случае становление модели треугольного острья осуществляется из выбранной заготовки экономно, с первых же технологических актов. Число вариантов редуционных рядов этим не исчерпывается. В связи с этим заметим, что характерными признаками, объединяющими типологически разные, но одинаковые по конечному назначению орудия (в данном случае треугольные остря) являются наличие преобладающей обработки основания, его прямые или вогнутые очертания, срезанный ударный бугорок, удлиненные пропорции изделий, их соответствующие метрические показатели, одинаковые способы и приемы обработки и др. (рис.4:2,5,7-8).

С учетом типологического состава изделий индустрия Бирючьей балки 2 свидетельствует одновременно об отнесении ее и к мастерской, и к стоянке. Это мастерская-стоянка (Matioukhine 1990:141-142). Здесь, наряду с интенсивной хозяйственной деятельностью, протекала деятельность по целенаправленному изготовлению ограниченного числа типов изделий, прежде всего треугольных острий и в меньшей степени скребков. Многие готовые формы использовались по прямому назначению или вместе с заготовками уносились на другие стоянки. Мастерские-стоянки функционально могли формироваться с самого начала как таковые, или путем перехода стоянки, а также охотничьего лащера в мастерскую и наоборот.

Кратко затронем вопрос о возможных аналогах Бирючьей балки 2. Касаясь только функционального типа памятника, то есть не принимая во внимание хронологический и культурный аспекты, можно сослаться на такие памятники как Богунице (Valoch 1976:72-74), Ондратице (Svoboda 1980), Лишень (Svoboda 1987:82-87). Близкие по форме треугольные остря, в меньшей мере скребки, можно найти в инвентаре таких памятников как Костенки 12 (3-й слой), Костенки 6, Костенки 1 (5-й слой), Костенки 11 (Аникович 1977:94-112; Рогачев, Аникович 1984:179-191; Рогачев, Попов 1982:130-131). Нельзя не отметить при этом, что речь идет в основном о морфологическом, то есть формальном сходстве отдельных типов орудий. Следует иметь в виду, что в коллекциях перечисленных памятников, в отличие от Бирючьей балки 2, мало треугольных острий и скребков. Кроме того, в инвентаре стоянок Костенковско-Борщевского района остря имеют не только треугольную, но и листовидную форму. Заметные отличия наблюдаются в приемах и способах изготовления треугольных острий. Существенно, наконец, что Костенковские стоянки и Бирючья балка 2 относятся к разным функциональным типам памятников. Несколько более уверенным представляется типологическое сходство Бирючьей балки 2 и Сунгирия - наличие треугольных удлиненных форм. С другой стороны, в инвентаре Сунгирия много орудий с чешуйчатой подтеской, резцов и скребков высокой формы (Сукачев, Громов, Бадер 1966:29-33). Не исключено, что отсутствие в Бирючьей балке 2 таких орудий как резцы, чешуйчатые формы и пластины-заготовки объясняется, главным образом, функциональным типом памятника, его направленным производственным профилем. Используя данные типологического анализа и предварительного геологического изучения, можно хронологически относить индустрию Бирючьей балки 2 к одному ряду с Сунгирем. Высказывается мнение, что инвентарь Бирючьей балки 2 занимает место между материалами 5-го слоя Костенок 1 и Сунгирия, располагаясь ближе к последнему (Аникович 1991:27). Мы пока воздерживаемся от суждений о культурной принадлежности Бирючьей балки 2. Отметим лишь, что по некоторым формам (треугольным остриям) ее материалы близки стрелецкой культуре. Сейчас, в связи с открытием в устье балки новых памятников (мастерских с листовидными и треугольными остриями) появляются данные, свидетельствующие о более раннем, чем это представлено в Бирючьей балке 2, этапе развития индустрий с треугольными остриями в долине Северского Донца (Матюхин 1992:10-13). Будущие работы и различные лабораторные исследования внесут ясность в затронутые выше вопросы.

- АНИКОВИЧ, М.В. 1977. Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки. // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы: 94-112. Ленинград: Наука.
1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт.ист.наук. Санкт-Петербург.
- АНИСЮТКИН, Н.К. 1978. Варианты среднего палеолита в Приднестровье (стинковская культура). // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 19: 5-21.

- БОРИСКОВСКИЙ, П.И. 1953. Палеолит Украины. // Материалы и исследования по археологии СССР 40.
1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. // Материалы и исследования по археологии СССР 121: 125-191.
- ГЛАДИЛИН, В.Н. 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова Думка.
- КУХАРЧУК, Ю.В. 1989. Палеолит Юго-Запада СССР и сопредельных территорий. Рихта. Киев: Институт Зоологии им. И.И.Шмальгаузена АН УССР.
- КУХАРЧУК, Ю.В., В.А.МЕСЯЦ. 1991. Ранний палеолит Украинского Полесья. Житомирская стоянка (мустье). Киев: Институт Зоологии им.И.И.Шмальгаузена АН УССР.
- МАТЮХИН, А.Е. 1987. Палеолитическая мастерская Калитвенка 1. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 189: 83-88.
1988. Макроорудия из палеолитических мастерских. // Советская археология 2: 23-42.
1993. Новые позднепалеолитические памятники в низовьях Северского Донца. // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции: 10-13. Санкт-Петербург.
1994. Новые палеолитические памятники в бассейне Северского Донца. // Российская археология I : 134 - 141.
- ПРАСЛОВ, Н.Д. 1982. О времени изобретения лука. // IX Конгресс International Association on Quaternary Research. Тезисы докладов 2: 232-233. Москва.
- РОГАЧЕВ, А.Н., В.А.ПОПОВ. 1982. Костенки 11 (Аносовка 2). // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону (1879-1979): 116-132. Ленинград: Наука.
- РОГАЧЕВ, А.Н., М.В.АНИКОВИЧ. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. // Археология СССР. Палеолит СССР: 162-271. Москва: Наука.
- СУКАЧЕВ, В.Н., В.И.ГРОМОВ, О.Н.БАДЕР. 1966. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. Москва: Наука.
- МАТИОУКХИНЕ, А.Е. 1990. Les formes bifaciales d' ateliers et de stations-ateliers. // Feuilles de pierre: les industries à pointes foliacées du paléolithique supérieur européen: 141-162. Liege: Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liege No 42.
- SVOBODA, J. 1980. K emencová industrie Z Ondratice. K problému počátku mladého paleolitu. // Studie Archeologického ústavu Československé Akademie Věd v Brně IX/1. Praha: Academia.
1987. Stánská Skála. Bohunický typ v brněnské kotlině. // Studie Archeologického ústavu Československé Akademie Věd v Brně XIV/1. Praha: Academia.
- VALOCH, K. 1976. Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice. // Studie Archeologického ústavu Československé Akademie Věd v Brně IV/1. Praha: Academia.

PALAEOLITHIC WORKSHOPS IN THE LOWER DON BASIN

Summary

The stratified site Biriuchia Balka 2 is situated near the farmstead Kremenskoj, Konstantinovsk district, Rostov region. It covers the upper part of the ravine slope and is about 3 kilometres from the ancient bank of the river Seversky Donets. A systematic study of the site started in 1988. By now its preliminary geological study has been carried out. Absolute dates have not been established. The site covers an area of about 500-600 sq.m. Several excavation areas about 70 sq.m each were laid in the northern, eastern and southern parts. The field works revealed a rather complex stratigraphy of the deposits of the ravine slope (Fig.1). Above the chalky marls in the base of the section there are alluvial deposits of the ravine and layers of brownish loam dated from the Kalinin time. Six Mousterian layers are established here. Above there is a layer of brownish-grey loam which the geologist S.V.Khrutsky considers to be the fossil soil supposedly of the Bryansk interstadial (Pandorf).

Numerous flint artefacts were found only in its northern part. The soil is overlapped with seams of yellowish loams which are overlaid (with an uneven lower contact) by brown loam formed under conditions close to solifluction, most probably in the Early Ostashkov stadial (24 000 BP). The lower Upper Palaeolithic layer (layer 3) is situated in this loam. The upper layer (layer 2) is connected with light-brown loam. Finally, the modern soil contains neolithic and aeneolithic finds.

The present article deals with the finds from the eastern and southern parts. In layer 2, 8204 objects were collected, in layer 3, 123475. Virtually all of the finds are made of flint. Quartzite objects are rare. Flint in the shape of nodules and slabs lies in the marls on the opposite slope of the ravine. The site is about 100 metres from the flint sources. Flint objects from the Upper Palaeolithic assemblages are mainly grey, sometimes dark-grey and yellowish. They differ in technological, physical and mechanical properties. Often flint of poor quality was used. A lot of objects in the collections of both layers in the eastern and southern parts are broken.

The assemblage of layers 2 and 3 mainly consists of core-shaped pieces, cores, debitage flakes, and debris (Table 1). Most of the cores are parallel plane ones. Prismatis cores are rare. There are few flakes and blades, i.e. flanks, of high quality. As regards the tools, a wide diversity of features and the existence of atypical forms should be noted (Table 2). Layer 2 contained 74 tools. These are mainly triangular points and side-scrapers. In layer 3 - 971 tools were uncovered. Their typological features are determined by large tools, which include formless macrotools, chopping-tools (Fig.2,7), bifaces (Fig.2,4-6), cleavers (Fig.2,3), pieces with bifacial schist plate with a hole drilled at the base (Fig.2,1). Among the bifaces there are acheulian pieces, i.e. tools proper (Fig.2,5-6) and a large group of unfinished artefacts (Fig.2,4). Tiny tranchets are unique (Fig.3,11). There are few typical pieces among the points (Fig.3,10). Most of the side-scrapers (93 pieces) are those with convex and straight sides (Fig.3,12). Double, convergent and transverse scrapers are rare (Fig.4,5). Endscrapers (148 pieces) are classified into typical, atypical ones and their blanks (Fig.3,3-6,9,13-15). The number of end-scrapers made of flakes, lames and fragments of the latter is nearly the same. Most of the end-scrapers are ordinary and fan-shaped ones (Fig.3,3,5-6,9). There are single end-scrapers with a pointed base, thick-nosed, core-shaped and carinate end-scrapers (Fig.3,15). There are also single pieces of oval and circular end-scrapers (Fig.3,13). Among the triangular points (245 pieces), there are intact (32 pieces), nearly intact (21 pieces) ones, preforms as well as different fragments of points (187 pieces). Altogether there are about 45 finished tools, the remaining are unfinished ones, i.e. broken and waste pieces (Fig.4,7-8). Moderately and strongly elongated triangular points prevail. Subtriangles and foliate pieces are single (Fig.4,8). Some triangular points have exceptionally regular proportions and are exquisitely fashioned (Fig.3,1-2; Fig.4,1-3,10-12). Of special interest are small points (Fig.3,1-2; Fig.4,1-3,7). The triangular points have mainly straight, slightly or moderately convex bases. Typical and atypical burins are rare (Fig.3,7). Extremely significant are pieces with thinned bodies (Fig.4,4), pieces with thinned bases (Fig.3,8) and core-shaped tools (Fig.4,9).

The typological composition and technological features of the tools from the eastern and southern areas as well as from layers 2 and 3 are similar. They differ in numerical proportion. In both layers the waste outnumbered the tools. There are many tested and unfinished pieces among the tools. This applies equally to most of the bifaces, pieces with bifacial flaking, core-shaped pieces, pieces with thinned bodies and those with thinned bases, some double and convergent side-scrapers. In our view, these are not functionally significant tools, but triangular points, and end-scrapers abandoned at different stages of manufacture, and their blanks. These typologically different tools have common features, including the predominant treatment of the base, its straight or concave outlines, truncated bulb of percussion, simultaneous treatment of the base, one or both sides, etc. Several reduction series may be suggested illustrating the stages of manufacture (for instance, of triangular points). One of them is as follows: a) a core-shaped piece; b) a biface (several stages); c) a triangular point (several stages). The presence of a great number of macrotools is explained primarily by their use for making bone and antler fabricators employed for fashioning triangular points and end-scrapers. Taking into account the typological composition of the industry of Biriuchia Balka 2, it should be classified as a separate functional type of sites - a workshop-site, its main

features being intensive economical activities and intensive production - purposeful manufacture of a limited number of tools and their preforms (triangular points and end-scrapers). We think that in functional terms (not in chronological or cultural ones), Biriuchia Balka 2 is similar to such sites as Bogunitse, Ondratitse and Lishen in Slovakia. Triangular points have parallels in sites of the Streletskaya culture, in particular Kostenki 12 (layer 3), Kostenki 6, Kostenki 1 (layer 5), Kostenki 11, Sunghir. The similarity here is morphological, i.e. formal. Generally, it is difficult to draw absolute parallels between the above-mentioned sites and Biriuchia Balka 2, the main reasons being that they belong to different functional types, the typological composition of their industries, is also different, and the tools at the sites of Kostenki are few. Therefore we refrain from strict cultural comparisons. In cultural and chronological terms Biriuchia Balka 2 is close to Sunghir. Recent excavations in the Biriuchia River mouth have shown that industries with macrottools, end-scrapers and triangular points developed in the Lower Seversky Donats Basin earlier than they did at Biriuchia Balka 2. We hope that future field and laboratory works would clarify the problems under consideration.

Локальный хозяйственно-бытовой комплекс на позднепалеолитической стоянке Большая Аккаржа.

И.В. САПОЖНИКОВ*

Павлу Иосифовичу Борисковскому посвящается

Одним из наиболее известных позднепалеолитических памятников юга Русской равнины является Большая Аккаржа (Палеолит СССР:219–220). Стоянка, открытая В.И.Красковским в 1955 г. на 10–12-метровом террасовидном уступе правого берега р.Аккаржа в 20 км от г.Одессы, исследовалась в 1959 и 1961 гг. Одесским палеолитическим отрядом ЛОИА АН СССР под руководством профессора П.И.Борисковского.

Было вскрыто 119 кв.м сплошной площади культурного слоя (рис.1), шурфами определены границы неразрушенной оврагом и железной дорогой части поселения и найден многочисленный археологический и остеологический материал. Кремневый инвентарь из этих раскопок (около 19 тыс. экз.) опубликован в нескольких работах (Борисковский 1961,1961а; Григорьева 1967, 1968; Красковский 1978:37–38; Сапожников 1987 и др.), но наиболее полно в монографии П.И.Борисковского и Н.Д.Праслова (1964:27–28).

Материалы Большой Аккаржи, наряду с данными других памятников южных степей (Амвросиевки, Каменных Балок I,II и других), послужили П.И.Борисковскому и П.П.Ефименко основанием для выделения особой степной области развития позднепалеолитической культуры (Ефименко 1960; Борисковский 1964). В конце 60-х – 70-х гг. это положение вызвало оживленную дискуссию, в которой приняли участие М.Д.Гвоздовер, Г.В.Григорьева, С.В.Смирнов и другие видные ученые-палеолитоведы (Гвоздовер 1967; Григорьева 1968; Смирнов 1974, 1977 и другие). Оппоненты П.И.Борисковского и П.П.Ефименко оперировали и ссылались на материалы Большой Аккаржи, что еще больше подняло значимость этого памятника.

В 1988–1992 гг. изучение Большой Аккаржи было продолжено Буго-Днестровской экспедицией ИА АН Украины под руководством автора настоящей статьи. За пять полевых сезонов заложено пять ракопов (А,Б,В,Г и Д), которыми вскрыто более 160 кв.м площади поселения (рис.1) и собрано более 20 тысяч каменных изделий.

Значительно расширена также источниковедческая база по палеозоологии, палинологии, геологии, стратиграфии, хронологии и планиграфии Большой Аккаржи. Новые материалы получили пока лишь предварительное отражение в отчетах о полевых и лабораторных исследованиях, а также в нескольких публикациях (Сапожников 1989; Сапожников, Сапожникова 1990; Сапожников, Частников 1991; Медяник, Сапожников 1992).

Культурный слой Большой Аккаржи содержал многочисленные каменные изделия, отходы производства, фрагменты костей бизонов, костный уголь и отдельные раковины наземных и морских моллюсков. На основном участке стоянки насыщенность находками достигала 100–200 и более кремней на 1 кв.м. На большей части поселения находки находились во "взвешенном" состоянии. Лишь отдельные непо потревоженные участки слоя, состоящие из крупных костей животных, и несколько очагов залежали на границе серовато-желтого и желтого лессовидных суглинков на глубине 0,90–0,95 м.

По заключению В.Ф.Петруня, изучившего в 1991 г. прокопанный до уровня понтических известняков разрез юго-восточной стенки раскопа Г, непо потревоженные участки культурного слоя и очаги залежали в горизонте нижнепричерноморского лесса (v,dQIIIpc₁), который датируется временем поздневюрмского (валдайского, то есть первой половиной W₃).

* Украина, Одесса, 270011, ул.Пушкинская, 37, Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья АН Украины.

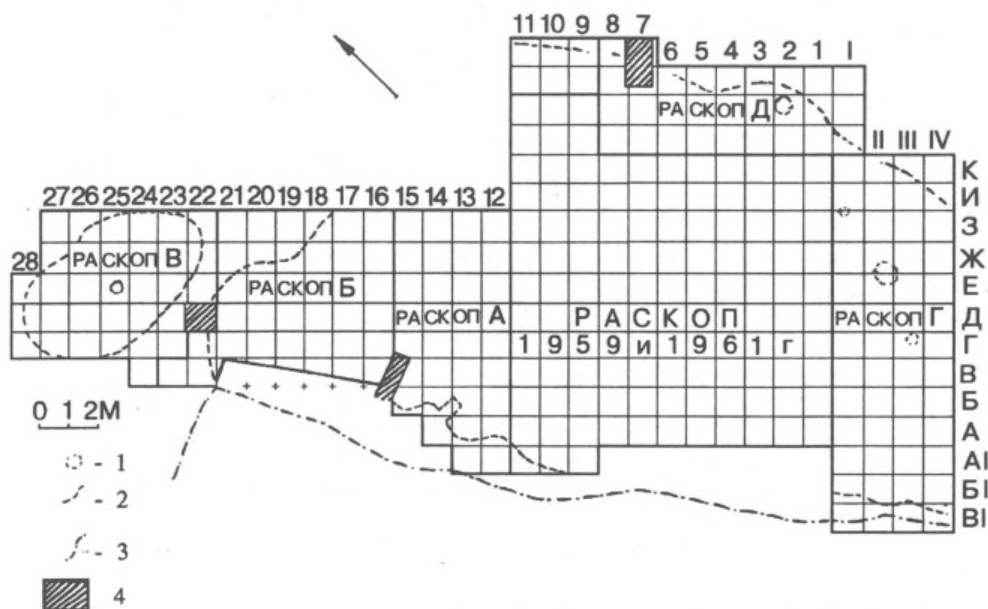

Рис.1 Большая Аккаржа. Общий план раскопов 1959–1992 гг. 1 – очаг; 2 – границы культурного слоя; 3 – стенка оврага; 4 – шурфы.

Fig.1 Bol'shaya Akkarzha. General plan of 1959–92 excavations. 1 – hearth; 2 – borders of cultural layer; 3 – test pits; 4 – side of ravine.

С этой датировкой совпадают данные палинологического анализа, проведенного С.И.Медяник в 1990–1991 гг. по двум стратиграфическим разрезам. Исследователь также считает лесс, содержащий культурные остатки, причерноморским, который сформировался в условиях холодного и континентального климата.

В районе Большой Аккаржи существовали ксеротические степи перигляциального типа. В их составе доминировали маревые, полынь с примесью злаков и бедно представленного разнотравья (цикориевые, гвоздичные, губоцветные и другие.). В составе березово-сосновых редколесий, имевших весьма ограниченное распространение, произрастали липа, вяз, лещина. На щебнистых и каменных склонах, до сих пор представленных в районе стоянки, иногда встречались эфедра и дифазиум альпийский. Произрастание кустарниковых видов березы совместно с ивой было приурочено к заболоченным участкам, возникшим вследствие переувлажнения многолетнемерзлых грунтов. Присутствие кустарниковых видов березы позволяет предположить, что среднеянварская температура была близки -7° , а среднеиюльские $+12^{\circ}$ (Медяник, Сапожников 1992).

Исходя из сказанного выше, возраст Большой Аккаржи необходимо определять около 19–18 тысяч лет тому назад. Дополнительным подтверждением этому служит очень близкая природная обстановка стоянки Анетовка II на Южном Буге (Станко, Старкин 1991), которая датируется этим же временем по четырем радиоуглеродным датам (Григорьева 1992).

С точки зрения планиграфии стоянки и понимания процессов формирования ее культурного слоя, наибольший интерес представляет собой, выявленное на периферии поселения компактное скопление культурных остатков площадью 15,5–16,0 кв.м (Сапожников, Частников 1991). Оно имело овальную в плане форму, 5–5,5 м длины, 2,5–3,0 м ширины и было ориентировано по линии запад-восток поперек террасовидного уступа, на котором расположена Большая Аккаржа (рис.1). В центре скопления выявлены следы линзовидного в сечении, округлого в плане очага диаметром 35–40 см, глубиной до 4–5 см, заполненного мелкими фрагментами обожженных костей. По мере удаления от очага, плотность кремневых изделий и обломков костей животных резко уменьшалась. Хотя культурный слой в районе скопления довольно сильно поврежден

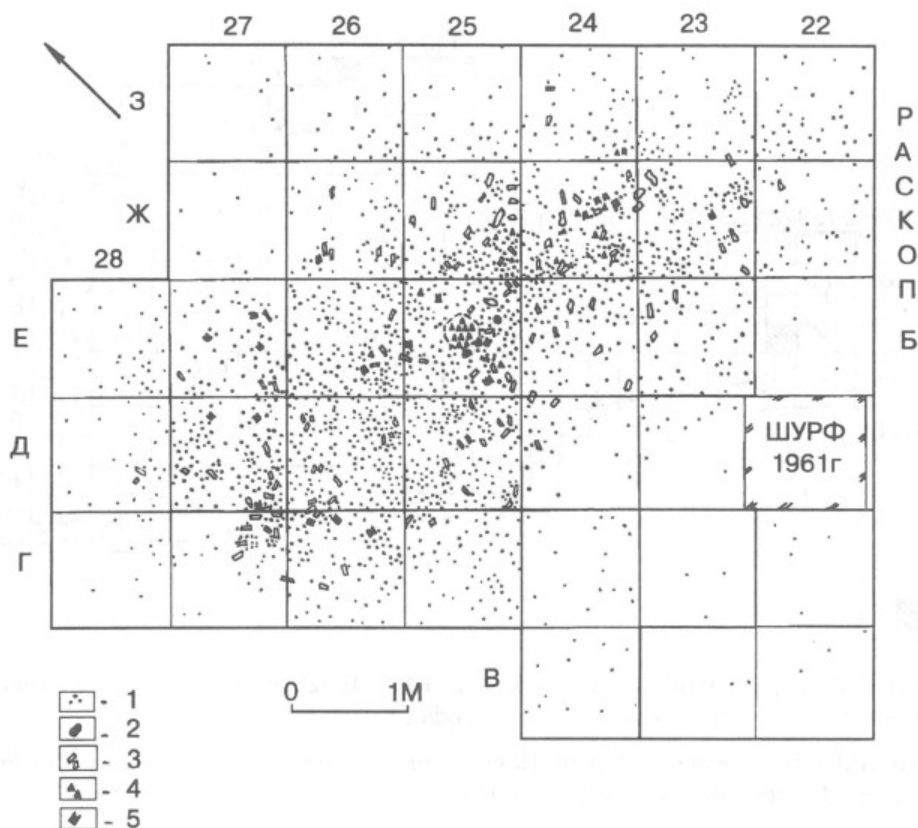

Рис.2 Большая Аккаржа. Первый хозяйственно-бытовой комплекс в раскопе В 1989–1991 гг. 1 – кремни; 2 – куски известняка; 3 – кости; 4 – обожженные кости; 5 – зубы животных.

Fig.2 Bol'shaya Akkarzha. First utility complex in excavation B 1989–91. 1 – flint artifacts; 2 – pieces of limestone; 3 – bones; 4 – charred bones; 5 – animal teeth.

ходами землероев и, видимо, частично размыт, его контуры читаются довольно отчетливо (рис.2).

Всего из данного хозяйственно-бытового комплекса с учетом находок из почвенных горизонтов, происходят 2406 кремневых изделий, которые имеют следующую технико-морфологическую характеристику:

Галька необработанная	1 экз. (0,04%)
Расколотые гальки	4 экз. (0,2%)
Оббитая галька	1 экз. (0,04%)
Осколки	118 экз. (4,9%)
Нуклевидные осколки	42 экз. (1,7%)
Нуклеусы	68 экз. (2,8%)
Обломки нуклеусов	9 экз. (0,4%)
Отщепы	850 экз. (35,3%)
крупные	126 экз.
средние	724 экз.
Чешуйки	113 экз. (4,7%)
Пластины	491 экз. (20,4%)
крупные	68 экз.
средние	423 экз.
Микропластины	188 экз. (7,8%)
Реберчатые сколы	89 экз. (3,7%)

крупные отщеповые	2 экз.
средние отщеповые	19 экз.
крупные пластинчатые	6 экз.
средние пластинчатые	50 экз.
микропластинчатые.....	12 экз.
Резцовые сколы.....	5 экз. (0,2%)
Фрагменты сколов.....	342 экз. (14,2%)
Изделия со вторичной обработкой.....	85 экз. (3,5%)
Всего:	2406 экз. (100%)

Среди нуклеусов рассматриваемого комплекса двухплощадочные (36 экз.) незначительно преобладают над одноплощадочными (32 экз.). Одноплощадочные ядрища представлены: неправильно призматическими с односторонним скалыванием – 22 экз. (рис.5:16–17,19–20), неправильно призматическими с подкруговым скалыванием – 9 экз., из них два конусовидные (рис.5:14) и призматический с торцовым скалыванием (рис.5:18). Двухплощадочные нуклеусы подразделяются на неправильно призматические – 15 экз. (рис.6:1–3,5,11) и призматические – 6 экз. (рис.6:4,7) с встречным скалыванием; неправильно призматические со встречным смежным скалыванием – 1 экз. (рис.6:8); неправильно призматические с общей плоскостью скалывания и площадками под прямым углом – 1 экз.; неправильно призматические с противолежащими площадками и плоскостями скалывания – 5 экз. (рис.6:6,9–10) и неправильно призматические с разными плоскостями скалывания и площадками, расположенными под прямым углом друг к другу – 8 экз. (рис.6:12–13).

Скребки комплекса (16 экз.) представлены: орудиями с концевыми низкими лезвиями (10 экз.) на крупной и средних укороченных пластинах – 3 экз. (рис.3:25–26), крупных и средних отщепах – 6 экз. (рис.3:27,31,33,35) и двойным на крупной пластине (рис.3:32); высокими (4 экз.) на нуклевидных осколках – 2 экз. (рис.3:34), обломке нуклеуса (рис.3:36) и массивном среднем отщепе (рис.3:37), а также двумя нуклевидными скребками – на крупном отщепе (рис.3:38) и на одноплощадочном неправильно призматическом нуклеусе (рис.3:39). К группе скребков морфологически примыкает единственное скребловидное изделие с выемчатым лезвием на массивном обломке одноплощадочного неправильно призматического нуклеуса (рис.3:40).

В группе резцов (21 экз.) преобладают боковые (15 экз.) на пластинах – 7 экз. (рис.4:1,3–7), отщепах – 6 экз. (рис.4:2,8–11) и двойные (2 экз.) на крупном первичном отщепе (рис.4:12) и средней пластине (рис.4:13). Выделены также двугранные (срединные) резцы (2 экз.) на крупном отщепе (рис.4:18) и массивном реберчатом пластинчатом сколе (рис.4:19); угловые резцы (3 экз.) на нуклевидном осколке (рис.4:16), крупном отщепе (рис.4:15) и крупной пластине (рис.4:17) и один комбинированный резец, сочетание косоретушного и углового многофасеточного на крупном отщепе (рис.4:14).

Три орудия являются комбинированными – боковые резцы с концевыми (рис.5:12–13) или боковыми (рис.5:15) скребками на крупных пластинах и отщепе.

Микроинвентарь представлен острием типа "граветт" на средней пластине (рис.3:6), микроостриями "граветт" – 3 экз. (рис.3:2–4), микроострием с одним притупленным краем (рис.3:1), микроострием с двумя притупленными краями (рис.3:5), фрагментами микропластин с одним – 13 экз. (рис.3:7–8,10–19) и двумя – 1 экз. (рис.3:9) притупленными краями, 2 средними пластинами с одним притупленным краем (рис.3:20–21) и обломком микропластины с выемкой (рис.3:22).

Среди остальных изделий со вторичной обработкой выделены: обломок сверла на средней пластине с характерной встречной подтежкой со стороны брюшка (рис.3:23), 3 средние пластины со скошенными концами (рис.3:28–30), крупная и 2 средние пластины с частично тронкированными концами и последующими намеренными сломами (рис.5:1–3), 3 пластины с частично притупленными краями (рис.3:2,4,5,6), одна из них, по-видимому, использовалась в качестве развертки (рис.5:8), крупный отщеп с выемкой, крупный отщеп с зубчатой ретушью по одному краю (рис.5:9), 2 крупных отщепа с частично притупленными краями (рис.5:10–11) и еще 2 средних отщепа с участками краевой ретуши (рис.5:4–5).

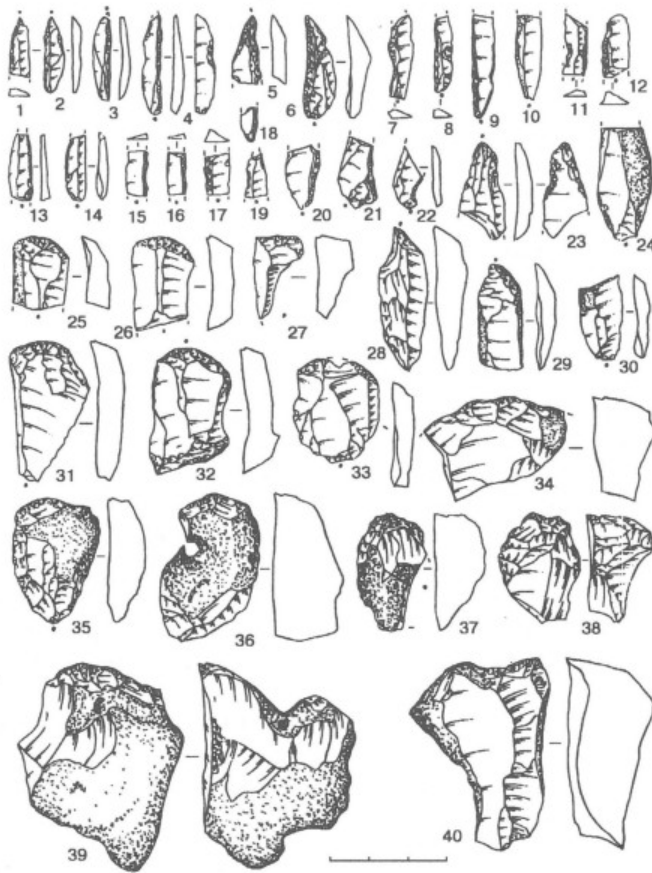

Рис.3 Большая Аккаржа. Кремневый инвентарь из скопления.

Fig.3 Bol'shaya Akkarzha. Flint artifacts from the concentration.

Помимо кремневых изделий, в скоплении вблизи очага (рис.1) были найдены 2 округлых уплощенных отбойника диаметром 7,5 и 9,0 см из плотного песчаника со следами сработанности, а также небольшой обломок абразива из крупнозернистого песчаника.

Особый интерес представляет фаунистический материал, обнаруженный в рассматриваемом скоплении. Как и на основной площади Большой Аккаржи, кости сильно фрагментированы в древности и покрыты известковым налетом. По определению А.В.Старкина, всего в скоплении найдено 406 фрагментов костей животных, из которых 40 экз. оказались определимыми. Все диагностические кости принадлежат бизону (*Bison priscus*), большинство из которых (36 экз.) представлены обломками зубов: — 7 экз. принадлежат взрослым животным и еще два зуба (P_2 и M_3) — взрослому самцу. Остальные определимые кости принадлежат таранной, большой берцовой, нижней челюсть и лопатка) также принадлежат взрослому животному. Следовательно, минимальное число особей бизо-

нов в скоплении — один взрослый самец.

Охарактеризованное выше компактное скопление можно рассматривать как единый хозяйственно-бытовой комплекс на месте кратковременного сезонного жилища небольшой группы людей, скорее всего — одной семьи. Данные палеозоологического анализа свидетельствуют о том, что использование этого жилища было весьма непродолжительным. Прямым подтверждением этому является и тот факт, что в образцах грунта, содержащего культурный слой, С.И.Медяник не отмечено аномального содержания пыльцы и спор рудеральных и антропохорных растений, обычно растущих на замусоренных местах обитания, богатых органическими и неорганическими азотистыми соединениями и минеральными солями (подорожника, горца птичьего, паслена черного, крапивы и других). На уровне слоя суммарное содержание пыльцы названных растений не превышает 4%, в то время, как на долговременных палеолитических поселениях эта цифра в несколько раз выше (Медяник, Сапожников 1992).

Здесь уместно напомнить, что П.П.Ефименко и первый автор раскопок Большой Аккаржи — П.И.Борисковский считали стоянку сезонной на основании того, что остатки жизнедеятельности залегают на ней рассеянно, отсутствуют следы не только жилых сооружений, но и очагов или постоянных кострищ, не прослеживается "пол" жилого пространства (Ефименко 1960; Борисковский 1964). М.Д.Гвоздовер отметила, что Большая Аккаржа, судя по насыщенности слоя культурными остатками, не была кратковременной

стоянкой. Она считает, что мощность слоя этого памятника и отсутствие в нем кострищ, ям, других сооружений и какой-либо планировки остатков, а также нечеткость верхней и нижней границ слоя свидетельствуют не о сезонном характере поселения, а о сильной нарушенности культурного слоя Большой Аккаржи (Гвоздовер 1967:99–100). Г.В.Григорьева добавила, что в Большой Аккарже характер стоянки остается неясным, так как ее слой подвергся разрушению (Григорьева 1968:15). С этими авторами согласился и С.В. Смирнов, который полагает, что отсутствие на Большой Аккарже следов домостроительства в значительной степени зависит от условий сохранности культурного слоя (Смирнов 1977).

Еще одно, на наш взгляд, любопытное наблюдение о характере культурного слоя Большой Аккаржи принадлежит перу В.Н. Гладилина. Исследователь отмечает, что кости зубров на этой финально-позднепалеолитической стоянке оказались мелко раздробленными с целью извлечения костного мозга, что свидетельствует о стремлении древних охотников получить из убитых животных все возможное для питания. Сравнивая наш памятник с амвросиевским костящем, где, по его мнению, присутствуют полные или почти полные скелеты бизонов, В.Н.Гладилин показывает как в результате многолетних хищнических охот экономика населения степей в конце позднего палеолита оказалась на грани кризиса (Гладилин 1974:76–77).

Объем настоящей статьи не позволяет привести подробный анализ всех точек зрения относительно специфики хозяйства населения степной историко-культурной области в позднем палеолите, к тому же она сделана автором в ряде работ (Сапожников 1987; 1989а; Сапожников, Сапожникова 1990а). Поэтому остановимся лишь на тезисе о сезонности и кратковременности степных стоянок с монобизоньей фауной.

Сам характер сезонных миграций бизонов свидетельствует о том, что продуктивная круглогодичная охота на этих животных на одном месте невозможна практически, а к открытым степным пространствам они были привязаны в основном в весенне-летний период (Пидопличко 1953; Дворянинов, Сапожников 1975; Баскин 1976:109–110).

Об этом же свидетельствуют археологические и этнографические материалы по охотникам на бизонов северо-американских прерий. Так, на высоких, северо-западных равнинах основным сезоном коллективных облавных охот были осень и зима (Frison 1982), а в южных прериях – весна и лето (Аверкиева 1959:246–247). Описание образа жизни охотников на бизона равнин Юга говорит о том, что основным промысловым се-

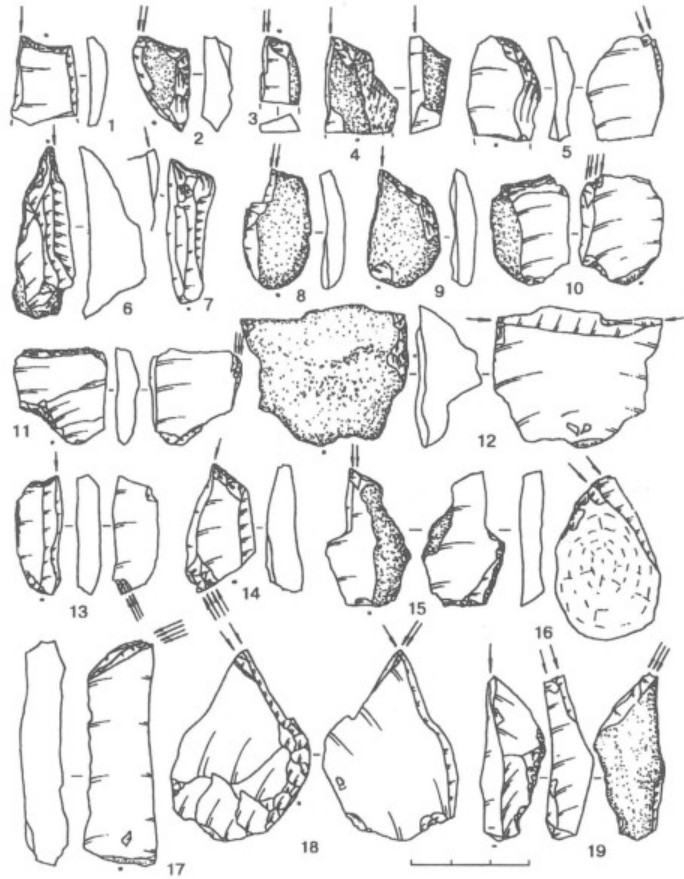

Рис.4 Большая Аккаржа. Резцы из скопления.

Fig.4 Bol'shaya Akkarzha. End-scrapers from the concentration.

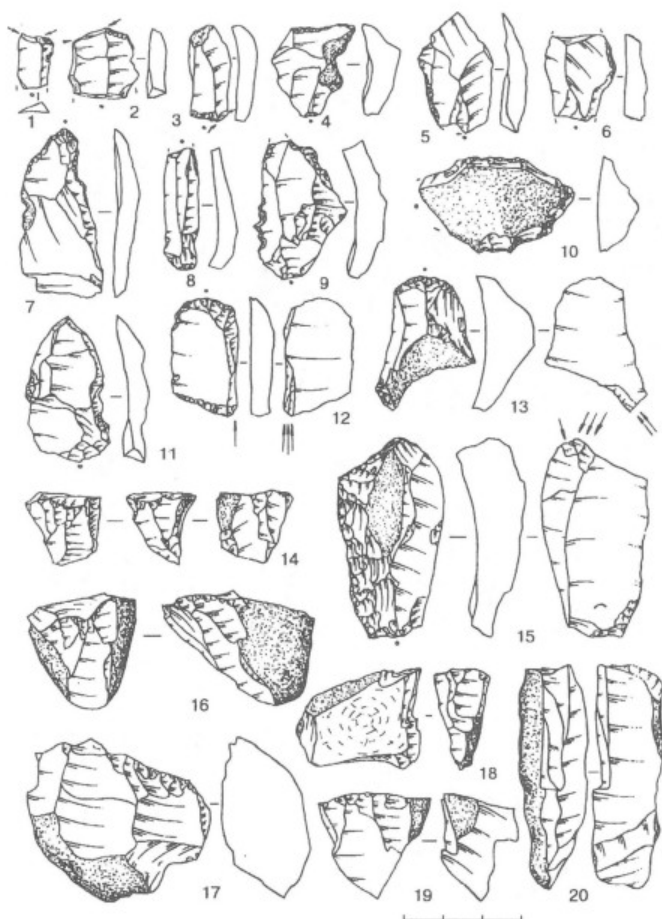

Рис.5 Большая Аккаржа. Кремневый инвентарь.

Fig.5 Bol'shaya Akkarzha. Flint artifacts from the concentration.

ченного только с одной стороны обнаружены нами в 1991–1992 гг. на восточной периферии Большой Аккаржи. Данный комплекс имеет большую площадь, а его западная окраина сливается с основной территорией стоянки (рис.1). Насколько можно судить по имеющейся публикации, несколько локальных комплексов выявлены Н.Д.Прасловым на Золотовке I, но они не перекрывают друг друга (Праслов, Иванова, Малясова 1980). Последнее обстоятельство позволило интерпретировать это поселение как односезонное (Сапожников 1987а).

Следует подчеркнуть также и тот факт, что процентное соотношение основных категорий кремневого инвентаря и групп изделий со вторичной обработкой в первом хозяйственно-бытовом комплексе Большой Аккаржи почти по всем показателям совпадает с характеристикой коллекции из раскопа 1959 и 1961 гг. (Борисковский, Праслов 1964:27–28) и из раскопов А,Б,Г и Д 1988–1992 гг.

В связи с замечанием В.Н.Гладилина о том, что значительная раздробленность костей бизонов на Большой Аккарже свидетельствует о кризисе охотничьего хозяйства в самом конце позднего палеолита, заметим, что этот памятник относится к более раннему времени, а костный мозг, который и сейчас не остается без внимания, является одним из основных компонентов, позволяющих сохранить пеммикан длительное время (Ривз 1983). Сравнить аккаржанскую стоянку и амвросиевское костяное жилище нельзя, так как это различные по своему функциональному назначению объекты (Сапожников 1988; Сапожников, Сапожникова 1990а).

зоном было лето. В эту пору года охоту вело все племя, которое создавало большой лагерь. Зимой условия для охоты были менее благоприятными, что вынуждало охотников действовать мелкими группами и племенные лагеря в это время распались (Марков 1979:173).

Исходя из сказанного, Большую Аккаржу вместе с другими памятниками с монобизоньей фауной – Амвросиевкой, Анетовкой II и Золотовкой I можно рассматривать как сезонные – весенне-летние (Сапожников 1987 и др.; Миньков 1991). Теперь, после новых раскопок в Большой Аккарже, есть все основания полагать, что культурные слои Большой Аккаржи, Амвросиевки и, возможно, Анетовки II сформировались в результате многократного наслоения друг на друга на одном месте сезонных семейных хозяйственно-бытовых комплексов. Остатки еще одного подобного комплекса, включающего два больших очага диаметром 50–55 см и два маленьких очага диаметром 12–16 см, вытянутых по одной линии, но четко ограни-

Таким образом, открытие на Большой Аккарже локального сезонного хозяйственно-бытового комплекса позволяет понять процессы формирования культурного слоя не только на этом памятнике, а и на других поселениях многократного использования. Они могли возобновляться на каком-либо одном более или менее постоянном месте, приуроченном к месту сезонных облавных коллективных охот, наиболее ярким примером чего является амвросиевский комплекс, состоящий из одновременных стоянки и костыща, расположенных в 200 м друг от друга (Ефименко 1953:550; Сапожников 1989б).

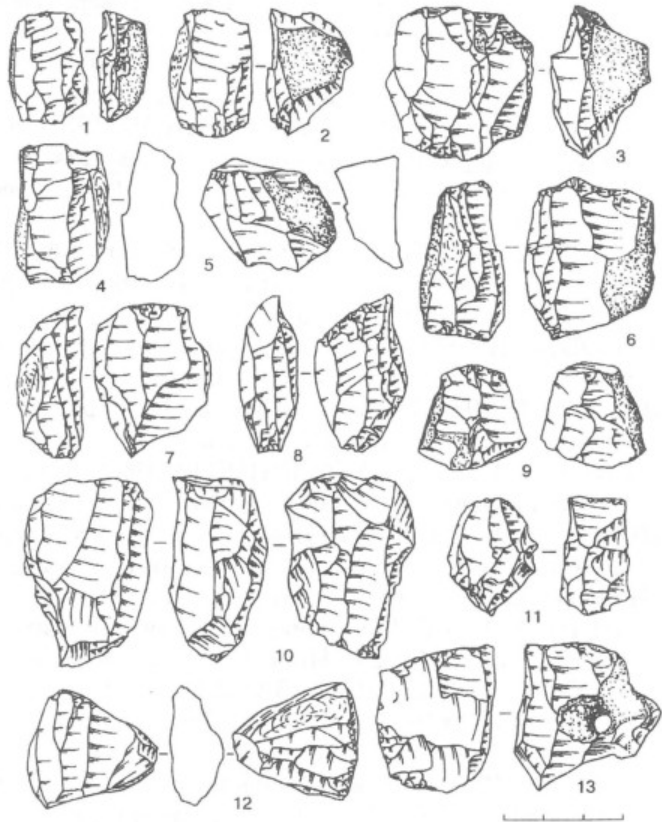

Рис.6 Большая Аккаржа. Двухплощадочные нуклеусы из скопления.

Fig.6 Bol'shaya Akkarzha. Double-platform cores from the concentration.

АВЕРКИЕВА Ю.П. 1959. Индейские племена северо-американских степей и плато // Народы Америки I: 243–265. Москва: АН СССР.

БАСКИН, Л.М. 1976. Поведение копытных животных: 296. Москва: Наука.

БОРИСКОВСКИЙ, П.И. 1961. Палеолитическая стоянка под Одессой // Краткие сообщения Института археологии 86: 28–35.

1961. Позднепалеолитическая стоянка Большая Аккаржа по раскопкам 1959 г. // Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея: 18–23. Одесса.

1964. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук: 10. Москва: Наука.

БОРИСКОВСКИЙ, П.И., Н.Д.ПРАСЛОВ. 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. Свод археологических источников А I – 5: 54.

ГВОЗДОВЕР, М.Д. 1967. О культурной принадлежности памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии 27: 82–101.

ГЛАДИЛИН, В.Н. 1974. Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: 71–78. Москва: Наука.

ГРИГОРЬЕВА, Г.В. 1967. Большая Аккаржа и ее место среди позднепалеолитических памятников Юга СССР // Краткие сообщения Института археологии 111: 86–90.

1968. Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 17. Ленинград.
1992. Культурные процессы в позднем палеолите Северо-Западного Причерноморья // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза: 9–12. Одесса.
- ДВОРЯНИНОВ, С.А., И.В.САПОЖНИКОВ. 1975. О возможной интерпретации двух типов геоморфологического расположения стоянок позднего палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья // 150 лет Одесскому археологическому музею: 16–18. Киев: Наукова думка.
- ЕФИМЕНКО, П.П. 1953. Первобытное общество: 663. Киев: АН УССР.
1960. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья // Советская археология 4: 14–25.
- КРАСКОВСКИЙ, В.И. 1978. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья: 70. Киев: Наукова думка.
- ЖАРКОВ, Г.Е. 1979. История хозяйства и материальной культуры: 304. Москва: Московский государственный университет.
- МЕДЯНИК, С.И., И.В.САПОЖНИКОВ. 1992. Природная обстановка позднепалеолитической стоянки Большая Аккаржа // Известия АН Молдовы 3. Кишинев.
- МИНЬКОВ, Е.В. 1991. Охотничье хозяйство населения Северного Причерноморья в эпоху позднего палеолита. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- ПАЛЕОЛИТ СССР. 1984: 384. Москва: Наука.
- ПИДОПЛИЧКО, И.Г. 1953. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности // Краткие сообщения Института археологии АН УССР 2: 65–68.
- ПРАСЛОВ, Н.Д., М.А.ИВАНОВА, П.С.МАЛЯСОВА. 1980. Золотовка I – поселение охотников на зубров на Нижнем Дону // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода 50: 168–175.
- РИВЗ, Б.О.К. 1983. Шесть тысячелетий охоты на бизонов // В мире науки 12: 82–91.
- САПОЖНИКОВ, И.В. 1987. Поздний палеолит степей Нижнего Приднестровья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- 1987а. Проблемы палеоэкономики степной историко-культурной области в позднем палеолите // Проблемы археологии степей Евразии I: 56–58. Кемерово.
1988. Типология каменных изделий и проблемы выделения археологических культур и локальных вариантов // Теоретические проблемы современной археологии: 34–37. Кишинев.
1989. К характеристике аккаржанской культуры // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тези доповідей XX Республіканської конференції: 199–200. Київ: Наукова думка.
- 1989а. Степная модель адаптации и фактор культурной конвергенции // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Тезисы докладов советско-американского симпозиума: 30–31. Ленинград: Наука.
- 1989б. Еще раз об интерпретации амвросиевского костяка // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов семинара: 72–73. Донецк.
- САПОЖНИКОВ, И.В., Г.В.САПОЖНИКОВА. 1990. Новые данные об позднепалеолитической стоянке Большая Аккаржа // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов и сообщения конференции II: 84–86. Белгород-Днепровский.
- 1990а. Функциональное назначение памятников каменного века и характер кремневого инвентаря (по материалам позднепалеолитических стоянок степной зоны Европейской части СССР) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки: Доклады международного семинара: 269–272. Новосибирск.
- САПОЖНИКОВ, И.В., И.В.ЧАСТНИКОВ. 1990. Исследования позднепалеолитической стоянки Большая Аккаржа в 1990 г. // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. II: 13–14, 43. Київ.
- СМИРНОВ, С.В. 1974. О хозяйственных отличиях позднепалеолитических памятников степной полосы Европейской части СССР // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: 152–156. Москва.

1977. Позднепалеолитические памятники Надпорожья и их место среди памятников степной полосы Европейской части СССР // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы: 149–157. Ленинград: Наука.
- СТАНКО, В.Н., А.В.СТАРКИН. 1991. Исследование позднепалеолитического поселения Анетовка II в бассейне Южного Буга // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. II: 20–21. Київ.
- FRISON, G.C. 1982. Paleo-Indian Winter Subsistence Strategies on the High Plains // Plains Indian Studies: 193–201. Washington: Smithsonian Institution Press.

LOCAL DWELLING COMPLEX AT THE LATE PALAEOLITHIC SITE GREATER AKKARZHA

Summary

The Greater Akkarzha site was discovered by P.I. Boriskovsky in 1955 and excavated under his guidance in 1959 and 1961. The finds from these excavations (about 19 thousand flint objects) have been published and, among those from sites of the southern steppes of Eastern Europe (Amvrosievka, Kamennaya Balka 1, 2, etc.) used in a lively discussion concerning the specific historical development of this region in the Late Palaeolithic. Greater Akkarzha has usually been considered as a final Palaeolithic site with a destroyed cultural layer giving no idea of its planigraphy, settlement pattern, etc.

Recent field work carried out at this site in 1988–1992 by the Bug-Dniester expedition of the Institute of Archaeology, Ukrainian Academy of Sciences, under the guidance of the present author prompts us to revise previous views.

According to the geologist V.F.Petrunia who studied the section of sediments at Greater Akkarzha and on the basis of the pollen analysis made by S.I.Medianik, the loess containing the cultural remains is defined as that of the lower Black Sea region. It has formed under the conditions of the cold and continental climate most likely corresponding to the Late Valdai climatic minimum (18–20 thousand years BP). This is a much earlier date than that ascribed to the site on the basis of flint typology.

Our excavations revealed dwelling complexes presenting the accumulations of cultural remains and connected with hearths. The article deals with a detailed description of one of these accumulations situated at the border of the settlement and presenting an oval 5 – 5,5 x 2,5 – 3 m oriented West-East with a hearth in the middle (Fig.1,2). Technical and typological characteristic of the flint objects uncovered within the accumulation limits (2406 specimens, including about 80 cores and 85 tools) fully agrees with our knowledge of the industry of Great Akkarzha obtained during the previous excavations (fig.3–6). The bone material includes fragments of buffalo bones (no more than 40 pieces out of 406 fragments), probably belonging to one individual (an adult male). This complex must have been a short-term seasonal dwelling, which is confirmed by the pollen analysis: the total content of the pollen of plants growing in places inhabited by man (plantation, nettle, etc) does not exceed 4%, whereas at long-term Palaeolithic sites this figure is several times higher.

Summarizing the data on the cultural layer of Greater Akkarzha and taking account of archaeological and ethnographic materials on the bison-hunters of the North American Plains we think that this site with a monobison fauna developed as a result of a multiple stratigraphic alternation of seasonal (spring-summer) camps of Late Palaeolithic bison-hunters. Other sites of the region with the monobison fauna should be interpreted in the same way: Amvrosievka, Anetovka II, Zolotovka I. It should be noted, however, that the cultural layer of Zolotovka must have formed during one season.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ

С.В.Ошибкина*

В центральных районах севера Восточной Европы в последние годы открыты и исследованы большими площадями памятники эпохи мезолита, выделенные затем в культуру веретье, территория которой простирается к востоку от Онежского озера и охватывает бассейны больших ледниковых озер и течение р.Вологды. Основные исследованные памятники этой культуры сосредоточены у юго-восточного и восточного побережья озера Лача (Каргопольский район Архангельской области). Культура веретье датируется первой половиной VII тыс. до н.э. (первая половина бореала, то есть средний мезолит). Возможно, дальнейшие исследования позволят углубить ее возраст до пребореального времени. К такому предположению приводит архаический характер инвентаря поселений типа веретье, данные палинологии и так далее.

У озера Лача памятники культуры веретье расположены вдоль древних берегов, ныне находящихся в 0,8–2,5 км от береговой линии, и как бы повторяют прежние очертания водоема (рис.1). Интересно заметить, что неолитические стоянки атлантического времени занимают современную прибойную линию или берега рек. В первом случае это сезонные стоянки, а во втором большие постоянные поселения (Ошибкина 1989). Мезолитические памятники представлены поселениями (Нижнее Веретье, Веретье I, Сухое) и могильниками. Последние вызывают особый интерес, поскольку позволяют обратиться к проблемам этнокультурного и исторического характера. Результаты раскопок могильника в местности Попово частично опубликованы (Ошибкина 1982; 1983), сейчас их можно дополнить находками последнего времени, а также данными о новом памятнике – погребении в местности Песчаница.

Интерпретация обнаруженных могил дискуссионна. Вопрос заключается в том, можно ли считать их специальными могильниками или это захоронения в культурном слое памятника. Погребения и могильники эпохи неолита в лесной зоне всегда были связаны с культурным слоем стоянок, на что обращали внимание и пытались объяснить это явление их исследователи (Городцов 1926; Бадер 1936; Фосс 1938; Брюсов 1961). В течение всего неолита традиция захоронения умерших в культурном слое на окраине поселения или даже в жилище получила широкое распространение на Русской равнине, в Прибалтике, на Севере. Мезолитические могильники в лесной зоне были в начале не известны или считались неолитическими (Оленеостровский). Когда выяснился мезолитический возраст Оленеостровского некрополя и части могильника Звейниекки, стали заметны изменения происходившие в образе жизни населения лесной зоны в позднем мезолите – начале неолита. К этому периоду относится возникновение крупных могильников, что свидетельствует о существовании больших по численности коллективов, обитавших долгое время на территориях с определенными "границами", что позволяло хоронить умерших в одних и тех же местах. Большие некрополи возникают в это время и на степном юге (Телегин 1991: 33). Многие из этих памятников связаны с культурными слоями поселений. Датский ученый Э.Бринч-Петерсен считает, что в эпоху мезолита еще не было специальных могильников и большое число погребений в культурном слое позволяет говорить лишь об интенсивном использовании территории стоянки (Brinch Petersen 1988; Даглас Прайс, Бринч-Петерсен 1987). Это важное наблюдение нужно иметь в виду при изучении мезолитических могильников лесной зоны, в том числе и при решении вопроса, можно ли считать рассматриваемые погребения мезолита Восточного Прионежья могильниками и относить их к культуре веретье.

* Россия, Москва, 117036, ул.Дмитрия Ульянова, 19, Институт археологии РАН, Сектор палеолита и мезолита.

Могильник Попово находится на возвышении правого берега р.Кинешмы, примерно в 2,5 км от ее впадения в озеро Лача, занимает вершину ледникового оза, песчано- гравийная почва которой хорошо сохраняет костные остатки. В 1979–1986 гг. вскрыто около 450 кв.м площади и обнаружено 10 погребений эпохи мезолита, а также несколько средневековых могил. Некоторые погребения мезолита (V и X) нарушены захоронениями XI века и хозяйственной деятельностью человека. Кроме того, здесь существовало поселение бронзового века, культурный слой которого (толщиной 20 – 30 см) перекрывает мезолитические могилы. Несмотря на сложную стратиграфию, сохранилось несколько погребений и ритуальных сооружений, установлена их ориентация, детали обряда, форма и размеры могильных ям (Ошибкина 1983:180). Три новых погребения открыты в 1986 г. между раскопами 1 и 2, в западной части оза (рис.2), где зафиксирована следующая стратиграфия: дерн (20–30 см), коричневая супесь (8–30 см), серый песок (15–20 см), материковый песок с гравием, в который углублены могильные ямы. Коричневая супесь содержала находки эпохи бронзы, а также фрагменты неолитической керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Выше по течению реки находилась неолитическая стоянка, где тоже проводились раскопки. В слое серого песка находок почти не было, если не считать несколько пластин и отдельных костей животных. Но на одном участке были обнаружены фрагменты неолитической посуды, которая попала сюда из верхнего слоя. В слое серого песка выявлены также пятна, окрашенные охрой. Они сгруппированы около погребений, уходивших в материк на 20 см.

Погребение VIII. В могиле лежал ориентированный головой на северо-восток скелет двадцатилетнего мужчины (определение Н.Н.Мамоновой). Скелет сохранился полностью, но верхняя часть черепа утрачена, возможно, разрушена корнями стоящего здесь дерева (рис.3). Могильная яма имела округлые очертания и размеры 210x60 см. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, руки направлены вдоль тела, кисти сложены в области таза, ступни сведены. Вокруг тазовых костей и под кистями рук находились подвески из зубов и подъязычных костей лося (определение В.П. Данильченко). Одна подвеска сделана из куска кости. Всего обнаружено 77 подвесок, которые, очевидно, составляли украшения пояса и прикреплялись к нему при помощи треугольных нарезок по краям подвесок. Ассиметричные нарезки, количество которых колеблется от одной до трех, нанесены с одной стороны украшения. Некоторые из них имели декоративное назначение. Вокруг скелета расположены три группы подвесок, в центре были наиболее крупные изделия из подъязычных костей (рис.4:1–11), левая состояла из 18 украшений – 11 сделаны из зубов, 1 из кости и 6 из подъязычных костей (рис. 4:13–40–57), правая из

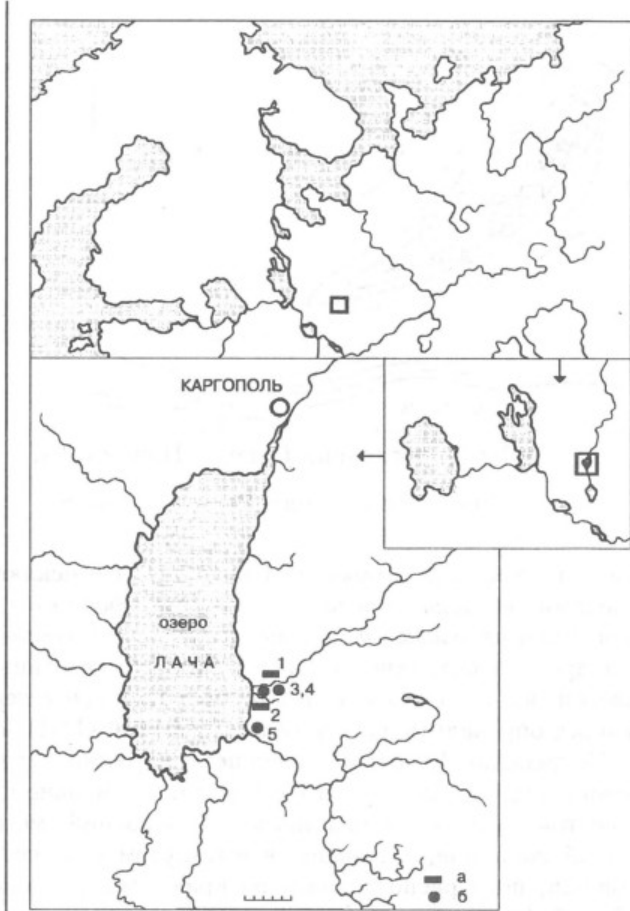

Рис.1 Карта. Могильники (а) и поселения (б) культуры веретье 1 – Попово, 2 – Песчаница. 3 – Веретье 1, 4 – Нижнее Веретье, 5 – Сухое.

Fig.1 Map.Cemeteries (a) and settlements (b) of the Veretie Culture.

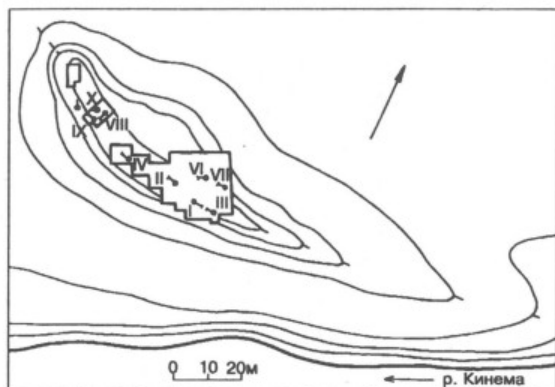

Рис.2 Могильник Попово. План-схема.

Fig.2 The cemetery Popovo. Scheme.

сколов, нанесенных с брюшка (рис.4:12). Не исключено, что это наконечник стрелы. За пределами могилы, слева от ног погребенного лежала подвеска из зуба лосенка, украшенная нарезками по краям, а справа находилась яма диаметром 40 см и глубиной 25 см от древней поверхности. В ней были кости птицы, концевой скребок на пластине, две подвески из зуба лося и резца бобра. Радиоуглеродный анализ костей погребенного позволил определить дату могилы: 7150±160 (ГИН 4857).

Погребение IX сильно нарушено корнями деревьев. Сохранились кости грудного и тазового отделов, кости рук и правой ноги, мелкие части черепа. Умерший лежал головой на восток, как и большинство захоронений могильника. Погребение принадлежало молодой женщине, лежавшей в вытянутом положении на спине. Ее руки лежали вдоль туловища, ноги располагались на краю ямы с темным заполнением, диаметром 110 см и глубиной 40 см. Яма была выкопана раньше могилы. В ней обнаружено несколько ножевидных пластин. Рядом с ямой в ногах погребенной находилось большое охристое пятно. Следы посыпки охрой были и в погребении. Погребение IX имеет радиоуглеродную дату 9730±110 (ГИН 4856).

Погребение X сохранилось плохо, поскольку оно залегало на небольшой глубине. В 35 см от поверхности здесь обнаружено яркое охристое пятно размером 40x50 см, а под ним захоронение ребенка, от которого остались лишь части черепа, грудной отдел и правая рука. Все кости окрашены красной охрой. Ребенок лежал головой на северо-восток, около нее найдена круглая плоская подвеска из кости с отверстием для подвешивания, в области груди – три просверленные подвески из зубов лося. Возможно, с этим погребением связана еще одна круглая подвеска, лежавшая около погребения VIII, в 20 см от могилы. Следует заметить, что просверленные украшения характерны скорее для неолита и никогда не встречаются на мезолитических стоянках и погребениях культуры Веретье.

В могильнике Попово прослеживается определенный порядок в расположении погребений на местности, преобладает ориентация умерших на восток с отклонением на северо-восток, что могло быть связано с направлением реки. Все скелеты, засыпанные охрой или белым красителем (погребение VII), лежат на спине, в вытянутом положении, их сопровождают вещи – пояса (погребение VIII) или ожерелья (погребение III), а также отдельные подвески из зубов и костей животных; орудия труда (каменные топоры, ножи, гарпуны). Иногда в погребениях лежат кости животных, в погребении VI обнаружен скелет рыбы в анатомическом порядке. Он находился около левой кисти мужчины. Над погребениями встречались мелкие угольки, пережженные кости животных, охристые пятна, а рядом с ними – ямы, заполненные костями животных и орудиями из камня и кости, часто сломанными. Вероятно, это следы ритуальных действий, связанных с захоронениями умерших. В одном случае около могилы ребенка (погребение VII) выкопана большая яма, заполненная костями и орудиями, над которой лежали скелеты двух собак в анатомическом порядке – молодая и взрослая особи. Особая роль собаки в жизни населения и погребальном обряде подчеркивается также использованием ее зубов в

47 подвесок – 7 сделаны из зубов и 40 из подъязычных костей (рис. 4:13 – 37, 58 – 78). Еще одна подвеска из зуба лося найдена на груди погребенного, а под поясом, среди тазовых костей обнаружена короткая ножевидная пластина сильно окрашенная охрой, которой обильно было посыпано дно могилы и которой окрашены все кости и подвески. Пластина имеет следы выравнивания края с помощью плоских

качестве элементов ожерелья (погребение III). Все детали ритуала показывают, что мы имеем дело с могильником, погребальный обряд которого достаточно устойчив.

Культурный слой мезолитического времени представлен на памятнике неравномерно, в виде прерывистых пятен серого песка, местами он приобретал более темную окраску и содержал очень мало находок, иногда они вовсе отсутствовали. Подсчеты и сопоставление изделий из камня и кости и фаунистических остатков в погребениях, ямах около них и культурном слое показало, что поселения здесь не было. Вещи из камня (топор), кремня (7 скребков, 9 резцов на пластинах и отщепах, 8 обломков нуклеусов, 1 наконечник стрелы на пластине) и кости (скребок с зубчатым краем, вставка, фрагмент ножа) малочисленны и не образуют скоплений. Бытовой инвентарь и отходы кремневой индустрии, обычно широко представленные на стоянках, здесь фактически отсутствуют. Таким образом, следы пребывания людей на вершине оза связаны только с устройством могильника.

На западной окраине возвышенности обнаружено прямоугольное сооружение размерами 3,0x3,4 м с коридорообразным выходом к берегу, с очажной ямой в середине. Яма (2,0x1,9м) имела вертикальные стенки и глубину 0,3 м от уровня пола. В очаге находились зубы и кости лосося, остатки рыб. Заполнение очага имело очень темный цвет. Из-за величины очага (около 4 кв.м), оставшаяся площадь была слишком мала для жилища и, возможно, здесь стояло сооружение временного характера, связанное с проведением погребальных обрядов (Ошибкина 1983: 187). Аналогичное сооружение было в свое время обнаружено у берега во время раскопок 1929 г. (Фосс 1952: 229).

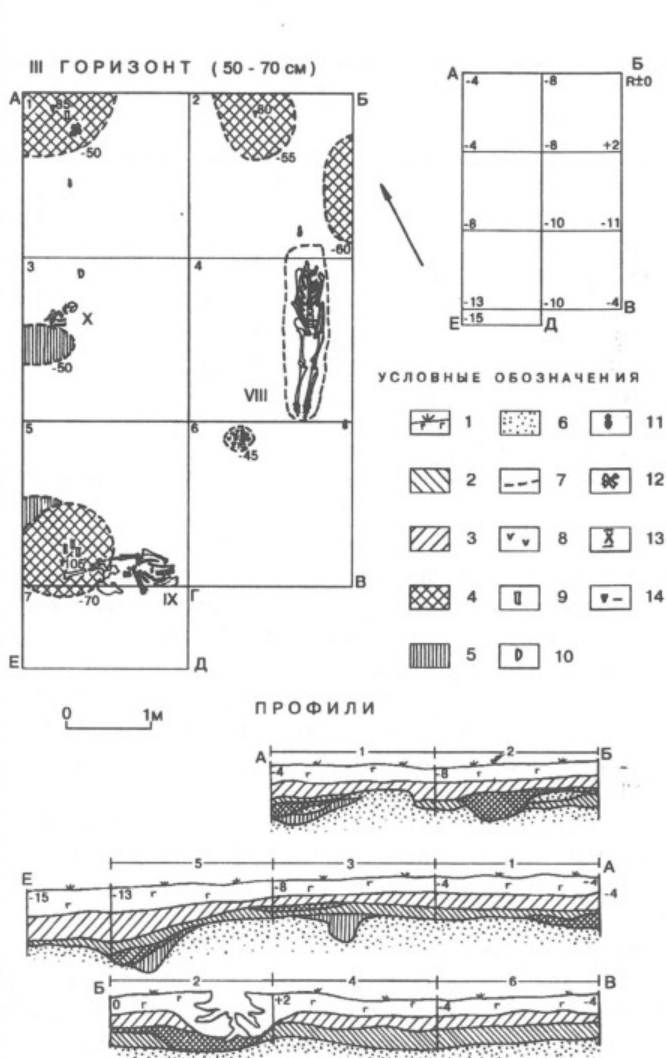

Рис.3 Могильник Попово. Погребения VIII, IX, X.

- 1-дерн, 2-серый песок (мезолитический слой),
- 3-коричневый песок (культурный слой эпохи бронзы), 4-охристые пятна, 5-ямы с примесью органики, 6-песок, 7-границы погребений и ям, 8-угли, 9-пластина, 10-скребок, 11-подвеска костяная, 12-кости животных, 13-номер погребения, 14-глубина.

Fig.3 The cemetery Popovo. Burials VIII, IX, X. 1-turf, 2-grey sand (Mesolithic layer), 3-brown sand (cultural layer of the Bronze Age), 4-ochre patches, 5 - pits with organic admixture, 6-sand, 7-the boundaries of burials and pits, 8-coals, 9-a lame, 10-an end-scraper, 11-a bone pendant, 12-animal bones, 13-number of burial, 14-depth.

Таблица 1.

№№	Пол погр.	Ориент.	Размер ямы(м)	Глубина ямы(м)	Охра	Вещи в погр.	Кости жив.	Угли в погр.	Ямы ритуал.
I	М	З	1,9x0,7	0,55	+	+	+	-	1,2
II	?	В	?	0,50	+	+	-	-	3-5
III	М	В	?	0,40	+	-	-	-	6,9
IV	Ж	В	1,8x0,6	0,45	+	+	+	+	7,8
V	?	?	?	0,35	+	+	-	-	+
VI	М	В	1,8x0,6	0,45	+	-	+	+	10
VII	Р	СВВ	1,3x0,5	0,75	+	+	+	+	12,22
VIII	М	СВ	2,1x0,8	0,8	+	+	-	-	23
IX	Ж	В	?	0,4	+	-	-	-	24
X	Р	СВ	?	0,5	+	+	-	-	25

Вещи из погребений могильника Попово имеют полное сходство с артефактами, найденными на поселениях культуры Веретье. Топоры из сланца (погребения I, III) имеют характерную прямоугольную форму с овальным сечением. Их обух образован одним-двумя сколами, поверхность обработана техникой пикетажа, лезвие подшлифовано и сохраняет косые бороздки заточки. Аналогичные орудия в большом числе найдены на всех стоянках культуры веретье (Веретье I, Сухое, Нижнее Веретье). То же самое сходство наблюдается у наконечников стрел на пластинах, с плоской ретушью у острия со стороны брюшка, у резцов на массивных пластинах с краем, притупленным ретушью и ретушированным основанием, а также у костяных и у роговых орудий (гарпун однорядный, гарпун с пазом для вкладышей, полые скребки, широкие ножи, роговой топорик-вставка). Все виды подвесок из могильника Попово, кроме сверленных, имеют аналогии на поселениях. В свою очередь в Веретье I и Сухом найдено много квадратных костяных подвесок или нашивок с отверстием в центре, которые ни разу не встречены в захоронениях. Этот факт имеет отношение к особенностям погребального обряда.

Антропологический материал из могильника Попово обработан и восстановлен И.И.Гохманом. Краниологическая серия из 4 черепов (погребения I,III,IV,VII) опубликована. Останки людей эпохи мезолита принадлежат высокорослым европеоидам с архаическими особенностями в строении черепа. Отмечены некоторые различия между черепами, которые рассматриваются как индивидуальные особенности (Гохман 1984: 6; 1986: 216).

Погребения датированы по C^{14} следующим образом:

Таблица 2

Погребение I	9430±150	ГИН 4447
Погребение II	5430±150	ГИН 4446
Погребение III	9520±130	ГИН 4442
Погребение VI	7510±150	ГИН 3887
Погребение VIII	7150±160	ГИН 4857
Погребение IX	9730±110	ГИН 4856

По радиоуглеродным датам захоронения распадаются на две группы: одна относится к середине VIII тыс. до н.э., другая - к середине VI тыс. до н.э.

Погребение в местности Песчаница открыто в 1986 г. во время разработки песчаного карьера.¹ Здесь был найден череп, покрытый густым слоем белого красителя (глины?), на месте находки заложен раскоп площадью 6 кв.м.

Памятник находится в лесистой местности, в 0,8 км от восточного берега озера Лача, на возвышении древнего берега и на левом берегу заболоченного ручья Кортыш, который

¹ Находка сделана местным жителем Ю.С.Богдановым, который передал череп мне и точно указал место находки и глубину залегания.

когда-то впадал здесь в озеро. Местность представляет собою пологий холм сложенный ледниковыми отложениями. У его подножия, со стороны обращенной к озеру, зафиксированы отложения ленточных глин. В раскопе и стенках карьера видна слоистая структура – слой гальки, песка, ожелезнения. В Песчанице исследована вся площадь памятника, вскрыто 80 кв.м. Осмотр стенок карьера, протянувшегося вдоль ручья на расстояние около 40 м, показал полное отсутствие перекопов, погребений или ям.

В Песчанице обнаружена следующая стратиграфия: травянистый дерн (7–10 см), пахотный слой (10–40 см). В южной части раскопа ниже пахоты идет песок с углистыми и охристыми пятнами, мощностью до 40 см. На северном участке раскопа слой песка выклинивается (рис.5). Разрушенное погребение (объект 1) находилось у стенки карьера на глубине 150 см от современной поверхности, где *in situ* найдены кости грудного отдела скелета.

Раскопки показали сложность памятника. Выяснилось, что сохранившаяся часть погребения примыкала к яме диаметром около 2 м, глубина которой составляла 80 см от древней поверхности. Она была вырыта в слоистых отложениях, имела темное заполнение со следами органики, ее дно посыпано белой глиной. Кости лося, лежавшие на самом дне ямы, имели следы порезов. Среди костей обнаружено деформированное костяное орудие похожее на широкий нож, типичный для культуры Веретье. В верхней части ямы (1) найдено своеобразное сооружение – объект 2.

На глубине 60 см от поверхности ямы, которая была хорошо задернована и не имела перекопов, обнаружены кости ног человека, принадлежавшие, вероятно, мужчине высокого роста и крепкого телосложения. Под ними и рядом с ними лежали отдельные кости животных (лось, заяц, утка, глухарь).² Все скопление размещалось на тонком пятне белой глины и было засыпано обильным слоем красной охры, в котором найдены три тонких (0,3–0,5 см) ножевидных пластинки (рис.5). В этом пятне белой глины и возле него обнаружены мелкие угли, около одного углистого вкрапления лежало изделие из птичьей кости со следами продольного разреза. Вокруг ямы 1 расчищено несколько скоплений костей животных, расположенных на одном уровне с захоронениями ног человека. Все они содержали охру. Особенно насыщенным оказалось скопление 14 (лось, заяц, куница, утка, рыбы). На остальной площади памятника обнаружены еще три ямы и ряд скоплений костей животных, последние всегда были засыпаны охрой.

Яма 4 (рис.5) была вырыта в песчано-гравийной почве на глубину 70 см. Она имеет коническую форму. Диаметр верхней части составляет примерно 200 см. Дно ямы выстлано тонким слоем белой глины, ее заполнение имеет темный цвет. На дне лежало скопление костей лося (грудной и тазовый отдел), среди которых найдены три ножевидные пластины, две из них мелкие. Одна пластина с зазубренным краем имеет длину 5 см,

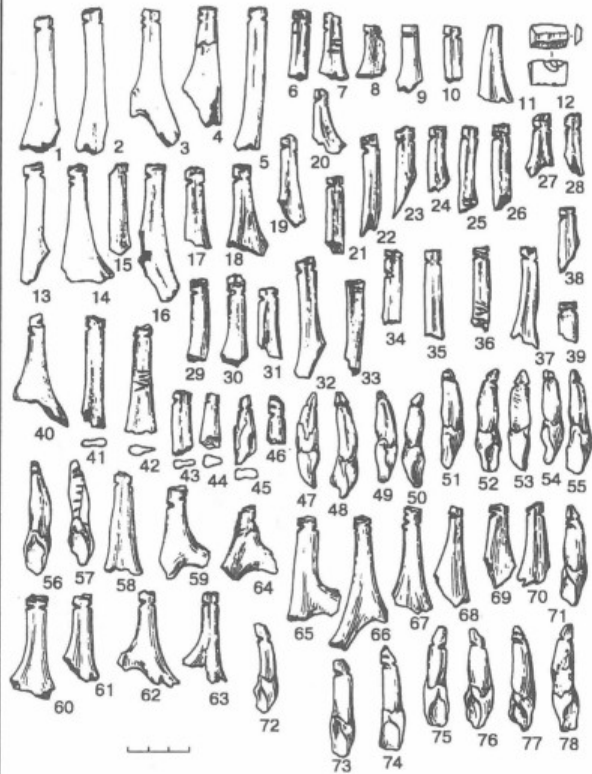

Рис. 4 Могильник Попово, погребение VIII, вещи. 1–11, 13–78 – подвески, 12 – пластина.

Fig.4 The cemetery Popovo, burial VIII, objects. 1–11, 13–78 – pendants, 12 – a lame.

²Определения животных из Песчаницы выполнены В.П.Данильченко, рыбы определены Е.А.Цепкиным.

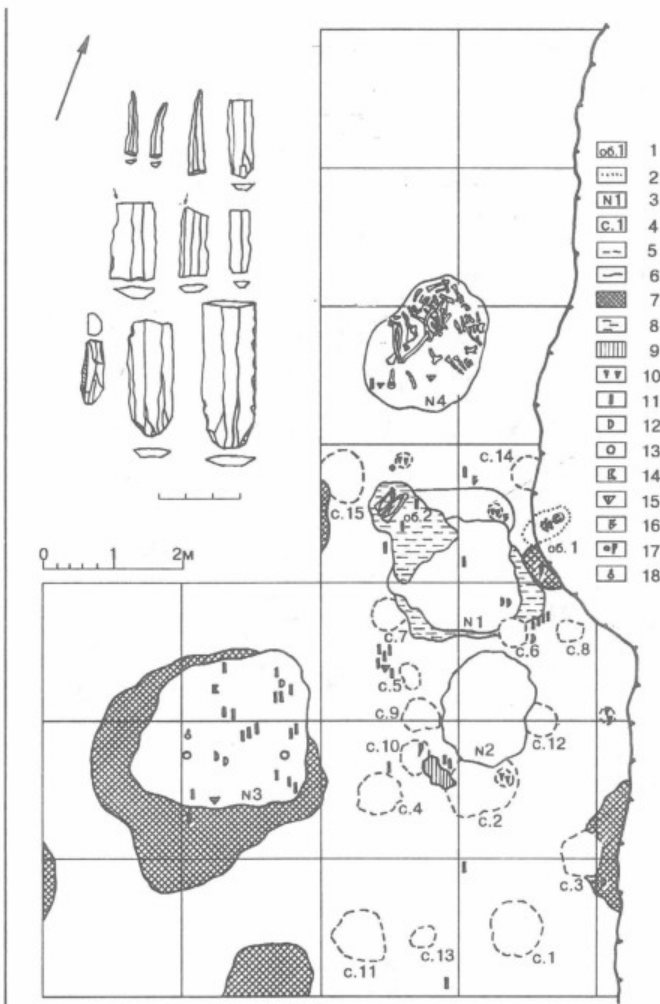

Рис.5 Погребение Песчаница. План (сводный).

1-Объект №1, №2, 2-граница захоронения (предполагаемая), 3-ямы, 4-скопления костей животных, 5-граница скопления, 6-граница ямы, 7-охристые пятна, 8-белая глина, 9 - пятно красителя, 10-угли, 11-пластина, 12 - скребок, 13-комбинированное орудие, 14 - скобель, 15-нуклеус, 16-резец, 17-орудия из кости, 18-проколка.

Fig.5 The cemetery Peschanitsa. Summary plan. 1 - Objects №1, №2, 2-boundary of the burial (assumed), 3-pits, 4-accumulations of animal bones, 5-boundary of accumulation, 6-boundary of the pit, 7-ochre patches, 8-white clay (kaolin), 9-a patch of dye, 10-coals, 11-a lame, 12-an end-scraper, 13-a combined tool, 14-a scraper, 15-a core, 16-a burin, 17-bone tools, 18-an awl.

причем преобладают кости зайцев, например, в скоплении 2 найдены остатки 6 особей, в другом скоплении - 7 особей зайца-беляка. В скоплении 5 обнаружен костяк рыбы в анатомическом порядке (линь длиной 42 см), в скоплении 10 - голова и кости утки.

Вещественный материал из Песчаницы представлен кремневыми изделиями мезолитического времени - тесловидными орудиями (2 экз.), скребками на отщепах (18 экз.),

ширину 2 см (рис.5). Она могла служить ножом. В заполнении ямы найдены сколы нуклеусов (2 экз.) и отщеп с ретушью. На поверхности ямы 4 обнаружены следы белой глины. Высказанное предположение о естественном сползании костей из культурного слоя в яму, вымытую ручьем, было опровергнуто всеми наблюдениями.³ Кроме того, на раскопанном участке культурного слоя нет.

Верхняя часть ямы 2 была повреждена карьером и отчетливо прослежена только на глубине 90 см от современной поверхности, ее глубина достигала 40 - 50 см. Устроенная так же как и яма 1, была заполнена охристым песком и содержала отдельные кости животных. Вокруг ямы 2 были сосредоточены самые большие скопления костей животных (рис.5).

Яма 3 отличалась от остальных. Она выявлена на уровне древней поверхности в виде темного пятна трапециевидной формы размером 330x370 см, а на глубине 35 см от нее приобрела почти квадратные очертания 220x170 см, толщиной 20 см, смещенное к северной границе ямы. Эта конструкция похожа на описанное выше сооружение ритуального характера, обнаруженное на могильнике Попово. В яме 3 на уровне пола найдены несколько мелких ножевидных пластин, проволока, скребки на отщепах с валунной коркой на спинке, кусок кварцита, напоминающий наковальню.

Скопления костей животных, скорее всего связанные с ритуальными действиями, сосредоточены вокруг ям 1 и 2 на глубине 20-40 см. Они содержат определенные части животных,

³В работе принимали участие почвоведы В.М.Алифанов и Л.А.Гугалинская

угловыми резцами на отщепах (2 экз.) и пластинах (2 экз.), скребком-скобелем (1 экз.), скобелем на пластине (1 экз.), пластинами (69 экз., в том числе 4 ребристые), проколкой (1 экз.), обломками орудий (5 экз.), отщепами с ретушью (21 экз.), нуклеусами в обломках (11 экз.), а также орудиями из кости (3 экз.), всего 133 экз. Орудия были сосредоточены почти исключительно в ямах.

Основным объектом, вокруг которого сгруппированы все ямы и скопления костей является захоронение человека, остатки которого сохранились между карьером и ямой 1 (тазовые кости, ребра). В могиле не было костей ног. Вероятно, именно этому человеку принадлежат ноги, захороненные отдельно, над ямой 1. Сопоставление черепа и костей ног проводилось рядом специалистов (палеоантропологи, судмедэксперт, патологоанатом), которые отметили наличие сходных дефектов на левой лицевой части черепа и на костях ног. Есть предположение, что погребенный в Песчанице мужчина 50–55 лет болел туберкулезом. Кроме упомянутой патологии на костях ног видны поперечные царапины, нанесенные, вероятно, кремневой пластиной. Из этого следует, что в момент захоронения они были лишены мягких тканей. Череп относится к европеоидному антропологическому типу. По костям ног получена дата C^{14} – 9890±120 ГИН 4858.

Могильник Попово и погребение Песчаница принадлежат культуре Веретье. Они вынесены на возвышенную местность неподалеку от поселений. Погребальный обряд был связан с сооружением ритуальных ям, в которые помещали орудия и части туш животных, ямы засыпали охрой, изредка белым красителем. Рядом располагались погребения с орудиями труда и украшениями. Сходные сооружения известны в Оленеостровском могильнике. Возле погребения 25, у правой руки умершего была яма конической формы, заполненная мелкими костями животных и охрой, а у ног погребения 27 обнаружен очаг из камней, уложенных кругом, заполненный охрой, символизирующей огонь (Гурина 1956:230,282). Есть определенное сходство в погребальном инвентаре захоронений культуры Веретье и Оленеостровского могильника, имеются аналогии и в расположении могильников, они размещаются за водой.

Возраст Оленеостровского могильника предположительно определялся рубежом VI–V тыс. до н.э. (Филатова 1972:33) или первой половиной IV тыс. до н.э. (Панкрушев 1978: 66). Недавно получена серия дат C^{14} по костному материалу из его погребений (Мамонова, Сулержицкий 1989; Oshibkina 1989:403). Даты расположены в пределах второй половины VI–начала V тыс. до н.э., кроме погребения 100 (9910±80 ГИН 4836). Серия дат по костному материалу получена в лаборатории Оксфорда (Douglas Price 1989). Она имеет большой разброс, но компактная группа дат показывает возраст – VI тыс. до н.э. Таким образом, по времени Оленеостровский могильник следует за могильниками Восточного Прионежья.

Судя по материалам могильников, культура Веретье оставлена архаичным европеоидным населением раннего и среднего мезолита. Ее истоки, видимо, уходят в пребореальный период. В Оленеостровском могильнике (поздний мезолит) представлен в основном тот же антропологический тип. Вместе с тем, на этом памятнике есть группа населения, которую первоначально считали монголоидной. В настоящее время установлено, что она относится к архаичному восточноевропейскому типу (Якимов 1960; Гохман 1986).

Этнографические и лингвистические исследования последнего времени (Напольских 1990) также указывают на присутствие этого компонента и на его восточноевропейское происхождение. Известная близость могильников Восточного Прионежья и Оленеостровского позволяет предположить, что они оставлены этнически близким населением. Другую группу образуют могильники Карелии (Сямозерский II, Черная Губа) и сходные памятники Финляндии, могильники и отдельные погребения, относящиеся к культуре Суомусярви (Пурхонен 1984: 42). Таким образом, для мезолита севера России намечаются две разные традиции погребального обряда. Для второй группы характерно захоронение умерших в культурном слое, без инвентаря и ритуальных сооружений. Различные традиции могут объясняться этнокультурными особенностями. Об антропологическом составе населения второй группы могильников пока ничего не известно.

В настоящее время можно считать, что первое население севера Восточной Европы было европеоидным. Кроме уже известного населения, представленного памятниками Восточного Прионежья и частично Оленеостровским могильником на обширных восточных территориях, в бассейнах больших рек обнаружено много стоянок эпохи мезолита,

которые, видимо, оставлены населением, принадлежавшим к этому древнему восточно-европейскому антропологическому компоненту.

- БАДЕР, О.Н. 1936. Археологические раскопки у деревни Языково и на озере Скорбеж летом 1935 г. в связи с вопросом о древнем лапоноидном компоненте в антропологическом типе современного населения Восточной Европы // Антропологический журнал 2: 257–262.
- БРИУСОВ, А.Я. 1961. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области: 72–162. Вологда: Вологодский областной краеведческий музей.
- ГОРОДЦОВ, В.А. 1926. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Материалы по изучению Владимирской губернии // Труды Владимирского государственного музея 2: 3–30. Владимир: Призыв.
- ГОХМАН, И.И. 1984. Новые палеоантропологические находки эпохи мезолита в Каргополье // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии: 6–27. Ленинград: Наука.
1986. Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения севера европейской части СССР: 216–222. Ленинград: Наука.
- ГУРИНА, Н.Н. 1956. Оленеостровский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР 47. Москва–Ленинград: АН СССР.
- ДАГЛАС ПРАЙС, Т.Э.БРИНЧ ПЕТЕРСЕН. 1987. Мезолитический лагерь на территории Дании // В мире науки 5: 73–81. Москва: Мир.
- МАМОНОВА, Н.Н., Л.Д.СУЛЕРЖИЦКИЙ. 1989. Опыт датирования по C^{14} погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Советская археология 1: 19–32.
- НАПОЛЬСКИХ, В.В. 1991. Народы уральской языковой семьи // Материалы к серии "Народы Советского Союза" 5. Москва: Наука.
- ОШИБКИНА, С.В. 1982. Мезолитический могильник Попово на реке Кинеме // Советская археология 3: 122–138.
1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. Москва: Наука.
1989. Озера европейского Севера в раннем голоцене // История озер. VIII Всесоюзный симпозиум: 95–96. Минск.
- ПАНКРУШЕВ, Г.А. 1978. Мезолит и неолит Карелии 1. Ленинград: Наука.
- ПУРХОНЕН, П. 1984. Группа могильников с красной охрой. Общие черты в формах могильников Финляндии и Восточной Карелии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады Третьего советско-финского симпозиума по вопросам археологии 11–15 мая 1984 г.: 41–46. Ленинград: Наука.
- ТЕЛЕГИН, Д.Я. 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев: Наукова думка.
- ФОСС, М.Е. 1938. Погребения на стоянке Кубенино (Архангельская область) // Труды государственного Исторического музея 8: 73–91. Москва: Государственный Исторический музей.
1952. Древнейшая история севера европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР 29. Москва: АН СССР.
- ФИЛАТОВА, В.Ф. 1972. К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и поздне мезолитических // Археологические исследования в Карелии: 10–33. Ленинград: Наука.
- ЯКИМОВ, В.П. 1960. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // Сборник Музея антропологии и этнографии 19: 221–359. Москва–Ленинград: АН СССР.
- BRINCH PETERSEN, E. 1988. Ein mesolithisches Grab mit acht Personen von Strøby Egede, Seeland // Archäologisches korrespondenzblatt 18/2: 121–125. Mainz.
- DOUGLAS PRICE, T., J.KENNETH. Olenii Ostrov: Radiocarbon dates from a major Mesolithic cemetery in Karelia // Mesolithic Miscellany 10/2: 3–6.
- OSHIBKINA, S.V. 1989. The Material Culture of the Veretye-type sites in the Region to the East of Lake Onega // The Mesolithic in Europe. Edinburgh

METHOLITHIC GRAVES TO EAST OF THE ONEGA LAKE

Summary

In the region near Lake Onega there have been recently discovered a neolithic cemetery in the Popovo area and the Peschanista grave. They are situated close to the south-eastern coast of Lake Lacha in the Kargopol administrative area of the Arkhangelsk region. While studying these sites we have paid special attention to the burial conditions, the relationship of the sites to the cultural layer and also to the determination of the context of the sites. The cemetery at Popovo was discovered in 1979 and the graves which were excavated were published (Oshibkina 1982, 1983).

In this article we present three more graves (VIII, IX, and X). It is clear that the site belongs to the Veretie culture which was spread to the east of the Onega lake in the large former glacier area early in the Boreal or probably even earlier. Bone and stone artifacts which have been found on the site confirm the fact that the cemetery belongs to the population which occupied the sites Veretie, Sukhoe and Niznee Veretie. The Popovo cemetery stands apart from the settlements, being situated in a specially allocated area.

In Peschanista site we discovered a complicated burial arrangement which consisted of a male skeleton in a grave whose leg bones had been separately buried nearby and 4 pits and 15 accumulations of animal and fish bones.

The male's skull and legs were examined by a number of specialists (paleoanthropologists, pathologists, forensic scientists), who consider that they belong to one person of about 50 or 55 years old, who had TB, which resulted in the typical damage to the surface of the bone. Here we have a case of a complicated burial rite of the early Mesolithic. A bone from the male skeleton is dated to 9890 ± 120 BP (GIN 4858). The burial was made on the top of a glacial moraine and was surrounded by pits (about 700–110 cm deep) containing animal bones (skulls of hares, fox and bird bones), which had been covered with ochre. The tools consisted of blades, burins and separate bone tools similar to the Veretie type.

Both sites are not related to the cultural layer of the settlement. The dead are considered to be tall archaic Europeans.

НОВЫЕ РАСКОПКИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В НИЗОВЬЯХ ДУНАЯ

Н.Н.СКАКУН*

В начале 60-х годов на Украине, на левом берегу Дуная, в районе пресноводных озер была обнаружена новая, неизвестная здесь ранее культура, резко отличавшаяся от распространенной на сопредельных территориях культуры Кукутени-Триполье (Черняков 1962:141; Черныш, Черняков 1964:89–96; Субботин 1975а, 1983). Вскоре подобные памятники были найдены на юге Молдавии в низовьях Прута (Бейлекчи 1970:3-9; 1978). Аналогии, наиболее ярко проявившиеся в керамическом комплексе (форма и орнамент сосудов), сближали вновь открытые древности с материалами так называемого культурного аспекта Алдени II, ареал которого простирается юго-западнее, в Румынии, по правому берегу Дуная (Пассек, Черныш 1965:6-19; Comsa 1963:7-31). По мере накопления материала выяснилось, что поселения левобережья Дуная обладают значительным своеобразием. Это обстоятельство послужило причиной дискуссии, развернувшейся вокруг их культурной принадлежности. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что одни исследователи, акцентируя внимание на различиях, предложили выделить эти памятники в локальный вариант или самостоятельную культуру, названную по эпонимному поселению Болградской; другие, напротив, подчеркивая общие черты с балканскими находками, расценивали их как часть культуры Гумельница (Бибииков 1966; Субботин 1975а, 1983; Бейлекчи 1978). После выделения из Балканской культурной общности эпохи энеолита – Коджадермен-Гумельница-Караново IV – культуры Варна в Болгарии (Тодорова 1979; Todorova 1978:136-146) поселения Северо-Западного Причерноморья было предложено рассматривать как самые северные форпосты этой культуры, снискавшей себе всемирную известность уникальными находками из раскопок могильников и поселений (Иванов 1978:13-19; Тодорова 1986). В то же время в одной из последних обобщающих публикаций по энеолиту Юго-Восточной Европы нижнедунайский поселения описаны в рамках культуры Болград-Алдени II (Черныш 1982:253-256). Однако при этом отмечается, что многие вопросы как общего, так и частного плана остаются неразрешенными из-за недостаточности источниковедческой базы, необходимой для всесторонней характеристики этих памятников, имеющих большое значение для понимания культурно-исторических процессов, происходивших в конце энеолита на юго-востоке Европы. Поэтому в 1983 г. на одном из поселений левобережья Дуная – Нагорное II – были возобновлены археологические раскопки (Скакун 1985:354; 1987:413; Skakun 1992:242-243). В этой публикации мы не ставим себе целью дать полное описание всех полученных материалов, а останавливаемся лишь на тех из них, которые были мало известны ранее.

Нагорное II – многослойный памятник, расположенный на высокой береговой террасе озера Кагул в 15 км севернее Дуная и в 40 км от города Измаил. С северной стороны он ограничен оврагом, с запада – береговыми обрывами, а юго-восточная часть его сильно разрушена современными строительными работами. Площадь поселения к началу его исследования А.В.Субботиным составляла 1 га (Субботин 1983:24-27). В настоящее время значительная часть поселения уничтожена береговыми оползнями и карьером. Однако, несмотря на это, во всех культурных горизонтах, кроме богатого и разнообразного археологического материала удалось выявить ряд жилых и хозяйственных сооружений. На поверхности поселения были найдены фрагменты славянской керамики IX–XI вв., верхний горизонт содержал остатки черняховской культуры раннего железного века; ниже залегал слой, относящийся к античному времени, жилые комплексы которого были выделены в результате наших раскопок (Скакун, Романова 1987:215-216). Последний слой – энеолитический – датируется концом IV тыс. до н.э. Стратиграфия памятника

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трассологическая лаборатория.

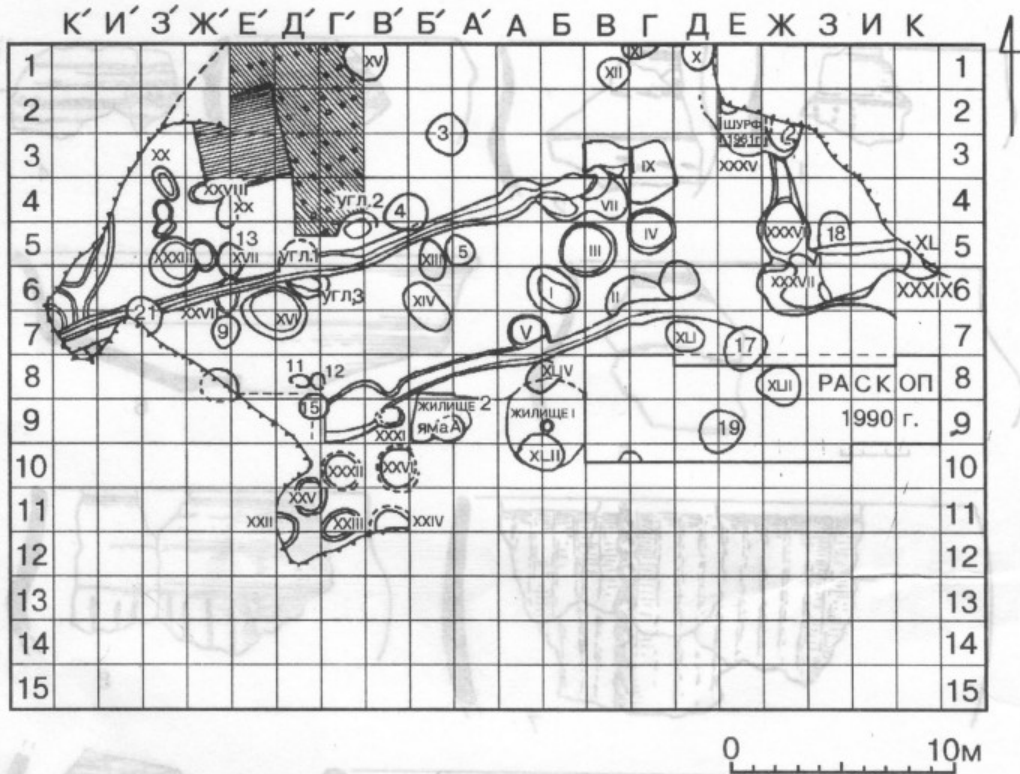

Рис.1 План раскопок поселения Нагорное II (1983-1991 гг).

Fig.1 The plan of excavations at Nagornoje II (1983-1991).

чрезвычайно сложна из-за проникновения многочисленных разновременных сооружений в нижние горизонты, залегающие в лессе. Эти обстоятельства сильно затрудняли раскопки.

Тем не менее на энеолитическом поселении были обнаружены принципиально новые архитектурные комплексы. Особенно большой интерес представляет собой открытие наземного глинобитного дома. Подобные жилища встречались и на других поселениях левобережья Дуная, но они, как правило, сильно разрушены и поэтому слабо фиксируемы (Субботин 1983:24-26). Жилище в Нагорном II (рис.1; кв.Д^I Г^I Е^I 1-5) не было разрушено поздними строениями, но его северную часть уничтожил оползень. Жилище прямоугольной формы, вытянутое с юга на север, имело площадь 42 кв.м. Его границы удалось выявить только по плотности остатков разрушения конструкций дома, представляющих сплошной нерасчленимый массив необожженной глины толщиной до 50 см. Только в северо-западном углу удалось расчистить отдельные глинобитные пласты, волнообразно налегающие друг на друга. После снятия завала на всей площади был открыт ровный утрамбованный земляной пол с сохранившимися участками обмазки толщиной до 2,5 см. На полу лежали фрагменты нескольких сосудов, кремневые орудия труда, два каменных топора, а у восточной границы пола были найдены два целых сосуда, один из которых был раздавлен, а другой (крупный целый горшок) стоял на венчике (рис.3:3). В южной части жилища на глинобитной обмазке находилась зернотерка, а неподалеку от нее – выложенный из мелких камней округлый столбик высотой 10 см. При расчистке контуры жилища по цвету и плотности четко отличались от окружающего грунта, хотя никаких ямок от столбовых конструкций найти не удалось. Это существенно отличает жилище на поселении Нагорное II от домов времени Караново VI в Болгарии (Тодорова 1979; Todorova 1982) и поселений Румынии (Dragomir 1983:131). Раскопанный в Нагорном II дом, возможно, был построен тем же способом, каким строятся в настоящее время жилые дома в низовьях Дуная. Основным строительным материалом является глина, смешанная с соломой (чамур), из которой возводятся толстые лепные

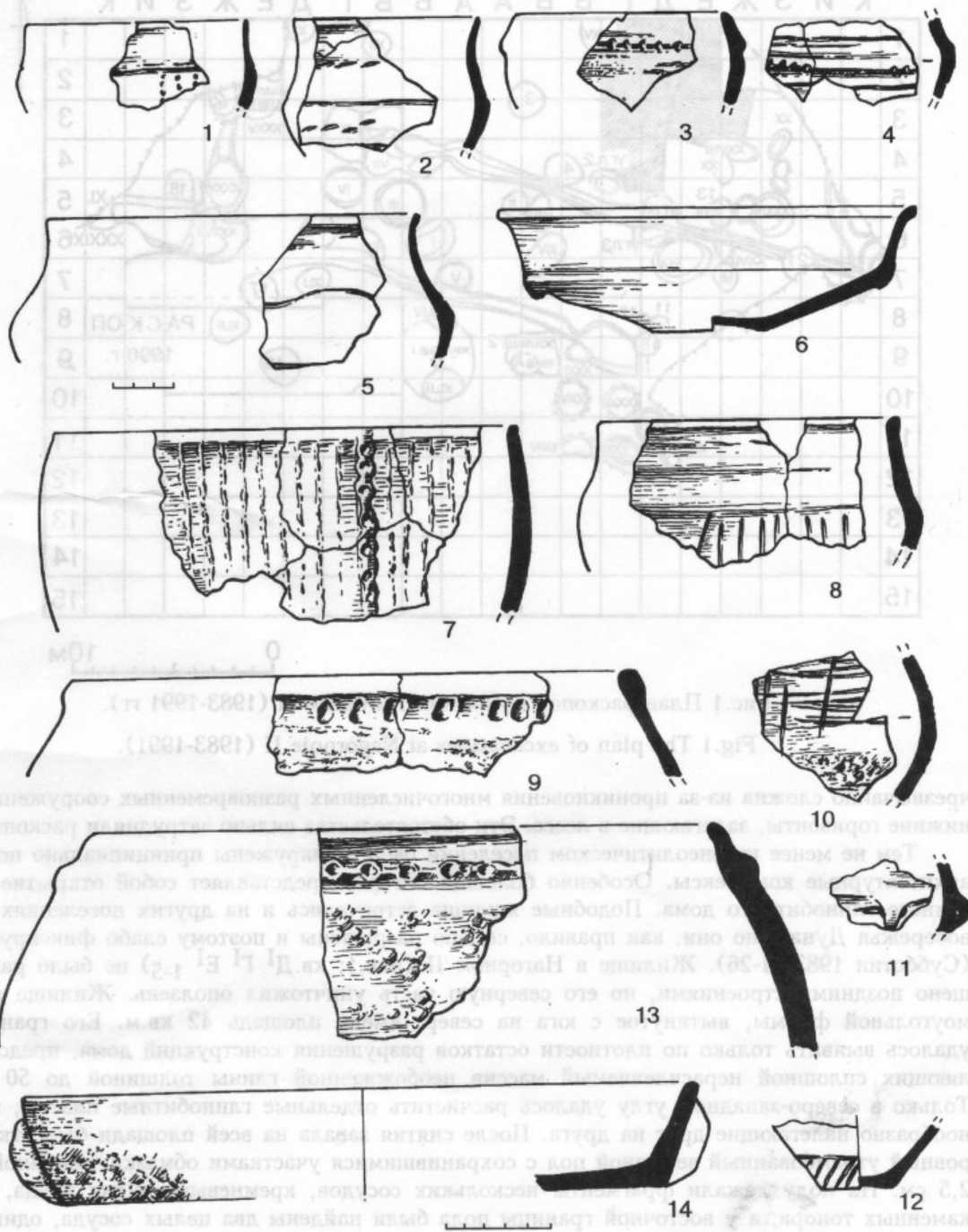

Рис.2 1-14. Фрагменты энеолитической керамики.

Fig.2 1-14. Fragments of Aeneolithic pottery.

стены с минимумом деревянных элементов (Скакун, Семенов 1988). Процесс строительства и разрушения таких зданий хорошо описан К.В.Зиньковским, специально занимавшимся проблемами глинобитной архитектуры эпохи энеолита (Зиньковский 1976). К юго-западу от постройки находился очаг-печь из двух ям глубиной до 50 см. Собственно очаг (первая яма) имел правильные овальные очертания, его диаметр 210 см, вторая же яма служила местом для сброса золы, ее диаметр 120 см (рис.1; кв. З^I Ж^I 5,6). Стенки очага были покрыты глиняной обмазкой. В верхней части заполнения обнаружены прокаленные до коричневого цвета глиняные вальки подквадратной формы (20-25 x 25). Они располагались по кругу, наклонно к центру ямы и, вероятно, являлись частью очажной конструкции. Поверхность вокруг очага покрыта обожженной в разной степени обмазкой. Две столбовые ямы, найденные с северной стороны, позволяют предполагать, над очагом было устроено перекрытие. В очаге и около него обнаружены многочисленные фрагменты керамики, кости животных, а также уникальная по своему иконографическому типу крупная антропоморфная статуэтка (рис.4).

Следующий комплекс, не имеющий аналогов на других поселениях, состоял из пяти крупных ям, диаметром 1,5-2,8 м (рис.1; кв. ЕЖ₂₋₆, ЗИК₅₋₆), соединенных коридоробразными траншеями, направленными почти под прямым углом друг к другу (длина траншей 2,5-4 м, ширина 0,65-0,80 м, глубина до 1 м). Стенки последних пологие, дно плоское (ширина 0,2-0,4 м). Траншеи соединяются с ямами порогами. Судя по расположению ям и траншей, можно предполагать, что существовала северо-восточная половина этого комплекса, которая была уничтожена оползнем. Немногочисленные находки сосредоточены в основном в ямах. Характер находок (керамика, кости животных, кремневые изделия), а также отсутствие очага не позволяют с достаточной уверенностью установить назначение этого комплекса, хотя, судя по размерам ям, он мог быть жилым.

Большой интерес представляют два "ровика" или "канавы", пересекающие раскопанную часть поселка с востока на запад и направленные параллельно друг другу и перпендикулярно береговой линии озера. На своем пути "ровики" прорезают несколько хозяйственных ям, общее количество которых на поселении достигает 50 (рис.1). Ширина ровиков колеблется от 0,4 м в восточной части до 1 м в западной, глубина их также увеличивается по мере продвижения на запад; их стенки пологие, а дно плоское, длина около 20 м. Один из "ровиков" начинается вблизи небольшой ямы. В этом месте он образован несколькими неглубокими ответвлениями. Затем "ровик" разрезает комплекс ям, названный А.В.Субботиным землянкой, и завершается на краю террасы расширением, переходящим в яму, в которой обнаружено два крупных сосуда. Другой "ровик" берет начало рядом с крупной ямой, возможно, являющейся котлованом землянки. Затем он проходит в непосредственной близости от наземного жилища и очага, как бы ограждая их, перерезает хозяйственную яму овальной формы и заканчивается несколькими глубокими ответвлениями, в конце одного из которых найдена небольшая частично сохранившаяся яма. Части трех аналогичных "канав-ровиков" были раскопаны на поселении Болград (Пассек, Черныш 1965: рис.2; Субботин 1984:17). Похожие сооружения, интерпретируемые как фортификационные, имеются на энеолитических памятниках Болгарии (Тодорова 1979:48-51; Иванов Т. 1984:89). Румынское поселение Сучевань (Алдени II) окаймлено четырьмя рвами (Dragomir 1983:127-130). Считается, что подобные "канавы" могли служить для вкапывания оград около жилищ, либо должны были окружать все поселение. На вероятность такой интерпретации указывает и тот факт, что один из "ровиков" в Нагорном II, проходя в непосредственной близости от наземного жи-

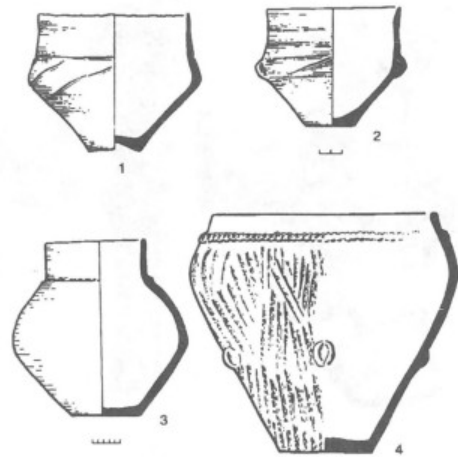

Рис.3 1-4. Целые формы энеолитической керамики.

Fig.3 1-4. Intact Aeneolithic pottery.

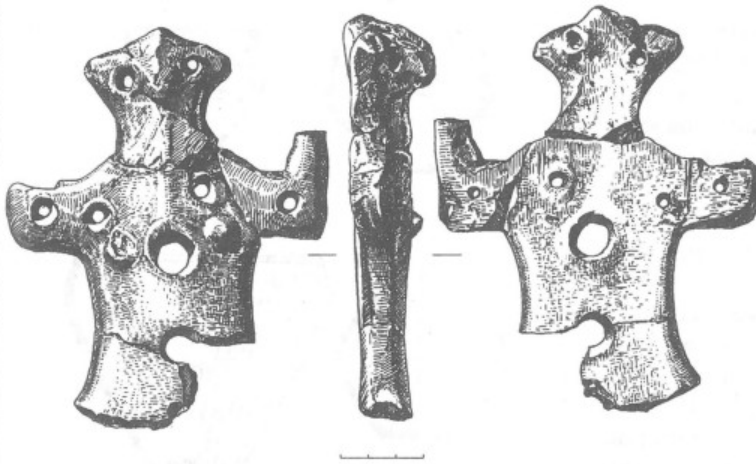

Рис.4 Фрагмент антропоморфной статуэтки.

Fig.4 Fragment of an anthropomorphous figurine.

1966:98) о двух строительных периодах энеолита в Нагорном II пока не имеет стратиграфических подтверждений. Быть может, этот вопрос будет прояснен после обработки керамического материала, найденного на поселении в большом количестве.

Несмотря на большую фрагментарность керамики на поселениях в низовьях Дуная, в Нагорном II найдены целые сосуды. Кухонная посуда представлена крупными лепными горшками и котлами, сковородами и т.д. Их поверхность намеренно шероховатая, с расчесами; венчики часто украшены налепными валиками с пальцевыми вдавлениями, туловища имеют парные налепные ручки и ушки (рис.2:7,9,13,14), Тонкостенная (столовая) керамика отличается большим разнообразием форм, среди которых наиболее характерны горшки, миски, кубки. Их форма безупречна, а орнамент поражает изысканностью сочетаний (рис.2:1-6,8,10,11,12). Поверхность столовых сосудов серая или смлисто-черная, с прекрасным лощением, придающим ей сходство с античным лаком. Орнамент выполнен разнообразными способами: накольчатый, резной, полихромный, графитный. Высокое качество этой керамики позволяет предполагать использование ручного гончарного круга (Тодорова 1979:47). Предварительные данные свидетельствуют о близости данного керамического комплекса с комплексом Алдени II (Dragomir 1983:171), кроме того, имеются некоторые аналогии и с материалами культуры Варна (Тодорова 1978).

Особенностью каменных орудий является не только их близкое сходство с орудиями этого времени в Болгарии и Румынии (Скакун 1986:91-108; 1987а), но и идентичность сырья: все они изготовлены из добруджанских пород камня (Петрунь 1967:50-59; Черныш 1969:23-26) (рис.8:1-13). Кремневые инструменты доставлялись в Нагорное II из балканских кремнеобрабатывающих центров в виде заготовок или готовых орудий труда. Среди находок совершенно отсутствуют нуклеусы или какие-либо другие отходы производства, указывающие на расщепление добруджанского кремня на поселении (Скакун 1987). Исключительное совершенство заготовок, которые в подавляющем большинстве представлены крупными пластинами геометрически правильных очертаний с ровными острыми краями, позволяет говорить о расцвете техники обработки камня, обрабатывавшегося в специализированных мастерских мастерами-профессионалами (Скакун 1984:83-84) (рис.8:4-11). Трасологические исследования орудий труда, проведенные автором, показали, что на поселении имелся богатый набор специализированных орудий труда различного назначения: вкладыши серпов, зернотерки, ножи для разделки мяса, инструменты по обработке шкур, кож, дерева, рога, кости, керамики, металла, а также вкладыши молотильной доски, впервые выделенные на поселениях культуры Варна (Скакун 1987а). Способы изготовления и применения инструментов, их дифференциация, специализация и качество изготавливаемой продукции свидетельствуют, что в хозяйстве земледельческого населения нижнего Дуная происходили те же процессы, связанные с

лица и в особенности от очага, несколько не разрушает их, а только ограничивает (рис.1).

В ходе раскопок были зафиксированы засыпки нескольких сооружений и выравнивание площадок над ними. Поскольку эти вновь спланированные участки, как правило, больше не использовались под жилые или хозяйственные комплексы, можно предполагать, что поселение существовало небольшой отрезок времени. Точка зрения С.Н.Бибикова (Бибиков

появлением ранних форм ремесла, что и в центрах земледельческих культур на Балканах (Скакун 1987а).

На поселении Нагорное II собрана богатая коллекция предметов глиняной пластики. Особый интерес представляет верхняя часть крупной женской статуэтки серого цвета, найденная около очага (рис.4). Ее небольшая голова покоится на массивной шее, треугольная лицевая часть имеет два симметричных выступа возле проколотых глаз. Нос выполнен защипом. Грудь на уплощенном торсе обозначена небольшими налепами, руки согнуты в локтях и подняты вверх. Между грудями, у шеи, пупка и на руках

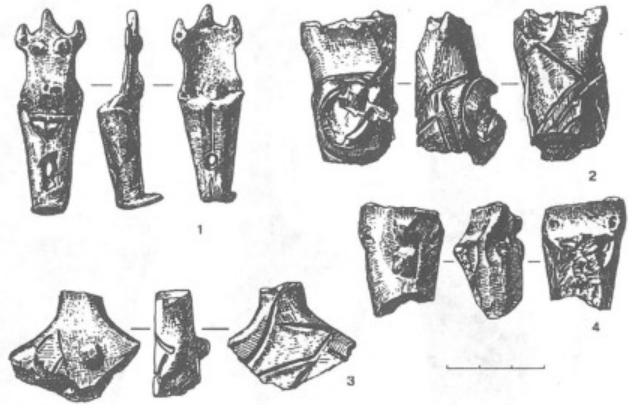

Рис.5 1-4. Фрагменты антропоморфных статуэток.
Fig.5 1-4. Fragments of an anthropomorphic figurine.

проделаны крупные сквозные отверстия. Другие женские статуэтки представлены уплощенными и объемными скульптурками. Некоторые из них имеют на груди, спине, бедрах нарезной орнамент или знаки (рис.5:1-3; 6:2,6). Но если женские статуэтки являются обычной находкой на большинстве древнеземледельческих памятников Балкан, то мужские изображения редки. Тем не менее, на поселении Нагорное II их найдено 7 экземпляров. Все они сохранились в обломках, у которых верхняя часть отсутствует. Ноги не разделены, вылеплены в виде столбика и заканчиваются одной ступней, выполненной защипом. Пупок и признаки пола отмечены налепами (рис.5:4; 6:3-5). Уникальная статуэтка изображает двуполое божество (рис.6:1). Верхняя уплощенная часть с небольшой грудью хорошо залощена, руки и голова не сохранились, ноги выполнены в виде сужающегося к ступне столбика, имеющего следы продольных срезов, сделанных по сырой глине. На бедрах проколоты сквозные отверстия. Этот тип статуэток неизвестен ни на левом, ни на правом берегах Дуная (Бесфамильная 1966:7-8; Субботин 1976:21-36; Бейлекчи 1989:36-47; Dragomir 1983:172-179).

К вотивным предметам из Нагорного II относятся глиняные ромбовидные амулеты и миниатюрный алтарик (рис.7:1-5,10). На поверхности амулетов имеются прочерченные и штампованные геометрические изображения и сквозные отверстия. Темно-серая поверхность одного из них хорошо залощена с двух сторон, по диагонали прочерчена широкая полоса, прокрашенная красной краской. Подобные изделия найдены на поселениях по обоим сторонам Дуная (Субботин 1983:114; Dragomir 1983:181). Форма алтарика полностью копирует балканские находки (Тодорова 1979:65), на двух его сторонах процарапано изображение дерева (рис.7:10).

Находки медных вещей на поселениях левобережья Дуная чрезвычайно редки. Всего обнаружено 6 металлических предметов, из них два (пронизка и кольцо с несомкнутыми концами) найдены в Нагорном II (рис.7:8,9). Аналогичное кольцо известно из Болгарда (Пассек, Черныш 1965:9). Привлекают внимание створки раковин, у которых естественный рисунок поверхности углублен процарапыванием параллельных полос, расположенных в два яруса (рис.7:6,7).

Планомерные раскопки поселения Нагорное II позволили выделить в самом раннем энеолитическом горизонте ряд новых строительных комплексов. Среди них: наземный глинобитный дом, углубленное сооружение из нескольких ям, соединенных траншеями, два рва. Полученные материалы не только существенно расширили представления о характере основных компонентов энеолитической культуры на левобережье Дуная, но и показали тождество многих из них с материалами памятников правобережья (Алдени II), а также обнаружили аналогии с энеолитом Причерноморья Болгарии. Вместе с тем, установлено известное своеобразие нижнедунайских памятников, объясняемое удаленностью от балканских центров и связями с трипольским миром.

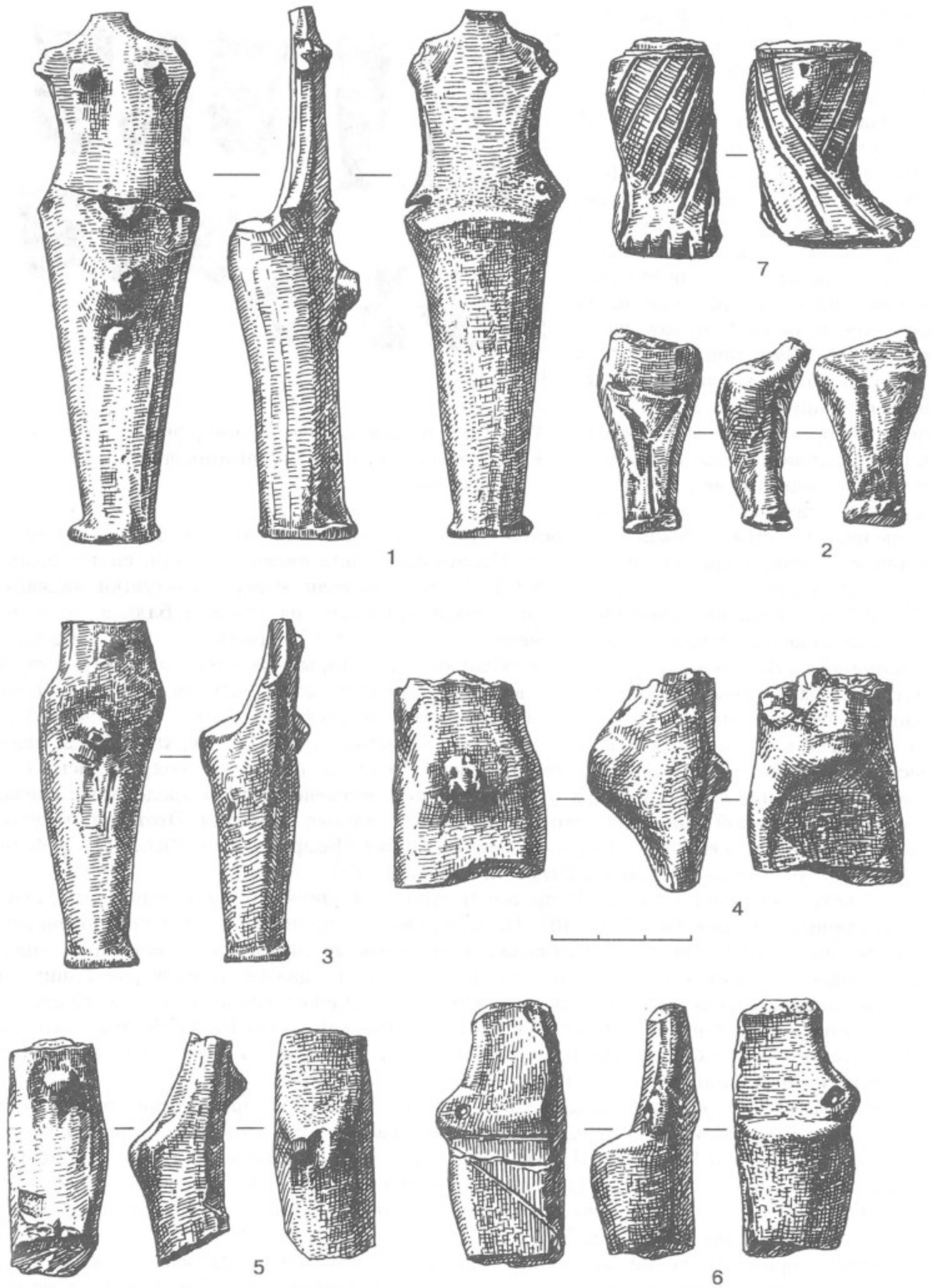

Рис.6 1-7. Фрагменты антропоморфных статуэток.
 Fig.6 1-7. Fragments of an anthropomorphic figurine.

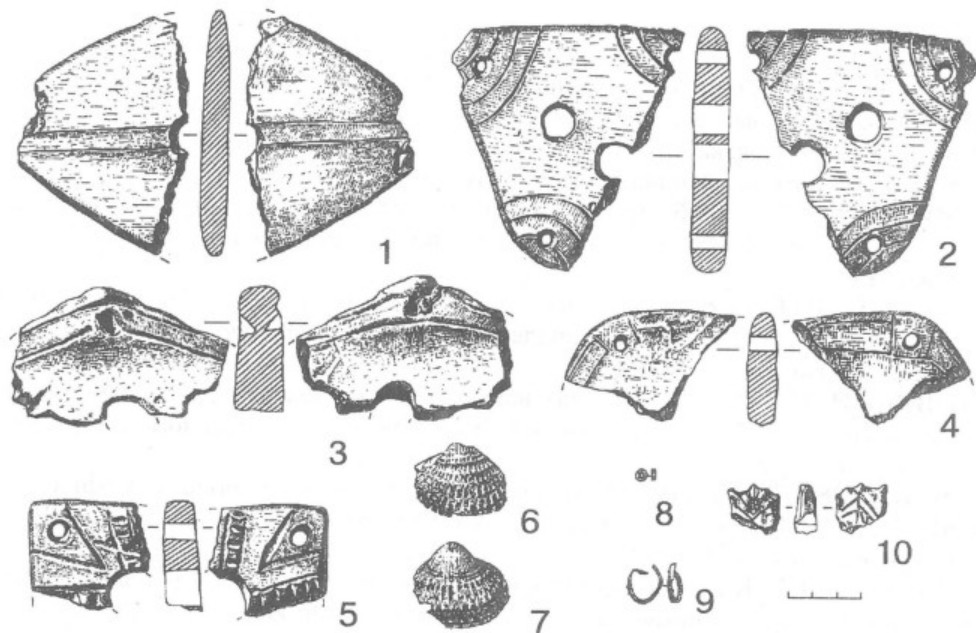

Рис.7 1-10. Вотивные предметы и украшения.

Fig.7 1-10. Votive objects and ornaments.

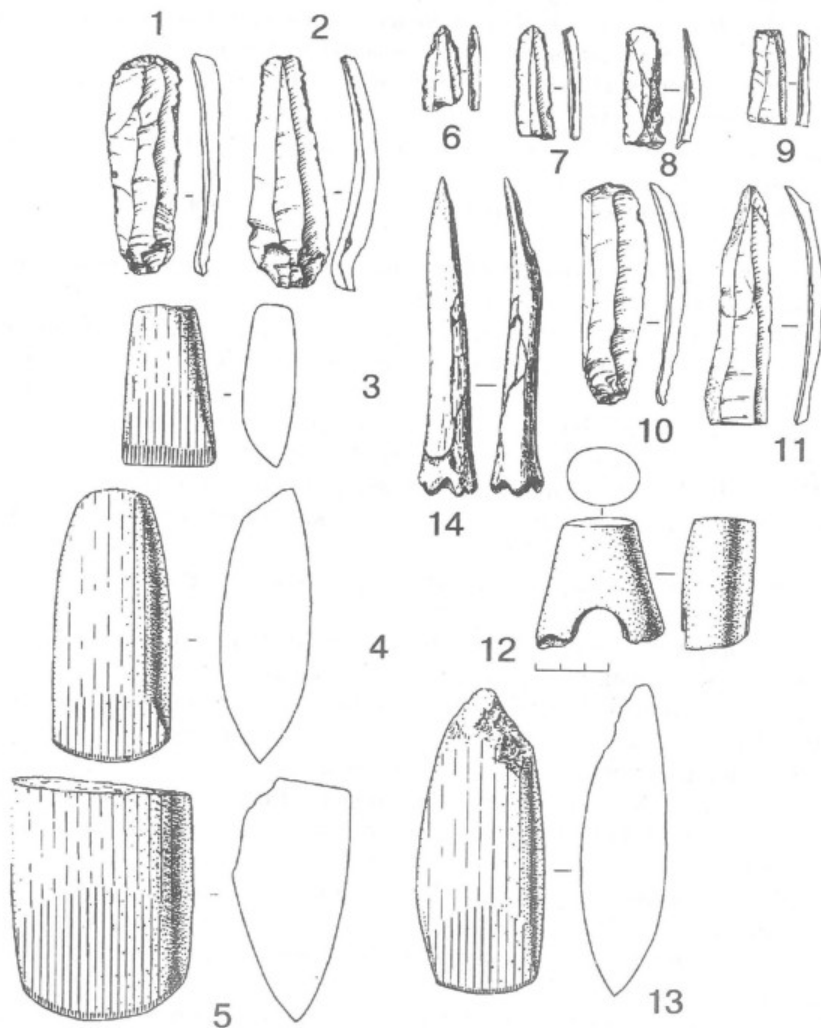

Рис.8 1-14. Орудия труда.

Fig.8 1-14. Working tools.

- БЕЙЛЕКЧИ, В.С. 1970. Поселения культуры Гумельница на территории СССР // Известия АН СССР: серия общественных наук 2: 3-9. Кишинев.
1978. Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная // Кишинев: Штиинца.
1989. Изображение человека в культуре Гумельница // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии: 36-47. Кишинев: Штиинца.
- БЕСФАМИЛЬНАЯ, Е.В. 1966. Антропоморфные изображения культуры Гумельница в СССР // Пленум Института археологии 1966 г. Секция неолита и бронзы: 7-8. Москва: Наука.
- БИБИКОВ, С.Н. 1966. О хронологическом разделении памятников Триполья-А и также Гумельницы (Алдени II) на юго-западе СССР // VII Международный конгресс: 93-100. Москва: Наука.
- ЗИНЬКОВСКИЙ, К.В. 1976. О методах изучения домостроительства племен трипольской культуры // Материалы по археологии Северного Причерноморья 8: 21-36. Киев: Наукова думка.
- ИВАНОВ, И. 1978. Съкровищата на Варненския халколитен некропол. София.
- ИВАНОВ, Т. 1984. Многослойное поселение у с.Радинград Разградского района // Studia praehistorica 7: 81-98.
- ПЕТРУНЬ, В.Ф. 1967. К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами юго-запада СССР // Краткие сообщения Института археологии 111: 52-59.
- ПАССЕК, Т.С., Е.К.ЧЕРНЫШ, 1965. Открытие культур Гумельница в СССР // Краткие сообщения Института археологии 100: 6-19.
- СКАКУН, Н.Н. 1984. Кремнеобрабатывающее производство в эпоху палеометалла в Болгарии // III Seminar on petroarchaeology: 83-94. Plovdiv.
1985. Раскопки поселения Нагорное в нижнем Подунавье // Археологические открытия 1983 г.: 354. Москва: Наука.
1986. Орудия труда и хозяйство болгарской (Алдени II) энеолитической культуры // Studia praehistorica 8: 91-108.
1987. Раскопки у с.Нагорное // Археологические открытия 1985 г.: 413. Москва: Наука.
- 1987а. Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих племен Причерноморского района северо-восточной Болгарии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- СКАКУН, Н.Н., Г.А.РОМАНОВА. 1987. Поселение Нагорное II в Нижнем Подунавье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: 215-216. Москва.
- СКАКУН, Н.Н., В.А.СЕМЕНОВ. 1990. Етнографски наблюдения вчерку българского село Одеска област на СССР // Векове 3: София.
- СУББОТИН, Л.Н. 1975. О назначении сквозных отверстий в энеолитических терракотах // Юбилейная конференция "150 лет Одесскому Археологическому музею АН УССР". Тезисы докладов: 47-48. Одесса.
- 1975а. Болгарский локальный вариант культуры Гумельница. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
1976. Антропоморфная пластика гумельницких памятников Юго-Запада СССР // Материалы по археологии Северного Причерноморья 8: 88-92. Одесса.
1983. Памятники культуры Гумельница Юго-Западной Украины. Киев: Наукова думка.
- ТОДОРОВА, Х. 1979. Энеолит Болгарии. София: София-пресс.
1986. Каменна-медната епоха в България. София.
- ЧЕРНЫШ, Е.К. 1964. Многослойное поселение у г.Болград Одесской области // Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея за 1962 г.: 24-30. Одесса.
1965. Глинобитные жилища культуры Гумельница // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 115: 23-28.
1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР: 191-200. Москва: Наука.
- ЧЕРНЫШ, Е.К., И.Т.ЧЕРНЯКОВ. 1964. Археологические разведки в Подунавье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 99: 89-96.

- ЧЕРНЯКОВ, И.Т. 1962. Некоторые археологические находки из Болградского района Одесской области // *Материалы и исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья* 4: 141-142. Одесса.
- BERCIU, D. 1961. Contriutii la probleme le neoliticului in Romania in lumina noilor cercetari. Bucuresti.
- COMSA, E. 1963. Unela probleme ale aspectului culturel Aldeni II // *Studii si cercetaro de Istoria Veche* 1: 7-31.
- DRAGOMIR, I.T. 1983. Eneoliyicul din sud-estul Romaniei (Aspectul cultural Stoicani-Aldeni). Bucuresti.
- DUMITRESCU, V. 1925. Fällis de Gumelnita // *Dacia* 11: Bucuresti.
- SKAKUN, N. 1992. The excavations of the eneolithic site Nagornoje II // *Symposia thracologica* 9: 242-243. Bucuresti.
- TODOROVA, H. 1978. Das Späteaneolithicum an der westlichen schwarzmeerküste // *Studia praehistorica* 1/2: 136-146.
1982. Kupferzeitliche Siedlung in Nordostbulgarien // *Ava-Materieien* 13. München.

NEW EXCAVATIONS OF THE AENEOLITHIC SETTLEMENTS IN THE LOWER DANUBE REGION

Summary

In the early 1960s a new culture was found in the Ukraine and Moldavia on the left banks of the Lower Danube and the Prut. It had not been known there earlier and is quite different from the Cucuteni-Tripolje culture distributed on the neighbouring territories. The parallels, that are most striking in the pottery assemblage (the shape and ornament of the vessels), linked the newly discovered culture with of the Gumelnitsa culture in its early version Aldeni II on the right bank of the Danube in Roumania. However, settlements on the left bank of the Danube are unique. This has prompted a protracted discussion focusing on their cultural affiliation. Many general and special problems have not been solved so far due to the insufficiency of data necessary for a thorough description of these settlements, which are of great importance for the understanding of the cultural and historical processes of the Late Aeneolithic in South-Eastern Europe. For that reason, archaeological excavations were resumed at Nagornoje II, one of the settlements on the left bank of the Danube. The present paper describes the finds which were insufficiently known earlier.

Nagornoje II is a stratified settlements situated near Lake Kagul, 15 kilometres north of the Danube and 40 kilometres from the town Ismail. Its area was 1 hectare by the time of its discovery. In all the cultural strata a number of dwellings and subsidiary structures has been uncovered.

The lower Aeneolithic layer is dated from the late 4th millennium BC. Its stratigraphy is extremely complex due to the destruction caused by later structures. Of special interest is a surface house with adobe walls (Fig.1). The rectangular dwelling, 42 m² in area, was oriented from the south to the north and had a plane rammed earthen floor. No holes left by pole constructions have been found. This feature distinguishes the dwelling from those excavated at settlements in Roumania and Bulgaria. It seems to have been built in the same way as the modern houses in the neighbouring village. Clay mixed with straw (chamur) was the main building material. It was used for building thick walls with the minimum of wooden elements.

Another complex has no parallels; it consisted of three large pits connected by corridor-like trenches directed at right angles. The nature of finds in this complex (pottery, animal bones, flint tools) as well as the absence of a hearth do not allow us to identify the function

of the complex with certainty, although, judging by the size of the pits it might have been a dwelling complex.

Of great interest are also the two "little ditches" or "little trenches" intersecting the excavated part of the settlement from the east to the west and directed parallel to each other and perpendicular to the bank line (Fig.1). The ditches cut through the pits and end in them. Three similar "ditches-trenches" were excavated at the Bolgrad settlement. At the Roumanian settlement Sucheavan (Aldeni II) four ditches surrounded the dwellings. Similar structures, interpreted as fortifications, were found at the Aeneolithic sites in Bulgaria.

The point of view expressed by S.N.Bibikov about the two building periods of the Aeneolithic at Nagornoje II has no stratigraphic confirmation. The site contains a great number of cooking vessels (handmade pots, pans, etc.) and table ceramics (pots, bowls, goblets with grey and jet-black surface and fine polishing). The ornament is pricked, carved, or polychromous. This pottery assemblage is close to that of Aldeni II (Fig.2-3).

The main feature of the stone tools is not only their similarity with the tools of the same period from Roumania and Bulgaria but also the identity of the raw material: they are all made of Dobrudzhan rocks. Flint was brought to Nagornoje II from Balkan flint processing workshop as blanks or finished tools (Fig.6). The unusual perfection of the blanks testified to the flourishing of the flint processing technique. The process was carried out in special workshops by the professionals. The use-wear analysis of the tools made by the author has shown that the site contained a wide range of specialized tools of various functions.

Of particular interest among the anthropomorphous figurines is a large specimen of a flattened female figurine with bent and raised hands (Fig.4). Between the breasts, near the neck, near the navel, and on the hands large openings were made bored through the figurine. Besides the female figurines seven male figurines have been excavated (Fig.4). Their legs are shaped as small poles. The navel and the genitals are stuck on. A figurine of a bisexual deity is unique (Fig.4.10).

Among the votive objects there are clay diamond-shaped amulets and a tiny altar (Fig.5) with the image of a tree scratched on one of its sides. Copper objects are extremely rare on the left bank of the Danube. At Nagornoje II a bead and a ring with unclosed ends have been found (Fig.5). Among the other ornaments there are shell folds which an artificially deepened natural design on the surface.

The materials obtained have considerably extended our knowledge of the nature of the main components of the Aeneolithic culture on the left bank of the Danube.

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ ЮЖНОЙ МАРГИАНЫ (ЮГО-ВОСТОК ТУРКМЕНИИ)

Б.Н. Удеумурадов*

В Маргиане памятники оседлых земледельцев, вплоть до недавнего времени, были известны лишь на севере, в низовьях реки Мургаб. Большая их часть, как показали исследования, датируется периодами развитой (Намазга V) и поздней (Намазга VI) бронзы (Массон 1959; Masimov 1981:194–220; Sarianidi 1981:165–193). Более ранние мезолитические и неолитические памятники Маргианы, оставленные охотниками и собирателями, были обнаружены в ее южных провинциях (Kohl 1984:211).

Под термином "южные провинции" Маргианы, мы понимаем узкую и плодородную долину среднего течения Мургаба, расположенную в пределах Марыйской области Туркменистана, от советско-афганской границы на юге, до поселка Йолотань на севере. Большинство археологических объектов, представленных на указанной территории средневековые замки, городища и поселения. Находки эпохи первобытности были представлены лишь отдельными коллекциями мезолитических или неолитических кремневых орудий и керамикой так называемого "степного типа", датируемой концом второго тысячелетия до н.э. Между тем, отсутствие оседлоземледельческих памятников оставляло открытым вопрос о времени возникновения производящей экономики в этом крае.

Археологические исследования 1988 – 1991 гг., проведенные на среднем течении Мургаба под руководством автора, впервые обнаружили следы оседлоземледельческой культуры на юге Маргианы. Открытие Тахтабазарского могильника поставило вопросы о датировке памятника, о его культурной принадлежности, о ареале распространения древних племен, которым принадлежал могильник.

Тахтабазарский могильник расположен на левобережье Мургаба, в 32 км юго-восточнее районного центра Тахта-Базар. Территория могильника, занимающего площадь около 1 га, сильно повреждена оврагами и садовыми участками. Разведочные раскопы площадью около 300 м², позволили определить расположение 15 погребений, большинство из которых были разрушены. О них можно судить лишь по разрозненным находкам погребального инвентаря. Судя по семи плохо сохранившимся одиночным захоронениям, можно утверждать, что умершие были похоронены в ямах, выкопанных

Рис.1. Керамический комплекс Тахтабазарского могильника.

Fig.1. Pottery complex of the Takhtabazar cemetery.

* Туркменистан, 74400, Ашхабад, ул.Гоголя, д.15, Институт истории АН Туркменистана.

в лессовых отложениях на глубину от 30 до 160 см от дневной поверхности. Большинство сохранившихся скелетов ориентировано по линии северо-запад – юго-восток и уложено в скорченном положении на боку.

Погребальный инвентарь в могилах достаточно разнообразен и представлен главным образом целыми предметами. В 15 захоронениях обнаружено 87 керамических сосудов, 10 бронзовых предметов, 4 различных изделия из камня и 12 бусин (Табл.1).

Таблица 1. Распределение паходок по погребениям могильника.

Категории артефактов	№ погребения														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Керамические сосуды	10	7	1	1	2	7	7	2	10	-	1	4	21	11	4
Бронзовый кинжал	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Бронзовые зеркала	1	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Бронзовые печати	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-
Бронзовые булавки (?)	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Бронзовая "лопатка"	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Бусы из камня и пасты	-	-	1	-	1	1	-	-	9	-	-	-	-	-	-
Каменные колодки	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Каменные гири	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Как следует из таблицы, в могилах имелся различный ассортимент погребального инвентаря. Во всяком случае, погребения №1, 9 и 13 в этом отношении заметно отличаются от всех остальных захоронений.

Основная масса предметов из Тахтабазарского могильника представлена глиняными сосудами (рис.1:1–24). Они изготовлены на гончарном круге и имеют хорошее качество обжига. Судя по цвету черепка в общей массе сосудов преобладает светлофонная керамика, красноватая в изломе, составляющая около 70% всей посуды. В меньшей степени представлены сосуды, имеющие красноватые или кремевые тона, как в изломе, так и снаружи (20%). Наконец, крайне редко встречаются сосуды с черепком "намазгинского" типа светло-зеленоватых тонов (около 4%). Керамический комплекс могильника имеет широкий ассортимент форм среди которой следует отметить вазы на высокой ножке (рис. 1:4–6), конические сосуды (рис.1:1–3,15,16), миниатюрные флаконы и горшочки (рис. 1:8, 18–20), кубковидные сосуды (рис.1:7), банки с подкосом у основания (рис. 1:13, 14, 23), тагора (рис.1:17), а также раструбовидные стаканы (рис.1:9–11) и вытянутые горшки с суженной придонной частью (рис.1:12).

Изделия из бронзы в могилах Тахтабазарского комплекса происходят, в основном, из погребений 1 и 9. Это крупный кинжал с лавролистным обоюдоострым лезвием и слабо выраженным срединным ребром (рис.2:1). Плоская черешковая ручка кинжала оформлена у основания в виде приостренной лопаточки.

Среди других бронзовых изделий следует отметить также две круглые в сечении булавки (рис.2:2,6) и три круглых зеркала, одно из которых имеет ручку (рис.2:3,4,7). Не менее интересны плоская косметическая лопаточка с ручкой (рис.2:5) и три перегородчатые печати с ручкой-петелькой на оборотной стороне (рис.3:1–3). Основу орнаментальной композиции всех печатей составляет изображение креста с радиально отходящими от него дугами. В одном случае с тыльной стороны эта композиция дополнена гравировкой в виде соляриных и растительных символов (рис.3:1).

Другую категорию археологических находок составляют изделия из камня различных пород. Это две гири-противовеса из песчаника, бусы, миниатюрный сосуд (рис.4:1), пряслице (рис.4:2) и две колонки из мраморовидного известняка.

Относительная хронология исследуемого комплекса определяется по серии аналогий различным категориям находок. Учитывая параллели погребального инвентаря могильника материалам келлелинского и тоголокского оазисов в низовьях Мургаба (Masimov 1981:194–220; Sarianidi 1981:165–193), поздним напластованиям поселения Алтын-депе в подгорной полосе Копетдага (Masson 1988), а также поселениям Бактрии (Сарианиди 1977) и Ирана (Biscione, Salvatori, Tosi 1977:113–127; Hakemi 1972; Tosi 1969:283–386),

время существования Тахтабазарского некрополя укладывается в пределы периода развитой бронзы, или Намазга V по общепринятой терминологии. Данный вывод основывается прежде всего на типологическом сопоставлении керамики, как наиболее массового археологического материала. Сходство керамического комплекса Тахтабазарского могильника с керамикой эпохи бронзы Маргианы варьирует в пределах 46–70%, Бактрии и ряда памятников Ирана (Шахдат, Шахрисохте) – в пределах 46–53%, и наконец, предгорий Копетдага – всего 30%.

Определение абсолютного возраста тахтабазарских погребений устанавливается с помощью надежно датированных артефактов и стратиграфических данных, а также на основании параллелей с культурами соседних регионов. Однако погребальные наборы Тахтабазарского могильника, имеющие хорошие хронологические привязки, представлены в ограниченном количестве. Как правило, это связано с широким хронологическим и территориальным ареалами распространения большей части археологических находок.

Например, бронзовое зеркало без ручки не может быть использовано в целях датировки потому, что время бытования подобного рода изделий охватывает период от III тыс. до н.э. (Сарианиди 1965:40; Кузьмина 1966:67–68) до первых веков нашей эры (Мандельштам 1968: 81).

Исходя из этого, в качестве датирующих предметов, помимо керамики, мы рассматриваем лишь кинжал и круглое бронзовое зеркало с ручкой. Кинжалы с лавролистым клинком и слабо выраженным средним ребром редко представлены в материалах древнеземледельческих поселений. Аналогии тахтабазарскому кинжалу известны из раскопок американской экспедиции на Анау, где близкий по форме предмет был обнаружен в слое III (Huntington 1908:154, pl.38,3), который по уточненной стратиграфии памятника может быть датирован первой половиной II тыс. до н.э.

Аналогичные кинжалы более совершенной формы с резко выделенным ребром по всей длине лезвия, происходят из раннего Тулхарского могильника (Мандельштам 1968:92, табл.IV,4) и поселения Тоголок 21 в низовьях Мургаба (Сарианиди 1990: табл. ХС:10) датируемых последней четвертью II тыс. до н.э. Учитывая архаичный облик кинжала из Тахтабазарского могильника, его можно датировать серединой II тыс. до н.э.

Более выразительные параллели обнаружены тахтабазарскому зеркалу с ручкой. Идентичные по форме изделия имеются в слоях 1–2 поселения Алтын-депе (Кирчо 1980

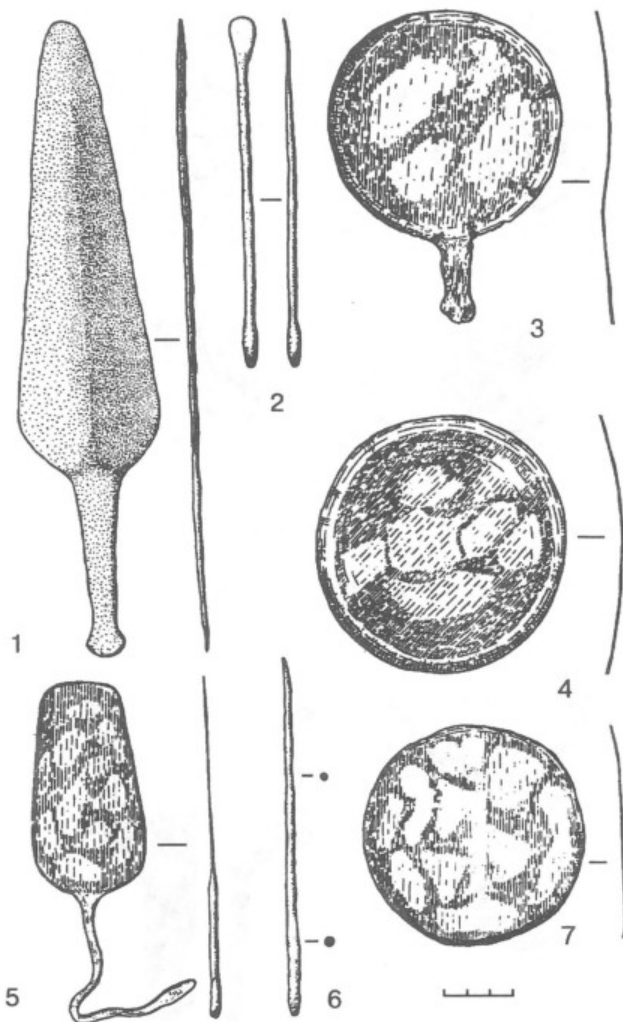

Рис.2. Тахтабазарский могильник. Изделия из бронзы.

Fig.2. The Takhtabazar cemetery. Bronze objects.

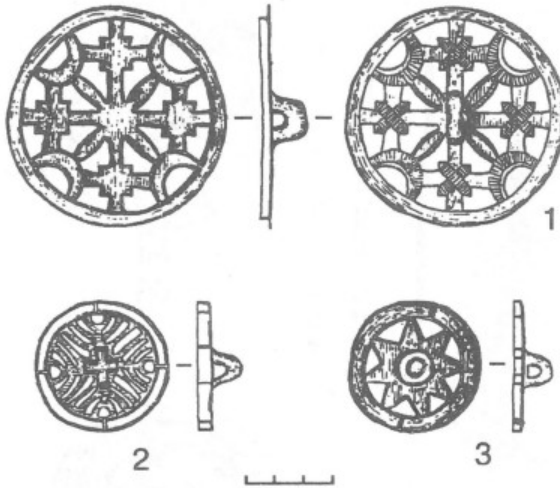

Рис.3. Тахтабазарский могильник. Бронзовые печати.

Fig.3 The Takhtabazar cemetery. Bronze seals.

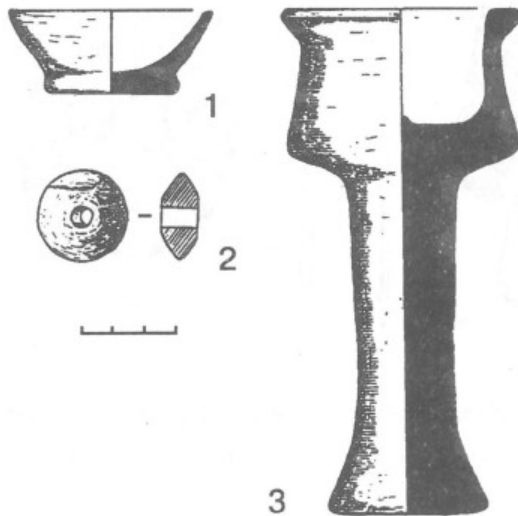

Рис.4. Изделия из камня. 1-2 – Тахтабазарский могильник; 3 – подъемный материал в 40 км севернее Тахтабазарского могильника.

Fig.4. Stone objects. 1-1 – the Takhtabazar cemetery; 3 – materials from the surface (40 km to the north of the Takhtabazar cemetery).

рис.3;4), в IV слое Мундигака (Casal 1961:fig.139,17), в слое III Гиссар-Тепе (Schmidt 1937: pl.54, p. 207, №3192), а также в харапских слоях поселения Чанху-Даро.

Верхние слои Алтын-депе с материалами типа Намазга V определенно синхронизируются с комплексами Харапшы (Agraval 1971:72), Гиссар III (Дайсон, Ховард 1983:36), Шахри-Сохте IV (Tosi 1968;1969) и Мергара VIII (Жарриж 1982:36). Указанные комплексы, синхронизируемые с материалами типа Намазга V, датируются в пределах последней четверти III тыс. – первой четверти II тыс. до н.э. Но эта хронология вступает в явное противоречие со стратиграфией южнотуркменских памятников, поскольку в таком случае период Намазга VI придется относить к первой половине II тыс. до н.э. С подобным утверждением нельзя согласиться хотя бы потому, что керамика степного типа на поселениях времени Намазга VI появляется не ранее XIV–XIII вв. до н.э. Основываясь на приведенных данных мы, очевидно, вправе датировать материалы Тахтабазарского могильника первой третью II-го тыс. до н.э.

Оседлоземледельческие памятники эпохи бронзы в южных провинциях Маргианы встречены впервые. Надо полагать, что обнаруженный нами могильник окажется далеко не единственным в этом регионе, тем более, что уже сейчас известны отдельные материалы этого же времени, найденные в 8 и 40 км северо-западнее Тахтабазарского некрополя. Среди них отметим, в частности, небольшие бокалы (рис.4:3) и колонки из мраморовидного известняка, аналогии которым имеются на поселениях Ирана (Arne 1945: fig.195; Asthana 1984:353–361; Hake-mi 1972; Schmidt 1937:216), Афганистана (Dales 1977:30–37; fig. 17,18) и северной Маргианы (Сарианиди 1990: табл.89:1–19; табл.IV:1–4). Наконец, не следует забывать, что

рядом с открытым могильником должно быть и поселение древних земледельцев.

В свете изложенного представляется возможным утверждать, что первые земледельцы на юге Маргианы появились, по крайней мере, в первой половине II тыс. до н.э. Культурно-генетически эти племена тяготеют к бактрийско-маргианскому блоку культур. При

этом следует допустить, что прямое или трансформированное влияние иранских компонентов играло далеко не последнюю роль в процессе формирования южномаргианских культурных традиций.

Тахтабазарский комплекс южных провинций Маргианы представляет лишь одно из звеньев в цепи оседлоземледельческих культур Древнего Востока. С точки зрения исторического традиционализма, он мало чем отличается от уже известных локальных земледельческих очагов. Однако географическое расположение этого памятника наводит на мысль о его огромном транзитно-связующем значении для трех больших регионов – северной Маргианы, Бактрии и Восточного Ирана.

ДАЙСОН, Р.Х., С.М.ХОВАРД. 1983. Повторное изучение памятника Тепе-Гиссар // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Тезисы докладов: 34–36. Ташкент: Фан.

ЖАРРИЖ, Ж.-Ф. 1982. Связи Белуджистана и Средней Азии во второй половине III тыс. до н.э. в свете новых работ в районе Мергара // Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи: 36–38. Душанбе, Дониш.

КИРЧО, Л.Б. 1980. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-Депе // Советская археология 1: 158–173.

КУЗЬМИНА, Е.Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Свод археологических источников. В 4–9. Москва: Наука.

МАНДЕЛЬШТАМ, А.М. 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР. 145. Ленинград: Наука.

МАССОН, В.М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы и исследования по археологии СССР. 73. Москва – Ленинград: АН СССР.

САРИАНИДИ, В.И. 1965. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. Свод археологических источников Б 3–8, IV. Москва: Наука.

1977. Древние земледельцы Афганистана // Материалы Советско-афганской археологической экспедиции 1969–1977 гг. 2. Москва: Наука.

1990. Древности страны Маргуш, Ашхабад: Ыпым.

AGRAVAL, D.P. 1971. The copper Bronze Age in India. New Delhi: Munshiram manocharlal.

ARNE, T. 1945. Excavations at Shah-Tepe, Iran. Reports from the scientific expedition on the north-western provinces of China under the leadership of Swen Hedin. The Sino-Swedish expedition Publication 27.VII. Archaeology. 5. Stockholm.

ASTHANA, S. 1984. The place of Shahadat in Indus-Iranian trade // Frontiers of the Indus Civilization. New-Delhi.

BISCIONE, R., S.SALVATORI, M.TOSI. 1977. Shahr-i Sokhta: Labitato protostoriko e la sequenza chronologica // La citta bruciata del deserto Salato. Venezia-Mestre.

CASAL, J.M. 1961. Fouilles de Mundigak // Memoires de la Délégation archéologique française en Afganistan 17, 1-2. Paris: Klincksieck.

DALES, G.F. 1977. Hissar III stone objects in Afghan Sistan // Bibliotheca Mesopotamica 7.

НАКЕМИ, А.А. 1972. Catalogue de la exposition: Lut, Xabis (Shahdat). Teheran.

HUNTINGTON, E. 1908. Description of the Kurgans of the Merv Oasis. Prehistoric civilizations of Anou I: 219-232. Washington: Published by Carnegie Institution of Washington.

KOHL, P.L. 1984. Central Asia palaeolithic beginnings to the Iron Age // Synthés 14. Paris: ed. Recherche sur les civilisations.

MASIMOV, I.S. 1981. The study of the Bronze Age Sites in the Lower Murgab // The Bronze Age Civilization of the Central Asia: 194-200. Armouk, New York: M.E.Sharpe.

MASSON, V.M. 1988. Altyn-Depe // University museum monography 55. Philadelphia: University of Pennsylvania.

SARIANIDI, V.I. 1981. Margiana in the Bronze Age // The Bronze Age civilization of Central Asia.

SCHMIDT, E.F. 1937. Excavations at Tepe-Hissar-Damghan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

TOSI, M. 1969. Excavations at Shahr-i Sokhta: Preliminary report on the second campaign, september-december 1968 // East and West 19, 3/4: 283-386.

EARLY AGRICULTURALISTS OF SOUTHERN MARGIANA (SOUTH-EASTERN TURKMENIA)

Summary

The 1988-91 archaeological explorations in South Margiana (the Middle Murgab Basin, South-Eastern Turkmenia) resulted in the discovery of a farming culture. Its first site, the Takhtabazar cemetery, was excavated by the author. The Takhtabazar cemetery is situated on the left bank of the Murgab river, 32 km south-eastern of Takhta-Bazar. The excavation revealed 15 burials, most of them destroyed. The deceased were found in pits in a flexed position. The skeletons were oriented nord-west - south-east. Fifteen graves contained 87 clay pots, ten bronze objects, four stone objects, 12 beads (Table 1).

Pottery prevails in the cemetery (Fig.1:1-2). The pots were made on wheel, the baking is perfect. Most of the pottery is light-coloured (70%). There are also reddish and cream-coloured pots (26%). Light green pottery of the Namazga type is very rare (4%). Some graves contained vases of high stems (Fig.1:4,6), conic bowls (Fig.1:1-3,15,16), miniature bottles and pots (Fig.1:8,18-20), beakers (Fig.1:7), jars (Fig.1:13,14,23), a tagora (Fig.1:17), goblets (Fig.1:9-11), pots (Fig.1:12).

Bronze objects were found only in graves 1 and 9. These are two pins (Fig.2:2,6), a dagger (Fig.2:1), three mirrors (Fig.2:3,4,7), a spatula (Fig.2:5) and three seals (Fig.3:1-3).

Among the stone objects there are two weights, beads, a miniature pot (Fig.4:1), a spindle-whorl (Fig.4,2) and two columns.

By analogy with other assemblages of Southern Turkmenia, the Takhtabazar cemetery is dated from the Middle Bronze Age (Namazga V), early 2nd millennium BC.

The cemetery excavated is far being the only one in the Middle Murgab Basin. There are some other finds of the same period excavated north-west of the Takhtabazar cemetery. Among them the following objects should be noted: small godlets (Fig.4:3) and stone columns which have parallels at different settlements in Iran, Afganistan and Northern Margiana.

In terms of cultural affiliation, the Takhtabazar cemetery is close to the Bactria-Margiana group of cultures.

ПЛОСКАЯ ТАШТЫКСКАЯ МАСКА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Филиппова Е.Е.*

Наиболее ярким и своеобразным памятником таштыкской эпохи (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) Среднего Енисея являются лицевые погребальные маски. Это сложный полифункциональный источник, особым образом раскрывающий процесс взаимопроникновения и взаимовлияния различных культур на рубеже тысячелетий, дающий представление о формировании нового типа населения южной Сибири и раскрывающий определенное мировоззрение древних племен, связанное с культом мертвых и погребальным обрядом.

В отделе археологических памятников государственного исторического музея хранится 55 целых или почти целых таштыкских погребальных масок (к последним относятся те экземпляры, у которых сохранились наиболее выразительные фрагменты лица. дающие представление об облике умершего) и свыше 5 тысяч фрагментов. По количеству масок коллекция ГИМ значительно превосходит остальные собрания, хранящиеся, как в музеях Москвы и Санкт-Петербурга, так и в музеях южно-сибирского региона.

История нахождения и изучения таштыкских погребальных масок насчитывает не одно десятилетие, а начало ее относится к 80-м годам XIX века, когда в результате раскопок сибирского археолога А.В.Адрианова, в Минусинском округе Енисейской губернии, были открыты первые таштыкские маски, часть из которых в 1891 году, была передана в Российский императорский музей и положила начало музейному собранию.

Однако, основу коллекции составили материалы, полученные в результате работ Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1936 и 1938 годов, под руководством С.В.Киселева и Л.А.Евтюховой.

Большинство погребальных масок было обнаружено при раскопках Уйбатского чаатаса. Их отличительные особенности позволили С.В.Киселеву выделить 4 типа масок по их внешнему виду, а портретная индивидуальность каждой из них дала возможность наметить три физиономические группы с европеоидными, монголоидными или смешанными антропологическими чертами, в каждом из выделенных типов встречены как необожженные (белые), так и обожженные (тонные) экземпляры, они отличаются различной степенью и узорами раскраски: это красные или голубые полуovalы на щеках, красные или черные опиралы и завитки на лбу, висках и носу, а иногда черные линии на оплошном красном фоне. Для изготовления масок использовалась специальная масса, главной составной частью которой являлся гипс. Все маски достаточно объемны, так как формировались или на лице умершего человека, или на мягкой, круглой основе, обвязанной шнуром, отпечатки которого четко прослеживаются на внутренней поверхности многих масок. Высота их колеблется в пределах 20–35 см (Киселев 1949:248–257, табл. XL–XLIII).

Этой общей характеристике таштыкских масок музейного собрания вполне соответствуют те экземпляры, которые были найдены в подквадратной насыпи 11, за исключением одной маски, публикации и анализу которой и посвящена данная статья.

Она представляет собой левую половину лица (высотой 10,2 см и шириной 5 см), на котором в традиционной таштыкской манере – бороздкой, идущей наискось от переносицы к левому виску, передан закрытый глаз, со слегка выступающим глазным яблоком (рис.1:1). От носа практически сохранился только его контур. Четко передана носогубная складка. Большой рот с опущенными вниз уголками крупных, ярко-красных лощеных губ выделяется на темно-сером фоне. На светло-желтой поверхности щеки алеет пятно неопределенной формы, в связи с утратами красочного слоя. Лицо маски выполнено в высоком рельефе, что особенно четко видно на ее профиле, по отношению к абсолютно плоской обратной стороне (рис.1:2,3).

* Россия, Москва, 103012, Красная площадь 1/2, Государственный Исторический музей, Отдел археологических памятников.

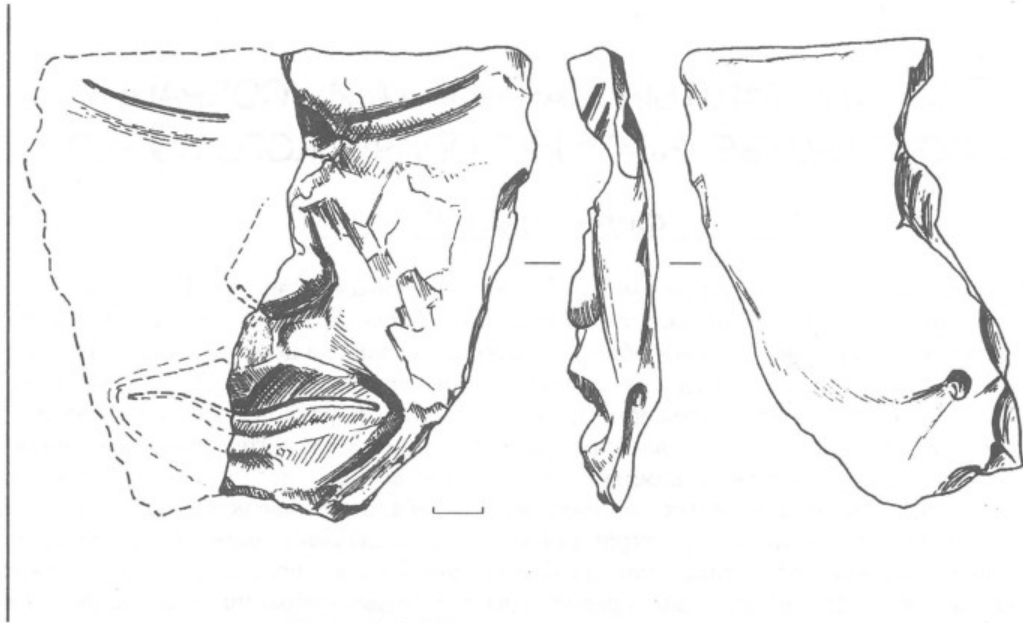

Рис.1 1–3. Плоская таштыкская маска.
Fig.1 1–3. Flat Tashtyk mask.

Изготовлена она, как впрочем и все таштыкские маски, послойно. На центральном разломе четко различаются два слоя: нижний – более темный и плотный, толщиной 1,2 см, и верхний, почти белый, толщиной 0,4 см, последний слой – красочный. Толщина маски, значительная в центре, уменьшается к краям, создается впечатление, что формовалась она из комка массы, путем его растягивания, вероятно, в момент изготовления формовочная масса была закреплена на какой-то твердой основе, следствием чего явилась глубокая вмятина, находящаяся на внутренней поверхности (рис.1:3).

Как уже отмечалось выше, сохранилась лишь половина маски: утрачены правая половина и подбородочная часть лица, однако, ее верхняя часть имеет совершенно четкое завершение в виде горизонтально срезанного края, напоминающего плоско срезанный венчик сосуда, шириной 1 см (рис.1:1–3).

Поражает выражение лица этой маски: презрительно-устрашающее, почти злобное. Оно передает общее, очень напряженное состояние. Особенно отчетливо это наблюдается на фотореконструкции маски, при которой были симметрично состыкованы две левые половины лица. Фотореконструкция передает, казалось бы, некоторое портретное сходство с лицом реального человека. Однако, весь облик исследуемого предмета оставляет гнетущее, напряженное впечатление, подобное выражение лица не находит аналогий среди лицевых таштыкских погребальных масок. Лишь наискось идущие глазные бороздки, да слегка выступающие скулы подчеркивают ее монголоидный облик.

Таким образом, эта маска, обладая целым рядом традиционных таштыкских признаков, таких как материал и способ изготовления, моделировка лица и его раскраска, несомненно может быть отнесена к предметам погребально-культурной принадлежности таштыкской эпохи, об этом свидетельствует и ее нахождение с обычными таштыкскими масками в склепе под подквадратной насыпью.

Однако, такие специфические черты, как небольшой размер, плоская внутренняя сторона и необычное выражение лица, выделяют ее из музейного собрания и дают возможность предполагать, что в таштыкскую эпоху на Среднем Енисее, наряду с 4-мя типами объемных лицевых погребальных масок, существовал еще один – 5-ый тип – небольшие плоские погребальные маски, обратная сторона которых исключала их использование в качестве лицевых. Функциональное назначение их пока не установлено, но можно предполагать, что существовал особый ритуал в таштыкском погребальном обряде, в котором определенная роль отводилась небольшим плоским маскам.

В некоторой степени понять назначение этой маски помогают данные этнографии. Так, в материалах по народам Сибири известны небольшие плоские маски или маскоиды,

принадлежавшие шаманам и не случайно, что именно среди шаманских маскоидов западных тувинцев начала XX века, данная плоская маска находит наиболее близкие аналогии: и небольшой размер, и плоская внутренняя сторона, и устрашающее выражение лица (Авдеев 1957:241,267; Иванов 1975:19, Табл.33–34).

Было бы заманчиво утверждать, что данная плоская маска является атрибутом шамана, тем более, что исследователи таштыкской эпохи неоднократно подчеркивали, что склеп под подквадратной насыпью №11, где она была найдена, относится к погребениям привилегированных слоев общества (Киселев 1949:259–266; Кызласов 1960:192), но это тема специального исследования. В целом же, проведенный анализ позволил выделить еще один тип таштыкских погребальных масок по их внешнему виду, предположительно определить их особую роль в погребальном обряде таштыкских племен, а также наметить возможное время возникновения и корни такого ритуального предмета, как тувинский шаманский маскоид.

АВДЕЕВ, А.Д. 1957. Маска // Сборник Музея антропологии и этнографии 17. Москва–Ленинград.

ИВАНОВ, С.В. 1975. Маски народов Сибири. Ленинград.

КИСЕЛЕВ, С.В. 1949. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР 9. Москва–Ленинград.

КЫЗЛАСОВ, Л.Р. 1960. Таштыкская эпоха на Енисее. Москва.

FLAT TASHTYK MASK FROM THE COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Summary

The Tashtyk funeral masks of the 1st millennium BC – 1st millennium AD from South Siberia are a complex archaeological source. They reflect in a special way the process of interaction between different cultures, the origin of a new type of population and the complicated funeral rite of the Tashtyk tribes of this region.

The largest collection of these masks is owned by the State Historical museum in Moscow. Its core is formed by the materials of the 1936–38 excavations at Ujbat chaatas led by S.V.Kiselev and L.A.Evtiukhova. Various type of masks are represented different in appearance and belonging to different anthropological groups. All the masks are three-dimensional, bear a portrait resemblance to deceased persons, differ in the state of preservation and the degree of colouring.

Of special interest is a small flat mask with an unusual facial expression. It was found in a Tashtyk grave and certainly played a special role in the burial rite of these tribes, although it has no parallels among the traditional Tashtyk masks.

This is an example of a special type of Tashtyk masks. It has common features with the shaman masks from Tuva and might have belonged to a shaman who lived in the Middle Yenisey Basin in the Tashtyk period.

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА МАСТЕРА ГИКЕСИЯ ИЗ ОЛЬВИИ

В.И.Денисова*

Археологические исследования последних десятилетий на территории античных городов и поселений Северного Причерноморья дали обширный материал, существенно дополнивший скудные и отрывочные данные нарративных источников. Этот материал позволил не только по-новому взглянуть на ряд узловых проблем развития того или иного центра, но и высветил те стороны их жизни, сведений о которых не сохранила историческая традиция. Так, до начала систематических раскопок Ольвии - одного из крупных античных центров, на правом берегу Бугского лимана вблизи его слияния с Днепровским лиманом не имелось никаких данных о производственной деятельности ольвиополитов, в частности - об изготовлении в городе изделий из металла. Не случайно, в первом образцовом для своего времени исследовании об Ольвии, основанном на исторических, эпиграфических и нумизматических источниках (Латышев 1887), проблема производственной деятельности ольвийского населения не была даже затронута. Первые материальные свидетельства функционирования в Ольвии металлообрабатывающих ремесел были получены Б.В.Фармаковским в ходе его многолетних раскопок. В частности, был выявлен разрушенный кузнечный горн, обнаружены остатки железоделательного производства, найдены отдельные орудия труда бронзолитейщиков и ювелиров - тигли, несколько форм для отливки несложных женских украшений, форма-матрица для штамповки бляшек в форме головы грифона. Основываясь на всей совокупности обнаруженных материальных остатков и соотнеся их с некоторыми вещевыми находками из ряда скифских курганов, Б.В.Фармаковский пришел к выводу о значительной роли Ольвии как центра по производству изделий из металла, не только обеспечивавшего своей продукцией потребности ольвийских жителей, но и снабжавшего ею глубинные районы европейской Скифии (Фармаковский 1914:31; 1929:51, рис.42). В последующие десятилетия раскопок в разных местах городской территории Ольвии были выявлены отходы бронзолитейного и железоделательного производств, главным образом, в виде шлаков, и зафиксированы плохо сохранившиеся строительные остатки, интерпретированные исследователями в качестве металлообрабатывавших мастерских (Фурманская 1963:61). Общее число створок литейных форм, найденных в Ольвии с 1902 г. до начала 80-х гг. и введенных в научный оборот, около ста экземпляров. За исключением одной двустворчатой формы, обнаруженной в целом виде, остальные экземпляры - разрозненные створки составных, как правило, двустворчатых форм для отливки несложных ювелирных украшений - преимущественно серег, колец. Среди общего количества ольвийских литейных форм около десятка - каменных (песчаник, известняк), материалом для изготовления остальных послужили керамические обломки - стенки и ручки амфор, фрагменты черепиц (Фурманская 1958, 1963; Лейпунская 1984).

На фоне уже известных ольвийских форм особого внимания заслуживает каменная створка литейной формы, найденная в 1985 г. при работах экспедиции Института истории материальной культуры РАН в одном из центральных кварталов Ольвии. Она представляет собой трапезоидную плитку хлоритового сланца зеленовато-черного цвета толщиной 1,3 см, размеры сторон 4,5-5,5 см и 7,2-7,4 см. Из других ольвийских форм ее выделяет наличие негативных (то есть, вырезанных вглубь) изображений не на одной, а на обеих больших плоскостях. На одной из них (рис.1:1) - пластично трактованное профильное изображение зверя, обращенного мордой вправо. Сохранилась верхняя часть головы и шея примерно до линии лопаток. Глубина формы по отношению к плоскости плитки не превышает 0,05 см. Поэтому в принципе данная форма могла использоваться в качестве формы-матрицы, а именно, для изготовления фигурок зверя путем тиснения из очень тонких пластин ковкого металла, как например, золота, электра, серебра, меди. Однако

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.

сквозной канал в правом верхнем углу плитки, очевидно предназначавшийся для продевания штифта, позволяет заключить, что форма была закрытой двустворчатой и предназначалась для изготовления фигурок путем литья. В качестве материала мог использоваться свинец или иной недорогой легкоплавкий металл.

На второй большой поверхности плитки (рис.1:2), помимо текстового граффити, нанесенного вдоль одной из ее длинных сторон, рисуночного граффити, занимающего среднюю часть плитки, двух одинаковых сквозных каналов диаметром 0,5 см - по одному у каждой боковой стороны (для соединительных штифтов), вырезаны - ближе ко второй длинной ее стороне - два примерно одинаковых воронкообразных углубления (верхний диаметр 1,8 см, нижний 0,6 см, глубина 0,8 см), завершающихся сквозным каналом (длиной 0,4 см, диаметром 0,6 см). Верхние края воронок соединены вилкообразным углублением, выходящим на боковую грань плитки. К этой створке несомненно имелась парная створка (не найдена) с такими же каналами для штифтов и с воронкообразными углублениями, вырезанными с таким расчетом, чтобы при складывании обеих створок контуры углублений совмещались, образуя две биконические полости, соединенные общим литником (рис.1:6). Штифты, продевавшиеся через соединительные каналы, обеспечивали плотное скрепление обеих створок перед заливкой в форму расплавленного металла. Перед началом заливки через биконические полости также продевались металлические стержни (рис.1:3), благодаря чему "бусины", отливавшиеся в форме, получали сквозные отверстия.

Как отмечено выше, почти все известные литейные формы из Ольвии имеют одну рабочую поверхность, то есть, изображение для отливки вырезано лишь на одной ее стороне. Однако в практике литейного дела мастера нередко использовали формы, имеющие негативные изображения на двух и более ее гранях, что позволяло им с помощью одной формы получать широкий набор различных мелких изделий, по преимуществу, недорогих женских украшений.

На первый взгляд могло показаться, что публикуемая форма принадлежит именно к числу таковых. Однако это не так. Чтобы в этом убедиться, достаточно присмотреться к ее боковым граням. Характер их обработки различен. Две грани - верхняя и правая, если рассматривать плитку со стороны изображения зверя (рис.1:1), смыкаются под прямым углом, они тщательно отполированы и на них тонким предметом прочерчены вдоль края две параллельные линии (рис.1:6). Такие же две параллельные линии, вдоль второй из этих боковых граней, видны на рабочей поверхности с воронкообразными углублениями (рис.1:2), причем их перерезает канал литника. Две другие боковые грани плитки, сходящиеся под тупым углом, обработаны крайне небрежно, на них отчетливо видны следы спила. Одновременное использование обеих сторон формы исключено также и тем обстоятельством, что упомянутые выше соединительные каналы для штифтов просверлены таким образом, что один из них почти касается носа зверя, а второй прорезает его спину.

Итак, перед нами фактически не одна, а две формы. Вначале существовала створка формы для отливки фигурки оскалившегося зверя. О ее первоначальных размерах ничего нельзя сказать даже предположительно, поскольку поза зверя восстановлению не поддается. После того, как створка пришла в негодность - раскололась или была разбита, ее правый верхний угол послужил материалом для изготовления новой литейной формы. Для этого на противоположной изображению зверя большой плоскости были вырезаны негативы для отливки "пронизей" и просверлены каналы для штифтов.

Естественно встает вопрос о времени использования как одной, так и другой формы. Публикуемая нами плитка была найдена в культурном слое, содержавшем обломки античных керамических сосудов широкого хронологического диапазона - от второй половины VI до IV вв. до н.э. Однако сами "пронизы" позволяют значительно сузить указанные временные рамки. Единичные находки поделок подобного типа были отмечены в Ольвии при раскопках позднеархаических культурных напластований. Так, аналогичные "пронизы" отливались в каменной двустворчатой форме, найденной в Ольвии в яме с керамическим материалом VI-V вв. до н.э. (Фурманская 1958:15). На одном из позднеархаических приольвийских поселений была найдена форма для

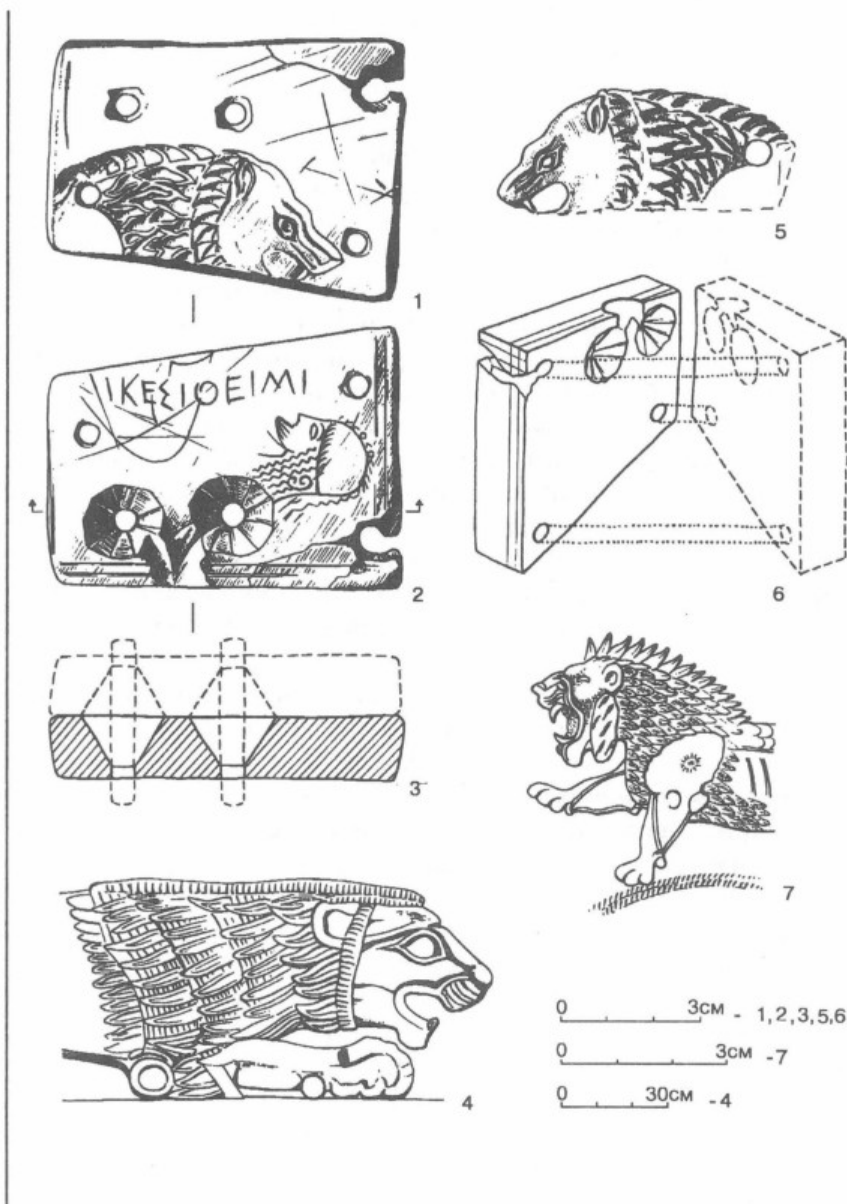

Рис.1-2 Рабочие поверхности литейной формы из Ольвии.

Fig.1-2 The casting surfaces of the form from Olbia.

Рис.3 Разрез формы по линии А-В (пунктиром обозначены: вторая, не найденная, створка формы и металлические стержни, продевавшиеся через биконические полости перед заливкой в форму расплавленного металла).

Fig.3 Section of the form along A-B (dotted are: the second, unfound, fold of the form, and the metallic rods put through biconic cavities before filling up the form with melt metal).

Рис.4 Передняя часть льва, изображенного на орфостате из Кархемиша (по книге Akular/Hirmer 1961:Taf.116).

Fig.4 The fore-part of the lion represented on the orthostate from Karkhemish (see the book: Akurgal/Hirmer 1961:Taf.116).

Рис.5 Современный слепок, полученный с помощью публикуемой формы.

Fig.5 A modern positive impression from the mould published.

Рис.6 Схема взаимного расположения обеих створок литейной формы.

Fig.6 The scheme of the arrangement of both folads of the mould.

Рис.7 Передняя часть льва, фигурирующего на бронзовой чаше из Нимруда (по книге: Frankfort 1955:Pl.172 B).

Fig.7 The fore-part of the lion on the bronze bowl from Nimrud (see the book: Frankfort 1955:Pl.172 B).

отливки сходных биконических поделок (Рубан 1979). В ольвийском некрополе в ряде позднеархаических погребений были встречены сходные биконические "бусины", как с насечками на поверхности, так и гладкие (Скуднова 1988: каталог NN 37,87,109,144,178,184,227,228,242). Показательно при этом, что в погребениях Ольвии более позднего времени подобного типа свинцовые "пронизы" не зафиксированы. Все приведенные примеры подводят к заключению, что нашу форму для отливки "пронизей" следует датировать в пределах первой четверти V в. до н.э.

Такого типа "пронизы" в научной литературе обычно определяют в качестве пряслиц (Скуднова 1988:27). Не предлагая какого-либо иного их истолкования, чтобы не множить число предположений, отметим только один любопытный факт - большая часть биконических "пронизей", найденных в ольвийском некрополе, происходит из богатых женских захоронений, выделяющихся размерами погребальных ям и разнообразием инвентаря.

Обратимся теперь к противоположной стороне плитки (рис.1:1), то есть к тому, что сохранилось от первой формы. Полученный с ее помощью отпечаток (рис.1:5) поможет лучше рассмотреть изображение. Представлен в профиль разъяренный хищный зверь с широко раскрытой пастью. Место смыкания челюстей верхней и нижней (не сохранившейся) имеет подковообразный контур, окруженный по краю рельефным валиком. Глаз в форме вытянутого овала с кружком в центре несколько сдвинут к носу. На носу, вдоль его контура, параллельно ему, прорезана тонкая линия, передающая одну из тех складок, которые образуются на носу разъяренного хищника. Основание головы охвачено своего рода "оторочкой" из одного ряда каплевидных утолщений, обращенных остриями от головы. В "оторочке", по-видимому, следует видеть стилизованную трактовку части гривы, обрамляющей "лицо" зверя. Перед "оторочкой" - торчком стоящее ухо, за нею - уступ, отделяющий голову от шеи. Треугольные пряди шерсти, покрывающей шею, прочерчены бороздками. Вдоль позвоночника зверя, от основания головы, проходит полоса из вздыбленных клочков шерсти, внешний контур которой напоминает зубья пилы. Гладкая поверхность в нижнем правом углу изображения (рис.1:1) - вероятно верхняя часть плеча хищника. Хищник трактован условными стилизованными формами. При этом, однако, нельзя не заметить, что в отличие от ремесленника, весьма грубо вырезавшего на оборотной стороне плитки "негативы" для отливки биконических "пронизей", изготовитель сейчас рассматриваемого изображения, несомненно, владел суммой необходимых для такой работы технических навыков, а в трактовке зверя следовал определенным художественным канонам. Зубчатая полоса вдоль позвоночника зверя позволяет установить, что резчик изобразил льва. Как известно, у реальных львов нет подобной полосы шерсти. Но вместе с тем, сходный декоративный элемент, переданный короткими наклонными штрихами, использовали в характеристике льва, а также химеры - чудища, соединявшего в себе льва, козу и змею, некоторые восточногреческие вазописцы так называемого ориентализирующего стиля (Shiering 1957:Taf.6,3). По иному, а именно, в виде мягких свисающих локонов, изобразил эту полосу мастер протокоринфского сосуда середины VII в. до н.э. (Campanile 1965:9-13). Две, близкие сейчас охарактеризованным, манеры трактовки декоративной полосы шерсти вдоль позвоночника - штрихами из пересекающихся линий и локонами - демонстрируют львы бронзовых щитов из критского Идалиона (Gabelmann 1965:34,35), в которых одни исследователи видят привозную с Ближнего Востока продукцию; согласно выводам других - щиты изготовлены критскими мастерами, скопировавшими восточные образцы. Приведенные параллели намечают направление, в котором следует искать стилистические параллели данному иконографическому мотиву.

Перед антиковедами уже в начале нынешнего столетия встал вопрос о художественных истоках типов львов, фигурирующих на изделиях древнегреческого прикладного искусства ориентализирующего и архаического периодов, ибо уже тогда стало ясно, что эти хищники пришли в древнегреческое искусство не из реальной жизни. Большой исследовательской работой плеяды ученых (Ф.Пульсен, Г.Пейн, Е.Кунце, Г.Роденвальдт и др.) было установлено, что образ льва, наряду с образами таких фантастических существ, как грифон, сфинкс, сирена, горгона, греческое творческое мышление позаимствовало из Малой Азии, на почве которой сложилась каноническая, уходящая к вавилонским прототипам II тысячелетия до н.э. традиция изображения львов, в последующие века трансформированная творческим воображением хеттских ваятелей и модифицированная позже

мощным воздействием ассирийского и персидского искусства (Rodenwaldt 1939:143; Robinson 1951:159). Именно эту традицию воспринял эллинский мир, вначале через привозившиеся с Ближнего Востока изделия прикладного искусства и художественных ремесел, впоследствии через продукцию древнегреческих художников и ремесленников, которые от копирования привозных образцов постепенно перешли к созданию своих композиций, используя устоявшиеся изобразительные стереотипы восточного происхождения, но соединяя их на свой манер. Значительную роль в этом сложном процессе не могло не сыграть также искусство малых форм греческих городов Ионии, само географическое положение которых содействовало восприятию художественного наследия древних восточных цивилизаций. Свой вклад внесло и эллинское мифотворчество, связавшее с малоазийскими областями, в частности с Фригией и Лидией, некоторые мифологические циклы. Из Фригии в греческий мир пришел, в частности, культ Кибелы - древней азиатской богини, персонифицировавшей производящие силы природы и почитавшейся под эпитетами Великая мать, Великая богиня, Мать богов, спутником которой, как известно, был лев.

Существенное место в разработке проблемы влияния искусства Месопотамии и древней Малой Азии на сложение иконографического репертуара древнегреческого искусства и на формирование в нем различных художественных течений занимают труды Е.Акургала. Исследовав эволюцию северо-сирийских ("ново-хеттских")¹ скульптурных памятников - среди них львы составляют весомую группу изображений, Е.Акургал выделил три хронологических этапа северо-сирийского искусства (древний, средний, новый), выявил свойственные каждому этапу иконографические и стилистические элементы и на ряде примеров показал, что эти же элементы присущи львам греческого архаического искусства (Akurgal 1949). Выводы и наблюдения Е.Акургала послужили основой для изучения иконографии львов в искусстве отдельных районов античного мира (Brown 1960; Gabelmann 1965).

Вернемся к упоминавшемуся выше восточно-греческому типу льва со щетинистой полосой вдоль загривка (Schiering 1957: Taf.7,1). Иконографической ему параллелью может служить например, лев на орфостате из Кархемиша (Akurgal/Hirmer 1961: Taf.116), лежащий под ногами бога Луны и бога Солнца (рис.1:4 - воспроизведена передняя часть фигуры этого льва). Отсюда, однако, не следует, что восточногреческие вазописцы 650-625 гг. до н.э., изображавшие льва с подобной декоративной деталью, вдохновлялись непосредственно образами северо-сирийской скульптуры. Распространение культурных влияний происходило через легко транспортировавшиеся изделия художественного ремесла, попадавшие торговым путем как в греческие города Ионии, так и в различные центры материковой Греции. В данной связи показательны, что такой же щетинистой полосой обладает лев, представленный на расписном фригийском сосуде из кургана конца VIII в. до н.э. близ Гордиона (Akurgal 1961:Abb.50). Сославшись на этот сосуд в контексте сформулированного им тезиса о ведущем влиянии фригийского художественного стиля на восточногреческое искусство между 725 и 675 гг. до н.э. и в частности полагая, что в греческом искусстве родственный, отмеченный хетто-арамейскими чертами, тип льва появляется не ранее второй четверти VII вв. до н.э. (Akurgal 1961:83,120), Е.Акургал тем самым намечает один из возможных путей его проникновения в сокровищницу эллинских художественных образов.

При сопоставлении со львом из Кархемиша (рис.1:4) у льва публикуемой нами формы (рис.1:1,5) не только заметны их художественные и стилистические различия - о них будет сказано ниже, но прежде всего различная манера трактовки полосы шерсти вдоль загривка: у льва публикуемой формы она стилизована в виде зубчатой, напоминающей пилу линии.

В качестве иконографической параллели такой стилизации может служить лев рельефной бронзовой чаши из Нимруда (Frankfort 1955:Pl.172 B). Хотя он следует совершенно иному художественному канону, а именно, ассирийскому (Frankfort 1955:197), у него такая же, как у публикуемого, зубчатая полоса шерсти вдоль шеи (рис.1:7 - воспро-

¹Критические замечания по отдельным положениям труда Е.Акургала, а также о нецелесообразности применения таких терминов, как "поздне-хеттское", "ново-хеттское", "псевдохеттское" искусство высказал Г.Франкфорт (Frankfort 1955: 129 and note 47; 165 and note 4; 166 and note 7).

изведена передняя часть фигуры данного льва). Среди произведений греческой вазовой живописи второй половины VII - начала VI вв. до н.э. нам не удалось подыскать параллели подобной стилизации. Но именно такой же зубчатой полосой обладают львы некоторых черетанских ваз 540-520 гг. до н.э. Примечательно, что если исследователи ведут дискуссию относительно места производства этой группы керамики - импорт из греческого центра Ионии или местная, этруская, продукция, то тип фигурирующего на вазах льва они согласно определяют как ионийский (Brown 1960:75). Обнаруживая определенное сходство с черетанскими львами в удлиненной форме головы и в наличии вдоль носа продольной складки (Brown 1960:pl.26 a,b), лев публикуемой нами формы, на первый взгляд, выглядит более примитивным и архаичным; в нем можно отметить ряд черт, присутствующих наиболее древним греческим львам. Рельефнее обозначить его художественную специфику позволит сопоставление со львом из Кархемиша при условии, если будем помнить о неполноте такого сопоставления. Как известно, для стилистической характеристики льва важна и общая поза животного, и такие детали, как рисунок лап, положение хвоста, наличие или отсутствие длинной шерсти вдоль спины, на животе, у хвоста. В данном случае, мы можем сопоставлять лишь головы.

Лев из Кархемиша (рис.1:4), относящийся к концу среднего периода "ново-хеттского" искусства (Akurgal/Hirmer 1961:97) сохранил многие хеттские элементы в их традиционной форме, как то: квадратную голову, широко раскрытую пасть подковообразной в профиль формы, обведенную рельефным валиком, большие миндалевидные глаза, тупой нос, заканчивающийся прямой линией, высокие скулы, обведенные валиком, несколько горизонтальных складок на верхней губе. Вместе с тем, ему присущи стилистические формулы, позаимствованные из ассирийского искусства - размещение уха в гриве, за охватывающем голову валиком, и придание зверю живости и гибкости, что отличает его от застывших хеттских прототипов (Nizette-Godfroid 1972: 9-13). Хотя лев публикуемой нами формы обладает как хеттскими (форма глаза, отделяющий голову от шеи валик, ухо на голове перед гривой)², так и ассирийскими (удлиненная морда и зубчатая грива), его принадлежность к кругу образов древнегреческого искусства несомненна. Механическое соединение в нем одновременных и разностилевых элементов указывают на относительно позднюю дату того образца, который имел перед глазами мастер-резчик, изготовивший форму. Наиболее вероятная ее дата - последние десятилетия VI в. до н.э. Местом изготовления формы был, по-видимому, какой-то ионийский центр, Милет, откуда ее, возможно, привез в числе других орудий своего труда ремесленник, обосновавшийся в Ольвии. После того, как форма была повреждена - раскололась или разбилась, оставшийся ее фрагмент был использован для изготовления формы, в которой отливались биконические "пронизы".

Обратимся теперь к граффити, которое имеется на плоскости для отливки "пронизей" (рис.1:2). Вдоль края плитки, совпадающего с линией излома первоначальной, то есть, служившей для отливки фигурок льва формы, тонким острым предметом прочерчена надпись ΙΚΕΣΙΟΕΙΜΙ, в которой следует видеть обычную надпись владельца, составленную как бы от лица вещи: "Я (форма) принадлежу Гикесию". Надпись выполнена без предварительной разметки, вполне профессионально и по аккуратности нанесения вполне сопоставима с лапидарными надписями. Высота букв колеблется от 4 до 6 мм. Шрифт обычный, каких-либо специфических особенностей в начертании букв не прослеживается, лишь "омикрон" имеет форму спирали. По характеру письма надпись вполне сопоставима с граффити, вырезанном по наружному краю чернолакового аттического килика, найденного в одном из ольвийских погребений (Скуднова 1988: кат.162; граффити не издано). К слову заметим, что упомянутое граффити имеет такую же форму родительного падежа на -ο, в какой представлено в нашей надписи имя владельца. Погребение, в котором был найден килик, В.М.Скуднова датирует 3-ей четвертью VI в. до н.э. Надпись, начертанная на публикуемой нами форме принадлежит, на наш взгляд, первой четверти V в. до н.э.

Слева, под началом надписи, прочерчено в разных направлениях несколько линий. Под последними буквами надписи, в пространстве между каналом для штифта и воронкообразным углублением, нарисована, по-видимому, тем же инструментом, что и надпись,

²Ухо перед гривой как специфически "хеттский" признак выделил Г.Роденвальдт (Rodenwaldt 1939:148).

бородатая мужская голова и профиль влево; вертикальная ось рисунка на 90° повернута по отношению к надписи, так что голова как бы лежит под нею на затылке. На голове изображенного - шапка типа пилоса, надвинутая почти до бровей. Ее край подчеркнут наклонными штрихами. Верхний контур шапки, плотно облегающей голову, обрамлен короткими завитками, смысл которых не ясен. Из-под шапки ниспадают, закрывая почти всю шею, жесткие пряди волос, среди которых виднеется непропорционально большое, смещенное на шею ухо в форме волюты, верхний завиток которой обозначает раковину, а нижний - мочку. Миндалевидной формы глаз без зрачка сдвинут к носу.

Своеобразная форма несколько удлиненного черепа, почти прямая линия лба и носа, запавающий, как бы беззубый рот, сильно выступающий подбородок с небольшой острой бородой - для всех этих элементов можно подобрать близкие стилистические параллели среди персонажей архаической греческой вазописи, в частности, среди персонажей, фигурирующих на восточно-ионийских черно-фигурных сосудах середины - второй половины VI в. до н.э. Так, например, у изображенной на горле амфоры из Берлинского музея мужской головы подобным образом сдвинут к носу глаз и в такой же манере трактованы волосы (Endt 1909:26, Abb.10). Что касается волутообразного уха, то в монументальной греческой скульптуре подобным образом трактовано, например, ухо архаического курса примерно 600 г. до н.э. с мыса Сунион. Подобным же образом изображали ухо отдельные мастера-вазописцы архаического периода, причем подобная его трактовка затем спорадически встречается у разных мастеров в течение десятилетий.

Таким образом, как бы выявляется хронологическое несоответствие между надписью, которую мы относим примерно к первой четверти V в. до н.э., и рисунком головы, по стилистическим признакам тяготеющим к более раннему времени. В число таких признаков можно было бы включить также отсутствие у нашего персонажа усов, поскольку ношение бороды без усов вышло из моды в первой четверти VI в. до н.э. Хотя, в скульптурных памятниках некоторых областей Древней Греции, как например, в Лаконии еще в начале V в. до н.э. воинов изображали с бородой, но без усов (Dörig 1987:25). Что же касается мужской прически из длинных волос, то в Греции она вышла из моды к началу V в. до н.э. (Picard 1937:267,268), и только в памятниках искусства, в частности, в вазописи, она традиционно сохранялась при изображении богов (PWRE VII,2:2112, 2113).

Поскольку Гикесий - не только обычное, довольно распространенной в греческой ономастике имя, но также и эпиклеса Зевса, то в свете изложенного выше может возникнуть предположение, что в нашей надписи назван не мастер - владелец формы, а Зевс-Гикесий и что рядом помещена его голова. Однако подобное предположение следует отклонить. Прежде всего, нет никаких данных о связи Зевса-Гикесия с литейным ремеслом. У древнегреческих авторов он выступает в роли покровительствующего просящим. Если же предположить, что литейная форма была ее владельцем принесена в дар Зевсу-Гикесию, то следовало бы ожидать иную формулу надписи. Сопоставить указанное выше граффити с Зевсом-Гикесием препятствует и такая деталь, как пилос на голове у изображенного персонажа. Этот головной убор не свойственен Зевсу. Но именно в шапке такого типа представлен мастер у плавильной печи на аттической краснофигурной чаше примерно 490 гг. до н.э. (Ziomecki 1975:64); такой же головной убор у Гефеста, изображенного на краснофигурной пелике 490-480 гг. до н.э. за изготовлением боевых доспехов для Ахилла (Ziomecki 1975:95).

Мы, на наш взгляд, окажемся ближе к истине, полагая, что на нашем граффити изображен ремесленник Гикесий. Обозначив на створке формы себя в качестве ее владельца, Гикесий, по-видимому, решил запечатлеть на ней и свое изображение. Однако, он рисовал не с натуры, а воспользовался отдельными художественными элементами, позаимствованными, очевидно, у каких-то персонажей древнегреческой вазовой живописи, имевшихся у него перед глазами.

ЛАТЫШЕВ, В.В. 1887. Исследования об истории и государственном строе Ольвии.

Санкт-Петербург.

ЛЕЙПУНСКАЯ, Н.О. 1984. Литейные формы из Ольвии // Археология 45: 68-75. Київ.

РУБАН, В.В. 1979. Литейная форма с поселения Козырка XV // Советская археология 3: 249-258.

СКУДНОВА, В.М. 1988. Архаический некрополь Ольвии. Ленинград: Искусство.

- ФАРМАКОВСКИЙ, Б.В. 1914. Архаический период на юге России // *Материалы по археологии России* 34: 15-78.
1929. Розкопування Ольбії в р.1926. Одеса: Історично-археологічний музей.
- ФУРМАНСКАЯ, А.И. 1958. Литейные формы из раскопок Ольвии // *Археологічні пам'ятки УРСР* 7: 40-60.
1963. Бронзолитейное ремесло в Ольвии // *Археология* 15: 61-70. Київ.
- AKURGAL, E. 1949. Späthethitische Bildkunst. Ankara.
1961. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin.
- AKURGAL, E., M.Hirmer. 1961. Die Kunst der Hethiter. Aufnahmen von M.Hirmer. München.
- BROWN, E.L. 1960. The Etruscan Lion. Oxford.
- CAMPOREALE, G. 1965. Considerazioni sui leoni etruschi di epoca orientalizante // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Römische Abteilung* 72: 1-13.
- DÖRIG, J. 1987. The Olympia Master and his collaborators (*Monumenta Graeca et Romana* IV). Leiden, New York, Kopenhagen, Köln.
- ENDT, J. 1889. Beiträge zur jonischen Vasenmalerei. Prag.
- FRANCFORT, H. 1954. Art and Architecture of Ancient Orient. London.
- GABELMANN, H. 1965. Studien zum frühgriechischen Löwenbild. Berlin.
- NIZETTE-GODFROID, J. 1972. Contribution `a l'étude de l'influence du lion néo-hittite sur la constitution du type léonin dans l'art grec orientalisant // *L'antiquité classique* 46: 5-48.
- PICARD, Ch. 1935. Manuel d'archéologie grecque. La sculpture I. Période archaïque. Paris.
- POULSEN, F. 1912. Die Orient und die frühgriechische Kunst. Leipzig.
- PWRE. Paulus Real-encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung G.Wissowa, W.Kroll.
- ROBINSON, E.S.G. 1051. The coins from the Ephesian Artemision reconsidered // *Jornal of Hellenic Studies* 71: 156-167.
- RODENWALDT, G. 1939. Die Bildwerke des Artemisostempels von Korkyra (Korkyra Bd.2). Berlin.
- SCHIERING, W. 1957. Werkstätten orientalisierender Keramik auf Rhodos. Berlin.
- ZIOMECKI, J. Les représentations d'artisans sur les vases attique (*Bibliotheca antiqua* 13). Wrocław.

THE MOULD OF THE CRAFTSMAN HIKESIOS FROM OLBIA

Summary

Before the archaeological works at the site of Olbia Pontic (Milesian colony in the northwestern Black Sea area) there had been no data on the manufacture of metal objects there. The first materials confirming the existence of this industry were obtained by B.V.Pharmakovsky in the cours of his excavations (from 1901 to 1914 and from 1924 to 1926) inside of the city's walls. Poorly-preserved remains of a stucture with activity areas relating to the metal processing, a demolished forge, iron slages, some smiths' impliments were brought to the light. The data generated from these field seasons make it possible to propose hypothesis that the manufacture of various metal objects had formed an important part in Olbia's economy.

During the folloving decades of investigations, archaeological remains of several metal-shops from various chronological periods were excavated in different areas of the city. Numbering more that hundred moulds (mostly of the Hellenistic period) come to the light as well. They show a type of closed bi-valved (ie two-parts, two-halves) moulds for casting

trinketry (earrings, rings, bracelets, pendants etc.). Sherds of amphoras, fragments of tiles were utilized for their fabricating.

A remarkable piece was found during the 1985 season excavation of the Institute of History of Material Culture of Russia's Academy of Science at the central areas of Olbia. The piece (quadrilateral, roughly trapezoid) is made from a chip of the greenish-black chlorite (thick 1,3 cm). Typologically related to the other Olbia's moulds it distinguishes in having two casting surfaces, that is to say, "negatives" (or concave images) are carved on the finished opposite sides. The one surface (Fig.1:1) shows a beast of prey facing right (the greatest length in its present condition is 6,5 cm). The obverse (Fig.1:2) has two (almost identical) funnel-shaped hollows (executed with a lack of care), that passed the chip through out. The upper rims of the both "funnels" (1,8 cm in diameter) are linked by a fork-like pouring-channel. The pouring-channel and three dowel-holes ca. 0,5 cm in diameter (one on either side below and one in the upper-hand corner - Fig.1:1) shows that the piece is the odd part of a closed bi-valved mould. A losing part must have had matching "negatives", and corresponding dowel-holes. During the casting operation the contours of both the parts of the mould should be supposed in pairs forming two biconic hollows linked by the common pouring-channel (Fig.4). The mould must have been rested on a bed of sand, since its lower edge is not enough level to have permitted it stand alone. A metal rod, passed through each biconic hollow (Fig.1:2) before the pouring of a molten metal (probably the lead) in the mould, causing a central perforation in casted "bead". There is the tendency to call similar objects (not suitable for necklace) "spindle-whorls".

Apart from the funnel-shaped "negatives", there are an inscription and a drawing of a man's head in profil, on this surface (Fig.1:2).

From a first glance, one may get to the conclusion that the object published here belong to the category of the moulds with two casting surfaces. But there are some unusual features compelling to give pause. To begin with, the animal's image (Fig.1:1) has fragmentary condition. Secondly, the outer edges of the piece are trimmed disparate: the upper and right-hand edges are finished, the other two crudely dresses (Fig.1:1). Finely, the two dowel-holes have a strange way of the arrangement: the one nearly touches the animal's nose, the other pierces his back (Fig.1:1). The piece is certain to have "gone through" two chronological phases (or periods) of its using. There had been a mould (Fig.1:1 - its original dimension cannot be guessed) for casting of an animal's image, perhaps an appliqué for attachment in relief to a plane surface. At same time in antiquity, the mould suffered some damage. It was broken at the left-hand side and along the bottom. Its upper right corner (the greatest height 7,4 cm, the greatest width 5,3 cm) was served as the material for manufacturing a half of new mould, that is, two funnel-shaped hollows were carved on the surface opposite to one with animal's image, and two above mentioned holes for dowels were drilled too. The hole in the right-hand upper corner of the mould (Fig.1:1) is primary.

The piece come from an unrelated stratum contained numerous sherds of Greek pottery dated from the second half of the 6th through to the later part of the 4th century B.C. Since later material come from even lowest levels of the stratum, the archaeological context can not be used to date the mould for casting the "beads". There are some data, however, that permit accurate its dating. Firstly, mould published here, is very similar to the mould from Olbia, from a pit with the material of the 6th-5th century B.C. Stone moulds for casting similar specimens were unearthed during the excavations of some late archaic sites near Olbia. It is significant also, that the some lead specimens which must have been cast in the similar moulds were found in Olbia, both in the city and in its necropolis in some wealthy women tomb contexts.

The excavation evidences for these specimens place them generally near end of the Archaic period, ca 500-480 B.C. In the upper part of the piece (Fig.1:2) there is previously mentioned inscription "IKEΣIOEIMI" denoting ownership. Its letterings agree with the date. Associated drawing which is contemporary with the inscription may be the "portret" of Ikesios himself.

In dating of the primary mould (for casting the figurines of carnivore) we are led to be guided, lacking other data; both a stylistic character of the carving representation and some its iconographic elements. The damaged fragment (the lower part of animal's body is broken

away) shows the lion's head with open jaws and his withers with saw-like mane (Fig.1:1. Modern positive impression is presented herewith - Fig.1:5).

The lion rendered in this mould is well-established component of East Greek art repertory. He shows a mixture of Hittite and Assyrian strains native to the mainstream of the Greek Orientalizing style. In search the birth-place of the mould we should look to the Greeks-inhabited lands of the East Mediterranean littoral, in particularity, to Ionia, which were in close touch with the great achievements of the Ancient Near Eastern art. An eclectic and mannered carver (probably Greek) manufactured this mould with the knowledge of Oriental style, acquired them at second-hand, whether through imported eastern artifacts, or through imitation of image of metal objects made either by Greek craftsmen, or Oriental craftsmen living in their midst. The working life of the carver should not be dated before ca. 520-500 B.C. It seems likely that the mould originated at Miletos was brought to Olbia by a smith (his name is unknown) who was arriving to work there. The owner of the mould for casting "beads" was, it appears, Ikesios.

РАСКОПКИ ХРАМА ЗАТ-ХИМЬЯМ В ЗАПАДНОМ ХАДРАМАУТЕ (РАЙБУН V)

Ю.А.Виноградов*

Советско-йеменская комплексная экспедиция, которая на протяжении ряда лет вела исследования на Юге Аравии, одной из задач имела всестороннее изучение древнего земледельческого оазиса Райбун, расположенного в западном Хадрамауте (вади Дау'ан). Кроме основного в оазисе, наиболее крупного по площади поселения Райбун I, большое внимание археологов привлекал расположенный юго-западнее его комплекс Райбун V (Седов 1989:140; Sedov 1988:63). Он состоит из трех частей или, правильнее сказать, трех зданий – центральное здание с алтарем, северное здание вытянутой в широтном направлении формы и небольшого здания на юго-востоке (рис.1). Уже внешний осмотр памятника, обнаруженные на его поверхности надписи и т.д. позволили считать, что Райбун V являлся храмовым комплексом, посвященным богине Зат-Химьям. Вход в главную часть храма, вероятнее всего, находился с востока. Соответственно, посетители сначала попадали в своеобразный двор,

окруженный названными зданиями, а затем поднимались вверх, возможно, по монументальной каменной лестнице, которая сейчас не сохранилась, но наличие которой в древности имеются основания предполагать. Непосредственно из двора можно было попасть и в другие части комплекса.

В 1988 и 1991 гг. раскопками были изучены северная и центральная части, то есть храмовый комплекс Райбун V в настоящее время исследован почти полностью. Оговоримся, правда, что раскапывались лишь строительные остатки позднего этапа существования храма, предшествующего его гибели. Характерная особенность райбунской архитектуры этого этапа заключается в возведении зданий на мощных каменных цоколях со стенами, сложенными из сырца на дере-

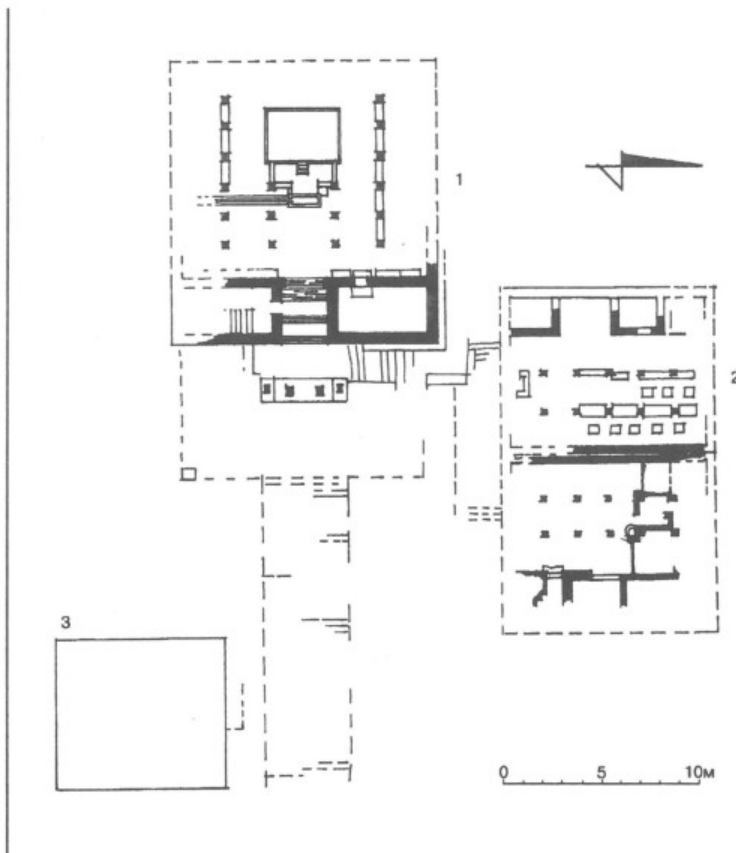

Рис.1. Райбун V, план храмового комплекса.

Fig.1. Raybun V, plan of the temple complex.

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.

вянных каркасах (Седов 1989:139; Грязневич, Виноградов 1991:131; Breton et al. 1978/79:pl.VIII). Высота цоколей рассматриваемых построек составляет около 1,2 м. Они сложены из грубо отесанных крупных камней на глинистом растворе.

Все здания Райбуна V, как и другие цокольные постройки оазиса сгорели в сильном пожаре. Завалы обгоревших балок, колонн и прочих деревянных конструкций составляют характерную особенность культурных напластований, перекрывающих данные строительные комплексы. Образцы древесного угля, взятые из этих завалов для анализа на C^{14} , дали следующие даты: 390 ± 80 гг. до н.э. (северное здание) и 330 ± 50 , 270 ± 50 , 260 ± 50 , 240 ± 50 гг. до н.э. (центральное здание)¹.

Многочисленные надписи, обнаруженные при раскопках памятника, особенно центральной его части, где они в большом количестве были использованы даже в вымостках пола, позволили с уверенностью утверждать, что храм был посвящен именно богине Зат-Химьям. В йеменской мифологии Зат-Химьям, как известно, являлась ипостасью богини солнца. Если судить по имеющимся материалам, она очень почиталась в райбунском оазисе, хотя следует подчеркнуть, что здесь было сосредоточено необычное множество храмов различных божеств. Последнее позволяет предполагать о теократическом характере социальной организации местного общества (Грязневич 1989:133). Перейдем к описанию данного конкретного храмового комплекса. Он состоит из нескольких зданий (рис.1).

Северное здание (18x10 м) было ориентировано в широтном направлении. Планировка его интересна тем, что здание состояло из двух половин, восточной и западной, очень близких по структуре и одинаковых по размерам (10x9 м). Пока еще трудно сказать были ли они построены одновременно или с каким-то временным разрывом. В пользу первого предположения, как будто, говорит тот факт, что колонны обеих частей были поставлены строго по одной линии. Но, с другой стороны, эти части разделяет двойная стена, что скорее заставляет предполагать последовательность их возведения. Окончательно этот вопрос может быть решен только после полного раскрытия цоколей. Сейчас же не вызывает сомнения лишь одно, а именно – несмотря на возможную разновременность строительства двух половин здания, на заключительном этапе они представляли собой единый комплекс и, безусловно, погибли одновременно.

В восточной части здания основное место занимает зал, к которому с востока и севера примыкает серия помещений. Размеры помещений, в среднем, очень небольшие – 2–2,5x1, 5–2 м. В северном ряду крайнее с запада помещение было забито обычной каменной галькой и представляло собой сооружение типа тумбы. На нем были установлены крупные керамические сосуды, предназначенные для хранения различных сельскохозяйственных продуктов – так называемые зирры. Во время пожара зирры обрушились в помещение, примыкающее к тумбе с востока. Один из них полностью восстановлен, по венцу он имел надпись из отштампованных по сырой глине букв (рис. 3:7).

Зал (7,4x5,7) был разделен на три нефа двумя рядами колонн; в каждом ряду – 5 колонн. Расстояние между рядами – 1,9 м, между колоннами в ряду – 1,5 м. Деревянные колонны устанавливались на каменных основаниях; и те, и другие в сечении имели четырехугольную форму (0,18x0,13 м у колонн и 0,21x0,16 м у оснований), высота оснований – до 0,3 м. Расположение колонн, а именно тот факт, что крайние северные из них были встроены в стены помещений, убеждает в том, что первоначально зал был вытянут на всю ширину здания и фланкировался помещениями только с востока. Северный ряд был построен позднее, что и привело к отмеченной их любопытной особенности. Пол зала, в основном, был покрыт прекрасными известковыми промазками.

При исследовании площади зала было обнаружено немало интересных находок, в их составе – редчайший на райбунских памятниках железный нож (рис.4:1), достаточно обычный каменный алтарь, покрытый красной краской (рис.4:8) и уникальный очень крупный алтарь, оформленный в виде модели здания на высокой четырехугольной подставке (рис.4:10; см. Грязневич 1989:134, рис.2). Модель, как представляется, имеет по 3 двери со всех четырех сторон. С главного фасада над дверным проемом по углам здания расположены сооружения типа башенок, между ними находится двухстрочная надпись. Изображения дверей, карнизов, башенок имеют богатый архитектурный декор, местами сохранились остатки красной краски. Основание алтарика было покрыто известковыми

¹Определения проведены в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН.

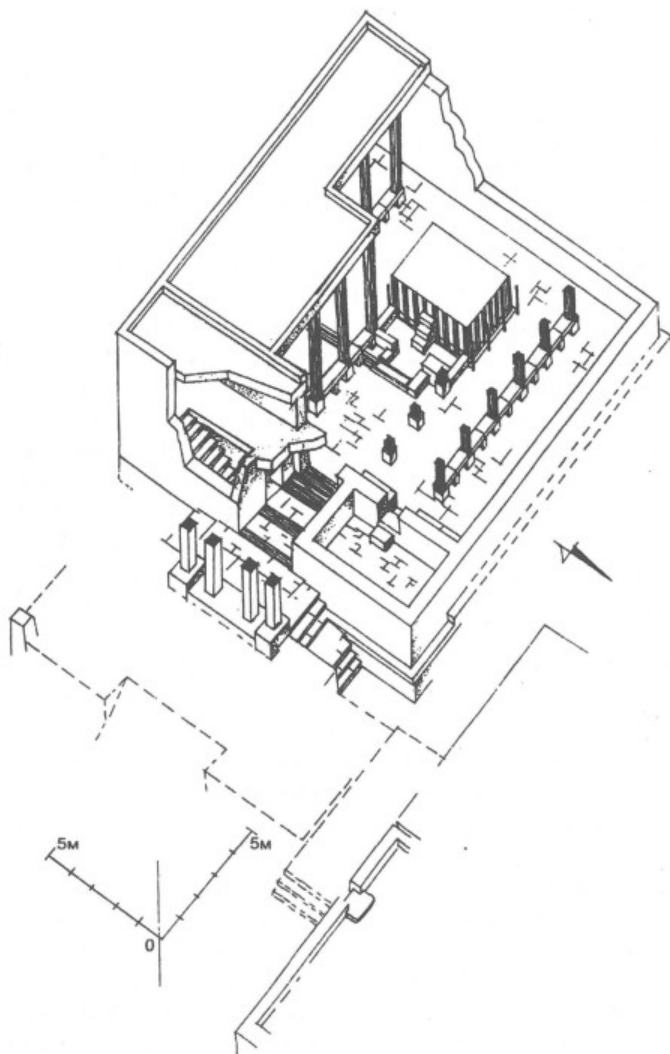

Рис.2. Алтарная часть храма (реконструкция Ю. Ф. Кожина).

Fig.2. Altar part of the temple (reconstruction by Yu. F. Kozhin).

ших сырцовых тумб, по 5 в каждом ряду. Тумбы имеют почти квадратную в плане форму (0,6 x 0,55м), высота их достигает 0,35 – 0,4 м. Расстояние между тумбами в восточном ряду – 0,5 м, в западном ряду оно строго не выдержано, составляя от 0,5 до 1,6 м. Как и заклады, эти сооружения со всех сторон покрыты глинистыми промазками.

Наиболее приемлемой, на мой взгляд, трактовкой сырцовых закладов и тумб является их рассмотрение как единого комплекса – своего рода трапезной. Заклады при этом выполняли роль столов, а тумбы – сидений. В возможности такой интерпретации, наряду с прочим, убеждает наличие в южной части зала двух крупных очажных пятен (1,6x1,5 м). Около них обнаружено большое число каменных зернотерок. Весьма любопытны керамические находки, происходящие из этой части здания. Приблизительно 28% всех фрагментов посуды по причине их значительной закопченности с наружной стороны следует относить к категории кухонной керамики. Цифра, сама по себе, весьма высокая, – в керамическом комплексе памятника группа кухонной, в среднем, не превышает 14%. Но не это обстоятельство представляется самым важным. Как известно, в комплексе райбунской керамики кухонная посуда представлена весьма устойчивым типом круглодонной кастрю-

промазками, что дает основание считать, что он был установлен в полу юго-восточной части зала, где и был обнаружен.

Планировка западной части здания почти зеркально отражает восточную до происшедших там перестроек, то есть до строительства северного ряда помещений. Соответственно, здесь имеется только западный ряд помещений. Главный зал (10x5,4 м) вытянут на всю ширину здания, разделяясь двумя рядами колонн; их устройство и размеры не отличаются от описанных выше. Но на этом сходство двух частей, в принципе, кончается. Своеобразие западной половины заключается в том, что межколонные пространства в обоих рядах, начиная с второй колонны с юга, заложены сырцовыми кладками. Они имеют 0,4–0,7 м в ширину и 0,25–0,3 м в высоту. Во всех случаях сверху и по бокам кладки покрыты глинистыми промазками, то есть их размеры установлены абсолютно точно.

Вдоль закладов с востока и запада на расстоянии 0,3 м от них расположены ряды неболь-

ли с вертикальными стенками и ушками под краем (Caton Thompson 1944:pl. XXXII: 1-8, LIV: 10-14). Для них характерно и особое керамическое тесто – плотное, черного цвета с примесью дробленого камня и многочисленными блестками. В высшей степени любопытно, что сосуды, которые использовались для приготовления пищи в рассматриваемой части здания относились совсем к другим типам. С формально-типологической стороны они принадлежат к категории керамики для хранения или, в лучшем случае, столовой, – это крупные миски, скорей даже керамические тазы, а также небольшие зирры. Единственное разумное объяснение такой странной ситуации, всего скорей, следует искать в том, что здесь для приготовления пищи в необходимом количестве требовались сосуды значительно более крупные, чем обычные кастрюли. Все это опять же наводит на мысль о каких-то совместных трапезах с участием большого количества людей, которые производились в западной части здания.

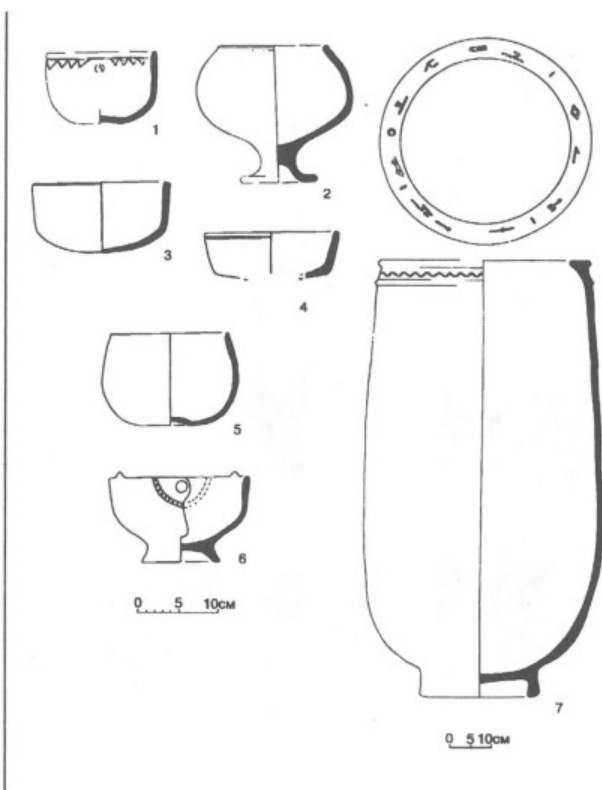

Рис.3. Керамические находки.

Fig.3. Pottery finds.

Среди находок, происходящих отсюда, можно отметить керамическую миску с рельефным изображением месяца и звезды (?) на тулове и вертикальными выступами по краю (рис.3:6), небольшой каменный алтарик (рис.4:9), а также бронзовое навершие или примитивный наконечник копья (рис.4:2).

Из этой трапезной сырцовая лестница, пристроенная к цоколю с юга, вела вниз. Отсюда через небольшой коридорообразный проход между цоколями длиной 3,4 м можно было выйти к каменной лестнице и подняться к алтарной части храма.

Как говорилось выше, главная лестница, очевидно, вела сюда с востока, примыкая к каменному крыльцу перед входом (4,2x2,6 м), который открывался к ней двухколонным (или четырехколонным?) портиком. К данному крыльцу с севера, со стороны трапезной, вела еще одна лестница. Ее длина – 2,8 м, ширина – 1,5 м, высота – 1,4 м. Лестница состоит из двух маршей (трех и пяти ступеней) с небольшой площадкой между ними.

Вход в храм был оформлен в виде прохода длиной 3,4 м и шириной 2,1 м. Его пол отличается чередующимися четко ограниченными участками, вымощенными каменными плитами, и участками, таких вымосток лишенными. В последних, наиболее вероятно, располагались какие-то деревянные конструкции – пороги и т.п. По наличию трех невымощенных участков можно предполагать, что храм имел три порога и, соответственно, тройные ворота. Деталь, вероятно, не случайная для культовых построек.

Главная часть храма (15x11,5 м) состояла из алтарного зала и двух помещений, примыкающих к входу с юга и севера (рис.2). С юга находилось помещение, в котором открыта нижняя часть каменной лестницы. Не вызывает особого сомнения, что она вела на кровлю храма, где можно полагать, хранились некоторые припасы и храмовая утварь. Показательно, что в верхних горизонтах культурных напластований, перекрывающих вход в храм, были обнаружены крупные фрагменты зиров, явно упавших сюда сверху.

Помещение (4,4x2,4 м), примыкающее к входу с севера, было связано с алтарным залом через проход шириной 1,4 м. Другого входа в него нет. На основании следов, оставленных на глинистых обломках стен, есть все основания считать, что этот проход имел высокий (до 1 м) порог, сделанный, вероятно, из дерева. При таком понимании становит-

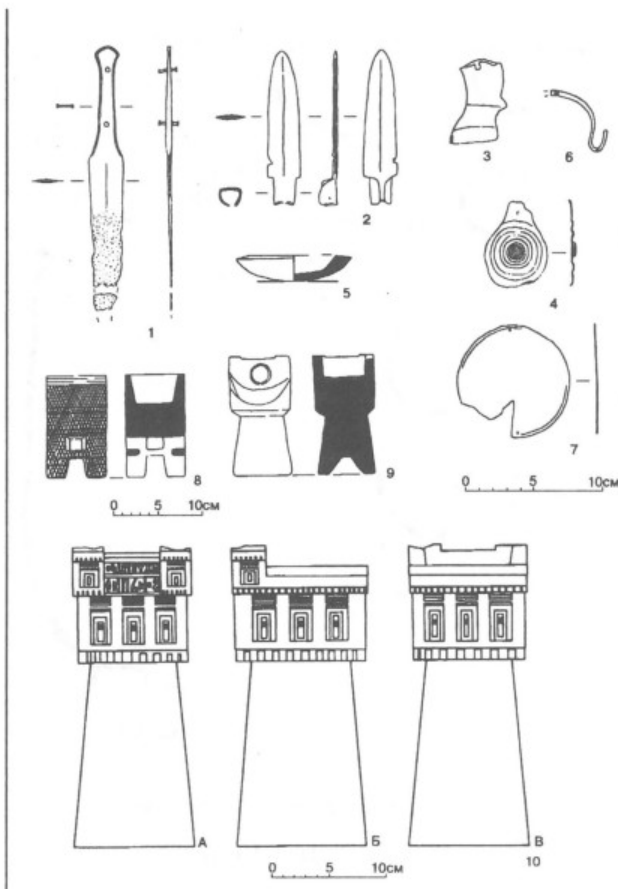

Рис.4. Находки (1 – железо, 2,3,6,7 – бронза, 4 – золото со стеклом, 5,8–10 – камень).

Fig.4. Finds (1 – iron, 2,3,6,7 – bronze, 4 – gold with glass, 5,8–10 – stone).

фрагменты надписей и реже – каких-то архитектурных деталей. Четырьмя рядами колонн зал разделен на пять нефов, ширина боковых – 2 м, центрального – 2,8 м. Центральный неф находится на одной оси с входом, в западной его части расположен алтарь.

Расстояние между колоннами в рядах составляет 1,3 м. Деревянные колонны устанавливались на каменные основания. Последние в горизонтальном сечении имели квадратную форму (0,3х0,3 м) при высоте 0,35 м. Судя по сохранившимся отпечаткам колонн на верхних гранях оснований, они в сечении также были квадратными (0,25х0,25). Северный и южный ряды колонн интересны тем, что в промежутках между ними были устроены каменные скамьи. Для того, чтобы уложить верхнюю плиту скамьи, собственно само сиденье, в центре межколонного пространства ставилась специальная подпорка (каменная плита размерами 0,32х0,12, высотой 0,35 м). Скамья каждого промежутка состояла из двух плит, один конец каждой крепился на описанной подставке, а другой – на крае базы колонны. Размеры плит для сиденья – 0,65х0,3 м, толщина – 0,12 м; общая высота скамьи, таким образом, составляет около 0,5 м. Одна скамья северного ряда (между первой и второй колоннами с востока) сохранилась почти идеально. На ее вертикальной северной грани высечена надпись с посвящением Зат-Химьям. Обломки таких надписей найдены во многих местах у колонн северного и южного рядов. Почти самоочевидно, что они шли по обеим линиям скамей от их начала до конца со стороны, обращенной к центральному нефу.

Алтарь занимал центральную часть зала. Его структура сложна и, в принципе, не проста для описания. В общей конструкции сооружения представляется возможным выделить три основные части: 1) жертвенный стол со сливом; 2) тумбу, заполненную галькой,

ся понятным назначением двух тщательно сделанных сооружений типа каменных ящиков, расположенных непосредственно перед входом в зал и в помещении симметрично по отношению друг к другу. Они сложены из каменных плит на известковом растворе и имеют размеры, соответственно, – 0,65х0,28 м при высоте 0,27 м и 0,5х0,37 м при высоте 0,26 м. Эти "ящики", вероятно, служили ступенями, которые помогали перебраться через высокий порог. Высокие пороги в райбунской архитектуре, как это засвидетельствовано при раскопках некоторых других комплексов, характерны для помещений складского характера, амбаров и т.п. Совсем не исключено, что и в храме рассматриваемое помещение выполняло подобную функцию и служило, скорее всего, храмовой сокровищницей. Показательно, что здесь обнаружено 29 стеклянных бусин (концентрация для памятника очень высокая), 1 бусина из сердолика, при зачистке каменных плит вымостки пола к тому же были найдены 2 кусочка золотой фольги.

Главный зал имел почти квадратную форму (12,5х11,5 м). Пол его тщательно вымощен каменными плитами различных размеров, среди которых часто встречаются

и, наконец, 3) небольшое помещение, правильнее сказать пространство между ними с каменной лестницей, ведущей наверх, то есть на тумбу.

Жертвенный стол как бы примыкал к основной конструкции алтаря с востока, выступая на 0,7 м за линию его фасада. Он представляет собой большую каменную плиту (1,9x0,35 м толщиной 0,2 м), положенную меридианально с заметным наклоном к югу. В центре стол имеет углубление шириной 0,28 и глубиной 1 см в северной части и 1,5 см в южной. Таким образом, и углубление имеет наклон к югу, где в торцовой части жертвенного стола завершается сливом шириной 8 см. Под этим сливом, на 0,1 м ниже его, начинается желоб, выложенный из хорошо подогнанных друг к другу каменных блоков в полу алтарного зала. Желоб, продолжая линию жертвенного стола, скорее всего, пересекал всю южную часть зала, но сохранился всего на 3,2 м в длину. Его общая ширина – 0,4 м, ширина углубления – 0,12 м, глубина – 5 см.

Любопытные детали устройства алтаря выявлены на его углах. У южного угла была установлена каменная стела с изображением козла, обращенного головой на восток, то есть в сторону слива с жертвенного стола. В северном углу была установлена колонна высотой около 1 м с каменным алтариком на ней (сравни рис.4:10). Алтарь был украшен изображениями полумесяца, звезд и т.д.

Прежде чем перейти к описанию второй важнейшей части алтаря, так называемой тумбы, необходимо отметить, что пространство между ней и жертвенным столом представляет интерес во многих отношениях. Прежде всего, отсюда происходит ряд очень показательных находок. Они были особенно многочисленными в северо-западном углу, где были обнаружены: каменный алтарь четырехугольной формы с выступом для крепления в нижней части и надписью по периметру, обломок ноги от бронзовой скульптуры козла (рис.4:3), бронзовое круглое зеркало (рис.4:7), фрагмент дугообразной ручки от бронзового сосуда (рис.4:6), золотая накладка на медальон (?) с вставкой синего стекла в центральной части (рис.4:4) и т.д.

Каменная лестница, расположенная в центральной части этого пространства, на главной оси храма, вела наверх тумбы. Ее длина – 0,75 м, ширина – 0,47 м, высота – 0,77 м. Лестница состояла из трех ступеней, сложенных из хорошо обработанных каменных блоков на известковом растворе. Каждая ступень, имея ширину и высоту около 0,25 м, соответствует одному блоку. На вертикальной грани второй ступени высечено посвящение Зат-Химьям. На ней же сверху был обнаружен крупный кусок обгоревшей материи. Необходимо подчеркнуть, что куски материи были найдены и в других частях алтарного зала, что позволяет предполагать либо о наличии над всей конструкцией алтаря покрывала, либо о существовании обычая жертвовать в храм одежду, либо о том и другом одновременно. Около лестницы были найдены два керамических сосуда. С севера рядом с ней была установлена чаша, украшенная фризом из резных треугольников с наколками и единственным налепом круглой формы (рис.3:1), с юга находился краснолощенный сосуд на высокой подставке (рис.3:2). Расположение этих сосудов, бросающееся в глаза различие их форм, почти уникальная среди райбунской керамики орнаментация первого из них и т.п. заставляют признать эту пару культовым набором, что разумеется, немаловажно для изучения других храмовых комплексов района.

Тумба, на которую вела лестница, имела четырехугольную в плане форму (3,4x2,5 м), длинной осью ориентирована по линии север – юг. Точная высота ее неизвестна, однако, можно предположить, что она составляла 1,3–1,4 м, – высота развала галечного заполнения конструкции. Тумба была построена на каменном основании (3,5x2,6 м), возвышающемся на 5 см над вымосткой зала. Стены ее (ширина – 0,3 м) возведены из сырцового кирпича на деревянном каркасе. Все пространство между стенами, как уже неоднократно отмечалось, было забито обыкновенной каменной галькой. Каркас состоял из скрепленных между собой чередующихся рядов продольных и поперечных деревянных балок; очень хорошо сохранились обгоревшие балки нижних рядов. С лицевой (восточной) стороны в нижнем ряду насчитывается 8 торцовых балок (0,19x0,14 м), промежутки между которыми закрыты каменными плитками (0,14x0,14 м), последних насчитывается 7 штук. Выше шла продольная балка шириной 0,15 м, на которой, очевидно, покоился второй ряд торцовых балок и каменных плиток. Любопытно, что с противоположной, западной стороны нижний ряд состоит из 10 торцовых деревянных балок (0,24 x 0,1 м) и 9 каменных плиток (0,11x0,1 м).

Конструкции в виде тумб, заполненных галькой, надо думать, являются одной из характерных особенностей архитектуры культовых зданий Райбуна. Напомним, что подобное сооружение было открыто в восточной части комплекса трапезной. Назначение их пока не вполне ясно. В первом случае, как говорилось, есть основания считать, что на тумбе стояли зирьы. Сходная картина реконструируется и здесь. С запада от тумбы алтаря в слое гальки, оплывшей из нее, были обнаружены фрагменты зира, который восстанавливается полностью. Всего скорей, первоначально он был установлен именно на тумбе. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что если имеется возможность конструкции алтаря условно разделить на две функциональные части, связанные с ритуальными возлияниями и ритуальными возжиганиями, то первую следует относить к жертвенному столу со сливом, а вторую, скорее всего, к тумбе. Здесь могли совершаться возжигания, а в зирах, соответственно, хранились необходимые для этого припасы.

Завершая описание объектов, раскопанных на Райбуне V, можно признать большое значение данного комплекса для изучения культовой жизни Хадрамаута. В принципе, сейчас этот памятник является одним из исследованных наиболее полно, а информация, которую он дает относительно устройства всего комплекса, функциональных особенностей отдельных его частей и т.д., является почти уникальной. В отношении устройства алтарной части, правда, можно предполагать ее достаточную типичность для района Хадрамаута. Большой интерес в этом плане привлекает комплекс в Ба-Кутфе (Breton et al. 1978-79:pl.76-78). Он ориентирован несколько иначе, чем Райбун V, к тому же выглядит более скромным как по размерам, так и по внутреннему убранству. Однако, к храму вела длинная, парадная (?) лестница, которая примыкала к крыльцу. Справа от входящего к крыльцу примыкала еще одна лестница, что поразительно напоминает райбунский комплекс. Это сходство еще более усиливается тем, что алтарь этого храма состоял из жертвенного стола со сливом, за которым располагалась тумба, сложенная, впрочем, из каменных плит с глинистым (?) заполнением. К сожалению, храм в Ба-Кутфе полностью не был изучен, а лишь частично расчищен. Нет сомнения, что он мог бы стать важным дополнением к знаниям о храмовой архитектуре западного Хадрамаута, полученным при исследовании памятников Райбуна.

- ГРЯЗНЕВИЧ, П.А. 1989. Древний Хадрамаут в свете полевых исследований Советско - Йеменской экспедиции // Вестник древней истории 2: 129-135.
- ГРЯЗНЕВИЧ, П.А., Ю.А.ВИНОГРАДОВ. 1991. Некоторые итоги изучения древнейшей цивилизации (по работам СОЙКЭ). // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК РАН: 31-32. Петербург.
- СЕДОВ, А.В. 1989. Археологические исследования в вади Хадрамаут. // Вестник древней истории 2: 135-142.
- BRETON, J.-F., L.BADRE, R.AUDOUIN, J.SEIGE. 1978/79. Wadi Hadramaut. Prospection 1978-1979. Aden
- CATON THOMPSON G. 1944. Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadramaut). Oxford.
- SEDOV, A.V. 1988. Raybun, a complex of archaeological monuments in lower reacher of wadi Dau'an and certain problems of its protection and restoration. // Ancient and Medieval Monuments of Civilization of Southern Arabia: 61-66. Moscow.

EXCAVATIONS OF THE TEMPLE OF THE GODDESS ZAT-HIMYAM IN WESTERN HADRAMAUT (RAYBUN V).

Summary

The early farming oasis Raybun in Western Hadramaut, Wadi Dauan (the Yemen Republic), has been studied by archaeologists from Yemen and Russia for several years. One of the objects under investigation was a separate temple complex (Raybun V) excavated in 1989 and 1991.

Judging from numerous inscriptions - dedications the temple complex belonged to the goddess Zat-Himyam. It consisted of three buildings: the central one, a building with an altar; the northern one, the so-called refectory, and a small southern one which has remained unstudied (fig.1). All three buildings were erected on thick stone socles, the walls were built of unfired brick with the use of wooden frameworks, which corresponds to the late stage of housebuilding in Raybun. Other categories of material culture, primarily pottery, also belong to this late stage. The complex was destroyed by a heavy fire. Coal samples taken from the burnt wooden structures yielded the following radiocarbon dates: 390±80, 330±50, 270±50, 260±60, 240±50 B.C.

The northern building (18x10 m) consisted of two halves raised according to the common plan. Most of the eastern part was taken up by a hall adjacent small rooms. A unique small stone altar was found in the hall. Its receptacle is shaped as a model of the whole building (Fig.4,10). The western hall is of interest due to the fact that the spaces between the columns in both rows were set with low mudbrick walls. Along them there were rows of small adobe posts (0,6x0,55 m, height - 0,35-0,4 m). The most plausible interpretation of the function of these structures is that the pavements between the columns served as small tables, and the posts, as seats. This interpretation is confirmed by the finds of hearths and numerous fragments of cooking pottery in this part, large basin-like vessels etc., but not the usual small pots with a round bottom which were used for cooking. It can be assumed that in the present case it was necessary to cook a lot of food for some public ceremonies. All these features allow us to describe the northern building as a refectory. The refectory was connected with the main part of the temple (with the altar) by means of two staircases, one of them (made of adobe) leading downwards, another (a stone one) upwards to a two-column portico in front of the entrance to the building with the altar (Fig.2). The entrance was situated on the eastern side. The building (15x11,5 m) consisted of three rooms, the main (altar) hall and the two rooms adjacent to the entrance. There was a staircase leading to the roof in the southern room. The northern room must have been a depository. This supposition is confirmed by the following finds: 29 glass beads (a large concentration for a site), one cornelian bead and two pieces of gold foil.

The main hall (12,5x11,5 m) was divided into five naves by four rows of columns. The altar was situated in the central nave. Stone seats were installed in the last southern and northern rows of the columns. The altar had a rather complicated design. It can be divided into three main parts: 1) A table for sacrifices with a discharge situated in the eastern part of the altar. The discharge is directed southwards; 2) A quadrangular post (3,4x2,5 m, 1,3-1,4 m high) with a stone staircase leading to its top. The walls of the post are made of adobe bricks on wooden framework, the inner space is filled with pebbles. The staircase led to the post from the east, it consists of three steps. A dedication to Zat-Himyam is carved on the second step; 3) A space (room) between these two parts contained a large number of interesting finds: ceramic vessels having a ritual function (Fig.3:1,2), pieces of burnt cloth, a gold plate in a medallion with a dark blue glass mounting in the centre (Fig.4:4), a fragment of the leg of a bronze sculpture of a goat (Fig.4:3), a round bronze mirror (Fig.4:7), etc. From the functional point of view the altar can be divided into two parts: the first one is connected with ritual libations (a table for sacrifices and a discharge), the second one, with ritual burning (a post filled with pebbles). It is interesting that the altar uncovered at another site of Hadramaut in Ba-Kutph has a similar design.

РАННИЕ РОСПИСИ СОГДИЙСКОГО ХРАМА ДЖАР-ТЕПЕ II (V – НАЧАЛО VI ВВ.)

А.Э.БЕРДИМУРАДОВ, М.К.САМИБАЕВ*

В процессе многолетних археологических исследований раннесредневекового храма – Джар-тепе II, расположенного в древнем Варасаре (Узбекистан), на ответвлении Великого Шелкового пути, ведущего из Самарканда в Пенджикент, обнаружена настенная живопись.

Джар-тепе II имел размеры 60 x 40 м, высоту 7 м. В 1940 г. еще сохранялись остатки построек, расположенных вокруг него (Григорьев 1940: рис.69). В 4,5 км к северо-востоку от памятника у истока знаменитого канала Даргом расположено городище Варасар (Рават-Ходжа) (Мухамеджанов 1972).

Первоначально на месте храма стояло прямоугольное здание, к углам которого во втором строительном периоде были пристроены четыре овальные, двухэтажные башни с щелевидными бойницами на втором этаже. В третьем строительном периоде по внешнему периметру первоначального здания сооружены коридорообразные помещения, образовавшие новый оборонительный пояс, сменивший круглые башни. Как и многие другие укрепления Согда V в., он состоял из прямоугольных башен с узкими промежутками между ними (Семенов 1990).

Росписи обнаружены в основном в зданиях IV – V строительных периодов. В IV периоде центральная часть памятника коренным образом перестраивается (рис.1). Часть южной стены первоначального здания снесли до основания и на образовавшейся площадке возвели большой восьмиколонный прямоугольный зал, вытянутый по оси север-юг. В зале обнаружены пять проходов, его северо – западная часть еще полностью не раскопана. К восточной стене первого периода пристроили северную стену зала с двумя проходами, которые связывали зал с квадратной целлой. Тогда же были прорублены два прохода по оси запад – восток, которые связывали зал с южными башнями. Четвертый проход вел в двенадцатиколонный вестибюль, расположенный южнее зала и вытянутый поперек его оси. Вестибюль построен на останце от более ранних строений, поэтому его пол выше, чем пол зала. Оба помещения связаны проходом, имеющим массивную коробку, и двумя дверями. К югу и северу от дверей располагаются пандусы. Одна из стен более раннего периода, ставшая теперь южной стеной вестибюля, оборудована проходом с

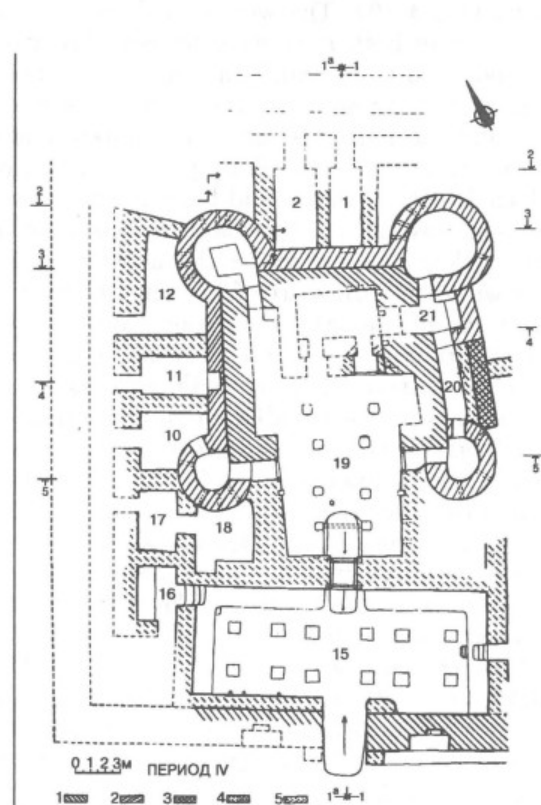

Рис.1. План здания IV строительного периода.
Fig.1. Plan of a building belonging to construction period IV.

* Узбекистан, Самарканд, 703051, ул.Академика В.Абдуллаева, Институт археологии, Отдел археологии южного Узбекистана.

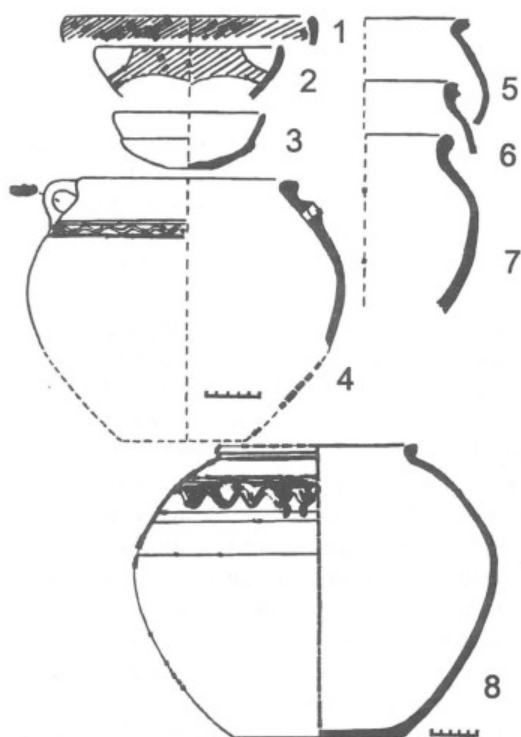

Рис.2. Керамический комплекс, найденный в горелом слое здания IV строительного периода.

Fig.2. Ceramic assemblage found in the burnt layer of the period IV building.

отрезка времени после пожара, на рубеже VII–VIII вв.¹ (Бердимуратов 1991) центральная часть здания IV периода была частично с nivelирована и забутована, а на образовавшейся площадке был заново построен другой храм (V период) (Бердимуратов, Самибаев 1992). Здание этого периода состоит из открытого на юг зала, который через дверные проемы в северной стене соединялся с целлой и двумя боковыми помещениями, расположенными к западу и востоку от него. Эти помещения с трех сторон окружены обходным коридором. Зал, вероятно, имел четыре колонны. К югу от зала расположен портик-айван. В целле располагался подиум с алтарем для возжигания огня (рис.3). Зал и целла были украшены настенной живописью. На фесе подиума и на стенках алтаря также сохранились фрагменты росписи в виде бесформенных пятен краски. Только на стенах прохода, связывающего зал и целлу, имеется сюжетная роспись – изображение донаторов или танцоров (Самибаев 1990:87; 1993:17–18).

Планировка храма IV периода в принципе была сохранена и в V периоде. Изменения связаны со строительством обводного коридора и сооружением алтаря в целле, которые, безусловно, являются атрибутами культовой постройки. В помещениях V периода были обнаружены многочисленные находки культового характера (Абдуллаев, Бердимуратов 1991; Самибаев 1993:14–15) (рис.4). Наиболее близки архитектуре V периода Джар-тепе городские храмы Пенджикента (Шкода 1986; Škoda 1987). Пенджикентские и джартепинский храмы имеют залы без четвертой стены и узкие пандусы. Их наличие показывает родственную связь этих храмов, причем, что не менее важно, те же признаки отличают их от остальных ныне известных культовых сооружений.

Обнаруженные в данный момент немногочисленные фрагменты настенной росписи, имеют большое значение для изучения начальной стадии развития согдийской школы

пандусом, связывающим здание с дворовой частью. Часть южного фасада вестибюля превращена в портал здания. В вестибюле имеются два боковых прохода с лестницами, через которые можно было попасть в периферийные помещения, образовавшиеся после забутовки строения III периода. В IV периоде к востоку от портала была прорублена ниша (западная часть фасада еще не раскопана).

Все стены целлы, зала, вестибюля и ниши были покрыты живописью. К сожалению, из-за сильного пожара конца VII или начала VIII вв. она была почти полностью уничтожена.

В IV периоде памятник приобретает культовый характер. Его архитектурная композиция – вестибюль, зал и целла, расположенные друг за другом на одной оси, – известна по многим культовым памятникам широкого хронологического диапазона – от ахеменидской эпохи (храм в Сузах) (Schippmann 1977:266–269, Abb.36) до храмов огня современных зороастрийцев Индии (Gropp 1969:148). Однако еще важнее для понимания функции здания служит найденный в помещениях этого периода набор утвари (Самибаев 1993:12–15) и сюжеты сохранившихся росписей, которым и посвящена данная работа.

¹Дата пожара устанавливается по керамическому комплексу, обнаруженному в горелом слое здания IV периода (рис.2).

культурной живописи. Сюжеты росписей могут пролить свет на религиозные культы древних согдийцев.

Как было сказано выше, настенная живопись была обнаружена близ портала, где при раскопках восточной части здания на расстоянии 2,65 м от центрального пандуса, была открыта ниша. Длина ее 2,54 м, ширина 1,10 м и сохранившаяся высота 1,30 м. Верхняя часть этой ниши была срезана во время строительства здания V периода. В северной стене ниши имеется другая маленькая ниша, сдвинутая ближе к северо-восточному углу большой. Первоначальная длина маленькой ниши – 67 см, ширина и высота – 40 см. Судя по ее сохранившейся задней стене, маленькая ниша имела сводчатое перекрытие. Росписью была покрыта вся поверхность обеих ниш.

Двухслойная роспись большой ниши очень плохо сохранилась. Композиция более древнего слоя нанесена бордовыми контурными линиями по белому фону. Два персонажа стоят по обе стороны маленькой ниши (рис.6). Верхняя часть фигур (до груди) полностью утрачена. Судя по расположению фигур, имеющих слегка отведенные назад плечи и руки, лица персонажей были повернуты в сторону маленькой ниши. Оба мужчины одеты в короткие, достигающие почти до колен, кафтаны с высокими боковыми разрезами. На талии кафтаны стянуты неширокими поясами с круглыми пряжками. К поясам подвязаны платки-мешочки. Стянутая поясом одежда имеет мягкие складки сверху и внизу. У обеих фигур к поясу подвешены на двух ремешках прямоугольные ножны кинжалов. Кинжалы почти полностью входят в прямоугольные ножны, так что вне их остается только конец рукояти. Широкие штаны мужчин заправлены в сапоги. Штаны имеют спереди продольные нашивки с орнаментом. Носки сапог закруглены и направлены в разные стороны, ступни ног мужчин развернуты на 180°, пятки слегка приподняты.

В руках правый персонаж держит предмет похожий на светильник. На росписи видны две части этого предмета – основание с изогнутыми ножками и отходящий от него вверх стержень. Обими руками мужчина держит светильник за стержень. Левый персонаж также держал какой-то предмет, изображение которого полностью утрачено.

Правая фигура отделена от маленькой ниши орнаментальной ярко-красной полосой, состоящей из двух рядов меандра с крупными охристыми завитками. Под маленькой нишей сохранились фрагменты рисунка ковра с узором в виде шахматной доски. Под всей композицией проходит бордюр в виде двух полос, на которых изображены ступенчатые зубцы черного цвета. Между полосами имеется орнамент в виде декоративной кладки из кирпичей, повернутых к зрителю углом.

Позднее на первоначальную живопись была нанесена другая роспись. До нас она дошла в очень плохом состоянии. Ее красочный слой сильно пострадал в процессе закладки, во время строительства здания V периода. Роспись сохранилась в виде отдельных размытых пятен и только в одном месте: слева от маленькой ниши, где можно различить рисунок, который, по всей видимости, являлся узором полихромной ткани с пятнами желтого, розоватого и зеленого цветов. Ниже частично сохранились контуры небольшой фигуры человека: голова с профилем, обращенным влево, плечо и часть руки. Судя по месту расположения фигуры – над нижним бордюром, она была сидящей или, скорее всего, коленапреклоненной, смотрящей в сторону ниши. В руках персонажа находился переносной алтарь-жертвенник (рис.6). Перед фигурой, чуть поодаль от нее, на уровне ниши и ниже нанесены вертикальные линии, возможно имитирующие архитектурный орнамент, обрамляющий нишу. Нижняя часть живописи украшена бордюром, с рисунком, аналогичным бордюру более ранней живописи. На боковых стенках большой ниши тоже есть остатки бордюра.

Поверхность маленькой ниши также была расписана. Сохранились два слоя живописи. Более древний слой расчерчен ромбической сеткой, пересечения которой отмечены кружками. В ромбах помещены полураскрытые тюльпаны желтовато-розового цвета (рис.5). Дно ниши первоначально было покрыто тонкой ганчевой обмазкой. В связи с расширением ниши в последующем периоде, ее боковые стены не сохранились. Во время ремонта маленькую нишу удлиняют до 1,05 м, а ее высоту наращивают до 75 см. Дно ниши покрывают лессовой обмазкой толщиной 3 см. Стенки расширенной маленькой ниши расписывают заново. На ярко-красном фоне густой белой краской рисуют окружности, состоящие из выпуклых точек – перлов. Внутри каждой окружности – пяти-шестилепестковые светлоохристые розетки на красном фоне (рис.6).

В зале сохранилась только композиция на стене восточного тамбура - прохода, связывающего зал с целлой. Пол тамбура находится ниже пола зала на 34 см. Ширина прохода в южной части 1,40 м, в северной части - 1,05 м. Северная часть тамбура сужается за счет приставных выступов, на которых находятся части сырцово-арки. Длина стен прохода до выступов равна 1,30 м. В начале тамбура, в южной его части, на полу сохранилось углубление от порога, где были обнаружены фрагменты полусгоревшего и полуистлевшего бревна, концы которого углублены в восточную и западную стены прохода. С южной стороны между этим порогом и уровнем верхнего пола зала была обнаружена тонкая бронзовая пластинка, прослеженная на всем протяжении порога, которая служила оббивкой порога более раннего времени. В южном конце тамбура обе стены прохода сохранили отпечатки вертикальных стоек дверной рамы.

Сохранившаяся на восточной стене тамбура роспись не имела сюжета и представляла собой белую ганчевую основу, на которую сверху вниз были нанесены красные волнообразные линии. Отсутствие сюжета обусловлено тем, что проход оканчивался деревянной дверью, которая открывалась внутрь (т.к. с юга пол зала выше) и полностью закрывала собой восточную стену.

Фрагмент монументальной живописи обнаружен на западной стене этого же прохода (рис.7). На синем фоне росписи сохранились три фигуры, лица которых повернуты вправо к целле. Правый персонаж - музыкант - изображен более крупно, чем остальные. Он одет в кафтан светло-желтого цвета, перетянутый на талии нешироким поясом с округлой пряжкой. Слева внизу виден боковой разрез кафтана с каймой светло-коричневого цвета. Персонаж обут в темно-серые сапоги. Он играет на угловой арфе с серповидным резонатором и 13 струнами, которая находится справа от него. Верхняя часть арфы окрашена в ярко-красный цвет, нижняя - в желтый; струны выведены линиями темно-коричневого цвета.

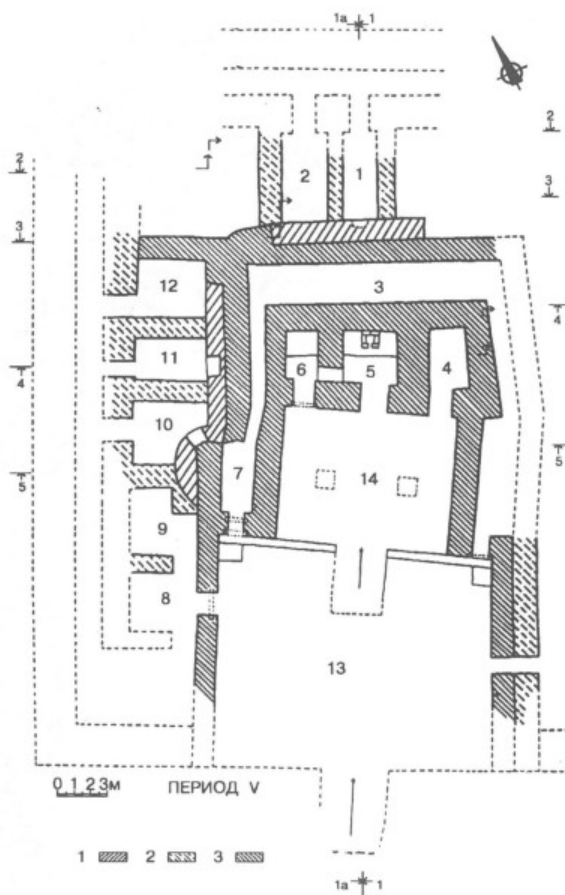

Рис.3. План здания V периода. Условные обозначения. 1 - стены второго периода; 2 - стены четвертого периода; 3 - стены пятого периода.

Fig.3. Plan of a building belonging to construction period V.

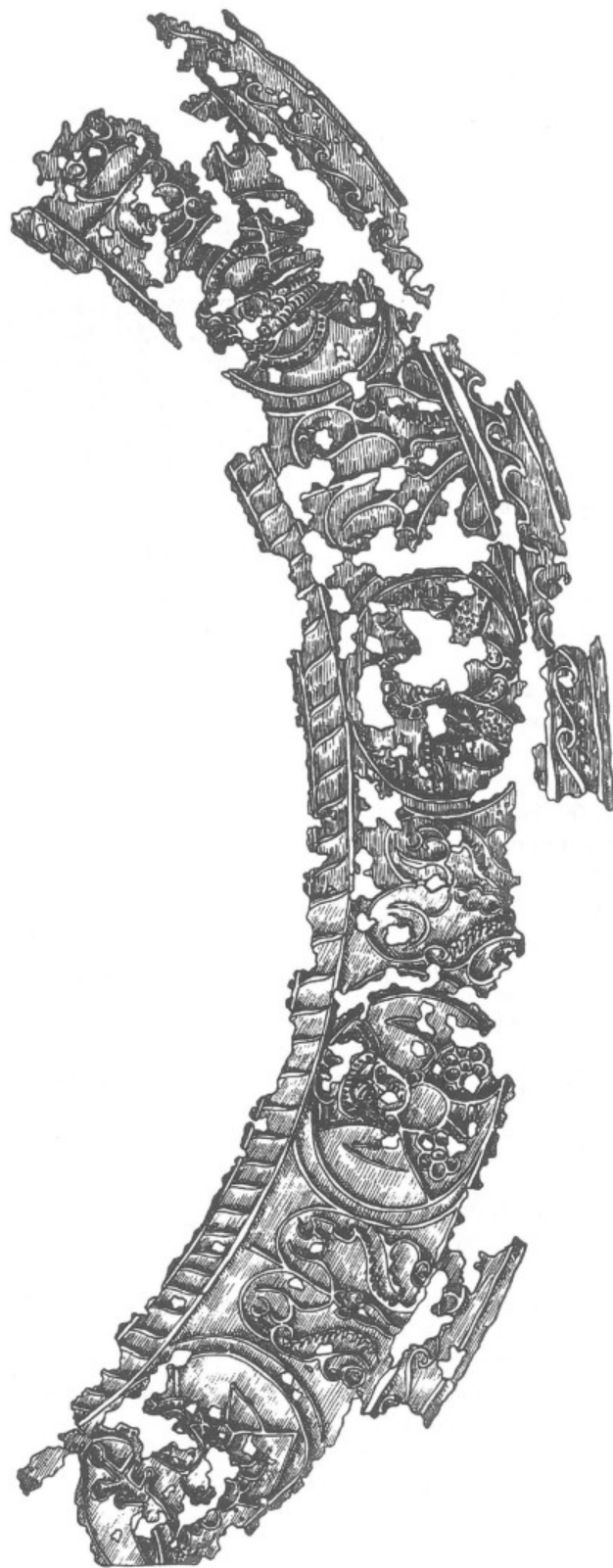

Рис.4. Медная обкладка ножки алтаря-жертвенника, найденная в вестибюле храма V периода (комплекс VII) (деталь композиции).

Fig.4. Fragment of facing of the altar's leg.

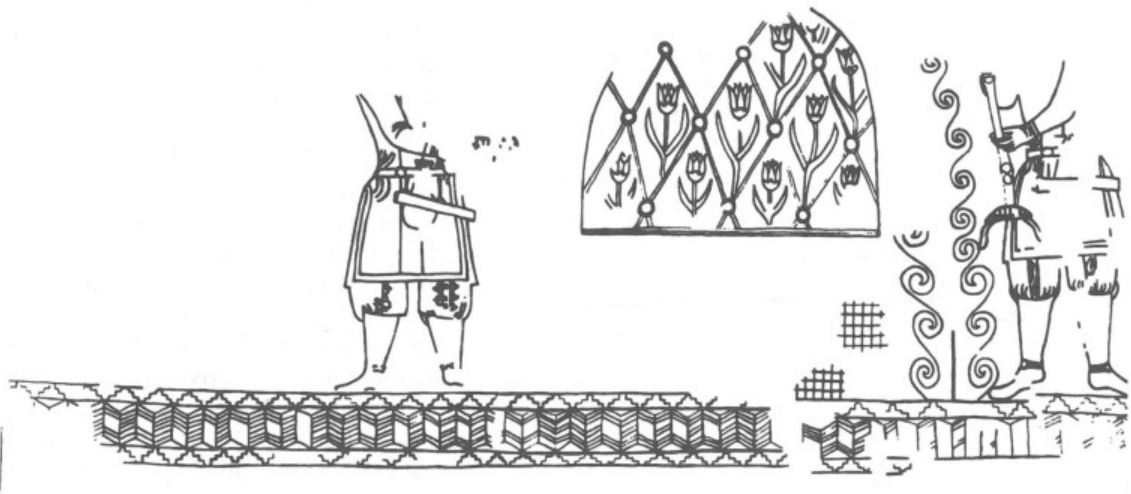

Рис.5. Росписи из восточной ниши портала (древний слой).

Fig.5. Painting from the eastern niche of the portal (early layer).

Слева от музыканта, в центре композиции расположен второй персонаж, держащий в руке чашу. Эта фигура, одетая в темно-синий кафтан, выполнена в меньшем масштабе, чем музыкант. На шее изображена гривна с рядом подвешенных к ней бус, к уху подвешена золотая (желтая) серьга. Для того, чтобы фигура не сливалась с синим фоном живописи, контурные линии одежды прорисованы светло-желтой охрой. На левом плече человека развеваются две оранжевые ленты. С левой стороны ниже бедер показан высокий разрез кафтана с каймой светло-желтого цвета. Ниже кафтана просматриваются штаны, заправленные в сапоги, носки которых заострены и развернуты влево и вправо. Сапоги и штаны имеют желтый цвет. У предплечья, в согнутой правой руке персонаж держит серебряную ложчатую чашу. Металл передан светло-серым цветом. Такая же согдийская серебряная чаша V–VI вв. была найдена в Челеке (Маршак 1971: табл.4).

Левая фигура выполнена в том же масштабе, что и средняя. Персонаж обут в сапоги светло-желтого цвета, носки которых повернуты вправо. Согнутой в локте левой рукой персонаж держит какой-то длинный предмет: белый по краям и красный посередине. Его верхний конец находится на уровне подбородка фигуры. Большим, указательным и средним пальцами правой руки человек придерживает этот предмет снизу. Ниже правой руки видна свисающая лента, являющаяся нижним концом упомянутого предмета, который трудно идентифицировать из-за плохой сохранности. Судя по положению рук персонажа, можно предположить, что он держит легкую ткань или мех.

Следует отметить, что музыкант и персонаж с чашей были мужчинами. Лицо третьей фигуры не сохранилось, но, судя по длинной одежде, не исключено, что слева была изображена женщина. Главным персонажем всей композиции, безусловно, является арфист.

Под арфой нарисован раскрывающийся цветок на высоком стебле с многочисленными листьями по обеим сторонам от него. Вероятно, художник изобразил в нижней части росписи стилизованный цветок граната. Над музыкантом нарисован другой раскрывающийся цветок на коротком стебле. Под фигурами проходит бордюр в виде зигзагообразных линий, расположенных в два ряда (остатки "гармоники"). Люди, которых мы видим на росписи, подносят дары божеству (или богам).

На стенах ниши в фасадной части храма (рис.5) дароносцы (донаторы) смотрят в сторону маленькой ниши (этот принцип соблюдается до и после ремонта). Очевидно в нишу во время религиозных церемоний ставили переносную миниатюрную статуэтку божества (ср. Maršak 1990:292,294–295, fig. 6–7).

На стене прохода в зале видно, что три персонажа смотрят на север (рис.7), где располагалась целла храма. В этом случае можно утверждать, что и здесь изображены донаторы и люди, совершающие поклонение, исполняя гимны под музыку арфы.

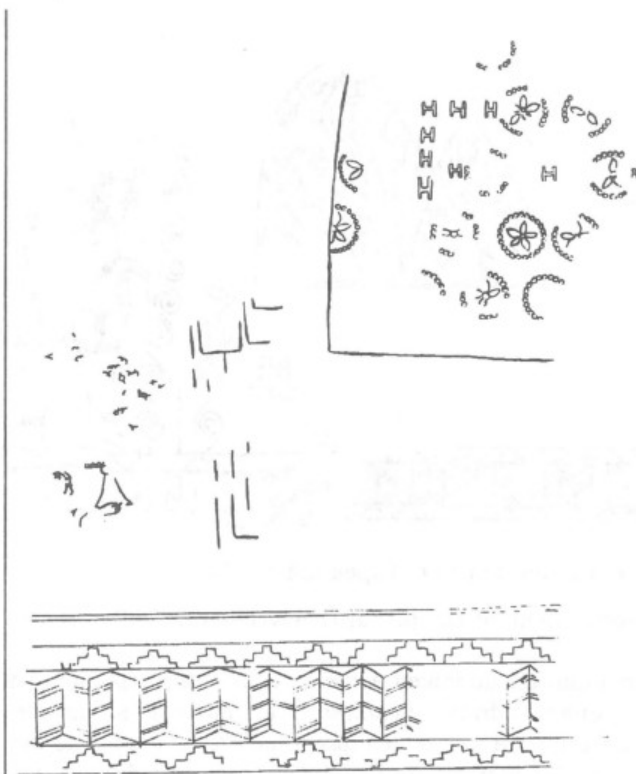

Рис.6. Росписи из восточной ниши портала (послеремонтный слой).

Fig.6. Paintings from the eastern niche of the portal (made after the restoration).

II в Пенджикенте, где на пилонах у входа в целлу обнаружены фигуры мужчин-донаторов (Якубовский 1950:54, табл.57; Живопись 1954: табл.17). Их костюмы сходны с костюмами росписей V–VI вв. в северной капелле II храма (Беленицкий, Маршак 1979:34). Позднее дата живописи в главном зале храма II была уточнена и роспись датирована VI в. (Škoda 1987:65). Следовательно ранняя живопись Пенджикента весьма близка композициям Джар-тепе II.

Под влиянием кушацкой традиции в ранних согдийских росписях лица донаторов изображены строго в профиль. Близкой аналогией может служить, например, изображение донаторов из культового помещения в Фаяз-тепе (Тохаристан) (Альбаум 1975:90, табл. 51). В дальнейшем, в период наибольшего расцвета согдийского искусства (конец VII–VIII вв.) согдийские мастера живописи предпочитали, поворот головы в 3/4 к зрителю и очень редко прибегали к профильным изображениям. Для раннего этапа согдийской живописи характерна непропорциональное увеличение некоторых частей фигур: верхней половины туловища, головы, плечей, иногда рук. Признаком ранней живописи также является отсутствие сложных узоров на одежде и в частности, сасанидских кругов из перлов, обрамляющих медальоны, которые широко представлены с конца VI в. (Беленицкий, Маршак 1979:34).

Кроме этих особенностей, присущих ранним согдийским росписям, джартепинскую и пенджикентскую живопись сближают и другие детали. Так, кафтаны с высокими разрезами по бокам одеты на донаторах, нарисованных на восточной стене северной капеллы храма II (Древности 1985: No 565), и в ином варианте – на фигурах, изображенных на пилонах главного зала того же храма в Пенджикенте (Живопись 1954: табл.17). Короткий кафтан и широкие штаны, заправленные в высокие сапоги, восходят к восточному варианту древнеиранского костюма (Горелик 1985:39, табл.III, 3–5; Луконин 1977:127; Schlumberger 1970:107; Harper 1978:147, No 71). Эта одежда имеет близкие аналогии в росписях V–начала VI вв. (Восточный Туркестан и Тохаристан) (Along the Ancient Silk

Ближайшие аналогии росписям храма Джар-тепе II являются ранние росписи, обнаруженные в храмах Пенджикента. Живопись обоих памятников сходна по технике исполнения рисунков, а также по композиции и сюжетам характерным для культовых сцен. Ранняя живопись в Пенджикенте была найдена на восточной и западной стенах первоначальной северной капеллы во дворе II храма (Беленицкий, Маршак 1973:58–61). В нише восточной стены сохранилась сцена поклонения богине, сидящей на троне с "сенмурвом" (Древности 1985: No 564–565; рис.108). Эта роспись относится к концу V– началу VI вв. (Беленицкий, Маршак 1976:76). Ниша северной капеллы была застроена стенами VI в. Ниша в западной стене с изображением четырехрукой богини, сидящей на драконе, датирована VI в. (Беленицкий, Маршак 1976:76). На простенках этой же ниши сохранилась сцена поклонения адо-рантов (Беленицкий 1973: табл. 1–2; Маршак, Распопова 1991: илл. 1:10). Похожая композиция была обнаружена и в главном зале храма

Road 1982:74, pl.C; Grunwedel 1912: 148,149, fig.336-338; Кругликова 1976: рис. 2-4; 1979: рис.60).

Ленты у плеч персонажа в центре композиции на стене тамбура (Джар-тепе II) аналогичны лентам росписи восточной стены северной капеллы храма II в Пенджикенте. Эти ленты, сохранившиеся у двух персонажей пенджикентской росписи, являются элементом костюма, который уже известен по памятникам кушано-сасанидского и кушанского искусства. Например, в упоминавшейся росписи из Фаяз-тепе имеются изображения аналогичных лент (Альбаум 1975: табл. 51).

Форма ножен у двух персонажей росписи ниши в фасадной стене и способ передачи заправленных в сапоги штанин (Джар-тепе II) тоже находят аналогии в росписи восточной стены капеллы храма II (Пенджикент). На той же росписи имеется редкое сочетание орнамента – бордюра в виде "кирпичной кладки" с рядами ступенчатых зубцов, которые позднее вытесняются "сасанидскими" перлами. Нашивки на штанинах имеют персонажи росписи с изображением четырехрукой богини в западной нише той же капеллы храма II Пенджикента и в храмовых росписях Джар-тепе II.

Соединение в одной композиции разных по масштабу фигур донаторов и изображения персонажей, подносящих алтарь огня божееству, присутствует как в росписях джартепинского и пенджикентских храмов, так и в многочисленных росписях, найденных в жилищах горожан Пенджикента.

Платок-кисет, подвязанный к поясу первого персонажа, изображенного в фасадной нише храма (Джар-тепе II) наводит на мысль, что в этой сцене показаны люди из купеческой среды. Аналогичные платки-кисеты имеют сидящие кушцы в росписи помещения 10 объекта XVI Пенджикента (Беленицкий 1973:50, рис. 19). Если иметь в виду, что джартепинский храм располагался на торговом пути, то изображение в нем купцов-донаторов представляется естественным.

Роспись храма Джар-тепе II с изображениями трех донаторов расположена на стене прохода, который ведет в целлу, то есть в сакральную часть культового сооружения. Можно предположить, что персонаж с арфой происходил из знатной среды, а две менее крупные фигуры рядом с ним изображают людей более низкого сословия. Однако, большие размеры фигуры арфиста можно объяснить и по другому. Он, как и музыканты изображенные по сторонам от божества на росписи Пенджикентского объекта VI (помещение 1) (Беленицкий 1973:18-22, рис.4) и Шахристана (Калаи Кахкаха) (Негматов, Хмельницкий 1976:128-132, рис.10), велик, потому что приближен к миру богов. Впрочем, нельзя исключить и тот вариант, при котором музыкальные инструменты несут люди – участники обряда, что можно увидеть в росписях Варахши (Шишкин 1963: табл.XIV) и Пенджикента (Беленицкий, Маршак 1976:80, рис.10). Однако в Пенджикенте, по мнению Б.И.Маршака и В.И.Распоповой, фигуры актеров

Рис.7. Роспись из прохода в зале IV периода.

Fig.7. Painting from the passage in the hall of period IV.

Рис.8. Серебряная скульптура.

Fig.8. Silver figurine of a woman.

дожник показал связь музыки с пробуждающейся от сна природой. В Средней Азии сохранились праздники тюльпана (гули лола) и розы (гули сурх), приуроченные к концу весны (Пещерева 1927).

Уточнить дату росписей Джар-тепе II помогла серебряная фигурка женщины (рис.8), обнаруженная под порогом в проходе, на стене которого была изображена сцена росписи с тремя донаторами. Высота скульптуры достигала 40 см. Округлое лицо женщины имеет широко расставленные глаза миндалевидной формы, прямой нос, небольшой рот и массивный скругленный подбородок. Ее волосы, оставляющие открытыми уши, обрамляют спереди голову валиком и уложены сзади в толстую косу, спускающуюся на спину. Женщина одета в длинный кафтан, опоясанный у бедер широким ремнем с округло-выпуклой пряжкой и с висящим концом. Ниже пояса на поле кафтана и вдоль его боковых разрезов имеется орнамент в виде ряда кругов. Женщина обута в сапоги. Правая рука фигурки сохранилась только до локтя. Левая рука женщины согнута в локте, ее кисть расположена у груди, ладонь раскрыта, большой и указательный пальцы придерживают ожерелье. Женщина как бы начинает снимать украшение, чтобы отдать его божеству.

В известной мере этой скульптуре аналогична вотивная бронзовая статуэтка из Калаи Нафин (Ставицкий 1961:107, рис.6).

Джартепинская скульптура возможно являлась вотивным подношением храму, сделанном женщиной из богатой семьи. Необходимо учитывать, что в раннесредневековом Согде серебро стоило очень дорого (Маршак 1971:45). Статуэтка не изображала божество, так как его характерные атрибуты отсутствуют. Пропорции фигуры (голова и рука статуэтки относительно увеличены), черты ее лица и покрой одежды дают нам возможность предположить хронологическую близость скульптуры и ранних согдийских росписей (V–VI вв.). Однако, наличие орнамента в виде ряда кругов на обшивке кафтана, сближает его с одеждой, представленной на рельефных изображениях согдийцев из Северной Хэнани близ Чжандэфу (Китай) (Scaglia 1958), что сужает датировку скульптуры до третьей четверти VI в. (Беленицкий, Маршак 1979:34). Таким образом, скульптура несколько позднее живописи, в связи с чем дата последней определяется в пределах V – первой половины VI вв. Однако, более вероятной датой джартепинских росписей является V в., поскольку живопись Пенджикента конца V – начала VI вв., дающая наиболее близкие аналогии выглядит менее архаичной, чем джартепинская четвертого периода.

представляющих богов, выделяются большими размерами из ряда адорантов, причем один из этих актеров держит музыкальный инструмент (Маршак, Распопова 1991). За музыкантом следует чета донаторов: муж с чашей и жена, держащая в руках мех или ткань с каким-то мягким предметом. Такие процессии характерны для буддийских культовых сцен V–VI вв. в Восточном Туркестане (Le Coq 1925: pl.22).

Очень часто в культовых композициях Согда присутствуют музыканты и танцоры играющие на музыкальных инструментах и танцующие персонажи (например, сцена из храма 1, помещение 10а Пенджикента) (Маршак, Распопова 1991а) были связаны с праздничными весенними театрализованными обрядами.

Исходя из того, что религиозная церемония, связанная, видимо, с выносом статуи божества в Джар-тепе II, проходила на фоне тюльпанов, изображенных в нише портала (рис.5), можно сделать предположение, что сюжеты росписей джартепинского храма были связана с праздником весеннего обновления мира. Расположение раскрывающегося цветка граната под арфой, в сюжете из зала (рис.7) нам кажется не случайным. В данном сюжете ху-

Стилистическое сходство обоих джартепинских сюжетов позволяет предположить, что они возникли одновременно, во время перестройки здания в начале четвертого периода, то есть не позднее начала VI в. Надо отметить, что в данный момент мы не располагаем другими датирующими материалами, которые могли бы более точно определить время постройки здания четвертого периода.

До обнаружения джартепинских росписей единственным примером согдийской храмовой живописи был комплекс пенджикентских храмов (к сожалению живопись храма в Еркургане фрагментарна и неполностью опубликована) (Сулейманов 1987:139, рис.3).

Анализ джартепинских росписей позволил проследить на одном памятнике становление согдийской школы живописи V в. Джартепинские сюжеты ценны и как новые, ранее неизвестные произведения искусства живописи, и как источник, позволяющий судить о согдийской религиозной иконографии. Сопоставляя храмовые росписи Джар-тепе II с живописью культовых и светских зданий Пенджикента, мы обнаружили сходство композиционных идей. По бокам центральной ниши с изображением божества или без него представлены сцены поклонения донаторов или театрализованное представление с участием адорантов. В этих сценах присутствуют темы, связанные с музыкой и цветами. Вероятно, эти детали указывают на связь упомянутых сцен с праздником весеннего обновления мира.

По технико-стилистическим особенностям ранние росписи из Джар-тепе II хотя и сходны с пенджикентскими, однако, имеют существенные отличия от них. Особенно своеобразен тип лица джартепинской живописи с большими широко раскрытыми глазами. Очевидно здешние мастера не принадлежали к пенджикентской школе живописи.

Живопись Джар-тепе II – новая и своеобразная глава в истории искусства Согда. Ее мотивы свидетельствуют о храмовом назначении здания четвертого периода.

АБДУЛЛАЕВ, К., А.БЕРДИМУРАДОВ, 1991. Новый памятник согдийского искусства.

// Вестник древней истории 3: 64-75 Москва: Наука.

АЛЬБАУМ, Л.И. 1975. Живопись Афросиаба. Ташкент. Фан.

БЕЛЕНИЦКИЙ, А.М. 1973. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. Москва: Искусство.

БЕЛЕНИЦКИЙ, А.М., Б.И.МАРШАК. 1973. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента. // Сообщения Государственного Эрмитажа 36: 58-64. Ленинград.

1976. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента. // История и культура народов Средней Азии: 75-89. Москва: Наука.

1979. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. // Успехи среднеазиатской археологии 4: 32-37. Ленинград: Наука.

БЕРДИМУРАДОВ, А.Э., 1991. К вопросу о датировке храма огня на Джар-тепе. // Города и каравансарай на трассах Великого Шелкового пути (тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО). Угренч, 2–3 мая 1991 г.:51-53. Угренч.

БЕРДИМУРАДОВ, А.Э., М.К.САМИБАЕВ. 1992. Результаты раскопок храма на Джар-тепе II. // История материальной культуры Узбекистана 26: 77-92. Ташкент: ФАН.

ГОРЕЛИК, М.В., 1985. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада. // Художественные памятники и проблемы культуры Востока: 35–43. Ленинград.

ГРИГОРЬЕВ, Г.В. 1940. Отчет по составлению археологической карты Самаркандской группы памятников. Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Р-1, арх.1010.

ДРЕВНОСТИ. 1985. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш.

ЖИВОПИСЬ. 1954. Живопись древнего Пенджикента (ред. А.Ю.Якубовский, М.М.Дьяконов). Москва: АН СССР и АН Таджикской ССР.

КРУГЛИКОВА, И.Т. 1976. Настенные росписи Дильберджина. // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг.: 87–110. Москва: Наука.

1979. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина. // Древняя Бактрия 2: 120–143. Москва: Наука.

ЛУКОНИН, В.Г. 1977. Искусство древнего Ирана. Москва: Наука.

- МАРШАК, Б.И. 1971. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной монетности. Москва: Наука.
- МАРШАК, Б.И., В.И.РАСПОПОВА. 1991. Адоранты из северной капеллы II храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока: 151-173. Москва: Наука.
- 1991а. Музыка в согдийской культуре (по произведениям изобразительного искусства V-VIII вв.). // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: 161-163. Душанбе: Дониш.
- МУХАМЕДЖАНОВ, А.Р. 1972. Даргомская плотина и крепость в Равад-ходже. // История материальной культуры Узбекистана 9: 108-114. Ташкент: ФАН.
- НЕГМАТОВ, Н.Н., С.Г.ХМЕЛЬНИЦКИЙ. 1976. Средневековый Шахристан. Душанбе: Дониш.
- ПЕЩЕРЕВА, Е.М. 1927. Праздник тюльпана (лола) в селении Исфары Кокандского уезда. // Сборник в честь В.В.Бартольда: 374-384. Ташкент.
- САМИБАЕВ, М.К. 1990. Новый памятник согдийского искусства в контексте ирано-согдийского культурного синтеза на последних этапах раннего средневековья. // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 сентября 1990 года: 87-89. Ташкент: ФАН.
1993. Проблема культурной истории Согда в V-VIII вв. (по материалам храма-крепости Джар-тепе II). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, Санкт-Петербург.
- СЕМЕНОВ, Г.Л. 1990. Город и замок в раннесредневековом Согде. // Культурные связи Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье: 58-66. Москва: Наука.
- СТАВИСКИЙ, Б.Я. 1961. Работы Магианской группы в 1959 г. // Археологические работы в Таджикистане 7 (1959 г.). Труды Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Таджикской ССР, Т.31: 101-107. Душанбе: АН Таджикской ССР.
- СУЛЕЙМАНОВ, Р.Х. 1987. Храмовый комплекс Еркургана, предварительные результаты изучения. // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы советско-французского коллоквиума. Самарканд 1986 год: 135-143. Ташкент: ФАН.
- ШИШКИН, В.А. 1963. Варахша. Москва: АН СССР.
- ШКОДА, В.Г. 1986. Пенджикентские храмы и проблема религии Согда (V-VIII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- ЯКУБОВСКИЙ, А.Ю. 1950. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946-47 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 15: 13-55. Москва, Ленинград.
- ANCIENT SILK ROAD. 1982. Along the Ancient Silk Road Central. // Asian Art from the West Berlin State Museums. Art Exhibition Lent by the Museum für Indische Kunst, Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz. Berlin: The Metropolitan Museum of Art N.Y.
- GROPP, G. 1969. Die Funktionen des Feuertemples der Zoroastrier. // Archeologische Mitteilungen aus Iran. N.F. 2: 134-167.
- GRUNWEDEL, A. 1912. Altbuddistische Kultstätten in Chinesisch - Turkistan, Berlin: Reimer.
- HARPER, P.O. 1978. The Royal Hunter. Art of the Sasanian Empire. N.Y.
- LE COQ, A. von. 1925. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin.
- MARSAK, B.I. 1990. Les Fouilles de Pendjikent. // Comptes rendus de l'academie des inscriptions et belles-lettres, Janvier-mars: 286-313. Paris.
- SCAGLIA, G. 1958. Central Asians on a Northern Chi Gate Shrine. // Artibus Asiae XXI: 127-201.
- SCHIPPMANN, K. 1971. Die iranischen Feuerheiligtümer. Berlin N.Y.
- SCHLUMBERGER, D. 1970. L'Orient hellénise. Paris: Albin Michel.
- ŠKODA, V.G. 1987. Le culte du feu dans les sanctuaires de Pandzikent. // Cultes en monuments religieux dans l'Asie préislamique: 63-72. Paris.

EARLY WALL-PAINTING OF THE SOGDIAN TEMPLE JARTEPA II (5TH – EARLY 6TH CENT. AD)

Summary

In the course of long-term archaeological studies of the early medieval temple Jartepa II situated in old Varagsar, on an offshoot of the Great Silk Way leading from Samarkand to Penjikent, wall-painting was found.

Originally, a rectangular building was standing at the place of the temple. Four oval two-storey towers with slit-like loopholes on the second floor were attached to its corners during the second construction period. In the third period, corridor-like rooms were constructed along the outer perimeter of the original building, providing a new defense belt instead of the oval towers. In period IV, the central part was radically reconstructed (Fig.1). Part of the southern wall of the original building was completely demolished and a large eight-columned rectangular hall, oriented along the north-south axis, was built on the resulting space. In the northern part of the hall there are two adjacent passages connecting it with the cella. South of the hall, a twelve-columned vestibule was constructed, its long axis being perpendicular to that of the hall. One of the walls of the previous period (now the southern wall of the vestibule) is formed by a sloping passage connecting the building with the courtyard. Part of the southern facade of the vestibule was turned into a portal. During period IV, a niche was made east of the portal (the western part of the facade has not been unearthed so far).

All the walls of the cella, the hall, the vestibule, and the niche were covered by painting. Unfortunately, it was almost completely destroyed by a heavy fire which occurred in the late 7th or early 8th century. The date of the fire is established on the basis of the ceramic assemblage found in the burnt layer of period IV (Fig.2).

During period IV, the building acquired a ritual function. Its architectural design (the vestibule, the hall, and the cella, situated in successive order along one axis) is similar to that of many ritual complexes covering a large time span, from the Achaemenid times to the fire temples of modern Indian Zoroastrians. However, even more relevant for the function of this building is the set of utensils and the subjects of the remaining wall-painting. These are dealt with in the present paper.

After a relatively short period following the fire, around 700 AD, the central part of the building (one representing period IV) was partly demolished and filled with rubble. The empty space was used to construct a new temple (period V). This building consists of a hall whose entrance faces south. The doorways in the northern wall connect it with the cella and the two side-rooms which are situated west and east of the hall. These rooms are surrounded by a roundabout passage on their three sides. There were apparently four columns in the hall. An aivan (portico) is situated south of the hall. In the cella, there is a podium with an altar for making fire (Fig.3). The hall and the cella are decorated with wall-painting. Fragments of painting (formless spots of paint) have remained on the facial side of the podium. It is only on the walls of the passage connecting the hall with the cella that the painting is intact, revealing the figures of the donators or dancers. The architectural design of the temple of period IV was basically maintained throughout period V. The changes are related with the construction of the passage around the side-rooms and the altar in the cella, which are necessary attributes of a ritual building. In rooms of period V, numerous ritual objects were found (Figs. 4,5). The closest parallels (in terms of chronology and geography) to the architecture of period V are presented by the city temples of Penjikent.

The two layers of painting in the facade part of the temple have been very poorly preserved. The composition of the earlier layer includes two donators standing on both sides of a small niche covered by representations of tulips in diamonds (Fig.6). The upper parts of the figures (up to the chest) are completely destroyed. The postures of the figures (shoulders slightly moved backwards, arms directed to one side) suggest that the faces were turned towards the small niche. Both men are dressed in short coats with long side slits. The coats

are strapped in the waist with narrow belts, from which knots, pieces of cloth, and small sacks are hanging down. Also attached to the belts by means of two leather strips each, are rectangular sheaths for daggers. The man to the right holds an object which looks like a lamp. Its two parts can be seen, a base with curved legs and a spike protruding upwards. The man to the left also held some object, which is no longer seen.

After the restoration works, the niches were painted anew, but only tiny fragments have remained of this layer. To the left of the small niche there is an outline of a human figure holding a sacrificial altar (Fig.7).

In the hall, representations of three characters are seen on the western wall of the eastern tambur (passage connecting the hall with the cella) (Fig.8). The one to the right is a musician playing a harp. To the left of him, in the centre of the composition, the second character is depicted holding a silver bowl in his right hand. The figure behind him is most likely that of a woman with some long object hanging down from her hands, possibly a piece of cloth or fur. Behind the harp, there is a stylized representation of a pomegranate flower blossoming out. People whom we see on the painting offer donations to a deity (or to the gods).

Donators represented on the walls of the niche in the facade part of the temple (Fig.6) look at the small niche (this is true of representations made both before and after the restoration works). Apparently, a portable miniature figurine of a deity was put into the niche during religious ceremonies.

The three characters painted on the wall of the passage in the hall look north (Fig.8), where the cella of the temple was situated. It may be stated that here as well donators are represented and people who perform an adoration act singing hymns accompanied by harp music.

Musicians and dancers, which are frequently present in Sogdian ritual compositions (cf. a scene from room 10a in Temple 1 of Penjikent), were apparently participants of the spring theatrical festivals. Because the religious ceremony, which apparently marked the first appearance of the statue of the deity, was held at the time when the tulips blossomed, as represented in the niche of the portal (Fig.6), it may be suggested that the entire scene painted on the walls of the Jartepa temple is related to the spring feast of world renewal. It is hardly incidental that the blossoming-out pomegranate flower painted in the hall (Fig.8) is placed under the harp. The artist evidently attempted to show the association of music with the awakening nature. Tulip and rose festivals are still held in Central Asia in late spring.

The closest parallels for Jartepa II paintings are the early (5th–6th cent. AD) paintings found in the temples of Penjikent. Not only the performance technique is similar in both instances, but the composition and the ritual scenes depicted are also very close.

The date of the Jartepa II paintings has been established on the basis of a silver figurine of a woman (Fig.9) found under the threshold of the passage on whose wall the three donators are represented. The proportions of this figurine (head and hands relatively enlarged relative to other parts), its facial features and the style of the clothing suggest that it is chronologically close to the early (5th–6th cent. AD) Sogdian paintings. However, the row of circles with which the facing of the woman's coat is ornamented presents a parallel with the dress of the Sogdians represented on the reliefs from Chandefu region, northern Henan, China. This restricts the chronological limits of the sculpture to the third quarter of the 6th century. And, because the sculpture is somewhat later than the painting, the date of the latter may be estimated at approximately 400–550 AD. It is more likely, however, that the Jartepa paintings fall within the earlier part of this span, the reason being that the late 5th – early 6th century Penjikent specimens, which are the most similar, look less archaic than that from period IV of Jartepa.

The stylistic resemblance between the Jartepa scenes indicates that they were painted simultaneously during the major reconstruction of the building at the beginning of period IV, that is, no later than early 6th cent. No other materials are available which might help establish the exact date of this event.

The analysis of Jartepa II representations makes it possible to trace the formation of the Sogdian school of painting in the 5th century AD using the evidence from one single site. These pictures are valuable both as new and previously unknown works of art and as a source of information about the Sogdian icon painting. Having compared them with the paintings

found in ritual and secular buildings of Penjikent we have disclosed the resemblance of their compositional ideas.

Despite resembling the Penjikent works in both technique and style, early paintings of Jartepa II show substantial differences. Especially peculiar is the way the faces are represented, with eyes being large and wide open. Apparently the local artists did not belong to the Penjikent school of painting.

ПЕРВАЯ НАХОДКА СКАНДИНАВСКОЙ РАВНОПЛЕЧНОЙ ФИБУЛЫ ТИПА ВАЛЬСТА НА РУСИ

Б.АМБРОСИАНИ, П.Г.ГАЙДУКОВ, Е.Н.НОСОВ, И.ЯНСОН*

Весной 1990 г. новгородским коллекционером А. И. Зайцевым на правом берегу р. Волхова, напротив Юрьева монастыря и в 0,6–0,7 км к югу от Городища (Рюрикова городища) был обнаружен интереснейший экземпляр бронзовой скандинавской равноплечной фибулы (рис.1). Находка была сделана при просмотре земли, привезенной сюда несколько лет назад из района, расположенного ниже по течению Волхова, где углублялось русло реки. Земля была высыпана первоначально в воду, рядом с берегом, но лишь в 1990 г. во время низкого уровня Волхова, привезенный грунт стал доступен для осмотра. Выяснить откуда конкретно происходит грунт не удалось. Русло расшищалось, на участке от пешеходного моста в центре Новгорода до Рюрикова городища.

Судя по характеру патины на фибуле, последняя больше напоминает бронзовые предметы из культурного слоя города. Однако, делать на этом основании определенные выводы было бы опрометчиво, поскольку на Городище, по берегам Сиверсова канала, также есть участки со слоями, сохраняющими органические остатки и аналогичными слоям города. Кроме того, фибула, возможно, вообще происходит не из культурного слоя, а является отдельным предметом случайно утерянным в окрестностях Новгорода или Городища, где конкретные условия ее местонахождения определили характер патины (например, она могла упасть непосредственно в воду Волхова, почему и была найдена при углублении его русла). Таким образом, наиболее объективным "топографическим адресом" фибулы будет следующий – "район истока Волхова".

Фибула имеет длину 6,2 см, ширину 2,5 см и высоту 1,1 см, исключая приемник и держатель иглы (рис.2). Вес фибулы 25,46 грамма. Количественный спектральный анализ металла, выполненный В. А. Галибиным в Лаборатории ИИМК РАН, показал, что фибула была отлита из латуни.

Результаты количественного спектрального анализа (в %)
(Лаборатория ИИМК РАН. Шифр 600–53)

CU	Zn	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Ag	Au	Fe	Ni	Co
основа	13	1,0	1,5	0,09	0,01	0,32	0,005	0,014	1,5	0,018	0,02

Плечи фибулы ромбовидные со звериными головами в форме выпуклин на трех свободных углах. Головы с кольцевидными глазами обращены внутрь друг к другу, а по их сторонам имеются пряди выбивающихся волос. Пряди так длины, что на концах фибулы они соединяются в четыре петли. Средняя изогнутая часть застежки образована двумя большими звериными головами, которые повернуты к плечам фибулы и на которых также имеются кольцевидные глаза. Мелкие элементы рельефа образуют в центральной части фибулы боковые выступы.

Поверхность плечей между головами животных украшена простым рельефным узором, очевидно, изображающим их тела и лапы, соотнести которые с отдельными головами невозможно. Поверхность фибулы вокруг звериных тел и лап – плоская.

* Björn Ambrosiani, Riksantikvarieämbetet och Statens Historiska Museer, Box 5405, S - 11484, Stockholm, Sweden

П.Г. Гайдуков, Россия, Москва 117036, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Отдел славяно-русской археологии.

Е.Н. Носов, Россия, Санкт-Петербург 191186, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

I. Jansson, Arkeologiska Institutionen, Stockholms Universitet, S-10691, Stockholm, Sweden

Обратная сторона фибулы вогнутая и ровная с шероховатостями, обычно, появляющимися при литье. На одном из плечей имеется иглодержатель, состоящий из двух пластинок с отверстиями, а в другом – приемник для иглы, представляющий собой согнутую пластинку. Держатель и приемник отлиты вместе с самой фибулой. Игла и стерженек, закрепляющий иглу в держателе, были сделаны из железа, однако, железные части не сохранились, и лишь на пластинках, где они крепились осталась ржавчина.

На конце плеча фибулы, на котором находится держатель иглы, имеется выемка неправильной конфигурации, указывающая на место, где располагался литник. Она, очевидно, образовалась от того, что при литье не хватило металла для заполнения всей формы. Обычно же, на месте куда вливается металл виден выступ, стачиваемый после того как вещь достается из формы.

Фибула хорошо сохранилась. Она покрыта темно-коричневой блестящей патиной с лицевой стороны и более тусклой серой – с внутренней стороны. Гладкая поверхность застежки и ее граней могла появиться при обычной шлифовке поверхности изделия после литья, но, частично, и в результате использования вещи. На фибуле нет следов повреждения или ремонта.

Рассматриваемая застежка принадлежит к маленькой группе равноплечных фибул, которые можно назвать фибулами типа Вальста, по месту находки одного из опубликованных экземпляров. В настоящее время известно 8 таких фибул, включая обнаруженную в районе истока Волхова. Фибула из Вальста и еще три других происходят из захоронений в четырех разных пунктах вокруг озера Меларен в центральной Швеции (рис.3). Остальные находки сделаны в погребении в западной Норвегии, в могильнике около г.Турку в юго-западной Финляндии и на городище Иру к востоку от г.Таллина в Эстонии (рис.4).

1. Вальста, приход Сведви, провинция Вестманланд, Швеция (рис.5). Из захоронения по обряду кремации в невысоком каменно-земляном кургане, исследованном в 1930 г. С. Дракенбергом (Государственный исторический музей, Стокгольм. Инв. N 19537; Schmidt 1961:129, pl.40k; Hübener 1972:239, fig.16–4).

2. Осбю, приход Форс, Эскильстуна, провинция Сёдерманланд, Швеция. Из захоронения по обряду кремации в невысоком каменно-земляном кургане, исследованного в 1967 г. Д. Дамеллом (Государственный исторический музей, Стокгольм. Инв. № 28875:6).

3. Эрвинге, приход Спонга, провинция Упланд, Швеция. Из невысокого каменно-земляного кургана. Раскопки И. Ферениуса в 1968 – 1971гг. (Стокгольмский городской музей, могильник 156, погребение 60).

4.Энста, приход Тэбю, провинция Упланд, Швеция. Из захоронения по обряду кремации. Раскопки М.Модин в 1967 г. (Государственный исторический музей, Стокгольм, регистрационный номер документации 869/70, могильник 124, погребение 22).

Рис.1. Карта района истока р.Волхова. * – место находки фибулы типа Вальста.

Fig.1. Map of the region of the sources of the river Volchov. * – marks the site where the brooch was found.

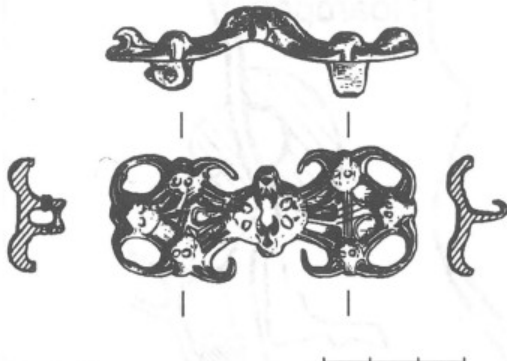

Рис.2. Равноплечная фибула типа Вальста из района истока р.Волхова (рис. Т.В.Родыгиной).

Fig.2. The equal-armed brooch of the Valsta type from the region of the sources of the river Volchov. (Drawing by T.V.Rodygina).

Общими чертами всех фибул типа Вальста являются ромбовидные плечи со звериными головами в форме выпуклин на трех свободных углах и пряди волос, отходящие от голов. Однако, среди известных экземпляров есть и существенные отличия. Рассматриваемая здесь волховская фибула имеет более длинные пряди волос, чем иные застезки. Поверхность плечей этой фибулы между головами украшена стилизованными изображениями тел животных, в то время как на других фибулах присутствуют более абстрактные изображения с низкой центральной выпуклиной (последняя, может быть, отсутствует на фибуле из Сандангера). Изображения на плечах фибул из Осбю и из Эрвинге отличаются в деталях от других фибул. Между прочим, центральная их выпуклина более высокая и заостренная, чем обычно. На пяти фибулах (Вальста, Энста, Сандангер, Хаймионмяки?, Иру) глазницы выпуклых звериных голов обозначены впадинами, имитирующими орбиты, на остальных – кольцами. На этих трех застезках (Осбю, Эрвинге, Волхов) их средняя изогнутая часть украшена двумя звериными головами с кольцевидными глазами, в то время как иные фибулы имеют изображения без фигур по трем продольным граням. Сандангерская застезка также выделяется среди прочих своими упрощенными изображениями.

Таким образом, фибулы типа Вальста разделяются на три варианта. 1) Вальста, Энста, Хаймионмяки, Иру и Сандангер (последняя проще других); 2) Осбю и Эрвинге; 3) Волхов. Общим для всех фибул типа Вальста является то, что они сравнительно тяжелы, поскольку их обратные стороны менее вогнуты, чем у большинства скандинавских фибул эпохи викингов. Волховская фибула самая тяжелая среди застезек данного типа. На внутренней поверхности фибул типа Вальста ни разу не были отмечены остатки ткани. Устройство иглы и приемника характерны для фибул эпохи викингов в Скандинавии¹. Стоит отметить, однако, что иглодержатель на фибуле с городища Иру образован одним просверленным ушком, что свойственно для фибул вендельского периода и отмечается для наиболее ранних типов овальных фибул (Jansson 1985:115 f.). Существование по-

5. Сандангер, приход Гурскен, округ Санде, провинция Мёре-ог-Ромсдал, Норвегия. Из погребения (№ 2) по обряду ингумации. Раскопки Е. Бакка в 1952 г. (Исторический музей, Берген. Инв. №10772; Fett 1955:45 ff, fig. 11; Callmer 1977:16; Jansson 1985:215).

6. Хаймионмяки, приход Лието, провинция Варсинайс-Суоми, Финляндия. Из могильника с погребениями по обряду кремации. Раскопки К. Ф. Мейнандера в 1953 – 1954 гг. (Национальный музей, Хельсинки. Инв.№ 13705:211; Kivikoski 1973:94, fig. 684).

7. Иру, приход Йьэляхтме, Харьюский район, Эстония. Из культурного слоя городища. Раскопки Р. Индреко, О. Саадре и А. Вассара в 1936–1938 гг. (Институт истории, Таллин. Инв. № 4051 – 7; Lang 1994).

8. Район истока р.Волхова у Новгорода, Россия.

¹В данной статье неоднократно упоминается принятая в современной скандинавской археологической литературе хронологическая периодизация на вендельский и викингский периоды или эпохи. Долгое время первый из них датировали временем от 550-х годов до 800-го года и даже первой половины IX в., второй – от этого времени до середины XI в. Однако, в последние годы в традиционную хронологию вносятся коррективы относительно установления границ викингского периода. Авторы данной статьи полагают, что на современном уровне наших знаний наиболее обоснованы следующие хронологические границы – вендельский период – середина VI в.-вторая половина VIII в.; период викингов: вторая половина VIII в.-начало/первая половина XII в. (ранний этап – вторая половина VIII в.-вторая половина IX в.; средний этап – вторая половина IX в.-конец X в.; поздний этап – конец X в.- начало/первая половина XII в.).

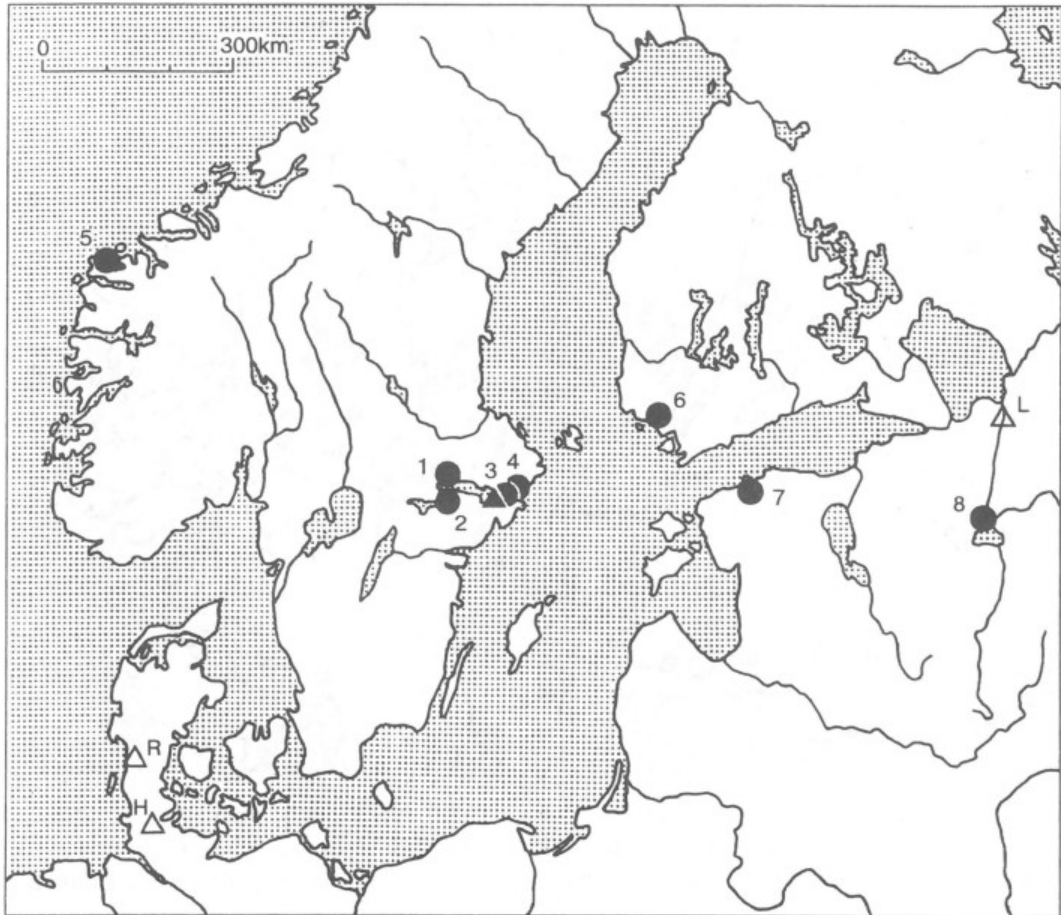

Рис.3. Распространение фибул типа Вальста (рис.Л.Крантц). ● – места находок фибул типа Вальста (нумерация от 1 до 8 в соответствии с текстом). ▲ – Бирка, где были найдены литейные формы для отливки фибул типа Вальста. △ – прочие пункты, упомянутые в статье: Н – Хедебю, R – Риббе, L – Старая Ладога.

Fig.3. The distribution of the Valsta type (Drawing by Lena Krantz). ● – brooch of Valsta type numbered 1–8 as in the text. ▲ – Birka with finds of moulds for the Valsta type. △ – other sites mentioned in the text : Н – Hedeby, R – Ribe, L – Staraya Ladoga.

добного иглодержателя на одной из застежек типа Вальста может рассматриваться, как свидетельство ранней даты самого типа.

Фибулы типа Вальста, как и прочие равноплечные фибулы, использовались в Скандинавии для скрепления деталей верхней женской одежды. Их выраженный рельеф характерен для скандинавских ювелирных украшений раннего и среднего этапов периода викингов. Элементы звериного стиля и орнаментации, включая тела животных на плечах волховской фибулы, связаны со скандинавской орнаментикой хватающих зверей, также типичной для раннего этапа периода викингов, то есть для второй половины VIII – второй половины IX в. На это же время указывают бусы и овальные фибулы найденные в комплексах с фибулами типа Вальста в трех пунктах в Швеции и в одном в Норвегии. Бусы представленные в шведских погребениях аналогичны найденным в наиболее ранних слоях (E₃ и E₂) Старой Ладоги, датируемых дендрохронологически 750-ми – 860-ми годами и почти не встречаются на Рюриковом городище, существовавшем со второй половины IX в., а возникшем может быть несколько ранее.

Итак, насколько можно судить по всем имеющимся материалам, датой фибул типа Вальста является ранний этап периода викингов – вторая половина VIII – вторая поло-

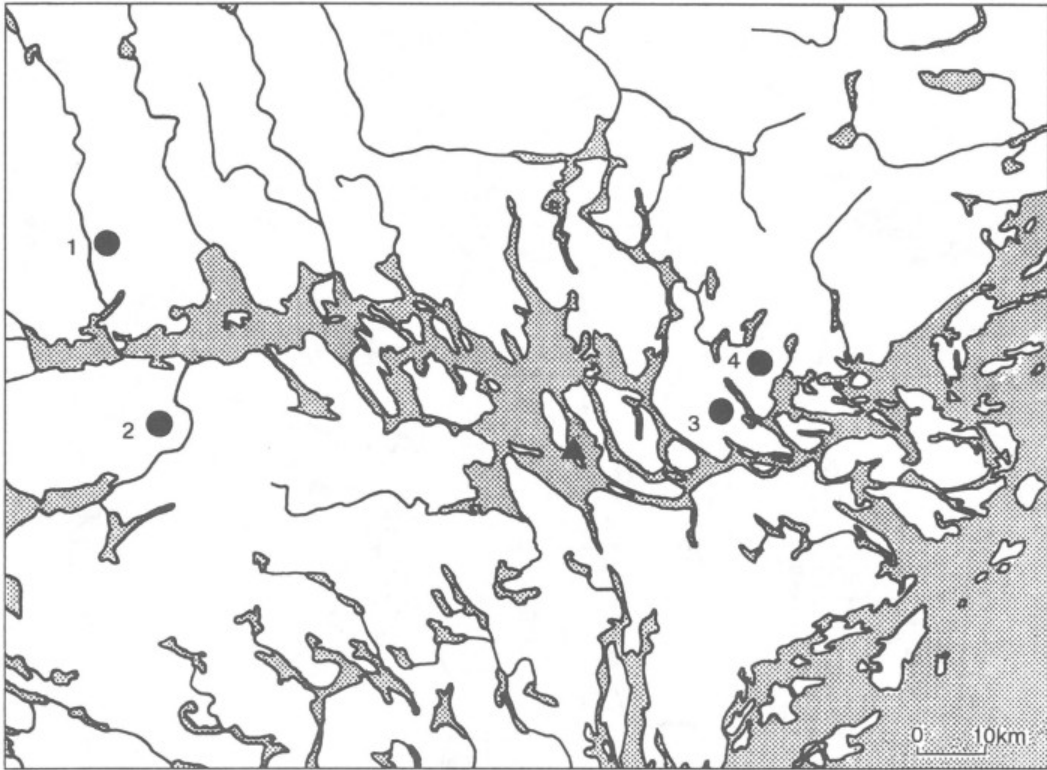

Рис. 4. Распространение фибул типа Вальста в районе оз.Меларен (рис. Л.Крантц).

- – места находок фибул типа Вальста (нумерация в соответствии с текстом),
- ▲ – Бирка, где были найдены литейные формы для отливки фибул типа Вальста.

Fig.4. The distribution of the Valsta type in the Mälaren area (Drawing by Lena Krantz)

- – brooch of Valsta type numbered as in the text, ▲ – Birka with finds of the moulds for the Valsta type.

вина IX в. Можно полагать, что рассматриваемые фибулы, скорее всего, относятся к первой части этих хронологических рамок и ничто не указывает на продолжение их производства или использования на среднем этапе периода викингов, как это наблюдается в случае с равноплечными фибулами 58 типа по Я. Петерсену (Jansson 1972:77 f.; 1985:158).

Фибулы типа Вальста не изготовлялись в столь значительном числе, как многие другие типы скандинавских ювелирных украшений. Поскольку же волховская фибула не несет на себе следов длительного использования, то, видимо, ее также следует датировать временем наиболее вероятного распространения самого типа Вальста, то есть ранним этапом периода викингов: второй половиной VIII – второй половиной IX в. Конечно, говоря об этом, не следует забывать, что на Руси скандинавские ювелирные изделия раннего этапа периода викингов встречаются в более поздних комплексах среднего этапа данной эпохи чаще, чем в Скандинавии (к примеру, в погребении № 123 Тимеревского могильника скорлупообразная фибула типа 37.3 по Я.Петерсену была найдена вместе с лепной и гончарной керамикой, которая на Руси датируется X в. – Ярославское Полюжье 1963:7,104, рис.44–2).

Скандинавские равноплечные фибулы имеют западноевропейские корни и тип Вальста особенно ярко свидетельствует об этом (Arrhenius 1973: 108 ff.). Он может быть объединен с двумя другими широко распространенными типами фибул 58 и 73 типов по Я.Петерсену и несколькими очень редкими типами, характеризующимися своей преимущественно растительной и абстрактной композицией, которая отличается от имеющейся на большинстве других скандинавских типов, где господствует звериная орнаментика.

Наиболее близкие параллели типу Вальста можно найти в районе между устьем р. Рейна на севере и р.Сеной на юге. Тип Вальста иллюстрирует сильные культурные влияния, которые достигали Скандинавии на раннем этапе периода викингов со стороны Франкской империи через торговые пункты в устье р.Рейна.

Единственным сейчас известным местом производства фибул типа Вальста являлась Бирка. Во время исследований 1991 г. поселения в Бирке, при промывке культурного слоя из заполнения старых траншей раскопок Я. Столпе, проводившихся в начале 1870-х годов, было обнаружено более 1300 обломков глиняных литейных формочек. Ранее из раскопок Я. Столпе было известно лишь 10 подобных фрагментов, а еще около 30 были найдены при исследованиях поселения в 1969–1971 годах (Arrhenius 1973:112 f.). Из обломков обнаруженных в 1991 г., почти 170 принадлежат формочкам для отливки овальных фибул, а 68 – равноплечных (к сожалению, многие обломки трудно однозначно идентифицировать). Все фрагменты, в том числе от формочек для изготовления овальных фибул 27 и 37 типов по Я.Петерсену, относятся к раннему этапу периода викингов. Среди определимых обломков, по крайней мере, 7 несомненно являются фрагментами формочек для изготовления фибул типа Вальста, причем иногда можно даже с определенностью сказать, что это были фибулы варианта Осбю-Эрвинге. Скольким целым формочкам они принадлежат, до завершения детального изучения всей коллекции, установить трудно, но, очевидно, что не одной. В 1992 г при раскопках Бирки было обнаружено еще более 3000 фрагментов литейных формочек и есть все основания ожидать, что и среди них могут быть обломки формочек для отливки фибул типа Вальста. Работа по изучению всей интереснейшей коллекция из Бирки еще впереди.

Карта распространения фибул типа Вальста вокруг Бирки и к востоку от нее, видимо, отражает производство данного типа украшений именно в данном центре. Однако, находка фибулы в Норвегии не укладывается в эту схему. Можно думать, что подобные застежки производились и в иных местах. К сожалению, скандинавские материалы эпохи викингов хотя и многочисленны, все же еще не достаточны, чтобы нарисовать полную картину производства и распространения различных типов древностей. Это было подтверждено последними раскопками в датском городе Риббе, где были обнаружены многочисленные формочки для изготовления равноплечных фибул, в том числе 73 типа по Я. Петерсену, хотя среди находок в Дании известно лишь несколько фибул этого рода (Jensen 1992: figs. on pp. 34 f., 43).

Равноплечные фибулы типа Вальста, производимые в Бирке, распространялись далеко вдоль восточных путей вплоть до истока Волхова. Сформировавшись под влиянием западных фибул фризских торговых центров района устья Рейна и более глубинных территорий Франкской империи, они свидетельствуют о тех же торговых и культурных связях между западом и востоком, что и фризские кувшины, известные от Сен-Дени на юго-западе до Старой Ладogi на северо-востоке, а на пути между ними, в таких торговоремесленных центрах, как Дорестада, Риббе, Хедебю и Бирка (Un village au temps de Charlemagne 1988:337, cat. 408; Корзухина 1971:129, рис.1–1).

Число находок скандинавских типов или выполненных в северном стиле в районе истока Волхова весьма значительно и продолжает постоянно увеличиваться. Все они происходят из культурных слоев поселений, в то время как погребальные памятники с

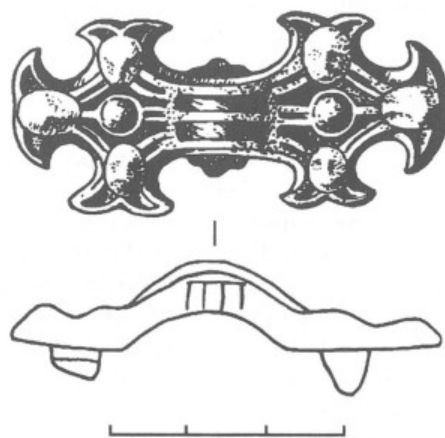

Рис.5. Равноплечная фибула типа Вальста из Вальста, приход Сведви, провинция Вестманланд, Швеция.

Fig.5. Equal-armed brooch of Valsta type from Valsta, Svedvi p., Vöstmanland, Sweden.

предметами скандинавского облика здесь не известны². Этот факт следует обязательно учитывать, если мы сравниваем частоту и характер скандинавских находок, встреченных в разных областях Древней Руси

Большая часть предметов скандинавских типов из района верховьев Волхова найдена на Рюриковом городище. В IX–X вв. это поселение являлось главным торгово-ремесленным и военно-административным центром Приильменья, расположенным в узловой точке водных путей лесной зоны восточной Европы. Городище контролировало два важнейших торгово-военных пути средневековья: балтийско-волжский путь и путь "из варяг в греки". Именно у Городища оба пути, шедшие из Балтики совместно по р.Неве, Ладожскому озеру и р.Волхову расходились, с одной стороны, на р.Мсту и р.Полу при движении к р.Волге, а, с другой стороны, – на р.Ловать, при плавании на юг (Носов 1976:95–110; 1990:171–172,187; Nosov 1980:46–62; Yanin et al. 1992:5–7)

Среди предметов, свидетельствующих о широких международных связях поселения – восточные и византийские монеты, в их числе три клада дирхемов, бусы, греческие орехи, предметы из Скандинавии и других стран. Найдены части весов, весовые гирьки. Одним из важнейших видов деятельности жителей было ремесло (бронзолитейное, косторезное и др.). Население занималось сельским хозяйством, рыболовством, охотой, различными промыслами, о чем свидетельствуют разнообразные предметы быта, но именно привозные вещи и следы ремесла в области материальной культуры определяют "лицо" поселения.

Оценивая в целом материальную культуру Городища IX–X вв., следует подчеркнуть, что в ней очень сильна "вуаль" североевропейской культуры, что проявляется в наличии предметов скандинавского происхождения, вещей, сделанных в Приильменье, но сохраняющих в стиле и орнаментике северные традиции и, наконец, находок без точного этнического адреса, но характерных для разных племен и народов балтийского региона. Изделия скандинавского облика появились на поселении во второй половине IX в., а, возможно, и ранее. Об этом могут свидетельствовать находки целого ряда скандинавских фибул раннего периода эпохи викингов (овальная фибула 37 типа по Я.Петерсену, четыре равноплечных фибулы 58 типа – Носов 1990:рис.44:5–6, 45:1, 62:3–4; Yanin et al. 1992:fig.11, 21:1–2), хотя нельзя не заметить в этой связи, что все эти типы фибул могут встречаться и в более поздних комплексах, особенно на Руси. Наибольшее число скандинавских находок приходится на X в. Такие культовые предметы, как гривны с "молоточками Тора", кресаловидные подвески, амулеты с руническими надписями, фигурка валькирии не могли попасть на Городище, как объекты торговли, а свидетельствуют о пребывании на поселении выходцев из Скандинавии, как мужчин, так и женщин. Городище выступает и как ремесленный центр, где широко изготовлялись предметы скандинавского облика (Корзухина 1965:45–46; Мельникова, Носов 1988:219–222; Носов 1990:155–163; Yanin et al. 1992:46–55).

Элементы материальной культуры Городища, которые можно определить как славянские (керамика, хлебные печи, двушипные втульчатые наконечники стрел), находят параллели на западнославянских землях, примыкающих к Балтийскому морю (Носов 1990:164–166; Yanin et al. 1992:55–57), хотя вопросы о путях расселения славян в Приильменье и на Волхове (с юга, из Верхнего Поднепровья или непосредственно с запада), а также о возможных нескольких различных колонизационных потоках, еще далеки от своего разрешения и требуют дополнительных материалов. В целом, имеющиеся находки с Городища свидетельствуют о том, что в составе его жителей в IX–X вв. были славяне и скандинавы.

² Остается не ясным, где находился могильник жителей Городища IX–X вв. Можно предполагать, что некоторые из обитателей поселения были похоронены в сопке (или близ нее), располагавшейся неподалеку от Нередичьей церкви (Носов 1990:174,175). Однако, это не единственно возможное местонахождение кладбища. Несколько лет назад, в окраинной части городищенского холма, непосредственно к северу от церкви Благовещенья, на пашне были найдены части скорлупообразной фибулы типа 42 по Я.Петерсену, датированной началом среднего этапа эпохи викингов, то есть временем около конца IX в. (Носов 1990:159,161, рис.64-1 а,б; Yanin et al., 1992:43,53, fig. 11, 22 - I a,b). У железной иглы фибулы сохранились части пстли, относящиеся к бретеле юбки, то есть фибула дошла до нас в том виде, как если бы она скрепляла надетый костюм. Это позволяет предполагать, что фибула происходит из погребения (Jansson 1992:72, сноска 3). Кладбища X в. жителей самого Новгорода также до сих пор не известны.

Городище по своей сути первоначально повторяло в несколько ином и более позднем варианте развитие Ладоги, находившейся близ устья Волхова, и типологически это были центры одного порядка. К рубежу X–XI вв. в истоке Волхова, в 2 км вниз по течению от Городища сформировался новый центр – Новый город, где располагались христианский комплекс (епископский двор и общегосударственный храм), торг, княжий двор и новая крепость. Городище, являясь предшественником Новгорода, уступило ему место. Точно также на Руси Гнездово уступило место Смоленску, а в Скандинавии Бирка Сигтуне, Хедебю Шлезвигу и т.д. Однако, здесь следует специально подчеркнуть, что признание преемственности Городища и Новгорода, как социально-политических и экономических городских образований в истоке Волхова, само по себе еще не решает проблему появления названия "Новый город". Возможные объяснения здесь могут быть различны (Носов 1992:20 – 23).

Вещи скандинавских типов встречаются и в самом Новгороде (в слоях X–XI вв., и лишь два предмета в слое первой половины XII в.), но в гораздо меньшем числе, чем на Городище, (Седова 1979:179–181; 1981; происхождение некоторых предметов, относимых М. В. Седовой к числу скандинавских, спорно), хотя их количество в результате новых раскопок медленно пополняется (Гайдуков 1988:61). Ни о какой "северной вуали" в культуре горожан говорить не приходится. В этом отношении различия Городища и Новгорода очевидны. Комментируя их следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, отчасти они связаны с хронологией. Если на Городище зафиксированы слои второй половины IX–X вв. и можно предполагать наличие более ранних, то в Новгороде слои X в. – времени, когда скандинавское влияние на Руси наиболее ярко проявилось в материальной культуре, представлены лишь на нескольких раскопах, причем они относятся преимущественно ко второй половине – концу этого столетия. Во-вторых, в городе норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определенных кварталах и дворах, а поэтому в дальнейшем общая картина, наблюдаемая сейчас, может оказаться справедливой не для всех частей города (Мельникова 1984:190; Носов 1990:163).

Однако, даже принимая во внимание эти оговорки, различия Городища и Новгорода по числу скандинавских находок слишком велики. Они несомненно объясняются, в первую очередь, разным социально-экономическим характером этих поселений, сменявших одно другое. Если Городище – это торгово-ремесленный центр международного плана с полиэтничным населением, благосостояние которого базировалось, в первую очередь, на участии в дальней торговле и контроле за водными путями, то Новгород – столица северной части Русского государства, существовавшая за счет эксплуатации земледельческого населения прилегающей округи. Если на Городище скандинавы – воины, торговцы, ремесленники, частично жившие семьями, представляли значительную часть населения, то в Новгороде, судя по находкам, их присутствие улавливается не столь отчетливо, а письменные источники упоминают о них только как о торговцах, наемниках и опальных изгнанниках при дворах князей, то есть как о людях для которых был характерен подвижный образ жизни.

В свете сказанного, находка рассмотренной равноплечной скандинавской фибулы раннего типа в верховьях Волхова не выглядит изолированным фактом, а дополняет общую картину. Она еще раз подтверждает вероятное появление скандинавов в районе истока Волхова ранее второй половины IX в., также как и то, что скандинавы, пришедшие на Русь, были, в основном, выходцами из района оз.Меларен в центральной Швеции, что неоднократно подчеркивалось в литературе (Стальсберг 1987:74; Янссон 1987:120,121; Носов 1990:163; Jansson 1987:781–785).

ГАЙДУКОВ, П.Г. 1988. О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа) // Новгород и Новгородская земля (Тезисы научно-практической конференции): 61–63. Новгород.

КОРЗУХИНА, Г.Ф. 1965. Находка на Рюриковом городище под Новгородом // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 104: 45–46

1971. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник, XVI: 123–131. Таллин.

- МЕЛЬНИКОВА, Е.А. 1984. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край: 127–133. Ленинград.
- МЕЛЬНИКОВА, Е.А., Е.Н.НОСОВ. 1988. Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1986 :210–222. Москва.
- НОСОВ, Е.Н. 1976. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII–X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII: 95–110
1990. Новгородское (Рюриково) Городище. Ленинград.
1992. Новгородская земля IX–XI вв. (историко-археологические изыскания) // Автореферат докторской диссертации. Санкт-Петербург.
- СЕДОВА, М.В. 1979. Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Часть 1: 179–181. Петрозаводск.
1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва.
- СТАЛЬСБЕРГ, А. 1987. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси // Труды пятого Международного конгресса славянской археологии, Киев 1985. Том III, вып. 16: 73–79. Москва.
- ЯНССОН, И. 1987. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды пятого Международного конгресса славянской археологии, Киев 1985. Том III, вып. 16: 119–133. Москва.
- ЯРОСЛАВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ. 1963. Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. Москва.
- ARRHENIUS, B. 1973. Gjutformar och deglar, påträffade i Birka // Birka, Svarta jordens hamnområde. Arkeologisk undersökning 1970–1971. Riksantikvarieämbetet, Rapport C1. Stockholm.
- CALLMER, J. 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 AD // Acta archaeologica lundensia, series in N 4⁰, Nr 11. Lund.
- FETT, P. 1955. Oldsaksamlingens tilvekst // Universitetet i Bergen, Årbok, Historisk-antikvarisk række, 1953: 4.
- HÜBENER, W. 1972. Gleichartige Bügelfibeln der Merowingerzeit in Westeuropa // Madrider Mitteilungen 13: 211–269.
- JANSSON, I. 1972. Till dateringen av vikingatidens ovala spännbucklor. En granskning av fyndkombinationerna // Tor 14, 1970–71: 62–88.
1985. Ovala spännbucklor. En studie av vikingatidens standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet // Aun 7. Uppsala.
1992. Scandinavian oval brooches found in Latvia // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Studia Baltica Stockholmiensia 9. Stockholm: 1–78
- JENSEN, S. 1992. The Vikings of Ribe. Ribe.
- KIVIKOSKI, E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuausgabe, Helsinki.
- LANG, V. 1994. The hill-fort of Iru // Papers of the Second Estonian-Swedish symposium, Sigtuna, May 1991. In print.
- NOSOV, E. 1980. International trade routes and early urban centres in the north of Ancient Russia // Fenno-ugri et slavi. Helsingin yliopiston arkeologian laitoksen julkaisu 22. Helsinki: 49–62.
- SCHMIDT, B. 1961. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland // Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle 18. Halle.
- UN VILLAGE AU TEMPS DE CHARLEMAGNE. 1988. Un village au temps de Charlemagne. Moines et paysans de l'abbaye de Saint-Denis, du VIIe siècle à l'an Mil Musée national des arts et traditions populaires. Paris.
- YANIN et al. 1992. The archaeology of Novgorod, Russia. Recent results from the town and its hinterland // The society for medieval archaeology, Monograph series 13. Lincoln.

THE FIRST FIND OF A SCANDINAVIAN EQUAL-ARMED BROOCH OF VALSTA TYPE IN RUS'

Summary

In the spring 1990 a Novgorod collector of antiquities found a well preserved equal-armed brooch on the right bank of the river Volkhov, 0,5–0,7 km south of (Rjurikovo) Gorodishche (Fig.1,2). The brooch lay in a heap of earth original from dredgings of the Volkhov between the new pedestrian bridge in central Novgorod and Gorodishche. The most objective description of the provenance is therefore "the region of the sources of the river Volkhov". It may come from a settlement or it may have been dropped into the river.

The brooch belongs to a small group of equal-armed brooches which can be named the Valsta type after one of the find-places (Fig.5). The total number hitherto known is eight, including the Russian specimen. Four specimens come from graves around Lake Mälaren in Central Sweden (Fig.3) and the other specimens from a grave in western Norway, a cemetery in south-western Finland and a hill-fort in northern Estonia. Fragments of moulds for casting brooches of this type were recently found in Birka (Fig.4).

There are considerable differences between the specimens but common to them all are the rhomboid arms with boss-shaped animal heads at the three free corners and bent "tufts of hair" sticking out from the heads. The Volkhov brooch has longer tufts than the others and the inner surfaces of the arms are decorated with stylised animal bodies instead of the nonfigurative pattern with a central boss found on the other brooches.

The strong relief of the Valsta type is characteristic of Scandinavian jewellery in the early and middle Viking period, and the animal elements in the decoration – including the bodies on the arms of the Volkhov brooch – are related to the Scandinavian gripping-beast decoration, typical of the early Viking period (second half of the 8th – second half of the 9th century). Three of the Swedish brooches were found in association with beads, and the Norwegian brooch was found with beads and oval brooches which indicate the same date. The types of beads represented in the Swedish graves are characteristic of the earliest layers (E₃ and E₂) in Staraya Ladoga, dated dendrochronologically to the period between the 750s and 860s, and they do not occur at Gorodishche where the settlement started in the second half of the 9th century or may be earlier (among the finds there are several Scandinavian brooches of early Viking-period types which may indicate this, but which may also have reached the site during a later period).

It is generally held that the Scandinavian equal-armed brooches have a Western European origin, and the Valsta type is one of the types that most clearly show this western origin. It can be grouped together with two more wide-spread types – P 58 and P 73 – and a couple of very rare types by their predominantly non-figurative design, partly probably of floral origin, in contrast to most other Scandinavian types which are dominated by typical Scandinavian animal ornaments. The closest parallels to the group come from an area between the mouth of the river Rhine in the north and the river Seine in the south.

The Valsta type therefore seems to illustrate the strong influences that reached Scandinavia in the early Viking period from the Frankish Empire via trading stations at the Rhine mouth. An important place for the production of the Valsta type was Birka, and the eastern distribution of the type seems to be characteristic of products from this place. The type was not produced in such large quantities as many other types of Viking period jewellery, and the Volkhov brooch shows no signs of long use. Its deposition date should therefore most probably be within the early Viking Age.

Objects of Scandinavian type form a significant group of finds in the region of the sources of the river Volkhov. They all come from the cultural layers of settlements. Graves with objects of Scandinavian character are, with one exception (from Gorodishche), not known. This fact should be kept in mind when we compare the frequency and character of Scandinavian objects from different parts of Rus'. The majority of the objects of Scandinavian type from the upper reaches of the Volkhov have been found at Gorodishche. In the 9th and 10th centuries this settlement was the main centre for merchants and craftsmen,

warriors and administrators in the Il'men' area, situated at the junction of the two most important water routes through the eastern European forest zone: the route from the Baltic to the Volga and the route "from the Varangians to the Greeks".

It must be underlined that Gorodishche had a very strong North-European "flavour" in the 9th–10th centuries, owing to objects originating from Scandinavia, objects made in the Il'men' area but preserving northern traditions in their style and decoration, and finally objects which cannot be given any closer ethnic attribution but which are characteristic of various tribes and peoples around the Baltic. Artifacts of Scandinavian character appeared at Gorodishche in the second half of the 9th century, maybe even earlier, but the majority of Scandinavian objects belong to the 10th century. Scandinavian cult objects cannot have reached Gorodishche as objects of trade but indicate that emigrants from the north, both men and women, lived here. Objects of Scandinavian character were also manufactured at Gorodishche.

The Slavic elements in the material culture of Gorodishche have parallels in the West Slavic lands south of the Baltic sea. The questions concerning the Slavic immigration to Lake Il'men' and the Volkhov are not yet solved. However, the extent find material from Gorodishche indicates that the 9th and 10th century inhabitants were Slavs and Scandinavians.

In the initial phase Gorodishche repeated in a somewhat different way the development undergone earlier by (Staraya) Ladoga at the mouth of the river Volkhov. Typologically they constituted centres of the same kind. Around the year 1000 a new centre was formed at the sources of the Volkhov: "Novyj gorod", the "New Town", consisting of a Christian ecclesiastical centre, a market place, a princely yard and a new fort. Gorodishche, the "Old Fort", resigned its place to its successor Novgorod, in the same way as Gnezdovo resigned to Smolensk, Birka to Sigtuna, Hedeby to Schleswig.

Objects of Scandinavian type have also been found in Novgorod, in the layer of the 10th–11th centuries and in two cases in the layers of the first half of the 12th century, but their number is considerably lower than at Gorodishche. This difference is partly connected with chronology. Layers from the 10th century – the period when the Scandinavian impact on Rus' is most obvious in the material culture – are sparsely represented in Novgorod and mostly belong to the second half and the end of the century. The Scandinavians probably also settled in certain quarters and certain yards which may not yet been excavated. Future studies may therefore change our picture of the town. The difference between Gorodishche and Novgorod should, however, first and foremost be explained by the different socio-economic character of the two settlements. Gorodishche was a commercial and manufacturing centre of international character with a polyethnic population whose prosperity was based on its participation in long-distance trade and on its control of the water routes. Novgorod, on the other hand, was the capital of the northern part of the Russian state and based its existence on the exploitation of the surrounding farming population. At Gorodishche the Scandinavians were warriors, traders and craftsmen, partly living there with families, and they constituted a considerable part of the population. In Novgorod their presence is not so clear from the archaeological finds.

The newly found equal-armed brooch of Valsta type complements this general picture. It gives additional support to the opinion that the Scandinavians probably appeared on the upper reaches of the Volkhov earlier than the second half of the 9th century and also that the Scandinavians arriving in Rus' mainly came from the area around Lake Mälaren in central Sweden.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРКТИКА: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

О.В. Овсянников *

В последние годы интенсивно изучаются средневековые памятники восточноевропейской Арктики – на огромной территории от Скандинавии до Северного Урала выявлены и исследуются древности, представляющие первостепенное значение для понимания историко-культурных и этнических процессов, происходивших в полярных тундрах со второй половины I тыс. н.э. Можно отметить два важнейших момента, связанных с этим прогрессом: изучение арктического средневековья опирается на успехи средневековой археологии северной части лесной зоны Восточной Европы, и, второй, – в районах Приполярья и Заполярья сейчас мы имеем дело не только со случайными разрозненными находками, а с целой серией исследованных базовых памятников различного типа (могильники, жертвенные места, поселения).

Представляется целесообразным сделать краткий обзор наиболее интересных памятников (рис.1).

1. Исследование погребальных памятников средневековых лопарей на территории Кольского полуострова впервые дало возможность поставить вопрос о сложении саамской средневековой общности на территории полуострова (Гурина 1981:65–70; Овсянников 1985:84–88; Ovsyannikov 1983:98–106; Гурина, Овсянников, Рябинин 1990:125–134). В 1969–1982 гг. в южной части полуострова (Терский берег) были обнаружены и исследованы два грунтовых могильника конца XI–XIII вв. Ранний могильник (Кузомень I) разрушен и представлен единичными находками конца XI–XII вв., из которых наиболее важна для хронологии находка западноевропейского серебряного денария (Альберт II, 1018–1064 гг.). Могильник Кузомень II состоял из 4 грунтовых захоронений, с элементами срубных конструкций. Погребенные были завернуты в листы бересты и положены головой на северо-восток и юго-восток. Набор инвентаря обоих могильников свидетельствует о финно-угорской принадлежности населения, оставившего их (анализ краниологического материала не противоречит письменным свидетельствам о наличии на Терском берегу групп саамского ("лопского") населения).

Наряду с упомянутыми грунтовыми могильниками, погребальные сооружения в виде каменных оградок, но без фиксируемых костных остатков и инвентаря, но также относящиеся к лопарским памятникам, были обнаружены на Соловецком архипелаге (Гохман, Лукьянченко 1979:98–106; Мартынов 1983:83–87). Различные типы погребальных памятников указывают на сложность этнокультурных процессов в протосаамском обществе, в котором сильное влияние финских и карельских племен "наложилось" на местную подоснову, все это происходило на территории, которую можно определить как "лопский рубеж" русских владений в XII–XIII вв.

2. В связи с лопарской проблемой особое значение имеют раскопки поселения (жертвенного места?) XII–XV вв. в центральной части Кольского поселения, в районе Ловозера (Шаяхметова 1990:33–38), где отчетливо прослеживается русский ремесленный импорт. На Мурманском берегу Кольского полуострова известна лишь одна средневековая находка – в бухте Сидоровской при осмотре берега найден фрагмент бронзовой фибулы XII в. (Овсянников О.В. – полевые работы 1991 г.).

В районе нижнего течения р.Печора удалось выявить и исследовать комплекс памятников VI–XIII вв., раскрывающих культуру печорских племен (сиир-ти) на различных этапах их истории. В период VI–X вв., когда племена были тесно связаны с территориями северного Предуралья и Зауралья, среди бронзовых украшений населения преобладают находки так называемого "пермского звериного стиля". Находки XI–XIII вв. являются

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб.18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

преимущественно продукцией русских ремесленников северных городов (орудия труда, военное снаряжение, украшения из бронзы и стекла).

В состав нижнепечорского комплекса средневековых памятников входят два укрепленных поселения (городища) и жертвенное место.

3. Ортинское городище. Городище расположено в устье р.Печоры на одном из мысов небольшой речки Ортинки. Городища в плане почти прямоугольник, размеры его около 65 x 70 м. Оборонительные сооружения – система рвов и валов. На городищенской площадке прослеживались следы наземных жилищ. Памятник раскопан почти полностью. Действительно, жилища были наземными, вероятнее всего срубными, они располагались вдоль длинных сторон городища двумя рядами. В них не было прослежено очагов, кроме одного центрального жилища, в котором обнаружены следы глинобитной печи. Внутри земляных валов прослежены остатки сгнивших деревянных конструкций – найдены канавки, в которые были вертикально вкопаны бревна толщиной до 20 см. Вал был насыпан из песка, взятого при копке рва. Обнаружены два воротные проема: первый проем шириной 80 см вел в первую часть городища, второй – ворота шириной 140 см вели непосредственно на городищенскую площадку. Крепость можно охарактеризовать как форт регулярной планировки.

Все находки найдены в культурном слое мощностью около 40 см: рукоять ножа с хищной птицей, бляха с драконом, "якорьковые" подвески, фрагмент бронзового пластинчатого браслета, пантера (рис.2:1,2,3,4,5). Находки датируют памятник VI–X вв. Контакты с русским населением в это время на археологическом материале не прослеживаются.

Ортинское городище можно рассматривать как один из памятных центров племени сиирти. Культура этих племен оказалась генетически связана с культурой племен Нижней Оби, а также Северного Приуралья и Зауралья, с ярко выраженными чертами так называемого "пермского звериного стиля" в металлической пластике. Ортинское городище – срез культуры населения, с которым столкнулись русские, когда пришли сюда. На несколько веков этот район становится контактной зоной, на которую опирались русские колонисты, продвигаясь в низовьях Печору и далее – в землю САМОЕДОВ.

Рис.1 Средневековые памятники восточно-европейской Арктики. 1. Могильники в устье р.Варзуги. XI – XIII вв. 2. Саамские могильники Соловецкого архипелага. XIII–XV вв. 3. Ловозеро. Священное место XII в. 4. Фрагмент бронзовой фибулы XII в. в бухте Сидоровка. 5. Архангельский клад XII в. 6. Ортинское городище VI–X вв. 7. Городище на р. Гнилка (город Усташа). VI–X вв. 8. Городецкое святилище. VI–XIII вв. 9. Святилища на о.Вайгач. VI – XIII вв. 10. Кемский клад XII в.(найденный в XIX в.). 11. Веркола на р.Пинега. Могильник XII в.

Fig.1 Medieval sites of East-European Arctic. 1. The cemeteries in the mouth of r.Varzuga. 11th–13th century; 2. The Saami cemeteries of the Solovki archipelago. 13th–15th century; 3. Lovozero. Sanctuary of 12th century; 4. The fragment of bronze brooches. 12th century. Sidorov bay; 5. Arkhangelsk hoard. 12th century; 6. Ortino's gorodischtche. 6th–10th century; 7. Gorodischtche on the r.Gnilka. "Ustasha". 6th–10th century; 8. Gorodetz sanctuaries. 6th–18th century; 9. Vajgatch sanctuaries. 6th–18th century; 10. Kem hoard. 12th century (founded in 19th century); 11. Verkola, r.Pinega. The semetry of 12th century.

Рис.2 Район Нижней Печоры. Бронзовые находки на Ортинском городище и Городецком святилище. VI-X вв.

Fig.2 The Lower Pechora region. The bronze finds from Ortino Gorodischtche and from Gorodetz sanctuary of 6th-10th century.

4. Городище в устье р.Гнилки. Древнее укрепленное поселение располагалось, по всей видимости, на мысу. Памятник сохранился почти полностью (сохранился целиком южный фас крепости протяженностью 42 м), западный – на протяжении 23 м, восточный на 29 м. С трех фасов городища прослежены остатки деревянных оборонительных конструкций – дерево сохранилось довольно плохо в виде темной полосы древесного тлена. Контуры оборонительных конструкций подтвердили, что все фасады крепости были прямолинейными (регулярными) и сходились под прямым углом. У юго-западного угла крепости обнаружены остатки прямоугольной башни (ее размеры 4,5х6 м). В восточном фасае городища открыты остатки воротного проема, фланкируемого двумя вертикальными столбами, на которые подвешивались крепостные ворота. Воротному проему, в стене соответствовал проход через ров. Любопытно, что "мост" через ров был оформлен в виде материкового останца (ширина этого останца – около 2 м). О конструкции крепостной стены можно высказать обоснованные предположения, что она была сооружена из вертикально поставленных бревен диаметром до 15–20 см (оставшийся от него тлен представляет собой углубленную до 15 см канавку – это ровик от вкопанных бревен). В целом городище – крепость регулярной планировки, мысового типа, этот памятник полностью повторяет основные принципы планировки оборонительных сооружений и конструкций крепостных стен Ортинской крепости и поэтому его можно датировать тем же временем, то есть VI–X вв. Об этом свидетельствуют находки на площади городища, из которых наиболее выразительны: бронзовая рукоятка ножа или кинжала, аналогичная ортинской рукояти и известна среди находок Нижней Оби (Ovsjannikov 1990:103), фрагмент бронзовой поясной застежки с изображением трех животных, из которых два, по всей видимости, оленята (рис.2:7,9). Кроме того, к этой же группе находок относятся фрагменты изображений хищных животных (рис.2:8,10). Эти находки также имеют полную аналогию на памятниках Нижней Оби.

Название древнего укрепления на р.Гнилке сохранилось, на наш взгляд, в письменных документах более позднего времени: в Разрядных книгах сохранилось донесение о походе 1499 г., когда русские отряды завершили свой поход к реке Печоре, они дошло "до Усташа града" (Беляев 1852:247–248).

5. Жертвенное место на р.Гнилке. Памятник расположен на второй террасе р.Гнилке, соединявшей Городецкое озеро с протокой р.Печоры – Городецким шаром. Можно полагать первоначально жертвенное место располагалось на мысу, который в настоящее время почти весь смыт рекой. Культурный слой занимает площадь более 3600 м², его мощность до 0,3 м, он был перекрыт стерильной "подушкой" намывного песка толщиной до 1 м. Некоторые участки культурного слоя дали возможность исследовать его микроструктуру: тончайшие прослойки песка свидетельствовали о том, что намывной слой образовался уже после длительного размыва поверхности древнего культурного слоя на заброшенном памятнике. Основные категории находок (общее число более 2000 вещей): преднамеренно испорченные топоры, а также ножи, наконечники стрел, кресала, фрагменты медных котлов и бронзовых украшений (монетовидные и косорешетчатые подвески с ушками, стеклянные бусы, трехчастные, круглые, овальные различных цветов) – все это свидетельствовало об особом, сакральном характере памятника, что подтверждается находками своеобразных "мошевиков" – медных коробочек с костями жертвенных животных, и бронзового (рис.2:6) идола (Ovsjannikov 1990:99–105). Было ясно, что памятник датируется довольно широкими хронологическими рамками и содержит вещи различных эпох.

Детальный анализ вещевого материала позволил выделить на исследуемом памятнике группу вещей, которая в хронологическом отношении выпадала из контекста основной массы находок: это бронзовый литой антропоморфный идол, фрагмент пластины с изображением животного, вероятно хищника, которого терзал другой хищник, хищная птица и другие. Их адресат – Приуралье и Зауралье (так называемый пермский звериный стиль), время бытования – V–VIII вв.

На центральной части мыса, где, как оказалось, сохранилась наиболее значительная прослойка древнего культурного слоя, были сосредоточены основные работы 1988–1989 гг. Культурный слой на этом участке такой же, как и на вскрытом ранее: дерновая прослойка (до 10 см), намыв стерильного песка (до 80 см), гумусированный

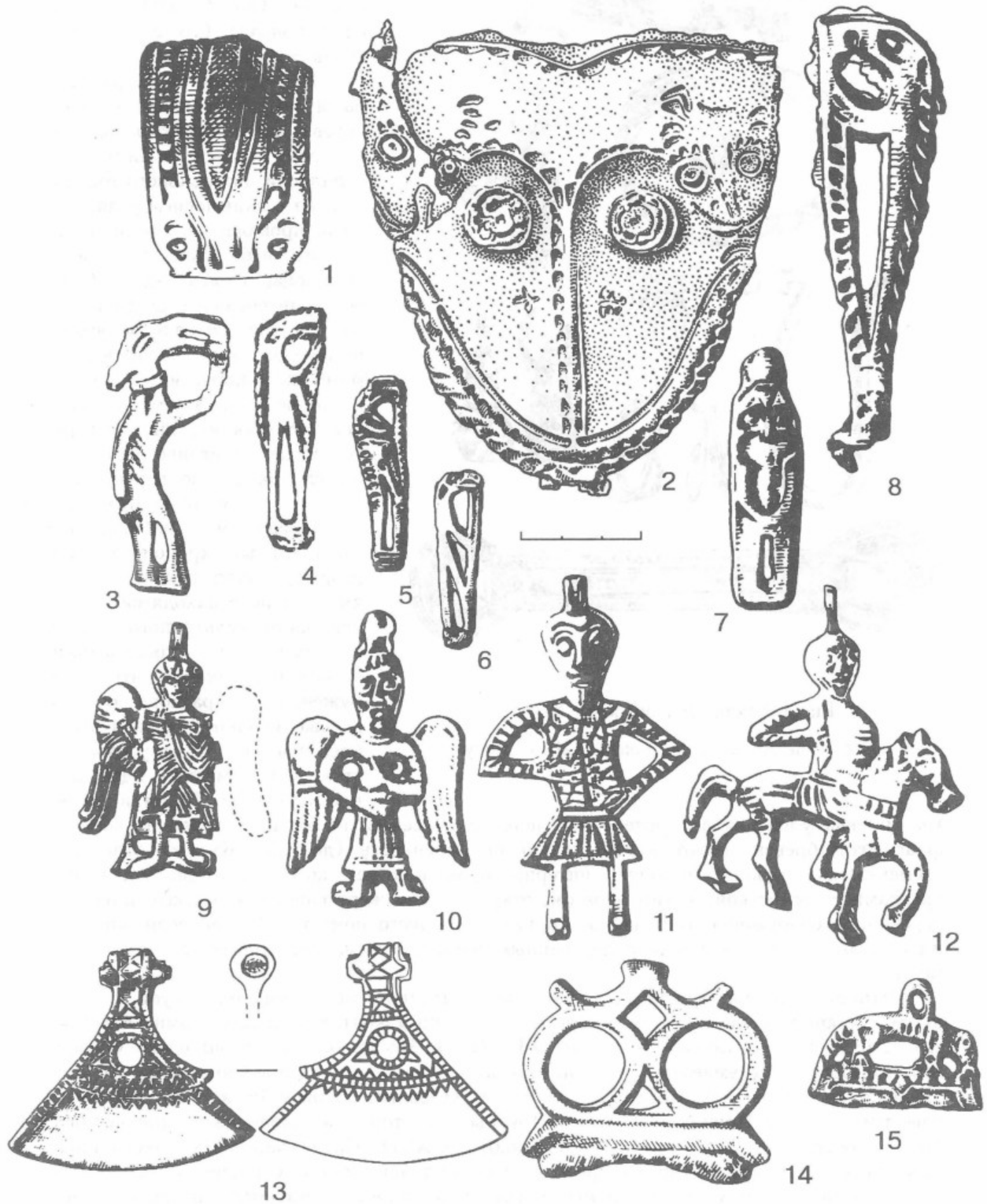

Рис.3 Святилища на о.Вайгач. Бронзовые находки VI-XIII вв.
 Fig.3 Sanctuary of Vaigatch island. Bronze finds of 6th-13th century.

Рис.4 Архангельский клад XII вв.

Fig.4 The Arkhangelsk hoard. 12th century.

тре) бревна уложены в определенном порядке (с севера на юг и с запада на восток), фрагменты бревен имеют значительную протяженность (до 1,5–1,65 м) отдельные элементы конструкции позволяют интерпретировать ее как лаги с положенными на них бревнами – вымосткой. Таким образом, открыта часть жертвенного комплекса, имевшего деревянное сооружение типа вымостки или невысокого помоста. Вполне возможно, что именно эта часть святилища с деревянным помостом была центром всего жертвенного места.

Второй хронологический пласт находок жертвенного места свидетельствует об отчетливом влиянии среди местного населения постоянных контактов с северными областями Древней Руси и его можно датировать XI–XIII вв. Несколько слов о находках. Обнаруженные фрагменты железных топоров относятся к двум типам. Большинство из них принадлежит рабочим секирам, характерным для северных районов Руси в XI–XIII вв. и известны также в Прикамье, Нижнем Приобье (некоторые из найденных топоров могли быть и боевыми) (Кирпичников 1966:рис.6, таб.XVI). Среди железных наконечников стрел встречены двурогие срезы, срезы в виде лопаточки, ромбически черешковые стрелы. Большинство из них является промысловым снаряжением, датируются они довольно широко: X–XIV вв. (Медведев 1959:166). Железные кресала представлены довольно значительной категорией находок, принадлежащих трем типам: калачевидные X–начала XII вв.; овально-удлиненные XII–XIII вв.; четырехугольные, бытовавшие с первой половины XIII в. до XVI в. (Колчин 1959:99–101). В Вымских могильниках указанные типы кресал бытуют в XII–XV вв. (Савельев 1987:60–62).

Особый интерес представляют находки железных кольчужных колец (всего более 150 целых и фрагментов). Кольца в сечении овальные, все они сварные. Из защитных

культурный слой, содержащий находки (до 40 см), тонкий слой подзола (до 2 см), материк – песок.

В западной части раскопа были зафиксированы остатки дерева, частично пострадавшего во время пожара, и несколько скоплений интенсивного горелого слоя с включением угля, под ними прокаленная земля. Вряд ли это небольшие локальные кострища, скорее здесь были более интенсивные очаги пожара. На участке зафиксировано несколько ям, вырытых в материке. Скорее всего, они вырыты до сооружения деревянной конструкции, так как в ряде случаев отчетливо прослеживается как дерево перекрывает эти ямы. Стоит ли за этим стратиграфическим наблюдением значительный хронологический разрыв, сказать трудно, так как ямы и дерево находятся в нижней части культурного слоя и не разделены прослойками. Важно подчеркнуть, что обнаруженные в раскопе остатки дерева являются фрагментами бревенчатой конструкции, в этом нет сомнений: довольно массивные (до 20 см в диаметре)

доспехов найдены две пластинки – железная и бронзовая, которые можно интерпретировать как фрагменты чешуйчатого доспеха. Представляется, что описанные находки можно сопоставить с находками защитных доспехов на севере Западной Сибири, где найдены кольчуги X–XIII вв. и также чешуйчатые доспехи (Соловьев 1987:59, таб. XIII: 1,7–8).

Из бронзовых украшений отметим монетовидные привески нескольких типов: косорешетчатые подвески характерны для широких районов восточноевропейского севера и датируются XII–XIII вв. (Седова 1981:42; Савельева 1987: 111); подвески с включенным крестом, они датируются также XII–XIII вв. (Седова 1981:42); подвески с изображением всадников – весь этот инвентарь хорошо известен в северных регионах Древней Руси и датируется XII–XIV вв. (Рябинин 1981:рис.3; Савельева 1987: 93 – 94). Из находок XI–XIII вв. упомянем бронзовые пластинчатые штампованные браслеты: один из них – с округлыми, немного суживающимися концами с чеканным узором. В Новгороде подобные браслеты найдены в слоях XI–XV вв. (Седова 1959:249–250). Найдены бронзовые перстни (пластинчатые, рубчатые), которые датируются XII–XIII вв. (Седова 1959:там же). Любопытна находка бронзового однобусинного кольца (к сожалению, оба конца у него отломаны) – полустерты бусины на месте стыка полусфер. Височные кольца с гладкими бусами (правда, трехбусинные) обычно датируются XI–XIII вв. (Левашова 1967:19).

Расположение на одном мысу в районе устья р.Гнилки городища VI–X вв. и жертвенного места VI–XIII вв. требует комментария. На наш взгляд укрепленное поселение и жертвенное место в VI–X вв. представляет собой единый культурный комплекс. Вполне возможно, что после X в. в процессе установления даннических отношений и подчинения печорских племен русскому влиянию, укрепленные поселения в районе Нижней Печоры прекращают свое существование. Однако, жертвенное место на берегу р.Гнилки продолжало функционировать вплоть до XIII столетия, площадь его увеличилась за счет соседнего заброшенного городища.

В так называемом этнографическом введении – "Повести Временных лет", среди племен, обитавших на северных землях Восточной Европы, перечислены – Заволочьская чудь, Пермь, Печера, Югра. Если согласиться, что данное "Введение" является своеобразной историко-географической вставкой, сделанной около 1113 г. при составлении первой редакции летописного Свода и взятой составителями свода из более раннего письменного источника (Повесть 1950:10), то первые контакты с племенами крайнего северо-востока Европы и Северного Зауралья относятся к еще более раннему времени. Однако датировка этого времени давалась исключительно на основании письменных источников долгое время оставалась гипотетической: исследователи довольно субъективно датировали начало этих контактов концом X в., рубежом X–XI вв., или даже началом XII в. (Хомич 1976:72; Жеребцов 1982:157).

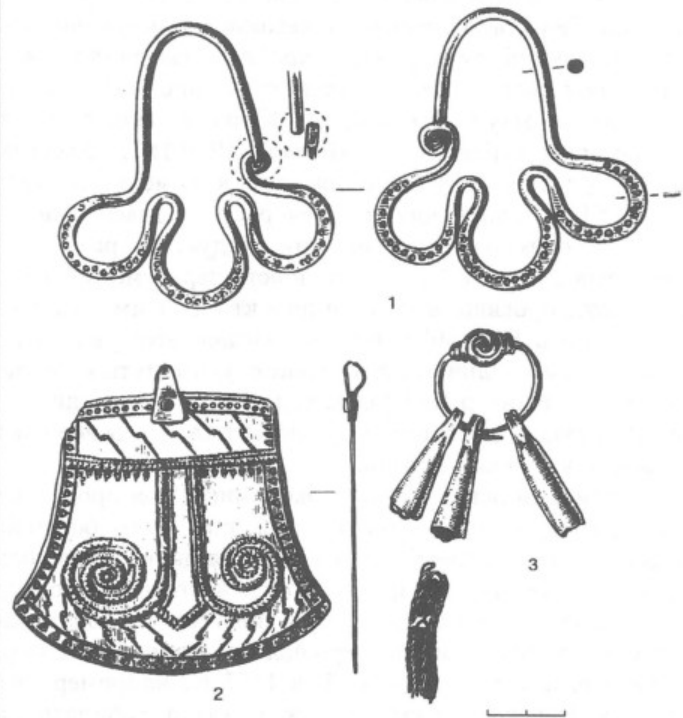

Рис.5 Архангельский клад XII в.

Fig.5 The Arkhangelsk hoard. 12th century.

Самое раннее письменное свидетельство – это знакомство с Печорой новгородского боярина Гюряты Роговича о несомненно крупной военно-торговой экспедиции 1096 г., организованной им в районы крайнего северо-востока Европы и Северного Урала: "Послах отрок свой в Печеру, люди суть дань дающе Новугороду. И пришедшу отроку моему к ним, и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем, а соседят с Самоядью на полунощных странах ..." (Повесть 1950:167). Рассказ несомненно достоверен, и свидетельствует прежде всего о том, что к моменту деятельности этой экспедиции, то есть к концу XI в., район нижней Печоры находился уже в даннических отношениях с Новгородом, а племена югорские, как следует из рассказа, только еще включались в орбиту контактов с Русью: "... молвят и есть неразумети языку их, но кажут на железо и помагают рукою, просяще железа; и аще кто даст им нож ли, секиру, и они дают скорою противу" (Повесть 1950:167). На наш взгляд, этот увлекательный рассказ содержит некоторую информацию о динамике освоения упомянутых территорий: к 90-м годам XI в. район нижнего течения р.Печоры находился по отношению к Новгороду в даннических отношениях и служил достаточно прочным тылом в освоении более восточных территорий – зауральских югорских земель.

Если печорские земли в экономике Новгорода уже заняли к этому времени свое место благодаря сбору дани с населения этого богатейшего пушным зверем района (как правило в тех районах, где собирается дань, происходит в широком масштабе и торговые операции пушным товаром в обмен на ремесленное производство русских городских ремесленников), то в землях югры пока что господствовала лишь меновая форма торговли. В последующее время новгородцы собирали дань с югры, но обстановка в Печоре и в Югре не всегда была спокойной: в 1187 г., например, были истреблены новгородские даньщики в Печере, которые должны были собирать дани в Печоре и Югре (Летопись 1950:38), а в 1193 г. новгородцы предприняли большой поход в Югру, где осаждали и брали штурмом югорские города-крепости (Летопись 1950:40–41). Важно подчеркнуть, что оба этих периода: VI–X и XI–XIII вв. относятся к тому времени, когда арктические тундры крайнего северо-востока Восточной Европы еще не были заселены пришедшими из-за полярного Урала воинственными самодийскими племенами (ненцами). По-существу, происшедшее кардинальное изменение обстановки в этом районе в первой половине I тыс. н.э. – появление ненцев, во многом способствовало возникновению здесь, на берегу Пустого озера в 1499 г. первого русского заполярного укрепленного поселения – Пустоозерска. Не случайно поэтому первое русское постоянное поселение на Нижней Печоре возникло в зоне традиционных контактов русских и обитателей арктической тундры.

6. Святилища на о.Вайгач. Комплекс святилищ на о.Вайгач представляет собой необычайно выразительное культурное явление в средневековой жизни Арктики (Хлобыстин 1990:121–135; 1991:23–38). Расположенный на стыке Европы и Азии, комплекс Вайгачских святилищ в массе своих находок отражает этнокультурные контакты племен крайнего северо-востока Европы севера Западной Сибири на довольно длительном отрезке времени. Можно выделить три крупных исторических периода в этом комплексе: VI–X вв. характеризуется находками, типичными для культур местных печорских племен; последующий период XI–XIII вв., который характеризуется обильным импортом древнерусским, а может быть, отчасти и болгарского происхождения, и, наконец, последний, ненецкий период, представленный лишь на некоторых из вайгачских святилищ. Подобное "долголетие" жертвенных мест часто не связано с конкретной этнокультурной преемственностью, а отражает исключительность облика или месторасположения самого природного объекта (феномен), как в данном случае произошло с комплексом святилищ на Вайгаче. Поэтому комплекс жертвенных предметов на святилищах в определенной мере отражает реальный ассортимент вещей, которыми пользовались местные племена в повседневной жизни.

7. Архангельский клад. Осенью 1989 г. в окрестностях г.Архангельска, в пойме р.Северной Двины во время земляных работ был обнаружен клад серебряных монет и ювелирных изделий (Nosov, Ovsyannikov, Potin 1992:3–21). Это самая северная находка клада древнерусского времени. Нумизматическая часть клада представлена тремя саманидскими монетами VIII–IX вв. и почти 2000 западноевропейских денариев, самые поздние чеканки которых датируются 30 годами XII в. Вещевая часть клада представляет несомненный интерес, так как состоит из ярких индивидуальных находок: браслета витого из

из толстых дров с каменными вставками. По краям пластинчатого браслета с вставками из кусочков стекла (по определению В.А.Галибина в качестве вставок были использованы кусочки стеклянного сосуда ближневосточного происхождения), фрагментов серьги так называемого волынского типа; лунницы, украшенной зернью, многолопастного височного кольца раннего типа. Перечисленные вещи с полным основанием можно отнести к классическим древнерусским украшениям, хронологическое бытование которых укладывается в довольно широкие рамки: с рубежа X–XI вв. до середине XII столетия. Другая группа находок (крестообразная подвеска, трапециевидная подвеска, проволочные лопастные подвески, "наконечники" многослойных цепочек довольно широко распространены на территории Северной Европы, встречаются и в северорусских землях. В целом клад можно рассматривать как своеобразное "сокровище", накопленное и собранное для торговли с землями крайнего северо-востока и зарытое в минуту опасности в двинской пойме – в самом начале торгового пути в районы богатые пушными промыслами.

Даже краткий анализ обнаруженных и исследованных за последние годы средневековых памятников в зоне восточноевропейской Арктики впервые дал возможность конкретно "ощутить" динамику этнокультурных контактов населения в этом регионе. Впервые появились данные о формировании международного средневекового торгового пути из балто-беломорского региона в северное Зауралье вдоль арктического побережья.

- БЕЛЯЕВ, Д. 1852. Записки о географических сведениях в древней Руси // Записки Русского Географического общества VI. С.-Петербург.
- ГОХМАН; И.И., Т.В.ЛУКЪЯНЧЕНКО. 1979. О предшественниках русских на Соловецких островах // Советская этнография 4: 98-106.
- ГУРИНА, Н.Н. 1981. Первые сведения о памятниках XII в. на Кольском полуострове // Природа и хозяйство Севера 9: 65-70. Мурманск: Мурманское книжное издательство.
- ГУРИНА, Н.Н., О.В.ОВСЯННИКОВ, Е.А.РЯБИНИН. 1990. Средневековые древности Кольского полуострова // Финны в Европе в VI-XV вв. II: 125-134. Москва.
- ЖЕРЕБЦОВ, Л.Н. 1982. Историко-культурные взаимоотношения Коми с соседними народами X-начало XX вв. Москва.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н. 1966. Древнерусское оружие 2 (копья, сулицы, бытовые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв.). Совд археологических источников Е 1-36 Москва-Ленинград: Наука.
- Колчин, Б.А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 7-120. Москва.
- ЛЕВАШОВА, В.П. 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды Государственного Исторического музея 43. Москва.
- МАРТЫНОВ, А.Я. 1983. Археологические памятники древних саамов на Соловецких островах // Природа и хозяйство Севера 11: 83-87. Мурманск.
- МЕДВЕДЕВ, А.Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 121-191. Москва.
- ЛЕТОПИСЬ 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего периодов. Москва-Ленинград.
- ОВСЯННИКОВ, О.В. 1985. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР: 84-88. Ленинград.
- ПОВЕСТЬ 1950. Повесть Временных лет. Том I. Москва-Ленинград.
- САВЕЛЬЕВА, Э.А. 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Ленинград: Ленинградский государственный университет.
- СЕДОВА, М.В. 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 223-261. Москва.
1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв). Москва: Наука.
- СОЛОВЬЕВ, А.И. 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск.
- ХЛОБЫСТИН, Л.П. 1990. Древние святилища острова Вайгач. // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: 120-135. Москва: Министерство культуры РСФСР.

1991. Культурные памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера: 23-38. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство.
- ХОМОЧ, Л.В. 1976. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Ленинград: Наука.
- ШАЯХМЕТОВА, Л.Г. 1990. Новые данные о древнем населении центральной части Кольского полуострова // Краткие сообщения Института археологии 200: 33-38.
- NOSOV, E.N., O.V.OVSJANNIKOV, V.M.POTIN. 1992. The Arkhangelsk Hoard // Fennoscandia archaeologica IX: 3-21. Helsinki.
- OVSJANNIKOV, O.V. 1984. On Trade Routes to Zavolochye in the 11th-14th Centuries // ISKOS 4: 98-106.
1990. The Gorodets sanctuary of the 12th-13th centuries on the Nizniz Pechora River // ISKOS 9: 99-105. Helsinki.

THE ARCTIC OF THE MIDDLE AGES: RECENT ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES

Summary

In recent years considerable study has been given to the medieval sites of Eastern European arctic - the antiquities which are of paramount importance for the understanding of historico - cultural and ethnic processes that took place in arctic tundras since the second half of the 1st millennium A.D., have been discovered on a vast territory from Scandinavia to the Northern Urals and are being intensively studied at present. Two most important aspects associated with this progress should be pointed out: the study of medieval arctic leans upon the achievements of the medieval archaeology of the Eastern European northern forest zone, and, secondly, in the near-polar and polar regions of the we deal not only with casual separate finds but with a series of basic sites of different types (cemeteries, sacrificial places, settlements).

1. The study of the burial sites of medieval Lapps (Laplanders) in the Kola peninsula enabled archaeologists for the first time to raise the question of the origin of the Lappish medieval community in the Southern part of the peninsula (Gurina N.N. 1981:65-70; Ovsiannikov 1985:84-88; Ovsiannikov 1983:98-106; Gurina, Ovsiannikov, Riabinin 1990:125-134). Besides the above - mentioned funeral complexes in the form of stone fences but without fixed bones and grave goods though also belonging to Lappish sites were found on the Solovetsky Archaeological (Golhman, Lukianchenko 1979:98-106; Martynov :83-87). Different types of burial sites point to the complexity of ethnocultural processes in Protolappish society where local basis was strongly influenced by Finnish and Karelian tribes. These processes took place on the territory which can be referred to as the "Lappish boundary" of Russian lands in the XIIth - XIII th centuries.

2. In the context of the Lappish problem of special importance are the excavations of a settlement (a sacrificial place) of the XIIth - XVth centuries in the central part of the Kola Peninsula, in the vicinity of Lake Lov (Shayakhmetova 1990:33-38) where Russian trade imported goods are quite common. On the Murmansk shore of the Kola Peninsula only one medieval find is known - a fragment of a XIIth century, bronze fibula was found in the Sidorovskaya Bay when examining the shore (Ovsiannikov O.V., the 1991 works).

3. In the Lower Pechora region we succeeded in finding and studying a complex of VIth - XIIIth century sites characteristic of the culture of Pechora tribes (siir - ti) at different stages of their history. In the VIth - Xth centuries when the tribes had close contacts with the Northern Pre - Ural and Trans - Ural regions the finds of the so - called "Permian animal style" are most common among bronze ornaments. The finds of the XIth - XIIIth centuries are the produce of Russian craftsmen from northern towns (tools, military equipment, bronze and glass ornaments). Among the sites studied are two fortified settlements of the VIth - Xth

centuries and a sacrificial place of the VIth - XIIIth centuries. Thus, in the Lower Pechora region sites were studied throwing light on the last stages of the existence of Pre-Samodian Pre-Nents population in the region in question (Ovsiannikov 1990:99-105; Ovsiannikov 1990a:150-186).

4. The complex of sacrificial places on Vaigach Island (Khlobystin 1990:121-135; Khlobystin 1991:23-38) is a site belonging to three historical stages: the period of the VIth - Xth centuries is characterized by the finds typical of local Pechorian tribes; the next period (the XIth - XIII th centuries) is characterized by plenty of ancient Russian and Bulgarian imported goods and, finally, the late Nenets period (the XVIIIth - XXth centuries) is represented only by some Vaigach sanctuaries. Such "longevity" of sacrificial places is often not connected with certain cultural continuity but reflects the features and location of a natural object, as happened with Vaigach Island in the present case.

5. Of great importance for the understanding of historical and cultural situation in the Eastern European Arctic region is an ancient Russian hoard found during earth-moving work near Arkhangelsk (Nosov, Ovsiannikov, Potin 1992:3-21). The hoard consists of silver coins and silver ornaments and is dated from the 30-s of the XIIth century. On the whole the hoard may be considered as a peculiar "treasure" collected and stored for trade with the tribes of the extreme North-East and kept in dangerous moments in the Northern Dvina delta, i.e. in the very beginning of the most difficult and unsafe section of the trade route to the areas with the richest fur trades.

In our opinion, the sites considered are important for the study of local ethnocultures in different regions of the Arctic and the history of the development of transit trade route from the Western and Central White Sea region to the Extreme North - East of Europe and the North of Western Siberia.

НОВЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

А.Н. Кирпичников, С.В.Белецкий*

Сфрагистические памятники, найденные в поселке Старая Ладога, до последнего времени ни привлекали внимания исследователей, хотя в Корпусе актовых печатей Древней Руси (Янин 1970) учтено 18 печатей, происходящих из Ладоги. Источники по истории Ладоги XI–XV вв. скудны, каждая новая сфрагистическая находка, характеризующая исторические судьбы древнерусского города в устье Волхова, вызывает повышенный интерес.

При раскопках 1992–1993 гг. на Земляном городище Старой Ладоги, осуществленной экспедицией ИИМК РАН, были найдены два сфрагистических памятника – домонгольская пломба (I) и печать XIV в. (II) публикации которых посвящено настоящее сообщение.

I. Аверс: шестиконечный крест, концы креста оформлены трехточечными завершениями, следы точечного ободка.

Реверс: погрудное изображение кудрявого святого с короткой бородой (в типе Св.Федора). В левой части поля буллы прослежены остатки линейного нимба.

Диаметр: 14–15 мм. **Вес:** 3,28 г. **Хранение:** ИИМК РАН, инв. № 55–303/В–36. **Происхождение:** раскопки 1993 г. **Не издана.**

Пломбы, соответствующие по матрицам публикуемой булле, найдены в Новгороде (ЛСА: табл. XXI, 17), Пскове и Дубне (в двух последних случаях – не изданы). Судя по находке пломбы, от этой же пары матриц в слое 19 яруса Неревского раскопа в Новгороде (Янин 1956: №55, рис. V, 40), этот сфрагистический тип должен быть отнесен ко времени не позднее 30-х годов XII в. Как будто бы, та же матрица аверса фиксируется еще у одной новгородской пломбы, изданной Н.П. Лихачевым (ЛСА: табл. LIV, 14). Реверс этой пломбы чрезвычайно близок реверсу публикуемой пломбы, однако нимб святого здесь полностью точечный. Возможно, речь может идти о подправке матрицы реверса; тогда публикуемая пломба и адекватные ей по матрицам экземпляры относятся к несколько более позднему времени, чем пломба, изданная Н.П. Лихачевым. И, следовательно, в 30-е годы XII в. использовалась уже подправленная матрица.

По чисто сфрагистическим признакам пломбы с изображениями креста и святого, известные на Руси не менее, чем в 130 экземплярах, соответствуют адекватно оформленным печатям. Как и печати, эти пломбы могут быть связаны с деятельностью суверенных светских лиц, вероятнее всего – князей. Однако, имеется существенное отличие печатей от пломб: если печати с изображениями креста и святого сравнительно немногочисленны (в упомянутом корпусе учтена 21 булла от 17 пар матриц) и представлены, в лучшем случае, двумя оттисками от одной пары матриц, то пломбы, известные широко, уверенно фиксируются серийными оттисками от одной и той же пары матриц. Это обстоятельство существенно при определении

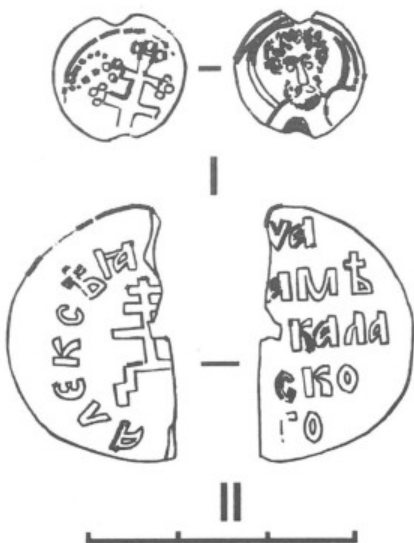

Рис.1 Пломба (I) и печать (II)
из Старой Ладоги.

Fig.1 Stamp (I) and seal (II)
from Old Ladoga.

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

функций рассматриваемых памятников. Повторяемость оттисков от одной пары матриц в удаленных друг от друга центрах наводит на мысль о том, что пломбы данного разряда скрепляли нечто, имевшее широкое хождение в пределах Руси. Предполагая, что пломбы с изображениями креста и святого не были функционально равны аналогичным образом оформленным печатям, отметим, что они, как и печати фиксировали неограниченный характер власти держателей буллотирия. Высказывалась мысль о том, что именно такой тип пломб использовался при эмиссионной деятельности великокняжеской администрации Киева (Белецкий, Посвятенко 1994). Публикуемая пломба с наибольшим вероятием должна быть связана с деятельностью Мстислава Великого, занимавшего великий княжеский стол с 1125 по 1132 гг.

П Аверс: восьмиконечный крест на подножии, окружен надписью ...АЛЕКСЪІА.

Реверс: надпись в пять строк.

[пѣ]ча
[тън]амѣ
[стни]кала
[до]ско
го

Диаметр: 30 мм (вдоль канала). **Вес:** 4,56 г. (фрагм., не менее 9 г). **Хранение:** ИИМК РАН, инв.№ 71–225/В–35. **Происхождение:** раскопки 1992 г. **Не издана.**

Печать принадлежит неизветной паре матриц. Палеографически булла датируется XIV в. (консультация Т.В.Рождественской).

Вплоть до последнего времени были известны три печати от двух пар матриц, принадлежность которых ладожским чиновникам в должности наместника следует из формулы легенды на реверсе (Янин 1970, т.2: № 521,522).

№ 521 (2 экз.). **Аверс:** изображение Св.Климента.

Реверс: надпись в пять строк

намѣ / стника / ладожк / огопеч / ать.

№ 522 (1 экз.). **Аверс:** шестиконечный крест на подножии.

Реверс: надпись в пять(?) строк

[печа] / тъ нам / [ѣ]стънк[а] / [ла]дожьск[о] / [го]захар[а]

Печать № 521 В.Л.Янин датировал временем святительства архиепископа Климента (1276–1299), а печать № 522 менее уверенно относил к началу XIV в. Исследователь полагал, что наместничество в Ладогe возникло в конце XIII в., а прекратило свое существование в 1316 г., после того, как новгородский владыка получил право держать наместников в Новом Торге. Однако ближайшая аналогия изображению креста на печати № 522 фиксируется печатью XV в. (Янин 1970, т.2:№ 567), что позволяет датировать ладожскую буллу тем же временем. Следовательно, между двумя наместничьими печатями Ладоги фиксируется хронологическая лакуна, превышающая столетие.

В 1993 г. стали известны еще 6 печатей от четырех пар матриц, принадлежность которых ладожским наместникам следует из формулы легенды на реверсе (Белецкий 1994:№ 1–4).

№ 1 (1 экз.). **Аверс:** изображение Св.Климента. **Реверс:** то же, что № 521 Корпуса.

№ 2 (2 экз.). **Аверс:** восьмиконечный крест на подножии, окружен надписью ахѣппа [двда], вырезанной на матрице без учета на оттиск. **Реверс:** надпись в пять строк [печ]а / [тъ] ам / [ѣс]тни[к] / [ал]адос / [к]ого.

№ 3 (1 экз.). Аверс: восьмиконечный крест на подножии, окружен надписью [Архикпп]аМо[нс]ета, вырезанной на матрице без учета на оттиск. Реверс: надпись в пять строк пе[ча] / ть [ам] / ѳстн[ик] / ала[до] / ско[го].

№ 4 (2 экз.) Аверс: восьмиконечный крест на подножии. Реверс: надпись в четыре строки [а]адо / [с]коган / [а]мѳстн / [ик]а.

Все четыре печати палеографически датируются XIV в., печать № 4, вероятнее всего, относится ко второй половине столетия (консультация Т.В.Рождественской). Печати № 2 и 3 очень близки друг другу: по-видимому, матрицы этих печатей резались одним мастером, допустившим, к тому же, одинаковую ошибку при изготовлении аверса.

Таким образом, было установлено, что ладожское наместничество продолжало существовать и в XIV в. Однако одновременно выяснилось, что между печатью № 3, относящейся, как можно думать, ко времени первого святительства архиепископа Моисея (1326–1330) и печать № 522, датированной началом (?) XV в., сохраняется значительная хронологическая лакуна, которую вряд ли могла заполнить исключительно печать № 4. Вопрос о судьбах наместничества, поэтому, остался открытым.

Печать II публикуемая в настоящей статье, как можно полагать, частично заполняет лакуну. Реконструируя круговую надпись на аверсе по аналогии с печатями № 2 и 3 как [архикппа] лексѳа мы тем самым относим буллу ко временам святительства новгородского архиепископа Алексия (1360–1388). С учетом этой находки известные в настоящее время печати ладожских наместников хронологически распределяются следующим образом:

№521 Корпуса и №1	– время архиепископа Климента (1276–1299);
№2	– время архиепископа Давида (1309–1325);
№3	– время первого святительства архиепископа Моисея (1326–1330);
II	– время архиепископа Алексия (1360–1388);
№4	– конец XIV в.
№522 Корпуса	– начало (?) XV в.

Приходится, к сожалению, констатировать, что в этой схеме сохраняются лакуны, приходящиеся на время святительства владыка Феоктиста (1300–1308), Василия Калики (1331–1352) и второго святительства Моисея (1352–1359). Связано ли это с неполнотой имеющейся в нашем распоряжении информации или же ладожское наместничество новгородского архиепископа в какие-то моменты прекращало свое существование и затем вновь возобновлялось, покажет изучение всего известного сфрагистического фонда ладожского происхождения. Но подчеркнем, что ни печать № 4, ни печать № 522 Корпуса не фиксируют связь держателей буллотирия с новгородским архиепископом, и это само по себе показательно. В любом случае, вопрос о судьбах ладожского наместничества в конце XIV и XV вв. является уже темой специального исследования.

Отметим в заключение, что обе публикуемые находки обнаружены в насыпи вала Земляного городища. Вал был насыпан в 80-е годы XVI в. и состоял из переотложенных слоев городища IX–XV вв. Новонайденные сфрагистические памятники подтверждают существование на площадке Земляного городища ныне не сохранившихся слоев древнерусского времени.

БЕЛЕЦКИЙ, С.В. 1994. Печати ладожских наместников // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов: 63–65. Санкт-Петербург.

БЕЛЕЦКИЙ, С.В., В.А.ПОСВЯТЕНКО. 1994. Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе экономических и культурных связей: 3–5. Москва.

ЛИХАЧЕВ, Н.П. Сфрагистический альбом. Рукопись. Архив ИИМК РАН, ф.35, оп.2, д.444.

ЯНИН, В.Л. 1956. Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 55. Москва.

1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. 1–2. Москва.

NEW SPHRAGISTIC FINDS FROM OLD LADOGA

Summary

During the 1992–93 excavations on the Zemlyanoye (Earthen) site in Old Ladoga, conducted by the Institute of History of the Material Culture, two examples of medieval Russian sphragistic art were found, a stamp dating from the pre-Mongolian times (I), and a 14th century seal (It).

The stamp bears representations of the Cross and of some saint (St. Theodor type). Stamps imprinted in similar moulds have been found in Novgorod, Pskov, and Dubna, Moscow region. Because one of the Novgorod specimens comes from layer 19 of Nerev excavation area, this type may not be later than the 1130s.

No less than 130 stamps representing the Cross and a saint have been found in Russia. According to purely sphragistic criteria, they correspond to seals which belonged to princes, the sovereign temporal rulers of Russia. However, unlike the stamps, seals showing the Cross and a saint are rare in pre-Mongolian Russia (no more than thirty are known). So the functions of the seals and the stamps were different, despite the similarity of their design: while the former were used for the endorsement of documents, the latter were possibly related to the monetary activities of the grand-ducal government.

The obverse of the seal bears the sign of Cross encircled by the inscription "(Archbishop) Alexey's". On the reverse, there is an inscription of five lines, reconstructed as "Seal of the Archbishop of Old Ladoga". No imprints of this pair of moulds have been found so far. However, seals of other archbishops of Ladoga are known, one being that of Archbishop David (1309–25), another issued during Archbishop Moses's first prelateship (1326–30). The seal published here was made during the reign of Archbishop Alexiy (1360–88) and is apparently the latest of the seals issued by the archbishops of Ladoga and carrying the name and the title of the Archbishop of Novgorod.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МУСТЬЕРСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В.А. Алёкшин*

После 1983 года в Палестине не найдены мустьерские погребения. Однако некоторые археологические работы конца 80-х – начала 90-х годов содержат новую информацию о ранее открытых захоронениях, которая позволяет уточнить их датировки и дополнить наши представления о погребальных обрядах среднего палеолита.

Прежде всего следует обратить внимание на сообщение О.Бар-Йозефа о находке останков двух младенцев в гроте Кебара (Bar-Yosef 1988:13). Опубликованный в 1977 году отчет о раскопках этой стоянки, который стал мне доступен только в 1994 году, упоминает лишь об одном скелете ребенка 7–8 месяцев (Schick Stekelis 1977:103,105). От костяка сохранились череп, почти все длинные кости правой ноги, правая плечевая кость, левая ключица, ребра и позвонки. Останки младенца обнаружены на глубине 6,88–6,90 м от репера, в неглубокой ямке, поверх которой лежали три камня. Исходя из хорошей сохранности скелета, наличия могильной ямы и ее перекрытия, исследователи, о моей точки зрения вполне оправданно, пришли к выводу о намеренном захоронении ребенка (Stekelis 1977:702; Smith Arensburg 1977:164–166; Смирнов 1991:185–189, 321–322). Впрочем судя по количеству найденных костей точнее было бы говорить о погребении отдельных частей расчлененного трупа ребенка.

Рядом с останками младенца найдены каменные изделия и зуб носорога. Они попали в могилу из культурного слоя и их нельзя рассматривать, вопреки мнению Ю.А. Смирнова (Смирнов 1991:221), в качестве погребального инвентаря. Могила располагалась на участке стоянки, насыщенном золой и кухонными отбросами (Bar-Yosef 1988:13), поэтому нет ничего необычного в том, что рядом с местом погребения было обнаружено кострище. Ю.А. Смирнов полагает, что этот очаг был связан с захоронением (Смирнов 1991:222), но не приводит аргументов в пользу своей точки зрения.

Согласно О.Бар-Йозефу второй младенец был похоронен недалеко от первого, в тех же мусорных отложениях (Bar-Yosef 1988:13). Информация о втором детском погребении в Кебаре включена в монографию Ю.А.Смирнова (Смирнов 1991:186,321). Однако необходимо указать, что в обобщающих работах, посвященных мустьерским захоронениям Палестины, нет упоминаний о второй детской могиле в Кебаре (Tillier et al 1988; 1991). Подробный отчет о раскопках в Кебаре, опубликованный в 1992 году, так же не содержит данных на этот счет (Bar-Yosef et al 1992). Вопрос о наличии еще одного детского захоронения в Кебаре пока остается открытым.

Остро дискуссионной является проблема хронологии погребений среднего палеолита Палестины. Анализ фауны мустьерских горизонтов Кафзеха, в том числе и тех, в которых были найдены останки людей (XVII, XXII) показал, что она сходна с фаунистическими комплексами слоев E и F Табуна (Bar-Yosef 1988a:33; Tchernov 1988:150,161, 165). Это заключение позволило сделать вывод о более ранней дате среднего палеолита Кафзеха, чем предполагалось ранее. Очевидно мустьерские комплексы Кафзеха синхронны хьятусу между слоями D и E Табуна (Tchernov 1988:165). Отложения слоя D датируются в интервале 85–60 тыс.лет В.Р. (Farrand 1979:374; Jelinek 1981:268). Следовательно по-

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

гребения Кафзеха должны быть древнее 85000 лет В.Р. Слой Табун Е датирован методом аминокислотной рацемизации в интервале 90–87 тыс. лет В.Р. (Masters 1982:49). Этот метод имеет тенденцию омолаживать археологические комплексы. Полученные с его помощью даты мустьерских горизонтов Кафзеха оказались позднее дат верхнепалеолитических отложений (Masters 1982:49,53). Очевидно финальные горизонты слоя Табун Е датируются более ранним временем в интервале 100–90 тыс. лет В.Р., но некоторые исследователи предлагают и более ранние даты: 120–100 тыс.лет В.Р. (Tchernov 1988: 165).

Термолюминисцентные даты слоев Кафзеха, в которых были обнаружены погребения, укладываются в интервал 97–87 тыс. лет В.Р. (Valladas et al 1988). Следовательно кафзехские захоронения можно было бы поместить в интервал 100–85 тыс.лет В.Р.

Метод электронно-парамагнитного резонанса (датирование по эмали зубов) еще более удревает могилы Кафзеха (130–83 тыс.лет В.Р.) (Meignen et al 1989:331). Однако сходство кремневых индустрий Кафзеха и Табуна D видимо исключает большой временной разрыв между ними. Скорее всего погребения Кафзеха лежат в интервале между 90 тыс. и 85 тыс. лет В.Р.

Исследователи дают неоднозначную оценку современным методам датирования мустьерских захоронений. Одни археологи принимают базирующиеся на этих методах новые системы абсолютных дат, которые существенно удревают ближневосточные стоянки с погребениями (Copeland 1992:144). Другие указывают на несовершенство этих методов, которые определяют дату артефактов из слоя (кремни, зубы, кости), но не способны датировать останки людей (Hole 1992:536; Whallen 1992:542). Третьи, считая, что новые методы, находящиеся на стадии становления, дают ошибочные датировки, вообще отрицают полученные с их помощью результаты (Clark Lindly 1988; 1989:965, 977). Пример Кафзеха однако показывает, что наиболее точные даты дает термолюминисцентный метод, тогда как метод аминокислотной рацемизации омолаживает мустьерские комплексы, а метод электронно-парамагнитного резонанса их удревает.

Сделанное наблюдение не позволяет абсолютизировать даты слоя Схул В, полученные как методом электронно-парамагнитного резонанса (113–66 тыс.лет В.Р.) (Stringer et al 1989), так и методом аминокислотной рацемизации (55–35 тыс.лет В.Р.) (Masters 1982:49). Следует также отметить, что электронно-парамагнитные даты получены после исследования двух зубов дикого быка, точное положение которых в слое В не зафиксировано (Stringer et al 1989). Тем не менее обе хронологические схемы указывают на значительную протяженность во времени слоя Схул В, подтверждая гипотезу о его длительном накоплении (Ronon 1976:33–34). В пользу точки зрения А.Ронена свидетельствует стратиграфия погребений Схула: могилы I, II, IV, V залегают на глубине от 2 до 2,4 м от репера, могилы III, VI–IX – на глубине от 2,5 до 3,75 м (McCown 1937). Очевидно, что две группы захоронений Схула разделены значительным промежутком времени.

Широкий хронологический диапазон, в течение которого откладывался слой Схул В, исключает возможность его полной синхронизации со споем Табун С (Bar-Yosef 1988a:33), так как последний датирован методом аминокислотной рацемизации в узком интервале 53–51 тыс. лет В.Р. (Masters 1982:49). Учитывая эффект омолаживания датировок, полученным этим методом, слой Табун С можно поместить в интервал 59/58–50 тыс. лет В.Р., что не противоречит датам этого слоя, недавно предложенным О.Бар-Йозефом, П.Гольденбергом и Е.Черновым (Bar-Yosef Goldenberg 1988:16; Tchernov 1988:165).

Кремневые индустрии также указывают на сосуществование только ранних отложений горизонта Схул В и слоя Табун С (Garrod 1962: 244–246; Jelinek 1981 ; 1982). Ранняя стратиграфическая группа схульских погребений (III, VI–IX) очевидно одновременна слою Табун С (Алексин 1993:4) и датируется тем же временем 59/58–50 тыс.лет В.Р.

Поздние захоронения Схула (I, II, IV, V) вероятно укладываются в интервал 50–45 тыс. лет В.Р.

В настоящее время исследователи сближают индустрию Амуда с индустрией слоя Табун D (Ohnuma Akazawa 1988). Поскольку дата последнего лежит в интервале 85–60 тыс. лет В.Р., погребение в Амуде не может быть моложе 60 тыс. лет В.Р.

Захоронение мужчины в Кебаре (слой XII) датировано термолюминисцентным методом в интервале 62–56 тыс. лет В.Р. (Valladas et al 1987:159–160; Vandermeersch Bar-Yosef 1988:116; Bar-Yosef et al 1992:505,527). Скелет ребенка, о котором говорилось вы-

ше, найден в слое X, имеющем термолюминисцентную дату: 65–58 тыс. лет В.Р. (Bar-Yosef et al 1992:502,505). Таким образом оба захоронения Кебары практически одновременны.

Итак, погребения среднего палеолита Палестины располагаются в следующей хронологической последовательности: Кафзех XVII (L), XXII (90–85 тыс. лет В.Р.); Кебара X, XII, Амуд (?) (около 60 тыс. лет В.Р.); Табун С, ранний Схул В (59/58–50 тыс. лет В.Р.); поздний Схул В (50–45 тыс. лет В.Р.).

В нескольких работах имеется новая информация о погребальных ритуалах мустьерского населения Леванта. В могиле мужчины (Кебара XII) нет черепа, правой ноги, голени и ступни левой ноги. Остальные части скелета, включая кости грудной клетки, не повреждены и сохранили анатомический порядок. Последнее обстоятельство привело к появлению двух взаимоисключающих объяснений. Согласно одному из них сохранность грудной клетки и анатомический порядок всех найденных частей скелета обусловлены узостью могилы, плотно засыпанной грунтом, который предохранил скелет от разрушения и воспрепятствовал смещению его отдельных костей (Tillier et al 1988:132; Tillier 1990:23; Tillier et al 1991:92; Dudaу et al 1990:39; Bar-Yosef et al 1992:528). По другой версии тело умершего было помещено в узкую, не засыпанную грунтом могилу, которая была перекрыта сверху сучьями, шкурой или рогами, предохраняя тем самым скелет от разрушения (Bar-Yosef et al 1988:20; Tillier et al 1991:92);

Все исследователи считают, что могильная яма, в которую умершего поместили еще до наступления трупного окоченения, была вскрыта спустя какое-то время после похорон. Из нее извлекли голову или череп покойника, не нарушив естественного положения его останков, в том числе и нижней челюсти, которая осталась лежать в могиле (Bar-Yosef et al 1988). Произвести эксгумацию могилы не повредив труп, можно было бы только в том случае, если бы она, имея надежное, легко снимающееся перекрытие (например, шкура, слегка присыпанная землей), не была еще заполнена грунтом. В условиях жаркого климата Ближнего Востока разложение мягких тканей идет довольно быстро и расчленение трупа в этом случае могло быть проведено без использования кремневых орудий. С моей точки зрения одновременно с изъятием головы из могилы были извлечены и почти все кости ног.

Таким образом погребение в Кебаре свидетельствует о том, что кроме расчленения неразложившихся трупов о помощью кремневых орудий, оставляющих на костях покойников соответствующие следы (Le Mort 1988; 1989; Ullrich 1986), в мустье существовал и другой способ посмертных манипуляций с усопшими, который не оставлял следов на костях мертвецов. В этом случае расчленение покойника имело место после разрушения в могиле связок и мягких тканей тела. Судя по большому количеству погребений с некомплектными скелетами (Алексин 1993; 1993а), на костях которых нет следов орудий, второй способ обращения о телами умерших был широко распространен в среднем палеолите.

После извлечения черепа и ног мужчины из могилы (Кебара) его останки полностью засыпали землей, которая сумела сдерживать давление постепенно накопившихся над погребением отложений, и предохранила оставшиеся в могиле кости от разрушения.

В моей статье о мустьерских погребениях юго-западной Азии я писал, что левая рука скелета Кафзех 10 (ребенок) была согнута неестественным образом и подвернута под голову (Алексин 1993:6). После того, как мне стала доступна публикация А-М.Тилье выяснилось, что левая рука ребенка согнута в локте таким образом, что кости предплечья лежат на плечевой кости, а кисть находится с левой стороны от черепа (Tillier 1985:43). Такое расположение руки умершего встречено и в других мустьерских погребениях Леванта: Схул V, Кафзех 11 (Алексин 1993:5).

Информация Б.Вандермерша о наличии красной краски в могилах 8 и 11 Кафзеха (Алексин 1993:5–6) оказалась ошибочной. Недавно установлено, что комочки красной краски, обнаруженные в этих могилах, а также скорлупа яйца страуса из могилы 11 попали туда из культурного слоя, где они встречаются в изобилии (Tillier et al 1988: 133). Таким образом в мустьерских захоронениях Ближнего Востока нет красной краски.

Во время подготовки к печати моей статьи о среднепалеолитических погребениях юго-западной Азии (Алексин 1993) мне оказалась недоступной монография Т.Мак Кауна и А.Кейса (McCown Keith 1939), хранящаяся в фондах Библиотеки Академии наук, доступ в которые был временно закрыт после пожара 1988 года. В связи с этим в публикации

оказались две неточности. Во-первых, в раннем Схуле обнаружено не 5, а 4 некомплектных скелета (III, VI, VIII, IX) Во-вторых, в погребении VIII найдены не только кости ног (Алекшин 1993:7), но и фрагмент тазовой кости.

Все вышеизложенное не меняет моей точки зрения на семантику мустьерских погребальных обрядов, принципиально отличающуюся от семантики похоронных ритуалов более поздних археологических эпох (Алекшин 1993; 1993а). В среднем палеолите доминировали погребения неполных трупов, независимо от того как быстро после смерти человека происходило расчленение его тела. Эти обряды аналогичны широко распространенным в традиционных обществах охотников и рыбаков ритуальным захоронениям костей, черепов, шкур, требухи и чешуи, оставшихся после поедания промысловых зверей, птиц и рыб, которых таким способом старались вернуть к жизни молодыми и сильными (Hallowell 1926:10-12). Эти ритуалы очень архаичны и, как показывают открытия последних лет, уже существовали в мустьерское время. Останки ритуального погребения расчлененной туши лани найдены Р.Солецким в ливанской пещере Нахр Ибрагим, в слоях, датирующихся более 50 тыс. лет В.Р. (Solecki 1975; 1982). Во французском гроте Регурду (75–70 тыс. лет В.Р.) обнаружены расчлененные захоронения преимущественно молодых медведей (Bonifay 1989). Символические охотничьи обряды, возвращая убитых животных к жизни, восстанавливали нарушенное их смертью природное равновесие.

Расчлененные захоронения людей эпохи среднего палеолита указывают на то, что мустьерские охотники пытались вернуть к жизни человека тем же способом, что и убитого зверя. Возрождение человека, которое вероятно мыслилось в новой телесной оболочке, также должно было восстанавливать нарушенное его смертью равновесие в обществе.

Погребальный обряд возник как магическое средство защиты среднепалеолитических охотников от вымирания. Следовательно погребальный обряд был необходимым элементом культуры человека, с помощью которого он старался противостоять смерти и тем самым сохранить стабильность внутри охотничьего коллектива. С моей точки зрения, интерпретация мустьерских захоронений, как чисто эмоциональной реакции на смерть, мало чем отличающейся от реакции шимпанзе (Dibble Chase 1993), является заблуждением. Вместе с тем вся совокупность археологических фактов (отсутствие в могилах среднего палеолита погребальной пищи, инвентаря, красной краски) свидетельствует о том, что у людей эпохи мустье не было сложившихся представлений о потустороннем мире.

АЛЕКШИН, В.А. 1993. Мустьерские погребения Передней и Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии Российской Академии Наук 209: 3-9.

1993а. Особенности погребального обряда эпохи мустье (по материалам захоронений Крыма) // Археологические вести 2: 157–168. Санкт-Петербург.

СМИРНОВ, Ю.А. 1991. Мустьерские погребения Евразии. Москва: Наука.

BAR-YOSEF, O. 1988. Evidence for Middle Palaeolithic Symbolic Behaviour: A Cautionary Note // L'homme de Neandertal. Actes du Colloque International de Liège (4-7 décembre 1986) v.5. La Pensée. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 32: 11-16. Liège.

1988а. The Date of South-West Asian Neandertals // L'homme de Neandertal. Actes du Colloque International de Liège (4-7 décembre 1986) v.3. L'Anatomie. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège. 30: 31-38. Liège.

BAR-YOSEF, O., P.GOLDENBERG. 1988. An outline of the Chronology of the Middle Palaeolithic in the Levant // L'homme de Neandertal. Actes du Colloque International de Liège (4-7 décembre 1986) v.2. L'Environnement. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 29: 13-20. Liège.

BAR-YOSEF, O., H.LAVILLE, L.MEIGNEN, A.M.TILLIER, B.VANDERMEERSCH, B.ARENSBURG, A.BELFER-COHEN, P.GOLDENBERG, Y.RAK, E.TCHERNOV. 1988. La Sépulture Neandertalienne de Kebara // L'homme de Neandertal Actes du Colloque International de Liège (4-7 décembre 1986) v.5. La Pensée. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 32: 17-24. Liège.

BAR-YOSEF, O., B.VANDERMEERSCH, E.ARENSBURG, A.BELFER-COHEN, P.GOLDENBERG, H.LAVILLE, L.MEIGNEN, Y.RAK, J.D.SPETH, E.TCHERNOV, A.M.TILLIER, S.WEINER. 1992. The Excavations in Kebara Cave, Mt.Carmel // Current Anthropology 33(5): 497-534,

- BONIFAY, M.F. 1989. Analyse Taphonomique des Ursides de la Grotte Sepulcrale Neandertalienne du Regourdou (Dordogne) - France // L'homme de Neandertal. Actes du Colloque International de Liège (4-7 décembre 1986). v.6. La Subsistence. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 33: 45-47. Liège.
- CLARK, G.A., J.M.LINDLY. 1988. The Biocultural Transition and the Origin of Modern Humans in the Levant and Western Asia // *Paleorient* 14(2): 159-167
1989. Modern Humans Origins in the Levant and Western Asia: The Fossil and Archaeological Evidence // *American Anthropologist* 41(4): 962-985
- COPELAND, V.L. 1992. Report on The Royal Society Discussion Meeting, Feb.1992; The Origin of Modern Humans and the Impact of Science-Based Dating // *Paleorient* 18(1): 142-145.
- DIBBLE, H.L., PH.G.CHASE. 1993. On Mousterian and Natufian Burials in The Levant // *Current Anthropology* 34(2): 170-172
- DUDAY, H., P.COURTAUD, E.CRUBEZY, P.SELLIER, A.M.TILLIER. 1990. L'Anthropologie "de Terrain": Reconnaissance et Interpretation des Gestes Funeraires // *Bulletins et Memoires de la Sociéte d'Anthropologie de Paris* (n.s.) 2(3-4): 29-49.
- FARRAND, W.R. 1979. Chronology and Palaeoenvironment of Levantine Prehistoric Sites as Seen from Sediment Studies // *Journal of Archaeological Science* 6(4): 369-392.
- GARROD, D. 1962. The Middle Palaeolithic of The Near East and The Problem of Mount Carmel Man // *The Journal of The Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 92(2): 232-251.
- HALLOWELL, A.I. 1926. Bear Ceremonialism in The Northern Hemisphere // *American Anthropologist* 28(1): 1-175.
- HOLE, F. 1992. Comment to Bar-Yosef, O. et al 1992 The Excavations in Kebara Cave, Mt .Carmel // *Current Anthropology* 33(5): 536-538.
- JELINEK, A.J. 1981. The Middle Paleolithic in The Southern Levant from Perspective of The Tabun Cave // Sanlaville, P., J.Cauvin (eds) *Prehistoire du Levant . Chronologie et Organisation de l' Espace Depuis Les Origines Jusqu'au VI Millinaire*. Colloque International du Centre National de la Recherche Scientifique N 598: 255-280. Paris
1982. The Middle Palaeolithic in The Southern Levant with Comments on The Appearance of Modern Homo Sapiens // Ronen, A. (ed) . *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and The Origin of Modern Man / British Archaeological Reports. International Series 151: 57-101*. Oxford.
- LE MORT, F. 1988. Cannibalisme ou Rite Funeraire? // *Dossiers Histoire et Archeologie* 124: 46-49.
1989. Traces de Decharnement sur Les Ossements Neandertaliens de Combe-Grenal (Dordogne) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 86(3): 79-87.
- MASTERS, P.M. 1982. An Amino Acid Racemization Chronology for Tabun // Ronen, A. (ed) . *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man / British Archaeological Reports. International Series 151: 43-54*. Oxford.
- MCCOWN, T.D. 1937. Mugharet es Skhul. Description and Excavation // Garrod, D., A.,E., M.A.Bate. *The Stone Age of Mount Carmel I: 91-108*. Oxford. At The Clarendon Press: Oxford University Press.
- MCCOWN, T.D. , A.KEITH. 1939. The Stone Age of Mount Carmel. The Fossil Human Remains from The Levallois-Mousterian II. Oxford. At The Clarendon Press: Oxford University Press.
- MEIGNEN, L., M.VALLADAS, E.TCHERNOV, B.VANDERMEERSCH, O.BAR-YOSEF , A-M.TILLIER, B.ARENSBURG, A.BELFER-COHEN, P.GOLDENBERG, H.LAVILLIE, Y.RAK. 1989. Datations Relatives, Datations Absolutes: Les Populations du Paleolitique Moyen au Proche - Orient // *Bulletin de la Societe Prehistorique Française* 86(10-12): 328-333.
- OHNUMA, K., T.AKAZAWA. 1988. Reexamination of The Lithic Artifacts from Layer B (Square 8-18) of The Amud Cave, Israel // *Paleorient* 14(2): 137-144.
- RONEN, A. 1976. The Skhul Burials: An Archaeological Review. *Union Internationale des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. IX-e Congres. Colloque XII. Les Sépultures Neander- taliennes*. Pretirage. Direction B. Vandermeersch. 13-18 Septembre: 27-40. Nice.
- SCHICK, T., M.STEKELIS. 1977. Mousterian Assemblages in Kebara cave. Mount Carmel // *Eretz Israel* 13: 97-149.
- SMITH, P., B.ARENSBURG. 1977. A Mousterian Skeleton from Kebara Cave // *Eretz Israel* 13:164-176.

- SOLECKI, R.S. 1975. The Middle Palaeolithic Site of Nahr Ibrahim (Asfourieh Cave) in Lebanon // Wendorf, F., A.E.Marks (eds) . Problems in Prehistory: North America and The Levant: 233-295. Dallas: Southern Methodist University Press.
1982. A Ritual Middle Palaeolithic Deer Burial at Nahr Ibrahim Cave, Lebanon // Saidah, R. (ed) . Archéologie au Levant: 47-56. Lyon.
- STEKELIS, M. 1977. Kebara Cave // Avi-Yonah, M., E.Stern (eds) . Encyclopedia of Archaeological Excavations in The Holy Land III: 699-702. Oxford: Oxford University Press.
- STRINGER, C.B., R.GRUN, H.P.SCHWARCZ, P.GOLDENBERG. 1989. ESR Dates for The Hominid Burial Site of Es Skhul in Israel // Nature 338 (27 April): 756-758.
- TCHERNOV, E. 1988. Biochronology of The Middle Palaeolithic and Dispersal Events of Hominids in The Levant // L'homme de Neandertal. Actes du Colloque International de Liège (4-7 décembre 1986) v.2. L'Environnement. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège. 29: 153-168. Liège.
- TILLIER, A.M. 1985. Les Enfants fossiles de Proche-Orient // Dossiers Histoire et Archeologie 100: 43.
1990. Une Controverse Dépassée: L'Existence de Pratiques Funéraires au Paléolithique Moyen // Les Nouvelles de L'Archeologie. Dossier: La Paleo-Anthropologie Funéraire 40: 22-24.
- TILLIER, A.M., B.ARENSBURG, Y.RAK, B.VANDERMEERSCH. 1988. Les Sépultures Néanderthaliennes du Proche-Orient . Etat de La Question // Paleorient 14(2): 130-136.
- TILLIER, A.M., B.ARENSBURG, B.VANDERMEERSCH, Y.RAK. 1991// L'Apport de Kebara a La Paléolithologie Funéraire des Néanderthaliens du Proche-Orient // Le Squelette Moustérien de Kebara 2. Cahiers de Paleoanthropologie: 89-95. Paris: Editions du Centre National de La Recherche Scientifique.
- ULLRICH, M. 1988. Manipulation on Human Corpses, Mortuary Practice and Burial in Palaeolithic Times // Fossil Man-new Facts-new Ideas. Anthropos 23: 227-236. Brno.
- VALLADAS, H., J.L.JORON, B.VALLADAS, B.ARENSBURG, O.BAR-YOSEF, A.BELFER-COHEN, P.GOLDENBERG, H.LAVILLE, L.MEIGNEN, Y.RAK, E.TCHERNOV, A.M.TILLIER, B.VANDERMEERSCH. 1987. Thermoluminescence Dates for The Neanderthal Burial Site at Kebara in Israel // Nature 330 (6144): 159-160.
- VALLADAS, H., J.L.REYSS, J.L.JORON, G.VALLADAS, O.BAR-YOSEF , B.VANDERMEERSCH. 1988. Thermoluminescence Dating of Mousterian - Proto Cro-Magnon Remains from Israel and The Origin of Modern Man // Nature 331 (6157): 614-616.
- VANDERMEERSCH. B., O.BAR-YOSEF. 1988. Evolution Biologique et Culturelle des Populations du Levant au Paléolithique Moyen. Les Données Récentes de Kebara et Qafzeh // Paleorient 14(2): 115-117.
- WHALLEN, N.M. 1992. Comment to Bar-Yosef , O. et al 1992. The Excavations in Kebara Cave, Mt.Carmel // Current Anthropology 33(5): 542-543.

NEW EVIDENCE ON THE NEAR EASTERN MOUSTERIAN BURIALS

Summary

No Mousterian burials have been found in the Palestine after 1983. However, certain archaeological papers published in the late 80s and early 90s contain new information concerning the previously discovered burials. Some of these data help to specify the chronology, while others contribute to our understanding of the Middle Palaeolithic burial rite.

The first one to be discussed is O.Bar-Yosef's note on the discovery of two infantile skeletons in the Kebara shelter (Bar-Yosef 1988). The reports published in 1977 mention just one skeleton of a seven or eight-months-old child (Schick, Stekelis 1977; Smith, Arensburg 1977). Because the skeleton was well preserved, and both the burial pit and its covering were present, the scholars arrived at a justified conclusion that the burial was intentional (Stekelis

1977; Smith, Arensburg 1977; Smirnov 1991). However, given the number of bones found, it would be more accurate to assume that separate parts of a dismembered body were buried.

The grave was located in a area rich in ashes and kitchen waste (Bar-Yosef 1988). For that reason, stone tools, a rhinoceros's tooth, and a hearth unearthed near the skeleton should not be associated with the burial, contrary to a view expressed by Smirnov (1991).

According to Bar-Yosef (1988), the second infant was buried not far from the first one. The information on the second burial is included in a monograph by Smirnov (1991). However, in summarizing studies dealing with Mousterian burials of the Levant (Tillier e.a. 1988; 1991), the second Kebara infant is not mentioned. A recently published detailed report of the excavations in Kebara (Bar-Yosef e.a. 1992), also contains no data on that point, so the issue is still open to debate.

The chronology of the Middle Palaeolithic burials in Levant is a very contentious matter. The analysis of the Qafzeh Mousterian fauna indicates that it is similar to the fauna of layers E and F in Tabun (Bar-Yosef 1988a; Tchernov 1988). So the Middle Palaeolithic strata of Qafzeh are evidently earlier than they were believed to be several years ago, and may be contemporary with a hiatus between Tabun D and F (Tchernov 1988). Tabun D has been safely dated at 85 000-60 000 BP (Farrand 1979; Jelinek 1981). Apparently the Qafzeh burials must be older than 85 000 BP. Tabun E has been dated at 90 000-87 000 BP by the amino acid racemization method (Masters 1982). This technique tends to underestimate the absolute age. Thus it resulted in a conclusion that the Mousterian layers in Qafzeh were younger than the Upper Palaeolithic layers (Masters 1982). Evidently, the upper strata of Tabun E are earlier (100 000-90 000 BP?).

Thermoluminescence dates of layers containing burials in Qafzeh fall within the interval of 97 000 to 87 000 BP (Valladas e.a. 1988). Consequently, the Qafzeh burials could be dated at 100 000-85 000 BP.

The electron-spin-resonance (ESR) method makes the Qafzeh graves even older: 130000-83000 BP (Meignen e.a. 1989). However, the resemblance between the flint tool assemblages of Qafzeh and Tabun D precludes a large time gap between them. Most likely, the date of Qafzeh burials is somewhere between 90 000 and 85 000 BP.

Various scholars are far from being unanimous in their assessment of modern dating techniques as applied to Mousterian burials. Some of them accept these dates, which make the sites with burials considerably earlier than previously believed (Copeland, 1992). Others point to the inaccuracy of these methods, which can estimate the dates of the artefacts but not of the human remains (Hole 1992; Whallen 1992). The third ones maintain that new methods yield erroneous dates which should not be taken into account at all (Clark, Lindly 1988; 1989).

However, the case of Qafzeh demonstrates that the most reliable dates are obtained with the thermoluminescence method. The amino acid racemization method makes the Mousterian sites younger than they actually are, while the ESR method makes them older.

These facts indicate that the dates of Skhul B, obtained by means of both the ESR method (113 000-66 000 BP, see Stringer e.a. 1989) and the amino acid racemization technique (55 000-35 000 BP, see Masters 1982) should be viewed with caution. Nevertheless both chronological schemes imply that the time range of Skhul B was considerable, in keeping with A.Ronen's view (Ronen 1976). This view is also upheld by the stratigraphy of Skhul burials: while graves I, II, IV, and V are situated at the depth of 2 to 2.4 metres from the bench mark, the depth of graves III, VI-IX is 2,5 to 3,75 metres (McCown, 1937). Apparently, the two groups of burials are separated by a large time gap.

Contrary to the opinion expressed by Bar-Yosef (1988a), the considerable temporal extension of the layer Skhul B excludes the possibility of its being completely synchronous with Tabun C, since the latter falls within a narrow range of 53 000-51 000 BP according to amino acid racemization (Masters 1982). Given the systematic reduction of age introduced by this method, Tabun C can be placed in the interval between 59/58 000 and 50,000 BP, which does not contradict the dates recently suggested for this layer (Bar-Yosef, Goldenberg 1988; Tchernov 1988).

The stone industry also indicates that only the early portions of Skhul B and Tabun C are contemporaneous (Garrod 1962; Jelinek 1981; 1982). The earlier stratigraphic group of

Skhul burials (III, VI-IX) is apparently contemporary with Tabun C (Alekschin 1993). The most likely date of the later burials (Skhul I, II, IV, V) is 50 000-45 000 BP.

The stone industry of Amud is similar to that of Tabun D (Ohnuma, Akazawa 1988). Because the date of the latter is 85 000-60 000 BP, the Amud burial cannot be later than 60 000 BP.

The burial of an adult male in Kebara layer XII (62 000-56 000 BP, see Valladas e.a., 1987; Vandermeersch, Bar-Yosef 1988; Bar-Yosef e.a. 1992) and that of a child in layer X (65 000-58 000 BP, see Bar-Yosef e.a. 1992) are virtually contemporaneous.

The male skeleton Kebara XII lacks the cranium, right femur, all ankle and feet bones. All other bones, including those of the chest, are intact and were found in anatomical order (Tillier e.a. 1988; Bar-Yosef e.a. 1988; Tillier 1990; Tillier e.a. 1991; Duday e.a. 1990; Bar-Yosef e.a. 1992).

All researchers believe that the burial pit was uncovered sometime after the funeral. The head or the skull were extracted without disturbing the anatomical order of the other skeletal parts, including the mandible, which remained in the grave. To excavate the grave without disturbing the corpse would be possible only provided that the pit had a safe and easily removable cover (like a skin), with a small amount of earth above but none yet inside. In the hot climate, the dissociation of soft tissues proceeds rapidly, and the corpse in this case could be dismembered without the use of stone tools. At the same time, almost all the bones of legs and feet were apparently also taken out of the grave. After that the pit was filled up with earth, which prevented the skeleton from being destructed by the pressure of the sediments accumulating above it.

The Kebara burial demonstrates that besides dismembering corpses with stone tools which left scratches on the bones (Le Mort 1988, 1989; Ullrich 1986), the Mousterians used another way of handling their dead, one which left no traces. In the latter case, the body could be dismembered after the ligaments and other soft tissues had dissociated. Given the large number of burials with parts of skeletons missing (Alekschin 1993, 1993a), and no traces being left on the remaining bones, the second method was widely used in the Middle Palaeolithic.

Vandermeersch's mention of red ochre allegedly present in graves 8 and 11 of Qafzeh (Alekschin 1993) turned out to be inaccurate. It has recently been established that small clods of red paint found in these graves, as well as a fragment of an ostrich's egg shell from grave 11, got there from the cultural layer, where they are abundant (Tillier e.a. 1988). So to the best of our knowledge, the Levantine Mousterians did not put red paint in the graves.

All the above does not affect my earlier view concerning the semantics of the Mousterian funeral rites (Alekschin 1993, 1993a). Most of the Middle Palaeolithic burials are incomplete, no matter how soon after the funeral the bodies were dismembered. These rites are similar to those widely practiced in the traditional hunting and gathering societies, where separate bones, skulls, skins, entrails, or scales left over after the meat of mammals, birds or fish had been eaten were buried to revivify the animals (Hallowell 1926). Such rites are quite archaic and were apparently practiced by the Mousterians as well. The ritual burial of a dismembered carcass of a doe has been found in Nahr Ibrahim cave, Lebanon (Solecki 1975; 1982). In Regourdou shelter, France, dismembered remains of bears, mostly young ones, have been discovered (Bonifay 1989). Symbolic animal revival rites attempted to restore the natural balance which had been disturbed by the kill.

Dismembered remains of people of the Middle Palaeolithic indicate that the Mousterian hunters tried to turn the dead people back to life by the same means which they used to revivify the killed animals. The revival of man, perhaps in a new bodily disguise, should restore the social balance disrupted by death.

The funerary rite emerged as a magical means protecting the Middle Palaeolithic hunters from extinction. It was part and parcel of human culture, a way of opposing death and preserve the stability of a hunting community. The view of Mousterian burials as a purely emotional response to death, much the same as that shown by the chimpanzees (Dibble, Chase 1993), is erroneous. At the same time, all the totality of archaeological facts concerning these burials (lack of funerary food, burial offerings, or red paint) testifies to the virtual absence of ideas concerning the other world.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ

М.В. Аникович*

1. Хронология и периодизация. Взаимоотношения этих двух важнейших понятий исторического познания не так просты, как могут показаться на первый взгляд. Не вдаваясь в детали и тонкости этих взаимоотношений, отмечу лишь главное, предопределяющее неизбежность употребления обоих понятий. В хронологии исторические факты проецируются на внешнюю по отношению к ним временную шкалу, в идеале – на астрономическое время, увязанное с современным летоисчислением. Относительная хронология – установление временной последовательности ограниченной совокупности исторических фактов друг относительно друга, когда их наложение на внешнюю временную шкалу, с которой сопряжен основной массив исторических фактов, по тем или иным причинам невозможен или проблематичен. В периодизации на первый план выступает собственно историческое время, выражающее качественные различия исторического процесса в ходе его движения. Эти различия отражаются в "этапах", "стадиях", "ступенях" и т.п., выделяемых для тех или иных человеческих сообществ, либо для человечества в целом. В периодизации особенно ярко проявляется представление об исторической закономерности, в сущности, любая историческая периодизация есть итог развития, разработки таких представлений.

В археологической практике понятия "хронология" и "периодизация" зачастую смешиваются. Это происходит как из-за неточностей, допускаемых самими археологами, так и потому, что эти понятия не только качественно различны, но и взаимосвязанны. В самом деле, без хронологии невозможно и построение периодизации, ибо в этом случае нельзя доказать, что выделяемые качественные различия диахронны и выражают течение исторического процесса, а не синхронны, и не обусловлены иными причинами. И с другой стороны, хотя отнесение каких-либо явлений к одной "ступени" исторической периодизации не является гарантом их синхронности (это – "общее место" в методологии истории, выражающееся в тезисе о неравномерности исторического развития), данное обстоятельство нельзя абсолютизировать. Если бы между периодизационными этапами исторического процесса и его хронологией не существовало некоторого соответствия, конечно, не однозначного, не абсолютного, но прослеживаемого в общем и целом, в определенных отношениях, то и само построение периодизации было бы совершенно бессмысленным: что бы она в таком случае выражала, и чем бы проверялась? Вот почему археологу необходимо, с одной стороны, четко разграничивать понятия "хронология" и "периодизация", а с другой, прослеживать на практике реальные взаимосвязи и взаимоотношения между хронологическими и периодизационными построениями.

2. Хронология верхнего палеолита. Само положение верхнепалеолитических памятников в различных литологических горизонтах определяет основной принцип построения относительной хронологии этих памятников: через геологическую стратиграфию. Естественно, что при этом ведущую роль играют многослойные стоянки, в которых относительная хронология культурных слоев дана исследователю непосредственно. Такие стоянки выступают как опорные при разработке хронологических проблем: с ними увязываются близлежащие одиночные стоянки, и таким образом строится хронология верхнего палеолита региона. Они связываются между собой теми или иными способами на достаточно удаленных территориях, и на этой основе постепенно возникает хронология верхнего палеолита в целом. Вот почему хронология верхнего палеолита Франции, базирующаяся на многочисленных материалах многослойных пещерных стоянок, длительное время оставалась основой для хронологической интерпретации относительно немногих верхнепалеолитических памятников иных территорий Европы. Закономерно и то, что

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита

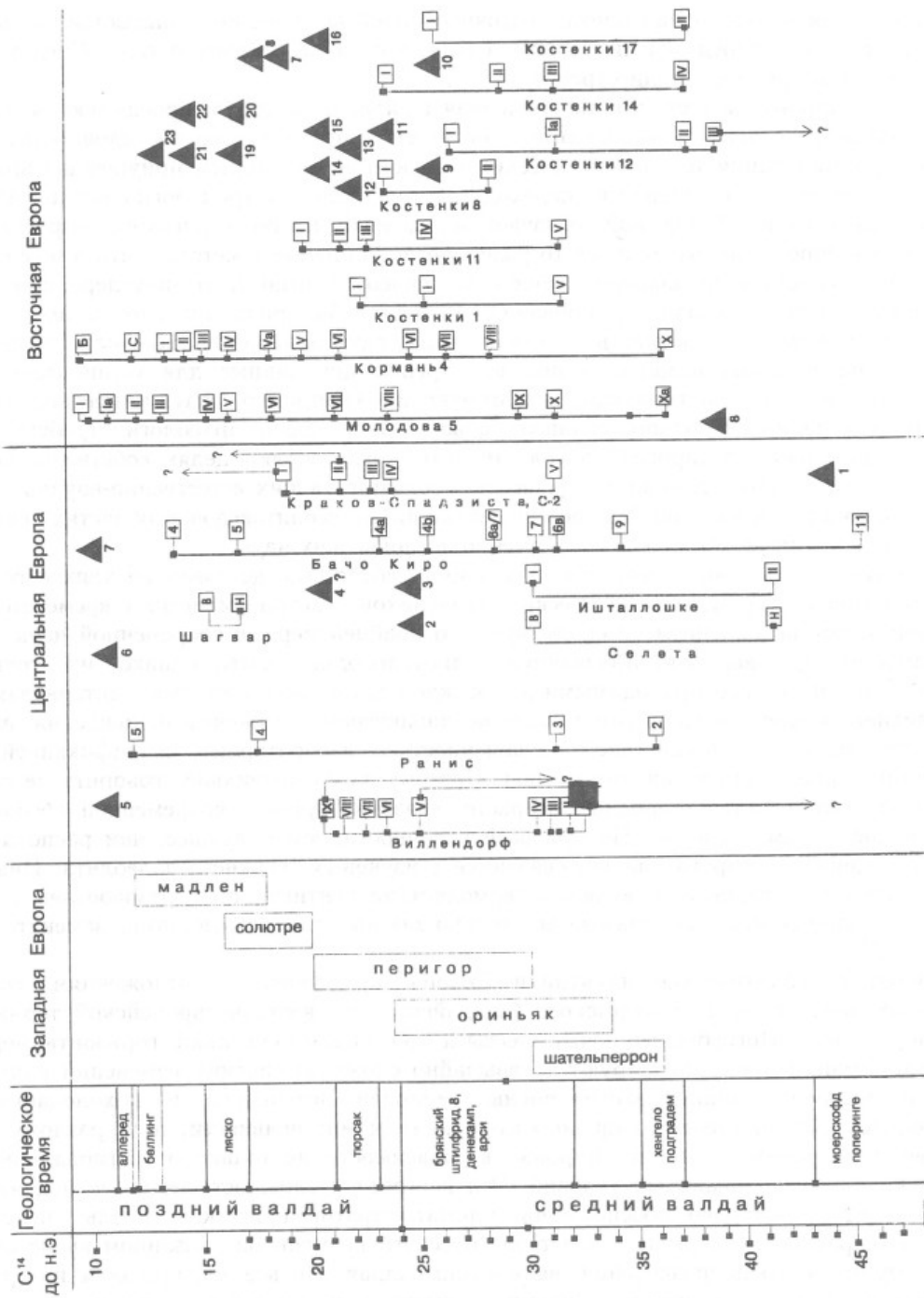

Рис.1 Хронология верхнего палеолита Западной Европы (по культурам), Центральной и Восточной Европы (по памятникам). 1–Богунитцы, 2–Павлов, 3–Дольни Вестоницы, 4–Балла, 5–Эйдхофен, 6–Бромме, 7–Свидер, 8–Королево 2, II-й слой; 9–Сунгирь, 10–Бызовая, 11–Хотылево 2, 12–Авдеево, 13–Радомышль, 14–Пушкари I, 15–Елисеевичи, 16–Сагайдак I, 17–Мураловка, 18–Золотовка, 19–Мезин, 20–Юдиново, 21–Межирич, 22–Тимоновка 1,2; 23–Добраничивка.

Fig.1 The chronology of the Upper Palaeolithic in Western Europe (according to the cultures) Central and Eastern Europe (according to the sites). 1–Bogunitsy; 2–Pavlov; 3–Dolni Vestonitsy; 4–Balla; 5–Aidhophen; 6–Bromme; 7–Swieder; 8–Korolievo 2, layer 2; 9–Radomyshl; 14–Pushkari 1; 15–Eliseevich; 16–Sagaidak 1; 17–Muralovka; 18–Zolotovka; 19–Mezin; 20–Yudinivo; 21–Mezhirich; 22–Timonovka 1,2; 23–Dobranchivka.

вся хронология верхнего палеолита Восточноевропейского региона опирается на данные двух главных зон сосредоточения многочисленных стоянок открытого типа: Средний Дон (с.Костенки) и Среднее Приднестровье.

Из сказанного следует, что та временная шкала, на которую проецируются верхнепалеолитические стоянки есть геологическое время, определяющее последовательность и условия формирования тех литологических горизонтов, к которым приурочены археологические материалы. В сущности, переход от относительной хронологии верхнепалеолитических стоянок к "абсолютной" означает определение их геологического возраста. При этом, естественно, используется все то разнообразие приемов и методов, что и в геологии, от анализов состава вмещающих пород до палеомагнитного, радиоуглеродного, термолюминисцентного методов датирования. Казалось бы, роль археологии здесь чисто пассивная. Но следует учитывать, что, во-первых, сами археологические материалы дают дополнительные очень важные, а подчас – решающие данные для установления геологического возраста включающих их отложений (например, фаунистический состав, образцы для радиоуглеродного анализа), а во-вторых, задачи археологии требуют более "тонких", детальных датировок, нежели те, что удовлетворяют целям собственно четвертичной геологии. Это стимулирует развитие соответствующих естественно-научных методов и приводит к известной "профессионализации" палеолитоведов в областях, казалось бы, очень далеких от комплекса общественно-исторических наук.

Следует иметь в виду, что способов точной, абсолютно достоверной увязки геологического возраста верхнепалеолитических памятников с астрономическим временем и современным летоисчислением не существует, по крайней мере, в современной науке. Сейчас наиболее достоверными признаются радиоуглеродные даты, однако, их "точность" определяется не только приводимыми для каждой даты доверительными интервалами, но и развитием, корректировкой самого метода, характером, условиями нахождения, взятия, хранения образцов, технической оснащённостью лабораторий, квалификацией специалистов, производящих анализ и проч. Поэтому здесь правильнее говорить не об "абсолютном", но о радиоуглеродном возрасте, связь которого с современной абсолютной хронологией весьма условна. Но при всей условности, это – лучшее, чем располагает в данном отношении мировая наука, связанная с изучением верхнего палеолита. Иные методы "точного" датирования, включая термолюминисцентный, пока разработаны гораздо слабее; их данные могут использоваться только как дополнительные, но не заменять собой даты по C^{14} .

Верхнепалеолитические памятники Европы приурочены к отложениям, соответствующим последним 2/3 вюрмского (валдайского по восточноевропейской терминологии) ледникового. Погребенные почвы, лессы и лессовидные суглинки, горизонты мерзлотных деформаций и т.п. фиксируют чрезвычайно сложную картину изменений климата и природной среды, многократные смены периодов потепления и похолодания, отличающиеся разной степенью продолжительности и интенсивности, и по-разному выраженные в различных областях Европы, в зависимости не только от региональных, но зачастую и от узколокальных условий. Эта пестрота и сложность очень затрудняют построение единой, твердо обоснованной климато-стратиграфической шкалы, интервалы которой выражают конкретный ход геологического времени на указанном выше отрезке более крупного его подразделения: вюрма или валдая. Но все же, при всех интерпретационных расхождениях, при всех спорных моментах, не говоря уж о терминологических разночтениях, по крайней мере, основы для построения такой шкалы уже заложены, и они представляются достаточно надежными. Сейчас можно считать общепризнанным подразделение вюрма (валдая) на три основных отрезка. Они интерпретируются и именуется по-разному, но в данном случае эту проблему можно опустить. В русскоязычной литературе эти подразделения, обычно, называются "ранний валдай", "средний валдай" и "поздний валдай". Верхнепалеолитические стоянки приурочены к средневалдайским и поздневалдайским отложениям, но ранней ступенью среднего валдая можно предположительно датировать лишь отдельные наиболее древние верхнепалеолитические памятники Центральной Европы. Более дробные подразделения, соответствующие периодам потеплений – похолоданий, лучше изучены и более четко синхронизируются в позднем валдае, хуже – в среднем валдае, особенно в его первой половине. Радиоуглеродные даты в целом способствуют корреляции таких подразделений, хотя подчас и усложняют

ситуацию. Таким образом, рассматривая вариант хронологии важнейших верхнепалеолитических памятников Европы, изображенный на рисунке I, нужно иметь в виду, что это – лишь один из возможных вариантов, которых, конечно же, в тех или иных частях может быть оспорен и уточнен. По мере развития и совершенствования методов определения геологического возраста, хронология верхнего палеолита может претерпеть изменения не только в тех частях, которые и нам представляются сомнительными, но и там, где, как нам кажется, возраст памятников обоснован наиболее твердо.

Согласно общепринятому мнению, верхняя хронологическая граница верхнего палеолита определяется рубежом плейстоцен – голоцен; докерамические голоценовые индустрии большинством исследователей безоговорочно определяются как "мезолитические", и отделяются тем самым от верхнепалеолитических на уровне эпохальных различий. Радиоуглеродный возраст этого рубежа определяется около 10 тыс. лет назад. Нижняя граница, определяющаяся появлением древнейших верхнепалеолитических индустрий, в разных частях Европы несколько различается. В Западной Европе древнейшие ориньякские и шательперронские индустрии известны не ранее второй половины среднего валдая (согласно принятой здесь восточноевропейской терминологии), точнее – около нижнего рубежа его последнего климатического оптимума; по C^{14} – около 34 – 32 тыс. лет назад. Наиболее древние юго-восточные и центральноевропейские ориньякоидные и селетоидные индустрии датируются первой половиной среднего валдая; возраст некоторых из них соответствует не только среднему (хенгело, подградем), но и раннему (моерсхофд, поперинге) средневалдайскому климатическому оптимуму; по C^{14} – древнее 40 тыс. лет назад. Древнейшие верхнепалеолитические памятники Восточной Европы бесспорно датируются подградемским интерстадиалом, еще более древний возраст некоторых из них возможен, но не бесспорен (рис. I). Попытка резко удревить верхнепалеолитические памятники Украинского Закарпатья – вплоть до начала раннего валдая, – предпринятая В.Н.Гладилиным (Гладилин 1980; Gladilin 1989) не является должным образом обоснованной, так как опирается на противоречивые данные, фактически игнорируя те, что с ней не согласуются (Grigorieva, Anikovitch 1991:75–76; Аникович 1992а:12–14). Не исключено, наконец, что в отдельных регионах (например, Крымский полуостров) верхний палеолит появляется намного позднее, чем на большей части Европы (Аникович 1992а:19–21).

3. Возможна ли социологическая периодизация верхнего палеолита? В тридцатые – пятидесятые годы, в период безраздельного господства в советском палеолитоведении так называемой "стадиальной концепции", во главу угла всей археологической работы, в том числе и с верхнепалеолитическими материалами, ставились проблемы периодизации, но проблемы эти понимались и решались весьма специфически. С конца двадцатых годов единственно допустимой методологической основой любой науки, включая, разумеется, и археологию, признавался марксизм-ленинизм. "Марксизация" археологии понималась, прежде всего, как ее социологизация: требование вскрывать на основании изучения вещественных источников социально-экономические отношения древних обществ. Предполагалось, что процесс этот достаточно прост: требуется лишь горячее желание "видеть за вещами человека" и знание основ марксизма-ленинизма. В соответствии с этими основами определяющие закономерности исторического процесса должны выражаться в универсальной, единственно правильной периодизации, отражающей изменения базисных, социально-экономических характеристик. В советском палеолитоведении такая периодизация изначально получила наименование "социологической" (Равдоникас 1931). Основатели стадиального направления в изучении верхнего палеолита всячески подчеркивали, что французская типологическая схема – ориньяк, солютре, мадлен, – "является отвлеченным построением, далеким от исторической действительности" (Ефименко 1953:314), что в основе их понимания как верхнепалеолитической эпохи в целом, так и ее подразделений лежат не типологические, а социально-экономические характеристики. Для П.П.Ефименко и П.И.Борисковского верхний палеолит выступает как особая историческая эпоха, главным содержанием которой являлось возникновение и развитие родовой организации (Ефименко 1938:344–348; Борисковский 1954:35–36). Эту эпоху П.П.Ефименко подразделял на три фазы. Первая – "ориньяко-солютрейское время", – рассматривалась как "начальный этап сложения верхнепалеолитического общества, характеризующийся по преимуществу более или менее оседлым типом охотничьего

хозяйства", вторая фаза, – "мадленское время", – отличалась "своеобразным хозяйственно-бытовым укладом охотников-номадов". Третья (азиль, тарденуаз) "является временем, когда охотничье хозяйство верхнепалеолитического общества приходит в заметный упадок и на смену ему начинают выдвигаться иные источники добывания средств к существованию" (Ефименко 1938:328–329).

Главным недостатком такого рода периодизаций является их чисто умозрительный, спекулятивный характер. Применительно к археологии верхнего палеолита такие понятия как "родовой строй", "матриархат", "типы охотничьего хозяйства", "хозяйственно-бытовой уклад" и т.п. выступают привносимыми извне логическими конструкциями, связь которых с археологическими материалами методически не обоснована. Показательно, что В.И.Равдоникас с полной уверенностью связывал начало родового общества не с верхним палеолитом, а с неолитом, а верхний палеолит описывал как "тотемическое общество" (Равдоникас 1931:28–34), а с шестидесятых годов довольно часто высказывается предположение о возникновении родовой организации в мустьерскую эпоху (Черныш 1964; 1982:92). Во всех случаях основные доводы сводятся к общетеоретическим рассуждениям; археологическая аргументация, например, особенно часто употребляющиеся ссылки на сходство палеолитических жилищ с жилищами этнографических сообществ, у которых зафиксирована родовая организация, выглядит крайне слабой: даже если забыть о том, что сама реконструкция верхнепалеолитических жилищ, не говоря уже о мустьерских, является сложной, отнюдь не однозначно решаемой проблемой, из чего следует, что какие бы то ни было формы жилых сооружений должны прямо отражать именно родовое устройство, и никакое иное? К тому же – начиная с шестидесятых годов, в отечественной этнографии все более заметное влияние приобретает концепция, отрицающая универсальность родовой организации, и тем более – неизменность последовательности: материнский род – отцовский род (работы Н.А.Бутинова, В.Р.Кабо, Ю.В.Маретина).

Утративший свое влияние в археологии палеолита, "социологический" подход к проблеме периодизации древнейших этапов первобытного общества до сих пор сохраняется в нашей стране в среде этнографов и философов. Так, А.И.Першиц во "Введении" к первому тому "Истории первобытного общества", опубликованному в 1983 году, пытается предложить универсальную историческую периодизацию, в противовес "специальным" периодизациям – археологической и антропологической, за которыми признается лишь вспомогательное значение. Верхнему палеолиту здесь соответствует "раннепервобытная (раннеродовая) община", неолиту – "позднепервобытная (позднеродовая) община" (История первобытного общества 1983:25), Второй вариант периодизации фигурирует в разделах, написанных Ю.И.Семеновым. Автор пытается "углубить" археологическую периодизацию, в соответствии с разработанным им вариантом "теории двух скачков", одновременно меняя и терминологию: так "верхний палеолит" в терминологии Семенова соответствует "раннему кайнолиту" (История первобытного общества 1986:92). Построения Ю.И.Семенова столь же умозрительны, как и рассмотренные выше. Как только автор пытается перейти от общих рассуждений к увязке своей периодизации с археологическими материалами, он вынужден либо использовать чисто археологические критерии, применяющиеся и самими археологами, либо подменять определенные критерии расплывчатыми рассуждениями о "новой стадии в эволюции техники производства", не раскрывая, чем же конкретно отличается новая стадия от предшествующей? Археологи, обсуждавшие два первых тома "Истории первобытного общества", дружно отмечали, что для археологической работы обе предложенные периодизации бесполезны, поскольку соединить их с археологическими данными можно не на основе научной методики, а лишь уверовав в то, что тот или иной способ такого соединения отвечает действительности (Аникович 1990:309–310). И при всех обстоятельствах какие-либо критерии для внутреннего членения верхнепалеолитической эпохи здесь отсутствуют полностью.

Итак, социологическая периодизация верхнего палеолита в настоящее время невозможна, поскольку современные методы работы с вещественными источниками не позволяют давать научно обоснованную картину социально-экономических отношений в столь глубокой древности. Даже к самой возможности разработки такой методики палеолитоведы относятся по-разному. Я не принадлежу к числу гиперскептиков, и считаю, что проблема воссоздания социально-экономических отношений палеолитических сообществ

на основе анализа археологических источников в принципе разрешима. Сейчас в палеолитоведении известны только отдельные опыты разработки научно обоснованным реконструкций такого рода, от работы П.П.Ефименко "Значение женщины в ориньякскую эпоху" (Ефименко 1931), до новейших подходов американских археологов, в том числе – основывающихся на верхнепалеолитических материалах России (например, Soffer 1985; 1989; 1991). Но от этих несомненно интересных опытов, до создания полноценного и общераспространенного научного метода еще очень далеко; тем более далеко до воссоздания конкретных социально-экономических характеристик верхнепалеолитических сообществ в различных регионах Европы, динамики их развития, выделения их общих закономерностей. Поэтому построение не чисто спекулятивной, но действительно научной социологической периодизации верхнего палеолита в сколько-нибудь обозримом будущем не предвидится.

4. Археологическая периодизация: проблема определения верхнепалеолитической эпохи. В отличие от тридцатых – пятидесятых годов, в последнее десятилетие в российской археологии совершается отход от идеи построения "универсальной", "общей исторической", "единственно верной" периодизации, способной "снять", отменить все остальные периодизации исторического процесса. Все большее распространение и влияние получает мысль о том, что сложный и многогранный ход исторического процесса должен освещаться рядом периодизаций, в том числе и общеисторических, построенных на разных критериях, что искать среди этих периодизаций "универсальную", "лучшую" – занятие бессмысленное: они не конкурируют, а взаимодополняют друг друга. Поэтому даже если и возникнет полноценная социологическая периодизация древнейшего прошлого ("палеолита"), она будет не в силах заменить собой, отменить ту же археологическую периодизацию.

Научный уровень разных исторических периодизаций может быть различным; каждая из них нуждается в развитии, совершенствовании. В одной из последних своих статей (Аникович 1992) я, рассматривая проблемы археологической периодизации, отмечал ее эмпирический характер, логическую противоречивость, отсутствие единого принципа выделения археологических эпох. Там же предлагался способ логического упорядочения этой периодизации: в качестве единого критерия выделения археологической эпохи, начиная с верхнепалеолитической, предлагалось массовое внедрение в человеческую практику качественно нового вещественного материала, который в предшествующие эпохи не использовался вовсе, или употреблялся очень ограниченно и технологически примитивно. Согласно этому критерию, верхний палеолит понимается как "эпоха кости", что определяет и его типологическое своеобразие (широкое распространение набора соответствующих каменных орудий). В качестве равноправных дефиниций эта эпоха соотносится с одной стороны, с мустьерской (кость использовалась, но сравнительно мало и технологически примитивно; набор полноценных костяных орудий отсутствует) и с другой – с неолитом (массовое внедрение керамики, употреблявшейся в верхнем палеолите лишь спорадически). Мезолит лишается статуса археологической эпохи, но сохраняет при этом важное значение для внутренней периодизации "эпохи кости" или верхнего палеолита, выступая в качестве его финального этапа. Таким образом, верхняя хронологическая граница этой эпохи в Европе поднимается до 7-го тысячелетия до наших дней.

5. Археологическая периодизация: проблема внутреннего членения верхнего палеолита. Вполне очевидно, что для внутреннего членения археологической эпохи могут быть предложены разные археологические критерии. Рассмотрение вопроса уместно начать с тех археологических характеристик, которые реально принимались во внимание создателями "стадиальной концепции", невзирая на декларируемые теоретические установки. Действительно, широкое распространение французской схемы: ориньяк – солютре – мадлен, было обусловлено не только ее надежным обоснованием во французском палеолитоведении и ограниченностью данных в других частях Европы, но и тем, что между различными европейскими верхнепалеолитическими индустриями, в том числе заведомо не связанными генетическим родством, действительно, проявляется некое сходство, не всегда четко определяемое, но постоянно ощущавшееся палеолитоведами в их практической работе. Несомненно, что на это смутно улавливаемое сходство ориентировались в своих построениях П.П.Ефименко, П.И.Борисковский и их последователи. К сожалению, их теоретические установки, ведущие к представлениям о типологии как о

чем-то, в лучшем случае, второстепенном, малозначащим по сравнению с социально-экономическими характеристиками, помешали этим исследователям поставить и разработать задачу построения археологической периодизации верхнего палеолита, основанной на четко сформулированных типологических критериях. Наиболее конкретным и отчетливым показателем в их разработках выступала так называемая "солютрейская техника", то есть плоская двусторонняя ретушь, посредством которой изготавливались различные типы острий.

В верхнем палеолите Европы наиболее ярко проявляются три формы выражения отмеченного сходства, выступающие под терминами "селетоидность", "ориньякоидность", "граветтоидность". Каждый из трех терминов предполагает существование некоей совокупности верхнепалеолитических индустрий, обладающей комплексом общих признаков. Установление археологического содержания данных терминов сводится к определению общих признаков этих комплексов. Сделать это нужно таким образом, чтобы совокупность признаков, присущая, например, ориньякоидным индустриям, во-первых, отличалась бы от признаков, определяющих археологические культуры, а во-вторых, чтобы дефиниция, построения, на основе данной совокупности признаков, не расплывалась до полной неопределенности, но достаточно четко отделялась бы от однопорядковых дефиниций, выражаемых терминами "селетоидность" и "граветтоидность". Четкость в этом вопросе тем более необходима, что в работах весьма часто без должного разграничения фигурируют "на-равных" понятия, выражающие разные типы сходства, например, "граветт" (общее сходство в указанном выше смысле), "восточный граветт" (региональный оттенок), "эпиграветт" (хронологический оттенок), "мадлен" (культурно-генетическое родство, археологическая культура в нашем понимании). Учитывая вышеизложенное, я определяю археологическое содержание трех названных дефиниций следующим образом.

Селетоидность. Пластинчатая техника первичного раскалывания не обязательна; даже при ее наличии пластина не является ведущей формой заготовки. Развита техника плоской двусторонней ретуши. Техника резцового скола, вертикальная краевая ретушь, либо отсутствуют вовсе, либо играют незначительную роль. В наборе орудий наряду с непременным присутствием хорошо выраженных листовидных двусторонних острий, обязательно наличествует, вместе с хорошо представленной совокупностью верхнепалеолитических орудий, выразительный набор мустьерских форм. Микроинвентарь либо отсутствует, либо крайне скуден.

Ориньякоидность. Пластинчатая техника первичного раскалывания, направленная на получение крупных массивных пластин. Микропластинки, если имеются, обычно, аморфны, часто приближаются к чешуйкам. Характерна интенсивная краевая ретушь, далеко заходящая на поверхность заготовки. Развита техника резцового скола. Плоская ретушь редка, либо отсутствует вовсе. Набор орудий характеризуется формами, образованными интенсивной краевой ретушью высоких пластин: ориньякские пластины, скребки и острия на них. С ними сочетаются различные формы коротких высоких скребков. Среди резцов характерны срединные многофасеточные. Микропластинки, когда присутствуют, обычно выполнены мелкой краевой ретушью, часто противоположащей ("пластинки дюфур").

Граветтоидность. Высоко развитая пластинчатая техника, дающая тонкие пластины с параллельной огранкой спинки, узкие, "правильные" микропластинки. Характерно широкое употребление вертикальной ретуши, сильно усекающей края пластин и микропластинок. Развита техника резцового скола. Набор орудий характеризуют формы, определяющиеся применением вертикальной ретуши: пластины и острия с притупленным краем. Среди резцов много боковых, прямых и косоретушных.

Можно допустить, что описанные явления сходства выражают стадии развития верхнепалеолитической техники и набора орудий и могут служить основой для построения внутренней периодизации верхнепалеолитической эпохи – тем более, что эти три дефиниции можно распределить по принципу: "более архаичная" – "менее архаичная" – "развитая" следующим образом: 1) Селетоидные индустрии: призматическая техника и техника резцового скола только зарождаются. Связи с эпохой мустье часто прослеживаются в наборе мустьерских форм орудий. 2) Ориньякоидные индустрии: призматическая техника доминирует. Налицо техника резцового скола. "Архаичный комплекс" орудий имеется лишь в некоторых индустриях и не включен в общий список признаков, опреде-

ляющих "ориньякоидность". Возникает микроинвентарь. 3) Граветтоидные индустрии абсолютно господствует развитая призматическая техника и техника резцового скола. Орудия мустьерских форм отсутствуют. Микроинвентарь получает дальнейшее развитие.

Но логичность такой интерпретации — еще не гарантия того, что она верна. Предположение нуждается в проверке. Как я уже отмечал в начале статьи, при всех исключениях, неизбежных вследствие неравномерности исторического развития, любой вариант исторической периодизации должен в определенном отношении, в общих чертах соответствовать хронологической шкале; хронологическая чересполосица селетоидных, ориньякоидных и граветтоидных индустрий обесмыслил стадильный вариант интерпретации этих дефиниций. Кроме того, если рассматриваемый тип сходства выражает стадильную закономерность, должно быть, выявлено правило, по которому индустрии, относящиеся к более "развитой" дефиниции "наследуют" более архаичной в культурно-генетическом отношении. По приведенному выше логическому распределению, ориньякоидные индустрии должны и основном вырастать из селетоидных, а граветтоидные — из ориньякоидных. Конечно, исключения неизбежны и здесь, но если стадильная интерпретация этих явлений верна, общая тенденция должна быть прослежена.

Хронологическое распределение селетоидных, ориньякоидных и граветтоидных индустрий даже на материалах Восточной Европы показывает, что существование каждого из трех типов индустрий охватывает значительный отрезок времени: около половины верхнепалеолитической эпохи и более; причем в течение значительных промежутков времени (минимально 13 тыс. лет) они сосуществуют (рис.2). Если же рассматривать данные по всему континенту, например, привлечь солжотрейские памятники, возраст которых 20–17 тысяч лет назад, — период сосуществования еще больше расширится. Это противоречит стадильной интерпретации данных дефиниций.

Проследить культурно-генетические связи между индустриями разных типов очень сложно, высказываемые по этому поводу предположения не бесспорны, Но для Центральной и Восточной Европы уже неоднократно высказывались в разной степени обоснованные предположения о генезисе ряда граветтоидных культур (павловская, молодовская) из селетоидных (моравский селет, бюккский селет) (Debrosse, Kos³ovski 1988:60–61; Grigorieva, Anikovitch 1991:77; Аникович 1992a:17). Гипотеза И.Хана о происхождении центральноевропейского "ориньяка" из местных селетоидных индустрий хотя и аргументируется наличием большого количества "смешанных" комплексов, однако,

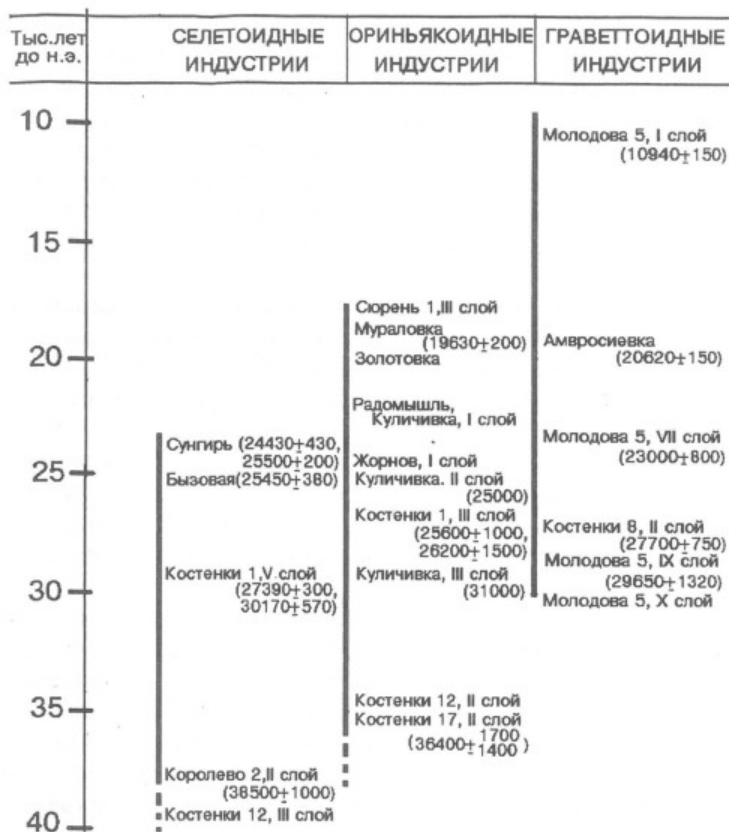

Рис.2 Сихронизация селетоидного, ориньякоидного и граветтоидного путей развития в пределах Восточной Европы.

Fig.2 The synchronization of the Szeletian, Aurignacian and Gravettian ways of development within Eastern Europe.

базируется на явно ошибочном представлении о более молодом возрасте известных в этом регионе ориньякоидных индустрий по отношению к селетоидным (Hahn 1983). Пожалуй, лишь в одном случае, на территории Восточной Европы имеются основания, как типологические, так и стратиграфические, допускать генезис ориньякоидной аносовско-тельманской культуры из селетоидной костенковско-стрелецкой АК, причем во времени эта трансформация происходила позднее, чем, например, генезис граветтоидной молодовской АК из бюккского селета (Аникович 1992а:27). Приведенные данные скудны, но они не дают оснований трактовать рассматриваемые явления сходства как стадийные.

Исходя из сказанного, я считаю более правильным интерпретировать рассматриваемые явления как селетоидный, ориньякоидный и граветтоидный пути развития, используя понятие, разработанное Г.П.Григорьевым для анализа мустьерских индустрий. Применительно к верхнему палеолиту, я определяю "путь развития" как относительно устойчивую систему технических приемов, порождающую сходные черты в составе орудийного набора, которая конвергентно возникает и функционирует в широких пространственно-временных границах, в разных культурно-исторических формах (археологических культурах), не связанных между собой культурно-генетическим родством. Такая трактовка подтверждается возможностью выделения иных верхнепалеолитических путей развития (Аникович 1992а:35–36).

Поиски археологических критериев построения периодизации верхнего палеолита, таким образом, существенно затрудняются. Вероятно, в настоящее время лучше всего не спешить с провозглашением общих законов, долженствующих теоретически обосновать такую периодизацию, но вначале произвести хронологическое распределение материалов по отдельным регионам. С тем, чтобы посмотреть, нет ли в чередовании археологических явлений существенных, качественных различий, которые можно было бы трактовать как ступени археологической периодизации. Впоследствии, сопоставляя такие предварительные региональные периодизации друг с другом, можно будет попытаться соединить их в одну, также эмпирическую по своему характеру. Более глубокое, теоретическое обоснование такой периодизации станет возможным тогда, когда будет раскрыта сущность, законы отраженных и ней качественных изменений, что, в свою очередь, скорее всего повлечет за собой корректировку, уточнение самой периодизации. На рисунке 3 представлена предварительная эмпирическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы.¹ Основными единицами, при сопоставлении которых выявляются ее этапы, выступают не отдельные индустрии и не пути развития, а археологические культуры, выделение которых основано на сходстве, выражающем единство культурных традиций, культурно-генетическое родство (Аникович 1989).

На рисунке 3 представлены основные верхнепалеолитические культуры, выявленные на территории Восточной Европы и лишь в отдельных случаях – единичные стоянки, чья культурная принадлежность не определена или сомнительна. Смена одних археологических культур другими достаточно четко выделяет три этапа. 1) Ранняя пора, в течение которой архаичные культуры, содержащие в своих индустриях выразительный комплекс мустьерских характеристик (селетская, брынзенская, костенковско-стрелецкая, городцовская) изначально сосуществуют с ориньякоидными и граветтоидными культурами, индустрии которых не содержат сколько-нибудь хорошо выраженных архаичных черт (молодовская, спицынская). По-видимому, основное содержание этого этапа можно определять как формирование верхнего палеолита на местной мустьерской основе, но под влиянием пришлого населения с уже полностью сформировавшейся верхнепалеолитической техникой и набором орудий (Аникович 1992а:33–38). 2) Средняя пора – период расцвета верхнепалеолитической культуры во всех ее аспектах: от каменной и костяной индустрии до домостроительства и искусства. Эти наиболее яркие, высшие достижения деятельности верхнепалеолитического человека на территории Восточной Европы проявляются в археологических культурах, впервые группирующихся в три отчетливо выделяемые историко-культурные области: юго-западную (охотники на северных оленей) южную (охотники на бизонов) и центральную или днепро-донецкую (охотники на мамонтов). 3) Финальная пора представлена археологическими культурами, в большинстве своем характеризующимися в литературе как "мезолитические", но объединенными здесь с теми, что обычно именуется "финальнопалеолитическими". Культурного разрыва между ними

не существует; проводимая граница – чисто хронологическая: по рубежу плейстоцен – голоцен. В археологических культурах этого периода исчезают яркие характеристики предшествующего этапа, проявляющиеся в домостроительстве, организации поселений, искусстве, а техника первичного расщепления кремня и обработки кости получают дальнейшее развитие. Именно в этот период человек впервые осваивает всю территорию Восточной Европы без исключения, включая Арктическое побережье.

Предложенный способ подхода к построению периодизации верхнего палеолита не единственно возможный. Так, например, молодые сотрудники Института истории материальной культуры Е.Ю.Гиря и П.Е.Нехорошев, разрабатывающие метод технологического анализа каменных индустрий (Гиря 1991), предлагают технологические критерии археологической периодизации, позволяющие, в частности, не только отделять мустьерские индустрии от верхнепалеолитических, но и проводить грань, в общем, соответствующую границе между средней – финальной порой верхнего палеолита предложенной выше схемы (Гиря, Нехорошев 1993).

Наконец, еще в 1932 году П.И.Борисковский предложил в качестве критерия внутреннего членения верхнепалеолитической эпохи возникновение вкладышевого оружия (Борисковский 1932:34–35). Полвека спустя эта идея, без ссылки на ее автора, была возобновлена В.А. Лыншей, который попытался использовать данный критерий для установления начала "мезолитической эпохи" (Лынша 1980:5,12). Но хронология древнейших индустрий с вкладышевыми орудиями больше соответствует рубежу между ранней – средней порой верхнего палеолита: прообраз таких орудий известен еще в Сунгире (24 – 25 тыс. лет назад), а в Амвросиевке, чей радиоуглеродный возраст около 20 тыс. лет назад, они уже достаточно хорошо развиты. Построение периодизации верхнего палеолита на основе выделения этапов развития костяной индустрии тем более интересно, что оно отвечает моему пониманию верхнепалеолитической эпохи как "эпохи кости". Но такое построение должно быть основано не только на глубоком и всестороннем анализе костяной индустрии самой по себе, но и на выявлении взаимосвязей между развитием костяной и каменной индустрий в течение всей верхнепалеолитической эпохи.

Таким образом, разработка археологической периодизации верхнепалеолитической эпохи должна вестись в различных направлениях.

6. Хронология верхнего палеолита и археологические данные. Завершая статью, остановлюсь на проблеме, давно и постоянно стоящей перед палеолитоведами, слишком часто не имеющими в своем распоряжении никаких других данных для установления возраста памятника, кроме собственно археологических. Насколько такие датировки методически оправданы и какова их точность?

В период безраздельного господства стадияльной концепции между периодизацией и хронологией, за очень редкими исключениями, не проводилось четкой грани. "Стадияльным" характеристикам археологического материала приписывалось решающее значение для хронологических построений не только в археологии, но даже в геологии, что отразилось в знаменитой формулировке В.И.Громова: "синхронные памятники синстадияльны". Сейчас от столь экстремальной позиции отказались если не все, то, во всяком случае, абсолютное большинство палеолитоведов. Возможность отнесения стоянки к одному из выделенных периодов верхнепалеолитической эпохи определяется тем, насколько материалы этой стоянки отражают наиболее показательные черты этого периода, но и в этом случае, поскольку хронологические рамки таких периодов достаточно широки, постольку и датировка памятника неизбежно будет весьма расплывчатой. Кроме того, учитывая региональный характер периодизационных построений, признаки, характерные для этапа, выделенного в одном регионе Европы, нельзя использовать для датировки стоянки, расположенной в другом регионе; весьма точная хронология французского солютре ничем не может помочь в установлении возраста восточноевропейской верхнепалеолитической стоянки, содержащей листовидные двусторонние орудия, даже не уступающие по совершенству обработки солютрейским.

Но имеются способы и более "тонких" хронологических увязок, основывающихся на археологических данных. Их, по крайней мере, два.

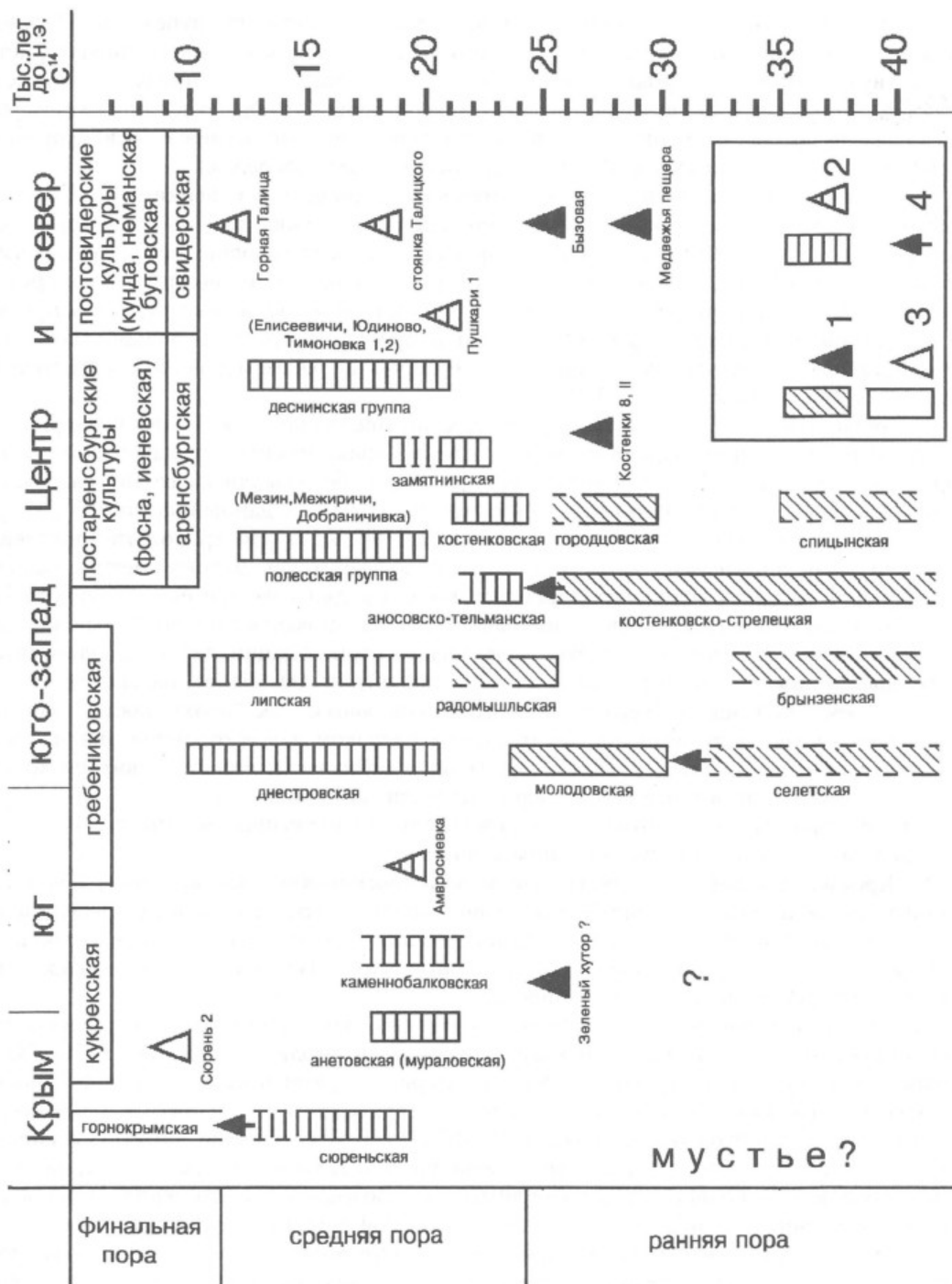

Рис.3 Вариант периодизации верхнего палеолита Восточной Европы.

Условные обозначения: 1–археологические культуры и отдельные стоянки ранней поры; 2–археологические культуры и отдельные стоянки средней поры; 3–археологические культуры и отдельные стоянки финальной поры; 4–предполагаемая культурная трансформация.

Fig.3 A version of the periodization of the Upper Palaeolithic in Eastern Europe.

Conventional signs: 1–archaeological cultures and some sites of the early period; 2–archaeological cultures and some sites of the middle period; 3–archaeological cultures and some sites of the final period; 4–cultural transformation assumed.

1) Через археологические культуры. Если археологическая культура представлена достаточно большим количеством памятников, материалы которых дают представление об эволюции культурных традиций во времени, с опорой на хронологию, основанную на естественно-научных данных, то новую стоянку, материалы которой позволяют не только включить ее в эту культуру, но и связать с одним из этапов развития последней, можно с достаточной уверенностью датировать соответствующим образом, даже если эта стоянка по каким-либо причинам не датируется естественно-научными методами. Этот способ широко применяется в западноевропейской археологии, где, благодаря многолетним исследованиям многослойных памятников, разработаны многоступенчатые шкалы, отражающие эволюцию ориньяка, перигордьяна, солютре, мадлена. В Восточной Европе дело обстоит значительно хуже: большинство верхнепалеолитических культур здесь только выделено, а их генезис во времени должным образом не прослежен. Однако, и здесь, когда такая работа выполняется, становятся возможными и подобного рода датировки. Так в своих занятиях ранней порой верхнего палеолита данного региона, я применял данный способ датировки дважды: при уточнении возраста нижнего слоя стоянки Бабин 1, чьи материалы по ряду параметров соотносятся с поздним этапом молодовской культуры, представленным VII-м слоем Молодова 5, чей радиоуглеродный возраст около 23 тыс. лет назад (Аникович 1987) и при датировке "стрелецкого" культурного слоя стоянки Бирючья Балка, совмещающего в своем инвентаре признаки, свойственные V-му слою Костенок 1 (по C^{14} не моложе 27 тыс. лет назад) и Сунгирю (24 – 25 тыс. лет назад) (Аникович 1992а:26).

2) По выразительным формам, имеющим широкое культурно-пространственное, но узкое хронологическое распространение. Опыт показывает, что в верхнем палеолите эти формы связаны прежде всего с "мобильным искусством". К примеру, женские "реалистические" статуэтки, так называемые "венеры" в Восточной Европе датируются в пределах 24 – 21 тыс. лет назад. Примерно, так же датируются здесь разнокультурные памятники, содержащие в инвентаре стилизованные миниатюрные фигурки животных, выполненные из мягких пород. Это позволяет, в частности, датировать соответствующим образом стоянку Елисеевичи, где были найдены женская статуэтка из бивня и мергелевая фигурка мамонта, хотя датировки памятника по C^{14} дают разброс от 12 до 17 тыс. лет назад. Конечно, хронологическая значимость таких показателей требует многократных перепроверок, да и значение их в разных регионах достаточно обширной территории может меняться. Так, в Центральной Европе нижняя граница памятников, содержащих женскую скульптуру, несколько опускается: по крайней мере, до 26 тыс. лет назад. К сожалению, условия находок подобных фигурок в верхнепалеолитических стоянках Западной Европы не позволяют уверенно определить их хронологический интервал в данном регионе, но, судя по выполненной в "реалистической" манере женской статуэтке, найденной в 1970 году на стоянке Эваль, в культурном слое, датирующимся финальным мадленом (радиоуглеродный возраст 13000 ± 300 ; 13700 ± 380) (Bourdelle, Merlet 1991:109–110), верхняя хронологическая граница их распространения здесь весьма высока.

Разумеется, "датирующие" артефакты не исчерпываются произведениями "мобильного искусства". При соответствующей аргументации, соблюдении определенных правил, с этой целью могут использоваться и другие формы, – от отдельных типов кремневых орудий, до жилых конструкций (Аникович, 1988:23). Но во всех случаях при этом необходимо учитывать следующее. а) Все без исключения "собственно археологические" датировки предварительно обосновываются хронологией, построенной на естественно-научных данных, в сущности, базируются на ней. б) Необходимо четко обосновывать культурно-исторические и пространственные рамки, в пределах которых избранный археологический показатель имеет хронологическое значение, использование его за пределами этих границ является грубой методической ошибкой. в) "Датирующее" значение избранного археологического показателя зависит и от того, насколько четко определены его археологические характеристики: вполне возможно, что детальный типолого-стилистический анализ тех же женских скульптур позволит выявить четкие совокупности признаков, имеющих датирующее значение в пределах всей Европы. г) И последнее. Археолог должен быть всегда готов к тому, что, казалось бы, четкая, методически обоснованная

хронологическая значимость определенного археологического показателя будет поколеблена, или вовсе отвергнута в результате новых открытий.

- АНИКОВИЧ, М.В. 1983. К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костенковско - Борщевского района // Краткие сообщения Института археологии 173: 16-23.
1987. К вопросу о правомерности выделения "бабинской ступени" позднего палеолита Приднестровья // Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху: 42-68. Кишинев.
1989. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // Советская археология 4: 115-127.
1990. Дискуссия об узловых проблемах первобытной истории в связи с выходом и свет "Истории первобытного общества", т.1.2 // Советская археология 1: 308-314.
1992. К определению понятия "археологическая эпоха" // Советская археология 1.
- 1992а. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.
- БОРИСКОВСКИЙ, П.И. 1932. К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита // Известия государственной академии истории материальной культуры XIV (4): 1-40.
1954. Вопросы периодизации палеолита // Советская археология XXI:30-37
- ГИРЯ, Е.Ю. 1991. Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня // Советская археология 3: 115-129.
- ГИРЯ, Е.Ю., П.Е. НЕХОРОШЕВ. 1993. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменного века // Российская археология 4: 5-24.
- ГЛАДИЛИН, В.Н. 1980. О времени возникновения позднего палеолита в Европе // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 г.г. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР: 27-28. Днепропетровск.
- ЕФИМЕНКО, П.П. 1931. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия Государственной академии истории материальной культуры XI(3-4): 1-73
- BOURDELLE, Y., J.-C.MERLET. 1991. Le site d'Enval. Commune de Vic-le-Comte (Puy-de-Dôme). // Bulletin de la Société préhistorique Française 88 (4): 109-113.
- DEBROSSE, R., J.KOSŃOWSKI. 1988. Hommes et climats a l'âge du mammouth. Le pale'olithique sup'erieur d'Eurasie Centrale. Paris. Milan. Barcelone. Mexico.
- GLADILIN, V.N. 1989. The Korolevo palaeolithic site: research methods, stratigraphy. // Anthropologie XXVII (2-3): 93-103. Brno.
- GRIGORIEVA, G.V., M.V.ANIKOVITCH. 1991. Au sujet des liens culturels entre certaines industries du Paléolithique supérieur d'Hongrie et l'Europa d'Est. // Le Paléolithique et Néolithique de la Roumanie en contexte Européen. Bibliotheca archaeologica Lassiensis IV: 72-89.
- HAHN, J. 1983. Les industries aurignaciennes dans le bassin du Haut-Danuba. // Aurignacien-Perigordien-Gravettien en Europe. Fascile 1. Etudes et recherches archeologiques de l'Universite de Liege 13: 157-171.
- SOFFER, O.A. 1985. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando: Academic Press.
1989. Storage, sedentism and the Eurasian Palaeolithic record. // Antiquity 63 (241): 719-732.
1991. Lithics and Lifeways - the Diversity in Raw Material Procurement and Settlement Systems on the Upper Palaeolithic East European Plain. // Raw Material Economies among Prehistoric Hunter-Gatherers. University of Kansas Publications in Anthropology 19: 221-233.

THE MAIN PRINCIPLES OF THE CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF THE UPPER PALAEOЛИTHIC OF EUROPE

Summary

Chronology and periodization are closely connected but not identical concepts: in chronology historical facts are projected on to the time scale external to them, in periodization historical time proper is expressed - qualitative variations of the historical process itself in the course of its development. The chronology of the Upper Palaeolithic is built using first and foremost geological stratigraphy, stratified sites playing the main role. The time scale on which the Upper Palaeolithic sites are projected is geological time, which determines the sequence and conditions of the formation of corresponding strata. Radiocarbon dates are considered to be the most reliable method in finding correspondence between geological and astronomical time. However, their correlation with modern absolute chronology is not perfect. With respect to the Upper Palaeolithic, it would be more correct to speak about radiocarbon rather than absolute age. European Upper Palaeolithic sites are geologically dated from the last two thirds of the Würm (Valdai) glaciation. This period is divided into two parts, the "Middle Valdai" and the "Late Valdai" (using the East European terminology), each of them being divided, in turn, into smaller intervals. The upper time limit of the Upper Palaeolithic is believed by most archaeologists to coincide with the boundary between the Pleistocene and the Holocene (according to C¹⁴, about ten thousand years B.P.). The lower limit is somewhat different in different regions of Europe: about 40 thousand years B.P. on the average. In the 30s-50s Soviet archaeologists tried to construct sociological periodization of the Upper Palaeolithic based on significant social and economic changes. This periodization was methodically unfounded and purely speculative. At present the predominant opinion is that such periodization should be archaeologically based: it must use archaeological criteria. The present author considers the Upper Palaeolithic as the "Bone Age" and brings it into correlation with the Mousterian, the Neolithic ("the Pottery Age"), the Bronze Age and the Iron Age as equivalent taxonomic units. The Mesolithic is considered as the final stage of the Upper Palaeolithic. Thus, the upper chronological limit of this period in Europe rises up to the 7th millennium. For the inner periodization of the Upper Palaeolithic different archaeological criteria can be used. The overall technical and typological similarity expressed by the terms "Szeletian", "Aurignacian", "Gravettian" does not satisfy this task as the existence of each of these three types of industries in Europe covers a considerable period of time: about a half of the Upper Palaeolithic and more. Moreover, these industries are largely coexistent. The author defines these taxonomic units not as stages but as the "Routes of Development", or "Technocomplexes". The first step towards a common European periodization of the Upper Palaeolithic should be the working out of regional periodizations based on the chronological distribution of archaeological data and the discovery of important changes. For the Upper Palaeolithic of Eastern Europe such changes are registered the large-scale disappearance of some archaeological cultures and the emergence of others. Three stages can be distinguished here on these grounds: 1. The early stage - archaic Szeletian cultures coexist with developed Aurignacian ones, later also with Gravettian cultures. 2. The middle stage - the period of prosperity of the Upper Palaeolithic in all aspects: from stone and bone industries to the construction of dwellings and art. 3. The final stage links the cultures of the Late Pleistocene with mesolithic cultures.

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ СИБИРИ И МАДЛЕН ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ СТОЯНОК

С.А. ВАСИЛЬЕВ*

Трудно представить себе более удаленные друг от друга территории, чем Сибирь и Францию. Однако, в эпоху конца последнего оледенения, 16–10 тысяч лет назад, эти разделенные тысячами километров регионы Евразии были сходны с точки зрения палеоэкологии и характера поселений древнего человека. Поразительный факт наличия ряда прямых аналогий, вплоть до деталей, в структуре стоянок заставляет предпринять сопоставление результатов наших работ.

Как известно, основы изучения проблематики палеолитических жилищ и поселений были заложены отечественными археологами 20–50-х гг. (С.Н. Замятнин, П.П. Ефименко, П.И. Борисковский, А.Н. Рогачев). Однако, поворотным пунктом в становлении современной методики исследования стоянок открытого типа явились блестящие раскопки, проведенные под руководством А. Леруа-Гурана в Пенсеване в 60-е гг. (Leroi-Gourhan 1984). Эти работы были продолжены учениками и последователями А. Леруа-Гурана на целом ряде памятников Парижского бассейна – Этьоле, Вербери, Марсанжи и др. (Audouze 1987; Audouze, Cahen Keeleyetal 1981; Brézillon 1971; Pigeot 1987; Olive 1988).

Прежде всего, памятники, расположенные в речных бассейнах Енисея, Ангары, Лены, Чикоя и долине Сены сходны с точки зрения их геологического контекста. Это стоянки, культурные слои которых связаны с песчано-супесчано-суглинистыми толщами слоистого алювия, формирующих низкие уровни надпойменных террас. Культурные слои, по большей части относительно тонкие, в ряде случаев делятся на горизонты обитания. Абсолютное большинство находок концентрируется в пределах углистых линз, окружавших очаги, за их границами остатки представлены в основном рассеянными по площади фаунистическими остатками и артефактами.

Перейдем теперь к сравнительному анализу основных типов структур обитания.

Очаги и причажные конструкции. В сибирском позднем палеолите выделен ряд типов очагов. Наиболее сложными из них являются очаги с каменной обкладкой. Хорошо известны так называемые очаги кокоревского типа, углубленные в землю, с каменными конструкциями, состоящими из наклонно поставленных плит (в виде розетки; рис.1:А). Диаметр таких очагов составляет 50–80 см, глубина – 8–13 см (Абрамова 1979). Близок к ним очаг, вскрытый во 2-м культурном слое стоянки Уй I (Васильев 1991; Vasil'ev 1990). Он имел более крупные размеры, а форма приближалась к квадратной. Половина ограждения очага, состоявшая из плит и валунов, была разобрана древним человеком и уложена рядом в виде вымостки (рис.1:В). В качестве аналогий можно назвать очажные конструкции из Вербери (Audouze 1987: fig.2) и Кумба дю Пре-Неф (Perlès 1977:93–94).

Очень распространены также очаги с плоскими каменными обкладками. Интересно, что, как показывает опыт исследования памятников Верхнего Енисея, каменные выкладки, как правило, сооружались на определенном этапе функционирования очага, так как камни клались на уже накопившийся культурный слой очага с правильными кольцеобразными обкладками встречены на Енисее на стоянках Майнинская, Уй II (Васильев 1991), 3-м слое Голубой I (Астахов 1986), нижнем слое Майниской стоянки на Алтае (Лапшин, Кадиков 1981), 3-м слое Куналея и Студеном I в Забайкалье (Базаров, Константинов, Иметхенов и др. 1982), Макарове, Черемушнике, Усть-Белой и Верхоленской Горе в Приангарье и на Верхней Лене (Аксенов 1970). Иногда встречаются очаги без обкладки, но с положенными на их края 2–3 камнями. Камни служили, вероятно, как для усиления жара, так и для кулинарных операций. Следует отметить, что в палеолите

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.

Сибири отсутствуют встреченные во Франции в форме мощных каменных набросок (Olive 1988), хотя подобные структуры хорошо известны здесь в более поздних памятниках.

Преобладающий тип очагов – объекты без обкладки, в вырытых чашеобразных ямках, иногда асимметричных в разрезе, глубиной от 4–5 до 10–25 см и диаметром 60–70 см (до 1 м и более) (рис.1:D). Очень распространены и плоские кострища без следов искусственного углубления поверхности (1–2, до 5 см мощностью), вероятно, места недолговременного горения).

В ряде случаев очаги сопровождаются небольшими ямками, заполненными углистым слоем, иногда с костями. Такие ямки, скорее всего служившие для кулинарных операций, были открыты автором в 4-м слое Майнинской стоянки и 2-м слое Уй I, а также на стоянке Красный Яр в Приангарье (Абрамова 1978) и Чернозерье II в Западной Сибири (Генинг, Петрин 1985).

Приочажные скопления культурных остатков и проблемы выделения жилищ. Как уже говорилось, большинство находок залегает в окрашенных углем, реже охрой, линзах культурного слоя, окружавших очаги. Подобные скопления имеют вид округло-овальных структур диаметром 2–3 м. Иногда скопления включают несколько очагов в ряд. Так, в 4-м слое Усть-Мензы II в Забайкалье были открыты скопления со следами каменных обкладок, вытянутые в длину на 12 м при ширине 4 м и включавшие три очага. В 4-м слое Усть-Мензы III обрамленная камнями площадка размерами 14x4 м содержала четыре очага по одной оси (Константинов, Шлямов 1987). В последнем случае объекты интерпретируются как остатки удлиненного (возможно, составного) жилища. Во 2-м культурном слое Кокорево I было расчищено овальное скопление остатков размерами 3x6 м с асимметрично расположенным очагом, оно также рассматривается как остатки жилища (Абрамова 1979). Особняком стоит необычное жилище четырехугольной формы со стоянки Черноозерье II (Генинг, Петрин 1985) размерами 3,9x2,5 м с очагом в центре и остатками ямок, возможно связанных с конструкцией.

Более распространены жилища округло-овальной формы с каменными обкладками по периметру. Великолепный образец структуры такого рода доставил 7-й слой стоянки Уй II (рис.2). Это овальное сооружение размерами 4x2 м с двумя очагами, также обложенными камнями и расположенными в центре жилища и ближе к предполагаемому выходу из него. Близкое по типу жилище открыто на стоянке Лиственка близ Красноярска (Дроздов, Чеха, Лаухин и др. 1990: рис.74–75). Оно имело вид дугообразный, раздвинутый к западу, с пунктирной обкладкой из обломков камня и валунов. Диаметр сооружения примерно 4,2–4,5 м, очаг располагался асимметрично, ближе к восточной стенке. Его окружало зольное пятно и зона охристого заполнения.

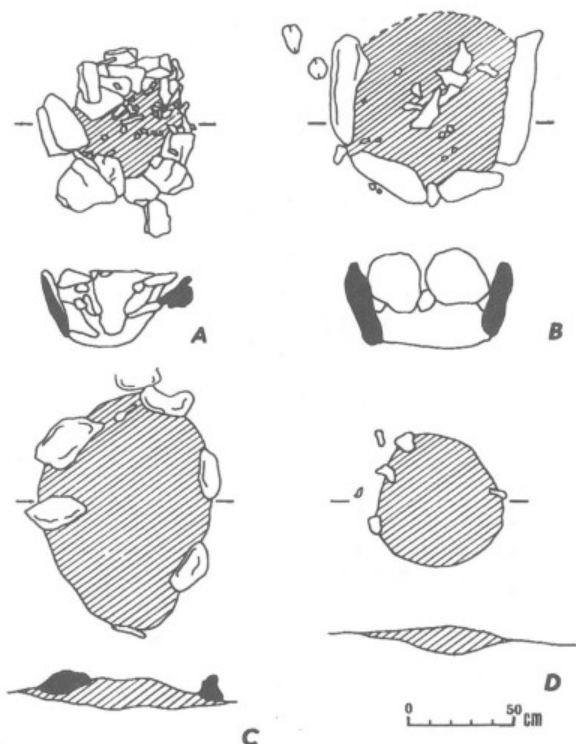

Рис.1 Типы очагов сибирского палеолита.

А – Очаг кокорево-типа (З.А. Абрамова); В – Очаг в каменном ящике (2й слой стоянки Уй I); С – Очаг с каменной обкладкой (4й слой Майнинской стоянки); D – Очаг без обкладки (5-й слоя стоянки Уй II).

Fig.1 Some types of the hearths of the Siberian Palaeolithic A – Kokorevo-type hearth (after Z.A.Abramova); B – The hearth in the stone box (2d layer of Ui I); C – slab-lined hearth (4th layer of Maina); D – flat hearth (5th layer of Ui II).

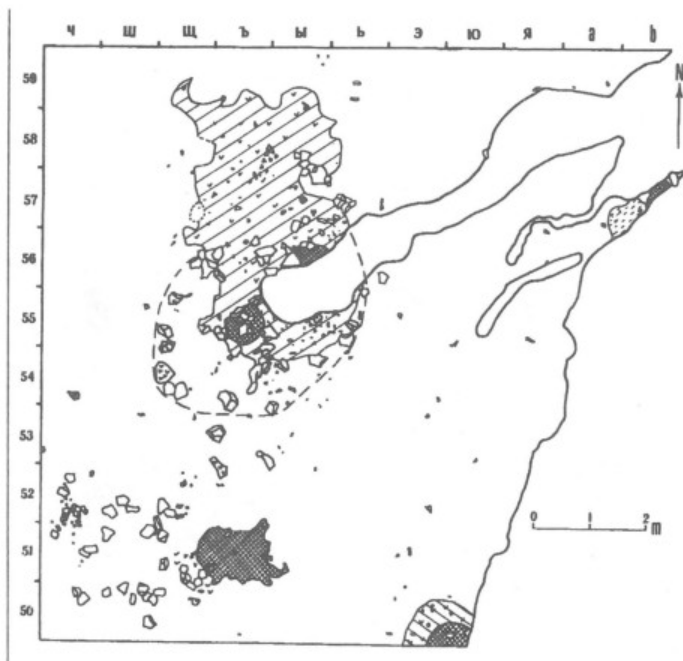

Рис.2 План каменных конструкций в 7-м культурном слое Уй II.

Fig.2 The remains of the slab-lined constructions in the 7th layer of Ui II.

Шлямов 1987). Интересно, что в качестве камней обкладки иногда использованы крупные ядрища (то же прослеживается и на Енисее). На стоянке Студеное I и Усть-Менза I самые нижние жилища располагаются непосредственно на поверхности галечника, что представляет собой любопытный феномен. Окруженные камнями жилые структуры хорошо известны в финальном палеолите Ангары и Верхней Лены (Аксенов 1970, 1974; Аксенов, Шмыгун 1974) и во Франции (например, комплекс W II Этьоля; Audouze 1987).

Гораздо труднее установить наличие жилищ при отсутствии обкладки. До недавнего времени наиболее полной попыткой реконструкции облика легкого наземного палеолитического жилища была модель, разработанная по материалам Пенсевана (Leroi-Gouffan 1984). Согласно этой модели, распределение находок носит асимметрический характер. С одной стороны от очага за приочажным скоплением следует практически лишенное находок пространство — место расположения лежанок во внутренней части жилья. С другой стороны от выхода из жилища следует ряд концентрических зон с последовательным убыванием количества находок. В последние годы как накопление полевых наблюдений, так и опыт сооружения модели жилища в натуральную величину, заставили внести коррективы в схему. Ныне французские исследователи предполагают, что границы жилища следует в некоторых случаях сдвинуть в сторону от очага, сам же костер, вероятно, располагался под открытым небом (Julien, Karlin, Vodu 1987).

Критические замечания в адрес модели А.Леруа-Гурана были высказаны Л.Бинфордом, опиравшимся на результаты собственных этноархеологических исследований (Binford 1983). По его данным, наличие дугообразного в плане участка с разреженными находками между приочажной концентрацией и внешней дугой выброса указывает на расположение людей у костра под открытым небом, в жилищах подобной картины не возникает. Модели Л.Бинфорда находят прямое соответствие в картинах распространения остатков как на сибирских (Майнинская, 3-й слой; Голубая I, 3-й слой; Астахов 1986: рис.24), так и на французских (Вербери; Audouze 1987a) памятниках.

Путем сопоставления планов находок в десятках изученных ныне приочажных комплексов на стоянках Майнинская, Уй I и II, удалось выделить несколько типов распределения остатков (речь идет об организации находок в целом, ибо существенных различий

Большая серия жилищ с каменными обкладками изучена в Западном Забайкалье. Наиболее выразительны объекты, открытые в 17 и 19 слоях Студеного I (Базаров, Константинов, Иметхенов и др. 1982; Константинов М., Константинов А., Семина 1985). Это структуры неправильно-овальной формы, размерами в поперечнике 3–4–5 м. Иногда разрыв в кладке указывает на вероятное место выхода. Большинство находок сосредотачивается в углистых линзах вокруг очагов, также снабженных каменными обкладками. В других случаях на краях скопления, обозначающего предполагаемое место жилища, залегает всего несколько камней. В одном случае (Усть-Менза I, 19 слой) к очагу с одной стороны примыкает мощная многоярусная дугообразная каменная кладка (Константинов,

в планиграфии костных остатков и предметов расщепленного камня выявить не удалось; рис.3):

А. Примерное совпадение зоны максимальной концентрации находок с линзой углистого слоя, окружавшей очаг.

В. Асимметричное распределение – прикрытие участка, насыщенного находками к краю очага с одной стороны. Ориентация зоны по странам света произвольная. Подобные же факты асимметричного распределения зафиксированы в Пенсеване, Марсанжи и Вербери.

С. Гораздо более редкий случай – "двойное" скопление остатков по противоположным краям очага. Такая конфигурация вероятно ближе всего к модели Л.Бинфорда (Binford 1978) для мест кратковременного обитания.

Д. В двух случаях, когда можно с уверенностью говорить о наличии жилищ (2й слой стоянки Уй II; рис.4), распределение носит следующий характер. Зона насыщенного находками культурного слоя примыкает к очагу с одной стороны и выходит узкой полосой за пределы углистой линзы. Вероятно, подобная картина может интерпретироваться как следы входа в жилье. В то же время противоположная сторона углистой линзы почти лишена находок (следы спального места?).

Е. В комплексе, вскрытом в культурном слое А-3 Майнинской стоянки (рис.5), наблюдается необычное распределение, когда с одной стороны сосредоточение находок подступало к очагу, а с другой непосредственно у края очага шла четкая, лишенная находок, полоса. В последнем случае границы скопления остатков (углистой линзы вокруг очага здесь не было) резко контрастировали с практически полностью лишенными находок окружающими квадратами. Четкость очертаний скопления, особенно в северной его части, заставляет предположить здесь наличие искусственного ограждения.

Следует отметить, что, в отличие от французских памятников, на стоянках Енисея нет однозначной связи мощных приочажных скоплений с очагами с каменной обкладкой. Здесь очаги такого типа сопровождаются различными конфигурациями распределения остатков.

Возникает вопрос – нет ли смысла искать критерии замкнутости пространства самих находок, структуре распространения культурных остатков? Как кажется, одним из таких параметров, работающих на выделение жилых сооружений, может быть процентное содержание пластинок с притупленным краем. В Пенсеване повышенная концентрация этих изделий отмечается именно у крупных очагов, где предполагается наличие жилищ (Julien, Karlin, Vodu 1987). Аналогичная картина наблюдалась в уже упоминавшемся жилом комплексе 2-го слоя стоянки Уй II. Этот памятник относится к афонтовской культуре, для которой пластинки с притупленным краем – довольно редкий вид находок. В то же время в пределах жилища была найдена целая серия пластинок с притупленным краем вместе с микронуклеусами. Вероятно, здесь, в границах замкнутого пространства, существовал производственный центр по изготовлению таких орудий и, возможно, оснащению ими вкладышевых изделий.

Судя по этноархеологическим данным (Yellen 1977; Binford 1983), есть основания полагать, что структура жизненного пространства и, соответственно, характер распределения остатков, будет различен в пределах жилья и вне его. Как известно, поиски четко

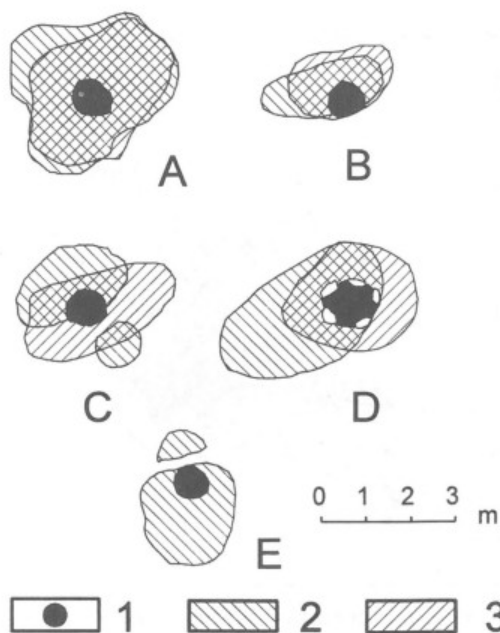

Рис.3 Схемы распределения остатков вокруг очагов. 1 – очаги; 2 – скопления находок; 3 – углистые линзы.

Fig.3 The patterns of the configurations of the cultural debris around the hearths. 1 – hearths; 2 – zones of the artifact concentrations; 3 – charcoal lenses.

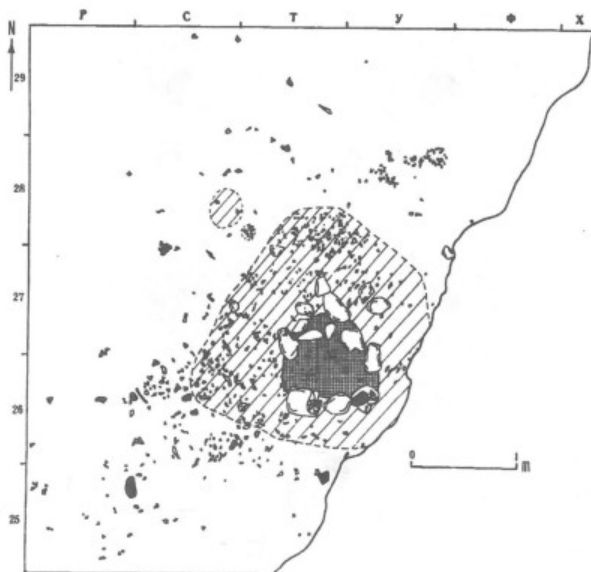

Рис.4 План остатков жилища из 2-го культурного слоя стоянки Уй II.

Fig.4 The plan of the domestic unit from the 2d layer of Ui II.

Следует добавить, наконец, что, в отличие от французских памятников, в Сибири практически отсутствуют кучи выброса – места свалки отходов от очистки жилья. Только в одном случае (слой 4а Кокорево I) Т.Ю.Гречкиной (1984) удалось выделить скопление подобного типа.

Рабочие площадки. Особый вид структур, свойственный как сибирским, так и французским стоянкам, – скопления расщепленного камня, залегающие обычно в виде компактных кучек. Они различаются как по их положению в слое (вблизи очагов или изолированно), так и по содержанию. Статистический анализ состава находок в многочисленных объектах такого рода из Майнинской стоянки позволяет прийти к следующим выводам. Большая часть скоплений однотипна, здесь преобладают чешуйки (составляющие 50–70 % находок), имеется много отщепов (16–30%) и осколков камня (5–15%). Почти во всех скоплениях, наряду с ядрищами присутствуют орудия, а также предметы со следами утилизации. Очевидно, что перед нами места, где производился полный цикл расщепления камня – от дробления валунов и галек до изготовления и переоформления орудий.

В то же время выделяется ряд скоплений, где число отщепов было равно или превосходило количество чешуек. Это, вероятно, места с преобладанием первичного расщепления. Т.Ю.Гречкина (1984), проведя скрупулезный планиграфический анализ и ремонт материалов из Кокорево I, выделяет следующие типы скоплений:

1. Индивидуальные рабочие площадки по первичному расщеплению кремня площадью около 1 кв.м, концентрация расщепленного камня – от нескольких десятков до нескольких тысяч единиц.

2. Скопление дебитажа и орудий из нуклеусов – следы оформления и переделки орудий (скребков).

3. Скопление чешуек.

Каменные выкладки. Эти объекты достаточно редко встречаются в сибирском палеолите, где большинство камней в той или иной мере связаны с очажными конструкциями. Во 2-м культурном слое стоянке Уй I (Васильев 1991) был вскрыт ряд скоплений плит камня и валунов, рассеянных по площади поселения. Особенно интересно одно из скоплений, где несколько камней были составлены вместе, образуя своего рода кольцо (вероятно, опора для столба). Близкие структуры были открыты на мадленской стоянке Ле Ма (Gausson 1980). Изолированные плоские кладки встречены во 2-м слое стоянки Уй

разграниченных разнофункциональных зон на площади позднепалеолитических поселений не увенчались успехом. Этого и следовало ожидать. Как показывают наблюдения, на периферийных участках поселения в процессе его обитания места, где производились различные виды деятельности, смещались и в итоге образовывался сложный "палимпсест" из разнородных остатков. Напротив, в пределах замкнутого пространства места деятельности четко дифференцированы и здесь можно ожидать ряд "микрзон" со специфическим набором остатков.

Результаты планиграфического анализа и ремонта показывают, что жилые структуры существовали не изолированно, а были связаны множеством нитей с индивидуальными рабочими площадками, отдельными очагами под открытым небом и т.д. В итоге образовывался своеобразный хозяйственно-бытовой комплекс.

I и 5-м слое Майнинской стоянке. Е.М.Инешин любезно сообщил автору, что на исследуемой им стоянке Большой Якорь на Витиме был изучен целый ряд аналогичных структур, которые интерпретируются им как "рабочие столики" или подставки для расщепления камня. Горизонтальные вымостки, служившие для обустройства топких мест, в Сибири крайне редки. Вероятно, только объекты, изученные на стоянках Майма и Ушлеп 3 на Алтае (Кунгуров 1987) могут рассматриваться как относящиеся к данной категории.

Клады – очень редко встречающийся вид находок. В 1982 г. на Майнинской стоянке в 3-м слое было найдено компактное скопление из десяти предметов, включавшие отборные крупные каменные орудия (скребла, чоппер, долотовидное изделие), заготовки и мраморную гальку (Васильев 1991). В Сибири клады известны на стоянке Аил на Алтае (Окладников 1968), Сосновое Озеро в Минусинской котловине (Липский 1963) и Тумлут в долине Алдана (Мочанов 1977). Характер откладываемых предметов во всех перечисленных случаях различен, и, по-видимому, различно и функциональное назначение кладов. В Тумлурском кладе имелись только законченные орудия (великолепные образцы листовидных бифасов), в коллекции из Соснового Озера присутствовали орудия (скребла), заготовки совместно с костяными изделиями (наконечники и их заготовки). В Аильском же кладе, наряду с орудиями и заготовками, были найдены ядрища и первичные отщепы.

Как мы видим, все основные структуры обитания стоянок финального палеолита Сибири находят прямые аналогии во французском мадлене, явно отличаясь от одновременных памятников Восточной и Центральной Европы. Это может быть объяснено только за счет общности экономики и стратегии размещения поселений у кочевых охотников на стадных копытных. Данное обстоятельство заставляет задуматься над возможностью выделения в позднем палеолите Евразии определенных хозяйственно-культурных зон, своего рода зачатков хозяйственно-культурных типов, получивших всеобщее распространение в последующие эпохи.

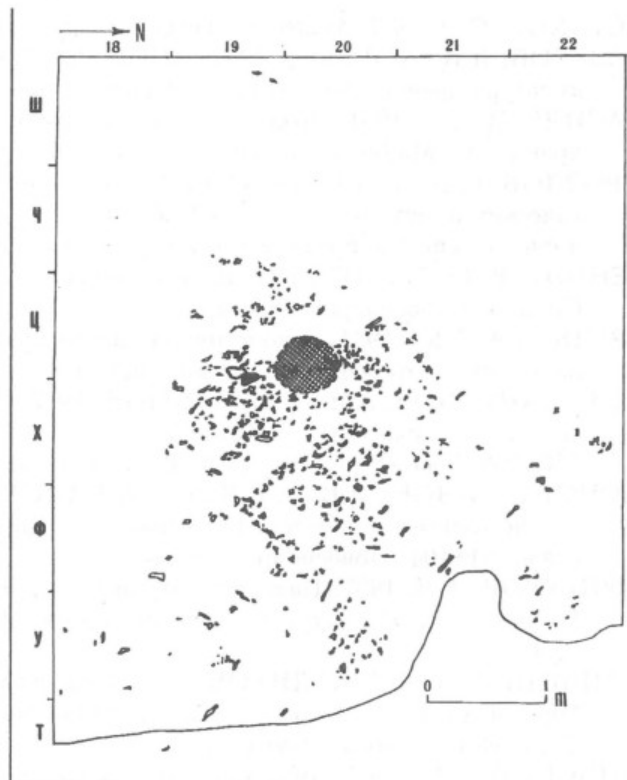

Рис.5 План остатков жилища из культурного слоя А-3 Майнинской стоянки.

Fig.5 The plan of the domestic unit from the layer A-3 of Maina.

АБРАМОВА, З.А. 1978. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре // Древние культуры Приангарья: 7–34. Новосибирск: Наука.

1979. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука.

АКСЕНОВ, М.П. 1970. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене // Сибирь и ее соседи в древности: 43–52. Новосибирск: Наука.

1974. Многослойный археологический памятник Макарово II // Древняя история народов юга Восточной Сибири I: 91–126. Иркутск: Иркутский государственный университет.

АКСЕНОВ, М.П., П.Е.ШМЫГУН. 1974. Шишкино II // Древняя история народов юга Восточной Сибири 2: 54–64. Иркутск: Иркутский государственный университет.

- АСТАХОВ, С.Н. 1986. Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука.
- БАЗАРОВ, Д.Б., М.В.КОНСТАНТИНОВ, А.Б.ИМЕТХЕНОВ и др. 1982. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск: Наука.
- ВАСИЛЬЕВ, С.А. 1991. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по итогам работ на водохранилище Майнинской ГЭС) // Советская археология 2: 5–20.
- ДРОЗДОВ, Н.И., В.П.ЧЕХА, С.А.ЛАУХИН и др. 1990. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.
- ГЕНИНГ, В.Ф., В.Т.ПЕТРИН. 1985. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука.
- ГРЕЧКИНА, Т.Ю. 1984. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- КОНСТАНТИНОВ, А.В., К.О.ШЛЯМОВ, 1987. Палеолит Усть-Мензенского комплекса (возраст и характер) // Природная среда и древний человек в позднем антропогене: 150–166. Улан-Удэ: Бурятский филиал Сибирского отделения.
- КОНСТАНТИНОВ, М.В., А.В.КОНСТАНТИНОВ, Л.В.СЕМИНА. 1985. Палеолитические горизонты поселения Студеное // Древнее Забайкалье и его культурные связи: 91–104. Новосибирск: Наука.
- КУНГУРОВ, А.Л. 1987. Палеолит Солтона // Северная Азия в эпоху камня: 52–70. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.
- ЛАПШИН, Б.И., Б.Х.КАДИКОВ. 1981. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы: 9–21. Новосибирск: Наука.
- ЛИПСКИЙ, А.Н. 1963. Ямка-кладовочка костенковского типа на р.Абакан // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края: 11–20. Красноярск: Красноярское книжное издательство.
- МОЧАНОВ, Ю.А. 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука.
- ОКЛАДНИКОВ, А.П. 1968. Страница из жизни палеолитического мастера. Клад каменных изделий у пос.Аил (село Куздеево) // Из истории Сибири и Алтая: 53–70. Барнаул: Алтайское книжное издательство.
- AUDOUZE, F. 1987. The Paris Basin in Magdalenian times // The Pleistocene Old World: 183–200. New York: Plenum Press.
- 1987a. Des modèles et des faits: les modèles de A.Leroi-Gourhan et de L.Binford confrontés aux résultats récents // Bulletin de la Société Préhistorique Française 84/10–12: 343–352.
- AUDOUZE, F., D.CAHEN, L.-H.KEELEY et al. 1981. Le site Magdalénien du Buisson Campin à Verberie (Oise) // Gallia Préhistoire 24/1: 99–143.
- BINFORD, L.R. 1978. Dimensional analysis of behaviour and site structure: learning from an Eskimo hunting stand // American antiquity 43/3: 330–361.
1983. In pursuit of the past. Decoding the archaeological record. London: Thames and Hudson.
- BRÉZILLON, M. 1971. Le Tartarets II, site paléolithique de plein air à Corbeil-Essonnes (Essonnes) // Gallia Préhistoire 14/4: 3–40.
- GAUSSEN, J. 1980. Le Paléolithique supérieur de plein air du Périogord. XIVe Suppl. à "Gallia Préhistoire". Paris: Ed.CNRS.
- JULIEN, M., C.KARLIN, P.BODU. 1987. Pincevent: où en est le modèle théorique aujourd'hui // Bulletin de la Société Préhistorique Française 84/10–12: 335–342.
- LEROI-GOURHAN. 1984. Pineevant. Campement magdalénien de chasseurs de rennes. Paris Ministère de la culture.
- OLIVE, M. 1988. Une habitation Magdalénien d'Etiolles. L'unité P 15. Paris: Ed.CNRS.
- PERLÈS, C. 1977. Préhistoire du feu. Paris: Masson.
- PIGEOT, N. 1987. Magdaléniens d'Etiolles. Economie de débitage et organisation sociale. XXVe Suppl. à "Gallia Préhistoire". Paris: Ed. CNRS.

VASIL'EV, S.A. 1990. Le Paléolithique final du bassin supérieur de l'Iénissei d'après les fouilles près du village de Maina // *L'Anthropologie* 94/4: 763-782.

YELLEN, J.K. 1977. *Archaeological approaches to the present. Models for the reconstructing the past.* New York: Academic Press.

THE FINAL PALAEOLITHIC OF SIBERIA AND THE MAGDALENIAN OF FRANCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF STRUCTURAL FEATURES

Summary

The last decades have witnessed a considerable progress in the study of the Upper Palaeolithic in parts of Southern Siberia (the Western Siberian Plains, Yenisei and Angara basin, and Trans-Baikal region). This progress has resulted in the discovery of several structural features. The most astonishing fact to emerge is the apparent similarity of the Siberian sites with the Magdalenian ones of the Paris Basin, Northern France. To begin with the affinity is seen in similar geographical settings of these sites. Cultural horizons are embedded in the laminated sandy and loamy alluvial deposits which form the riverside terraces.

Also, numerous parallels are seen on the structures within them. The main concentrations of artifacts are associated with hearths of various types. Among those worth attention are slab-lined structures (Fig.1). A large number of sites have yielded traces of light-weight dwellings surrounded by stones (Ust' Menza 1-4, Studenoye 1, Etiolles, and Ui 2, see Fig.2). The model pioneered by A.Leroi-Gouran on the basis of the Pincevent data applies to Siberian data as well. The identification of huts in cases where traces of stone linings could not be observed is much more difficult. The ethno-archaeological model proposed by L.R.Binford apparently applies both to the French sites like Verberie, and to the Siberian sites like Golubaya 1 and Maina. Spatial analysis of the occupational surfaces has revealed different patterns in the distribution of artifacts and charcoal lenses (Fig.3). The increased frequency of backed bladelets may be relevant for the identification of domestic units (Pincevent, Verberie, Etiolles, Ui 11, see Fig.4 and 5).

Other structural features include concentrations of debitage indicating locations of ancient workshops. Statistical analysis of frequencies of various artifact classes found within these structures has made it possible to differentiate between various structures and activities within them. Flat stone pavements are less common, and caches of stone and bone fragments are extremely rare.

All structural features identified in Northern Asia are very similar to those of the French Magdalenian. This may be due to the resemblances in the subsistence behaviour and settlement patterns of the Late Palaeolithic hunters living in various regions. It may be suggested that vast subsistence and settlement areas existed in the final Pleistocene.

ОРУДИЯ ТРУДА И НАЧАЛО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Г.Ф.КОРОБКОВА*

Проблема возникновения земледелия не перестает волновать разных специалистов. Первые открытия памятников, отражающих период перехода от собирательства диких злаков к их возделыванию, относятся еще к 30-м гг. нынешнего столетия и связаны с именами Д.Гаррод (Garrod 1932), Ф.Турвилль-Петра (Tourville-Petre 1932), Р.Невилля (Neuville 1934). В золотой фонд археологии вошли материалы многослойных пещер Мугарет эль Вад, Мугарет эль Кебара и других, ставших классическими в изучении проблем земледелия. Отдельные слои их содержали остатки интересной самобытной культуры эпохи эппалеолита (конец плейстоцена), датированной X–IX тыс. до н.э. (Harris 1986) и получившей название натуфийской. Поселения этой культуры занимали плодородные земли Палестины, Ливана, Иордании, Израиля и других регионов Ближнего Востока. Кому принадлежали они? Кто оставил столь блистательные во всех отношениях наборы каменных и костяных орудий, благоустроенные постоянного типа жилища, долговременные поселения, остатки богатой флоры и фауны? Может быть собиратели диких злаков или уже земледельцы, от которых дошли до нас достаточно эффективные и великолепные по оформлению жатвенные инструменты в виде ножей в роговых, костяных или деревянных оправках, украшенных зооморфными изображениями и оснащенных острыми кремневыми пластинками или геометрическими микролитами? Первые открыватели высказали гипотезу о земледельческой направленности экономики натуфийцев, хотя каких-либо аргументированных данных в то время еще не было (Garrod, Bate 1937; Neuville 1934).

С тех пор прошли десятки лет упорных систематических поисков новых поселений натуфийской культуры, увенчавшихся выдающимися открытиями таких многослойных памятников как Абу Хурейра (Moore 1975, 1991), Иерихон (Kenyon 1959; Kenyon, Holland 1981, 1982, 1983), Бейда (Kirkbride 1966; Byrd 1989), Телль Нахал Орен (Noy et al. 1973), Хайоним (Bar-Yosef, Goren 1973), Мюрайбит (Cauvin 1977, 1978), Телль Маллаха (Valla 1982, 1991) и многие другие. Однако, несмотря на появление лавинообразной информации, раскрывающей картину жизнедеятельности обитателей открытых памятников, применение современных методов исследований (Cauvin 1992), вопрос о характере хозяйства натуфийцев так и не прояснился. Хотя среди палеоэтноботанических остатков удалось выявить дикие злаки, травы, тростник, сорняки (Van Zeist, Casparie 1968; Hillman 1975; Zohary, Hopf 1988), которые, казалось бы указывали на собирательскую направленность экономики. Кроме того, уже в слоях докерамического неолита Абу Хурейры и других памятников VIII–VII тыс. до н.э. зафиксировано 8 видов domesticiрованных злаков и овощей (Hillman 1975; Hillman et al 1989). Однако, дискуссия вокруг экономики натуфийских племен развернулась с новой силой. Опять встал вопрос, когда и где начался процесс культивации и адаптации диких злаков? Одни исследователи полагали, что он начался уже в Натуфе (Garrod, Bate 1937; Garrod 1957; Van Zeist, Casparie 1968; Hillman 1975; Cauvin 1977, 1978, 1980; Moore 1979, 1982, 1983, 1989). Следовательно, натуфийцев можно рассматривать как потенциальных земледельцев. Вторые отмечали лишь наметившуюся тенденцию в использовании злаков (Henry 1981). Третьи видели в натуфийцах только собирателей диких злаков (Anderson-Gerfaud 1988, 1992). Все эти разногласия имели под собою определенную научную базу. Однако, трудно решить, какая из гипотез наиболее правильна? Ведь рассмотрение любой проблемы, а тем более проблемы возникновения земледелия, требует не абстрагирования имеющихся фактов, а прежде всего изучения конкретного материала. Поэтому нужно

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трасологическая лаборатория.

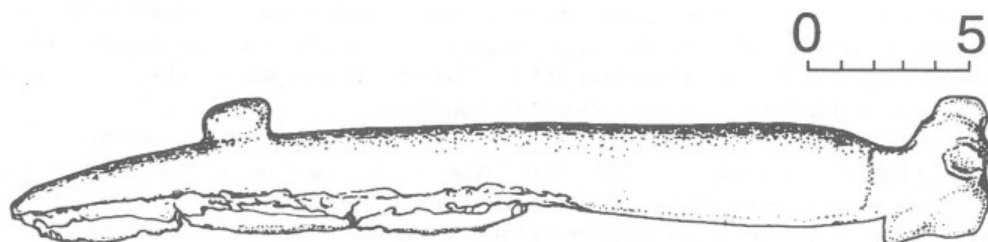

Рис.1 Жатвенный нож из Кебары (слой Б).

Fig.1 Harvesting knife from Kebara layer B.

снова обратиться к фактическим доказательствам и рассмотреть их с разных сторон. При этом необходимо учитывать ряд факторов: 1. Палеоэкологическую ситуацию на территории того региона, где был возможен переход от собирательства диких злаков к их возделыванию. 2. Степень готовности натуфийского населения к переходу на экономику нового типа. 3. Наличие запаса семян диких злаков для будущего посева и получения нового урожая. 4. Степень зрелости диких злаков. 5. Соблюдение определенной технологии сева, жатвы и сбора злаков. 6. Наличие морфологических признаков растений, указывающих на их domestикацию. 7. Наличие участков земли вблизи поселений, способных стать полигоном для выращивания и дальнейшей культивации диких злаков. 8. Наличие микропризнаков износа на жатвенных орудиях, указывающих на использование их для срезания культивируемых растений.

При рассмотрении первого фактора исследователи пришли к единому мнению, что экологическая ситуация в X–IX тыс. до н.э. на территории Ближнего Востока была благоприятной (Van Zeist, Bakker-Heeres 1979; Zohary, Hopf 1988; Harris, Hillman 1989; Zohary 1989, 1992). В своем рационе натуфийцы использовали широкий ассортимент диких злаков и овощей, которые могли быть объектом domestикации.

Второй фактор – степень готовности натуфийского общества к переходу на экономику нового типа – можно считать также благоприятным. Натуфийцы имели прочные долговременные жилища, группирующиеся и компактно расположенные поселения, свидетельствующие о стабильности и оседлости их обитателей, разнообразный набор инструментария, технологически и функционально достаточно эффективного и способного к быстрому внедрению в новую экономику, высокий уровень жизнеобеспечения в результате экстенсивной эксплуатации окружающей природы. По свидетельству специалистов (Harris, Hillman 1989), территория таких поселений как Абу Хурейра была обжита круглогодично и население обладало необходимым запасом продуктов питания.

Для перехода к земледелию одним из неперемных условий должен присутствовать третий фактор: наличие запаса семян диких злаков, подготовленного для будущего посева и получения нового урожая. Доказательством того, что такие запасы создавались, служат находки большого количества семян диких злаков, обнаруженных на территории Абу Хурейры (Hillman 1975) и других памятников.

С этим фактором тесно связан четвертый – степень зрелости диких злаков, ибо только зрелые семена могут быть объектом культивации и дальнейшей domestикации (Hillman, Davies 1990; Hillman 1992). В ходе соблюдения определенной технологии обработки почвы, посева и сбора урожая они могут дать своего рода полумутанты и мутанты. Именно последние в ходе селекции и адаптации приобретают в конечном итоге морфологические признаки domestичированных злаков. Однако рассмотрение этого фактора не находит однозначного объяснения. Палеоэтноботанические исследования не дают определенного ответа. Свидетельства трасологических изысканий жатвенных инструментов из натуфийских слоев Абу Хурейры, Хайонима, Нахал Орена, приведенные П.Андерсон, указывают якобы на использование орудий только для срезания зеленых или

полузеленых злаков (Anderson 1991, 1992, 1993). По данным микроанализа жатвенных ножей из Кебары Б, Эль Вад Б и других памятников натуфийской культуры, полученным Р.Ангер-Хамильтон, появилась иная информация. Последняя свидетельствует об использовании большей части серпов для срезания незрелых зеленых злаков (68%) и меньшей – для зрелых (Unger-Hamilton 1991, 1992). Таким образом, мнения исследователей не привели к однозначному решению этого вопроса.

Пятый фактор связан непосредственно с соблюдением технологии жатвы, требующей применения специальных инструментов. Как показывают материалы натуфийских памятников, индустрии последних содержат достаточно показательный набор вкладышей жатвенных ножей, в том числе и смонтированных в оправы (рис.1).

Одним из определяющих факторов появления земледелия является наличие морфологических признаков, характерных для доместичированных злаков. Однако по результатам палеоэтноботанических исследований остатков зерен растений из эппалеолитических (то есть натуфийских) слоев упомянутых выше памятников таковые отсутствуют. Дошедшие до нас злаки принадлежат только диким видам. Напомним, что злаки с морфологическими признаками доместикации появляются в Pre-Pottery слоях VIII–VII тыс. до н.э. Вместе с тем, такие исследователи как Г.Хиллман допускают, что преддоместикационный период падает на эппалеолитическое время, хотя прямых палеоэтноботанических свидетельств этому пока нет.

Непременным условием для возделывания злаков должно быть наличие участков земли, желательно вблизи поселения, которые могли бы стать полигоном (даже при использовании примитивной обработки) для выращивания и дальнейшей культивации припасенных для этих целей зерен диких видов. Какими доказательствами мы располагаем? В основном это косвенные свидетельства, которые, тем не менее, нельзя игнорировать. Во-первых, нет данных о том, что заросли диких злаков произрастали вблизи поселений. И для получения зерна, в том числе для накопления фонда запаса, требовались специальные походы, в период которых производился сбор диких злаков. А если эти участки располагались далеко от поселков? Естественно, такие походы, по данным этнографических наблюдений, были не рациональными (O'Connell, Hawkes 1981; O'Connell et al. 1983; Smith 1989). Во-вторых, имеются сведения, что вблизи Абу Хурейры производилась искусственная расчистка леса. По нашим экспериментальным свидетельствам такие земли не только плодородны, но и легко поддаются обработке. Достаточно использовать для этого самые примитивные орудия типа палок-копалок, широко известных по материалам раннего неолита Средней Азии (Коробкова 1969) и Ближнего Востока. Вместе с тем, есть третье свидетельство, наиболее важное – это следы от обработки земли. Однако трактовка этого вопроса не однозначна. Данные опытов П.Андерсон, полученные в Жалес (Франция), не позволяют говорить об обработке земли у натуфийцев (Anderson 1991, 1992). Результаты наших экспериментов, проведенных в Средней Азии (более близкой ситуации к натуфийской) на аридных, но не гумидных почвах (как в Жалес), и Р.Ангер-Хамильтон на Ближнем Востоке (Unger-Hamilton 1989), свидетельствуют в пользу противоположной информации.

Одним из определяющих факторов, связанных с проблемами земледелия, является восьмой. Это жатвенные инструменты, сохраняющие на своей рабочей поверхности следы износа от срезания конкретных растений. Выводы по этому вопросу зависят только от результатов трасологического (микроанализа) и экспериментального исследований орудий, раскрывающих картину дифференцированного использования последних. Ключом к их раскрытию служит метод микроанализа поверхностей каменных и костяных орудий, разработанный в 30-е гг. С.А.Семеновым (Семенов 1957; Semenov 1964). Метод был проверен результатами экспериментов и применен к изучению жатвенных орудий трипольской, анауской, чувстской культур и Эриду (Семенов 1949, 1954, 1965, 1974; Семенов, Ширинов 1976). Ученым были выделены генеральные признаки, характеризующие все жатвенные орудия в целом, без их дифференцирования. Вместе с тем, уборочные инструменты являются тонким индикатором малейших изменений, происходящих в срезаемых ими объектах жатвы. Именно они могли дать разгадку столь запутанного и до сих пор не выясненного вопроса, когда и где произошел переход от сбора диких злаков к их первоначальной культивации? По мнению специалистов, это был ареал Ближнего Востока – Междуречье Тигра и Евфрата – ставший полигоном для возделывания

пшеницы, ячменя и ржи, начиная с VIII тыс. до н.э. По свидетельству палеоэтноботаником и палинологов domesticiрованные злаки (emmer, einkorn, barley, rye) появились в слоях докерамического неолита Абу Хурейры (Hillman 1975, 1992), Мюрайбита (Cauvin 1977, 1989, 1992; Van Zeist, Bakker-Heeres 1984), Телль Асвада (Zohary 1989, 1992; Zohary, Hopf 1988; Van Zeist, Bakker-Heeres 1979, 1985), Иерихона (Hopf 1983), Бейды (Helbaek 1969), Нетив Хагдуда (Kislev et al. 1986; Bar-Yosef, Kislev 1989; Kislev 1992), Гилгала (Noy et al. 1980) и других памятников рассматриваемого периода. Естественно, что процесс их культивации должен начаться в более раннее время. Решение этого вопроса полностью зависит от результатов микроанализа жатвенных орудий и экспериментов, уточняющих сделанные определения. Поэтому все внимание ученых было направлено на изучение уборочных инструментов, и в первую очередь на выявление их конкретного назначения. Первые исследования в этой области были предприняты Г.Ф.Коробковой в конце 60-х начале 70-х г. (Коробкова 1970, 1977). Серийные, массовые и неоднократно повторяющиеся опыты, проведенные автором на жатве разнообразных растений, выращенных на больших площадях, позволили использовать разные типы жатвенных инструментов, выполненных по образцу древних археологических оригиналов. Орудия были сделаны из близкого для раннего времени сырья, с применением аналогичной при их изготовлении технологии. В опытах были задействованы более 650 разнообразных орудий, выполненных из кремней, обсидиана, кварцита, доломита, яшмы, челюстей животных и других материалов. В качестве вкладышей использовались крупные и мелкие пластины, геометрические микролиты и отщепы. Многие из них служили вкладышами составных жатвенных ножей и серпов, каковые встречались в мезолитических, неолитических и энеолитических памятниках Средней Азии, Ближнего Востока, на Кавказе и в Северном Причерноморье. В опытах испытывались орудия без рукояток. Объектами жатвы были домашние злаки (пшеница, ячмень, рожь, овес, в том числе древние сорта, выращенные З.В.Янушевич в ботаническом саду Кишинева: : однозернянка, двузернянка, спельта, карликовая пшеница), дикие (ячмень, овес, тимофеевка, лисохвост луговой), бобовые (горох, вика), кормовые культуры (люцерна, клевер, смешанные посева), разные виды трав (осока, крапива, полынь, лебеда, пырей и другие), тростник и камыш разной стадии зрелости и с разной толщиной стебля. При этом использовалась дифференцированная техника жатвы: срезание серпами и жатвенными ножами колосков и соломы на высоте 15–20 и 50–65 см от земли, обламывание колосков руками, вырывание с корнем. Орудия использовались в равные промежутки времени, на близких в качественном отношении и по размерам участках в целях сравнения их за одну и ту же единицу времени. Одни и те же опыты повторялись десятками раз во избежание случайных результатов и выявления повторяющихся микро- макропризнаков износа на рабочих поверхностях. От разных растений на орудиях появились специфические следы, которые достаточно четко прослеживались под микроскопом с увеличением в 100–200 и более раз. В зависимости от материала, из которого было сделано орудие, времени использования, угла заострения лезвия, признаки износа могли наблюдаться и при меньшем увеличении (х 25–50). В итоге автором были выделены морфологические микро- макропризнаки для разных жатвенных инструментов, позволяющие дифференцировать их в соответствии со срезаемыми ими растениями (Коробкова 1978; Korobkova 1981, 1992, 1993), была уточнена и усовершенствована методика микроанализа рассматриваемой группы орудий. Полученные экспериментальные эталоны стали служить аналогией для идентификации функций археологических жатвенных инструментов, объяснением появления следов и верификацией. Именно микро- и макроследы износа явились индикатором при определении конкретного назначения жатвенных ножей и серпов, использованных для культивируемых и диких злаков, травы и тростника или камыша.

В методическом плане учитывались 6 блоков признаков износа: микро- макровырошенность рабочего края с ее качественными и количественными характеристиками; характер кромочной линии лезвия и его поперечное сечение; качественная и количественная характеристика заполировки и ее топография; характер линейных признаков и их расположение; следы от рукоятки (в целях реконструкции формы орудий) или трения от рук; следы природной или какой-либо иной деформации. Как свидетельствуют данные микроанализа массовых жатвенных инструментов определяющую роль в установлении их

конкретных функций играют заполировка и линейные следы. Коротко охарактеризуем основные признаки износа, встречающиеся на разных типах жатвенных орудий.

Кремневые пластины и отщепы для домашних злаков (табл.1,1,2) характеризуются яркой зеркальной заполировкой, прямолинейной односторонней направленности, плотной (особенно у лезвия), уплощенной, выравнивающей микрорельеф рабочей поверхности орудия. Верхние границы ее размыты или резко обрываются (в зависимости от крепления орудия в рукоятке – положения вкладышей в пазу). Ширина заполированной полоски может варьировать в пределах 3–7 мм (с учетом времени использования, сырья, из которого сделано орудие, зрелости срезаемых растений, густоты посадки, диаметра стеблей, положения вкладыша в пазу оправы и др.). Обе поверхности заполированной зоны испещрены многочисленными линейными следами в виде узких тонких удлиненных прочерченных рисок с мягкими краями, встречающихся в комбинации с кометообразными фигурами, образованными односторонне изношенными ямками и отходящими от них линиями. Они, как правило, однонаправленные и отражают кинематику труда и объект жатвы (доместицированные злаки). В зависимости от положения вкладыша в рукоятке и формы оправы линии могут быть параллельными или наклонными по отношению к кромке лезвия. Можно также установить, насколько глубоко монтировались вкладыши в пазу оправы или как сильно выступали из него. Выкрошенность края мелкая, глубокая, крутая, иногда придающая кромке зубчатые очертания. Фасетки регулярные и нерегулярные, чаще всего односторонние с единичными выщербинками на противоположной стороне, со глаженными краями. Ориентация их по отношению к кромочной линии перпендикулярная, отдельные микрофасетки наклонные в одном направлении. Параметры фасеток колеблются в пределах 1–2 мм. Ретушь утилизации зачастую видна без микроскопа. Характер ее во многом зависит от зрелости злака, толщины стебля, длительности использования орудия, угла заострения лезвия и др. Кромка лезвия скруглена в поперечном сечении и может быть гладкой, непрерывной при наличии большого угла заострения и мелкозубчатой – малого. Следы от рукоятки можно уловить по характеру верхней границы заполировки (если вкладыш глубоко утоплен в паз оправы) и на выступающих участках обушкового края, сохраняющих легкую притупленность или выкрошенность и блеск того материала, из которого была сделана рукоятка. Бывают случаи, когда на поверхности вкладышей остаются следы от вяжущего вещества, с помощью которого производилось крепление вкладышей. Чаще всего это битум.

Жатвенные орудия для диких злаков (табл.1,3,4) повторяют некоторые блоки следов износа доместичированных. Например, сохраняют на рабочей поверхности зеркальный блеск прямолинейной направленности. Но ширина заполированной полоски значительно уже, чем на орудиях для доместичированных злаков. Так она колеблется в пределах 1–2 мм. Причем, при срезании зрелых растений заполировка такая же плотная, выравнивающая, гладкая, как и на орудиях для культурных злаков, но меньшей ширины (табл.1,5). При срезании зеленых злаков она выпуклая, облегающая, глубоко проникающая в микрорельеф поверхности (особенно у верхних границ) (табл.1,3,4). В зависимости от плотности зарослей диких злаков, когда они покрывают поле сплошным ковром, на орудии могут появиться редкие, короткие, иногда только улавливаемые узкие тонкие линии, преимущественно у кромки. Если посевы редкие и местами между ними оголена земля, то в этом случае на орудии могут появиться более многочисленные, короткие линейные следы небольшой протяженности, но без кометообразных фигур. Выкрошенность края мельчайшая (видна под микроскопом), нерегулярная, плоская и глубокая, прослеживаемая преимущественно на одной стороне лезвия и единично на другой. Ее интенсивность также зависит от зрелости злаков, длительности использования, характера материала, из которого сделано орудие и др. Вместе с тем, утверждение некоторых исследователей (Anderson 1991, 1993), что наличие линейных следов и их количество зависит от высоты среза стебля (низко от земли или высоко), не подтверждается ни нашими ранними экспериментами, ни последними (табл.1, 3-5), а также экспериментами Р.Ангер-Хамильтон (Unger-Hamilton 1989). Они находятся в прямой зависимости от характера почвы, где росли злаки, и особенно ее (хотя бы разовой) обработки, и состояния стебля (зрелый или зеленый).

Жатвенные орудия для культивируемых диких злаков имеют следы, близкие к орудиям для доместичированных злаков. Это плотная, проникающая, выровненная

заполировка (особенно у кромки лезвия), но не повторяющая очертания микрорельефа рабочей поверхности, как на орудиях для некультивируемых злаков. Ширина заполированной полосы колеблется в пределах 1–3 мм (как на орудиях для диких злаков). Показательны линейные признаки, прослеживаемые в зоне заполировки. Это тонкие, узкие, порою наслаивающиеся, часто расположенные линии, сочетающиеся с редкими кометообразными фигурами. И не взирая на высоту срезания стеблей, на орудиях всегда будут видны эти специфические признаки (табл.1,5). Они практически идентичны следам от domestikированных злаков, но занимают узкую полосу.

Жатвенные орудия для диких трав (табл.1,6; табл.2,1,2) дают тоже зеркальную заполировку, но выпуклую, облегающую микрорельеф рабочей поверхности. Этим признаком похожи на орудия для диких злаков, срезанных в зеленом или полужеленом виде. Однако, заполировка мелкаячеистая, слегка уплотненная только у кромочной линии лезвия. Полоска блеска едва заметная, ширина ее до 1, редко до 2 мм. Более интенсивная у кромки лезвия (табл.1,6). Выкрошенность единичная, плоская, микроскопическая. Меняются параметры фасеток утилизации. Высота их не более 0,3 мм. Границы фасеток разношены. Блеск приобретает линейную направленность. Однако, линейных следов нет из-за плотного дернового покрова (который образуют травы), не дающего проникновения абразивных частиц из почвы на поверхности растений. Иногда при большом увеличении (х 200) можно видеть очень редкие, пунктирные риски на верхнем участке лезвия, которые появляются от соприкосновения орудия с землей. Здесь можно наблюдать даже пересечение царапин от разной кинематики.

Травы с более толстым стеблем, как например, аир (табл.2,1), крапива (табл.2,2), полынь дают более уплотненную, хотя и выпуклую заполировку у кромки, но сильно разреженную в верхней части контактной зоны. Верхние границы ее всегда размыты. Ширина заполированной полосы до 3 мм. В зоне заполировки под большим увеличением можно видеть короткие и удлиненные тонкие узкие линии, параллельные рабочему краю. Выкрошенность тоже редкая, в основном односторонняя, но крутая, глубокая, ступенчатая. Интенсивность ее зависит от угла заострения лезвия, длительности использования и других причин.

Ножи для тростника, камыша, рогоза выделяются более широкой полосой зеркальной заполировки, гладкой, поверхностной, налегающей на микрорельеф рабочей зоны (табл.2,3,4,5). Ширина варьирует в пределах 4 – 9–10 мм (в зависимости от времени использования, угла заострения лезвия, материала орудия, толщины стебля). Блеск не заходит глубоко в западины рабочей поверхности. Иногда он выпуклый, как бы вздутый (табл.2,4,5) (от срезания зеленого тростника или камыша). При срезании тонкого зеленого тростника заполировка похожа на ту, что от травы (табл.2,3). После длительного использования у кромки на уплотненной полоске заполировки можно видеть узкие, тонкие, удлиненные, порою бороздчатые линейные следы, параллельные краю, иногда сочетающиеся с перпендикулярными или диагональными рисками в случае, когда используется комбинированная кинематика – как бы подсекание стебля (как при срезании сахарного тростника), сочетавшееся с перерезанием (когда рабочее лезвие направлено параллельно продольной оси орудия). Характерно интенсивное выкрашивание лезвия. Выделяется грубая, как бы выламывающая край ретушь утилизации, видимая без микроскопа. Фасетки крупные и мелкие, ступенчатые, глубокие, разрывающие кромочную линию, нередко придающие лезвию зубчатые очертания. Они в основном односторонние. В виде исключения встречаются единично на другой стороне рабочего края. Иногда наблюдается забитость кромки от толстых сухих стеблей.

Такова методологическая база для классификации жатвенных орудий.

Позднее в 80-е гг. подобные эксперименты проводились разными учеными (Anderson-Gerfaud 1983, 1988; Unger-Hamilton 1983, 1985, 1989), которые пришли к аналогичным выводам. Разногласие вызвало лишь объяснение появления линейных следов на культивируемых диких злаках (Anderson 1991, 1992). Однако, опыты, проведенные Р.Ангер-Хамилтон на Ближнем Востоке в местах массового произрастания последних (1985, 1989), полностью подтвердили выводы Г.Ф.Коробковой. Дополнительной аргументацией появления линейных следов на орудиях для диких и культивируемых диких злаков явились новые опыты Г.Ф.Коробковой, проведенные в Ленинградской области с дикой тимофеевкой, которая срезалась на разных уровнях от земли. Свидетель-

ством были эталоны орудий с линейными признаками, использованными для срезания стеблей низко от земли (20–30 см) и высоко (50–60 см). Об этом свидетельствуют и опыты с domesticiрованными злаками и данные микроанализа жатвенных орудий джейтунской раннеолитической культуры Туркменистана (конца VII тыс. до н.э.), которые показали массу одинаковых линейных признаков, хотя одни серпы использовались для срезания только колосьев, вторые – соломы на высоте 20–30 см от земли. Такая техника жатвы была типична для джейтунской культуры, по наблюдениям Г.Хиллмана (Чарлз, Хиллман 1992). И объяснением появлению таких следов может служить только обработанная земля, которую достаточно было вскопать палками-копалками, оказавшимися очень эффективными на местных почвах. А об их присутствии свидетельствуют находки крупных каменных утяжелителей кольцеобразной формы в Гадыми-депе и Монджуклы-депе (Коробкова 1987).

Кроме того, мною накоплен богатый опыт работы с раннеземледельческими материалами Средней Азии, Кавказа, Северного Причерноморья (Коробкова 1969, 1987, 1989). За 35 лет исследования каменных и костяных орудий с помощью микроанализа (изучено свыше 7000 жатвенных пластин и отщепов) и экспериментов, с использованием бинокля МБС-1 (с увеличением более 100 раз), металлографического микроскопа МИМ-6 (Коробкова 1969) и в последние годы Olympus с увеличением до 400 раз, привлечения материалов эпох конца позднего палеолита и мезолита позволили отработать достаточно надежную методику исследования.

Функциональная типология следов износа для жатвенных ножей и серпов была применена автором и к изучению кремневых индустрий натуйфийской культуры. Совершенствование методики микроанализа и выявление морфологических микропризнаков для дифференцированных жатвенных инструментов могут явиться ключом к разгадке проблемы земледелия на Ближнем Востоке.

Итак, из отмеченных нами 8 факторов, играющих важную роль при решении проблемы возникновения земледелия, три первых – палеоэкологическая ситуация, готовность натуйфийских обществ к переходу экономики на новый путь, наличие необходимого запаса семян диких злаков для будущего посева и получения урожая, и пятый – соблюдение определенных условий жатвы – дают положительный ответ.

Разночтения вызывают четвертый, шестой, седьмой, восьмой факторы. Они требуют специального рассмотрения. Речь идет о степени зрелости срезаемых диких злаков, наличии морфологических признаков, указывающих на их культивацию, обрабатываемых участков земли вблизи поселений, жатвенных инструментов, используемых для культивируемых видов злаков.

Для их рассмотрения обратимся к результатам наших исследований (по программе российско-британского сотрудничества, в которой принимала участие и Т.А.Шаровская) материалов из эпилеолитических слоев пещера Кебара (Mugharet el-Kebarah, слой Б), Абу Хурейры (траншея Е, слои 311, 312, 313, 314, 315), Нахал Орена (Nahal Oren, слой VI), полученным в 1990–1993 гг. и хранящихся в фондах Британского Музея Лондона. При микроанализе использовался бинокль Olympus с увеличением $\times 40$ и металлографические микроскопы Olympus Vanox и Leitz с увеличением $\times 100$ –400. Для фотографирования микроследов была использована фотокамера и 16 пленок Kodak TP-135. Все орудия предварительно очищались ацетоном. Из-за малого увеличения и слабого освещения бинокля (в России бинокляры МБС-1-11 дают увеличение более чем $\times 100$, и яркую специальную подсветку) практически каждое орудие анализировалось под металлографическим микроскопом. Параллельно шла зарисовка орудий, микрофотографирование следов износа и подробное описание с учетом типологии, технологии и функции изделий.

В результате микроанализа нами полностью изучены коллекции Кебары Б (более 300 изделий), эпилеолитических слоев Абу Хурейры (более 3100 изделий) и VI слоя Нахал Орен (около 800 изделий). В целом, это более 4200 разнообразных кремневых артефактов. Следует отметить, что эти коллекции не равноценны ни в качественном, ни в количественном отношении. Так Кебара Б представлена в основном орудиями труда (78,3%), так как отходы техники расщепления кремня оставались на месте памятника. В Абу Хурейре орудия составляли более 16%, Нахал Орен – более 20%. Вместе с тем набор инструментов в них близкий, разница только в процентных соотношениях тех или иных

типов. Это орудия для обработки шкур и выделки кож, раскраивания шкур, изготовления из них одежды и других изделий; для обработки дерева, кости и рога; резания и разделки мяса; вкладыши ножей для срезания разнообразных растений; орудия для изготовления самих инструментов; орудия для обработки раковин и изготовления из них украшений; для растирания и изготовления краски; полифункциональные инструменты. Их подробная характеристика будет рассмотрена в специальной работе. Здесь мы остановились только на жатвенных инструментах и их интерпретации в связи с рассмотрением спорных вопросов о земледелии.

Среди более 300 изделий Кебары Б вкладыши жатвенных инструментов составляли 94 или почти 50% от числа всех орудий труда. В Абу Хурейре на более чем 3100 кремневых предметов, включая отходы, вкладыши насчитывали 8 экземпляров или 1,6%. В VI-ом слое Нахал Орен оказалось 3 вкладыша на 760 изделий, что составило 1,9% от числа всех инструментов.

В наборе жатвенных орудий ближневосточных памятников выделены ножи для диких трав (табл.4,1,2), тростника и камыша (табл.4,3,4), диких (табл.3,4,5) и культивируемых диких злаков (табл.3,1,2,3). И если существование в Натufe первых трех видов растений не вызывали сомнения, то последний привлек особое внимание, ибо с ним связан вопрос, когда и где осуществлены первые шаги на пути к возделыванию злаков. Безусловно, это не произошло внезапно. Безусловно, был переходный период, на протяжении которого происходила перестройка старой экономики. Безусловно, что именно на этом этапе наметились изменения в собирательской отрасли хозяйства. В настоящее время есть основания полагать, что уже во время существования натufийских памятников Кебары Б, Абу Хурейры и более позднего Нахал Оrena, обитатели их преодолели границу собирательства, перейдя, хотя и к примитивной, культивации диких злаков.

Вернемся к рассмотрению четвертого фактора – степени зрелости срезаемых диких злаков, без которого, по мнению специалистов, немислима их дальнейшая domestикация. Решение его зависит только от результатов микроанализа жатвенных инструментов, которые чутко реагируют на малейшие изменения в объектах жатвы. Полученные данные свидетельствуют, что часть жатвенных ножей из Кебары Б, Абу Хурейры и Нахал Оrena использовались для срезания зрелых злаков. На это указывает характер заполировки, образовавшейся на орудиях в ходе работы. При срезании зеленых или полужелтых злаков она выпуклая, как бы облегчающая микрорельеф рабочей поверхности вкладыша (табл.3,4,5). Зрелый стебель дает уплощенную, выровненную заполировку от истирания о более твердый стебель (табл.3,1,2,3). В Кебаре Б вкладышей жатвенных ножей с подобными следами износа обнаружено 21,6% (от числа всех орудий, использованных для диких злаков). В Абу Хурейре их 33%, Нахал Орен – 50%. Если учесть данные микроанализа орудий, полученные Р.Ангер-Хамильтон (1991, 1992), и изучения микрофотографий, приведенных в работах П.Андерсон (1991, 1992), эти показатели заметно возрастут. Таким образом, результаты наших трасологических наблюдений дали положительный ответ на четвертый фактор.

Что касается шестого – наличие морфологических признаков у растений, указывающих на начавшуюся domestикацию диких злаков, для него получен отрицательный ответ. Однако нельзя игнорировать наличие периода их формирования. По мнению палеоэтноботаников (Harlan et al. 1973; Oka 1988; Hillman 1989; Hillman et al. 1989), при использовании определенных способов жатвы и сева многие виды растений долго сохраняют все признаки дикорастущих злаков. Поэтому не исключено, что найденные в натufийских памятниках остатки диких злаков могли принадлежать уже культивируемым видам, но которые еще не приобрели морфологических признаков domestцированных злаков. Однако среди них могли появиться мутанты и полумутанты, дальнейшая селекция которых рано или поздно должна была привести к их domestикации. Вместе с тем, такие морфологические признаки можно уловить на древних жатвенных инструментах в виде микро- и макроследов, сохранившихся от срезания разных видов растений и верифицируемых результатами экспериментов.

Орудия Кебары Б, эпинатуфийских слоев Абу Хурейры и VI слоя Нахал Оrena продемонстрировали следы износа, характерные для срезания культивируемых диких злаков. Это дает положительный ответ на шестой и седьмой факторы. Рассмотрим их подробнее, поскольку они являются определяющими при установлении начального этапа

культивации диких злаков. Итак, среди 94 вкладышей Кебары Б выявлено 17 кремневых пластинок, указывающих на применение их для срезания культивируемых диких злаков (табл.3,1,2,3). Среди 8 вкладышей Абу Хурейры один связан с культивируемыми растениями. Из 3 вкладышей Нахал Орена один использовался в этих же целях. Кроме того, к данным цифрам следует добавить еще ряд орудий из Кебары Б, Абу Хурейры и Нахал Орена, микрофотографии которых опубликованы в статьях П.Андерсон и Р.Ангер-Хамильтон. Как нам представляется, среди них есть тоже образцы использованные для культивируемых диких злаков, хотя предложенная исследователями трактовка иная. Это вкладыши жатвенных ножей из эпипалеолита Абу Хурейры, изображенные на рисунке 13 (Anderson 1991), 15а и б, 16а и б (Anderson 1992), из эпинатуфа Мюрайбита – рисунок 19, 20 (Anderson 1991), и рисунки 17а и б (Anderson 1992), из Эль Вад Б₂ – рисунок 12 (Unger-Hamilton 1992), из Кебары Б – рисунок 23 (Unger-Hamilton 1991). Для всех выделенных орудий характерна яркая зеркальная заполировка, занимающая узкую полосу вдоль лезвия шириной 1–3 мм. Заполировка уплотненная у кромки, выровненная и уплощенная в результате истирания от срезания зрелого стебля, частично проникающая в микрорельеф рабочей поверхности. Верхняя граница (удаленная от кромки) заполированной полосы часто размытая. Кромка слегка деформирована в результате выкрашивания лезвия. Образовавшиеся микрофасетки (выщербинки) почти не видимы невооруженному глазу. Параметры их варьируют в пределах 0,2–0,5 мм. Ретушь утилизации односторонняя, разрозненная, иногда группирующаяся, глубокая, прикромочного типа. Единично она встречается на противоположающей стороне. В пределах заполированной полосы видны многочисленные линейные следы, параллельные или слегка наклонные лезвию. Линии узкие, тонкие, удлиненные, часто расположенные, сочетающиеся с односторонне разношенными лунками, образующими вместе с линиями кометообразные фигуры. Они иногда сливаются, превращаясь в широкие бороздки. Такой характер линейных следов образуется от множества абразивных частиц, которые попадают на поверхность злаков, выращенных на обработанной почве. В археологической литературе выделенные признаки износа и объяснение их проявления, проверенные на серийных экспериментах Р.Ангер-Хамильтон по жатве разных растений, были рассмотрены как "эффект Коробковой" (Hillman 1992). Ножи для срезания некультивируемых диких злаков отличаются от последних более выпуклой заполировкой, микроскопической разрозненной выкрошенностью, редкими укороченными линиями, не образующими кометообразных фигур (табл.1,3,4). Ножи для domestiцированных злаков выделяются уплощенной, более плотной, зеркальной заполировкой, выглаживающей поверхность и занимающей более широкую полосу до 7 мм. Выкрошенность, хотя и мелкая, но частично видимая невооруженным глазом. Параметры ретуши утилизации до 1–2 мм. Рабочие поверхности испещрены многочисленными частыми линейными следами, среди которых наиболее показательны кометообразные фигуры (табл.1,1,2). Таким образом, морфологические признаки на ножах для срезания культивируемых диких злаков как бы занимают среднюю позицию между следами износа на орудиях для зрелых диких злаков (табл.1,5) и следами на орудиях для domestiцированных. По линейным показателям они ближе всего стоят к жатвенным инструментам, используемым для домашних злаков (табл.1,1,2). Однако, площадь их распространения значительно меньше, чем на последних (1–3 мм и 3–7 мм соответственно).

Таким образом, изученный фактический материал седьмого фактора позволяет говорить об использовании части жатвенных орудий из Кебары Б, Абу Хурейры и Нахал Орена для срезания культивируемых диких злаков (табл.3,1,2,3).

Удлиненные узкие царапины, сочетающиеся с кометообразными фигурами, многочисленны на орудиях, использованных при срезании растений, выращенных на вспаханной почве. Они появляются от загрязнения стеблей злаков в результате разбрасывания мельчайших песчинок с верхнего, обнаженного обработкой слоя земли. Нужно учитывать также специфический климат Ближнего Востока (близкий в какой-то степени Средней Азии, где проводились наши опыты) и особый характер аридных почв, требующих незначительной обработки перед посевом. Сильные частые ветры, характерные для этих регионов, всегда поднимают тучи абразивных частиц, покрывающих всю поверхность растений. Этому способствуют и частые сильные весенние дожди. В результате на орудиях, используемых в срезании подобных растений, выращенных на обработанных

почвах, остаются специфические, присущие только им, морфологические признаки износа. В качестве примера можно привести не только данные наших экспериментов (табл. 1, 1, 2), но и результаты микроанализа джейтунских вкладышей жатвенных ножей конца VII тыс. до н.э., которые использовались для срезания культивируемых злаков, выращенных на обработанных палками-копалками аридных землях (табл. 4, 5, 6). И в обоих случаях следы износа на жатвенных орудиях были очень близки.

Находки вкладышей жатвенных ножей в натуфийских памятниках с подобными признаками сработанности еще раз подтверждают начавшуюся там культивацию диких злаков. Судя по палеоботаническим данным это были еще не доместизируемые растения с типичными морфологическими признаками. Это были по-прежнему дикие злаки, но уже подвергшиеся примитивной культивации. На первых ее этапах еще не ставилась задача селекции улучшения выращенных полевых культур. Все внимание было нацелено на получение урожая вблизи поселений, его своевременную уборку и частичное сохранение запаса семян для будущего посева.

Судя по линейным признакам, сохранившимся на орудиях от обработанной почвы, такие участки имели место. Тем более, что есть и косвенные свидетельства, указывающие на расчистку леса вблизи Абу Хурейры. Таким образом, фактор наличия необходимых под посевы участков обработанной земли тоже может быть решен положительно.

Итак, данные трасологического и экспериментального исследования вкладышей жатвенных ножей из Кебары Б, Абу Хурейры, Нахал Орена с учетом рассмотренных выше других 7 факторов, свидетельствуют, что начало примитивной культивации диких злаков на Ближнем Востоке уходит своими корнями в натуфийскую эпипалеолитическую культуру X тыс. до н.э. Безусловно, такая культивация еще не вытеснила собирательство. Урожай культивированных диких злаков, полученных с небольших участков земли, не мог полностью обеспечить прожиточный минимум натуфийского населения. И основную массу продуктов питания пополняли по-прежнему сбор диких злаков. Тем не менее, уже в недрах хозяйственной системы натуфийцев вызревали черты новой экономики, ориентированной на возделывание последних. Это был путь первых проб и ошибок, который в конечном итоге привел к доместикации диких злаков. Зарождение ее можно отнести к эпипалеолитическому времени.

Таким образом, с натуфийской культурой следует связывать начальный переходный этап от собирательства к земледелию. И определяющим фактором в решении этого вопроса являются жатвенные орудия с их диагностическими признаками и конкретным значением.

- КОРОБКОВА, Г.Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // Материалы и исследования по археологии СССР 158.
1970. Работы экспериментальной группы Молдавской археологической экспедиции // Археологические открытия 1969 года: 350-351. Москва.
1977. Экспериментально-трасологическое изучение серпов и мезолитических орудий // Археологические открытия 1976 года: 455-456. Москва.
1978. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трасологического изучения) // Советская археология 4: 36-52.
1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Ленинград: Наука.
- СЕМЕНОВ, С.А. 1949. Жатвенные кремневые ножи из позднепалеолитического поселения Лука-Врублевская на Днестре // Советская археология II: 151-154.
1954. Древнейшие каменные серпы // Советская археология 21: 355-367.
1957. Первобытная техника // Материалы и исследования по археологии СССР 54.
1965. Керамический серп из древнего поселения Эриду в Ираке // Советская археология 3: 217-219.
1974. Происхождение земледелия. Ленинград: Наука.
- СЕМЕНОВ, С.А., Т.ШИРИНОВ. 1976. Каменные серпы чувстской культуры // Ответственные науки Узбекистана 10: 73-77.

- ЧАРЛЗ, Р., Г.ХИЛЛМАН. 1992. Выращивание сельскохозяйственных культур в пустынной зоне (по результатам изучения карбонизированных растительных микроостатков) // Новые исследования на поселении Джейтун: 83-94. Ашхабад.
- ANDERSON-GERFAUD, P. 1983. A consideration of the uses of certain backed and lustered stone tools from late Mesolithic and Natufian levels of Abu Hureyra and Mureybet (Syria) // Traces d'utilisation sur les outils Néolithiques du Proche Orient. Travaux de la Maison de l'Orient 5: 77-106. Lyon.
1988. Using Prehistoric stone tools to harvest cultivated wild cereals: preliminary observations of traces and impact // Industries lithiques tracéologie et technologie. BAR-s 411: 175-195. Oxford.
1991. Harvesting of wild cereals during the Natufian as seen from the experimental cultivation and harvest of the wild einkorn wheat and microwear analysis of stone tools // The Natufian Culture in the Levant: 521-556. Ann Arbor, Michigan.
1992. Experimental cultivation, harvest and threshing of wild cereals and their relevance for interpreting, the use of Epipalaeolithic and Neolithic artefacts // Préhistoire de l'Agriculture. Nouvelles approches expérimentales et ethnographiques. Monogr. du CRA 6: 21-27. Paris.
1993. Interpretation of agricultural activities // Traces et fonction: les gestes retrouvés 2/50: 327-330. Liège.
- BAR-YOSEF, O., N.GOREN. 1973. Natufian remains at Hayonim Cave // Paléorient. I: 49-68.
- BAR-YOSEF, O., M.KISLEV. 1989. Early farming communities in the Jordan Valley // Foraging and Farming; The Evolution of Plant Exploitation: 632-640. London.
- BYRD, B.F. 1989. The Natufian Encompment at Beidha. Late pleistocene adaptation in the Southern Levant // Jutland Archaeological Society Publications XXIII/I: Århus.
- CAUVIN, J. 1977. Les fouilles de Mureybet (1971-1974) et leur signification pour origines de la sédentarisation au Proche-Orient // Annual of the American School of Oriental Research 44: 19-48.
1978. Les premiers villages de Syrie-Palestine du IX-ème au VII-ème millénaire avant J.C. // Collection de la Maison de l'Orient Méditerranéen Ancien 4. série archéologique 3. Lyon.
1989. La néolithisation au Levant et sa première diffusion // Néolithisations B.A.R. Is 51G: 3-36. Oxford.
1992. Problèmes et méthodes pour les débuts de l'agriculture: point de vue de l'archéologue // Préhistoire de l'Agriculture. Monogr. du CRA 6: 265-268. Paris.
- GARROD, D.A.E. 1932. A new Mesolithic industry: the Natufian of Palestine // Journal of the Royal Anthropological Institut 62: 257-270.
1957. The Natufian Culture: the life and economy of a Mesolithic people in the Near East // Proceedings of the British Academy 43: 211-227.
- GARROD, D.A.E., D.M.BATE. 1937. The Stone Age of Mount Carmel. I. Oxford.
- HARLAN, J.R., J.M. de Wet and E.G.PRICE. 1973. Comparative evolution of cereals // Evolution 27: 311-325.
- HARRIS, D.R. 1986/ Plant and Animal Domestication and the origins of agriculture: The contribution of Radiocarbon accelerator Dating // Archaeological Results from Accelerator Dating Oxford University Committee for Archaeology: 5-12.
- HARRIS, D., G.HILLMAN 1989. Foraging and Farming: the evolution of plant exploitation. London.
- HELBAEK, H. 1969. Plant collecting, dry-farming, and irrigation agriculture in prehistoric Deh Luran // Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. Memoirs of the Museum of Anthropology I: 383-426. Michigan: University of Michigan.
- HENRY, D. 1981. An analysis of settlement patterns and adaptive strategies of the Natufian culture in the Levant // Préhistoire de Levant: 421-432. Paris.
- HILLMAN, G.C. 1975. The plant remains from Tell Abu Hureyra: A preliminary report // Proceedings of the Prehistoric Society 41: 70-73.

1989. Late Palaeolithic plant foods from Wadi Kubbbaniya in Upper Egypt: dietary diversity, infant weaning, and seasonality in a riverine environment // *Foraging and Farming: evolution of plant exploitation*: 207-239. London.
1992. Domestication rate in wild wheats and barley under primitive cultivation: preliminary results and archaeological implications of field measurements of selection coefficient // *Préhistoire de l'Agriculture. Monogr. du CRA 6*: 113-158. Paris.
- HILLMAN, G.C., S.M.COLLEDGE, D.R.HARRIS. 1989. Plant-Food economy during the Epi-Palaeolithic period at Tell Abu Hureyra, Syria: Dietary, diversity, seasonality and modes of exploitation // *Foraging and Farming*: 240-268. London.
- HILLMAN, G., M.S.DAVIES. 1990. Measured domestication rates in wild wheats and barley under primitive cultivation and their archaeological implications // *Journal of World Prehistory 4/2*: 157-219.
- HOPF, M. 1983. Jericho plantremains // *Excavations at Jericho 5*: 576-621. London.
- KENYON, K.M. 1959. Earliest Jericho // *Antiquity 129*: 5-9.
- KENION, K.M., T.A.HOLLAND. 1981. 1982. 1983. Excavations at Jericho 3,4,5. London.
- KIRKBRIDE, D. 1966. Five seasons at the prepottery Neolithic Village of Beidha in Jordan // *Palestine Exploration Quarterly 98*: 5-61.
- KISLEV, M.E. 1992. Agriculture in the Near East in the VIIth millennium B.C. // *Pré histoire de l'Agriculture. Monogr. du CRA 6*: 87-93. Paris.
- KISLEV, M.E., O.BAR-YOSEF, A.GOPHER. 1986. Early Neolithic domesticated and Wild barley from the Netiv Hagdud region in the Jordan Valley // *Israel Journal of Botany 35*: 197-201.
- KOROBKOVA, G.F. 1981. Ancient Reaping Tools and their productivity in the light of Experimental tracewear Analysis // *The Bronze Age Civilization of Central Asia*: 325-349. New York.
1992. Les cycles de l'économie agricole (d'après l'outillage): resultats des analyses expé rimantales et tracéologique // *Préhistoire de l'Agriculture. Monogr. du CRA 6*: 271-280. Paris.
1993. La différenciation des outils de moison d'après les données archéologiques, l'étude des traces et l'experimentation // *Traces and fonction: les gestes retrouvés 2(50)*: 369-382. Liège.
- MOORE, A.M.T. 1975. The Excavation of Tell Abu Hureyra in Syria: a preliminary report // *Proceedings of the Prehistoric Society 41*: 50-69.
1979. A Pre-Neolithic Farmers village on the Euphrates // *Scientific American 241*: 50-58.
1982. Agricultural origins in the Near East: a model for the 1980s. // *World Archaeology 14/2*: 224-236.
1983. The first farmers in the Levant // *The hilly flanks and beyond: essays on the prehistory of Southwestern Asia. Studies in Ancient Oriental Civilization 36*: 91-111. Chicago.
1989. The transition from foraging to farming in Southwest Asia: present problems and future directions // *Foraging and Farming*: 620-631. London.
1991. Abu Hureyra I and the antecedents of agriculture on the Middle Euphrates // *Natufian Culture in Levant*: 277-294.
- NEUVILLE, R. 1934. Les débuts de l'agriculture et la faucille préhistorique en Palestine // *Recueil de la Société Hebraïque d'Exploration et d'Archéologie Palestinienne 3*: 21.
- NOY, T., A.J.Legge, J.Higgs. 1973. Recent Excavations at Nahal Oren // *Proceedings of the Prehistoric Society 39*: 75-99.
- NOY, T., J. SCHULDENREIN, E.TCHERNOV. 1980. Gilgal, a pre-Pottery Neolithic a site in the Lower Jordan Valley // *Israel Exploration Journal 30/3-4*: 63-82. Ierusalem.
- O'CONNELL, J.F., K.HAWKES. 1981. Alyawara plant use and optimal foraging theory // *Hunter-gatherer foraging strategies: ethnographic and archaeological analyses*: 99-125. Chicago.
- O'CONNELL, J.F., P.K.LATZ, P.BARNETT. 1983. Traditional and modern plant use among the Alyawara of Central Australia // *Economic Botany 37*: 80-109.
- OKA, H.J. 1988. Origin of cultivated rice // *Japan Scientific Societies Press. Tokyo and Elsekiew, Amsterdam.*

- SEMENOV, S.A. 1964. Prehistory technology. London.
- SMITH, M.A. 1989. Seed gathering in inland Australia: current evidence from seed-grinders on the antiquity of the ethnohistorical pattern of exploitation // Foraging and Farming: 305-317. London.
- TOURVILLE-PETRE, F. 1932. Excavations in the Mugharet el-Kebarah // Journal of the Royal Anthropological Institute 62: 271-276.
- UNGER-HAMILTON, R. 1983. An investigation into the variables affecting the development and the appearance of plant polish on flint blades // Traces d'utilisation sur les outils Néolithiques du Proche Orient. Table Ronde CNRS, TMO 5: 234-250.
1985. Microscopic striations on sickle blades as an indication of plant cultivation: Preliminary results // World Archaeology 17: 121-126.
1989. The Epi-Palaeolithic Southern Levant and the Origins of Cultivation // Current Anthropology 30/1: 88-103.
1991. Natufian plant husbandry in the southern Levant and comparison with that of the Neolithic Periods: The lithic perspective // The Natufian Culture in the Levant: 483-520. Ann Arbor, Michigan.
1992. Experiments in harvesting wild cereals and other plants // Préhistoire de l'Agriculture. Nouvelles approches expérimentales et ethnographiques. Monogr. du CRA 6: 211-224.
- VALLA, F. 1984. Les industries de Silex de Mallaha (Eynan) et du Natoufien dans le Levant // Mémoires et Travaux du Centre de Recherche Français de Jérusalem 3. Paris.
1991. Les Natoufiens de Mallaha et l'espace // Natufian Culture in the Levant: 111-122.
- Van ZEIST W., W.A.CASPARIE. 1968. Wild ein Korn wheat and barley from tell Mureybet in Northern Syria // Acta Botanica Neerlandica 17: 44-53.
- Van ZEIST, W., J.A.H. BAKKER-HEERES. 1979. Some economic and ecological aspects of the plant husbandry of Tell Aswad // Paléorient 5: 161-169.
1984. Archaeobotanical Studies in the Levant 3. Late-Palaeolithic Mureybet // Palaeohistoria 26: 171-189.
- ZOHARY, D. 1989. Domestication of the Southwest Asian Neolithic crop assemblage of cereals, pulses, and flax: the evidence from the living plants // Foraging and Farming: 358-373. London.
1992. Domestication of the Neolithic Near Eastern crop assemblage // Préhistoire de l'agriculture. Monogr. du CRA 6: 81-86. Paris.
- ZOHARY, D., M.HOPF. 1988. Domestication of plant in the Old World. Oxford.

THE STUDY OF FLINT TOOLS AND THE ORIGIN OF FARMING IN THE NEAR EAST

Summary

The functions of working tools and, first of all, those immediately connected with farming economy can be established by means of the use-wear analysis of stone tools invented by S.A.Semenov and supplemented by experimental results. This primarily refers to harvesting implements indicating the slightest changes in the set of plants reaped with them. It is these implements that enabled us to solve a complicated problem: when and where the transition from gathering wild cereals to their cultivation took place. According to the specialists studying the palaeoecological situation at the sites of the Natufian culture, it was the Near East, first of all, the territories of the Lebanon, Syria, Jordan, Palestine.

The subjects of the study (with T.A.Sharovskaya's direct assistance) were the collections of Epipalaeolithic layers Kebara el Wad (layer B), Abu Hurreyra (trench E, layers 311, 312, 313, 314, 315), Nahal Oren (layer VI) kept in the British National Museum.

The work resulted in the complete study of the whole collection of Kebara B (over 300 objects), Epipalaeolithic layers of Abu Hurreyre (over 3100 objects) and the Natufian layer Nahal Oren (about 800 objects). This makes up over 4200 various flint artifacts, not counting over 2000 artifacts from the layers of Beidha. It should be noted that these collections are by no means of equal value either qualitatively or quantitatively. Kebara B mainly contained working tools (78,3%), for flint splitting waste remained at the site. At Abu Hurreyra tools made up over 16%, at Nahal Oren over 20%. The types of tools at these sites were nearly the same, the main difference being the percentage of this or that type. The assemblage included tools used in furriery, tanning (various end-scrapers, perforators for shin needles, polishers) woodworking and bonecarving (microburins, burins, scrapers, saws, drills, chisels, planing cutters), butchering knives, tools used for harvesting different plants, for stone splitting and trimming (fabricators, flakers), treating shells and making ornaments of them (saws, drills, microburins), grinding and making paint (paint grinders, pestles, scrapers), polyfunctional implements.

Among over 300 artifacts from Kebara B inserts of various harvesting tools made up 94 items or nearly 50% of the whole number of working tools. At Abu Hurreyra there were 8 inserts or 1,6% of over 3100 flint artifacts. Layer VI of Nahal Oren contained 3 inserts among 760 artifacts which made up 1,9,% of the whole number of tools. Of special interest are inserts used for domesticated wild cereals. These inserts display all indications of micro-wear established on the basis of experimental data. For instance, 17 bladelets among 94 inserts of Kebara B suggest that they should have been used for domesticated wild cereals. Among 8 inserts of Abu Hurreyre I is connected with domesticated wild cereals. One insert out of 3 at Nahal Oren was used for the same purposes.

Harvesting knives from Natufian sites used for cutting wild cereals which were already being cultivated are characterized by a bright, smooth narrow burnished strip, 1-3 millimetres wide. The burnished strip is compact by the working edge of the blade, regular, penetrates into the microrelief of the working surface. The edge is slightly deformed as a result of the crumbling of the blade in the process of wear. The parameters of microfacets are 0,2-0,5 millimetres. The retouch is onesided, irregular, sometimes forming groups, deep, located by the edge. There are single facets on the other side of the blade. The traces of crumbling are mainly detectable under the microscope, very seldom by a naked eye. Within the burnished strip there are numerous linear traces parallel or slightly inclined to the blade. The lines are narrow, thin, elongated, close to each other, alternating with holes bearing traces of wear on one side and single comet-shaped figures. They often combine to make wider furrows. The upper boundary of the use-wear surface is often vague (depends on the position of the blade in the slot of the haft). These traces are characteristic of the inserts of harvesting knives from Kebara B, Abu Hurreyra and Nahal Oren. Thus it may be concluded that these tools were used for cultivated wild cereals.

Thus the data obtained as a result of use-wear and experimental study of harvesting knives with insert blades from 4 Natufian sites (Kebara B, Abu Hurreyra, Nahal Oren and Beidha) allow us to speak about the beginning of primitive cultivation of wild cereals in the 10th millennium B.C. Many indirect data stated above point to this fact. This is also supported by numerous supplies of grain (of wild cereals) found at Abu Hurreyre with their further domestication in pre-pottery layers. The investigations considered also confirm G.Hillman's hypothesis for the development of the pre-domestication from of cultivating wild weate in the Epipalaeolithic. Use-wear experimental studies of the working edge of harvesting knives provide support for this hypothesis. At present no definite evidence is available for the growth of wild cereals near Abu Hurreyra. This might be reason why its population started domesticating the seeds of wild cereals brought from far away as a reserve. Domestication might have been carried out on small plots worked with the most primitive earth-digging tool - sticks-diggers found in the Early Palaeolithic complexes of the Jeitun culture in Turkmenistan and effective when working all types of soil, especially arid soil (as our experiments have shown).

The harvest gathered in from such small plots by no means could ensure the subsistence minimum for the population of these settlements. Gathering wild cereals still remained the main way of getting food-stuff. Used in economy were other kinds of plants - reed, cane,

wild grasses. Traces of wear resulting from harvesting these plants are clearly observed on the surface of working tools. They are well differentiated and backed by experimental results.

Thus the microwear analysis of industries from the layers of Kebara B, Abu Hurreyre, Nahal Oren shows that the pre-domestication period of cultivating wild cereals started in the 10th-9th millennium B.C. and resulted in complete domestication of wild cereals in Preneolithic period A and B. Therefore the origin of farming in the Near East should be dated from the Epipalaeolithic. The elaboration of diagnostic indices of harvesting knives and sickles supports the conclusion that harvesting tools play a decisive role in determining economic orientation and were used for specific purposes: for cutting wild or cultivated cereals, grass, reed, cane, nettle and other kinds of plants. Concrete definition of their functions contributes to the reconstruction of true historic pattern of prehistoric economic systems. They are not of the most important indices defining the economy of hunters and gatherers who took their first steps in farming.

Табл.1 1,2 Микроследы на экспериментальных серпах для срезания domesticированных злаков. Кремьень. 3 час. и 5 час. x 100. 3,4 Микроследы на экспериментальных серпах для срезания диких злаков (полузрелых). Кремьень 3 час. x 100. 5 Микроследы на экспериментальном серпе для срезания диких злаков (зрелых). Кремьень. 3 час. x 100. 6 Микроследы на экспериментальном серпе для срезания трав (осока). Кремьень. 3 час. x 100.

Table 1 1,2 Microwear on experimental sickles used for harvesting domesticated cereals. Flint, 3 hrs and 5 hrs, 100 x. 3,4 Microwear on experimental sickles used for harvesting wild cereals (half-ripe). Flint, 3 hrs, 100 x. 5 Microwear on an experimental sickle used for harvesting wild cereals (half-ripe). Flint, 3 hrs, 100 x. 6 Microwear on experimental sickles used for harvesting grasses (sedge).

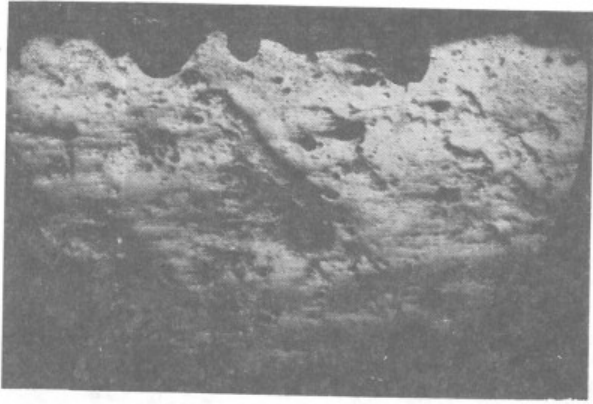
Табл.2 1,2 Микроследы на экспериментальных серпах для срезания трав (1 – айр, 2 – крапива). Кремьень. 3 час. x 100. 3,4,5 Микроследы на экспериментальных ножах для срезания тростника (3 – зеленого с тонким стеблем, 4 – зеленого с толстым стеблем, 5 – зрелого с толстым стеблем). Кремьень. 3 час. x 100.

Table 2 1,2 Microwear on experimental sickles used for harvesting grasses (1-- acorus; 2 - nettle). Flint, 3 hrs, 100 x. 3,4,5 Microwear on experimental sickles used for harvesting rush (3 - unripe with thin stalk; 4 - unripe with thich stalk; 5 - dry with thick stalk). Flint, 3 hrs, 100 x.

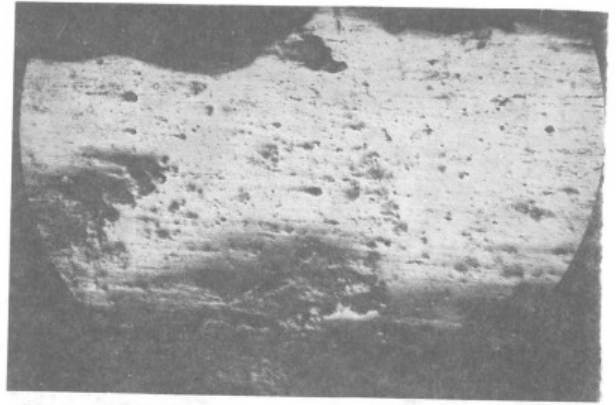
Табл.3 1,2,3 Кебара Б. Микроследы на пластинах, использованных для срезания культивируемых диких злаков (зрелых). Кремьень. x 100. 4,5 Кебара Б. Микроследы на пластинах, использованных для срезания диких злаков (зеленых или полужеленых). Кремьень. x 100. Table 3 1,2,3 Kebara layer B. Microwear on blades used for harvesting cultivated wild cereals (ripe). Flint, 100 x. 4,5 Kebara layer B. Microwear on blades used for harvesting wild cereals (unripe or half-ripe). Flint, 100 x.

Табл.4 1,2 Кебара Б. Микроследы на пластинах, использованных для срезания травы. Кремьень. x 100. 3,4 Кебара Б. Микроследы на пластине, использованной для срезания и подсекаания зеленого тростника или камыша (3 - кончик лезвия; 4 - его средняя часть). Кремьень. x 100. 5,6 Микроследы на пластинах, использованных для срезания domesticированных злаков (зрелых). (5 – Джейтун, 6 – Чопан-депе). Кремьень. x 100.

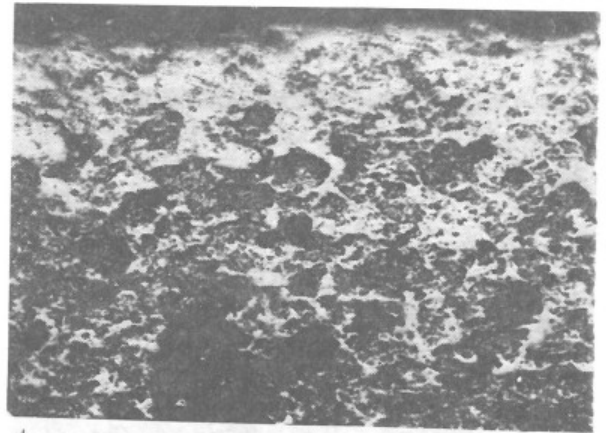
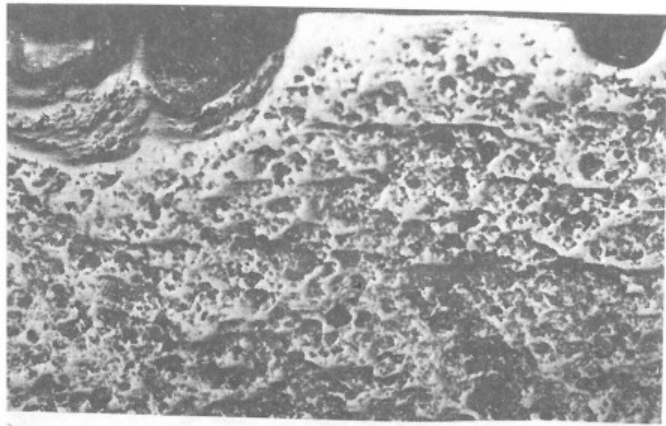
Table 4 1,2 Kebara layer B. Microwear on blades used for harvesting grasses. Flint, 100 x. 3,4 Kebara layer B. Microwear on a blade used for harvesting reed or rush by cutting and hewing (tip and middle part of the blade). Flint, 100 x. 5,6 Microwear on blades used for harvesting domesticated ripe cereals (5 - Jeitun; 6 - Chopan-depe). Flint, 100 x.

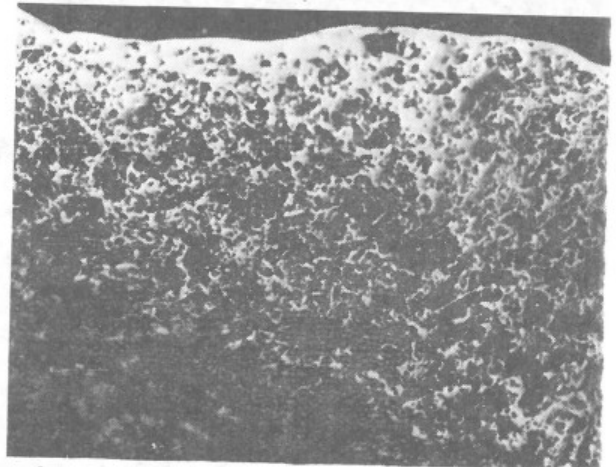
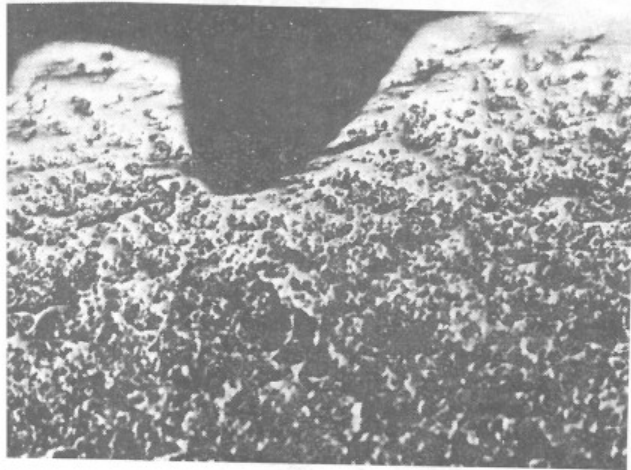
1

2

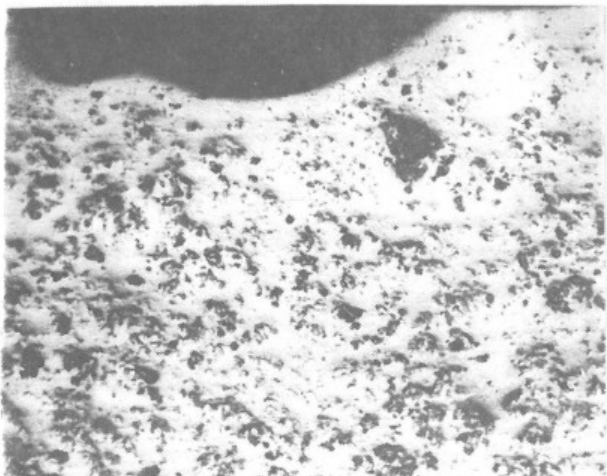

4

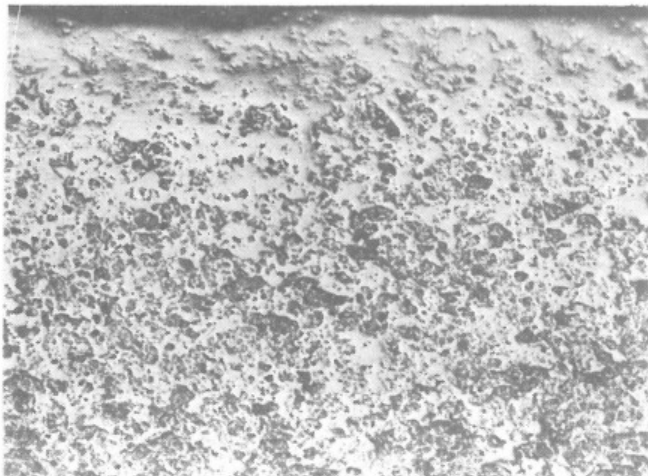

6

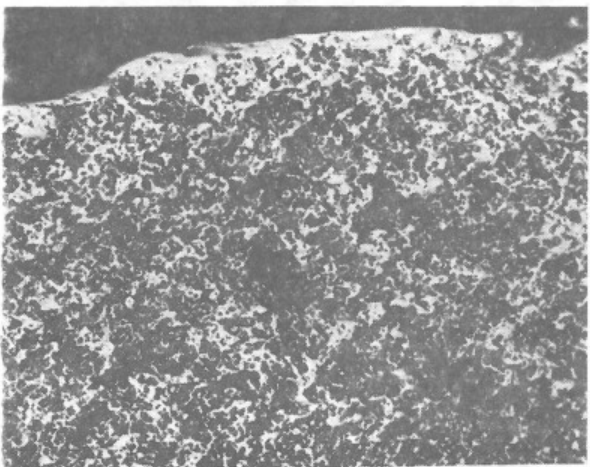
Таблица № 1

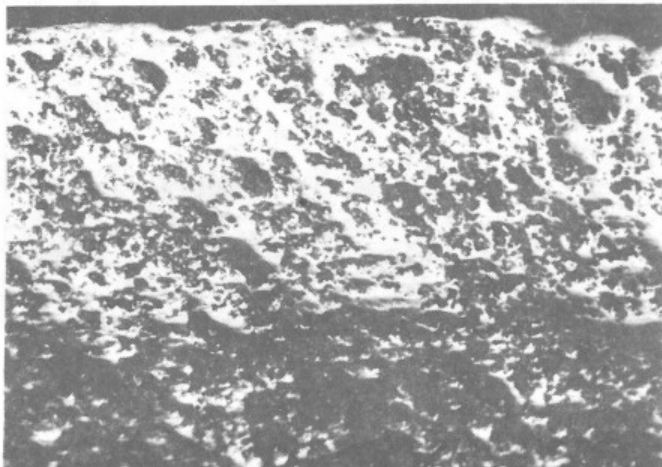
1

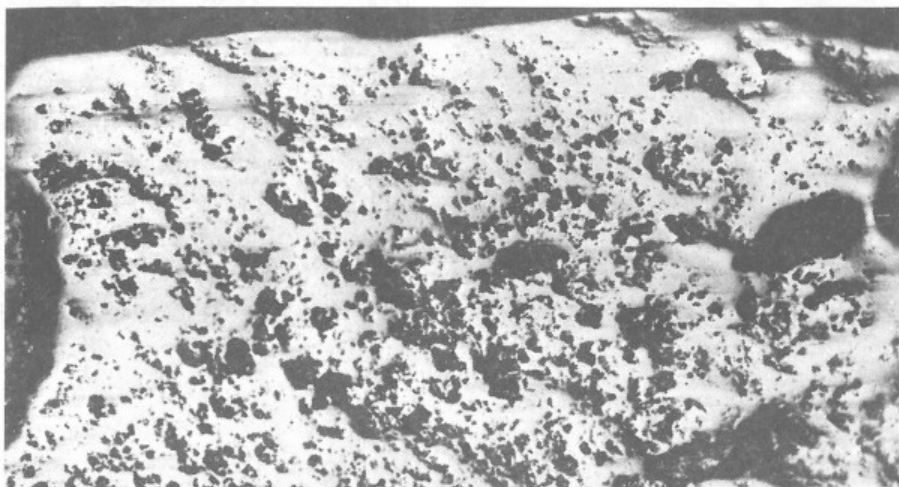
2

3

4

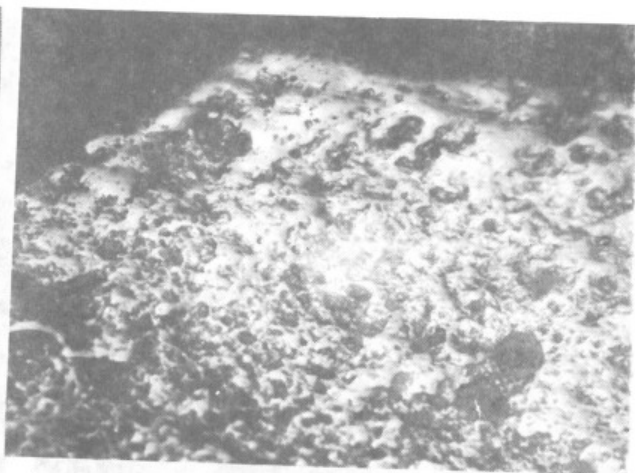

5

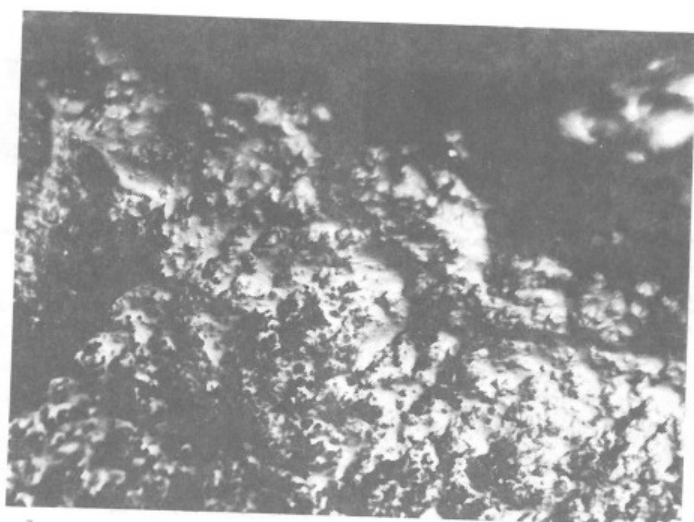
Таблица № 2

2

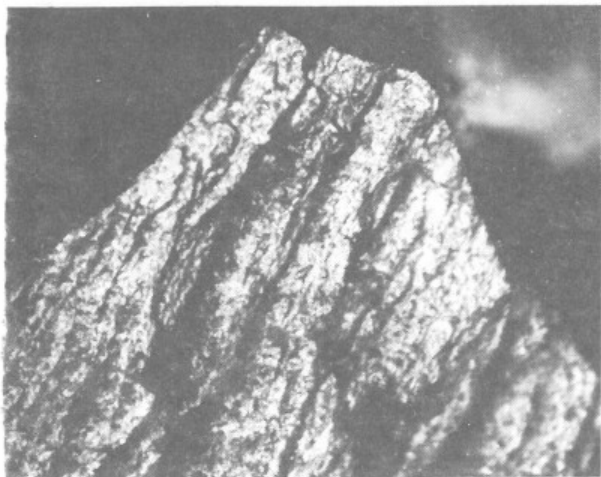

4

5

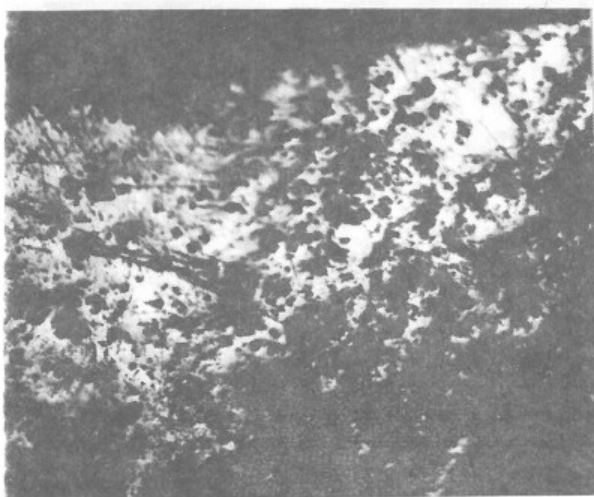
Таблица № 3

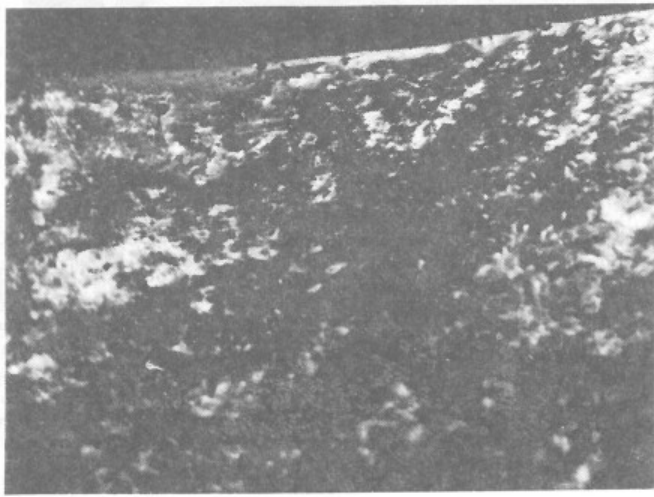
1

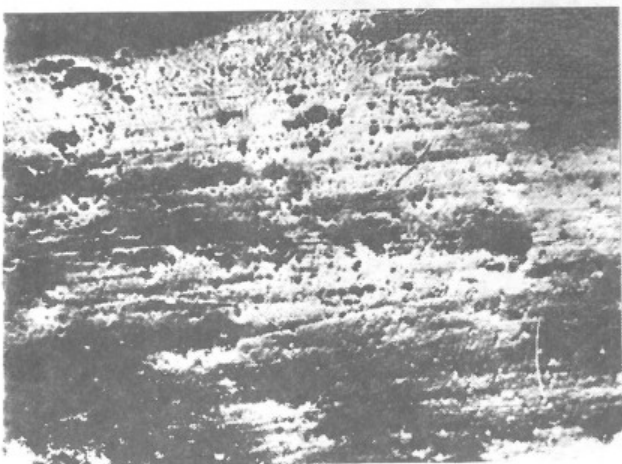
2

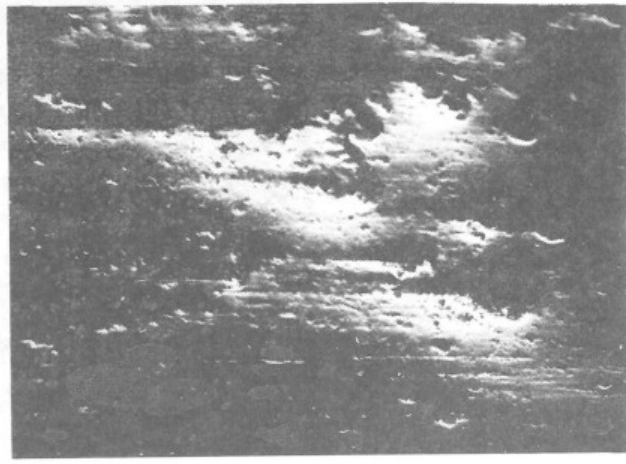
3

4

5

6

О КВАЗИШУМЕРСКИХ ТАБЛИЧКАХ ТЭРТЭРИИ

А.А.ВАЙМАН*

В 1963 г. Н.Власса опубликовал статью о найденных им в Тэртэрии (Трансильвания) трех обожженных глиняных табличках (рис.1,2,3) (Vlassa 1968:485-494). На одной табличке (рис.1) изображено дерево и двое животных по сторонам от него. Автор сопоставляет это изображение с оттиском шумерской печати. На двух других табличках (рис. 2 и 3) нанесены письменные знаки. "Наилучшими аналогиями для табличек, насколько мы знаем, являются архаические таблички ... Урука-Варки IV, на которых многие знаки кажутся идентичными или очень похожими на знаки табличек Тэртэрии. Некоторые знаки на табличках Тэртэрии выглядят как знаки на табличках Джемдет-наср" (Vlassa 1968:490). Вместе с табличками найденными на дне заполненной "землей и пеплом" ямы, опущенной в материк из слоя культуры Винча-Тордош¹, были обнаружены два алебастровых "кикладских" и 26 глиняных "идолов". Раскопщик интерпретировал эти артефакты как "магико-ритуальный комплекс" (Vlassa 1968:490).

Сенсационная находка² получила широкий отклик в научной и научно-популярной литературе. Наиболее важной является статья А.Фалькенштейна (Finkelstein 1965:269-273). В основном он подтвердил характеристику табличек, данную Н.Влассой. А. Фалькенштейн сравнил таблички Тэртэрии с табличками III слоя Урука и Джемдет-наср по ряду элементов (глина, формат, грифель, структура текста, знаки). Согласно наблюдениям А.Фалькенштейна, таблички Тэртэрии сделаны из "песчаной глины", в отличие от ранних табличек Вавилонии, изготовленных из хорошо отмученной глины. Знаки на табличках Тэртэрии выглядят значительно грубее, чем знаки на протошумерских табличках, потому что в Тэртэрии для письма использовали толстый грифель. Но в обоих случаях контуры знаков наносились на глину не процарапыванием, а оттискиванием соединенных друг с другом клинообразных штрихов. Две таблички Тэртэрии имеют прямоугольную форму (рис.1,3) как и таблички III слоя Урука и Джемдет-наср, третья – круглую (рис.2).

Текст табличек Тэртэрии разделен на столбцы и строки вертикальными и горизонтальными линиями. Аналогичную структуру текста мы видим и на протошумерских табличках. Знаки на табличках Тэртэрии в большинстве случаев повернуты на 90° по сравнению с протошумерскими знаками, с которыми они отождествлены. Всего А. Фалькенштейн отождествил 11 знаков (рис.4): 1,2,3,5,6,7,9,10 (3, II 2), 11,17,18, из них три – 9, 10, 17 – ошибочно. Подводя итоги, А. Фалькен-

Рис. 1
Fig. 1

* Россия, Санкт-Петербург, 191137, Дворцовая наб., 34, Государственный Эрмитаж, Отдел Востока.

¹ Археологи по-разному определяют хронологические рамки культуры Винча. Винча А имеет дату 4010±85, Винча С - 3380±60. В.Милойич считает, что эти даты удревняют культуру Винча в среднем на 1000 лет (Milojčić, 1965:268-269). Такого же мнения придерживается и Н.Власса (Vlassa 1968:494). Понятно, что для датировки культуры Винча-Тордош может иметь значение датировка табличек Тэртэрии. Надо, однако, отметить, что археологический контекст, в котором были найдены таблички, описан автором раскопок недостаточно полно.

Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность Ю.Ю.Пиотровскому за консультации по археологии Балкан V-III тыс. до н.э.

² Полностью согласен с И.Дж.Гельбом, который в кратком заключении о находке табличек Тэртэрии писал: "Мое первое впечатление заключалось в том, что если бы таблички были представлены мне, как специалисту, торговцем древностями, я бы посчитал их подделками. Поскольку таблички были найдены в подпадающих проверке раскопках, мы должны допустить, что они являются подлинными" (Gelb 1967:488).

штейн пишет: "Три таблички из Тэртэрии обнаруживают многие точки соприкосновения с раннеисторическими табличками из Вавилонии, в связи с чем нужно признать, что влияние на них из далекого Двуречья, которое тогда само обучалось письму, было действенным" (Falkenstein 1965). И далее он констатирует, что ближайшие параллели дают тексты III слоя Урука и Джемдет-нагр, в то время как формы знаков в текстах IV слоя Урука несколько иные (Falkenstein 1965).

Исследование А.Фалькенштейна не оставляет сомнения в том, что письменность табличек Тэртэрии была создана под непосредственным влиянием протошумерской письменности. Вместе с тем, таблички Тэртэрии изучены далеко не исчерпывающим образом.

В моей статье предпринято новое исследование табличек Тэртэрии. В работе уточнены прорисовки отдельных знаков; заново отождествлены знаки табличек Тэртэрии с протошумерскими знаками, причем первые сравниваются как с ранними, так и с поздними вариантами вторых; рассмотрены некоторые особенности письменности табличек Тэртэрии, позволяющие судить о степени самостоятельности ее по отношению к протошумерской; предположительно истолкованы отдельные записи табличек Тэртэрии и тексты в целом.

Прежде всего, нуждаются в поправках, судя по опубликованным фотографиям, изданные копии табличек. Упомянем лишь наиболее существенные из них. *Табличка 2*: I 1, знак 9 (рис.4) – не показана клинообразная косая черта (рис.2); *табличка 3*: V, знак 10 (рис.4) – не показана средняя горизонтальная линия (рис.3); III и IV – не показаны разделительные линии (рис.3). По-видимому, опубликованные копии выполнены не по самим табличкам, а по фотографиям, что же касается этих последних, то они сделаны при таком угле падения света, что горизонтальные линии вышли ослабленными, а вертикальные – усиленными. По этой причине и наши реконструкции надписей нельзя считать безукоризненными, так как в тех случаях, когда на них показаны тонкие горизонтальные линии, это означает, что на фотографиях они видны плохо, хотя не исключено, что на самих табличках они по толщине не отличаются от находящихся рядом "жирных" вертикальных линий (см., например, *табличка 3*, V, знак 10) (рис.4). Возможно и на наших реконструкциях не показаны некоторые элементы знаков. Так знак 8 (рис.4) вполне мог иметь среднюю горизонтальную линию, – сравни отождествленный с ним протошумерский знак.

Мы уже упоминали, что три знака табличек Тэртэрии – 9,10,16 (рис.4) – были отождествлены А.Фалькенштейном неправильно.

Для знака 9 не был учтен косой штрих, а его наличие делает невозможным отождествление этого знака с протошумерским знаком 260 (Falkenstein 1936). Напрашивается другое отождествление с протошумерским знаком 214 (Falkenstein 1936).

Знак 10 был отождествлен с протошумерским знаком 810 (или 543) (Falkenstein 1936); но внутри последнего имеются две вертикальные линии, которые в знаке на табличке Тэртэрии отсутствуют. Отождествление, приводимое в нашем списке, представляется очевидным.

Рис. 2

Fig. 2

Рис. 3

Fig. 3

Т Э Р Т Э Р И Я				Ш У М Е Р			
№ № ЗНАКОВ	ТАБЛИЧКИ		ЗНАКИ	ЗНАКИ		ТРАНСКРИПЦИЯ	
	СТОЛБЦЫ	СТРОКИ		РАННИЕ	ПОЗДНИЕ		
1	2	I	2				še
		3	I	1			
2	2	I	1				maš(sal)
3	2	I	1				ba
4	3	III	2				
5	2	II	2				ša
6	3	IV	2				amar
7	2	I	2				pa
8	2	II	2				ab
9	2	I	1				apin
10	3	V					
		3	II	2			
11	2	II	2				ud
12	3	III	1				
13	3	IV	1				sila
13	3	I	2				
14	3	V					
15	2	I	1				geš
16	2	II	1				
		II	1				gešxu
17	2	II	1				
18	2	II	1				u
		3	II	1			

Рис. 4.
Fig. 4.

Знак 16 непонятным образом отождествлен с протошумерским знаком 753 (Falkenstein 1936), хотя, судя по контексту, не вызывает сомнения отождествление знака 16 с протошумерской цифрой 905 (Falkenstein 1936).

Рассмотрим подробнее знак 1. В опубликованной копии *таблички 2* (рис.2) он выглядит как два угла (смотри I 2) (рис.4). Действительно, горизонтальная линия выражена слабо, но следы ее на фотографии все же видны, что позволяет отождествить этот знак с аналогичным знаком *таблички 3, I 1* (рис.4).

Итак, 16 из 18 знаков табличек Тэртэрии отождествлены с протошумерскими. Вероятно, и для двух знаков, оставшихся неотожествленными, в дальнейшем удастся найти исходные протошумерские формы.

До сих пор мы говорили об отождествлении знаков табличек Тэртэрии с протошумерскими знаками без учета хронологического развития последних. Между тем, не безразлично, с какими именно протошумерскими знаками следует отождествлять знаки табличек Тэртэрии, ранними (IV слой Урука; конец IV тыс. до н.э.) или поздними (III слой Урука и Джемдет-наسر; начало III тыс. до н.э. (А.Фалькенштейн полагал, что знаки табличек Тэртэрии необходимо сопоставлять с поздними протошумерскими знаками, потому что ранние имеют иной облик. Однако такое категорическое утверждение основано скорее на общем впечатлении, чем на дифференцированном сравнении знаков по степени сходства. Ситуация, с которой мы в данном случае сталкиваемся, довольно сложна.

Знаки 1,7,9,11 одинаково похожи как на соответствующие ранние протошумерские знаки, так и на поздние, хотя сами ранние и поздние протошумерские формы между собой различаются. Знаки 3,8,12,15,16,17,18 похожи на соответствующие протошумерские знаки, которые с течением времени не эволюционировали, их ранние формы не отличаются от поздних. Знак 5 похож на соответствующий поздний протошумерский знак, который, как и знак на табличке Тэртэрии, имеет наверху только один ряд прямых штрихов, ранний вариант протошумерского знака имеет наверху два ряда косых штрихов.

Однако, допустимо предположение, что знак 5 все же был заимствован из ранней протошумерской письменности, а большое сходство с поздней протошумерской формой – результат естественного упрощения знака при его заимствовании. Кстати, известен редкий вариант раннего протошумерского знака, который имеет только один ряд штрихов, наклоненных под небольшим углом. Небольшое число штрихов – всего три – у знака на табличке Тэртэрии не делает его более похожим ни на ранний протошумерский знак, ни на поздний. так как и у того, и у другого знака не менее шести штрихов. Толстый грифель, которым написаны таблички Тэртэрии, сам по себе должен был привести к уменьшению количества штрихов. Знаки 2,4,6,10 похожи на соответствующие ранние протошумерские знаки. Знаки 2,4,10 отождествляются с такими ранними протошумерскими знаками, для которых соответствующие поздние знаки в опубликованных текстах, к сожалению, не обнаружены.

Что же касается знака 6, то ранний вариант отождествляемого с ним протошумерского знака засвидетельствован несколькими текстами. Поздний протошумерский вариант этого знака сильно схематизирован и мало похож на ранний. Таким образом, знак 6 заимствован из ранней протошумерской письменности. Допустить заимствование из поздней протошумерской письменности значило бы допустить превращение схематической формы в рисуночную, что представляется маловероятным (закономерность обратная). Учитывая сколь много знаков табличек Тэртэрии отождествлено с протошумерскими, мала вероятность того, что знак 6 вовсе не заимствован из протошумерской письменности, а создан самостоятельно, и похож на один из ранних протошумерских знаков чисто случайно.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что вопреки высказанному мнению, знаки табличек Тэртэрии, скорее всего, заимствованы из ранней протошумерской письменности, а не из поздней.

Уже упоминалось, что были заимствованы не только знаки (вероятно все знаки), но и материал, на котором писали, прямоугольная и круглая форма табличек (последняя встречается, хотя и очень редко, только в IV слое Урука), способ деления текста на части при помощи вертикальных и горизонтальных линий, техника письма. Однако, заимствования представлены в таком своеобразном виде, что речь должна идти не о тэртэрийском варианте протошумерской письменности, а о самостоятельной письменности

Тэртэрии. Прежде чем рассмотреть отличие этой письменности от протошумерской, напомним кратко некоторые особенности этой последней.

Для написания знаков шумерские писцы пользовались тремя грифелями. Один из них, ножевидной формы, при оттискивании оставлял на глине клинообразные соединенные друг с другом штрихи, которые образовывали контур знака. Два других имели форму цилиндров малого и большого диаметров и при оттискивании в вертикальном положении оставляли на глине малые и большие кружки, а в наклонном – малые и большие сегменты. Знаков, образованных линией, подавляющее большинство, однако, некоторые элементы этих знаков и (за малым исключением) все цифры представляют собой кружочки и сегменты (Falkenstein 1936:6). Как известно, почти все протошумерские таблички – хозяйственные документы (Falkenstein 1936:43), содержащие, в основном, числовые записи. Каждая такая запись вместе с сопровождающими ее нечисловыми обозначениями составляет строку. При наличии нескольких строк они отделены друг от друга вертикальной или горизонтальной линией. Строки, расположенные горизонтально, образуют ряд и читаются справа налево, строки, расположенные вертикально, образуют столбец и читаются сверху вниз. Если одни и те же нецифровые знаки относятся к нескольким группам цифр, они выносятся в отдельную строку, но мы не знаем ни одного случая, чтобы в отдельной строке находились нецифровые знаки, связанные только с одной группой цифр.

Верхнюю часть строки в протошумерских текстах занимают числовые или метрологические записи, причем цифры более высоких разрядов стоят над цифрами более низких, что соответствует направлению, в котором они читаются, а цифры одного и того же разряда распределены в один, два, реже три ряда. Все знаки, относящиеся к выражению числа или меры, например, обозначение предмета счета, должностного лица, хозяйственной операции и т.п., расположены весьма хаотично, и нет никаких указаний на то, в какой последовательности они должны читаться.

Всеми вышеперечисленными особенностями письменность табличек Тэртэрии отличается от протошумерской письменности. Создатели письменности Тэртэрии пользовались только ножевидными грифелями. Вследствие этого вместо цифр в виде оттисков малых и больших сегментов и малых кружков на *табличке* Тэртэрии 2, II 1 (рис.2), стоят те же знаки, но очерченные линией (смотри знаки 15,16,17, смотри также знак 5) (рис.4). Может показаться, что сокращение количества грифелей с трех до одного должно было упростить и, следовательно, усовершенствовать технику письма. Однако, этого не произошло. Цилиндрические оттиски давали возможность получить нужную цифру при помощи лишь одного оттиска и, соответственно, одного движения руки. Начертание цифр при помощи ножевидного грифеля требует трех-пяти клинообразных оттисков, то есть трех-пяти движений руки. Следовательно, менее трудоемкий способ нанесения цифр на глину был заменен более трудоемким.

Письменность Тэртэрии отличается от протошумерской и построением текстов. Каждый из двух текстов Тэртэрии разбит вертикальными линиями на столбцы, а каждый столбец – горизонтальными линиями на строки (исключение *табличка* 3) (рис.3). В первой сверху строке каждого столбца стоят обозначения числа и, по-видимому, предмета счета, во второй – один-три знака, не являющиеся цифрами (исключение, смотри *табличку* 3, 1) (рис.3) и характеризующие числовую запись первой строки. Для протошумерских текстов, как говорилось выше, такое построение исключается, – вместо двух строк в столбце ограничились бы одной. Хотя введение дополнительных строк можно расценить как попытку упорядочить записи, но обилие горизонтальных линий делает текст более громоздким, а процесс написания его более трудоемким.

Горизонтальные линии на табличках Тэртэрии расположены непосредственно под знаками верхних строк, что не наблюдается на протошумерских табличках. Очевидно писцы хотели оставить для нижних строк как можно больше места. В этом отношении интересен разрыв горизонтальной линии в столбце I *таблички* 2 (рис.2). Эту линию писец сначала провел так высоко, что она уперлась в головку косоугольного клинообразного штриха, и, обнаружив это, продолжил линию несколько ниже. Сами знаки распределены так, что заполняют все пространство и создают впечатление завершенности текста. Это хорошо заметно на *табличке* 3 (рис.3), где знаки верхних строк прижимаются к верхнему краю, а знаки нижних – к нижнему краю, в результате чего над знаками в столбцах II, III и IV

остались свободные места. В протошумерских текстах нет такой системы расположения знаков.

Некоторые важные отличия письменности Тэртэрии от протошумерской письменности связаны с ориентацией различных письменных элементов. Почти половина знаков табличек Тэртэрии (1,2,3,7,9,15,16,18) повернуты на 90° влево по отношению к ориентации их шумерских прототипов (рис.4). Правда, аналогичный поворот знаков зафиксирован и в ранней протошумерской письменности. Но эти случаи очень редки и встречаются как исключения. Среди знаков, повернутых влево, имеются цифры (15,16,18). Быть может, именно это обстоятельство определило своеобразие расположения знаков числовой записи в письменности Тэртэрии.

Если в протошумерских текстах цифры более высоких разрядов стоят над цифрами более низких, образуя столбец, то на *табличке 2* (II 1) (рис.2) цифры более высоких разрядов стоят слева от цифр более низких, образуя ряд. Естественно полагать, что и читался такой ряд цифр слева направо. Весьма вероятно, что в пределах строки на табличках Тэртэрии слева направо читались все записанные в ряд знаки (смотри *табличку 2*: I 1,2; II 1,2) (рис.2), но записанные один над другим, знаки читались сверху вниз (*табличка 2*: I 2; II 1,2 (рис.2); *табличка 3*: V (рис.3). По аналогии с тем, как читались цифры в ряду, читались, по-видимому, и столбцы – слева направо. Повторим, что в протошумерских текстах внутри строки знаки, исключая цифры, разбросаны без видимого порядка, а расположенные рядом столбцы читаются справа налево.

Отметим, наконец, что в отличие от того, что мы наблюдаем в протошумерских текстах, числовые обозначения на табличках Тэртэрии не обязательно должны предшествовать нечисловым. Так, в строке I 1 *таблички 2* (рис.2) числовое обозначение стоит справа от нецифрового знака, а в строке II 1 той же таблички – под ним, то есть в обоих случаях нецифровой знак предшествует обозначению числа. При этом, опираясь на протошумерские аналогии, нецифровые знаки в этих строках можно истолковать как обозначения предметов счета. Учитывая все вместе взятое, мы вправе заключить, что в языке Тэртэрии, название предмета счета, по-видимому, предшествует относящемуся к нему числительному, то есть определяемое слово предшествует его определению.

Попытаемся расшифровать содержание табличек Тэртэрии. Прежде всего, обилие цифр на табличках позволяет считать эти последние хозяйственными документами. Значение цифр, как и некоторых других знаков, можно достоверно определить по значению их шумерских прототипов. Приходится, однако, учитывать, что заимствованные знаки могли иметь какие-то оттенки значений или новые значения, их прототипам несвойственные.

Табличка 2 (рис.2).

I 1. Знак 9 (рис.4) может означать "плуг", "сеятель". Вряд ли имеется ввиду первое значение, второе же представляется достаточно приемлимым, только вместо "сеятель" лучше употребить менее определенное выражение – "сельскохозяйственный работник". Знак 15 (рис.4) – это цифра "60". Следует, однако, учитывать, что шумерская десяти-шестиричная система счета – явление уникальное в истории человечества, и что при заимствовании эта цифра могла получить значение соответствующего узлового числа широко распространенной десятиричной системы счета – "100". Таким образом, в этой строке, предположительно, зафиксировано количество "сельскохозяйственных работников" – "60" (или "100").

I 2. Верхние два знака, 3 и 1 (рис.4), могут означать (слева направо) "выдано" и "ячмень", а знак 7 (рис.4) под ним – "надзиратель". Не исключено, однако, что верхние два знака надо читать фонетически, и тогда эту строку можно истолковать так: "BAŠE (имя), "надзиратель". Правда, слоговое чтение ранних протошумерских знаков пока не засвидетельствовано, но при заимствовании знаков процесс фонетизации письма мог усиливаться, особенно в связи с необходимостью записывать имена.

II 1. Верхний знак, 2 (рис.4), обозначает особь мелкого рогатого скота. Под этим знаком стоит ряд цифр: "600", "60", "10", "10", то есть "680" (или "1000", "100", "10", "10", то есть "1120"). Все вместе можно прочесть как "680" (или 1120) голов мелкого рогатого скота.

II 2. В центре строки стоит знак 5 (протошумерское значение неизвестно), а справа от него – два знака, 11 – "солнце", "день", "белый" и 8 – "святилище". Сочетание двух последних знаков можно прочесть как LARSA – название шумерского города.

Итак, *табличка 2* предположительно читается следующим образом:

I 1, 2. 60 (или 100) сельскохозяйственных работников, BAŠE, надзиратель.

II 1, 2. 680 (или 1120) голов мелкого рогатого скота, ŠA (имя ?), Ларса (?).

Табличка 3 (рис.3).

На этой табличке цифры имеются только в трех средних столбцах, II, III и IV.

I 1. Знак 1 (рис.4), "ячмень" (или более общо – "зерно").

I 2. Знак 13 (рис.4), не отождествлен с протошумерским.

II 1. Пятикратно повторенный знак 18 (рис.4) (цифра "1"), то есть обозначение числа "5".

II 2. Знак 10 (рис.4). Этот знак отождествлен с ранним протошумерским знаком, который, в свою очередь, еще не отождествлен со знаком в развитой клинописи. Представляется вероятным, что столбцы I и II надо рассматривать вместе: I 1, "зерно"; I 2, обозначение меры емкости; II 1, "5"; II 2, такой-то, – имя или должностное лицо.

III 1, 2 и IV 1, 2. Верхние строки обоих столбцов содержат один и тот же знак, 12 (рис.4). По-видимому, в ранних протошумерских текстах соответствующий ему знак уже обозначал меру емкости SILA, вероятно, масла (Falkenstein 1936:N 356 лицевая сторона; III 2,3,5 и поздний – Falkenstein 1936:N 632, лицевая сторона; V 3). На табличке Тэртэрии этот знак играет, судя по контексту, роль метрологической цифры, выражающей емкость некоторого продукта. Очевидно, чтобы зафиксировать емкость, равную двум и более единицам, этот знак надо было повторять два или более двух раз. Нижние строки столбцов содержат знаки 4 (значение не известно) и 6, "теленок". Как и знак в нижней строке II, эти знаки, вероятно, означают имя или должностное лицо,

V. Столбец не разделен на строки, цифры отсутствуют, содержит два (или три?) знака, 14 и 10 (рис.4), (последний повторяет знак, уже встречавшийся в строке II 2). Эти знаки обобщают, по-видимому, содержание всех предшествующих столбцов. Итак, *табличка 3* допускает следующее толкование:

I 1,2. зерна ... (неизвестная мера),

II 1,2,5. (такому-то).

III 1,2,1. SILA (мера емкости), ... (такому-то).

IV 1, 2,1. SILA (мера емкости), ... (такому-то).

V ...

Оборотные стороны табличек Тэртэрии, где по аналогии с протошумерскими документами могли находиться итоги, не содержат записей. На *табличке 2* суммировать было нечего, на *табличке 3* можно было сложить величины, зафиксированные в III 1 и IV 1, и на оборотной стороне проставить итог, там же повторив величину, зафиксированную в II 1.

Как известно, других глиняных табличек с письменностью Тэртэрии до сих пор не найдено, и область распространения этой письменности не известна. Таблички Тэртэрии были обнаружены не в письменном архиве, а в яме, которую раскопщик считал культовой. Прежде чем попасть в эту яму, таблички служили, по всей видимости, амулетами. Именно такое использование табличек могло бы объяснить назначение отверстий, которые имеются на двух из них (рис.2 и 3). По-видимому, через эти отверстия продевали веревочки для подвешивания. На одной табличке (рис.3) отверстие разрушило часть третьей, считая слева направо, вертикальной линии, следовательно, появилась она уже после написания знаков и проведения разделительных линий. Но сами знаки отверстиями разрушены не были. Очевидно, человек, проделавший отверстия, отнесся к знакам бережно, хотя вовсе не обязательно, чтобы он их умел читать. Для отверстий были выбраны места, на которых знаки отсутствовали: посредине и в верхней части таблички. На той табличке (рис.1), на которой записи отсутствуют, но имеется рисунок, по-видимому, культового характера, отверстия нет. Очевидно, отверстие не было проделано из боязни разрушить часть изображения. Следовательно, таблички дошли до нас даже не во вторичном, а в "третичном" использовании.

Таблички Тэртэрии свидетельствуют о самостоятельной письменности, созданной по протошумерскому образцу. Точка зрения, согласно которой письменность Тэртэрии была

создана раньше протошумерской и оказала влияние на сложение последней³, абсолютно не обоснована.

Поскольку знаки на табличках Тэртэрии имеют в качестве прототипов ранние шумерские знаки табличек IV слоя Урука, возникновение тэртэрийской письменности должно относиться к последней четверти IV тыс. до н.э. О месте создания письменности Тэртэрии ничего определенного сказать нельзя, но вряд ли это Трансильвания, — скорее всего речь должна идти об области более близкой к Ираку. Что же касается назначения табличек, то несомненно они являются хозяйственными документами.

Других табличек, аналогичных табличкам Тэртэрии, не обнаружено.⁴

ПРИМЕЧАНИЯ К СПИСКУ ЗНАКОВ (рис.4) / Арабские цифры обозначают номера знаков.

1. В списке знаков Урука (Falkenstein 1936) помимо распространенного варианта знака 111 с тремя парами косых штрихов указан также и малораспространенный вариант 110 с двумя парами косых штрихов, засвидетельствованный одним текстом IV слоя Урука (табличка 318) и двумя текстами III слоя Урука (таблички 618 и 639) (Falkenstein 1936). Но знак 110 скопирован неправильно; скорей всего это знак GU, а не знак ŠE.

2. Толкование протошумерского знака приведено мною в специальной работе (Vaiman 1974:23).

3. Возможное чтение протошумерского знака подсказано рисунком второго варианта.

4. Отождествление знака сделано в специальной работе (Вайман 1981:86).

5. Отождествление раннего и позднего вариантов протошумерского знака дано в моей более ранней работе (Вайман 1972:5-8).

ВАЙМАН, А.А. 1972. Расшифровка некоторых идеограмм протошумерской письменности периода IV слоя Урука // Сообщение Государственного Эрмитажа XXIV: 5-8.

1981. Истолкование некоторых знаков в протошумерских списках рабов и рабынь. // Вестник древней истории 4: 81-87.

ИВАНОВ, В.В. 1983. Язык как средство реконструкции истории // Природа 11: 26-37.

ТИТОВ, В.С. 1974. Проблемы хронологии неолита и энеолита юго-восточной Европы // Советская археология 4: 23-48.

FANKELSTEIN, A. 1936. Archaische Texte aus Uruk // Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka 2. Berlin.

1965. Zu den Tontafeln aus Tártária // Germania 43: 269-273. Berlin.

GELB, I.J. 1967. On the Tartaria tablets // Nestor 112. April 1: 488.

MILOJČIĆ, V. 1965. Die Tontafeln von Tartaria (Siebenburgen) und die absolute Chronologie des Mitteleuropäischen Neolithikums // Germania 43/2: 261-268. Berlin.

VAIMAN, A.A. 1974. Über die protosumerische Schrift // Acta antiqua 22: 15-27. Budapest.

VLASSA, N. 1963. Chronology of the Neolithic in Transylvania in the light of the Tártária settlement's stratigraphy // Dacia/ N.S VII: 485-499. Bucarest.

³ Эту гипотезу выдвинул В.В.Иванов, который пишет о большом числе "надписей на предметах" (смотри по этому поводу следующее примечание) и на "глиняных табличках" (имеются в виду таблички Тэртэрии), относящихся к V-IV тыс. до н.э., и, следовательно, "письменность" намного раньше обнаруживается на Балканах и оттуда приходит в древнюю Месопотамию" (Иванов 1983:27).

⁴ Некоторые исследователи утверждают, что письменность Тэртэрии не была изолированным явлением. О ней, якобы, свидетельствуют многочисленные знаки на обломках керамики из поселений культуры Винча-Тордош (Vlassa 1968:499; Milojević 1965:267-268; Иванов 1983:27). И.Гельб по этому поводу замечает, что знаки на "неолитической керамике" не внушают доверия в качестве "параллелей" к тэртэрийским знакам. Они возможно являются "знаками собственности, которые употреблялись как в письменных обществах, так и в дописьменных" (Gelb 1967:488). В то же время И.Гельб, по-видимому, вообще не склонен считать таблички Тэртэрии настоящими письменными текстами. По его мнению, таблички были сделаны либо малограмотным шумерским торговцем, который просверлил их, затем продал как амулеты, либо "таблички были составлены жителем Европы, который поверхностно познакомился с шумерской письменностью, во время своих странствий по Ближнему Востоку" (Gelb 1967:488). Наше исследование не подтверждает такое понимание табличек Тэртэрии.

ON THE QUASI-SUMERIAN TABLETS FROM TÁRTÁRIA

A.A.Vaiman

In 1963 N.Vlassa published a paper with a description of three baked clay tablets which were found during his excavations in Tártária, Transylvania, Roumania (figs.1-3). On one of them (fig.1) a tree is depicted with two animals standing on its sides. The researcher compared this representation with the impression of a Sumerian seal. Two other tablets (figs.2,3) carry signs, many of which, according to Vlassa, are either identical with, or very similar to, those inscribed on the tablets from Uruk IV (early Proto-Sumerian script). The sensational find has gained a wide publicity. The most significant paper that has appeared so far is that by A.Falkenstein who has basically supported Vlassa's conclusions. Falkenstein has compared the Tártária tablets with those from layer III in Uruk and Jemdet-nasr (late proto-Sumerian script) using a number of criteria, such as clay, format, stylus, structure of the text, signs. He has proved beyond doubt that the script of the Tártária tablets had been directly influenced by the proto-Sumerian script. At the same time, the tablets have not been studied in sufficient detail yet.

The present article is yet another attempt at studying the Tartaria tablets. It offers more accurate tracings of certain signs; also, a new attempt is made to identify the Tartaria signs with both early and late versions of the proto-Sumerian ones (see our list on fig.4); some characteristics of the Tartaria script are discussed, providing a possibility to assess the degree of their independence with respect to the proto-Sumerian script; a tentative interpretation is suggested for both the separate records and the texts in general.

First and foremost, according to published photographs, the copies of the tablets need to be corrected. The most important corrections are as follows. Tablet 2: I1, sign No.9 (fig.4): the cuneiform oblique dash (fig.2) is not shown. Tablet 2: V, sign No.10 (fig.4): the middle horizontal incision (fig.3) is not shown; III and IV: the dividing incisions (fig.3) are not shown. It appears that the published copies have been made from the photographs rather than from the tablets themselves.

We have already mentioned that three of the Tartaria signs (Nos.9, 10, and 16) have been incorrectly identified by Falkenstein.

In sign No.9, the oblique dash has not been taken into account, and its presence makes it impossible to identify this sign with the proto-Sumerian sign No.260 (Falkenstein, 1936). Rather, it should be identified with the proto-Sumerian sign No.214 (Falkenstein, 1936).

Sign No.10 has been identified with the proto-Sumerian sign No.810 (or 543, see Falkenstein, 1936); however, the latter has two vertical lines inside, which are absent in the Tartaria sign. The identification given in our list is self-evident.

Sign No.16, for no apparent reason, has been identified with the proto-Sumerian sign No.753 (Falkenstein, 1936), although, judging by the context, it should doubtless be identified with the proto-Sumerian number No.905 (Falkenstein, 1936).

As to sign No.1, in the published copy of tablet 2 (fig.2) it looks like two angles (see I 2, fig.4). The horizontal line is admittedly vague; yet its traces are evident in the photograph, which indicates that this sign should be identified with the similar sign of tablet 3, I 1 (fig.4).

Altogether, sixteen of the eighteen Tartaria signs have been identified with the proto-Sumerian ones. Perhaps in the future it will be possible to find proto-Sumerian prototypes for the two remaining signs as well.

Because signs Nos.2, 4, 6, and 10 of the Tartaria tablets (fig.4) have only early proto-Sumerian parallels, it may be assumed that other Tartaria signs, too, were borrowed from the early, rather than from the late, proto-Sumerian script.

It has already been mentioned that not just the signs (possibly all of them) were borrowed, but other things as well, including the material for writing, the rectangular or round shape of the tablets (the latter occurs, although rarely, in layer IV of Uruk), the manner in which the text is divided into parts by means of vertical and horizontal incisions, and the technique of writing. However, the borrowed elements are transformed in such a way that

one should speak of an independent Tartarian script rather than of a Tartarian version of the proto-Sumerian script. First and foremost, people who created this script, in contrast to the Sumerians, used only knife-shaped styluses.

The Tartarian script differs from the proto-Sumerian one also in the construction of the texts. Each of the two texts is divided into columns by a vertical incision, and each column is divided into lines by horizontal incisions (table 3, V, provides an exception, see fig.3). In each column, the first line from the top contains a number and what is probably the name of the thing counted, while the second line is composed of one to three signs which are not numbers (see tablet 3, I, fig.3, for an exception) and which explicate the numeric record of the top line. As it has been stated above, such a construction is not possible for the proto-Sumerian texts, in which just one line would suffice. Horizontal incisions on Tartaria tablets are situated directly under the signs of the top lines, which is never the case on the proto-Sumerian tablets.

Signs on the Tartaria tablets are arranged so that they fill up all the available space, creating an impression of a completed text. It is especially evident on table 3 (fig.3), where the signs of the top lines are situated quite close to the upper margin, while the signs of the bottom lines come close to the lower margin; as a result, free space is left above the signs in columns II, III, and IV. Such an arrangement of signs is not observed in proto-Sumerian texts.

Certain important differences between the Tartarian script and the proto-Sumerian one are related to the orientation of various elements. Nearly a half of Tartarian signs (Nos.1, 2, 3, 7, 9, 15, 16, 18) are rotated 90 degrees anticlockwise relative to their Sumerian prototypes (fig.4). Admittedly, such rotation occurs also in the early proto-Sumerian script, but these cases are exceptional.

While in proto-Sumerian texts the higher-order digits are placed above the lower-order ones, making up a column, in tablet 2, II 1, of Tartaria (fig.2) higher-order digits are situated to the left of the lower-order ones, making up a line. It would be natural to suppose that such a line was read from the left to the right. It is quite likely that all signs written in a line on the Tartaria tablets were read in a left-to-right fashion (see tablet 2: I 1,2; II 1,2, see fig.2); but being arranged vertically, they were read from top to bottom (tablet 2: I 2, II 1,2, see fig.2; tablet 3: V, see fig.3). The columns were probably read in the same way as the digits in a line, from left to right. It should be reiterated that in proto-Sumerian texts signs within lines, except digits, are scattered in an apparently random order, while the adjacent columns are read from the right to the left.

Finally, in contrast to what is seen in proto-Sumerian texts, numerical designations in Tartaria tablets do not always precede the non-numerical ones. Thus, in line I 1 of tablet 2 (fig.2) the numerical symbol is placed to the right of the non-numerical sign, while in line II 1 of the same tablet it is situated below, so in both instances the non-numerical sign precedes the numerical one. Taking into consideration the proto-Sumerian parallels, non-numerical signs in these lines may be interpreted as designations of the things that were counted. All the above brings us to the conclusion that in the language of the Tartarian tablets the names of the things counted apparently precede the respective numerals, or, more generally, the names of the defined things precede the definitions.

The abundance of numerals on the tablets indicates that the latter were economical documents. The meaning of the numerals and of some other signs may be quite safely established by the meaning of their Sumerian prototypes. A certain degree of caution, however, is required since the borrowed signs could have some shades of meanings or even new meanings which were not inherent in their prototypes.

Tablet 2 (fig.2). I 1. Sign No.9 (fig.4) may denote an agricultural worker.

Sign No.15 (fig.4) is a numeral (originally sixty; however, after having been borrowed, it could acquire the meaning of the respective key numeral in the decimal system, one hundred).

I 2. The two upper signs, Nos.3 and 1 (fig.4) may mean (left to right) "given" ("distributed") and "barley", respectively, and sign No.7 (fig.4) below it, "supervisor".

II 1. The upper sign, No.2 (fig.4) means "goat" or "sheep" (one specimen). Below it, there is a row of numerals: 600, 60, 10, 10, the total amount being 680 (or 1000, 100, 10, 10, totalling 1120). All together may signify 680 (or 1120) head of goats (or sheep).

II 2. The central sign in the line is No.5 (the meaning of the respective proto-Sumerian sign is not known), and to the right of it, two signs, No.11, "sun", "daytime", "white", and No.8, "sanctuary". The combination of the two latter signs may be read as LARSA, the name of the Sumerian town.

So the inscription on tablet 2 may be tentatively read as follows:

I 1, 2 Sixty (or one hundred) agricultural workers, BA.SE, supervisor.

II 1, 2 Six hundred and eighty (or 1120) head of goats (or sheep).

SA (name?), LARSA (?) Tablet 3 (fig.3). On this tablet, numerals are present only in the middle three columns, II, III, and IV. I 1. Sign No.1 (fig.4): "barley" (or, more generally, "grain"). I 2. Sign No.13 (fig.4) cannot be identified with any proto-Sumerian prototype. II 1. Sign No.18 (fig.4), "one", repeated five times and thus meaning "five". II 2. Sign No.10 (fig.4). This sign is identified with an early proto-Sumerian sign, which, however, has not been identified with any sign in the later script. It appears likely that columns I and II should be viewed together: I 1, "grain", I 2, a cubic measure; II 1, "five"; II 2, a name or a position of a person.

III 1, 2, and IV, 1, 2. The two top lines in both columns contain the same sign, No.12 (fig.4). Apparently, in early proto-Sumerian texts the respective sign already denoted a cubic measure, SILA, probably that of oil. In the Tartaria tablet, this sign, judging by the context, also stands for a cubic measure of some product. The bottom lines of the columns contain signs Nos.4 (its meaning is unknown) and 6, "calf". Like the sign in the bottom line II, these signs probably signify a person's name or position.

V. The column is not divided into lines, and does not contain numerals. There are two (or three?) signs, Nos.14 and 10 (fig.4), the latter one being the same as that which occurs in line II 2. These signs evidently summarize the contents of all the preceding columns. Thus tablet 3 admits of the following interpretation:

I 1, 2 Of grain... (an unknown measure). II 1, 2 Five (to such-and such). III 1, 2 One SILA (cubic measure),... (to such-and-such). IV 1, 2 One SILA (cubic measure),... (to such-and-such). V ... No other clay tablets with inscriptions have so far been discovered in Tartaria, and the distribution area of this script is not known. The specimens described were found not in archives, but in a pit, which the excavator believed to be ritual. Before having been placed in the pit, the tablets probably served as amulets. This would explain the presence of holes in two of the specimens (figs.2 and 3). Apparently, strings were passed through these holes to suspend the tablets.

So the tablets described attest to the existence in Tartaria of an original script based on proto-Sumerian prototypes. The belief that this script was invented prior to the proto-Sumerian one and influenced it, is totally unfounded.

Because the Tartaria signs derive from early proto-Sumerian ones present on tablets from Uruk layer IV, the Tartaria script apparently emerged in the last quarter of the 4th Millennium BC. Nothing definite can be said as to where it was invented, but this hardly happened in Transylvania. More likely, its homeland was an area closer to Iraq. Functionally, the tablets were obviously economical documents.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУСИ И СКАНДИНАВИИ В VIII–XI ВВ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ СОБРАНИЯМ СНГ)

А.СТАЛЬСБЕРГ*

В 1966 г. министерство иностранных дел Норвегии представило меня к стипендии, чтобы заниматься в Советском Союзе темой "Русско-скандинавские отношения раннего средневековья (эпохи викингов)". Из Москвы был получен ответ: "нет материалов, нет специалистов по теме госпожи Стальсберг". Пришлось зимой 1967–68 гг. выполнять тему о стеклоделии черняховской культуры III–IV вв. Я все-таки оказалась в Москве и познакомилась с коллегами из МГУ, ИА АН СССР, ЛОИА АН СССР и других советских археологических учреждений. Ответ 1966 г. конечно был дан дипломатами, а не археологами. Прошло время и мне удалось вернуться к первоначальной теме. Нам стало проще приезжать друг к другу. Стали осуществляться некоторые совместные научные замыслы. Например, в 1992 г. А.Н.Кирпичников работал в Трондхейме и в Осло, как участник норвежско-русского проекта по изучению мечей эпохи викингов. Музей наук Трондхеймского университета заключил договор о научном сотрудничестве с ИИМК РАН, ИА РАН и МГУ. Археология, связанная с варяжским вопросом, стала освобождаться от государственной идеологии, можно свободно излагать свои мнения, заниматься любой серьезной темой.

Уже 25 лет я изучаю скандинавские находки эпохи викингов, обнаруженные на территории Древней Руси, составила их каталог. По избранной теме мною опубликовано несколько статей, включая две на русском языке (Стальсберг 1987; 1991). Данная статья основана на материалах доклада 1987 г. (Stalsberg 1988).

Историки больше двух веков занимаются проблемой скандинавско-русских отношений в эпоху раннего средневековья. Археологи присоединились к этой дискуссии полтора столетия назад. В центре обсуждения находился варяжский вопрос – основала ли скандинавская русь древнерусское государство? Исследователи разделились на два лагеря: норманисты и антинорманисты. Это противостояние особенно ярко проявилось во время господства националистической, коммунистической идеологии в СССР, но пользы науке не принесло. Понятия норманист – антинорманист ныне приобретают историографический интерес, хотя умалчивать об этом нельзя. Перед наукой стоит задача изучить проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии без предвзятости и политической тенденций.

В собранный мной каталог находок скандинавского происхождения с территории Древней Руси, входят вещи, обнаруженные до 1985 г. Материал, появившийся позднее, как мне кажется, существенно не меняет общие выводы.

Хронологические рамки эпохи викингов, как обычно считают, – 800–1050 гг., ныне с учетом новых открытий в Старой Ладоге, можно несколько расширить – 750–1050 гг. Конец эпохи викингов сопровождается исчезновением скандинавских вещей. Их, в частности, под влиянием введения христианства перестают класть в погребения.

В работе учтены материалы и некоторых граничащих с Русью регионов, например, Поволжья и Причерноморья. Находки из юго-восточной Прибалтики специально не рассматриваются. Скандинавские вещи происходят из областей, заселенных разными народами: финно-уграми между Приладожьем и Уралом, хазарами нижнего Поволжья, кочевыми племенами степей, балтами и славянами.

Следует определить, что имеется в виду под понятием "скандинавские находки". По этому поводу между учеными нет полного согласия. Скандинавское изделие не обязательно должно быть сделано в Скандинавии или скандинавом, но украшенное в своем

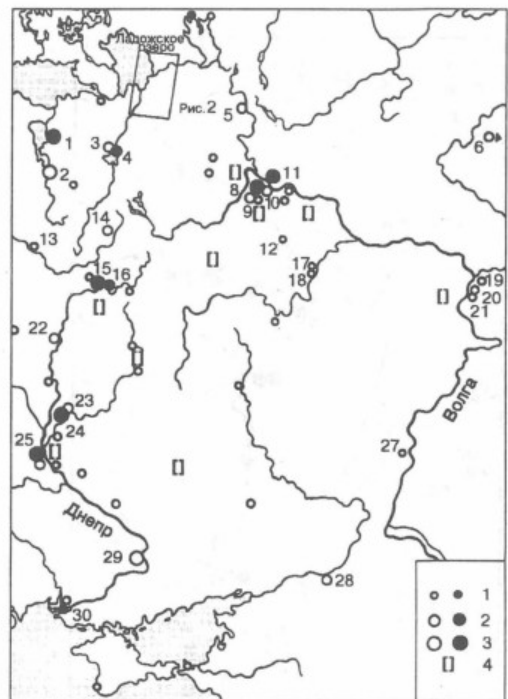
* Universitetet i Trondheim, Vitenskapsmuscet, Akkeologisk avdeling. Erl. Skakkes g 476 N-7004 Trondheim. Norway.

Рис.1 Скандинавские находки эпохи викингов на Руси. 1 - одна находка; 2 - 2-9 находок; 3 - 10 или более находок; 4 - точное место находки мне неизвестно.

1 - Залахтовье, 2 - Псков, 3 - Новгород, 4 - Рюриково городище, 5 - Белоозеро, 6 - Чем Шай, 7 - Б. Тимерево, 8 - Сарское городище, 9 - Ростов, 10 - Петровское, 11 - Михайловское, 12 - Курганы Суздальского ополья, 13 - Полоцк, 14 - Торопец, 15 - Гнездово, 16 - Новоселки, 17 - Чадаево, 18 - Подболотье, 19 - Биляр, 20 - Булгар, 21 - Белымер, 22 - Новый Быхов, 23 - Чернигов, 24 - Шестовица, 25 - Киев, 26 - Елец, 27 - Даниловка, 28 - Цимлянская, 29 - Днепровские пороги, 30 - о.Березань.

Fig.1 Scandinavian finds of the Viking period in Rus. 1 - one find; 2 - 2-9 finds; 3 - 10 or more finds; 4 - the exact place of finding unknown to me.

1 - Zalakhtovje, 2 - Pskov, 3 - Novgorod, 4 - Riurikovo Gorodische, 5 - Beloosero, 6 - Chem Shai, 7 - B. Timerievo, 8 - Sarskoye Gorodische, 9 - Rostov, 10 - Petrovskoye, 11 - Mikhailovskoye, 12 - Kurgany of the Suzdal; 13 - Polotsk, 14 - Toropets, 15 - Gnezdovo; 16 - Novoselki, 17 - Chadaevo, 18 - Podbolotje, 19 - Biliar, 20 - Bulgar, 21 - Belymer, 22 - Novyj Bykhov, 23 - Chernigov, 24 - Shestovitsa, 25 - Kiev, 26 - Elets, 27 - Danilovka, 28 - Tsymlianskaya, 29 - the Dnieper rapids, 30 - Lake Berezan'.

стиле, оно, вероятно, первоначально предназначалось для норманна.¹ Некоторые простые вещи без ясных опознавательных признаков, тем не менее, могут быть скандинавскими по происхождению, так как найдены в погребениях викингов, или в захоронениях с другими северными находками.² В таких случаях необходимы дополнительные изыскания или оговорки. При выделении северных изделий вообще следует соблюдать "этническую" осторожность, ибо эти вещи нередко использовались местным населением и даже им воспроизводились (обычно, с отступлением от первоначально-

го образца-модели). Кроме вещей следует учитывать и погребальный ритуал. Наличие остатков ладьи, испорченные согнутые мечи, предметы северного культа – все это признаки северного происхождения погребенного. Что касается формы насыпей – круглых курганов, в которых и находятся вещи эпохи викингов, то, конечно, в них могли быть погребены не только скандинавы, но и местные жители.

Обратимся теперь к мечам, которые чаще всего связывают именно с викингами. Исследователи старались различить мечи континентального и скандинавского происхождения. Полагали, что мечи высокого качества, с дамаскированным лезвием и с латинскими надписями являются рейнскими. Такой взгляд слишком однозначен. Материалы показывают, что норвежские кузнецы уже в IX в. производили дамаскированные мечи. Надписи на клинках иногда написаны неправильно, то есть являются подражаниями. Надпись кириллическими буквами на лезвии меча из Фощеватой на Украине, исполнена дамас-

¹Саамские украшения, начиная с XVI в., представляют интересную аналогию. Они вполне саамские, но все изготовлены несаамскими ювелирами в городах, особенно в Трондхейме (P.Fjellström b I.Racz: Samisk kultur og folkekunst, Oslo 1979, с.12).

²Ледоходные шипы и огнива сходного облика в Скандинавии, Руси и Биляре не могут служить в качестве культурного признака (А.Х.Халиков. Культура Биляра. М., 1985, С.124, табл.43; С.209, табл.70).

Рис. 2 Скандинавские находки юго-восточного Приладожья.

1 - одна находка; 2 - 2 или более находки в одном могильнике;
3 - точное место находки мне неизвестно.

Fig.2 Scandinavian finds of the South-East Ladoga region.

1 - one find; 2 - two and more finds at one cemetery; 3 - the exact place of finding unknown to me.

тума (Голубева 1973:35 сл.; Кочкуркина 1973:70; Фехнер 1967:38; Kivikoski 1964:267). При этом, мне кажется, что "третья фибула" в костюме в финно-угорской и балтийской средах не всегда была обязательна. Она, вероятно, закрепляла шаль, которую носили зимой, а женщины могли быть похоронены в летней одежде. Это значит, что число скандинавских женщин среди балтов и финно-угров могло быть большим, чем я подсчитала.

Труднее по археологическим данным опознать скандинавских мужчин, не только потому, что они, как считают ученые, были более "международно" одеты, чем женщины, но и потому, что мы не достаточно знаем отличительные признаки их убора. Признаки скандинавского, мужского погребения — погребальный обряд или относительная полнота состава скандинавских вещей.

Исследователи эпохи викингов в последние годы разделяют ее на три периода⁴ (о проблемах узкой датировки, см. Almgren 1955:70 ff.; Graham-Campbell 1980:6 ff.), а

кированной проволокой (Stalsberg 1989; Стальсберг 1991; Kirpitsnikov, Stalsberg 1993). Таким образом, высококачественные мечи производились как в Скандинавии, так и на Руси. Проблема состоит в том, как различить скандинавские мечи на Руси. Численно 25 из 48 погребений IX–XI вв. с мечами являются, по моему мнению, скандинавскими. Некоторые мечи поздней эпохи викингов, случайно найденные на юге Руси (на Украине) — несомненно, не скандинавские, а русские. Вполне вероятно, что мечи, обнаруженные у днепровских порогов — континентальные (судя по орнаментации их рукоятей). Несмотря на оговорки, я включила все мечи в каталог находок; трудно выделить мечи, принадлежавшие скандинавам, но они, несомненно, были им присущи. Последние, возможно, являлись их основными распространителями в Восточной Европе.³

Для вопроса о скандинавах на Руси надо знать какие находки свидетельствуют об их непосредственном присутствии. Рунические надписи, некоторые предметы культа, погребальные обряды, прямо указывают на скандинавов, ибо они связаны с их языком и племенной религией. Этническое и социальное значение имела одежда. Части костюма обычно или сгорали, или истлевали, но сохранившиеся украшения, тесно связанные с покроем одежды, могут раскрыть ее культурно значимые черты. В балтийской и финно-угорской среде набор из двух овальных нагрудных фибул и "третьей фибулы" (по скандинавской терминологии) для шали считается признаком скандинавской женщины. Балтийские и финские женщины также могли носить пару фибул на своей одежде, но в славянской среде набор из двух нагрудных фибул достаточный признак скандинавского костюма.

³Надо иметь в виду, что не трудно найти аналогии вещам эпохи викингов в собраниях Скандинавии, так как материал очень богат, тамошние музеи часто публикуют каталоги, и качество описания и иллюстраций высокое. Эти аналогии могут, однако, затмить другие менее яркие предметы. Здесь необходим взвешенный подход.

⁴По Graham-Campbell 1980: 6ff. Согласно этому автору, конец эпохи викингов — начало XII в., но я следую иной принятой в скандинавской археологии датировке: середина XI в.

Таблица 1.

Погребения со скандинавскими находками (указаны без скобок) и скандинавские погребения (указаны в скобках) на Руси в разные периоды эпохи викингов.

	ЭВ	РЭВ	СЭВ	ПЭВ
женщин	122(35)	11(6)	95(30)	14(2)
мужчин	97(26)	13(6)	68(20)	14(5)
жен.+муж.	35(17)	3(2)	29(16)	3(1)
жен.+жен.	2(2)		1(1)	1(1)
муж.+муж	2		1	
реб.+взрослый	8(1)	1	6(1)	
неизвестно	37(6)	3(2)	17(1)	4
всего	303(88)	31(16)	217(69)	37(9)

именно: ранняя эпоха викингов (РЭВ): конец VIII в. – конец IX в.; средняя эпоха викингов (СЭВ): конец IX в. – вторая половина X в.; поздняя эпоха викингов (ПЭВ): вторая половина X в. – первая половина XI в. Абсолютные даты скандинавских и русских археологов не всегда совпадают. Здесь я опираюсь на скандинавские датировки, так как они основаны на большом материале. Находки свидетельствуют об оживленных связях между Русью и Скандинавией, а поэтому не обязательной должна быть разница в хронологии однотипных норманских и русских древностей. Теоретически запаздывание в поступлении некоторых северных вещей на Русь могло иметь место, но практически его трудно уловить.

Число скандинавских находок на Руси достаточно значительно. В моем каталоге отмечено 413 комплексов, включающих не менее одной скандинавской вещи. Последние обнаружены в 140 географических пунктах или в погребениях и на поселениях или отдельно. Отметим, прежде всего, более 200 овальных фибул и около 117 мечей. Думаю, что действительное число скандинавских находок еще больше.

Самые ранние скандинавские находки относятся к предвикингскому времени, хотя они тесно связаны с эпохой викингов. Это: овальная фибула типа 1 по Яну Петерсену и собрание инструментов кузнеца 750-х гг., из Старой Ладоги. Изделия РЭВ найдены в районе Петергофа, в южном Приладожье, Приильменье, верхнем Поволжье, у Чудского озера, в Пскове. Несколько предметов конца IX в. обнаружены на верхнем Днепре – в Гнездове и Новоселках. СЭВ представлена самым большим числом широко распространенных скандинавских находок. В ПЭВ скандинавские вещи найдены по Волхово-Днепровскому пути, вплоть до Черного моря. На Волге нет скандинавских находок, твердо датированных XI в. Там они относятся к более раннему периоду.

Скандинавские предметы на Руси происходят из погребений, поселений, кладов и в виде случайных находок. Поселения: Старая Ладога, Новгород, Рюриково городище (примечательно, что в окрестностях Новгорода и Рюрикова городища нет скандинавских находок из погребений, которые просто неизвестны), Ростов, Сарское городище, Тимирево, поселения Волжской Болгарии, Псков, Гнездово, Саркел (Цимлянское городище). Мне не известны находки из городских слоев Киева, Чернигова и Шестовиц. Могильники, однако, отражают характер поселений. В последних безусловно находились скандинавы, жившие, обычно, бок о бок с аборигенами. Перечислю могильники, в которых обнаружены северные предметы: Плакун, Михайловское, Петровское, Большое Тимирево, курганы Владимиро-Суздальского ополья, Волжская Болгария (одно погребение), Залахтове, Псков, Гнездово, Новоселки, Киев, Шестовицы, Чернигов.⁵ На рис.1 указаны места, где находки свидетельствуют о присутствии скандинавов. Общее для всех пунктов то, что это – торговые центры, эмпории, города (ports of trade), то есть места концентрации населения.⁶

⁵Т.А.Пушкина 1984 г. считает, что бронзовый (культурный) идол из Черной Могилы может быть скандинавским. Если она права, то одно из самых богатых погребений Руси является скандинавским.

⁶В данной статье опущены ссылки на материалы. Они даны в каталоге находок, который готовится к публикации.

Таблица 2.
Погребения со скандинавскими находками и скандинавские погребения разных регионов Руси (пояснение ко скобкам как в табл. 1)

	Всего погребений	Жен.	Муж.	Ж+М	Детские	Другие	Неизвестно
Юго-вост. Приладожье	60	28(6)	25(11)	6(3)		1Ж+Ж 1М+М	1
Плакун	9	5(5)	3(3)				1(1)
Михайловское	17	6(1)	5(2)	3(2)	1(1)		2
Петровское	8	4	2	1	1		
Б. Тимерево	38	22(1)	7	4(2)	5		
Новоселки	6	2(2)	3(2)	1(1)			
Гнездово	81	32(11)	23(5)	12(10)		1Ж+Ж(1)	13(1)
Киев	11	3(2)	4	2			2
Шестовица	17	6(4)	6	4			1

Юго-восточное Приладожье отличается тем, что скандинавские предметы встречены в могильниках, расположенных рядом со становищами или сельскими поселениями (Stalsberg 1982).

Относительно скандинавских вещей на Руси интересно рассмотреть вопрос о том, из каких районов Скандинавии они происходят. Все изделия указывают на Среднюю Швецию (например, гривны с молоточками Тора, некоторые равноплечные фибулы, погребения с ладьей). Только некоторые находки свидетельствуют о Готланде: староладожская фибула в виде звериной головы, подковообразная фибула из Подболотьевского могильника, некоторые поясные наборы из Гнездова, Рюрикова городища и Тимерева. Замечены готландские черты в рунической надписи на камне из Березани. Вообще, готландские вещи проникают преимущественно в западную часть Руси в развитом X в. Значение Готланда возрастает после упадка Бирки в 970-х годах. Почти полное отсутствие готландских вещей на Руси в период раннего средневековья отмечено уже В.И.Равдоникасом (1930: 102 прим.) и Э.Кивикоски (1937:229 сл.), но исследователи в должной мере еще не оценили это обстоятельство. В итоге можно думать, что варяги на Руси были, главным образом, свеями из Средней Швеции, с ее лидером Биркой. По письменным источникам западные скандинавы (норвежцы) также ездили на восток, но они не опознаются в археологическом материале. Фрагменты норвежских сосудов и мыльного камня, зафиксированные в Старой Ладоге и Гнездове, вероятно, попали туда через Швецию.

Территория Руси была доступна только при движении по рекам с волоками и порогами. Волоки и пороги – места, где легко контролировать путешественников. По рекам надо плыть на речных судах, и по русским рекам никогда не ходили скандинавские морские корабли. Как правило, следы скандинавского пребывания улавливаются в городских центрах на реках. В сельской провинции норманны не селились. Исключение представляло Юго-восточное Приладожье.

Обращает внимание множественность скандинавских древностей в женских захоронениях. По моим подсчетам скандинавские находки найдены в 122 женских погребениях, в 97 мужских, в 35 парных и в 8 с более, чем одним покойником. Из них скандинавскими погребениями являются 35 женских, 27 мужских, 17 парных, 1 – с ребенком и мужчиной, 1 с двумя женщинами, являются скандинавскими погребениями. Судя по археологическим находкам среди скандинавов, по-видимому, действительно было немало женщин. Им, по всей вероятности, соответствовало равное или близкое число мужчин. Присутствие последних, однако, не всегда выявляется археологически. Кроме того, мужчины могли покидать места жительства и, следовательно, погребались вдали от них.

В Скандинавии женщины с набором фибул рассматриваются как свободные. Если мы принимаем, что женщины с набором скандинавских фибул на Руси являются скан-

динавками, то их также следует считать свободными, а не рабынями. Норвежский археолог Хакон Шетелиг (Shetelig 1910: 10 ff.) считал, что значительное число парных погребений эпохи викингов в Скандинавии не случайно. Речь идет о семьях и некоей организации общества. Возможно, что в жертву приносили себя овдовевшие женщины. Так могло быть и на Руси. Не исключено при этом, что в истории Киевской державы был период, когда туда ездили преимущественно мужчины, а семейные группы, включающие и детей, там появились несколько позже.

Присутствие скандинавов среди местного населения видно по распространению скандинавских находок и погребений в могильниках, о которых имеется достаточно информации: Б.Тимерево (Stalsberg 1988: Fig.4), Михайловское, Петровское, Гнездово, Киев, Шестовицы (Ярославское Поволжье 1963; Блѳельдт 1977; Каргер 1958; личное сообщение Т.А.Пушкиной 1985 г.). В Юго-восточном Приладожье смешение разноэтничного населения было, видимо, значительным. В курганах, рассматриваемых учеными, как семейные усыпальницы, скандинавские находки и погребения встречаются вместе с погребениями без скандинавских элементов. Здесь же курганы со скандинавскими элементами находятся рядом с курганами без таковых. Могильники со скандинавскими признаками соседствуют с могильниками без них (рис.2).

Очевидно скандинавы – мужчины, женщины, дети, присутствовали почти во всех местах (кроме Приладожья) с самого начала существования поселений и могильников. Они жили там в X в., а частично и в XI в. Вряд ли скандинавы основали сами центры, так как составляли только меньшинство населения. Эмпории возникли более или менее одновременно в Европе, их появление, очевидно, связано со значительными изменениями обществ и расширением их торговли. Несомненно, скандинавы участвовали в этом процессе.

Невозможно говорить о числе скандинавов, живших на Руси, но допустимо подсчитать относительное число северных людей, погребенных в могильниках. О пяти могильниках имеется достаточная информация для подсчета процентов скандинавских погребений – "минимум", и процентов погребений со скандинавскими находками – "максимум", из числа документированных погребений: Б.Тимерево 1% и 9%, Петровское 0% и 7%, Михайловское 4% и 8%, Гнездово 3% и 8%, Шестовицы 4% и 13%. К сожалению, количественными данными о составе населения юго-восточного Приладожья мы не располагаем. Судя по археологическим данным норманнов там было немало. Что же касается приведенных выше цифр, то они, конечно, отражают не перепись населения, но достаточно совпадают, чтобы считать, что они не вводят в полное заблуждение.

Важно знать социальный статус скандинавов на Руси, что установить не просто. Даже нет уверенности, что члены всех слоев общества погребены в могильниках. Возможно, таковыми были только зажиточные люди. Однозначно сравнивать скандинавские, славянские и финские погребения неправильно, у каждой группы были свои традиции, и в этом отношении скандинавские погребения по своему инвентарю выступали бы как относительно богатые. Если считать захоронения скандинавов на Руси "настоящими скандинавскими", то их следует сопоставить с погребениями в Скандинавии. Многие северные находки на Руси не привлекали особого внимания, если бы были встречены в Скандинавии, где они характеризовали погребения свободных зажиточных мужчин и женщин. Ладьи, золото, весы и гирьки в погребениях – признаки богатства. Большие курганы возводились для влиятельных людей, но нельзя исключить, что достойных могли похоронить и в маленьких курганах. Скандинавские находки на Руси происходят, главным образом, из курганов несколько больших, чем средние, а также из больших курганов. Эту проблему надо дальше разрабатывать, но на основе археологического материала можно сказать, что скандинавы во всяком случае не принадлежали к низшим слоям древнерусского общества.

Находки свидетельствуют о постоянных контактах и движении между Скандинавией и Русью в течении всех этапов периода викингов. В это время на Руси из Скандинавии получали и обыденные и модные вещи. В Скандинавии восточные вещи – украшения и монеты, свидетельствуют об оживленных контактах не только с Русью, но и с Востоком.

На основе анализа археологического материала можно сделать некоторые выводы об активности скандинавов на Руси:

1. Извечный вопрос старой норманской школы состоит в том, кто основал Русь и кто были ее правители? Археология не может ответить на этот вопрос. Государства не основываются как фирма, а возникают тогда, когда общество готово к этому принципу организованности.

2. Ранние норманисты предполагали шведскую экспансию в страны на Юго-востоке от Балтийского моря. Походы и сбор дани не оставили бы много находок, и весьма разнообразные материалы Руси не свидетельствуют об антагонистических отношениях славян и скандинавов; как правило, северные пришельцы обоих полов были интегрированы. Повесть временных лет говорит о собирании дани варягами в 859 г. В отличие от письменных источников археология свидетельствует об общем ходе истории, а не о личностях и редко об определенных событиях. Шведские ярлы правили в Приладожье примерно с 1018 до, по крайней мере, 1034 г., но по соглашению, не в результате завоевания. Внутри Русской равнины расстояния длинные, волоки и пороги осложняли подход подкреплений и отступление скандинавов.

3. Пиратство известно из письменных источников в Прибалтике и Каспийском море, но, как правило, скандинавское пиратство не могло быть распространено за волоки и пороги, то есть внутрь страны. Трудно появиться неожиданно и отступать без препятствий по рекам с волоками и порогами, тем более по суше. Интеграция скандинавов на Востоке не подтверждает идею о пиратстве, как обычном явлении.

4. Неправдоподобно, что иноземных пришельцев пропустили в значительных количествах в центральные области земледельческих племен, где земля была давно обжита. Скандинавы жили не в деревнях, а в городах или около них в центральных областях земледельческих племен (Старая Ладога представляет собой особый случай, она расположена в неплодородном районе). В этом отношении выделялось Приладожье, оно легче было доступно из Скандинавии и имело относительно редкое местное население. Возможно, что сюда северные земледельцы могли бы переселяться, хотя брачные контакты кажутся более вероятными.

5. Скандинавские чиновники известны, например, среди подписавших от имени Руси договор с Византией в 911/912 и 944/945 гг. По королевским сагам Снорре Стурласона дядя Олава Трюгвасона был чиновником у Владимира в 960–970 гг. В процессе консолидации ранним государствам было выгодно нанимать иноземных чиновников, так как они были нейтральны по отношению к пригласившему их населению и солидарны с нанимателями (Randsborg 1980:133; Pipes 1981). Чиновников-иноземцев хоронили в священных могильниках, у них могли быть семьи, естественно для них было жить в городах. Легенда о призвании варягов возможно достоверна: первые князья были наемниками не самого высокого социального уровня. Сравни рассказ Повести временных лет: "Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидете княжить и володети нами".

6. Скандинавские наемные воины хорошо известны по письменным источникам. Как чиновники, они сохраняли лояльность к нанимателям. Присутствие семей зависело от службы. Воинам тоже естественно было жить в городских центрах, чтобы контролировать и защищать их.

7. Появление в Приладожье смешанного населения наводит на мысль о брачных связях в зоне Балтийского моря. Оpoznаются смешанные погребения. В них, очевидно, хоронили разноэтничные смешанные пары (ср. Stalsberg 1982). Так же было в других частях Восточной Европы, где кажется практиковались смешанные браки (Верхнее Поволжье, Гнездово, возможно, Шестовицы).

8. Некоторые полуготовые украшения, брак производства из Старой Ладоги, Рюрикова городища и Гнездова свидетельствуют о том, что скандинавские украшения изготавливались там, возможно, для скандинавов, не скандинавскими мастерами, или же скандинавскими мастерами, постоянно жившими на месте.

9. Скандинавские купцы тоже известны по письменным источникам. Для купцов естественно жить мирно в городах. Если они жили постоянно, или длительное время, то у них были семьи. Весы и гирьки являются "орудиями" купцов. Примечательно, что 22% погребений со скандинавскими находками, содержащих весы и гирьки, являются женскими (это соответствует материалам из Бирки и Норвегии - см. Стальсберг 1991; Stalsberg 1991). Очевидно, женщины принимали участие в торговле своих экономических единиц

(семей?). Эти торговые единицы могли функционировать постоянно, в то время когда купец путешествовал.

Различить чиновников, воинов и купцов очень сложно. Весы и гири найдены в 37 (по счету 1985 г.) погребениях со скандинавскими находками в Юго-восточном Приладожье, на побережье Чудского озера, в Гнездове, Новоселках и Шестовицах. Можно полагать, что богатые погребения являются захоронениями чиновников и купцов. Однако, численность и профессию людей разных групп определить на этой основе невозможно.

Нет единого ответа на вопрос, почему скандинавы ездили "на Восток". Я присоединяюсь к мнению о том, что они сначала ездили по Волжскому пути за исламским серебром. Это были свеи из Средней Швеции. Серебро требовалось не только для торговли, и в целях расширения своей державы. Необходимо было "купить" себе союзников. Естественно все это связано с возникновением первого среднешведского государства. Богатства Востока, конечно, привлекали скандинавов. Находки в Приладожье можно рассмотреть как продолжение их старых путешествий через Балтийское море. За волоки и пороги – другой мир, туда отправился храбрый Ингвар и его мужи.

В течение первой части XI в. скандинавские, "викингские" вещи исчезают из комплексов на Руси, но это не значит, что деятельность скандинавов прекратилась: в самой Скандинавии многие из норманских изделий уже вышли из моды. Письменные источники говорят о династических и брачных связях и межгосударственных мирных и военных отношениях. Обращают на себя внимание два обстоятельства: прекращение притока исламского серебра в 970-х гг. и консолидация в течение X в. древнерусского государства. Последнее уменьшило возможности частной инициативы скандинавов. Русь сама организует торговлю, государственный аппарат функционировал без наемных скандинавов. И, конечно, Скандинавия сама изменилась – прекратились викингские пиратские походы.

Что случилось со скандинавами на Руси? Обычно считается, что они ассимилировались, славянизировались. Ассимиляция, кажется, подтверждается снижением процентного отношения скандинавских погребений (см. табл.1). Но, нельзя исключить, что многие скандинавы просто вернулись домой после некоторого времени их пребывания на Руси. Находки свидетельствуют об оживленном, двустороннем движении.

Всесторонне оценить значение скандинавов на Руси трудно. В культуре и искусстве "послеваряжской" средневековой Руси следы скандинавов не так видны, чтобы можно было считать их роль исторически решающей. Русская архитектура – местная. В Новгороде найдены деревянные вещи – имеется в виду колонна и спинка стула XI в. с резным орнаментом, имеющим сходство со скандинавским искусством, но нельзя забывать, что Новгород такой же член североευропейской культуры, как и Скандинавия. Значение скандинавов, в первую очередь, измерялось периодом их присутствия. Скандинавские чиновники и солдаты не основали государство, но играли важную роль в жизни и войнах Руси. Купцы содействовали развитию и расцвету городов, даже просто тем, что они участвовали в их жизни. Судя по археологическим материалам скандинавы составляли меньшинство, которое, так сказать, было заметно на улицах. Жаль, что норманский спор отравлял в науке важный исторический вопрос об отношениях между странами-соседями. Ученым остается еще много работы в отношении изучения недавно большого и даже опасного "норманского вопроса".

БЛІФЕЛЬД, Д.І. 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.

ГОЛУБЕВА, Л.А. 1973. Везь и славяне на Белом Озере X-XII вв. Москва.

КАРГЕР, М.К. 1958. Древний Киев I. Москва-Ленинград.

КОЧКУРКИНА, С.И. 1973. Юго-восточное Приладожье в X-XIII вв. Ленинград.

ПУШКИНА, Т.А. 1984. Бронзовый идол из Черной Могилы // Вестник Московского государственного университета 3 (серия 8, история). Москва.

СТАЛЬСБЕРГ, АННЕ. 1987. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси // Труды пятого международного конгресса славянской археологии III. Москва.

1991. О производстве мечей эпохи викингов // Вестник Московского государственного университета 2 (серия 8, история): 72-78. Москва

- ФЕХНЕР, М.В. 1967. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X-XI вв. // Новое о прошлом нашей страны: 33-41. Москва.
- ЯРОСЛАВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ. 1963. Ярославское Поволжье (ред. А.П.Смирнов). Москва.
- ALMGREN, B. 1955. Bronsnycklar och djuornamentit. Uppsala.
- GRAHAM-CAMPBELL, J. 1980. Viking Artefacts. London.
- KIRPITSJNIKOV, A.N., A. STALSBERG. 1993. Sved fra vikingetiden. // Norsk våpenhistorisk selskap. Årbok 1992: 31-44. Oslo.
- KIVIKOSKI, E. 1937. Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet. // Acta archaeologica 8: 229-250. Copenhagen.
1964. Finlands førhistoria. Stockholm-Göteborg-Uppsala.
- PETERSEN, J. 1919. De norske vikingesverd. Kristiania.
1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.
- PIPER, D. 1981. Slave Soldiers and Islam: the genesis of a Military System. Yale.
- RANDBORG, K. 1980. The Viking Age in Denmark. London.
- RAUDONIKAS, V.I. 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.
- SHETELIG, H. 1910. Traces of the custom og "suttee" in Norway during the Viking Age // Saga book of the Viking club. January 1910. London.
- STALSBERG, A. 1982. Scandinavian relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the archaeological evidence. // Journal of Baltic studies 13.
1988. The Scandinavian Viking Age finds in Rus' // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69: 448-471. Mainz am Rhein.
1989. Mønstersmidde sverd og varjagerkontroversen. // Norsk våpenhistorisk selskap, Årbok 1989. Oslo.
1991. Women as actors in Northern European Viking Age Trade. // Social approaches to Viking studies. Ed. Ross Samson. Glasgow.
- 1991a. Tradeswomen during the Viking Age? // Archaeology and environment 11. Umea.

THE PROBLEM OF CULTURAL INTERACTION BETWEEN RUS AND SCANDINAVIA DURING THE VIII-XI TH CENTURIES (BASED ON ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS IN CIS)

Summary

When back in the sixties, I tried to get to Russia to study Scandinavian-Russian relations during the Viking Age, I was refused by the Soviet authorities: there are neither materials nor specialists in this field. Since then much has changed and perestroika finally did way with politics ruling history. The points of view, especially during the nationalistic communist regime, were divided into normanism and anti-normanism. This division does not serve a scholarly study and should be abandoned.

I have been working on this topic for 25 years, but there still are a few pages to finish off in a long ready publication of the Scandinavian finds in Russia, other tasks had been given priority. This article is a short analysis based on this study.

The study covers the Viking Age (VIII - mid XIth centuries) Scandinavian finds found on the territory of Old Rus and the adjacent territories in the north, east and south, since all these finds are the result of the same process. The Baltic states are not included because the finds there obviously belong to a different process. My use of "Rus" is therefore inaccurate but used for the sake of convenience.

The chronology applied is the wide end overlapping one used by scholars in the later years: early Viking Age /EVA: end VIIIth - end IXth cent.; middle /MVA: end IX - second half Xth cent.; late/LVA: second half Xth - first half XI cent. It is used for types as well as complexes.

Scandinavian finds must be defined. It is an object, combination of objects, grave ritual in the Scandinavian tradition (not necessarily made in Scandinavia or by a Scandinavian, but probably originally for a Scandinavian - with that taste and religion). A second requirement is methodologically important; the finds have to be discernible among the local finds (the swords constitute a problem not yet solved. They are of common European types, but I have included them not least because of usage in archaeology so the reader may judge. Some swords of late types from the Ukraine are undoubtedly Russian). Not all Scandinavian finds testify to the presence of Scandinavians in Rus, but costume, burial rite, cult objects and runes are taken to do so.

My catalogue of Scandinavian Finds contains 413 complexes varying from a single stray find to rich graves and settlements, found in more than 140 sites. The earliest find is a chest of smith's tools in Staraya Ladoga, which is mid-VIIIth century. The EVA finds are found along the Ladoga-Volga route, MVA also along the Ladoga-Dnieper route, the LVA only along the latter. They stem from hoards, graves, settlements, stray finds (Fig.I and 2).

The Finds originate mainly from Middle Sweden, none from Gotland during "Birka-time". After Birka's fall in the middle of the Xth century Gotlandic Finds appear along the Dnieper route. Written sources mention Norwegians going east, but they cannot be archaeologically discerned.

Before drawing any conclusions about what the Scandinavians/Swedes did in Russia, some points have to be mentioned: rapids and portages are serious hindrances for travellers and natural control points for the inhabitants; all Scandinavian finds to the interior of them are found in centres/towns. The scattered rural finds are in the Lake Ladoga area to the exterior of them (Fig.I,2).

It is striking that more than half of the Scandinavian Finds are women's. Even if there must have been at least as many men as women. There obviously was a considerable number of women among the Scandinavians in Rus. Women are more easily identified than the more internationally dressed men. Women and children mean some kind of families. The Scandinavians were for 1,5 - 2 centuries buried in between other town dwellers in the cemeteries, i.e. the relationship was orderly, not hostile. In the Lake Ladoga area the intermingling is even stronger (Fig.2). There were men and women in all periods and regions (Tabl.I,2). It is impossible to know the number of Scandinavians in Rus, but the maximum percentage graves with Scandinavian finds, a minimum percentage - Scandinavian graves, can be calculated for some cemeteries and the max. are 7-13 %, min 0-4 % (Timerevo, Petrovskoe, Mihajlovskoe, Gnezdovo, Shestoovicy). There social status is important, but I have found no solid indications. They obviously were not among the poor, some were rich.

The finds in Rus and in Scandinavia (eastern finds) show active two-way contacts throughout the Viking Age. Thus, we can draw some conclusions about Scandinavians' activities in Rus on the basis of the archaeological material:

1. Archaeology cannot solve the core problem of classical normanism: who founded the Old Rus state?

2. Archaeology has problems seeing the traces of tax collecting raids etc, or expansive Swedish politics to the east, as assumed by earlier normanists.

3. Piracy is known in the Baltic and the Caspian seas (probably via the Black Sea), but would not have been possible in the area of portages and rapids where aliens were too easily controlled and piracy would not have been the rule. The integration in the cemeteries and the women's and children's finds confirms this.

4. Agricultural settlers would barely be let into densely settled areas around the towns where the Scandinavian finds stem from. The only rural finds are the Lake Ladoga stem.

5. Scandinavian officials are known from the treaties with Byzantium (911/2, 944/5), and the North sagas. Foreign officials will not have loyalty problems, which is exactly what the Primary Chronicle tells about the Rus, and it was convenient for the store to use these foreigners; to solve these problems. Officials might have families, live in towns and have rich burials.

6. Scandinavian mercenary soldiers are also known. They would also be without loyalty bonds. They lived in towns which they should defend and control.

7. Graves with mixed couples indicate marriage and family contacts.

8. Wastage from production of ornaments may testify that Scandinavian craftsmen lived in Russian towns.

9. Merchants are well known and in accordance with the characteristics of the material: families integrated into towns reached only by controllable portages and rapids. Women obviously took part in the making of their economic unit/family, since 22% of the weighing equipment found together with Scandinavian finds occurs in women's graves. The cessation of Arabian silver to Bulgaria in the 970-s explains obviously why merchants lost the interest for the Volga route (which obviously had nothing more to offer).

According to what has just been said there is no single explanation why the Scandinavians went East. During the first part of the XI century the typically Viking Age objects disappeared in Russia because they also became unfashionable in Scandinavia itself. Further contacts are witnessed by other sources. Some of the Scandinavians may have been assimilated, others no doubt went home. The decrease in Scandinavian graves in the I century seems to support assimilation.

It is hard to evaluate the impact of the Scandinavians on Rus politics, history and culture. They are not visible in the "post-Varangian" medieval Rus. The common traits are due to sharing parts of the north European culture. The Scandinavians did not found states, states are not founded as firms, but develop when time is ripe. But Scandinavian officials and soldiers were important for Russian history, but not as Scandinavian conquerors. Scandinavian trading contributed to keeping the financial wheel running. To judge by the archaeological finds, the Scandinavians were only a small minority in the towns, but they must have been visible and familiar in the streets. It is a pity that the normanist controversy has led astray an important historical discussion about the relationship between neighbours. Researchers still have work to do concerning the VIII-XI centuries

ИТАЛЬЯНСКОЕ "МНОГОСТИШЕ": РАЗЛИЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ*

А. Гвиди**

"Вы хотите познать подлинную историю жителя Лигурии или Сицилии в неолитический период? Попробуйте, если сможете, мысленно превратиться в неолитического лигурца или сицилийца. Если не можете или не хотите, Вам не остается ничего, кроме как заняться описанием и систематизацией (классификацией) найденных во время раскопок черепов, орудий и рисунков этих народов".

Это цитата из книги "Теория и история историографии", написанной в 1917 г. величайшим итальянским философом XX века Бенедетто Кроче (Croce 1921:134-135), поразительно точно предвосхищает основные направления доисторических исследований в Италии в период между двумя мировыми войнами.

Гегемония идеалистических представлений Б.Кроче является одним из ключей к пониманию того поразительного упадка в изучении доисторической эпохи, который произошел в Италии в тот период. В своих многочисленных работах Б.Кроче ясно выражает неприязнь к попыткам некоторых ученых использовать наблюдения и эксперимент в исторических исследованиях, открыто провозглашает себя антиэволюционистом. Тем не менее, именно типично эволюционистский и научный характер доисторических исследований, проводимых в XIX веке такими всемирно известными учеными, как Пигорини, Коллини и Бони, обусловил их высокий профессиональный уровень и великолепные открытия (Desittere 1984; Guidi 1988, 1988a; Peroni 1992).

После второй мировой войны даже большое число представителей левой интеллигенции, вслед за интеллигенцией, входящей в итальянскую коммунистическую партию, стали полностью разделять взгляды Б.Кроче. Этим фактом, вероятно, можно объяснить упорное непризнание антропологического подхода в изучении доисторической эпохи (важное исключение составляет книга Сальваторе Пуольизи "Апеннинская цивилизация" о скотоводческом хозяйстве среднебронзового века в центральной Италии, вышедшая в 1959 г.) и еще более сильное противодействие любым попыткам использования исследовательских моделей и методов экспериментальных наук в изучении доисторической эпохи.

Перелом во взглядах произошел в конце 60-х годов с появлением "Новой археологии" в англо-саксонском мире, таких имен, как Шнапп, Клезью и Демуль во Франции и Клейн в Советском Союзе, а также ряда молодых ученых, подвергнувших систематической критике господствующие академические воззрения. В Италии такой перелом связан с деятельностью групп классической археологии, особенно с группой "Беседы по археологии" левого направления, основанной в 1966 г. по инициативе выдающегося ученого Ранукио Бьянки Бандинелли.

Доисторики составили меньшинство в этой группе, где в основном были представлены специалисты по протоистории. Одному из этих ученых, Ренато Перони, принадлежит статья по доисторическому прошлому Италии (1969 г.), впервые дающая трактовку, а не только описание, археологических данных с целью реконструкции социально-экономического устройства протоисторических общин Центральной и Южной Италии (Peroni 1969).

В начале 70-х годов, в то время как немногие специалисты - сторонники методов "Новой археологии" (среди них Франческо Феделе и Маурицио Този) - работают на периферийных участках науки или за границей, английский археолог Грэм Баркер, принадлежащий к течению "Новой археологии", публикует первое подробное исследование по итальянской предыстории, посвященное хозяйству центральной Италии в бронзо-

* Доклад был представлен на конференции группы теоретической археологии, проводившейся в Университете Саутгемптона 14-16 декабря 1992 г.

** Verona University, via Bolzano 32, 00198 Rome, Italy

вом веке (Barker 1972), с использованием в то время новой методики - "микрорегионального анализа".

В 1976 г. вышла интересная статья, в которой использовались антропологические категории. Это исследование Анны Марии Бьетти Сестьери, в котором, подобно Перони, используя марксистскую парадигму, ученый предлагает альтернативную модель развития итальянских протоисторических обществ, явно под влиянием функционализма и субстантивизма школы Поланц (Bietti Sestieri 1976-1977). Только во второй половине 70-х гг. в различных областях Италии появляются новые направления исследований, связанные с некоторыми ключевыми проблемами: 1) практика ведения раскопок широкими площадями с применением стратиграфической матрицы, разработанная британскими учеными на больших городских поселениях в Северной Африке и предложенная Андреа Карандини, специалистом по античной археологии; 2) первые случаи применения сложных количественных методов, таких как кластерный анализ и компьютерная обработка данных (Bietti, Cazzella 1976-1977); 3) развитие техники разведок и археологии расселения (часто вне университетов), чему способствовали два фактора: появление большого числа добровольных обществ и начало работы многих археологов в государственных органах охраны памятников.

Постепенно, особенно молодыми учеными, начал осознаваться тот факт, что итальянская археология в теоретическом плане отстает от англо-саксонской и северо-европейской. Стали признаваться сложности унификации различных, а иногда взаимоисключающих подходов к исследованию, характерных для множества региональных школ.

В 1982 г. в Риме проходила общенациональная конференция, посвященная хозяйственному и территориальному устройству доисторических обществ (Рим 1982), где впервые были представлены доклады, в которых сообщалось об использовании некоторых методов "Новой археологии": многоугольников Тиссена, микрорегионального анализа, компьютерного анализа систем поселения.

Последующие годы отмечены расширением сотрудничества, взаимовыгодного обмена опытом и информацией между итальянскими учеными и их иностранными коллегами (Квомо ди Каприо 1986). Тем не менее, национальные конгрессы по теоретическим подходам в доисторической археологии, проводившиеся в 1986-1987 гг. (Рим 1986; Феррара 1987), ясно продемонстрировали "сопротивление" консервативных кругов, пытающихся сохранить свои позиции в науке и в то же время "управлять" ее развитием (здесь необходимо подчеркнуть, что только очень немногим "новаторам" удалось в последние годы получить место в университетах).

Период растущей интеграции и формирования общего языка научного общения и вскоре сменился методом структурного обособления местных старых и новых "школ". Фактически можно отметить следующие подходы: 1) "практический", в основе которого лежат полевые исследования, публикация данных, исторический синтез, организация местных музеев и проведение региональных конгрессов (характерен для южной Италии и островов).

Интересным примером этого направления является Сардиния. Здесь было написано множество трудов по доисторическим культурам, но работы, в которой давалось объяснение археологических данных, принадлежали исключительно зарубежным ученым, например, Льютуэйту (Lewthwaite 1985, 1986).

2) Общепринятый подход, основанный на современных представлениях об интеграции между археологией и естествознанием (традиция Пигорини и других основоположников), обычно скептически относящийся к объяснению данных и "новым" направлениям (широко представлен в северной Италии и Тоскане). Неслучайно географически распространение этого подхода в большой мере совпадает с той частью Италии, где новые решительно настроенные политические силы требуют "отделения" от остальной части страны.

3) "Римская школа", где объяснение данных считается одной из главных исследовательских задач. Направление типично для центральной Италии (имеется также много приверженцев в других частях страны и за рубежом). Здесь следует отметить подразделение, хотя и не строгое, на исторический и антропологический подходы.

Один из лучших примеров этого направления - работа Аннамария Бьетти Сестьери и его группы по изучению 600 могил железного века в Остерии дель Оса около Рима.

Анализ погребального инвентаря проводится в тесном сотрудничестве с антропологами, занимавшимися анализом скелетных останков. С помощью этого метода на основе повторяющихся групп определенных предметов в могилах IX в. до н.э. были установлены погребения членов больших семей, главой которых являлись мужчины, кремированные вместе с миниатюрными вещами и оружием. Могилы VIII в. до н.э. свидетельствуют о дальнейшем расслоении общества и появлении настоящей аристократической элиты (Bietti Sestieri 1985, 1992).

Более резко выраженный марксистский подход характерен для статей Маурицио Този, например, по индикаторам ремесел в крупных протоисторических городах Ирана, опубликованной в "марксистских перспективах в археологии" (Tosi 1984). В данной работе Този дал определение понятия "индикатор ремесла" и составил таблицу свидетельств последовательных этапов обработки сырья в городе Шар-и-Шокта в различные периоды и в различных домах. Автор рассматривает результаты и значения этого исследования в рамках более общей дискуссии по раннему государству.

4) "Процессуальная" школа в северо-восточной Италии, проявляющая большой интерес к "Теории средней линии, ряда", широко применяющая компьютеры и пользующаяся часто сложным профессиональным языком. Экспериментальные работы по динамике формирования археологических данных проводились в этой группе геоморфологом Клаудио Балиста в сотрудничестве с Джовани Леонарди и Армандо Де Гуио (Balista, Leonardi 1985; Balista et al. 1988).

Недавно группа, возглавляемая Леонарди, работала на Венецианских могильниках железного века с погребениями по обряду кремации. Проводилось исследование стратиграфических единиц в каждой могиле и за ее пределами, а также велась гипотетическая реконструкция первоначального состояния (Leonardi 1986; Ruta Serafini 1990). С другой стороны, Амандо Де Гуио в течение многих лет возглавляет британо-итальянские исследования на равнине По. Цель работы - подробная оценка археологического потенциала стоянок, используя выборочное исследование образцов, измерения в разрезах, появившихся в результате сельскохозяйственной деятельности и дальнейшая компьютерную обработку данных (De Guio 1985; Balista et al. 1990).

Цели и исследовательские стратегии Римской и процессуальной школ, по-видимому, являются взаимодополняющими. Интересен не только тот факт, что важные раскопки в Италии и за рубежом в последние годы проводились в тесном сотрудничестве между приверженцами этих двух школ, но и то, что большинство археологов, представляющих эти школы, являются членами социалистической или коммунистической партий, проводя политическую или культурную работу.

Не случайно в идеалистической археологической традиции "пост-процессуальный" подход не нашел приверженцев, за исключением, такого "классического" ученого, как Бруно Д'Агостино, который опубликовал интересный обзор развития итальянской археологии в последние десятилетия в книге, изданной Яном Ходдером (D'Agostino 1991).

Маурицио Този нашел удачное выражение для определения ситуации в итальянской археологии - "археологическое многостишие", тем самым подчеркнув традиционное богатство местных различий наряду со слабостью государства - две характерные структурные черты современной Италии (Tosi 1985-1986). Интересным примером такого методологического богатства является недавно опубликованный труд по доисторической эпохе в Италии (Guidi, Piperno 1992).

Отсутствие господства какого-либо направления, по-видимому, способствует проведению плодотворных дискуссий, широкому сотрудничеству между приверженцами различных школ, повышению общего уровня полевых исследований за последние годы, стимулирует обмен опытом между учеными классической археологии, такими как Андреа Карандини и Риккардо Франкович.

Я бы хотел закончить свой доклад одним известным примером, показывающим, как новые направления и методы археологического исследования привели к важным толкованиям происхождения Рима. Десять лет назад в итальянских научных кругах господствовало представление о том, что превращение небольших деревень железного века в большой город в Архаический период произошло благодаря культурному влиянию греческих колоний на юге Италии (Ampolo 1980; другое объяснение: см. Müller-Karpe 1962). Сегодня многие ученые приходят к выводу, что Рим был крупным прото-городским

центром еще в VIII веке до н.э. (Carandini 1990). Проблема, которая традиционно рассматривалась, как исключительно археологическая, теперь приобретает свое истинное значение. Она вносит важный вклад в антропологические теории раннего государства (Guidi 1982; Carandini 1992).

- AMPOLO, C. 1980. Le origini di Roma e la "Cité Antique" // *Mélanges de l'École Française de Roma. Antiquité* 92: 567-576.
- BALISTA, C., G.LEONARDI. 1985. Hill slope evolution: pre- and protohistoric evolution in the Veneto // *Malone, Stoddart*: 135-152.
- BALISTA, C., A. De GUIO, G.LEONARDI, S.PRACCHIA, M.VIDALE. 1988. Linee di un approccio analitico ai processi formativi dei siti archeologici: la sezione campione di Tortoreto-Fortellezza (Teramo).
- BALISTA, C., A. De GUIO et al. 1990. Alto-Medio Polesine Project: Second Report // *Accordia Research Papers* 1: 153-187.
- BARKER, G. 1972. The Conditions of Cultural and Economic Growth in the Bronze Age of Central Italy // *Proceedings of the Prehistoric Society* 38: 170-208.

THE ITALIAN PLURIVERSE: DIFFERENT APPROACHES TO PREHISTORIC ARCHAEOLOGY

"Do you wish to understand the true history of a Neolithic Ligurian or Sicilian? Try, if you can, to become a Neolithic Ligurian or Sicilian in your mind. If you cannot do that, or do not care to, content yourself with describing and arranging in series the skulls, implements, and drawing which have been found belonging to these peoples".

This quotation, from *Theory and History of Historiography*, written in 1917 by Benedetto Croce, the greatest Italian philosopher of the twentieth century (Croce 1921:134-135; translation by R.G.Collingwood), anticipates, with astounding prescience, the governing lines of Italian prehistoric research between the two World Wars.

The cultural Hegemony of Croce's idealist thinking represents one of the keys for the understanding of the impressive decline in the study of prehistory in Italy in that period. In his various writings, Croce clearly manifested his distaste for the effort of various scholars to introduce observation and experiment into historical studies, openly declaring himself anti-evolutionary. Nevertheless, just the typical evolutionistic and scientific character of the prehistoric research in the XIX century, led by scholars known abroad, like Pigorini, Colini and Boni, was the key of its excellent acquisitions and of its high professional standard (Desittere 1984; Guidi 1988a,b; Perono 1992).

After the Second World War, even a large number of left-wing intellectuals, following the example of the Italian Communist Party intelligentsia, had made Croce's categories own, in an original synthesis. This fact may explain the tenacious opposition, in prehistoric studies, to an anthropological approach - with the important exception of Salvatore Puglisi's book, *La civiltà appenninica* (Puglisi 1959), on pastoral economy in middle bronze age Central Italy - and the even stronger opposition to any attempt to introduce research models and procedures akin to those of the experimental science into prehistory.

In the late Sixties the generation change marked in the Anglo-Saxon world by the advent of the New Archaeology, in France by that of Schnapp, Clezou and Demoule, in the Soviet Union by Klein and by the other young students who undertook the systematic criticism of the academic establishment, came about in Italy in classical archaeology circles, particularly in the left-wing group called *Dialoghi di Archeologia*, formed in 1966 on the initiative of a great scholar, Ranuccio Bianchi Bandinelli.

Prehistorians formed a minority in this circle and were mostly represented by protohistoric specialists. It is to one of these latest, Renato Peroni, that in 1969, in the first article on Italian Prehistory to constitute a clear example of exploitation (not only description) of

archaeological data, aimed at the reconstruction of the economic and social organization of the protohistoric communities in Central and Southern Italy (Peroni 1969).

In the early seventies, while few specialists who make explicit reference to the New Archaeology methods, like Francesco Fedele and Maurizio Tosi, work in marginal areas or abroad it's a British "New Archaeologist", Graeme Barker, who publishes the first processual analysis of Italian prehistory, dedicated to the economy of Bronze Age

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРЬЕРЫ

R.G. KLEIN. THE HUMAN CAREER, CHICAGO, 1989, 524 PP.

"Карьера человека" - так назвал известный американской археолог, антрополог и палеонтолог, профессор Чикагского Университета Ричард Клейн свою очередную книгу. Выбор заголовка для нее, по признанию автора, оказался делом нелегким. Вариант, на котором он остановился в итоге - достаточно оригинальный и хорошо отражающий суть работы - это название курса лекций, прочитанного в 1962 году в Чикагском Университете Ф.Кларком Хауэллом.

В монографии, в соответствии о замыслом автора, дается синтез фактов, накопленных науками, изучающими эволюцию человека и его культуры. Огромный и притом самым тщательным образом отобранный материал скомпонован и подан так, что книгу можно использовать и как учебник, и как справочник, и как свод новейших данных и концепций, наиболее активно обсуждаемых в современной научной литературе. Для многих зарубежных исследователей, специализирующихся в антропологии и археологии палеолита, монография Р.Клейна, видимо, станет или уже стала одной из настольных книг, чего можно было бы пожелать и их российским коллегам, имея они возможность приобретать все нужные для работы издания. Особенно же полезным рецензируемый труд мог бы оказаться для студентов, собирающихся посвятить себя изучению преистории, поскольку в нем, наряду с обсуждением достаточно сложных, требующих от читателя известной подготовки вопросов, приводится в систематизированном виде множество необходимых начальных сведений по палеонтологии человека и его предков, а также, в несколько меньшей степени, по археологии древнего каменного века.

Наиболее общие положения и понятия, знакомство с которыми обязательно для понимания содержания работы, специально освещаются в двух вспомогательных разделах - приложениях, помещенных в конце книги и адресованных, прежде всего, неопитам. В первом приложении рассматриваются основные принципы биологической (палеонтологической) систематики и номенклатуры, а во втором рассказывается о технологии изготовления, типологии и характере использования палеолитических каменных орудий. Несмотря на небольшой объем, оба вспомогательных раздела весьма информативны и, как кажется, вполне отвечают своему назначению.

Основная часть книги состоит из восьми глав. Первая глава по своей функциональной направленности отчасти близка приложениям и носит в значительной степени вспомогательный характер. Она посвящена проблемам хронологии. Дается обзор методов относительного и абсолютного датирования, излагаются существующие представления о временных рамках геологических периодов и эпох. Завершает раздел краткий очерк климатических событий и процессов, происходивших на протяжении кайнозойской эры. Подчеркивается, что изменения климата и естественной среды обитания в целом оказывали значительное влияние на эволюцию наших предков.

Во второй главе говорится об эволюции приматов с конца мелового периода до позднего миоцена включительно. Дается описание основных анатомических характеристик, свойственных отряду в целом, после чего автор показывает, как эти характеристики трансформировались во времени. Довольно подробно рассмотрены наиболее важные события в эволюционной истории приматов (например, появление собственно обезьян, затем узконосых обезьян, наконец, гоминоидов), при этом изложение сопровождается прекрасно

подобранными, хорошо вписывающимися в текст иллюстрациями. Больше внимание уделяется вопросам датирования ископаемых материалов, о которых идет речь, а также тех или иных отрезков филогенеза. Отделение линии гоминид от общего с африканскими понгидами ствола отнесено к хронологическому интервалу от 10 до 5 миллионов лет назад и увязывается, в согласии с наиболее распространенной точкой зрения, с имевшими место в Восточной Африке в этот период оскудением древесной растительности и возобладанием открытых ландшафтов, что обусловило переход части гоминидов к прямохождению.

Пять следующих глав посвящены уже исключительно истории семейства гоминид. В них в хронологическом порядке рассматриваются данные о биологическом и культурном развитии групп родового или видового ранга, выделяемых в составе семейства. Изложение материала ведется в сходной последовательности: сначала рассказывается об основных вехах истории изучения данной группы, затем об ее анатомических особенностях и геологическом возрасте соответствующих ископаемых, в завершении следует обзор наиболее важных археологических находок и анализ проблем, связанных с реконструкцией поведения, характера жизнедеятельности гоминид данного типа.

В первой из этих глав (третьей по общей нумерации) речь идет об австралопитеках и *Homo Habilis*. После историографического раздела даются краткие, но весьма информативные описания основных южно- и восточноафриканских местонахождений, сделанные с упором на геологию и хронологию находок, условия их залегания. Сведения, содержащиеся в этих описаниях, представлены также в десятке сводных схем и таблиц что значительно упрощает поиск нужных данных. Исходя из хронологии и прежде всего, морфологии ископаемых, принимается в рабочем порядке выделение четырех групп австралопитеков видового ранга: *A.afarensis*, *A.africanus*, *A.robustus*, *A.boisei*. Первая из них рассматривается как предположительно наиболее древняя и анцестральная по отношению к остальным. Каждая группа охарактеризована отдельно и довольно подробно, причем многочисленные иллюстрации и в данном случае наилучшим образом дополняют и поясняют текст. Отдельно описана и анатомия *Homo habilis*. Этой группе автор также склонен придавать видовой ранг, отмечая, однако, что в ходе дальнейших исследований она, возможно, будет разделена на два вида, в пользу чего свидетельствуют, в частности, различия между черепами KNM-ER 1470 и KNM-ER 1813. В любом случае хабилисы (или какая-то часть форм, выделяемых ныне под таким наименованием) являются наиболее подходящими кандидатами на роль основателей рода *Homo*, эволюционная история которого начинается следовательно, по мнению Р.Клейна, около 1,8 млн. лет назад. В главе также содержатся сведения о формах и функциях древнейших - олдувайских - каменных орудий, их возрасте и географическом распространении. Обсуждаются вопросы о начале употребления огня, о способах жизнеобеспечения ранних гоминид, о характере связываемых с их деятельностью археологических местонахождений и возможности идентификации на них каких-либо сооружений.

Следующая, четвертая глава посвящена *Homo erectus*. Р. Клейн полагает, что эту группу можно пока с большей или меньшей степенью условности рассматривать как единый палеонтологический вид и поэтому дает ее обобщенное (впрочем, построенное в основном на восточноазиатских материалах) описание. Предполагается африканское происхождение *Homo erectus*; противоречащие этому старые датировки индонезийских питекантропов оцениваются скептически. Отмечен мозаичный характер эволюции на этой стадии, проявляющийся в опережающем развитии пост-краниального скелета. В археологической части главы рассматриваются в основном те же вопросы, что и в предыдущем разделе.

Предметом анализа в пятой главе стали гоминиды среднего и позднего плейстоцена, объединяемые условно под названием "ранние *Homo sapiens*". В эту группу включены ископаемые, занимающие по своей морфологии промежуточное положение между *Homo erectus* и людьми современного физического типа, и явно отличающиеся также от неандертальцев. Автор подчеркивает, что в данном случае невозможно дать общее, единое морфологическое описание, поскольку материалы слишком разнородны. Вместо этого дается характеристика наиболее важных находок по континентам, завершающаяся выводом о заметном расхождении в этот период эволюционных путей гоминид запада и востока. Первые, и в их числе европейские пренеандертальцы, быстрее утрачивали общие с

Homo erectus черты, приобретая новые специфические признаки, вторые же в массе своей были более консервативны.

Шестая глава названа "Неандертальцы и их современники", но повествует в основном о "классических" неандертальцах. Кроме того, здесь кратко охарактеризованы африканские и восточноазиатские гоминиды конца среднего - первой половины позднего плейстоцена, обладающие как неандерталоидными, так и специфическими чертами строения. Археологическая часть шестой главы почти в два раза превосходит по объему антропологическую, в ней особое внимание уделяется вопросу о характере варибельности среднепалеолитических индустрий. Рассматриваются также новые явления, возникшие в культуре в этот период, например, неандертальские погребения. Особое место занимает в разделе обсуждение вопроса о том, как сложилась судьба неандертальцев в разных частях ойкумены.

Вопрос о судьбе неандертальцев неизбежно приводит к проблеме происхождения людей современного физического типа, о чем говорится уже и в седьмой главе. Автор сочувственно излагает наиболее популярную сейчас точку зрения, согласно которой родиной неантропов является, скорее всего, Южная и Восточная Африка, где они появились не позже 80 тысяч лет назад и откуда распространились затем по всей планете, вытесняя предшествовавшее им коренное население иных регионов. Приводятся палеонтологические, бимолекулярные и иные свидетельства в пользу такой версии, но вместе с тем отмечается, что она еще нуждается в дополнительном обосновании, а противостоящая ей "мультирегиональная модель" пока не может быть окончательно отринута.

В седьмой главе, как и в предыдущей, археологическая часть заметно преобладает над антропологической. Описываются орудия, жилища, поселения, способы жизнеобеспечения людей верхнего палеолита, вкратце охарактеризовано искусство этой эпохи, наконец, суммированы данные о времени и путях заселения всех континентов. Особый раздел посвящен вопросу о связи между биологическим и культурным развитием. Здесь Р.Клейн придерживается традиционного взгляда, полагая, что именно изменения в биологии человека сделали возможным появление верхнепалеолитической культуры.

Последняя, восьмая глава представляет собой, по сути, конспект книги. Она занимает чуть больше десяти страниц и состоит из резюме к предыдущим главам.

На мой взгляд, у книги Р.Клейна нет явных, бросающихся в глаза недостатков. Конечно, какие-то упущения при таком масштабе темы неизбежны - в данном случае, например, остались за рамками исследования некоторые новые и весьма важные памятники на территории СНГ (Заскальная, Сель -Унгур, Кульдара и т.д.), что странно, если вспомнить, что Р.Клейн является автором ряда книг и статей, написанных по восточно-европейским материалам, - но они не могут повлиять на общую - самую высокую - оценку работы. Остается лишь пожалеть, что на русском языке нет обобщающего труда по антропогенезу, который по широте охвата материала, четкости и наглядности его изложения можно было бы сравнить с "Карьерой человека".

Л.Б.Вишняцкий
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории материальной культуры РАН,
Отдел палеолита

РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВА ХАРАППЦЕВ (ПО ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ РОЖДИ)

Steven A. Weber. *Plants and Harappan Subsistence. An Example of Stability and Change from Rojdi.* 200 pages, 45 figures, 30 tablese. 1991. Oxford and IBN Publishing co.Pvt.Ltd. New Delhi, Bombay, Calcutta and American Institute of Indian Studies.

Раскапывая поселения древнеиндийской цивилизации ученые одновременно рассматривали проблемы палеоэкологии и образ жизни носителей хараппской культуры. Учитывая видовой состав древней фауны¹, наличие обожженного кирпича², дренажных систем в городах долины Инда и небольших дамб в Белуджистане, некоторые исследователи полагали, что в древней Индии был влажный климат, благодаря которому здесь была представлена разнообразная растительность (Stein 1937:7; Durrani 1965:4). Однако, есть и противоположная точка зрения о неизменности климата и растительности в течение последних 3-4 тысячелетий (Raikes, Dyson 1961:268).

Важным этапом в изучении природной среды и древнего климата Северо-Запада Индии явились работы в пустыне Тхап (Sindh 1971) и изучение водного режима бассейна Луни (Ghosh 1977). На основе биостратиграфии, пыльцевых анализов и радиоуглеродных определений образцов из ленточных озерных отложений были созданы две хронологические шкалы климатических фаз, связанных с изменениями растительности данного региона в постплейстоценовое время.

В этом контексте особый интерес представляют палеоботанические материалы из поселения Рожди, расположенного в центре полуострова Катхиявар, на пути предполагаемой экспансии хараппской культуры в южном направлении. Анализу этих материалов и посвящена рецензируемая книга американского палеоботаника доктора Стивена А.Вебера, который в течение четырех полевых сезонов принимал участие в раскопках Рожди.

Поселение Рожди расположено на северном берегу реки Бхадар в округе Гондал района Раджкот (Индия) около деревни Шринатхгадх. Оно представляет собой вытянутый с севера на юг овальной формы холм, площадью 7 га. После раскопок первых лет, проведенных госдепартаментом археологии Гуджарата (IA 1958:18, IA 1959:19-21, IA 1965:8), к работам присоединились американские исследователи из Пенсильванского университета, которые в течение четырех полевых сезонов, начиная с 1982-83 гг., провели широкомасштабные исследования (Possehl et al. 1983; Posehl et al. 1985; Possehl and Raval 1989).

Книга С.А.Вебера условно можно разбить на четыре основные части: 1 - археологическая (описание ареала хараппской цивилизации, особенно Гуджарата - глава 2 и Рожди - глава 5); 2 - палеоботаническая (основная и самая объемная), где рассмотрены: а) значение палеоботанических анализов для археологии - глава 3, б) палеоботаническое изучение Южной Азии - глава 4, в) методика отбора образцов на археологических объектах - глава 6, г) интерпретация результатов исследования растительных остатков Рожди - глава 7; 3 - социологическая, посвященная палеоботаническим реконструкциям в Рожди - глава 8, эволюции его земледельческого цикла - глава 9, и применению моделей, полученных в Рожди, для изучения других поселений хараппской цивилизации - глава 10. В заключении подводятся итоги исследования и выдвигаются новые гипотезы.

Раскопки в Рожди велись в четырех местах: в центре главного холма, на его северо-западном склоне (вскрыты остатки большого квадратного здания), на западном склоне (выявлены ворота и обводная стена); на южной оконечности поселения (заложен самый большой раскоп).

¹ Кости слона, носорога, тигра и буйвола свидетельствовали о наличии джунглей, а кости льва - обитателя сухой зоны - отсутствовали (Marshall 1931:3; Wheeler 1968:8).

² В течение 140 лет в Мохенджо-Даро для обжига кирпича сведено 40 га галерного леса (Raikes, Dyson 1961:266).

Анализ керамического материала (Herman 1989), архитектурных остатков и 12 радиоуглеродных калиброванных дат (Possehl and Raval 1989) позволили выявить четыре хронологических периода (А, В, С и D) в истории поселения. Остатки периода А обнаружены на стерильной почве и состоят из двух строительных фаз (Ia и Ib) и двух керамических (A1 и A2). Период А соответствует фазе зрелой хараппской культуры (2500-2200 гг. до н.э.) и материалам Лотхала А, Рангпура IIA, IIB и Суркотада I. Выше располагается период В, состоящий из строительной фазы 2a и керамической В. Он датируется фазой зрелой хараппской культуры (2200-2000 гг. до н.э.) и соотносится с теми же региональными периодами, что и Рожди А. К периоду С принадлежит большое квадратное здание, ворота, обводная стена, большое здание на главном холме и все постройки, раскопанные на южной оконечности поселения. Этот период соответствует керамической фазе С, раннему этапу позднехараппской фазы (2000-1700 гг. до н.э.) и материалам Лотхала В и Рангпура IIC. Период D относится к средневековью.

В целом хараппское поселение Роджи существовало около 700 лет и в течение этого времени хозяйственный уклад людей, его населяющих, взаимоотношения с окружающими племенами были не одинаковыми. Первоначально в Саураштре обитали охотники-собиратели. Об этом свидетельствует микролитический комплекс Рангпура I, отделенный стерильной прослойкой от первого хараппского слоя (Rao 1963:20; Щетенко 1968:84). Но и хараппское население этого района не было однородным. Как показали последние исследования существовали по крайней мере две традиции, отразившие взаимосвязь пришельцев с местным субстратом: хараппцы Соратха (Рожди А и В, Рангпур) и хараппцы Синдхи (Суркотада, Лотхал). В позднехараппское время наблюдаются также контакты жителей Гуджарата с неолитическими культурами Декана: в Рангпуре IIB и IIC впервые появляется невасская керамика, а красноощенная посуда из периода IIC Рангпура оказывается в IV периоде Навдатоли (Щетенко 1968:90).

С.А.Вебер, исследуя фаунистический комплекс Рожди, ставит перед собой задачу изучить растительные остатки (как культурных, так и диких видов) одного хараппского хозяйственного комплекса, выявить его своеобразие, установить происходившие в нем изменения (как естественного, так и антропогенного характера) и сравнить его с аналогичными комплексами Южной Азии. В итоге автор стремится реконструировать древнюю природную среду и сравнить ее с современной. И все это ему удается благодаря применению в широком масштабе метода флотации, а также удачному отбору остальных видов образцов. Последние были им получены в виде пыльцы, карбонизированных зерен, семян и фитолитов. Все эти образцы составили массовые серии, которые до сих пор не были известны в палеоботанике Южной Азии.³

Пыльцевые анализы находятся еще в процессе обработки, поэтому основу исследования составили макроботанические материалы, полученные методом флотации из 455 образцов почвы.⁴ Всего было идентифицировано 14 389 растительных остатков.⁵ Большинство материала представляли собой семена или их части, причем 86% растений были определены на уровне вида. Установлено 62 различных вида, пять из них представлены более 1000 образцами (табл.7.1). Макроботанические образцы в основном включают мелкий кустарник, различные кормовые травы и несколько разновидностей проса, которое и в современной Саураштре занимает около 45% всей площади посевов, являясь прекрасным кормом для скота. С.А.Вебер дает подробную характеристику всем 62 видам растений. Применяя статистические методы, иллюстрируемые многочисленными гистограммами, он определяет первоначальный ареал изучаемых растений и возможные пути их проникновения в хараппские слои Рожди.

Климат той части Саураштры, где расположено поселение Рожди - округ Гондал - засушливый: за год выпадает лишь 600 мм осадков, причем восемь месяцев в году дождей нет (Дешпанде 1956:213-214). Но во время летнего муссона в день выпадает от 250 до 500 мм осадков, что часто приводит к губительным наводнениям и разрушениям. Почвы -

³ Было известно около 100 таксонов от неолита до эпохи бронзы: 6 датировалось до 2600 г. до н.э., 22 - от 2600 до 200 гг. до н.э. и 50 - 2000-1000 гг. до н.э.

⁴ В среднем образец давал по 32 семени. 71 образец не содержал семян

⁵ Для сравнения: в Рангпуре из 32 образцов определены лишь три вида акации, тамариск и один вид проса (Ghosh, Lal 1963:161).

черные плодородные регурсы являются разновидностью деканских траппов (Щетенко 1979:175). Растительность - кустарниковая саванна с преобладанием акаций и кипарисов. Современные зерновые культуры - пшеница, рис, из просяных - джовар и баджра, из бобовых - нут, черный и зеленый горошек, из масляничных - горчица и кунжут. Из других видов следует отметить кориандр, стручковый перец, шамбала (пажитник греческий). Скот кормят травами и кустарниками. В целом, современный фаунистический комплекс, не считая технических культур, весьма близок хараппскому, хотя два важных злака, известные в Рожди, пальчиковое просо (раги) и сорт проса - лисохвост, отсутствуют в сельскохозяйственной практике округа Гондал.

Хорошая кормовая база обеспечивает разнообразие стада, где главную роль играет крупный рогатый скот (бык), затем идут овца и коза, свинья, лошадь и верблюд. В этой связи интересна и фауна хараппских слоев Рожди (Crabtree 1985:94-97; Kane 1989:182-184). 75-80% определимых костей млекопитающих составляли кости крупного рогатого скота (бык, буйвол, зебу), 15-18% - кости мелкого рогатого скота (овца и коза), 5-7% - кости свиньи. Домашняя собака, кот и курица представлены лишь отдельными костями. Среди диких животных первое место занимают олень и кабан (8-10% костей). 5-9% составляют единичные кости различных животных: шакал, пустынный кот, индийский заяц, дикий осел, индийский слон, верблюд (дромедариус), индийский дикобраз, различные грызуны, рыбы, птицы, черепаха. Обнаружены также раковины моллюсков. Исследование эпифизов длинных костей показало, что около 5% крупного рогатого скота забивалось в течение первых полутора лет жизни животного, почти 20% - в возрасте трех лет, и почти 50% - в возрасте четырех лет (Crabtree 1985:96).

Итак, Рожди во всех фазах своего существования было поселением с развитой производящей экономикой комплексного характера, процветали земледелие и скотоводство, охота и собирательство. По мнению С.А.Вебера преобладало земледелие, основу которого составляли урожаи проса летнего муссона (раби), значение зимних урожаев (хариф) постепенно возрастало от периода А к С. По иному смотрят на эту проблему другие ученые. Так, В.А.Ферсервис, исходя из списка культивируемых растений, где он выделяет пшеницу, ячмень, горох, кунжут, предполагает, что земледельцы Мохенджо-Даро выращивали только весенний урожай, используя под посеvy пойму, заливаемую в период наводнения (Fairervis 1971:28-29). Х.Т.Ламбрик, опираясь на современную практику крестьян Синда, допускает получение двух урожаев (Lambrick 1964:33). Основные злаки - пшеница и ячмень, по его мнению, высевались в конце паводка на землю, залитую водой, и уже в марте-апреле снимали урожай. Культуры же харифа высевались, вероятно, в начале паводка, и урожай собирался осенью. Но возможно существовало два периода в развитии хараппского земледелия (Щетенко 1979:133-134). Первый из них относится к тому времени, когда появившееся в нагорий Белуджистана земледельцы, по традиции используя орошение типа "сайлаб", выращивали только один урожай - раби. Второй период, связанный с разведением новых культур (рис, баджра, хлопок и др.), требующих дополнительного полива, способствовал развитию древней ирригации. Эту эволюцию, вероятно, и прослеживает С.А.Вебер, показывая увеличение количества растительных остатков зимних культур харифа от периода А к периоду С в Рожди.

И еще один важный вывод делает американский ученый, анализируя фаунистические остатки из Рожди. Оказывается природная среда хараппской эпохи мало чем отличалась от современной. Так, все виды (а их около 80), обнаруженные при раскопках, произрастают в этой районе Саураштры и по сей день. Не было никаких драматических изменений климата, которые могли бы изменить местную фауну или условия среды обитания человека в целом. В то же время прослеживается несомненное влияние антропогенного фактора. Уменьшение пыльцы древесных пород и появление новых видов сорняков, особенно в последнем периоде Рожди С, свидетельствует о прогрессирующем обезлесивании и ухудшении среды обитания из-за расширяющейся хозяйственной деятельности человека.

Особое внимание в книге уделено просяным культурам, которые составляли главный посевной фонд земледельцев Рожди. Четыре основных их типа, найденные при раскопках, являются древнейшими в хараппских поселениях Катхиявара. Это - *Eleusine coracana*, *Setaria italica*, *Panicum miliare* и *Sorghum bicolor*. Рассматривая их ареалы,

С.А.Вебер связывает первый с африканским центром происхождения, второй - с восточно-азиатским. Оба найдены в ранних слоях Роджи и могут быть датированы до 2600 гг. до н.э. Примерно в это же время получает распространение и третий вид проса, представленный в материалах несколькими подвидами. Прародина его пока не установлена. Четвертый вид - *Sorghum bicolor* - появляется лишь в поздней фазе Роджи (около 2000 г. до н.э.), вероятно также из африканского центра. Его находки в это же время отмечены в Белуджистане (Constantini 1987) и в Пенджабе (Saraswat 1988).

Реконструкция истории культуры, образа жизни древних племен, воссоздание культурного процесса

ГОРОД-ГОСУДАРСТВО ИЛИ ИМПЕРИЯ ? КОНТРОВЕРЗА УАРИ

.. а знали ведь, что ничего не стоят,
что звук пустой - цари и царства эти.

W.H.Isbell, G.F.McEwan (eds). *Huari Administrative Structure. Prehistoric Monumental Architecture and State Government*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collections, 1990. 321 pp., 250 figs.

K.J.Schreiber. *Wari Imperialism in Middle Horison Peru*. Ann Arbor, 1992 (University of Michigan, Museum of Anthropology, Anthropological Papers). 332 pp., 68 figs.

Конечная задача обеих публикаций - реконструировать политическую историю Древнего Перу третьей четверти I тыс. н.э. Деликатность положения заключается в том, что на современном уровне знаний это, строго говоря, невозможно. Археологи, работавшие как в Центральных Андах (Shimada 1990: 221-229), так и на Ближнем Востоке (Adams 1981: 77-79), справедливо указывают, что там, где предельно различимые отрезки времени составляют 100 лет и более, мы восстанавливаем не политические события, а смену социально-хозяйственных систем, демонстрирующих разные географические параметры и разные уровни интеграции и централизации. Какие именно формы политических объединений соответствуют тем или иным подобным системам, определить крайне трудно, если реконструируемые процессы не находят бесспорных параллелей в письменной истории. Против сказанного никто, конечно, не возражает, однако желание разглядеть за процессами события оказывается столь велико, что исследователи (включая автора этих строк) легко поддаются под магию собственных реконструкций, принимая допустимое за доказанное.

К середине I тыс. н.э. в нескольких районах Центральных Анд дифференциация поселений по размерам и функциям углубилась. Возникли системы с четырьмя уровнями иерархии, в которых многие видят своего рода археологический эквивалент государства. Среди цивилизаций Центральных Анд этого времени наиболее заметны и сравнительно хорошо изучены мочика и тиауанако. Для них определены - пусть в первом приближении - сельскохозяйственный потенциал и демографическая плотность (например, Kolata 1991; 1992; Schaedel 1972; Wilson 1988). Культура лима на Центральном побережье Перу изучена хуже, но ее пред/раннегосударственный статус вероятен. Важным компонентом в центральноандской системе взаимодействий стала в середине I тыс.н.э. культура наска на Южном побережье Перу, однако общество наска оставалось достаточно архаичным. Четырехуровневой иерархии поселений не прослеживается, городов нет, монументальный центр в Кауачи не идет в сравнение с предполагаемыми столицами Мочика, Тиауанако и Лимы (Silverman 1985). На ход культурогенеза в доинкском Перу существенно повлияли также северные районы горной области. В IV-V вв.н.э. там возникла культура уамачуко, которая в VI в. по уровню социально-политического развития, видимо, находилась где-то между мочикой и наской.

Культура уари вышла на историческую арену позже всех перечисленных. Она сформировалась лишь в середине I тыс.н.э. в юго-центральной части горного Перу, в долине Аякучо, впитав в себя разнородные элементы. Само городище Уари расположено на высоте 2600-3000 м. над уровнем моря, где земледелие требует искусственного орошения. Еще в 30-х годах в Уари побывал перуанский археолог Х.С.Тельо, но лишь в 50-х гг. информация о памятнике распространилась среди американистов. Поражала огромная площадь, занятая руинами - 250 га одна только центральная часть с развалинами монументальных построек из камня. Не вызывало сомнений, что в VI-VIII (VII-IX?) вв. н.э. Уари был одним из крупнейших городов Южной Америки наряду с Тиауанако и Пампа-Гранде (столицей поздней мочики). Еще до открытия памятника его "вычислили" по находкам на побережье Перу парадной керамики и тканей, изображения на которых напоминали изображения на каменных изваяниях Тиауанако, но обладали своеобразием.

Поскольку на побережье стиль уари явно не имел местных корней, возникла гипотеза о завоевании этой области горцами. Многие стали видеть в Уари прямую предшественницу империи Инков. "Имперская" гипотеза утвердилась после того, как Д.Мензел опубликовала (в 1964 г. по-английски и в 1968 г. по-испански) свою классификацию и периодизацию парадной керамики культуры уари, точнее той совокупности археологических комплексов, которую начали так обозначать.

Эпоху уари Мензел выделила в Средний Горизонт (СГ) по аналогии с Поздним Горизонтом (инками) и Ранним (временем распространения культуры чавин в I тыс. до н.э.). В фазе СГ-1, по Мензел, образовалось государство Уари, охватившее почти всю горную область Перу, кроме принадлежавших Тиауанако южных районов, а также Южное побережье страны (бывшая территория наска). В фазе СГ-2 уари распространилась на Центральное и, видимо, Северное побережье, хотя местные центры здесь, скорее всего, пользовались автономией. На керамике, относящейся к фазам СГ-3 и СГ-4, характерные для уари признаки постепенно исчезают, свидетельствуя о распаде империи.

Одним из первых критиков "имперской" гипотезы был В.А.Башилов (Башилов 1972), но его русскоязычная монография на западного читателя повлиять, естественно, не могла. Несоответствие широты реконструкций скромному объему надежной информации об уари ощущалось, однако, многими, поэтому в 70-х - начале 80-х годов на целом ряде важнейших поселений Среднего Горизонта были проведены раскопки. "Имперская" гипотеза была несколько смягчена. В частности после обследований поселений мочики под руководством М.Мосли, И.Шимады и других археологов стало трудно всерьез говорить о появлении городов на побережье Перу лишь под влиянием уари. Г.МакЭван, например, доказывая воздействие уари на архитектуру побережья, вполне корректно отделяет сейчас свои разработки от реконструкции политической истории региона (McEvan 1990). Сам вопрос о том, удалось ли правителям Уари захватить долины побережья, отодвинулся на второй план, поскольку нашлись исследователи, оспаривающие существование государства Уари как такового, во всяком случае подчинение им каких-либо территорий за пределами долины Аякучо.

В начале 80-х годов раскопки в горном Перу были прерваны из-за партизанской войны и вряд ли скоро возобновятся. Круглый Стол по проблемам уари, организованный в 1985 г., подвел поэтому итог законченному этапу исследований. Симпозиум состоялся в Дамбартон Оуксе - исследовательском центре, расположенном в столице Соединенных Штатов, но подчиненном Гарвардскому университету. Коллективная монография под редакцией У.Исбеля и Г.МакЭвана - плод этого симпозиума. Книга К.Шрейбер посвящена работам в одной из долин горного Перу. Все трое названных авторов - ведущие сторонники "имперской" гипотезы. Археологи, занимающие иные позиции, на обсуждение в Дамбартон Оукс не приехали, что и понятно: острые разногласия скорее всего завели бы в тупик любую дискуссию.

Недостаток места не позволяет изложить содержание книг подробно. Глав, посвященных раскопкам в Тиауанако, мы вообще не станем касаться и отметим лишь то, что имеет прямое отношение к "контroversе уари".

Суммируя результаты, полученные археологами Перу и США, У.Исбель впервые подробно анализирует планиграфию и стратиграфию городища Уари. Согласно приводимым данным, еще до начала Среднего Горизонта, то есть в конце Раннего Промежу-

точного Периода (РПП) обитатели долины Аякучо вступают в контакт с культурой наска. Ранее население долины жило весьма изолированного, если судить по распространенной исключительно здесь своеобразной керамике уарпа. Трудно сказать, были ли контакты с наской причиной или же следствием перемен в Аякучо. Во всяком случае они начались в то время, когда иерархия поселений в долине еще оставалась двухярусной, типичной для совокупности простых вождеств.

Дальнейшие изменения осуществились столь быстро, что археологи фиксируют лишь их результаты, а не ход. Меняется керамический стиль (элементы, восходящие к уарпа и к наске творчески перерабатываются). На месте нескольких поселений уарпа возникает город Уари. Столичная архитектура этого периода известна по работам на участке Морадучайок - единственном, где удалось углубиться до основания культурного слоя. В Морадучайок были выявлены остатки Полуподземного храма со стенами из обтесанных каменных блоков. Сооружение подобного типа есть в Тиауанако, хотя имеет там прямоугольный, а не квадратный план. Видимо, боливийские образцы не копировались в Аякучо слепо.

Найденная в Полуподземном храме керамика относится, по старой классификации, к этапу СГ-1А, но теперь возникли сомнения в удачности такого обозначения. По мнению П.Кноблок (рр.247-248), внесшей уточнения в схему Мензел, керамический комплекс СГ-1А в действительности датируется не Средним Горизонтом, а концом Раннего Промежуточного Периода, когда распространение влияния уари за пределы долины Аякучо еще не началось. Считавшаяся показательной для СГ-1А керамика кончопата с культовыми изображениями передатирована П.Кноблок периодом СГ-1В. Предполагается, что период СГ-1А длился не более 50 лет.

Следующий период, СГ-1В, - важнейший в истории уари. Город полностью переобстраивается, причем на смену образцам Тиауанако приходит специфический для уари набор архитектурно-планировочных решений. Исбель именует данный стиль "прямоугольно-клеточным". Для него характерны огороженные глухими стенами из оштукатуренного дикого камня прямоугольные комплексы, разделенные внутри на группы одинаковых камер, более просторных комнат, дворов. Помещения соединены в галереи, расположенные рядами или по периметру дворики. Стены сужаются кверху и достигают высоты 10-12 м. Судя по исследованиям супругов Дж. и Т.Топик в Уамачуко, именно там подобный архитектурный стиль имеет древние корни (Торис 1986; Lange Торис, Торис 1990), хотя в сложившемся виде "прямоугольно-клеточная" архитектура встречается лишь в Среднем Горизонте вместе с характерной для уари керамикой.

Наряду с прямоугольными, в Уари обнаружены два комплекса в форме латинской D со входом посреди уплощенной стороны. М.Бенавидес и Э.Брагайран предполагают их культовое назначение.

Отказ от южных (тиауанако) архитектурных форм в пользу северных (уамачуко) сопровождался распространением новой религиозной иконографии, имеющей южное происхождение. Именно с начала периода СГ-1В на керамике уари изображаются божества, напоминающие рельефные фигуры на знаменитых Воротах Солнца. Изобразительное искусство уари достигает в этот период расцвета, с ним могут сравниться лишь лучшие образцы искусства мочика.

Здания периода СГ-1В на городище Уари имеют 50-150 м в поперечнике и расположены достаточно хаотично по отношению друг к другу. Похоже, что планы застройки постоянно менялись. Иная картина складывается при знакомстве с "прямоугольно-клеточной" архитектурой за пределами Аякучо. Помимо мелких, плохо обследованных и ненадежно датированных памятников, существуют два выдающихся комплекса: Виракочапампа в районе Уамачуко и Пикильякта в долине Лукре - южной части долины Куско.

Виракочапампа представляет собой почти правильный квадрат со сторонами 564 и 581 м. Дж.Топик обнаружил, что комплекс не был закончен и люди в нем никогда не жили. Находившийся по соседству город Маркауамачуко площадью 3,5 x 0,5 км продолжал все это время существовать. На этом городище следы присутствия людей из Аякучо почти незаметны, хотя колонией Уари могло быть небольшое поселение Серро-Амару (Торис, Lange Торис 1985: 22-34). Раскопки на разных поселениях района Уамачуко заставляют предполагать, что некоторые местные работники "были привлечены к

строительству Виракочапампы и прочих зданий в стиле каменной архитектуры уари, в то время как другая их часть трудилась над возведением монументальных зданий в Маркауамачуко в стиле обычном для этого города". Похоже, что либо присутствие Уари на севере горного Перу вообще оставалось на уровне торговых, может быть, династических и т.п. связей, либо этот район был захвачен на непродолжительное время и затем продолжал жить по старым обычаям.

Иное дело Пикильякта, которая была достроена и функционировала. Вся огороженная стенами площадь составляет здесь 2 кв.км, что существенно превосходит площадь регулярно застроенной части инкского Куско, а комплекс с "клеточной" структурой занимает территорию 745 x 630 м. Как и в Виракочапампе, достоверно определенная керамика в Пикильякте целиком относится к периоду СГ-1В. Внутри основная часть комплекса представляет собой чудовищный лабиринт из сотен одинаковых камер и длиннейших, прямых как стрела, улиц-коридоров с минимальным числом входов и выходов. Из стен выступают карнизы. В некоторых местах они могли поддерживать перекрытия второго этажа, но порой (судя по расположению выступов) явно предназначались для каких-то иных целей. Дверные проемы низкие, их удается обнаружить лишь удалив с пола строительный завал. Подобно Виракочапампе, комплекс в долине Лукре строился по готовому плану. Судя по состыковкам кладок, сперва были возведены все главные стены, затем более мелкие перегородки.

Самое поразительное в Пикильякте, как впрочем и в остальных "прямоугольно-клеточных" зданиях, - это полное игнорирование рельефа местности. Никаких работ по выравниванию строительной площадки не проводилось. В плане перед нами упорядоченная прямоугольная сетка из сотен ячеек, но при взгляде со стороны видно, что Пикильякта волнами ниспадает по склону. Сочетание идеального геометрического плана с нелепой кривизной профиля противоречит всем канонам андской архитектуры (включая Маркауамачуко и Тиауанако), для которой характерен как раз интерес к созданию массивных искусственных возвышений и расположение построек террасами.

Судя по очагам и бытовым остаткам, в камерах Пикильякты жили люди - мобилизованные на военную службу или на общественные работы, как считает МакЭван. Даже некоторых авторов дамбартон-оуксовского сборника такая интерпретация приводит в смущение (как в камеры приносили воду и как оттуда удаляли отбросы?). Быть может, ряды тесных помещений все же предназначались под склады (что и предполагалось до раскопок), а обнаруженные бытовые остатки относятся к периоду возведения комплекса? Так или иначе, в Пикильякте есть и более просторные (но тоже стандартные) комнаты, в которых могли жить работники и управляющие.

Среди поселений уари особняком стоит Серро-Баул на юго-западе Перу близ Мокегуа. Это область распространения культуры тиауанако, и данный памятник здесь - чужеродный анклав. Серро-Баул расположен на вершине обрывистого холма и был явно предназначен для обороны. Работавшие в Мокегуа М.Мосли и его коллеги считают, что речь идет о вторжении Уари на территорию Тиауанако. Гипотеза в целом правдоподобна, хотя попытки авторов сборника обогатить ее подробностями порою напоминают исторический роман.

Итак, если судить по находкам керамики, контролируемая Уари территория в период СГ-2 сократилась, хотя все еще значительно превышала размеры, типичные для города-государства. В столице этап СГ-2 был ознаменован новым усилением строительной деятельности. Однако в конце его город был внезапно покинут. Опустели и почти все другие поселения в Аякучо и Каруарасо, не исключая небольших деревень. Новые возникли в местах удобных для обороны.

О значении подобных фактов остается пока лишь строить догадки. Политическая ситуация в Перу в период СГ-2 также не поддается однозначной реконструкции. Что же касается периода СГ-1В, то здесь есть несколько больше оснований для создания определенных гипотез. Со значительной долей вероятности можно предполагать, что в это время государство Уари подчинило ряд горных долин в пределах территории поперечником не менее 200-300 км. Если же включить сюда и район Пикильякты, то предположительные размеры государства возрастут вдвое. Керамика Серро-Баул датирована периодом СГ-1В, и датировка эта весьма показательна. Только сравнительно близкие к

столице поселения наряду с материалами СГ-1В содержат (иногда преимущественно) и материалы следующего этапа - СГ-2. Таковы памятники уари в долине Каруарасо, которая расположена в 150 км южнее Уари и обследована К.Шрейбер. В РПП ее население было редким и политически разобщенным. В период СГ-1В люди из Аякучо пришли в Каруарасо и построили здесь свой провинциальный центр Хинкамокко, а также еще четыре маленьких комплекса. Площадь "компаунда" в Хинкамокко около 3,5 га, а остатки нерегулярной архитектуры прослеживаются еще на 14 гектарах. Хинкамокко был возведен на месте небольшой деревни. Сравнение материалов из нижнего и верхнего слоев памятника не оставляет сомнений в том, что керамика уари и "прямоугольно-клеточный" стиль не имеют в Каруарасо местных корней. Гипотеза военного вторжения из Аякучо вполне обоснована. Шрейбер датирует периодом уари (вероятно, как СГ-1В, итак и СГ-2) строительство в долине Каруарасо сельскохозяйственных террас, что позволило выращивать здесь кукурузу. Это означает, что район был не только подчинен, но и интегрирован в общегосударственную хозяйственную систему, как то происходило в центральном Перу при инках.

Еще один "компаунд" уари, Асангаро, площадью 447 x 175 м (7,8 га) расположен в северной части котловины Аякучо рядом с крупным массивом орошаемых земель. До начала экспансии Уари в этом районе, по-видимому, располагалось небольшое самостоятельное вождество. М.Андерс доказывает, что обитатели Асангаро контролировали поступление воды в оба главных оросительных канала. Как и в Каруарасо, местная специфика в керамике и архитектуре оставалась заметной и в Среднем Горизонте, т.е. полной ассимиляции подчиненного населения не произошло. Керамика уари в Асангаро относится только к периоду СГ-2.

Среди археологов-перуанистов лишь Р.Шейли Солис готова видеть в Пикильякте результат одного лишь заимствования новых идей населением долины Лукре (Shady Solis 1988). Если бы удалось доказать, что "прямоугольно-клеточные" комплексы - это храмы, свидетельствующие о распространении не политического господства, а религиозного культа, то такая гипотеза была бы в принципе допустима. Какими-то ритуальными соображениями строители "компаундов", по-видимому, руководствовались: во внутреннем членении всех комплексов подобного рода прослеживается единый алгоритм, объяснимый скорее ритуальными, чем практическими соображениями. Но это и все. Как отметил Дж.Топик (Topic 1986: 63-64), если восходящая к уамачукскому прототипу архитектура уари и имеет параллели у инков, то, конечно, в зданиях общественно-государственного, а никак не культового назначения. В "компаундах" уари нет также культовой парадной керамики, она встречается в совершенно ином контексте. Поэтому предлагаемые Шейди Солис аналогии с чавином (Ранним Горизонтом), когда в Центральных Андах действительно распространялась определенная религиозная иконография (Bugger 1988), в случае с уари неуместны. Предполагать же добровольное заимствование обитателями различных районов Анд нового стиля в архитектуре и новых типов керамики по иным, не связанным с религией, соображениям тем более трудно.

Приняв интерпретацию Пикильякты, как форпоста Уари на юго-востоке горного Перу, мы не можем заведомо отвергнуть и гипотезу кратковременного вторжения людей Аякучо в другие отдаленные районы, хотя повторим еще раз, что конкретные события, развивавшиеся на протяжении ста, а то и пятидесяти лет, методами археологии реконструировать пока невозможно. Прощупываются лишь общие тенденции, и в этом смысле не лишено интереса наблюдение К.Шрейбер насчет того, что все явные или гипотетические памятники уари периода СГ-1В расположены в пределах определенного сектора андской горной системы, обладающего сходными природными особенностями. Кроме того, если верить А.Тореро (Togero 1990: 245), обитатели всей южной части того же сектора (Наска - Аякучо - Куско, но не Уамачуко) в середине I тыс. н.э. говорили на близкородственных языках семьи ару, к которой принадлежит современный аймара.

Когда перуанские и американские археологи переходят от региональной проблематики к типологии реконструируемых процессов, их не всегда можно сразу понять, ибо в знакомые термины подчас вкладывается непривычное для нас содержание. Так слово "империя" означает любое политическое объединение, созданное с помощью силы или угрозы ее применения. К.Шрейбер в своей монографии, рассматривая варианты

"имперской" организации, перебирает комбинации иерархически соподчиненных объединений почти вне зависимости от их масштабов. Держава Цезарей и вождество Поухаттан одинаково подпадают под эти схемы. Но главное даже не в иной терминологии, а в ориентированности археологов-перуанистов на инкскую модель ранней государственности, имеющую мало общего с образцовой для нас месопотамской моделью. Как У.Исбель (р.294), так и К.Шрейбер (р.268) отмечают, что в случае с уари мы, видимо, имеем дело с двуединым процессом возникновения первичной государственности и крупного экспансионистского политического образования, однако этот тезис вовсе не вызывает у них самих того интереса, которого он заслуживает.

И.М.Дьяконов и В.А.Якобсон предложили в свое время схему развития ранних политических структур на Древнем Востоке, которую В.И.Гуляев использовал и для Мезоамерики: "ном", или город-государство, "территориальное царство" в форме объединения городов-государств под властью сильнейшего; "империя", в которой "номы" утрачивают автономию (Гуляев 1985; Дьяконов, Якобсон 1982). Египет, где политическое объединение страны завершилось, по-видимому, до формирования органов государственного управления в номах, Дьяконов счел исключением из правил, обусловленным географическими особенностями нильской долины: первый же усилившийся ном мог там быстро по-одиночке разбить остальных, не опасаясь обхода с флангов (История 1983: 42). Рассматривая образование государства на побережье Перу, я приложил "египетскую" модель к мочика, ибо данный район тоже представляет собой "одномерную" цепочку оазисов между морем и труднопроходимыми отрогами Анд (Березкин 1990; 1991: 73-74).

Похоже, однако, что эти объяснения недостаточны. Хотя география юго-центральной области перуанских Анд нормальная "трехмерная", а не "двумерная", как в Египте и на побережье Перу, первичная государственность там тоже развивалась скорее по египетской, чем по месопотамской модели.

Предполагаемые раннегосударственные образования типа Мочика или Уари вряд ли разумно именовать империями уже потому, что они не сделались мировыми (в своей ойкумене) державами, а сосуществовали с другими, по крайней мере с Тиауанако. В то же время это и не дьяконовские "территориальные царства", так как они не состояли из автономных городов-государств. Скорее Уари, Мочика, Тиауанако - своеобразные политические организмы, которые находились в стадии формирования государственных институтов и на начальном этапе развития не соприкасались с другими обществами своего уровня интеграции, а потому быстро поглощали более слабых соседей. Подобная их экспансия начиналась со стадии не города-государства, а скорее вождества или (в некоторых регионах, быть может; Березкин 1994), "автономного городка".

По историческим документам мы знаем, как при инках экспансия Куско на протяжении жизни одного поколения привела к поглощению не только окружающих автономных общин и вождеств, но и далекого государства Чимор и к образованию настоящей (и единственной в Доколумбовой Америке) империи, причем формирование государственных структур Тауантинсуйю не предшествовало этому процессу, а шло параллельно с ним. В доведении экспансии до логического, т.е. имперского, предела инкский опыт уникален, но так ли уж необычна сама лежащая в его основе модель?

Если в Месопотамии III тыс. до н.э., в Ахейской Греции и у классических майя сформировались сообщества "номовых" государств, то Монте-Альбан и Теотиуакан в Мексике, Кахокия на Миссисипи, Египет, Аксум, Иньский Китай, Ямато, Хеттская держава при всех оговорках и ссылок на недостаточную изученность и разную стадийную принадлежность больше напоминают Уари. Следует также отметить, что в Мезоамерике на смену первичным царствам типа Теотиуакана и Монте-Альбана в постклассический период приходит система городов-государств, выглядящая эволюционно более продвинутой (возросшая численность населения, более равномерное развитие региона, новые достижения в технологии). С другой стороны, мы пока слишком мало знаем о самых ранних этапах образования сообществ городов-государств в Месопотамии и у майя. В каких отношениях с остальными, тогда еще не городскими, центрами находился доклассический Эль-Мирадор (Matheny 1987)? Какой политической реальности соответствует суперурбанизация Южного Двуречья в IV тыс. до н.э. и появление урукских колоний в Сирии и других отдаленных районах (Lamberg-Karlovski 1986; Oates

1993)? Не будем забывать, что схема развития политической организации в Двуречье была создана на основе письменных источников, освещающих в лучшем случае Раннединастический период, тогда как начало месопотамской государственности было положено в Среднем Уруке за много столетий до того (Vertesalji 1987: 485-486, 491-492).

Вообще же стадии формирования ранних государств в разных регионах не обязательно должны быть напрямую сопоставимы. По-настоящему объединяет всех лишь одно - "качественные изменения в сторону все возрастающей сложности" (Carneiro 1987: 757).

БАШИЛОВ, В.А. 1972. Древние цивилизации Перу и Боливии. Москва: Наука.

БЕРЕЗКИН, Ю.Е. 1990. Социальная структура мочика и ее отражение в иконографии // Проблемы археологии и древней истории Латинской Америки. : 223-248. Москва: Наука

1991. Инки. Исторический опыт империи. Санкт-Петербург: Наука.

1994. Апа тани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера: этнографические тетради . Санкт-Петербург.

ГУЛЯЕВ, В.И. 1985. Типология и структура древних государств Мезоамерики // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики:52-64. Москва: Наука.

ДЬЯКОНОВ, И.М., В.А. ЯКОБСОН . 1982. "Номовые государства", "территориальные царства", "полисы" и "империи". Проблемы типологии // Вестник древней истории 2: 3-10.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА. 1983. РАННЯЯ ДРЕВНОСТЬ. Том 1. Москва: Наука.

ADAMS, R.M. 1981. Heartland of Cities. Surveys of Ancient Settlements and Land Use of the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago; London: University of Chicago Press.

BURGER, R.L. 1988. Unity and heterogeneity within the Chavín horizon // Peruvian Prehistory: 99-144 .Cambridge etc.: Cambridge University Press.

CARNEIRO, R.L. 1987. Cross-currents in the theory of state formation // American Ethnologist 14 (4): 756-770.

KOLATA, F.L. 1991. The technology and organization of agricultural production in the Tiwanaku state // Latin American Antiquity 2 (2): 99-125.

1992. Economy, ideology, and imperialism in the South-Central Andes // Ideology and Pre-Columbian Civilizations: 66-85. Santa Fe: School of American Research Press.

LAMBERG-KARLOVSKY, C.C. 1986. The long durée of the Ancient Near East // De l'Indus aux Balkans:55-72. Paris: Éditions Recherches sur les Civilisations.

LANGE TOPIC, N., J.R TOPIC. 1990. Recherches récentes a Huamachuco // Inca - Peru: 3000 Ans d'Histoire: 210-223. Bruxelles: Im Schoot, uitgevers.

MATHENY, R.T. 1987. El Mirador. An Early Maya metropolis uncovered // Natural Geographic 172 (3): 316-339.

MCEWAN, G.F. 1990. Some formal correspondences between the imperial architecture of the Wari and Chimu cultures of Ancient Peru // Latin American Antiquity 1 (2): 97-116.

OATES, J. 1993. Trade and power in the fifth and fourth millennia BC: new evidence from Northern Mesopotamia // World Archaeology 24 (3): 403-422.

SCHAEDEL, R.P. 1972. The city and the origin of states in America // Proceedings of the 39 International Congress of Americanists (Lima, 1970). Vol.2: 15-33.

SHADY SOLHS, R. 1988. La época Huari como interacción de las sociedades regionales // Revista andina 6 (1): 67-133.

SHIMADA, I. 1990 [Обзор новых публикаций по археологии Перу] // Journal of Field Archaeology 17: 221-229.

SILVERMAN, H. 1985. Cahuachi: simplemente monumental // Boletín de Lima 7 (4): 85-95.

TOPIC, J.R. 1986. A sequence of monumental architecture from Huamachuco // Perspectives on Andean Prehistory and Protohistory: 63-83. Ithaca: Cornell University.

TOPIC, J.R., T.LANGE TOPIC . 1985. El Horizonte Medio en Huamachuco // Revista del Museo Nacional 47: 13-52.

- TORERO, A. 1990. Procesos lingüísticos e identificaciyn de dioses en los Andes Centrales // Revista Andina 8 (1): 237-263.
- VÉRTESALJI, P.P. 1987. The chronology of the Chalcolithic in Mesopotamia (6400-3400 BC) // Chronologies in the Near East. B.A.R. International Series 379: 483-523.
- WILSON, D. 1988. Prehistoric Settlement Patterns in the Lower Santa Valley, Peru. Washington; London: Smithsonian Institution Press.

Ю.Е.Березкин
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел археологии Средней Азии и Кавказа

Взаимодействие человека и окружающей среды

Vyvoj živothého prostredia v praveku, vo včasnej dobe dejinnej a v stredoveku. Študijnje zvesti: Archaeologického ústavu slovenskej Académie Vied. 26. 236 pages, 19 figures, 8 tables. 1990. Nitra.

Рецензируемый сборник посвящен проблеме: "Взаимодействие человека и окружающей среды". Он издан под редакцией академика Б.Хроповского - главного координатора работ по данной теме в Чехословацкой и Словацкой Академиях наук в 1986-1990 гг., а также под редакцией доктора исторических наук А.Рутткой - ответственного за разработку данной темы.

Сборник состоит из двух томов. Первый том (С.1-236) посвящен теме: "Окружающая среда, как составная часть исторического процесса". Второй том (С.237-433) представляет материалы по теме: "Охрана культурного наследия". В рецензии рассматриваются материалы лишь первого тома. В нем представлены доклады двадцати четырех авторов, зачитанные на совещании в Новых Возоканах в 1987 г.

Проблема "Взаимодействие человека и окружающей среды" сегодня очень актуальна. Но она имеет сложную предисторию. Мы должны быть признательны нашим предкам за то, что они сохранили нам леса, озера и реки, так как изменяли природу не столь быстрыми темпами, как это делаем мы сегодня. С другой стороны, современное природное окружение - результат определенного этапа в развитии природного процесса. Ведь даже сейчас, несмотря на все достижения цивилизации, мы не смогли бы остановить ледник, который когда-то дошел от Скандинавии до степей Украины. Поэтому вполне закономерно, что проблема "Взаимодействие человека и окружающей среды" была одним из основных направлений фундаментальных исследований Чешской и Словацкой Академий в 1986-1990 гг.

К разработке данной проблемы возможны разные подходы. Нередко работы по данной проблематике сводятся лишь к спасению археологических памятников от тех или иных разрушительных факторов современного антропогенного воздействия. На основе этой концепции строились и продолжают развиваться охранные археологические работы на территории прежнего Советского Союза. Концепция чешских и словацких коллег, определившая теорию, тактику и практическую организацию их работ по проблеме "Взаимодействие человека и окружающей среды" изложена в трех вводных статьях: В.Хроповский, А.Рутткау. Исследовательская задача чехословацкой археологии на 1966-1990 гг.: "Взаимодействие человека и окружающей среды (содержание и структура)"; А.Рутткау. Коллоквиум в Новых Возоканах в 1987 г. по теме: "Взаимодействие человека и окружающей среды"; А.Рутткау. Археология и исследование окружающей среды (междисциплинарность в современных организационных условиях).

Концепция авторов сборника предусматривает не только охрану, но и использование огромного фонда археологических памятников, составляющих значительную часть культурного наследия, в качестве мощного воспитательного средства. Как пишет Б.Хроповски: "Археологические местонахождения или же памятники древнего прошлого, показываемые на месте открытия, являются неотъемлемой частью окружающей среды, формирующей человека, углубляющей его историческое сознание. В конкретной форме подкрепляется чувственное и интеллектуальное содержание понятия "Родина" и общечеловеческое понятие "цивилизация" (С.15).

В вводной статье А.Рутткой дано не традиционное, более широкое, чем это обычно принято у археологов и палеографов определение понятия "окружающая среда". Автор рассматривает окружающую среду как "совокупность не только всех природных и искусственных элементов материального мира, но и явлений внутри человеческого общества, закономерных в различных взаимодействиях с человеком - субъектом (С.28)". Эта концепция обосновывает главенство археологии в разработке проблемы. По мнению авторов именно археология, используя данные многих наук, призвана дать результатам всех этих исследований историческое содержание.

Интересны и важны в сборнике разработки, посвященные изучению различных адаптационных процессов. Концепции расийских археологов и авторов данного сборника по этой проблеме различны. Российская археологическая школа, вслед за Марксом и Энгельсом, придерживается концепции о доминирующей роли социального фактора в развитии древних обществ. Это сказывается и на интерпретации археологических материалов и на самом процессе раскопок - палеогеографическая информация редко целенаправленно извлекается при раскопках.

Авторами сборника за основу взята концепция о том, что: "Основным экологическим фактором была природная среда, в значительной степени определяющая структуру тогдашней экономики и через нее характер и структуру тогдашнего общества" (Batora J. С.84).

В сборнике рассматривается механизм адаптации поселений к изменениям климата (особенно к засухам), к изменениям уровня грунтовых вод, гидрологического режима рек, эрозионных процессов и так далее (статьи авторов - Schmiedlova-Lamiova M., Ваха Р., Zebraк P., Steffek J., Najnalova E.). Оценивается влияние адаптационных процессов на миграции (Pavuk J.), выбор той или иной формы земледелия (Lühn F.), того или иного типа хозяйственной деятельности - трансгумации (Nwvisanaky G.) сложного сочетания полеводства, скотоводства, охоты, рыболовства и собирательства (Batora J.) и так далее.

Применение естественных методов в археологии (исследование пыльцы и спор, ископаемых плодов, малакофауны, геоморфологии и так далее) дает возможность изучать историю антропогенного воздействия на природное окружение. Этим вопросам в сборнике посвящен ряд статей (V.Jankovska, Z.Zebraк, J.Batora, J.Steffek и другие). Материалы сборника убедительно показывают, что масштаб воздействия древнего человека на природное окружение, особенно на леса, был огромен даже в Средние Века. В Словакии (Y.Batora), начиная с XV-первой половины XVI веков "вспышки" появления новых поселений сопровождались интенсивным сведением лесов (540 поселений возникло в XV-первой половине XVI веков, 3793 поселения появилось в 1511-1530 годах и т.д.). На лесах губительно сказалась валашская колонизация и особенно возникновение в горах горнопромышленных комплексов, потребовавших большое количество древесины. На примере одного из средневековых городищ Чехии (V.Jankovska) прослежена смена естественных лесных биотипов - полустественными биотипами лугов и пастбищ и, наконец, антропогенными биотипами поселений, свалок, древних источников водоснабжения, соренных яйцами глист и полей и так далее.

Сборник насыщен и разнообразными палеогеографическими материалами, которые датированы археологическими методами, но, к сожалению, лишены радиоуглеродных датировок. Приводятся новые сведения о палеогидрологическом режиме Дуная, Вага (Bielikova D., Ваха Р.), изменения дендрофлоры (Najnalova E., Reinprecht L.-Stassikova-Stukovska D.), флоры культурных и сорных растений (Kühn), естественный или антропогенной растительности (Krippel E., Jankovska V., Svobodova H.), палеопочв (Linkes V.). Особенно важна разнообразная информация о палеоклиматах. Это - данные,

детализирующие наши представления о палеоклиматической ритмике отдельных периодов. Так, для периода от 1500 лет до н.э. до 1000 лет нашей эры выявлено 19 климатических осилляций (Bouzek J.), часть из которых проявлялась глобально и укладывается в ритмы повышенной - пониженной увлажненности материков и океанов А.В.Шнитникова. Это и картографические материалы по палеоклиматам - палеовегетационные карты Чехословакии (Rubnickova E.) для пяти хроносрезов голоцена (10 000, 8 000, 6 000, 4 000, 2 000 лет от наших дней). Это - сведения о древних экологических катастрофах (засухах, наводнениях) и так далее.

Таким образом, рецензируемый сборник является источником новых материалов по разным методам и отраслям наук - по палинологии, палеокарпологии (дикорастущих, сорных и культурных растений) дендрохронологии, малакофауне, фауне диких животных, палеопедологии, палеогидрологии, геоморфологии, геологии, топонимике, медицинскими исследованиями в области антропологии, археологии, социоархеологии, палеодемографии и так далее. Но значимость его выходит за рамки чисто регионального исследования, так как многие разделы сборника имеют методическое значение. Исключительно важны некоторые концептуальные и теоретические разработки авторов, особенно положение о важной роли природно-культурного наследия (каковым являются археологические памятники) в патриотическом воспитании молодежи. Материалы, представленные в сборнике, являются большим вкладом Чешских и Словацких коллег в банк нашего общего Европейского дома по проблеме: "Взаимодействие человека и окружающей среды", сбору которого в Европе сейчас уделяется очень большое внимание.

Г.М.Левковская
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Лаборатория археологической технологии.

НОВЫЙ ЦИКЛ ИССЛЕДОВАНИЙ БИРКИ

B. AMBROSIANI AND H. CLARKE (ED.) INVESTIGATIONS IN THE BLACK EARTH. BIRKA STUDIES I. 134 PAGES, 38 FIGURES. 1992. STOCKHOLM.

Настоящий сборник, вышедший в конце 1992 г. является первым томом большой серии публикаций, посвященных работам последних лет на острове Бирка архипелага оз. Меларен. Этот памятник имеет широкую известность в среде археологов, занимающихся проблемами средневековья, как эталонный комплекс для ранней и средней Эпохи Викингов. История его изучения насчитывает более 300 лет, поскольку еще в 1680 г. чиновник шведского Департамента Древностей Д.Хадорф предпринял здесь первые раскопки. Однако, внимание исследователей было поглощено исследованием богатейших могильников, в то время как раскопкам поселения посвящена всего одна научно-популярная книга Х.Арбмана [*H. Arbman, 1939*]. Интерес же к этому памятнику и к "поселенческой археологии" вообще постоянно возрастал. Поэтому в 1969-1971 гг. в Бирке были проведены новые раскопки под руководством Б.Амброзиани и Б.Аррениус. Это были сравнительно небольшие по своим масштабам работы, которые позволили, с одной стороны, отчасти интерпретировать материалы раскопок Х.Стольпе, с другой стороны, изменить раннюю дату Бирки и удревнить ее до середины VIII в. Однако, работы по программе, проводившиеся на средства из бюджета Стокгольмского Исторического музея и Riksantikvariedmbetet продолжались недолго. Они были возобновлены только в 1990 г. в рамках пятилетнего проекта "Бирка", средства на который были выделены фирмой АВ Tetra Pak.

Как первый том серии, сборник статей посвящен, в первую очередь, истории изучения Бирки и описанию тех итогов, с которыми ученые подошли к 1990 г. -- первому

году реализации проекта "Бирка". Сборник открывается статьей Б.Амброзиани, в которой дается краткий обзор письменных источников, упоминающих это поселение, публикаций, посвященных древностям Бирки, и описание основных археологических памятников острова. Значительную часть ее занимает рассмотрение вопроса о том, является ли остров Вјдгкц на оз. Меларен местом расположения Бирки Эпохи Викингов, хотя аргументы противников этой точки зрения в книге не приведены и даже не дан самый поверхностный обзор существующих в этом вопросе различных мнений. Описание археологических памятников острова -- своего рода археологическая карта -- дано очень кратко, причем основное внимание автор уделит датировке отдельных могильников и других древностей Бирки. Таким образом, эта статья является своего рода визитной карточкой, представляющей район, центром которого является поселение, исследованное участниками проекта.

Статья Э.Хюенстранд посвящена обзору литературы о Бирке, начиная с XVII в., истории ее археологического изучения и историографии ряда вопросов. Много внимания отведено здесь личности автора наиболее крупных раскопок -- Х.Стольпе. Весьма подробно приведена его биография, история работ на острове и рассмотрена методика полевых исследований и фиксации находок. Часть статьи посвящена проблеме локализации места раскопок Х.Стольпе. Надо отметить, что этот, или подобные вопросы, встают практически в каждой статье. Очевидно, что их решение совершенно необходимо для создания единой картины комплекса. Как правило, решение далеко не однозначно и требует привлечение широкого круга материалов, включая выдержки из отчетов автора раскопок, его дневники, публикации и карты. В заключение, по категориям рассматриваются вещевые находки, сделанные Х.Стольпе и на основании их анализируется хронология поселения Бирки как "городского образования". По мнению Э.Хюенстранд, она может быть определена периодом между концом VIII и концом X вв.. Но автор отмечает, что ранняя дата поселения может быть удревлена за счет удревления даты начала Эпохи Викингов.

Следующая работа, автор которой Т.Захриссон, является кратким рассмотрением материалов трех кладов, найденных на острове. Эти находки были сделаны в 1872, 1873 и 1874 г., то есть в то время, когда на острове проводил работы Х.Стольпе и, по крайней мере два из них, были найдены в его траншеях во время археологических раскопок. Все эти клады сохранились в фондах Стокгольмского Исторического музея и на основании дат чеканки младших монет могут быть отнесены ко второй половине X в. Дата клада 1874 г., который не содержал находок монет определена в пределах Эпохи Викингов. Сатья, на наш взгляд, преследовала только цель представления кладов, найденных на острове. Все же существует один немаловажный вопрос, на который следует обратить внимание. Это тот факт, что доказательством датировки Бирки временем не позднее 1000 г. является отсутствие в кладах западноевропейских и вообще монет XI в.

Рассмотрение содержания рунических надписей, происходящих с острова, является темой статьи С.Нюстрема. Здесь приведены переводы всех известных к 1990 г. надписей от почти полностью сохранившегося рунического камня до отдельных знаков на фрагментах кости. Ценность этой статьи видится нам в знакомстве читателя с руническими текстами Бирки, которые уже неоднократно и весьма полно опубликованы на шведском языке, но оставались неизвестны широкому кругу историков в силу вполне определенных языковых трудностей. Вместе с тем приходится отметить, что данные, приведенные в статье, во многом остаются непонятными без знакомства с аналогичными материалами других синхронных памятников если не Швеции, то хотя бы долины оз. Меларен.

Сборник продолжается серией статей Б.Амброзиани, о некоторых итогах раскопок в Бирке в 1969-1971 г. и периоде подготовки к реализации проекта "Бирка" 1990-1994г. Рассмотрение материалов раскопок весьма краткое и посвящено обзору стратиграфической ситуации и основных категорий находок, сделанных за время работ. Вопросы, возникающие при прочтении этой статьи объясняются тем, что большинству археологов остаются недоступны материалы этих раскопок, опубликованные исключительно на шведском языке. Они возникли у нас, в первую очередь, по поводу ситуации находки причальных приспособлений, как стратиграфической, так и планиграфической, поскольку уровень воды в оз. Меларен, соответствующий уровню этой конструкции и определяет раннюю дату поселения. Очевидно, что истинность этой даты полностью зависит от

правильности интерпретации назначения сооружения. Но опубликованные в книге материалы не дают возможности это сделать.

Последние две статьи Б.Амброзиани раскрывают вопросы выбора места проведения раскопок, что потребовало весьма точной локализации как территории, раскопанной Х.Стольпе, так и многих других реалий XIX в. Например, потребовалось восстановить карту расположения наделов жителей острова, поскольку все археологические раскопки были привязаны к ним. Пожалуй одной из самых интересных и одновременно одной из наиболее спорных является статья посвященная рассмотрению полевой методики, применяемой на раскопках Бирки и описанию ее новшеств. Они коснулись вопросов археологической фиксации, поскольку на раскопках была применена весьма развитая компьютерная система измерения, регистрации и составления документации о работах. Другие новшества связаны с отсутствием общепринятой системы разметки раскопа и отказом от применения "системы трех координат" в регистрации находок. Вместо этого находка отождествляется исключительно с линзой слоя, размеры которой в плане и в разрезе известны. Вопрос о взаиморасположении находок внутри линзы не ставится. Поэтому появилась и определенная методика полевых работ, характеризующаяся просеиванием на "грохоте" и последующей тотальной промывкой культурного слоя, что, в общем, является общепринятой практикой при раскопках в Швеции. Своеобразие на наш взгляд в том, что задача фиксации находки "in situ" вообще не возникает. Однако, решить вопрос об оправданности этих изменений, несмотря на то, что автор принимал участие в раскопках проекта "Бирка", крайне трудно, поскольку данные для сравнения результатов использования новой методики и общепринятой в публикации не приведены.

В заключение первого тома даны приложения, которые включают репринтное издание отчетов Х.Стольпе на шведском языке и краткое описание итогов международного симпозиума 1990 г., посвященного определению основных целей и задач, решение которых было бы крайне желательно в рамках реализации проекта "Бирка" 1990-1994гг.

Переходя к оценке публикации в целом мы считаем необходимым остановиться на нескольких вопросах. Во-первых, факт публикации таких важных материалов, как материалы раскопок поселения Бирки достаточно большим тиражом на английском языке может вызвать только вполне заслуженное чувство благодарности и уважения со стороны археологов и историков не владеющих шведским языком. Но остается не вполне понятной публикация отчетов Х.Стольпе на шведском языке в книге, полностью (и вполне оправданно) изданной на английском. Во-вторых, для нас не вполне понятным осталось, кому же адресована книга. С одной стороны, многие статьи рассчитаны на читателя, который не представляет, что такое Бирка и каково ее место в археологии Скандинавских стран и Европы. С другой стороны, в публикации обсуждаются весьма специфические проблемы, что не позволяет отнести ее к разряду научно-популярных. В-третьих, значительное количество выводов не снабжено системой аргументации, поскольку они уже были рассмотрены в иных изданиях на шведском языке. Наше внимание привлекли в первую очередь вопросы хронологии, хотя можно было бы указать и другие области -- в частности вопросы этнической истории -- где остается ряд вопросов. Мы уже упоминали проблему ранней датировки поселения. Другая проблема заключена в том, что при датировке ранних слоев поселения серединой VIII в. на острове не известно погребальных древностей ранее IX в., за исключением нескольких случайных находок Эпохи Бронзы и Раннего Железа. В это же время всеми авторами сборника полностью отрицается существование поселения в XI в., тогда как на острове существует несколько могильников этого времени: Grindsbacka, Lilla Kdgrbacka, Stora Kdgrbacka, а поселения, которые могли бы быть связаны с этими могильниками не известны, при том, что сделана полная карта содержания фосфатов в почве острова. Также необъяснимой, при такой датировке поселения, оказывается находка рунического камня, датирующегося XI в., если учесть что традиция установки рунических камней на могильниках практически неизвестна. Но мы надеемся, что отмеченные нами неясности и вопросы появились только потому, что мы имели возможность ознакомиться только с первым томом большой серии публикаций, и все они будут разрешены впоследствии.

H.ARBMAN. 1939. Birka. Sveriges äldsta handelsstad. // Fren forntid och medeltid. V.I. Stockholm.

О.И.Богуславский
Россия. Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел славяно-финской археологии.

МОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ

Aspects of Maritime Scandinavia A.D. 200 – 1200. Proceedings of the Nordic Seminar on Maritime Aspects of Archaeology, Roskilde, 13th – 15th March, 1989 (Ed. Ole Crumlin-Pedersen). Roskilde 1991. 291p.

В марте 1989 г. в г.Роскильде (Дания) на базе Музея викингских кораблей состоялся семинар археологов скандинавских стран по проблемам морской археологии. Представленные доклады охватывали хронологический период от 200 до 1200 г. н.э. Основные материалы семинара были опубликованы в 1991 г.

В предисловии к изданию, его редактор и основной инициатор конференции, О.Крумлин-Педерсен отмечал, что сама идея организации подобной встречи была не случайной. Археология Швеции, Норвегии и Дании в последние десятилетия достигла значительных успехов. Раскопки поселений широкой площадью с помощью машин в Ютландии, обнаружение крупных, хорошо сохранившихся могильников в Центральной Швеции, позволяющих решать вопросы роста населения, открытие ладьевидных домов в южной и западной Норвегии, раскопки ранних торговых центров и городов в различных частях Скандинавии, привели к тому, что исследователи от изучения отдельных предметов и поселений переходят к анализу более общих вопросов развития общества в период его трансформации от племенных структур к государству. Оживленно дискутируются проблемы торговли и войн, монархии и религии, урбанизации и формирования регионов. Археологи стремятся найти новые источники для освещения этих вопросов. Особое значение, по мнению О.Крумлин-Педерсена, приобретает изучение контактных зон, где переплетались старые и новые традиции, местные и привнесенные элементы, где взаимодействовали крестьяне и ремесленники, короли и миссионеры, купеческая и элитарная культуры. Археологическое исследование подобных контактных зон заслуживает самого пристального внимания.

В Скандинавии, где в железном веке водные пути, как морские, так и по рекам имели огромное значение в жизни общества, контактные районы складывались, прежде всего, вдоль морского побережья. Здесь археологи могут получить наибольшую информацию о характере взаимодействия различных культур и народов. Именно изучая подобные зоны взаимодействия, исследователи занимающиеся поселениями вошли в тесное соприкосновение со специалистами по морской археологии, знакомыми с условиями навигации в древности, потенциально удобными гаванями, местами скрещения водных путей. Это способствовало взаимообогащению традиционной и морской археологии, которая ранее была ограничена изучением собственно кораблей и конструкций, связанных с их использованием, таких как гавани и защитные ограждения преграждавшие путь судам.

Цель семинара, состоявшегося в Роскильде, в конечном счете, и заключалась в более ясном выявлении новой роли морской археологии, которую она стала играть в системе археологических знаний нашего времени и подведении важнейших итогов в данной области.

В сборник трудов семинара включены 23 статьи, распределенные по семи разделам. В первом из них помещены работы, касающиеся общих проблем традиционной и морской археологии в Скандинавии. Прежде всего, это статья К.Рандсборга "Мореплавание и общество – в южнскандинавской и европейской перспективе", в которой автор под-

черкивает, что после дома (жилища) – лодка, а позднее корабль, явились важнейшими достижениями человеческого мастерства. В корабле соединились технические и экономические возможности общества, культурные традиции и социальная организация коллективов. Корабль в находках археологов выступает не только в виде сохранившихся материальных остатков, но и как символ в культовом и социальном контексте (в наскальных изображениях, в захоронениях). По мнению К.Рандсборга, чтобы понять процесс развития мореплавания необходимо создать некие рамки, которые будут охватывать как археологию, так и социальную историю человечества.

В противовес традиционной археологической периодизации на мезолит, неолит, бронзовый и железный века, выделенные в стремлении осуществить классификацию вещевого материала; К. Рандсборг предложил вычлнить семь фаз в развитии доистории и ранней истории Южной Скандинавии, на основе изменений в структуре экономики, типах орудий, социальной организации общества. Эти фазы, по К.Рандсборгу, соотносятся и с несколькими основными стадиями в технологии деревообработки, как это видно по изготовлению телег, повозок и кораблей. Рассматривая развитие общества и кораблестроения в 1 тыс. н.э. в Европе и Южной Скандинавии, К.Рандсборг подчеркнул значение мореплавания для античного мира Средиземноморья и для возникновения средневековой Западной Европы, включая раннее датское государство.

В статье посвященной рассмотрению морской торговли в период скандинавского железного века У.Нэсман показал, что в это время дальняя торговля предметами роскоши не требовала создания развитой транспортной системы и базировалась на социальных и политических контактах. Торговые поселения были маленькими и приуроченными к резиденциям вождей или королей. В течение VIII в. Южная Скандинавия была интегрирована в западноевропейский регион и начался обмен широким ассортиментом товаров. Развивалась торговля эпохи викингов и активно шел процесс урбанизации Скандинавии. Только в это время, как считает автор, появились специализированные купцы и мог развиваться купеческий флот.

В обстоятельном докладе О.Крумлин-Педерсена "Морские аспекты археологии римского времени и Великого переселения народов в Дании" дан краткий обзор итогов работы над коллективным проектом "Атлас побережья острова Фюн от рубежа н.э. до 1500 г.". Основная цель проекта заключалась в выявлении всех археологических данных, которые могут свидетельствовать о деятельности человека, связанной с морем. Автор рассмотрел лодки и корабли, как особые категории источников, поселения и их связь с морем и морскими занятиями, морские защитные сооружения, предметы вооружения, ладьеvidные дома, римские импорты, культовые объекты и др. О.Крумлин-Педерсен подчеркнул, что археологические источники отнюдь не единственные для изучения морской активности населения и значительную роль здесь играют источники исторические и карты. Еще один доклад И.Кристоффсена о находках железного века на острове Фюн и их значении для выяснения специализации поселений также был подготовлен в процессе составления "Атласа побережья острова Фюн".

О.Крумлин-Педерсену принадлежит в сборнике еще одна обобщающая статья "Типы и размеры кораблей в период 800–1400 гг.н.э." Как и К.Рандсборг, автор подчеркнул, что для морской археологии, корабль есть основа для ее изучения, как дом (жилище) в традиционной археологии является основой для исследования поселений. И точно также, как мы переходим от изучения отдельных построек к анализу их совокупности и более сложных поселенческих образований, так и рассмотрение кораблей в наши дни должно идти не изолированно, а в хронологическом, географическом и социальном контексте. Число находок кораблей в районе Южной Скандинавии и Северной Германии сейчас достигло 40. О.Крумлин-Педерсен анализирует скандинавские и западнославянские традиции в изготовлении судов, как военных, так и торговых, приводит сопоставление различных типов кораблей.

В интересной статье Ф.Рика суммированы данные об устройстве прибрежных морских заграждений – систем забитых в морское дно свай и иных конструкций, не позволявших неприятельским кораблям внезапно подойти к берегу. Несколько статей посвящены изучению древних путей, волоков и гаваней в различных частях Скандинавии (Б.Амброзиани, К.Вестердаль, П.Норман). В сборнике рассматриваются различные по-

селения и города Скандинавии (Лунденсборг, Тенсберг, Лайра, гавани и торговые пункты на Готланде, порты Норвегии, происхождение Копенгагена и т.д.).

В особом разделе книги анализируются методы и данные смежных дисциплин, которые могут быть использованы в морской археологии, а именно топонимы связанные с морем (В.Холмберг), геоморфологическое изучение датских вод в древности (Е.Т.Моллер), применение геофизических методов в морской археологии (В.Абрахамсен и Н.Брейнер), геологические исследования и моделирование в прибрежных районах (Э.М.Якобсен), фосфатные исследования прибрежных поселений (И.Остерхольм), аэрофотосъемка и археология (М.Ф.Свегаард).

Рецензируемая книга демонстрирует широкий спектр морской археологии Скандинавских стран и подводит итоги плодотворных научных исследований ученых за последние годы. Она убедительно свидетельствует в пользу правомерности выделения морской археологии в самостоятельную отрасль археологических знаний. Нет также сомнения, что разработка проблем морской археологии в Скандинавии сейчас занимает одно из лидирующих мест в мире и опыт скандинавских коллег в этой области заслуживает самого пристального внимания и использования.

Е.Н. Носов

Россия, Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН,

Отдел славяно-финской археологии

СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ШВЕЦИИ

L.Ersgerd, M.Holmström, K.Lamm (ed.). *Rescue and research. Reflections of society in Sweden 700-1700 A.D.* 352 pages, 106 illustrations. 1992. Stockholm: Riksantikvarieämbetet.

Коллективный труд двадцати двух шведских археологов-медиевистов "Спасение и исследование. Размышления о шведском обществе 700-1700 гг." знакомит читателя с основными направлениями и итогами развития средневековой археологии в Швеции за последние 30 лет. В 1962 г. средневековая археология получила статус самостоятельной научной дисциплины в Институте археологии Университета в Лунде. Большая часть полевых работ носит спасательный характер и вызвана строительством в исторических городах. По шведскому закону о защите культурного наследия застройщики финансируют раскопки на месте строительства. Полевые работы ведет Центральный совет национальных древностей (RAÄ) через Отдел раскопок, имеющий ряд региональных отделений. Многие археологи, работающие в этих отделениях, являются также членами исследовательского семинара Института археологии в Лунде, который играет роль методологического центра средневековой археологии в Швеции. Данная книга включает 15 статей археологов-медиевистов, работающих в отделениях Отдела археологии в Стокгольме, Упсале, Линчпинге и Висбю. Цель публикации - дать общий обзор полевых исследований последних лет, главным образом, в средней Швеции, и современного состояния проблематики, связанной со средневековой археологией. Статьи объединены в тематические группы: средневековый город, методологические проблемы изучения средневековых и постсредневековых городов, производство и потребление, средневековые сельские поселения.

Сборник открывается обзорной статьей Б.Бруберг и М.Хассельму "Развитие городов в Швеции в средние века". В настоящее время около 70 пунктов включены в список городов Швеции, культурный слой которых рассматривается как археологический источник и подлежит охране. Эти города определяются по трем критериям: функциональный (город как часть пространственной системы расселения), топографический (морфология местности, план поселения) и правовой/административный (правовой ста-

тус поселения: городские привилегии, законы, совет и пр.). Последний критерий определяется только по письменным источникам. Авторы отмечают, что сейчас в Швеции не выработаны точные археологические критерии определения города, наиболее важным они считают топографический (главным образом, появление элементов регулярной застройки). В обзор включены 36 средневековых городов (за вычетом южной Швеции принадлежавшей Дании, западных районов, входивших в Норвегию и территорию Финляндии). В статье представлена периодизация возникновения городов. В раннем средневековье (1000-1200 гг.) возникли 4 города, из них только в Сигтуне археологически выявлено сложившееся к 970-м гг. поселение с регулярной системой земельных участков. Остальные 3 поселения превращаются в города только во второй половине XII в. В эпоху развитого средневековья (1200-1300 гг.) возникли 13 новых городов, в позднем средневековье (1350-1500 гг.) еще 19 городов. Все они концентрировались в средней Швеции. Наконец, в XVI-XVII вв. были основаны 32 новых города - кроме традиционной зоны они распространяются вдоль побережья Балтийского моря на север. Средневековые города рассматриваются авторами, прежде всего, как политико-административные центры, сосредоточение королевской и церковной власти и - во вторую очередь - как экономические центры.

Статья М.Хассельму "От раннесредневековых центров к городам развитого средневековья - урбанизация в Швеции с конца X в. до 1200 г." детализирует процесс урбанизации в Швеции. В раннесредневековой Швеции четыре города дополняются системой из 12 городских центров, которые в XIII в. становятся классическими средневековыми городами. Эти центры характеризуются расположением на пересечении торговых водных и сухопутных путей (в одном случае только сухопутных), наличием нескольких церквей (в четырех случаях в этих центрах основываются епископские кафедры), небольшой и разбросанной площадью заселения (как правило, на узкой береговой полосе). Археологически лучше других изучен Сёдерчёпинг. На ранней фазе (1000-1150 гг.) это небольшое сезонное поселение с пристанью, расположенной на прибрежной полосе. На поздней фазе (1150-1200 гг.) это постоянное поселение с элементами регулирования планировки (рвы и ограды, делящие поселения на участки) и остатками построек. Суффикс *-köring* означающий "торговое место" присутствует в названиях пяти из этих центров. Археологически их характеризует (до 1150-х гг.) господство привозной славянской керамики, с середины XII в. начинает появляться керамика западноевропейских типов. Перерастание раннесредневековых центров в города автор связывает с укреплением королевской власти. Королевская инициатива проявилась в превращении в начале XIII в. догородских центров в городские поселения с регулярной застройкой. В середине XIII в. происходит юридическое оформление их нового статуса.

В статье Б.Бруберг "Позднесредневековые города Швеции - важный источник исследований" дается обзор данных о 24 городах, основанных в XIV-XV вв. с привлечением данных письменных источников и планов XVII в. Статья Л.Линдгрена-Хертса "Вадстена - шведский центр паломничества" рассматривает позднесредневековый город, основным фактором роста и процветания которого явилось аббатство.

В разделе сборника, посвященном методологическим проблемам, отметим исследование Л.Берониуса-Йорпеланда "Формирование культурных слоев как археологический источник". Автор подробно разбирает существующие в литературе определения культурного слоя, их классификации, точки зрения на факторы, влияющие на характер отложений, изменения скорости роста слоя во времени. Затем дается характеристика детально датированных стратиграфических колонок раскопа в Лунде и раскопов в трех кварталах Упсалы. Выясняется, что общих хронологических закономерностей накопления слоя в рассматриваемых случаях нет. Автор приходит к выводу, что особенности сложения слоя зависят от характера человеческой деятельности в каждом конкретном месте поселения и от изменения с течением времени социально-экономической топографии города. Однако, автор не попыталась сделать следующий логический шаг: совместить стратиграфию и планиграфию раскопов в Лунде и Упсале, проанализировать состав находок с точки зрения функции данных участков города, а поэтому статья оставляет читателя ожидающим продолжения исследования.

Статья Я.-О.Юнг "Планы ранних городов в поздней картографии - источниковедческая ценность карт XVII-XVIII вв." посвящена проблемам корреляции археологических данных и поздних письменных источников и имеет методологический интерес.

Средневековые сельские поселения - новая тема для шведской археологии. В 60-70-е гг. спасательные раскопки преимущественно велись в городах и только в последние 10 лет начались раскопки селищ широкими площадями. Обзору этих работ посвящена статья А.Бруберг "Археология и восточно-шведское аграрное общество 700-1700 гг." Началу изучения сельских поселений предшествовала долгая подготовительная работа. В 1979 г. опубликован список из 150 000 археологических памятников, в основном погребений железного века, провинции Упланд.¹ Могильники дают представление об общей картине расселения. До начала 1980-х гг. в Швеции деревни не попадали под действие закона об охране культурного слоя, если они не были "полностью покинуты". Сейчас при новом строительстве или перепланировке деревни, если она стоит на селище, раскопки широкой площадью обязательны. В последние годы в средней Швеции на шести поселениях (Бьёрка, Валь, Исетра, Гредельбю, Полиста, Санда) произведены раскопки площадью от 10 000 до 22 000 м². Материалы раскопок пока в полном объеме не публиковались, но уже сейчас ясно, что они позволят по-новому взглянуть на раннесредневековое шведское общество. Стало возможно на новом уровне поставить вопросы о времени и путях формирования средневековой деревни, производстве, потреблении и социальном развитии сельского общества, его взаимоотношениях с городом. Параллельно изучаются палеоландшафты, следы древнего земледелия. Поселенческая археология Швеции переживает сейчас переломный момент, происходит переход количества в качество - от регионального изучения пространственного распространения поселений и могильников к изучению социальной организации общества.

В статье С.Оквист и Л.Флундин "Полиста и Санда - два 1000-летних поселения в провинции Мэларен" сделана предварительная публикация результатов раскопок двух сельских поселений, раскопанных широкими площадями. С учетом письменных источников прослежена история поселений от эпохи раннего железного века до наших дней. М.Мугрен и К.Свенсон, рассматривая географию средневековых замков Швеции, приходя к выводу, что их местоположение определялось функцией контроля за разработкой природных ресурсов (например, в зоне добычи железной руды).

Оперативная информация о новейших исследованиях шведских археологов (в книгу, вышедшую в 1992 г. вошли даже результаты полевого сезона 1991 г.) представляет большой интерес, в том числе для археологов, работающих на территории Северной Руси и решающих в близких географических условиях сходные исследовательские задачи.

В.А.Лапшин

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел славяно-финской археологии.

¹ Авторы сборника придерживаются единой принятой в Швеции хронологической терминологии: железный век - 500 г. до н.э. - 1050 г. н.э. (в том числе, ранний железный век - 500 г. до н.э. - 400 г. н.э., поздний железный век - 400-1050 гг. н.э., эпоха великого переселения народов - 400-600 гг. н.э., вендельский период 600-800 гг. н.э., эпоха викингов - 800-1050 гг. н.э.), средние века - 1050-1500 гг.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ THE ORGANIZATION OF SCIENCE

НОРВЕЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ОРГАНИЗАЦИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЕ

АННЕ СТАЛСБЕРГ*

Главные задачи археологии взаимосвязаны: научно-исследовательская работа, академическое образование, популяризация знаний и сохранение культурного наследия. Раньше эти задачи решались археологическими музеями и Государственным управлением древностей. Теперь ситуация стала более сложной.

Старейший Норвежский музей был основан в 1790 году, Государственное управление древностей - в 1912 г. Сейчас в Норвегии насчитывается около 200 археологов, из которых приблизительно 150 занимаются научными исследованиями, а остальные работают в административных или других учреждениях.

Научно-исследовательская работа. Археологические исследования проводятся в университетах Осло, Бергена, Трондхейма, Тромсе, археологическом музее Ставангера, во время раскопок средневековых городов, организованных Государственным управлением древностей, а также в музее Брюнгена в Бергене. Все перечисленные учреждения являются государственными, за исключением музея Брюнгена, финансируемого специальным фондом.

Экспедиции Государственного управления древностей и музей Брюнгена специализируются на изучении средневековых городов, в то время, как другие учреждения имеют определенной исследовательской специализации. Все зависит от ориентации археологов, работающих в них. Законом о культурном наследии, изданным в 1905 году, за каждым музеем закреплена своя географическая область. Поэтому ученые, в основном, занимаются археологией своего района, в то же время проводя исследования в своей специальной области (например, 2 археолога в Трондхейме сотрудничают с ИИМК РАН, ИА РАН и МГУ).

Норвежская археология ориентирована на англоязычную литературу, а также частично и на франко- и немецкоязычную. Очень немногие норвежские археологи знают русский язык.

Государство финансирует основные проекты государственных учреждений. Норвежский исследовательский совет финансирует программы и выдает стипендии как известным ученым, так и талантливым молодым исследователям. Кроме того, другие административные органы и частные компании оплачивают большую часть исследований, особенно полевые работы (в среднем примерно 25 миллионов крон в год). Согласно закону компании и частные лица, планирующие развитие какого-либо района, должны финансировать необходимые археологические изыскания.

Образование. Археология на академическом уровне преподается в университетах Осло, Бергена и Тромсе (с 1994 г. преподавание предполагается начать и в Трондхейме). Высшими учеными степенями, присваиваемыми в области археологии, являются степени кандидата филологических наук (*do candidatus philologiae*) и доктора гуманитарных наук (*doctor artium*). Иногда присваивается старая ученая степень доктора философии (*doctor philosophiae*).

* Universitetet i Trondheim, Vitenskapsmuseet, Arkeologisk Avdeling. Erl. Skakkes g 476 N-7004 Trondheim, Norway.

Прием студентов на археологические отделения ограничен. Осенью 1992 г. в университете Осло насчитывалось 124 студента-археолога, в Бергене - 72, Тромсе - 37 (на всех курсах).

На старших курсах начинается специализация студентов. Так, например, в Бергене специализируются по африканской археологии, университет в Тромсе является ведущим в области археологии Саами, в Трондхейме планируется специализация по морской археологии и скандинаво-восточным связям, включая связи с Россией.

Археологическое образование в Норвегии организуется по-разному. В Тромсе оно совершенно не связано с музеем, в Бергене - является частью музея (некоторые преподаватели работают в музее), в Осло и Трондхейме университетское образование и музейная деятельность представляют собой единое целое.

Образование в университетах бесплатное, однако студенты должны платить за учебники, проживание, питание. В последнее время стало сложнее получить льготные займы (ссуды), а также стипендии. Норвегии грозит нехватка высоко квалифицированных исследователей в очень многих областях.

Популяризация. Археология в Норвегии всегда была связана с деятельностью музеев, поэтому одной из основных задач любого археолога была популяризация знаний. Все 5 археологических музеев являются государственными, четыре из них входят в состав университетов (за исключением Археологического музея в Стокгольме).

Сохранение культурного наследия. Первый закон об охране культурного наследия был принят в Норвегии только в 1905 г., ныне действующий закон - в 1978 г. Археологические находки, датируемые периодом до реформации 1537 года, являются собственностью государства и передаются тому музею, который ответственен за район, где они были обнаружены. Запрещено вывозить из страны находки и предметы старше 100 лет, представляющие культурную ценность.

За открытие культурных ценностей выдается денежное вознаграждение, либо фотография находки и специальный диплом (обычно предпочитают второе). За золотые предметы выплачивается стоимость металла плюс 10%.

Все памятники, датированные ранее 1537 г., автоматически без исключений охраняются законом: никто, включая владельцев, не может нанести им ущерба. Как правило, землевладельцам не выплачивается компенсация.

Согласно закону те, кто планируют строительство, производство, разработку земель и т.д., должны гарантировать, что памятникам, находящимся на данной территории, не будет нанесен ущерб. Разрешение на изучение памятника дается только пятью археологическими музеями и Государственным управлением древностей, которое является высшим органом по охране исторических памятников. 40-50 археологов работает в администрации Государственного управления. Многие археологи в штатах музеев имеют дело с новостроечной археологией.

Через 1-2 года вновь произойдет реорганизация работы по охране культурного наследия, однако, пока еще не ясно, какой она будет носить характер.

Охрана культурного наследия Саами. Саами и норвежцы. Культурой саами занимаются, в основном, в университете Тромсе. Памятники и культурные ценности Саами, датированные временем более, чем 100 лет, охраняются законом. Их запрещено вывозить из страны. Отвечает за охрану ценностей музеев в Тромсе с тремя региональными бюро. Однако только археологический музей и Государственное управление древностей могут дать разрешение на изучение памятника саами.

Существует несколько традиционных форумов по археологическим проблемам, в частности по проблемам образования (университетский уровень), охраны археологических памятников, музейным вопросам. Раз в год археологи собираются на совещания, симпозиумы для обсуждения насущных вопросов. В этих встречах преимущественно участвуют исследователи с высшими учеными степенями или те, кто работают в археологических учреждениях. В целом, сотрудничество между археологическими учреждениями и отдельными учеными - археологами находится в Норвегии на достаточно высоком уровне.

NORWEGIAN ARCHAEOLOGY: ORGANIZATION AND FINANCES

The main tasks of archaeology are interwoven: research, academic education, popularization and protection of cultural heritage. Earlier these tasks were taken care of by the archaeological museums and the Riksantikvar. Today it is more complicated.

The oldest Norwegian museum dates back to 1760, the Riksantikvar-institution to 1912. There are ca. 200 archaeologists in Norway, ca.150 of them work in scientific positions, the remaining in the administration or other institutions.

Research. Archaeology is carried out at an academic level at the universities of Oslo, Bergen, Trondheim and Tromsø, at the archaeological museum of Stavanger, at the Riksantikvar's expeditions excavating the medieval towns and cities, and at the Bryggen Museum in Bergen. All these institutions are state institutions, except for Bryggens Museum which is a foundation.

The Riksantikvar's expeditions and Bryggens Museum specialize on medieval towns, but the other institutions do not have any defined research profile. It depends on the specialization of the archaeologists working there. The cultural heritage act of 1905 defined the geographical regions of each museum. Therefore, the archaeologists mainly works with the archaeology of their region at the same time as they do research in their special field (e.g. in Trondheim two archaeologists cooperate with the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences and Moscow State University). Norwegian archaeology is orientated towards Anglo-lingual archaeology. As knowledge of languages is narrowing, fewer work with archaeology in French and German. Russian is rare.

The state finances the main works of the state institutions, and the Norwegian research council funds projects and give scholarships to talented young researchers and established scholars. Besides, other administrative bodies and private companies pay for a larger part of the research, mainly field works (on an average for approximately 25 million kroner a year). According to Norwegian law companies and persons planning to develop an area have to pay for archaeological research made necessary by the projects.

Education. Archaeology is taught at an academic level at the universities of Oslo, Bergen and Tromsø (in Trondheim possibly from 1994). The higher levels of archaeology are *candidatus philologiae* and *doctor artium*. The old *doctor philosophiae* may also be defended.

The admittance to archaeology is limited. During the autumn of 1992 there are 124 students in Oslo, 72 in Bergen an 37 in Tromsø (all levels included).

The teachers teach all periods for lower grades students, but in their speciality for higher degree students. Thus, in Bergen there is competence in African archaeology, the main competence in Saami archaeology is in Tromsø, in Trondheim marine archaeology and archaeology of eastern relations including Russian, are being planned.

The education is organized differently. In Tromsø the education is fully separated from the museum, in Bergen it is part of the museum (some teachers have museum responsibilities), in Oslo one of the departments alongside the museum, of a large institute of archaeology, numismatics and art history. In Trondheim education is plans as an integrated part of the museum.

University education is free of charge, but the students have to pay for books, housing, food. It has become harder to get cheap loans and scholarships, and Norway is threatened by a lack of scholarly qualified researchers (in very many fields).

Popularization. Norwegian archaeology has always been connected with museums, and popularization is therefore an integrated part of the archaeologists. All five archaeological museum are state museum; four are university museum (not the Archaeological museum in Stavanger).

Protection of cultural heritage. Only in 1905 did Norway get the first cultural heritage act. The present law was passed in 1978. Finds older than the reformation in 1537 are the property of the state and are to be handed over to the museum in charge of the region where it was found. Finds and cultural objects older than 100 years cannot be exported.

The finder may get a money reward, or photo of the find and a diploma (the latter is usually preferred). For finds of gold the metal value plus 10% is paid.

All monuments older than 1537 are automatically and without exception protected by the law and no one, owner or other, may destroy or damage them. No compensation is usually paid the landowner.

According to the law those who plan development, building etc. have to make sure that monuments are not damaged etc. From the reorganization in 1990 plans are checked by the fylke-authorities (not state institutions). Permission to remove a monument can be granted only by the five archaeological museum and the Riksantikvar. The highest body is the Riksantikvar, the Directorate for the protection of historical monuments. 40-50 archaeologists work in the administration of Norway's 19 fylke. Many archaeologists are the archaeological museums work with rescue archaeology.

In a couple of year the work with the cultural heritage will be reorganized again, but it is not yet settled now.

Protection of Saami cultural heritage. There are two ancient ethnic group in Norway; the Saami and Norwegians. The main competence in Saami culture is found in Tromsø. Because of their character, Saami monuments and cultural objects older than 100 years are protected by the law. No matter of what age, they may not be exported. Tromsø Museum with there regional offices is responsible for the protection. However, only the archaeological museum and the Riksantikvar may allow Saami monuments to be removed. It not always easy to determine the ethnicity of monuments.

There are several fora for archaeological cooperation: for educational matters (university level), for the protection of finds and monuments, and for museum matters. The archaeologists themselves meet once a year for discussing common questions and symposia. Persons with a higher degree in archaeology or who work in an archaeological institution are eligible as members. On a whole, cooperation between archaeological institutions are archaeologists is good in Norway.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК – ЗАПАД THE EAST – WEST COOPERATION

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В.М.МАССОН*

ИИМК РАН, традиционно сохраняя научные связи с государствами Центральной Азии, особое внимание уделяет совместным разработкам узловых вопросов древней и средневековой истории этого региона, а также проблемам культурного наследия, приобретающими в наше время особенно актуальное значение. Осенью 1993 г. были проведены три конференции по древним городам региона, организованные в сотрудничестве с Академией наук Туркменистана и Узбекистана при финансовой поддержке областного руководства.

Совещание в г.Мары было посвящено теме "Мерв и сельджукская эпоха" и проходила с 28 по 30 сентября. Оно явилось очередным мероприятием научной программы изучения этого выдающегося центра восточных цивилизаций (Массон 1993). Совещание открыл приветственным словом хяким Марыйского велаята Г.М.Оразов, неизменно оказывающий широкую поддержку археологическим работам в области. На первом заседании было заслушано два доклада В.М.Массона (Санкт-Петербург) "Мерв и сельджукская эпоха" и Дж.Херманна (Лондон) "Международный проект по исследованию Мерва. Предварительное сообщение о сезоне 1991 г.". В первом докладе было отмечено, что по археологическим данным именно XI-XII века были периодом максимального подъема Мерва, как городского организма. Мерв стал центром восточно-хорасанской школы сельджукской архитектуры, массовая штампованная керамика отражает высокий уровень городского повседневного быта. Дж.Херманн продемонстрировала результаты первого сезона комплексных работ на городище Гяур-Кала, когда была начата геофизическая разведка, снят с помощью лазерных теодолитов новый инструментальный план, начат сбор подъемного материала по квадратам. В Эрк-кале предприняты раскопки квартала, относящегося к VI веку нашей эры. О керамическом производстве домонгольского Мерва сделала доклад Н.Бешимова (Ашхабад), о находках в сасанидских слоях Мерва растительных остатков, в том числе хлопка, сообщил М.Несбит (Лондон). Целая серия сообщений была посвящена сельджукской эпохе в целом, особенно культурному развитию. Ю.А.Заднепровский (Санкт-Петербург) остановился на историографии сельджукской проблемы в российской науке, А.А.Иванов (Санкт-Петербург) прочитал доклад на тему "Искусство Хорасана и Мавернахра в XI веке". П.Кююлу (Измир, Турция) представила сообщение о каравансараях сельджукской эпохи в Малой Азии. Политической истории этой эпохи были посвящены сообщения Р.Фрая (Гарвард) и Л.Тредуэла (Оксфорд). Большой интерес вызвало сообщение С.Карбони (Нью-Йорк) об иллюстрированном поэтическом сборнике, рукопись которого была разобрана по различным хранилищам и докладчику впервые удалось представить ее в целостном виде. Ряд сообщений

* Россия. Санкт-Петербург, 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

был посвящен развитию культурных традиций в современном Туркменистане от архитектуры до фармацевтики (О.А.Хаджиева, А.Теджев, Умур Эсенев).

Второе совещание было посвящено древнему Амулю-городу и области в среднем течении Амударьи и проходило в г.Чарджев Туркменистана с 1 по 2 сентября 1993 г. Со вступительным словом от имени местного руководства выступила заместитель хакима Лебапского вelayата (современное название области) Т.А.Юсупова. С первым докладом "Древний Амуль - столица среднеамударьинского региона" выступил В.М.Массон (Санкт-Петербург). Он показал, как изменялись на протяжении исторического развития три основные функции региона - центра сельскохозяйственного района, важного пункта на международных торговых магистралях, включая Великий Шелковый путь, и центра зоны контактов, способствовавшей ретрансляции культурных достижений различных цивилизаций. Роли региона, как стержня историко-культурных областей, посвятил доклад Б.Я.Ставиский (Москва). А.А.Бурханов (Ашхабад) остановился на изучении городища древнего Амуля, расположенного на территории современного города Чарджев. Ю.А.Заднепровский посвятил свое выступление изучению поселений средней Амударьи. В совместном докладе Дж.Симпсона, Р.Хобса (Оксфорд) и С.Д.Логинова (Ашхабад), в связи с находкой на Средней Амударье византийской монеты, рассматривалась в целом область распространения византийских монет на Востоке в доарабскую эпоху. На вопросах реставрации памятников живописи остановилась Т.А.Ковалева (Москва). А.С.Сопьев (Чарджев) рассказал об истории археологического изучения области Амуля, С.Алдаев (Ашхабад) о туркменах средней Амударьи в эпоху Надиршаха. О.А.Хаджиева (Ашхабад) остановилась на вопросах реконструкции г.Чарджева, намечавшейся в 1930 г. Участники конференции ознакомились с рядом памятников, располагающихся на средней Амударье, в том числе Хазарек-депе, представляющем собой овальное в плане монументальное сооружение IV-VII вв. н.э., расположенное на мощной платформе рядом с укрепленным поселением. В ходе обмена мнениями о назначении этого памятника было высказано два основных заключения - о его культовом характере и о значении как фортификационного центра, игравшего роль цитадели..

Совещание "Бухара и мировая культура" было проведено в г.Бухаре, Узбекистан с 4 по 6 октября 1993 г. Для участия в конференции приехало свыше 70 ученых из России, США, Англии, Таджикистана, Туркменистана, Турции и Египта. Участники от стран СНГ особо отмечали, что за последние три года они по существу впервые могли встретиться на столь представительном межгосударственном форуме. Конференцию открыл приветственным словом хаким Бухарской области Д.Ядгаров. На первом пленарном заседании были заслушаны три доклада, касающиеся археологического изучения Бухары и ее региона, представленные учеными Узбекистана - А.А.Аскарковым, Т.Ш.Шириновым и А.Мухамеджановым. Они специально останавливались на проблемах возраста древнейших поселений в г.Бухаре и в области. Шурфовки и раскопы в разных частях города показали, что его основание, также как и развитие в области земледельческих оазисов, можно относить к середине I тыс. до н.э., что позволяет говорить о возрасте Бухары ориентировочно в 2500 лет. В.М.Массон (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад теме "Древняя Бухара и стандарты городских столичных центров Востока". Он подчеркнул особое значение для развития культуры и интеллектуального потенциала двух факторов - наличия соответствующих властей и различного рода меценатов. В Бухаре это ярко проявилось в X веке, когда она была столицей государства Саманидов и в XVI-начале XX веков, когда она являлась столицей нескольких узбекских династий - Шейбанидов, Аштарханидов и Мангытов. Р.Н.Фрай (Гарвард) остановился на исторической значимости сообщений о древнейшей Бухаре, отраженных в труде Нарпшахи. По его мнению большинство из них вполне надежны и историчны. На первом пленарном заседании был заслушан доклад Т.Б.Гафурбекова "Искусствоведение Узбекистана: прошлое и настоящее".

Значительное число представленных сообщений привело к необходимости организации двух секций - по археологии и по искусству и общим вопросам культуры. На археологической секции ряд сообщений был посвящен новым археологическим исследованиям в Бухарском регионе. Таково сообщение Ш.Т.Адылова (Самарканд) об истоках урбанизации, Д.К.Мирзаахмедова (Самарканд) и Г.Л.Семенова (Санкт-Петербург) о

новых исследованиях на городище Пайкендю. Ю.А.Заднепровский (Санкт-Петербург) остановился на роли древних кочевников в истории бухарского и самаркандского Согда. Общеисторической проблематике были посвящены доклады Н.Н.Негматова (Душанбе) "Саманидский ренессанс" и Г.А.Федорова-Давыдова (Москва) "Бухара при Джагатаидах и Тимуридах". Специальные сообщения касались вопросов нумизматики (Б.Д.Кочнев, Самарканд) и глиптики (Г.Курбанов из Бухары и С.Я.Берзина из Москвы). Л.Тредуэл (Оксфорд) сделал сообщение по истории династической борьбы при Саманидах. Целый ряд сообщений по истории искусства и культуры был заслушан на совместном заседании секций. Так бухарской миниатюре средневековой эпохи были посвящены сообщения М.Ашрафи (Душанбе) и Э.Симс (Лондон), архитектуре - Г.А.Пугаченковой и Г.Асановой (Ташкент). С.Карбони (Нью-Йорк) рассказал о согдийском стеклянном ритоне, находящемся в частной коллекции. Бо Лаугрен (США) свое сообщение посвятил изображениям арфы в исламской миниатюре. Специальное внимание уделялось культурным связям согдийской цивилизации преарабской эпохи. Именно с этих позиций рассматривали варашихский дворец в целом - Б.Я.Ставиский (Москва) и его геральдические композиции - Г.И.Бабаджанова (Ташкент). Дж.Лернер в сообщении, подготовленном совместно с А.Джулиано (оба Нью-Йорк) проанализировала иконографические материалы из Китая, свидетельствующие о распространении там согдийцев и, возможно, других народов среднеазиатского междуречья.

Все три конференции вызвали большой интерес местной интеллигенции от учителей школ до преподавателей высших учебных заведений, широко освещались в средствах массовой информации - радио, телевидении и местной печати. В этом отношении, помимо научных разработок, они сыграли важную роль в популяризации культурного наследия, утверждения в современном обществе прогрессивных культурных традиций прошлого. Ко всем трем конференциям были изданы сборники тезисов, представленных докладов и сообщений.

МАССОН, В.М. 1993. Международная программа "Древний Мерв". Археологические вести 2: 228-229. Санкт-Петербург.

ДРЕВНИЕ ТОРГОВЫЕ ГОРОДА ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ И ШВЕДСКАЯ ПРОГРАММА ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Г.Н. Курочкин

Когда Васко да Гама в 1498 г. первым из европейцев обогнул Мыс Доброй Надежды, он был поражен, обнаружив процветающие торговые города вдоль побережья Восточной Африки. Города эти, часть которых (такие как Могадишо, Занзибар или Момбаса) существуют до наших дней, были основаны арабами еще в 1 тыс.н.э. Плавание из Аравии в Восточную Африку было связано с попутными ветрами, поэтому в ожидании обратных ветров арабские мореходы были вынуждены по несколько месяцев жить на восточноафриканском побережье, где частично смешивались с местным, в основном бантуязычным населением. Так на востоке Африки сложился язык суахили, название которого происходит от арабского "сахл" (мн.ч. "савахил"), т.е. "побережье". Примерно на 80% язык суахили состоит из элементов языка банту и на 20% - из арабских слов.

О торговле с Восточной Африкой сообщает анонимный "Перипл Эритрейского моря", написанный неким александрийским греком во II в. н. э., позднее Псевдо-Каллисфен (ок. 300 г.) и Косма Индикоплов в VI в. В ранних источниках побережье Восточной Африки называлось Азанией. До современным археологическим данным к этому раннему периоду (до 750 г.) относятся два города: Рас Хафун в Сомали и Чибуне в Мозамбике. В Рас

Хафуне (вероятно, Опон письменных источников) была обнаружена даже керамика 1 в. до н.э. из района Красного моря и Персидского залива.

Большую роль в торговле и культурной жизни Восточноафриканского побережья сыграли выходцы из Индонезии. По мнению лингвистов, первое проникновение индонезийцев в этот регион происходит в III–IV вв. н.э., что пока не нашло подтверждения в археологическом материале. Как известно, население Мадагаскара говорит на языке индонезийской группы, в местной культуре имеется много заимствований, пришедших из островной Южной Азии: аутриггер-каное, ксилофон, цитра, скребки из скорлупы кокоса, типы рыбных ловушек и т.п. Позднее арабские и персидские авторы сообщают о довольно широком проникновении индонезийцев (которых арабы называли Вак-Вак) в восточные районы Африки. Так, Бузург ибн-Шахрияр (X в.) говорит о том, что индонезийцы – Вак-Вак атаковали и ограбили несколько городов вдоль Мозамбикского побережья, а ал-Идриси в 1154 г. записал, что зенджи (т.е. африканцы) из г.Софала в Мозамбике торгуют с индонезийцами.

По письменным источникам из Африки вывозили золото, слоновую кость и меха экзотических животных, эбеновое дерево, панцыри больших черепах, рабов и многое другое; ввозили же туда хлопчатобумажные ткани, одежду, зерно, в том числе, рис, бусы. Кроме того, восточноафриканские порты служили для транзитной торговли вином, пряностями, бронзовыми изделиями, стеклом, льном, оливковым маслом.

Наиболее древние торговые города-порты Восточной Африки расположены на островах вдоль побережья. Одним из таких островных городов был современный город Момбаса в Кении, где до сих пор сохранились причалы португальского колониального периода. Музейная коллекция Форта Джесус в Момбасе, которую нам удалось осмотреть в январе 1993 г., включает китайский фарфор, персидские и португальские глазурованные изделия, тайландские каменные сосуды, привозную керамику из глубинной, материковой Африки. Интересные находки, дающие представление о характере морской торговли, дали исследования в 70-е гг. международной экспедицией португальского судна "Санто Антонио де Танна", затонувшего в 1697 г. на рейде Момбасы, материалы которых также представлены в экспозиции Форта-Джесус. На борту фрегата найдены керамические фляги из Индии (что неудивительно, ибо портом приписки судна была португальская колония в Роз), затем принадлежавшая матросам африканская бытовая посуда, более 200 стволов эбенового дерева (каждый ствол с клеймом), стеклянная тара и т.п.

Научное изучение древних городов Восточного побережья началось в 50–60-е гг. XX в. и связано с именами Джеймса Киркмана, Джервесо Мэтью, Невилла Читтика и Питера Гэрлекома. В этот период, к примеру, была исследована частично, законсервирована и объявлена Национальным парком территория г.Геди в Кении. Геди представляет собой образец типичного арабо-африканского средневекового города. Центр его, окруженный стеной высотой 3 м, занимает площадь в 45 акров. В северо-западной части раскопана мечеть, построенная в XV в., с большим прямоугольным залом, который имеет 3 ряда колонн, по 3 прохода в каждой из длинных стен, традиционные михраб и минбар. Неподалеку – гробница с эпитафией, датированной 1399 г. и характерным только для восточноафриканской исламизированной культуры фалле-образным обелиском. Хорошо сохранились также дворец с большими залами и жилыми помещениями, а также несколько частных домов, в наиболее богатых из которых найдены блюда и чаши китайского фарфора.

До 70-х гг., история Африки писалась европейцами, в основном англичанами, французами и немцами, а наибольший интерес вызывали миграции железного века да руины колониального периода (Virgin 1993:5). Этому традиционному подходу был положен конец в 80-е гг., когда, в частности, начала реализовываться наиболее впечатляющая региональная программа, инициированная шведскими учеными во главе с известным археологом-африканистом Полом Синклером, при финансовой поддержке Шведского агентства исследовательской кооперации с развивающимися странами (SAREC).

Поддержка SAREC'ом археологических исследований в Африке началась еще в 1978 г., с установления контактов между университетами в Стокгольме и Мапуту (Мозамбик). В 1986 г. Центральный департамент древностей в Стокгольме организовал конференцию с

участием делегатов из 7 стран Восточной Африки (Кения, Мозамбик, Сомали, Танзания, Зимбабве, Мадагаскар, Коморские о-ва), позднее к ним присоединились коллеги из Ботсваны и Намибии. На этой встрече были обозначены контуры большой региональной программы "Возникновение городов в Восточной Африке". Были намечены четыре приоритетных направления археологического изучения Восточной Африки:

- 1) вопросы хронологии;
- 2) изучение географической среды и межрегиональные контакты;
- 3) инфраструктура городов;
- 4) этноархеологические и исторические реконструкции.

Для решения вопросов хронологии наиболее результативными оказались раскопки в г. Чибунене (Мозамбик), на о-ве Килва в Танзании, где исследовалась "жемчужина юга" – г. Кулуа-Килва, столь ярко описанный в 1331 г. ибн-Батутой и в начале XVI в. португальцем Дуарте Барбозой; в Унгуя Укуу в Занзибаре, что позволило существенно удревнить начальную фазу урбанизации в Восточной Африке.

В рамках второй темы были обследованы побережье Кении и ее внутренние районы, Коморские о-ва, остававшиеся до этого белым пятном для археологов, Мадагаскар, Ботсвана, Сев. Зимбабве, Мозамбик. За основу картографии археологических памятников был взят единый документ – мировая карта почв, составленная ЮНЕСКО, а также использован банк данных по Африке Упсальского университета (Швеция). Крупным открытием явилось выявление Генри Мурто (университет в Найроби) аборигенных укрепленных городков макая в глубинной части Кенийского побережья. После этого открытия выяснилось, что прибрежные города суахили были всего лишь посредниками в торговле между глубинными районами материковой Африки и внешним миром. Аналогичные поселения выявлены и в Танзании (Чами). Дж. Абунгу, руководитель Кенийской службы изучения прибрежной зоны исследовал большое количество местонахождений, из которых и первую очередь заслуживает внимания обследование поселений в бассейне р. Тана и особенно г. Унгвана. Первые раскопки в Унгване были предприняты в 50-е гг. Дж. Киркманом, который датировал древнейшее поселение здесь серединой XIII в. Дж. Абунгу удалось доказать, что Унгвана была основана в X в. и разработать вещевую хронологическую шкалу, которая является базовой для всего побережья. По археологическим данным Унгвана была большим укрепленным поселением площадью 45 га, с монументальным зданием в центре – предполагаемым дворцом местного правителя.

Для исследования инфраструктуры городов, помимо традиционной шурфовки и раскопок широкой площадью, были использованы новые технологии, например, разведочное бурение слоя полыми сверлами диаметром 5 см со сведением полученных данных на компьютер; лазерная теодолитная съемка, фосфатный анализ, магнитометрия и т. п.

Основные из этноархеологических и этноисторических работ в рамках проекта были сосредоточены на побережье Танзании и Мозамбика, а также на Коморах. Рикардо Дуарте в Мозамбике, к примеру, выявил сеть торговых городов и ареалы керамических комплексов, характеризующие расселение определенных этнических групп. Леонард Адамович, польский археолог, уже лет 15 работающий в Мозамбике, обследовал многочисленные пещеры на севере Мозамбика и обнаружил там остатки росписей, относящихся к каменному веку. Кроме того, он исследовал земледельческие поселения и провинциях Нампула и Ньясса, выявив культурные контакты населения этих провинций в древности.

Когда инициированная шведскими специалистами во главе с Полом Синклером программа изучения восточноафриканских городов только стартовала, на 7 государств побережья, принявших участие в реализации проекта, приходилось только 5 дипломированных археологов, причем Мадагаскар, Мозамбик, Занзибар и Зимбабве не имели археологов в ранге доктора наук (PhD), а на Коморах археологов не было вообще. Подготовка местных археологов стала важной составной частью программы. К лету 1994 г. уже 17 африканских ученых получили докторские, а 9 – магистерские дипломы; более половины этого количества приходится на Упсальский университет. 10 технических специалистов из Танзании, Сомали и Зимбабве посетили курсы в Найроби и Момбасе. В полевых работах в Африке приняло участие около 25 шведских специалистов. Поддержка SAREC'a помогла открыть в 1990 г. центр Восточно-африканской археологии в

г.Момбаса, который оснащен современной оргтехникой, а также включает лабораторию консервации, библиотеку, фото- и картографический архивы.

На 2-м конгрессе Всемирного археологического конгресса (ВАК) 1992г в Венесуэле африканскими учеными было сделано 16 докладов, 25–29 января 1993 г. в г.Момбаса прошел представительный Интер-конгресс ВАК, специально посвященный проблемам урбанизма в Восточной Африке. Около половины докладов было представлено африканскими специалистами, причем практически все выступления были подготовлены на высоком профессиональном уровне.

Одним из конкретных результатов программы явилось издание большого тома "Археология Африки" (ред.П.Синклер), в котором многие разделы написаны африканскими исследователями. Эту прекрасно изданную книгу, содержащую множество ценной информации, нелишне просмотреть и неспециалистам. Мне, например, было интересно узнать о том, что в районе Голубого Нила зафиксирован очень древний диалект прото-Кир, возводимый еще к 5 тыс.до н.э., рано выделившийся из индоевропейского языкового единства (Sinclair 1993:106-108).

Авторы шведской программы ставят перед собой достаточно честолюбивые цели. Восточная Африка послужила своеобразным полигоном для отработки определенной модели комплексных археологических исследований с использованием современных технологий и финансированием конкретных перспективных научных программ. В дальнейшем планируется распространить опыт работ по проекту на другие развивающиеся страны, с предложением широкого выбора будущих исследовательских тем: создание атласа древних городов, индустрия пищи, адаптация к среде, образование городов и государств, наскальное искусство, вопросы хронологии.

SINCLAIR, P. and others (ed.) 1993. Archaeology of Africa: Food, Metals and Towns. Southhampton.

VIRGIN, K. 1993. Urban Origin in Eastern Africa. Stokholm.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ (400 – 1200 гг. н.э.)

А. АЛЬСЛЕБЕН, Л.-К. КЁНИГССОН, Х. КРОЛЛЬ, М. МЮЛЛЕР-ВИЛЛЕ,
Е.Н. НОСОВ, Т. ХАММЕР, И. ЯНССОН*

В июне-июле 1993 г. в центральной части Ильменского бассейна группа шведских и немецких ботаников в составе Новгородской областной экспедиции Института истории материальной культуры РАН проводила сбор образцов для споропыльцевого и макроанализа растительных остатков из средневековых поселений Новгородской округи и из культурного слоя самого города. Исследования были организованы при сотрудничестве Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН и Новгородского центра по организации археологических исследований. Финансовую поддержку проекту оказали ИИМК

* Altmuth Asleben, Helmut Kroll, Michael Müller-Wille : Institut für Ur- und Frühgeschichte-Christian-Albrechts-Universität Kiel, D-24098 Kiel, Germany
Lars-Königsson, Thomas Hammar: University of Uppsala, Institute of Earth Sciences, Quaternary Geology, Environmental Geology, Hydrogeology, Palaeoecological Laboratory. P.O. Box 555 S-752 22 Uppsala, Sweden.

Ingmar Jansson: Stockholm University, Department of Archaeology, S-106 91 Stockholm, Sweden.

Е.Н. Носов, Россия, Санкт-Петербург 191186, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

РАН, Шведский и Германский исследовательские центры, Королевская Академия Наук Швеции и Академия Наук и Литературы в Майнце (Германия).

Центральная часть бассейна озера Ильменя и течение р. Волхова во второй половине 1 тыс. н.э. являлись областью, где бурно проходили процессы исторического развития – шло интенсивное расселение различных групп населения, осваивались новые ландшафты, активно начался процесс урбанизации и становления государственности. Это было связано с продвижением в рассматриваемые районы, ранее занятые, в основном, финно-угорским населением, славянских племен из более южных и западных (?) территорий Европы, а также появлением скандинавов, прежде всего, из Центральной Швеции.

С археологической точки зрения, в наше время, этот район характеризуется отсутствием известных исследователям поселений и могильников, начиная от первых веков н.э. и вплоть до последней четверти 1 тыс. н.э. Только в VIII–X вв. на Волхове в его низовьях и в истоке, где сходились обширные водные системы Ильменя, появились первые городские центры (Ладога, основанная в 750-е годы, Рюриково городище – середина IX в., Новгород – вторая четверть X в.), а в Центральном Приильменье и на Волхове возникло значительное число сельских поселений, обычно относимых к культуре сопкок. Это было земледельческое население, основу хозяйства которого составлял пойменный и лесной перелог, а орудиями труда служили однозубые рала с железными наконечниками. Десятки подобных селищ с примыкающими к ним огромными погребальными курганами-сопками известны по Волхову, Мсте, Ловати, Шелони и другим рекам и озерам, прежде всего, Ильменского бассейна.

Отличная ситуация сложилась во второй половине 1 тыс. н.э. на отрогах Валдайской возвышенности и в Верхнем Полужье. Здесь получила распространение иная археологическая культура, так называемых длинных курганов. Хозяйство этого населения предварительно можно охарактеризовать, как комплексное, где земледелие (предположительно, подсечное) и скотоводство дополнялись отраслями присваивающего хозяйства, рыболовством и охотой.

Около рубежа X–XI вв. на базе культур предшествующего времени начала складываться единая материальная культура древнерусского времени, что хронологически совпадает со становлением христианского древнерусского государства.

До последнего времени экономическое развитие Новгородской земли в начальный период ее истории изучалось почти исключительно с археологической и исторической точек зрения и на базе соответствующих источников. К сожалению, привлекаемый материал давал недостаточно информации об основе питания населения и природном ландшафте района. Планируемая программа направлена, таким образом, на сбор палеоботанических материалов способных пролить свет или, если возможно, решить ряд вопросов очерченных археологическими исследованиями. Затем полученные по Приильменью результаты могут быть сопоставлены с материалами по другим районам вокруг Балтики, а именно, с Центральной Швецией и славянскими областями южного побережья Балтийского моря.

Эти проблемы, очерченные археологически, следующие: 1). Что представлял собой природный и культурный ландшафт в различные периоды между 400–1200 гг. н.э. и какие климатические изменения можно проследить в это время? 2). Действительно ли длительный период между поселениями первых веков н.э. и поселениями "культуры сопкок", характеризующийся отсутствием археологических находок, связан вообще с отсутствием поселений в Центральном Приильменье? Это же касается и проблемы изучения поселений железного века, предшествовавших формированию культуры длинных курганов. 3). Какие изменения в экономике и землепользовании можно проследить? 4). Прослеживаются ли территориальные или хронологические различия в технике обработки земли? 5). Возможно ли разграничить землепользование, направленное на обеспечение продуктами питания, и землепользование, служащее для иных целей? 6). Какие сельскохозяйственные культуры выращивались и были ли отличия в экономике и питании между сельскими поселениями и городскими центрами?

Палинологические исследования. Образцы отбирались с помощью так называемого "голландского бура", который наилучшим образом приспособлен для использования на тяжелых, глинистых почвах, сезонно затапливаемых береговых террасах рек и озер.

Дополнительно были взяты материалы из археологических разрезов. Всего летом 1993 г. было получено 1600 образцов со следующих памятников: Новгород (Троицкий раскоп); Рюриково городище; Холопий городок; городище Георгий; болото у д.Радбелик; могильник Рышево; могильник и поселение Каменка; сопки Нижний Перелесок; поселение и сопки Воронья Гора; урочище Плакун в Старой Ладого.

Основная задача изучения отобранных материалов первого полевого сезона работ – создание стандартной пыльцевой диаграммы для района Приильменя. Кроме того, палинологические анализы образцов из культурных слоев памятников и из заполнения следов, оставленных древними пахотными орудиями под валом городища Георгий, будут использованы для оценки окружающей среды в древности. Результаты изучения "монолитных образцов" ("brick series") из Новгорода и с Рюрикова городища предполагается сопоставить с результатами полученными во время макроанализа растительных остатков из этих же пунктов. Образцы будут исследованы также на предмет наличия среди органики остатков насекомых, в частности, жесткокрылых, и использованы для хронологических выводов.

Макроанализ растительных остатков. Палеоботанические исследования, начатые нами и центре Новгородской земли, входят частью в более обширную программу изучения средневековых городов и их округ в регионе Балтики. Они будут сконцентрированы на исследовании сельских районов славянского мира в эпоху раннего средневековья (Северная Германия, Польша, Россия). Это не случайно. Городская археология в последние десятилетия дала богатый материал для анализа культивируемых растений, в то время как сельские районы почти не изучались (van Zeist et al. 1991). В какой-то части заполнить эту лауну и призвана данная программа.

Задача в рамках данного состоит в том, чтобы собрать сравнительный материал, который мог бы дать информацию о различиях в экономике и питании населения в одном из восточнославянских районов, как в ранних городах (Новгород, Старая Ладога), так и на сельских поселениях, а затем сравнить ее с западными территориями Европы (к примеру, датскими, франкскими славянскими в Шлезвиг-Гольштейне). Различия, которые, возможно, выявятся, могут быть связаны с разными ландшафтами, климатом или почвами, но они могут восходить и к отличиям этнических и социальных структур.

Основной задачей будет изучение материалов из Новгорода и его округи. На Троицком раскопе из западной стенки было взято 25 образцов из слоев XI–XV вв., а также 10 образцов из слоя XI в., на уровне которого в июле 1993 г. производились работы. Остальные образцы были получены со следующих памятников Приильменя: Рюриково городище (8 образцов), городище Георгий (12) и селище Васильевское (1) на р.Веряже, Холопий городок (1) на р.Волхове, могильник Рышево (1) на р.Мсте.

Палеоботанические исследования, начатые в Центральном Приильменье совместными усилиями шведских, немецких и российских ученых, несомненно дадут важные материалы, как для анализа экономики и природной среды в центре Новгородской земли, так и позволят провести широкое сравнение этой восточнославянской области с регионами Южной Балтики и Скандинавии.

van ZEIST et al., 1991. W. van Zeist, K. Wasylikova and K.-E. Behre, (eds.), Progress in Old World Palaeoethnobotany. A retrospective view on the occasion of 20 years of International Work Group for Palaeoethnobotany (Rotterdam – Brookfield, Vermont 1991).

INTERNATIONAL PALAEOBOTANICAL STUDIES ON THE NOVGOROD LAND c.400-1200 A.D.

In June and July 1993, botanists from Sweden and Germany for the first time took a variety of samples from early medieval settlements around Novgorod and in the town itself for pollenanalysis and the macroanalysis of plant remains. This work was made possible through an invitation by the Novgorod Region Archaeological Expedition of the Institute of the History of Material Culture (St.Petersburg) in cooperation with the Novgorod Archaeological Centre. We also wish to thank the Swedish and German Research Councils as well as the Royal Academy of Sciences in Sweden, the Academy of Science and Literature at Mainz and the Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Sciences for their financial support.

The areas around Lake Il'men' and the river Volchov show a remarkable development in the second half of the first millennium AD, leading to intensified settlement, urbanization and the formation of an early state. The development is connected with the immigration of Slavs (from the south and west?) and the appearance of Scandinavians (mainly from Central Sweden) in the area which was earlier dominated by Finno-Ugric tribes. In our modern agricultural areas, the Iron Age (ending c. 400 AD) was followed by several hundred years without archaeologically known settlements. Typical settlements and graves of farmers preceding the 8th century have not been traced. This period is followed by the Sopka culture, and the first trading settlements and towns appear at the same time: Staraja Ladoga (750's) in an area with little agriculture at the lower Volchov, and Gorodishche ("Ryurik Gorodishche", middle of 9th century) and Novgorod (second quarter of 10th century) situated at the junction of the water routes and centrally in the agricultural areas around where Lake Il'men' drains into the Volchov. There is no clear continuity between the Iron Age and the medieval activities in the forest areas either. However, remains of a sparse settlements of the Long-Barrow culture can be traced from the 6th century onwards. The economy of this culture is believed to have been complex, based on some sort of extensive farming, cattle-breeding, fishing and hunting. The Sopki and the Long-Barrow cultures were followed by a single culture which began to form around 1000 AD, the Ancient Russian culture which was connected with the Christian Russian state.

So far, the economic development of the Novgorod Land has been almost exclusively studied from archaeological and historical points of view. The material involved, however, yields little information about the basic subsistence of the population. A programme has therefore been launched to collect palaeobotanical material to elucidate and, if possible, solve a number of problems defined in the archaeological investigations. The results will then be compared with the development in other areas around the Baltic Sea, i.e. in Central Sweden and the Slavonic areas south of the Baltic. The problems defined are:

1. What did the natural and cultural landscapes look like during the different periods between c. 400 and 1200 AD, and what climatic changes within this period might be identified?
2. Was the long and archaeologically findless period between the Iron Age and the Sopka culture in the present agricultural areas due to a lack of settlements? The same problem is presented by the gap between the Iron Age and the Long-Barrow culture.
3. What kind of changes in the economy and the use of land can be traced?
4. Can chronological or spatial differences in the techniques of land-use be traced?
5. Is it possible to distinguish between land-use serving nutrition and land-use serving other purposes?
6. What sorts of crop were cultivated and were there differences in economy and nutrition between rural settlements and urban centres?

Palynological investigations. Coring was performed with a Dutch polder corer, which turned out to be the only equipment possible to operate in the very hard, clay-rich deposits of the seasonally flooded river banks. Sampling was performed through a continuous collection of all material throughout each core (with 1 or 0,5 cm samples). Additionally, material from dug archaeological sections were collected for special purposes. During the field campaign all in all more than 1400 samples were collected for palynological investigations.

One fen site was selected in which peat and gyttja formations are present. These deposits will allow the establishment of a palynological standard profile for the Il'men' area. There have also been collected 25 "brick" samples from one of the actual excavations within the city of Novgorod and from the excavations at Gorodishche. The following sites have been studied in the field: Novgorod (Troitskij site); Ryurik Gorodishche; Cholopij Gorodok; fortified settlement Georgij; from a fen near Radbelik; Ryshevo (cemetery); Kamenka (from a fen near a settlement and a cemetery); Niznij Perelesok (a fen near a settlement and a cemetery); Voron'ja Gora (a fen near a settlement and a cemetery); Plakun, Staraja Ladoga.

The establishment of a standard pollen diagram for the Il'men' area will be of priority. Then the study of the other cores will follow. Palynological analysis of samples from cultural layers and plough marks will be made for the assessment of prehistoric environmental situations. The "brick series" from Novgorod and Gorodishche macro remains which will be made in Kiel. These series will be analyses for insect remains, coleoptera in particular, and pollen samples will be collected simultaneously from them for chronological and palaeoenvironmental studies.

Macroanalysis of plant remains. Carbonized and uncarbonized plant remains retrieved from archaeologically excavated settlement layers and features can give information on the economy of these settlements. Such information mainly concerns farming and gathering but also gardening, the growing of fruit and nuts and, if mainly in small but regular numbers, on the import of food as luxury goods.

Our planned studies will focus on rural settlements near early medieval centres on Slavonic territory. We know much about the archaeobotany of European urban centres in the developed High Medieval Period but there is little we know about the economy of their rural surroundings. We also know little about the predecessors of the medieval home economics, which vary considerably from region to region and which may mirror ethnic identity and different landscapes. An overview of the modern state of research concerning archaeobotany in the Old World was published (van Zeist et al. 1991).

Our aim is to provide comparable material which can give us information on differences in the economy and nutrition in the Slavonic region, both in the early towns and trading centres (Novgorod, Staraja Ladoga) and in rural settlements to be compared with western regions (for example Danish, Frankish and Slavonic Schleswig-Holstein). The differences we look out for may be due to varying landscapes, climate or soils but they may also originate in ethnic and social structures.

Our main task will be to examine material from the Russian urban trading centre Novgorod. The material is accessible in the present archaeological excavation at Troickij site and is of a 10th-century and later date. We took 25 samples from the western section, which shows 10th-15th-century layers ca. 3 m deep. Additionally we took ten samples from 11th-century layers excavated at that time. Naturally, the material from the upper layers and old sections is not in quite the same good condition as that from freshly dug or deep layers.

Further samples were taken in the regions surrounding Novgorod. Eight of them are from the settlement Ryurik Gorodishche on the eastern bank of Volchov river, a site which is considered to be the predecessor of Novgorod.

Two of the settlements, Georgij and Vasil'evskoe are situated in the old, fertile hinterland of Novgorod Poozer'e, "at the Lake District" between the western shore of lake Il'men' and the fjord-like river Verjazha. Georgij is a 9th-10th-century fortified settlement on the border of the ploughland at the Verjazha. There only carbonized plant remains are preserved. From cultural layers protected by a later bank and from some pits, twelve samples each consisting of more than 50 l of soil were taken. From the neighbouring unfortified settlement Vasil'evskoe, one sample of more than 100 l of soil was retrieved.

A further sample of more than 100 l of soil was taken from the 9th-10th-century cultural layers of the river route control station Cholopij Gorodok near the Volchov north of Novgorod.

From settlement layers of the Long-Barrow culture (the second half of the first millennium A.D.) found under a grave-mound at Ryshevo near the river Msta, a random sample was taken, which consisted of about 10 l of soil.

With this material from Novgorod and the surrounding countryside we hope to produce a first and possibly sufficient overview on the early agriculture of the ninth/tenthth century and later.

РОССИЙСКО-АНГЛИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ НОВГОРОДА

М.А. БРИСБЕЙН, Е.Н. НОСОВ, А.С. ХОРОШЕВ*

После I Всемирного археологического конгресса (АС), состоявшегося в 1986 г. в г.Саутгэмптоне (Великобритания), по инициативе директора Института истории материальной культуры Российской Академии Наук (тогда Ленинградского отделения Института археологии Академии Наук СССР) профессора В.М.Массона и профессора Саутгэмптонского университета П.Акко было заключено соглашение о сотрудничестве британских и советских археологов. Оно значительно стимулировало научные контакты ученых двух стран, в том числе взаимное участие в полевых исследованиях и конференциях, обмен информацией, издание научных трудов как в Англии, так и в России.

Одно из направлений этих связей включило изучение средневековых древностей Северо-Запада России, как обширной области Древней Руси, многообразно связанной единими историческими судьбами с регионами Балтики и северной части Западной Европы, в том числе Британией. Северная Русь и Англия в VIII–XI вв. оказались на противоположных краях огромного "мира викингов", если использовать, как образное определение, этот широко бытующий среди западных археологов термин.

Вполне естественно Новгород, как столица Северной Руси и уникальный памятник археологии, в котором уже несколько десятков лет ведутся систематические широкомащтабные раскопки, изначально привлек внимание английских коллег. В 1989–1990 гг. британские археологи М.Брисбейн и Д.Оксли осмотрели древние города и памятники археологии Северо-Запада (Ладога, Новгород, Рюриково городище, поселения и могильники Приильменя), а также посетили Торжок, Суздаль и Владимир. Они познакомились с результатами работ российских исследователей, методикой раскопок, вопросами охраны памятников, музейными коллекциями. Материалы полученные в последние годы Новгородской экспедицией Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Института археологии Российской Академии Наук и Новгородского государственного музея-заповедника, а также Новгородской областной экспедицией Института истории материальной культуры Российской Академии Наук, по мнению английских исследователей имеют огромное значение не только для изучения собственно истории России, но и для археологов Западной Европы, хотя, по-существу, из-за языкового барьера почти не известны на Западе. Книга М.В.Томпсона "Великий Новгород" (Thompson 1967), являющаяся компиляцией из работ исследователей Новгорода, опубликованных в Трудах Новгородской археологической экспедиции в 1956, 1959 и 1963 гг., и сыгравшая в свое время значительную роль в ознакомлении западных археологов с последними достижениями советской науки, в настоящее время устарела и не дает представления о современном состоянии новгородской археологии. Не восполняет в полной мере этот пробел и изданная в Оксфорде в 1989 г. книга Б.А.Колчина, охватывающая лишь одну из тем городской археологии, а именно деревянные изделия из раскопок Новгорода (Kolchin 1989).

* М.А. Brisbane, Department of Conservation Science, Bournemouth University, Talbot Campus Fern Barrow Poole Dorset BH 12 5BB, Great Britain.

Е.Н. Носов, Россия, С.-Петербург, 191186. Дворцовая наб.18, Институт Истории Материальной Культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

А.С. Хорошев, Россия, Москва, 117234. Ленинские Горы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, корпус гуманитарных факультетов №1, Исторический факультет, кафедра археологии.

В связи с этим, по предложению английской стороны, коллективом авторов была подготовлена новая книга "The archaeology of Novgorod, Russia", которая была издана в Англии в 1992 г. под редакцией М. Брисбейна и при поддержке Общества по средневековой археологии. В нее вошли разделы написанные В.Л. Яниным, Е.Н. Носовым, А.С. Хорошевым и А.Н. Сорокиным, Е.А. Рыбиной, В.И. Поветкиными. В книге были суммированы основные итоги раскопок в Новгороде, на Рюриковом городище и поселениях новгородской округи, рассмотрены постройки и усадьбы Людина конца (по материалам Троицкого раскопа), предметы западноевропейского происхождения из новгородских коллекций, музыкальные инструменты. Особая глава была посвящена новейшим находкам из городских раскопок и, наконец, в приложении приведена библиография важнейших исследований по археологии Новгорода и его окрестностей, составленная П.Г. Гайдуковым (Archaeology of Novgorod 1992).

Наряду с тем, что книга по археологии Новгорода появилась в Англии, в России в серии материалов ежегодных научных конференций "Новгород и Новгородская земля. История и археология" были опубликованы статьи М.Брисбейна и Д.Окли об археологии Саутгемптона, об организации археологических работ и охране культурного споя древних городов в Англии, на примере Йорка и Саутгемптона, и, наконец, в одной из статей предложены рекомендации развития охранных раскопок Новгорода (Брисбейн, Оксли 1990:114–116; Оксли 1992:191–196; Брисбейн 1992:196–200; 1993: 227–231).Летом 1993 г. началось совместное англо-российское изучение остеологических материалов из раскопок Новгорода, Рюрикова городища и поселений Приильменья. Эта тема после работ В.И. Цалкина 1956 г. и Е.К.Сычевской 1965 г., основанных на анализе коллекций костей животных и рыб, собранных на Неревском раскопе города, российскими исследователями больше не разрабатывалась (Цалкин 1956; Сычевская 1965:236–256), а материалы сельских поселений Приильменья вообще никогда не привлекались для подобного рассмотрения. В тоже время в научных центрах Англии в последние годы достигнуты значительные успехи в изучении остеологических материалов из памятников археологии (разработаны детальные методики анализа, компьютерные программы и т.д.).

В задачу нового цикла совместных англо-российских комплексных исследований остеологических материалов из Новгорода и Приильменья (руководители остеологической части программы М.Молтби и Ш.Гамильтон-Дайер) входит: 1) сбор костей животных и рыб из раскопок путем промывки культурных отложений; 2) создание базы данных по остеологии для слоев X–XII вв. Новгорода (Троицкий раскоп), слоев IX–X вв. Рюрикова городища и городища Георгий, расположенного на Веряже в Поозерье, в 15 км к юго-западу от Новгорода; 3) сопоставление указанных памятников между собой по количеству и типам домашних и диких животных; 4) установление возраста и пола животных; 5) выявление роли охоты и рыболовства в занятиях населения; 6) изучение структуры питания жителей Новгорода и его округи; 7) рассмотрение вопроса о появлении в городе специализированных мясников; 8) анализ проблемы использования костей, как сырья при работе ремесленников; 9) изучение вопроса пространственной концентрации костных остатков (сравнение городских усадеб, участков внутри усадеб и т.д.). Кроме того, для Новгорода возможно удастся проследить изменение состава стада домашних животных и место занимаемое в жизни города рыболовством на протяжении X–XV вв. И, наконец, планируется создание эталонной остеологической коллекции для всей хронологической колонки новгородских отложений.

Наряду с проводимыми сейчас в Приильменье палеоботаническими исследованиями указанные совместные работы английских и российских ученых будут способствовать выявлению естественно-природной среды района, которая была здесь в конце I–начале II тыс. н.э., то есть в период активной славянской колонизации Приильменья и формирования первых городских центров Новгородской земли.

В июне–августе 1993 г. по рассматриваемой программе в Новгороде работала группа археологов из Борнмута и Саутгэмптона – М.Брисбейн, М.Молтби, Ш. Гамильтон-Дайер и 5 студентов-практикантов Борнмутского университета. Анализировались материалы промытого культурного слоя с городища Георгий, Рюрикова городища, а также с Троицкого

и Федоровского раскопов Новгорода. Первые результаты оказались весьма интересными и перспективными.

Осенью 1993 г. заключено дополнительное соглашение между Борнмутским университетом и российскими археологами о совместном изучении материалов раскопок Новгорода и поселений его округа. С российской стороны в этой работе примут участие сотрудники Кафедры археологии Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Института истории материальной культуры РАН, Института археологии РАН, Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника и Центра по организации археологических исследований в Новгороде. Предполагается расширить область сотрудничества российской и английской сторон, установив регулярный научный обмен не только исследователями, но и студентами-археологами. Английские студенты в 1992 г. и 1993 г. уже принимали участие в раскопках Новгорода и эта практика будет продолжена, а в 1994–1995 гг. предполагается направить первую группу студентов-археологов Московского государственного университета в Англию.

Научные контакты последних лет английских и российских археологов подтвердили плодотворность сотрудничества ученых двух стран и убедительно свидетельствуют в пользу расширения и углубления установившихся связей.

БРИСБЕЙН, М.А. 1992. От сохранения – к раскопкам и демонстрации: археология в г.Саутгемптоне // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научной конференции). Вып.6.: 196–200. Новгород.

БРИСБЕЙН, М.А. 1993 Археология Новгорода: что дальше? // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1993 г.). Вып.7.: 227–231. Новгород.

БРИСБЕЙН, М.А., Оксли Д. 1990. Археология Саутгемптона // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научной конференции). Вып.3:114–116. Новгород.

ОКСЛИ Д., 1992. Политика и практика археологических исследований в г.Йорке // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научной конференции). Вып.6.: 191–196. Новгород.

СЫЧЕВСКАЯ, Е.К. 1965. Рыбы древнего Новгорода // Советская археология 1:236–256.

ЦАЛКИН, В.И. 1956. Материалы для истории охоты и скотоводства в древней Руси. По данным изучения костных остатков из раскопок лесной полосы Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. 51. 185 с. 52 илл.

ARCHAEOLOGY OF NOVGOROD 1992. Yanin V.L., Nosov E.N., Khoroshev A.S., Sorokin A.N., Rybina E.A., Povetkin V.I., Gaidukov P.G. The Archaeology of Novgorod, Russia. Recent Results from the Town and its Hinterland (ed. by M.A. Brisbane) // The Society for Medieval Archaeology. Monograph Series. No 13. Lincoln. 240 p.

KOLCHIN B.A. 1989. Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Translated from the Russian. Pt. I. Text. Pt II. Illustrations. / Ed. supervision Chernetcove A.V. // British Archaeological Reports. International Series 495(I) and 495(II). Oxford, 486 pp. 240 P1.

THOMPSON, M.W. 1967. Novgorod the Great. Excavations at the Medieval City directed by A.V. Artsikhovsky and B.A. Kolchin. Compiled and written by M.W. Thompson. Frederick A. Praeger, Publishers. New-York–Washington. 101 p. 103 ill.

ANGLO-RUSSIAN COLLABORATION IN THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF NOVGOROD

Following the World Archaeological Congress held in 1986 in Southampton (England), a programme of archaeological collaboration was agreed between Prof. Vadim Masson, Director of the Institute of the History of Material Culture (at that time Leningrad Branch of the Institute of Archaeology Academy of Sciences of the USSR) and Prof. Peter Ucko of the Department of Archaeology, Southampton University. This programme included projects studying differing chronological periods and cultures and stimulated academic contacts and scientific links through expeditions, conferences and joint publications.

One project involved the study of the origin and development of towns in North-Western Russia, and the similarities and differences between this area, the Baltic and western Europe especially Britain. In the 8th to 11th centuries both northern Russia and England are on the edges of the Viking world and as such share some characteristics which may be defined and examined archaeologically. As well as the examination of this specific research topic through the study of the results of excavations, the collaboration has also been examining excavation and post-excavation techniques and methodology, artifact studies, the preservation of sites and monuments and the analysis and conservation of artifacts.

The main area where this collaboration has had its focus has been Novgorod and its hinterland. This crucially important site, with its unique preservation of timber buildings and streets as well as organic and other finds, has been scientifically and extensively excavated for over 60 years. For this reason and due to its position as the emerging capital of Northern Russia in the medieval period, Novgorod is an ideal subject for this collaborative study of urban origins. Current excavations are jointly organised through the Novgorod Archaeological Research Centre supported by the Department of Archaeology at Moscow State (Lomonosov) University, the Institute of Archaeology in Moscow, the Institute of the History of Material Culture in St.Petersburg and Novgorod State Museum.

In 1989 and 1990, British archaeologists (J.Oxley and M.Brisbane) visited medieval sites including Staraya Ladoga, sites of the Lake Ilmen area and Novgorod, Torzhok, Suzdal, and Vladimir. They were immediately struck by the enormous amount of post-excavation work on the recent excavations in Novgorod and its surrounding area that was already completed. It was apparent how important this research was to European medieval archaeology, since Novgorod's archaeology is known in the West due largely to the book compiled and published by M.Thompson (Thompson 1967). This book was based mostly on the work done in the 1950's and needed updating. The book by B.A.Kolchin published recently in Oxford deals only with wooden artifacts from Novgorod and does not reflect the general picture of recent results (Kolchin 1989).

That is why in 1992 a new monograph was published in England, edited by M.Brisbane, and supported by the Society for Medieval Archaeology. This volume includes chapters by Prof.V.Yanin on the history and archaeology of Novgorod, by E.Nosov on Rurik Gorodishche and the settlements to the North of Lake Ilmen, by A.Khoroshev and A.Sorokin on the buildings and properties, of the Lyudin End of Novgorod, by E.Rybina on the recent finds together with a separate chapter on the trade links of Novgorod, and by V.Povetkin on the finds of musical instruments. In addition a bibliography of the main publications on Novgorod from the last 60 years, compiled by P.Gaidukov, is included (Archaeology of Novgorod 1992).

In Russia, in the series known as "The History and Archaeology of Novgorod and Novgorod land" which contains reports on the results of fieldwork undertaken each year, a number of short papers have also been published by Brisbane and Oxley between 1990 and 1993 on the archaeology of Southampton, the preservation and presentation of archaeological sites in Southampton and York and English perspectives on the organisation of rescue archaeology in Novgorod (Брисбейн, Оксли 1990:114-116; Оксли 1992:191-196; Брисбейн 1992:196-200; 1993: 227-231).

In 1993 the project, now fully supported by Bournemouth University, began a joint study of the faunal remains from Novgorod and the surrounding area. The animal bones from a number of the domesticates (mainly cattle, sheep and pig) were studied in the 1950s by

V.I.Zalkin (Цалкин 1956) and the fish remains by E.K.Sychevskaya in 1965 (Сычевская 1965:236-256). However since that time no studies have been carried out, nor has any of the faunal material from the hinterland sites been examined.

The current faunal remains work led by M.Maltby from Bournemouth University and assisted by Sh.Hamilton-Dyer has a number of priorities, agreed and coordinated by the Novgorod Archaeological Research Centre and other project leaders. These are: 1. to instigate a programme of sieving to recover small bones and fish remains; 2. to compile a database of species types and measurements from the early (10th-12th century) deposits at the Troitsky excavation in Novgorod, from the fortified site of Ryurik Gorodishche (9th/10th century) and from the fortified site of Georgii (9th/10th century) about 15 kms to the South-West of Novgorod in the area known as Poozerie; 3. to compare differences between the above sites in the amount and type of wild versus domesticated mammal; 4. to determining age and sex of animals; 5. to assess the role of hunting and fishing; 6. to examine the implications of 2-5 above on human diet; 7. to study the style and traditions of butchery; 8. to examine the relationship between the faunal remains and the use of bone for worked objects. It may also be possible to examine some of these questions over a longer period (i.e. up to the 15th century) by including material from later deposits within the town, such as that recently recovered from the Feodorovsky site. In addition spatial analyses of the faunal remains may indicate different uses of space, eg. comparing house interiors to yard surfaces. A reference collection for the study of animal and fish bone has been started and it is intended to continue to add to this for use by colleagues and students in Novgorod.

This work is being put into a wider perspective by combining it with other analyses currently proceeding which are examining the paleobotanical evidence from Novgorod and its hinterland at the end of the 1st millennium AD. When taken together, this should enable an examination of the area's natural environment and its exploitation during this crucial period of town formation.

The collaboration has also benefitted students from Bournemouth University who have taken part in this project in 1992 and 1993. In September 1993 an additional agreement between Bournemouth University and Russian archaeologists was signed. This will widen the scope of the collaboration to include exchanges of students not only from Bournemouth to Russia, but also for students from the Department of Archaeology at Moscow State University to come to Bournemouth.

The academic and educational value of this collaboration has already been demonstrated, and it will certainly continue to intensify links between Russian and British archaeologists.

АМЕРИКАНСКИЕ АРХЕОЛОГИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

А.Я. ЩЕТЕНКО*

С 22 по 27 сентября 1992 г. в Санкт-Петербурге находилась делегация (38 человек) ученых из США, Англии и Аргентины, во главе с доктором Ш.Лернер из Аризоны. Основу делегации составили американские археологи из штатов Алабама, Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Джорджия, Массачусетс, Нью-Джерси и Нью Мексика. Визит американских археологов был организован посольством США в Москве и акционерным обществом "Спутник" в соответствии с программой "People to People".

Культурно-просветительная программа пребывания делегации в Санкт-Петербурге была подготовлена Институтом истории материальной культуры (ИИМК) Российской Академии Наук (РАН). Гости приняли участие в заседании Ученого Совета института, на

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт Истории Материальной Культуры РАН, Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

котором с докладом выступил директор института член-корреспондент АН Туркменистана, доктор исторических наук, профессор В.М.Массон. В своем выступлении докладчик подчеркнул, что в настоящий момент экономика России переживает тяжелые времена. Это отразилось и на положении академической науки в стране. Несмотря на всю сложность ситуации ИИМК остается островком стабильности, где сохранены основные научные направления и высококвалифицированные кадры сотрудников. Основу этой стабильности составляют традиционные научные связи, оформленные договорами о сотрудничестве с академическими институтами независимых государств Средней Азии (в 1992 г. эти договоры вновь заключены), а также успешно развивающееся сотрудничество с археологами США и Западной Европы. Особенно плодотворная работа ведется в Туркменистане, где осуществляется совместный англо-российско-туркменский проект по изучению древнего и средневекового Мерва, приуроченный к празднованию 2500-летия города. Туркменской стороной создана современная археологическая база, английские археологи во главе с доктором Дж.Херрманном вместе с петербургскими коллегами результативно ведут раскопки Мерва. Уже опубликованы итоги другого совместного проекта по изучению неолитического Джейтуна (VI тыс. до н.э.). Всяческую поддержку исследованиям археологов оказывает президент Туркменистана С.Ниязов. Со стороны ИИМК это направление курируется Отделом Средней Азии и Кавказа во главе с В.М.Массоном.

Большую роль в осуществлении Туркменистанского проекта и в развитии широкого международного сотрудничества играет Трасологическая лаборатория (руководитель проф. Г.Ф.Коробкова), на базе которой в 1989 г. создана школа трасологических исследований. Ее выпускники, ученые из США, Италии, Румынии, Чехословакии и Эфиопии, получают после завершения курса обучения специальные дипломы. Г.Ф.Коробкова проводит большую работу по функциональному определению древних орудий, хранящихся в археологических собраниях музеев Англии, Дании и Норвегии. Научные интересы связывают ученых Скандинавских стран и сотрудников Отдела славяно-финской археологии (руководитель проф. А.Н.Кирпичников). Советско-американское сотрудничество развивают ученые Отдела палеолита (руководитель Н.Д.Праслов). Международное сотрудничество ИИМК характеризуется высокой результативностью (только за последние три года в России и за рубежом вышло 10 различных публикаций - сборники трудов, тезисы докладов, отдельные статьи), и, наконец, впервые за многие годы у ИИМК РАН появилось собственное издание – журнал "Археологические Вести". Его первый номер вышел в свет в г.Кошице (Словакия) при содействии Института археологии Словацкой Академии Наук. Существенную помощь в издании оказал Павел Мачала.

В докладе В.М.Массона были охарактеризованы основные экспедиционные открытия последних лет. Особое внимание было уделено охранным работам института на новостройках. Развивая и конкретизируя эту тему с докладом "Палеолит Сибири" выступил С.Н.Астахов. Г.Н.Курочкин рассказал об открытиях богатых тагарских курганов (VIII–III вв. до н.э.).

Американские коллеги в ответ поделились своим опытом работ. Доктор Ф.Дрейер сделал доклад "О возможности существования древнейших "homo sapiens" в Америке: взгляд из Северо-восточной Азии и Америки". Доктор Д.В.Хоман рассказал о раскопках и исследованиях доисторических стоянок юго-запада Америки на примере Каса Мальпаис, а доктор К.Уэллс – о культурном наследии поселения Кахокия (8–13 вв.н.э.), где жили предки индейцев бассейна Миссисипи. Оживленная дискуссия после докладов продемонстрировала взаимный интерес собравшихся к проблемам древнейшей истории, и особенно к проблемам археологической методики и интерпретации остатков материальной культуры.

Во время пребывания американских археологов в ИИМК они ознакомились с работой всех подразделений института, осмотрели его уникальные архивы и библиотеку (основана в 1859 г.) – одно из лучших собраний археологических изданий в мире, содержащее сейчас около 200 000 томов. Гости поразила высокая результативность работ естественнонаучных лабораторий на фоне их низкого технического оснащения. Так лаборатория археологической технологии (руководитель Г.И.Зайцева) обеспечивает обра-

ботку и определение образцов для радиоуглеродного датирования (150 образцов в год) для большинства археологических центров России и ее ближнего зарубежья.

В ходе этих контактов, а также на специальной встрече с директором института В.М.Массоном, обсуждались перспективы дальнейшего расширения российско-американского сотрудничества в области археологии, включая такую форму как специализированные археологические туры и постоянный обмен информацией и литературой.

Культурная программа пребывания в Санкт-Петербурге включала посещение Эрмитажа, Артиллерийского музея, Кунсткамеры Петра Великого, Русского Музея, обзорные экскурсии по городу. Кроме того сотрудники ИИМК организовали и сопровождали американских коллег в поездке в Старую Ладугу и в Новгород, где гости могли познакомиться с методикой раскопок и методами консервации и реставрации этих древнейших русских городов.

ПЕРСОНАЛИИ PERSONALIA

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПАВЛА ИОСИФОВИЧА БОРИСКОВСКОГО

30 и 31 мая 1994 г. в Отделе палеолита Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) состоялись чтения, посвященные памяти крупного ученого, выдающегося археолога, доктора исторических наук, профессора Павла Иосифовича Борисковского.

П.И.Борисковский принимал активное участие в становлении и развитии советской археологии. Одним из первых П.И.Борисковский четко сформулировал положение о начале возникновения родовых отношений в позднем палеолите. Большое внимание П.И.Борисковский уделял общим вопросам и методологическим проблемам истории первобытного общества. Активная научная и педагогическая деятельность П.И.Борисковского снижали ему глубокое уважение и любовь далеко за пределами бывшего СССР.

П.И.Борисковскому - ученому, ведущему археологу, настоящему учителю, доброму человеку были посвящены доклады А.Д.Столяра "Памяти Учителя", Т.Д.Белановской "Проблемы первобытного общества в трудах П.И.Борисковского", С.А.Васильева "Вклад П.И.Борисковского в становление проблематики современного палеолитоведения", Г.П.Григорьева "П.И.Борисковский и П.П.Ефименко". П.И.Борисковский сделал очень много для развития археологии во Вьетнаме, о чем говорил в своем выступлении Фам Куанг Шон (Вьетнам) "Роль П.И.Борисковского в развитии археологии Вьетнама".

Ряд докладов касались проблем раннего и позднего палеолита Восточной Европы: Н.К.Анисюткин "Ранний палеолит и Лука Врублевецкая", М.В.Аникович "Культурно-исторические области в верхнем палеолите Восточной европы". О заселении пещер и о роли пещер в жизни древних людей Кавказа сделал доклад В.П.Любин. Факторам, способствующим возникновению человека, посвятил доклад Л.Б.Вишняцкий "Что создало человека?" О новых памятниках, обнаруженных в Эфиопии и об антропологических находках, рассказал И.Зелеке (Эфиопия) "Новые данные по палеолиту Эфиопии". Отдельные доклады были посвящены конкретными памятникам Восточной Европы: Ю.Ю.Цыганов "О хронологии Борцево 2", Г.В.Григорьева "Охотники на зубров в позднем палеолите Северного Причерноморья", И.В.Гаврилова "Мезолит низовья Мезени", В.И.Тимофеев "Некоторые результаты исследования Цедмарского торфяника", Л.Г.Шаяхметова "Мезолитическая стоянка Пост II (опыт планиграфического анализа)".

Обширную группу составили сообщения об отдельных находках: Н.Д.Праслов "Об одной головке женской статуэтки из Хотылево II", об определенных категориях, группах орудий, об особых приемах и характере оформления орудий; А.А.Синицын "Приемы костенковской подтепки в среднем и верхнем палеолите", Н.Ф.Лисицын "Резцы в позднем палеолите Енисея", Л.В.Голованова "Пластины в Губских культурах", В.И.Беляева "Пушкарские остря", Е.В.Беляева "Морфологический анализ простых скребел". О сходстве костенковских и авдеевских землянок сделала сообщение Е.В.Булочникова "Несколько слов о костенковских землянках в Авдеево". Заключил чтения доклад В.Я.Шумкина "Проблемы связи культовых и жилых комплексов".

Доклады, ориентированные на осмысление сложных культурно-исторических процессов, дают представление о конкретных методических приемах анализа объектов исследования. Во всех докладах отмечался исключительно важный вклад П.И.Борисковского в развитие основополагающих проблем первобытного искусства.

Редакция сборника "Археологические вести" публикует в данном томе сохранившуюся в архиве и никогда не публиковавшуюся работу П.И.Борисковского и часть материалов, представленных на проведенных в конце мая чтениях памяти исследователя.

Г.В.Григорьева
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел палеолита

О НАУЧНОМ ПРЕДВИДЕНИИ В АРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТА

П.И.БОРИСКОВСКИЙ

Несколько лет тому назад в наших археологических изданиях возникла полемика между А.А.Формозовым и Я.А.Шером. Речь идет о статье А.А.Формозова "К проблеме очагов первобытного искусства" (Советская археология 1983, 3) и о книге Я.А.Шера "Петроглифы Средней и Центральной Азии" (Москва 1980).

Я углубленно не занимался и не занимаюсь проблемами палеолитического искусства и не собирался и не собираюсь принимать участие в этой полемике, становиться на ту или другую сторону. Но поднятые во время полемики вопросы подтолкнули меня на подготовку настоящего доклада.

Речь идет о критериях утверждения своеобразия тех или иных территорий и культур, а вместе с тем и об условиях, необходимых и достаточных для утверждения или отрицания такого своеобразия. Это уже вопрос важный не только для историков искусства каменного века, а и для всех археологов. Тут мы сталкиваемся с проблемой научного предвидения, научного прогнозирования. Как известно, научное предвидение представляет собой вид теоретической деятельности, заключающейся в определении, описании тех или иных явлений природы или общественной жизни, которые отсутствуют или неизвестны в настоящий момент, но могут возникнуть или быть изучены в будущем (Ракитов 1975:502).

Предвидение может осуществляться или по так называемой детерминистической схеме, когда каждое явление предсказывается с высокой степенью точности и строго локализуется во времени или пространстве, или же по так называемой вероятностной схеме, когда такая высокая степень точности отсутствуют. Разумеется в нашей области, в археологии, мы имеем дело только со вторым видом научного предвидения - вероятностным.

Каждая наука только тогда является наукой, если она обладает способностью научного предвидения. Понятие научного предвидения связано с понятием закономерности. Без понятия закономерности, как и без способности научного предвидения, наука перестает быть наукой.

Медики предвидят открытие лекарств от тех или иных болезней. О научных предвидениях астрономов я уж не говорю. Историки предвидят открытие тех или иных исторических свидетельств. И, конечно, предвидят археологи! Примеров таких археологических предвидений множество.

Классическим примером является научное предвидение С.Н.Замятниным открытия палеолита на крайнем севере Европейской части СССР (Замятнин 1962: 20-28). Другой пример: предвидение С.Н.Замятниным открытия на территории СССР памятников пещерного искусства (Замятнин 1937: 57-76). П.П.Ефименко предвидел открытие палеолита в Средней Азии (Окладников 1949: 7-86). Можно привести много примеров подобного рода.

Разумеется, не все и всегда тут бывает так уж гладко. Возможны и осечки. Так например, в 1930 г. П.П.Ефименко организовал большую экспедицию в район Самарской Луки, будучи уверен, что этот район был заселен палеолитическими людьми. Экспедиция работала свыше месяца, но безрезультатно.

Я говорю об одной категории научного предвидения в археологии. Ее можно назвать **позитивной**. Исследователь утверждает, исходя из таких-то и таких-то научных предпосылок, что в этом регионе будут открыты такие-то и такие-то памятники. Но есть и вторая категория научного предвидения в археологии. Я бы ее назвал **негативной**. Исследователь пишет: основываясь на определенных научных предпосылках можно утверждать, что в этом регионе бессмысленно искать памятники данного типа. Или он пишет, основываясь на таких-то научных предпосылках, можно утверждать, что здесь не изготовляли орудия определенных типов, не строили жилищ определенных типов, не создавали произведений искусства таких-то категорий. Отсутствие тех или иных памятников, тех или иных находок уверенно объясняется в этих случаях не тем, что они пока не найдены, не недостаточной археологической исследованностью региона, а тем, что данные памятники, данные культурные остатки здесь никогда не были представлены. Можно привести много примеров подобного негативного научного предвидения.

Особенностью первой категории научного предвидения в археологии, предвидения позитивного, является то, что прогнозы чаще всего (хотя и не всегда) кончаются научным триумфом их авторов. В отличие от этого, особенностью второй категории научного предвидения в археологии, предвидения негативного, является то, что тут прогнозы чаще всего кончаются провалом. Памятники определенного типа и их группы, те или иные явления культуры, объявленные несуществовавшими, в конечном счете, обнаруживаются.

Приведу несколько примеров. До 1923 г. отсутствие на территории СССР находок позднепалеолитических женских статуэток объяснялось особым характером позднего палеолита СССР. Открытие в 1923 г. женской статуэтки в Костенках I опровергло это утверждение. Отсутствие на территории Западной Европы остатков долговременных позднепалеолитических жилищ объяснялось тем, что такие жилища являлись де особенностью лессовых равнин Восточной Европы, а в Западной Европе позднепалеолитические люди жили исключительно в пещерах. Однако, начиная с 50-х - 60-х годов XX века, в позднепалеолитических поселениях Западной Европы начали обнаруживать остатки долговременных жилищ.

До 1954 г. отсутствие на территории Правобережной Украины мезолитических комплексов с геометрическими микролитами некоторые археологи объясняли тем, что здесь их никогда и не было, и что трипольская техника обработки кремня выросла непосредственно из позднепалеолитической, минуя стадию обработки геометрических микролитов. Однако, начиная с 1954 г. на Правобережной Украине стали обнаруживать все больше и больше стоянок с геометрическими формами эпохи мезолита. Количество подобных примеров можно увеличивать и увеличивать.

Дело не в том, что негативные научные прогнозы чаще всего кончаются провалом. Основная беда заключается в том, что подобные негативные научные прогнозы замедляют поиски и тем самым замедляют развитие науки.

Попробую показать это на примере истории изучения каменного века Индии. Древнепалеолитические ручные рубила были открыты Брюсом Футом на территории Индии еще в 1863 г. Вслед за тем в Индии было открыто большое количество аббевильских и ашельских рубил, отщепов, соанских чопперов. За подобными открытиями последовали многочисленные находки мезолитических и более поздних микролитов. Но до 1954 г., то есть в течение 90 лет, палеолитические памятники, которые бы занимали промежуточное положение между аббевилем и ашелем, с одной стороны, и мезолитом, с другой стороны, в Индии отсутствовали. Высказывались и пользовались широким распространением предположения, что аббевильские и ашельские рубила, а также соанские чопперы охватывали здесь весь палеолит и непосредственно сменялись мезолитическими микролитами. Однако, в 1954 году в Индии был открыт средний палеолит, не равный мустье, но примерно ему соответствующий. Теперь стали говорить о непосредственном перерастании этого среднего палеолита в мезолит. Спустя еще 10 лет, в середине 1960-х годов, в Индии был обнаружен поздний палеолит. В настоящее время он представлен рядом вы-

разительных стоянок и пещер, давших не только каменные, а и костяные орудия, и также фаунистические остатки.

Глава индийской школы изучения каменного века, так сказать, "индийский Ефименко", проф.Санкалия справедливо подчеркивает: если бы индийские археологи, все или в своем большинстве, согласились с тем, что в Индии не было ни среднего, ни позднего палеолита, и что на территории Индостана было бесполезно и бессмысленно искать средне- и позднепалеолитические памятники, тратить на такие поиски время и средства (негативный научный прогноз), то средний и поздний палеолит в Индии был бы открыт очень и очень не скоро, а мы бы и по сей день придумывали разного рода теории о существовании в Индии рубил и соанских отщепов и чопперов на протяжении всего палеолита, вплоть до мезолита.

Мой вывод прозвучит, может быть, слишком упрощенно и прямолинейно. В археологии имеют право на существование, если они солидно обоснованы, лишь научные предсказания первой категории, позитивные. Они двигают науку вперед. Что касается научных предсказаний второй категории, негативных, то история археологической науки показала, что они не являются плодотворными и на деле тормозят развитие нашей науки.

Меня могут упрекнуть, что я амнистирую наукообразные упражнения и поиски типа изысканий Э.Е.Фрадкина. Считаю нужным объясниться. Когда поднимают всесоюзный шум вокруг псевдоизделий, это ничего, кроме гнева и осуждений не вызывает. Но скромный, без шума поиск, возможен в самых разных, порой и совсем неожиданных областях. Такой поиск может совершенно неожиданно оказаться плодотворным.

Напомню, что пророческий доклад С.Н.Замятнина о возможности обнаружения палеолита на Крайнем Севере нашей страны, в течение 20 лет не печатали. Научный авторитет С.Н.Замятнина был исключительно велик. С.Н.Замятнина очень любили, относились к нему с большой симпатией. Никому не могла прийти в голову мысль тормозить или топить какую-либо работу С.Н.Замятнина. Но это его произведение специалисты рассматривали, как чудачество большого ученого.

ЗАМЯТНИН, С.Н. 1937. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры // Советская археология 3: 57-76.

1961. О древнейшем заселении территории СССР // Очерки по палеолиту: 20-28. Москва-Ленинград.

ОКЛАДНИКОВ, А.П. 1949. Исследование мустьерской стоянки и погребение неандертальца в гроте Тешик-Таш // Тешик-Таш. Палеолитический человек: 7-86. Москва: Московский государственный университет.

РАКИТОВ, А.И. 1975. Предвидение научное // Большая Советская Энциклопедия, 3-е издание, том 20: 502. Москва.

ПАМЯТИ ПАВЛА ИОСИФОВИЧА БОРИСКОВСКОГО.

А.Д.Столяр*

Фундаментальность вклада П.И.Борисковского в палеолитоведение и очевидна и общепризнана. Столь существенное обогащение науки близко к категории классического достижения. Но не этой теме посвящена заметка, автор которой никак не претендует на общую оценку выдающегося исследовательского пути П.И.Борисковского. Она - слово признательности памяти мудрого и щедрого наставника нескольких поколений отечественных археологов.

Каждый первый курс кафедры археологии Ленинградского университета проходил археологическое "крещение" едва он переступал порог истфака, сразу же, в сентябре на занятиях по древнему камню у Павла Иосифовича. Для меня это был 1938 год. Минуло более полувека, но до сих пор отчетливо помнятся эти лекции, как стартовая позиция всей системы археологического образования. Это начало "ископаемой азбуки" отличалось большой логической ясностью, композиционной стройностью, насыщенностью идеями и фактами. Внедряя в наши души заповеди научной строгости и ответственности труда археолога, эти лекции, исключая как осложнение, так и упрощение предмета, безошибочно ориентировались на возможности и динамику нашего усвоения. Отражая актуальное состояние дисциплины и подвижную драматургию ее проблематики, раскрывая мировоззренческую значимость тайны антропогенеза, они будили мысль и делали нас участниками процесса общечеловеческого самопознания.

Такой, можно сказать, эталонный, понятный, совершенствующийся во времени, проблемно-исторический по установкам курс читался П.И.Борисковским более 40 лет - с 1934 по 1980 год (исключая годы войны). Им действительно создавалась реальная база и, что не менее значимо, этико-психологическая традиция всей последующей специализации, личностного становления студента. Известное представление об этой основе проникновения в "седую древность" передают издания курса, в которых аналитическое историчноеведение и исследовательское раскрытие цепи проблем ледникового периода истории сочетаются с высокой языковой формой. Первое из них ("Начальный этап первобытного общества") было осуществлено ЛГУ в 1950 г., а последнее, третье издание ("Древнейшее прошлое человечества", в 1979 г.) в свете всего преподавательского опыта до сих пор сохраняют значение лучшего в России университетского пособия по истории первобытного общества в границах хронологической бездны палеолита.

Однако, возвращаясь к предвоенным годам, ради правды надо сказать, что речь следует вести не об одном Павле Иосифовиче, не о Борисковском, а о Борисковских. Александра Абрамовна, самоотверженная спутница всей его жизни, заведовала археологическим кабинетом и отдавала ему все свои силы. Хозяйка кафедры совершенно по-матерински относилась к нашей поросли и была доброй советчицей, а то и ходатаем за нас. Подобная "семейственность" была исключительно положительной, создающей совершенно особую, памятную на всю жизнь истфакийскую ауру.

Тогда же в наше сознание, как совершенно особый "памятник" архитектуры Васильевского острова, вошел ветхий и разрушающийся двухэтажный домик на Гаванской. Подворотня, лестница налево, второй этаж, скрипучие полы на подгнивших балках, маленькая Соня - дочь Борисковских. Первое, но до сих пор незабытое посещение квартиры профессора, сплошь уставленной книгами.

Поддержка студента своим преподавателем, выражение веры в его способности осуществлялись не словесно, а больше проявлялись в отношении к нему как к юному коллеге. Такое вдохновляющее для меня значение имело получение книги "Людина кам'яного віку на Україні" (1940 г.) с авторской надписью. И, наверное, не совсем случайно эта книга впервые познакомила меня с Мариупольским могильником - тем значительным памятником, анализ которого в конце студенческого пути (1947 г.) обозначил мой первый исследовательский опыт и первую публикацию.

* Россия. Санкт-Петербург. 199034 Менделеевская линия, 7. Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет, Кафедра археологии.

... Годы войны ... На Ленинградском ли фронте в блокаде или же на Волховском, в самые тяжелые дни жили поддерживающие воспоминания о неоконченном университете, родной кафедре, ее преподавателях и своих сокурсниках. Постоянно тревожил вопрос - где Павел Иосифович, ушедший в первые же дни войны добровольцем в Действующую армию ... Редкие отрывочные слухи... На Ораниенбаумском пятачке... Вышел из окружения под Петергофом. А затем самый страшный на фронте левобережный плацдарм - Невская Дубровка. В конце 41-го - тяжелое ранение. Месяцы в госпиталях... С весны 1942 г. - Ашхабад, преподавание в военном училище и одновременно, по мере возможности, работа над памятниками каменного века в Туркмении.

Осень 1946 г. Радостная примета возвращения жизни на круги своя. Раннее сентябрьское утро. Московский вокзал. Александра Абрамовна взяла меня на встречу ашхабадского поезда. Павел Иосифович вновь на родной, обгащенной его кровью земле. Очень худой, поэтому кажущийся более высоким, в висящей на нем гимнастерке... Но главное - радостный и полный планов, мысленно уже в Институте, университете, к которому он отводил особое место в своей жизни, в Костенках и Пушкарях ...

Сознание при воспоминании П.И.Борисковского выделяет целый спектр гармонично связанных начал, образывавших всю неповторимость его личности потомственного петербургского интеллигента и ученого. Э Т О: Восприятие науки как высшей объективной ценности и предельная естественная скромность в оценке своей роли, вплоть до кажущейся боязни в чем-то преувеличить сделанное им самим. Отвержение искусственной сенсационности и амбициозных устремлений. Зримо это передается, например, тем, что П.И.Борисковский, придя уже в кандидатской диссертации (1934 г.) к исключительно важным, этапным в науке заключениям, никогда свой весомый приоритет не акцентировал, и он во многом остается историографически невыявленными. А охватывала эта исследовательская новация такие фундаментально узловые идеи как положение о "резком качественном сдвиге", отделяющем верхний палеолит от нижнего, определение социума неантропа родовым обществом. Дополнялось это отрицанием "естественного" формообразования в индустрии палеолита и, напротив, признанием "искусственных" погребений у палеоантропа (см. "Исторические предпосылки"..., 1935 г.). Такой пиетет по отношению к своему учителю (см., например, его статью к 80-летию П.П.Ефименко - СА, 1964 4: 52 и сл.) в нашу эпоху буквально исключителен.

Самостоятельность и принципиальность П.И.Борисковского в палеолитоведении в эти в целом нелегкие (точнее, экстремальные) десятилетия дополнительно субъективно испытывались тем, что он постоянно находился в напряженном поле резкого противостояния, между двумя полюсами - П.П.Ефименко и его не менее талантливым антиподом, С.Н.Замятниным. Высоко оценивая обе индивидуальности, воздавая им должное и сотрудничая с обоими (оставляя в стороне серию работ в содружестве с П.П.Ефименко, назовем хотя бы совместный с С.Н.Замятниным блестящий историографический этюд о Г. де Мортилье, 1934 г.). П.И.Борисковский как-то удивительно естественно абстрагировался от далеких от науки моментов, без дипломатических сложностей и особых процедур десятилетиями справлялся с как будто неразрешимыми трудностями обостренных межличностных отношений. Тем самым достигалось нечто значительное - относительная стабильность в сфере советского палеолитоведения.

Понимание науки как общего интеллектуального достояния, создаваемого сублимацией мысли последовательных поколений и аккумулирующего в себе их духовное бессмертие. Именно такой принцип определял этику более чем пятнадцатилетнего руководства сектором палеолита, за этот период существенно поднявшего свой авторитет и международный вес. Эту пору в послевоенной летописи сектора я бы определил временем научного оптимума, ибо мне не встречалось другое, столь же достойное и естественное управление сложным организмом специализированного научного коллектива. Ровное обращение, поддержка и равная тактичность заведующего (изредка, казалось, слишком пронизанная опасением - не обидеть бы?) по отношению как к старшим, так и младшим, в которых виделось и стимулировалось будущее. Уникальная духовная атмосфера - чувство свободы и общей заинтересованности в научном поиске, интеллектуального равноправия, оправданности разномыслия и особой привлекательности развернутой научной дискуссии. Со стороны многоядные, очень живые и квалифицированно профессиональные

заседания сектора (общение шло, так сказать, на "языке палеолита") смотрелись как сакральное действие особой касты, посвященной в прошлое и служащей ему. Да и в действительности такой коллектив выступал научным адвокатом древней культуры, утверждающим исключительность передачи будущему того наследства, которым обеспечивался великий феномен становления человечества.

Той же отечественной этикой определялось отношение П.И.Борисковского с десятками его прямых учеников - как отечественных, так и зарубежных (Румыния, Вьетнам, Шри-Ланка и другие), - учеников, имена которых сейчас хорошо известны науке. Формальное положение опекаемого не имело значения для П.И.Борисковского - нередко обратившийся к нему с вопросом в порядке консультации находил в нем фактического, ответственного и очень внимательного руководителя. С окончанием университета или же продолжившей его аспирантуры эти связи не ослабевали, а приобретали более зрелый в научном плане, в каком-то смысле творчески-родственный характер. Например, приезд "учеников" из среднеазиатского далека, теперь уже составлявших основной костяк палеолитчиков этого региона, отмечался чем-то подобным "родовому" празднику "борисковцев" и обязательно сопровождался обрядовым приготовлением совершенно особого, по тайному рецепту, плова.

Да и к тем ученикам, интересы которых со временем сместились в несколько иную плоскость (препятствий тому никаких не чинилось), расположение и поддержка никак не убывали. Доказательство тому - мой жизненный опыт. Не став палеолитчиком в строгом определении этой специализации, я получил сильную поддержку Павла Иосифовича в критической для меня ситуации. Он принял оппонентство по моей докторской диссертации (1972 г.) и это благодаря его высокому авторитету, во многом имело решающее значение. А спустя пять лет, когда я, наверное, уже полностью выдержал некое испытание в сознании П.И.Борисковского, получил особенно дорогой и научно значимый подарок. Это - объемистый том оттисков А.Брейля с дарственной надписью от А.Брейля С.Н.Замятнину на одном, правками А.Брейля на таблицах и многочисленными пометками С.Н.Замятнина. На титуле надпись, что эта особо ценная и бережно хранящаяся книга в день пятидесятилетия П.И.Борисковского была передана ему. Ниже следующая "дарственная" - "Передана А.Д.Столяру. 27.05.1977. П.Борисковский". Помимо того, что эти публикации историографически и источниковедчески очень ценны, наличествует и эмоциональный аспект. Когда я беру книгу, то чувствую тепло державших ее ранее рук - Брейля, Замятнина, Борисковского. А таким "рукопожатием" материализуется идея духовной эстафеты, которая ко многому и очень многому обязывает.

Неведомы мне случаи, когда П.И.Борисковский отвечал бы отказом на серьезную просьбу об отзыве на работу. И также не припомню ситуацию, когда бы он, несмотря на предельную занятость, не передал бы рецензируемому (доктору наук или студенту - безразлично) в назначенное время листов с его своеобразным, очень ясным и легко читаемым почерком. В этом запечатлелись и доброжелательность (при неизменной объективности оценки), и обязательность П.И.Борисковского.

Добрая памятьливость его была далеко не ординарной. Он помнил всех выпускников кафедры археологии по их годам (не только палеолитчиков) и был очень неравнодушен к их судьбам. Жили в его памяти и коллеги спустя десятилетия после того, как они прекратили работу, а затем ушли из жизни. Далеко не случайно, что из всех здравствующих в конце 70-ых годов ГАИМКовцев только Борисковские навещали могилу В.И.Равдоникаса (оставил работу в ИИМКе и ЛГУ в 1948 г.) на Комаровском кладбище. А это означало путь в несколько километров студеным декабрьским днем по трудной дороге.

Потерю старой дружбы, что со стороны довелось наблюдать лишь единожды, переживал остро, тяготясь разладом. Касалось это многолетних (с 1933 г.) отношений с С.Н.Бибиковым, также отличавшимся яркой, но противоположной Борисковскому, в чем-то саркастической индивидуальностью. "Овраг" их разделял более десяти лет, а затем, в самом финале состоялось долгожданное примирение. Этой главе своей жизни П.И.Борисковский посвятил последнюю работу - замечательный этюд о Сергее Николаевиче Бибикове "как сыне своего времени". Он очень ожидал и дождался его публикации

(Археология 1990 2: 98 и сл.). Но, прочитав, был огорчен редакторскими сокращениями - был изъят ряд принципиальных, по мнению автора, сюжетов.

Чуждость материальным устремлениям и подчинению себя вещественным доминантам бытия. Очень скромное, без излишеств, но вполне приличное, по нашим меркам, существование совершенно удовлетворяло семью. Нормально обставленная рядовая кооперативная двухкомнатная квартира в районе новостроек; хорошая, строго отобранная специальная и художественная литература, несколько картин, напоминающих о далеких поездках. Отражая десятилетия жизни всей страны в аскетических условиях, Борисковские воспринимали как нечто чуждое и не привлекающее их модное стремление обзавестись машиной, дачей и другими популярными благами. Да и в целом, за исключением летнего общения с природой во время многолетних полевых работ и его любви к далеким, порой нелегким путешествиям (как с научной, так и с туристской целью), П.И.Борисковский был урбанистом, осуществлявшим свое право на осмысление мира, на свободу мысли в пространстве своего уютного и надежного домашнего очага.

Богатая и тонкая внутренняя культура, никак внешне не подчеркиваемая. Духовное накопление как свое сокровенное богатство. Проявлялось это, прежде всего, в очень тонком восприятии и знании художественной литературы. Эта потребность в начале перестройки сделала П.И.Борисковского одним из инициаторов коллективной подписки на все достойные журналы. Пытаясь привить и нам способность отличать зерна от плевел, он не раз сопровождал рецензирование работ устными или письменными замечаниями вроде известной формулы: "Аркадий! Не говори так красиво". И тот же богатый культурный потенциал позволял ему воспринимать во всей тонкости и своеобразии такие далекие духовные субстанции как, например, мир мысли и творчества многострадального Вьетнама или же Индии.

Политические темы в беседе на протяжении многих лет не увлекали особенно П.И.Борисковского (не была такая сдержанность на уровне рефлекса защитным следствием всего процесса уничтожения интеллигентности?). И его скрытую прозорливость и анализ в этой, казалось бы, далекой от него сфере я могу оценить только сейчас. В начале перестройки, когда мы были опьянены ветром свободы и очень радужно представляли ближайшее будущее, как хотелось его приобщить к этому восторженному настроению. Сие не удавалось. Более того, пару раз он достаточно подробно изложил свое видение перспективы - долгого и трудного, с жертвами и испытаниями пути к возрождению России, требующему годы и годы напряженного и самоотверженного труда. И этот прогноз на будущее сейчас оказывается все более обоснованным.

Последнее - всегда предельно диагностическая форма ухода человека из жизни, его последнего оставленного нам урока. П.И.Борисковский всегда воспринимался как принципиальный, справедливый, но мягкий и не избыточно волевой человек. Последнее впечатление полностью зачеркивается его финалом. С жизнью Павел Иосифович прощался героически, с величественным спокойствием, полной ясностью ума, миром в сердце и отрицанием каких бы то ни было иллюзий. Никогда не забуду последнюю беседу. Разрешенная на полчаса, она продолжалась более двух часов - до тех пор, пока, после нескольких предупреждений, Александра Абрамовна не выставила меня за дверь. Это был удивительный по проникновенности, образности, фактическому и идейному богатству рассказ о жизни. Он был очень значителен и потому, что в нем в самом непосредственном представлении, со множеством неизвестных подробностей выступала эпопея ГАИМКа и ИИМКа, виделись многие почти забытые сотрудники во всей их человеческой неповторимости. Павел Иосифович глубже меня сознавал ценность этого исторического свидетельства. Условились, что я добуду магнитофон и приеду через неделю ... Увы, через неделю уже было безвозвратно поздно ...

"Значит, так" - повторим типичное начало итоговых заключений П.И.Борисковского. Он представляет собой особое явление, невозможное ни в исследовательском, ни в преподавательском, ни в научно-организационном аспектах. С течением времени, напротив, его роль в развитии отечественной археологии проявляется все более рельефно. Некоторым утешением для всех, кто знал Павла Иосифовича, кто многим ему обязан, служить убеждение, что человек духовно живет до тех пор, пока его помнят. В таком контексте мысль П.И.Борисковского и весь склад его личности поныне вместе с нами, в

самом центре археологической активности в наше историческое, но столь нелегкое для "доистории" время.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА В ТРУДАХ П.И.БОРИСКОВСКОГО

Т.Д.БЕЛАНОВСКАЯ*

История первобытного общества занимает видное место в научном наследии П.И.Борисковского. Ей посвящены его монографии (Борисковский 1950; 1957; 1979), брошюры, многочисленные статьи, рецензии. Многие годы Павел Иосифович читал на высоком научном уровне курс истории первобытного общества на Историческом и Восточном факультетах Ленинградского Государственного университета.

Павел Иосифович считал первостепенной задачей ученого донести до широкого круга читателей основные достижения науки о первобытном человеке и делал это мастерски, доходчиво излагая самые сложные проблемы, не упрощая их. Широкая эрудиция, владение европейскими языками и, благодаря этому свободное пользование иностранной литературой, неизменно придавали печатным работам автора основательность и убедительность. Павел Иосифович являлся одним из создателей и основных исследователей истории первобытного общества в нашей стране. Его научные интересы в области археологии были связаны с изучением палеолита, а поэтому внимание автора привлекал именно начальный этап первобытного общества.

Начало научной деятельности молодого исследователя пришлось на 30-ые годы. Это было бурное время становления советской науки, острой борьбы с буржуазными теориями, в которую сразу же включился Павел Иосифович. Он выступил против миграционизма, открыто фашизирующей разновидностью которого считал теорию культурных кругов (Борисковского 1935:10-12). В то же время Павел Иосифович положительно отзывался о трудах таких зарубежных авторов как А.Грдличка и Г.Вейнерт, утверждавших наличие связи между неандертальцами и человеком верхнего палеолита (Борисковский 1935:14).

Уже в своих ранних работах П.И.Борисковский внес весьма существенные новые представления в науку о первобытности, а именно - понятие о первобытном стаде, как начальном этапе развития первобытного общества, уточняя его периодизацию, а также поставил вопрос о возникновении материнского родового строя в период верхнего палеолита (Борисковский 1932:28-34) (ранее возникновение родового строя связывали с неолитом). В этом отношении Павел Иосифович опередил своего учителя, известнейшего специалиста в области изучения палеолита, П.П.Ефименко.

Павел Иосифович был человеком своего времени, разделявшим научные взгляды, господствовавшие в 30-е годы, когда широкое хождение имели идеи Н.Я.Марра, под влиянием которых он считал кинетическую речь, язык жестов начальным способом общения древнейших людей, относя возникновение звуковой речи к верхнему палеолиту (Борисковский 1950:108-109). В действительности язык жестов имел лишь вспомогательное значение. В.В.Бунак убедительно доказал на материалах антропологии наличие звуковой речи уже у архантропов (Бунак 1966:497-555). Сказалось воздействие Н.Я.Марра и на представлении о мышлении первобытного человека (Борисковский 1950:107-112). Под влиянием теории стадильности Н.Я.Марра Павел Иосифович считал эпоху палеолита понятием стадильным (Борисковский 1935:9-39).

* Россия. Санкт-Петербург. ... Менделеевская линия, 5. Санкт-Петербургский Государственный университет, Исторический факультет, Кафедра археологии.

Шли годы, выдающиеся археологические и антропологические открытия заставили пересмотреть многие положения, казавшиеся ранее незыблемыми. Не выдержали испытания временем идеи Н.Я.Марра в археологии (Борисковский, Окладников 1953:70-93). Павел Иосифович воспринимавший все новое, передовое в науке, в то же время предостерегал, что было бы ошибочно недооценивать заслуги советской науки предшествующих лет. Все теоретические проблемы, связанные с начальным этапом истории первобытного общества, нашли отражение в трудах П.И.Борисковского. Он неизменно отмечал сложность, дискуссионность важнейших вопросов и объективно излагал различные точки зрения.

Говоря о прародине человечества, включающей территорию Южной и Восточной Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Павел Иосифович считал, что нельзя сбрасывать со счетов и юг Европы, где известны антропологические и археологические находки древнего палеолита.

Павел Иосифович стоял на твердых материалистических позициях в трактовке проблемы происхождения человека. Он был убежденным сторонником теории двух скачков в развитии первобытного общества. Первый скачок (в философском смысле слова) - выделение человека из животного состояния, длившееся очень долго; второй, имевший меньшее значение - переход от неандертальцев к *Homo sapiens*, когда социальные закономерности приобрели решающее значение (Борисковский 1977:35,39). В дискуссии о палеолитических погребениях Павел Иосифович отстаивал наличие преднамеренных захоронений у неандертальцев.

В одной из своих последних работ Павел Иосифович писал о критериях выделения обширных историко-культурных областей в период позднего палеолита (Борисковский 1989: 24-27). Первобытное стадо сменилось ранней материнской родовой общиной, характеристикой которой завершались исследования Павел Иосифович в области истории первобытного общества.

Павел Иосифович живо откликался на все новое, что появлялось в отечественной и зарубежной литературе по интересующей его тематике. Его многочисленные рецензии выдержаны в доброжелательном, неизменно корректном тоне, хотя при этом зачастую отмечались весьма существенные недостатки рассматриваемых работ. Павел Иосифович был выдающимся специалистом по истории первобытного общества, опытным педагогом и прекрасным человеком.

БОРИСКОВСКИЙ, П.И. 1932. К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита // Известия Государственной Академии истории материальной культуры XIV/4:9-39. Ленинград.

1935. Исторические предпосылки оформления так называемого *Homo sapiens* // Проблемы истории докапиталистических обществ 1-2:5-46. Москва-Ленинград: Ленинградский Университет.

1957. Древнейшее прошлое человечества. Ленинград: Академия Наук

1977. Возникновение человеческого общества // Палеолит Африки:10-42. Ленинград: Наука.

1979. Древнейшее прошлое человечества. Ленинград: Наука.

1989. Критерии выделения позднепалеолитических историко-культурных областей (на примере степной зоны) // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Тезисы докладов:24-27, Ленинград.

БОРИСКОВСКИЙ, П.И., А.П.ОКЛАДНИКОВ. 1953. О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н.Я.Марра в изучении ранних этапов развития первобытнообщинного строя // Против вульгаризации марксизма в археологии:70-93. Москва: Академия Наук.

БУНАК, В.В. 1966. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Ископаемые гоминиды и происхождение человека:497-555. Москва: Наука.

П.И.БОРИСКОВСКИЙ И П.П.ЕФИМЕНКО

Г.П.ГРИГОРЬЕВ*

Казалось бы, тут все ясно: П.И.Борисковский на протяжении всего жизненного пути П.П.Ефименко был его учеником и отстаивал его позицию в спорах с А.Н.Рогачевым. О чем тут спорить - ведь есть свидетельство самого Павла Иосифовича (Борисковский 1989). Понять сложность их отношений можно оценив всю непростую картину появления советской археологии. К моменту "великого перелома" выяснилась неспособность Н.Я.Марра совершить перестройку в ГАИМК. Эта задача выполнялась двумя старыми партийцами С.Н.Быковским и Ф.В.Кипарисовым. Руководителем П.И.Борисковского и был С.Н.Быковский. Конечно, С.Н.Быковский учил Павел Иосифович не типологии, а марксизму, диалектическому материализму, но именно он написал предисловие к книжке П.И.Борисковского ("К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита") и оценивал там разницу между П.П.Ефименко и Павлом Иосифовичем С.Н.Быковский решал, брать ли в штат аспиранта Борисковского, хотя и советовался с П.П.Ефименко. И Петр Петрович, как рассказывал мне сам Павел Иосифович, посоветовал Быковскому направить Борисковского куда-нибудь в провинциальный музей. Не надо хотя бы теперь скрывать, что это - я имею в виду археологию - был "участок фронта классовой борьбы", и комсомолец Борисковский был в 1934 году тем, кто должен был сменить почтенного профессора, если он будет колебаться, "вытравляя старую идеологию из сознания" и громя археологию своих современников и предшественников. Павел Иосифович в 1931-35 гг. более всего ориентировался не на П.П.Ефименко, а на лидера идейной перековки и перестройки - В.И.Равдоникаса. Относясь к группе археологов, носителей традиций Императорской комиссии (А.А.Миллер, Б.Л.Богаевский и Б.В.Фармаковский) П.П.Ефименко пытался занять среднюю позицию между теми, кто с восторгом приняли новое учение (Богаевский) и теми, кто не торопился это сделать. Оттого в его работе 1932 г. с модным названием "Роль женщины в ориньякскую эпоху", конечно же речь идет о фетише археологии советского периода, о матриархате, но там нет ни одной ссылки на Энгельса и Моргана, равно как нет упоминания о родовом обществе, как самой ранней форме общества. Павел Иосифович опередил своего учителя, П.П.Ефименко, поскольку у Петра Петровича понятия и термины марксистско-ленинского учения о первобытном обществе появляются только в 1938 году, когда на смену "Дородовому обществу" 1934 года приходит его новое издание "Первобытное общество". Отметим, что П.И. смело спорил с главной фигурой ГАИМКа - с Равдоникасом, (не рассматривая "Роли женщины"). Известно, что основное изменение, внесенное П.П.Ефименко в традиционную схему верхнего палеолита Европы было представление о начале верхнего палеолита, как постепенном переходе от мустье с остроконечником к памятникам с листовидными острьями - его тельманский вариант. Он замечал ориньяк, как начало верхнего палеолита, а памятники ориньякского типа представлялись в тридцатых годах, как явление, ни в чем не близкое с мустье. Это был скачок в понимании П.И.Борисковского или приход нового населения в понимании Д.Гаррод. П.И.Борисковский (вместе с С.Н.Замятинным) не принял это новшество П.П.Ефименко - он продолжал стоять на позициях стадиализма, как тогда было принято выражаться, и подвергся резкой критике. Его точка зрения была отвергнута, а общепринятой стала точка зрения, согласно которой и ориньяк, и солютре, как понятие не имели смысла. Это означало, что начало верхнего палеолита не имеет своего типологического облика, самые разные памятники могут представлять начало верхнего палеолита и типология не поможет нам определить возраст памятников археологии. Это - основной тезис нового направления, во главе которого встал А.Н.Рогачев. Движение науки было таково, что оно стало общепринятым, а Павел Иосифович отказался от изучения верхнего палеолита Европы, перейдя к изучению древнего палеолита Азии. Но в конце концов оказалось, что представления, которые в общем виде отстаивал Павел Иосифович справедливы. Начало верхнего палеолита, в

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

отличие от поздней его поры, связано с поразительными по своему сходству памятниками ориньякского типа, от Испании до Дона. По формам каменных орудий можно отличить памятники ранней поры верхнего палеолита от поздней поры.

Методика, примененная в Костенках на раскопках П.П.Ефименко и А.Н.Рогачева была объявлена "единственно правильной". Однако, и тут, в методике полевого исследования П.И.Борисковский не копировал своего учителя, а настоял на фиксации разрезов через заполнение жилого углубления в Пушкарях. Известно, что А.Н.Рогачев и П.П.Ефименко считали интерес к разрезу через яму или через жилое углубление - ненужным, устаревшим, ибо главное значение придавали фиксации плана ямы/углубления. Я думаю, что полная документация раскопок П.И.Борисковского в Пушкарях позволит получить новые результаты, если к этим, много более обильным документацией, чем образцовые (по мнению многих) раскопкам в Гагарине или в Тешик-Таше, обратиться заново.

Очень важно и интересно ответить на вопрос: почему ориньякские памятники исчезли из поля зрения специалистов по палеолиту? Ведь даже П.И.Борисковский, которому были нужны ориньякские памятники для подтверждения своей правоты, опустил ориньякские слои в своей схеме Костенок I. Точно также не попадали в схемы и ориньякские слои из Сюрени. Видимо, новые и ранее не известные даже по своему типу памятники - с двусторонне обработанными острями, залежавшие в нижних слоях верхнепалеолитических памятников произвели слишком сильное впечатление, они стали доминантой и вытеснили ориньякские - традиционные памятники. И коллектив археологов явно был не на высоте в решении сложных, общего порядка вопросов - соотношения общего и частного в развитии культуры в верхнем палеолите. Отмечу, что Павел Иосифович правильно говорил о том, что существование местных особенностей не отменяет общие нормы развития, выраженные тогда в словах ориньяк и солютре. Но сообщество специалистов не послушало соображений Павла Иосифовича и наше представление о развитии верхнего палеолита теперь приходится исправлять, возвращаясь к старому - теперь уже не страшному - стадиялизму.

Позиция же П.П.Ефименко опять была промежуточной - он выступил за общие закономерности в развитии верхнего палеолита с одной стороны, и признал ориньяк - локальным типом памятника - южным, пришлым вариантом (Ефименко 1956). Признал он и существование местных, известных только на территории села Костенок археологических культур.

Позицию П.И.Борисковского скорее всего следует определить как постоянное оппонирование своему учителю по основным вопросам. В силу личных качеств, он не вступал в дебаты подобно А.Н.Рогачеву, но твердо держался своей позиции. При этом он неизменно, до своих последних дней, подчеркивал свое положение ученика по отношению к маститому оппоненту.

БОРИСКОВСКИЙ, П.И. 1932. К вопросу о стадийности в развитии верхнего палеолита // Известия Государственной Академии истории материальной культуры XIV/4: . Ленинград.

1935. Исторические предпосылки оформления так называемого Homo sapiens // ПИДО 1-2:5-46. Ленинград.

ЕФИМЕНКО. П.П. 1931. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия Государственной Академии истории материальной культуры XI, 3/4: . Ленинград.

1934. Дородовое общество.

1938. Первобытное общество. Ленинград

1956. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы (о памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа) // Советская археология 26:28-53. Москва-Ленинград.

РОЛЬ П.И.БОРИСКОВСКОГО В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ ВО ВЬЕТНАМЕ.

ФАМ КУАНГ ШОН*

Вьетнамская археология в настоящее время считается наиболее развитой в странах Юго-Восточной Азии. Нынешним состоянием она во многом обязана великому русскому ученому П.И.Борисковскому. До Августовской Революции и завоевания независимости в 1945 г. археологические работы во Вьетнаме вели исключительно французские исследователи. Страна не имела ни одного отечественного археолога.

Начало формирования вьетнамской национальной археологии относится к началу 60-х гг. Оно было продиктовано повышенным интересом к археологическому изучению страны. Именно тогда имела место первая поездка П.И.Борисковского в Ханой. За короткое время, всего один год, с марта 1960 г., он успел многое сделать для вьетнамской археологии. Ниже хотелось бы остановиться на некоторых из наиболее важных его заслугах.

Во-первых, П.И.Борисковский провел активную подготовку национальных кадров, специализирующихся по археологии. Следует отметить важное значение его курса лекций "Основы археологии", которые впоследствии были изданы на вьетнамском языке в качестве первого учебника для студентов высших учебных заведений. Его преподавательская работа помогла будущим археологам освоить методы, опыт и навыки современной археологии. Небольшая группа его студентов стала ядром национальной археологии, в том числе нынешние директора Института археологии (Ха Ван Тан), Национального Исторического музея (Льу Чан Тиеу) и заведующие других исследовательских учреждений.

Во-вторых, изучая материалы, добытые французскими исследователями, П.И.Борисковскому удалось сделать первую хронологическую периодизацию всего каменного века на территории Вьетнама. Этой работой он буквально "приводил в порядок" все открытия и памятники данного периода и тем самым поставил перед вьетнамской археологией уже более четкие задачи для дальнейших исследований. Его обобщающая монография "Первобытное прошлое Вьетнама" (1966) сохраняет значение для нынешнего поколения местных археологов.

В-третьих, П.И.Борисковский организовал практические занятия в полевых условиях. Это были фактически одни из первых археологических экспедиций, где участвовали непосредственно вьетнамские археологи. Помимо навыков полевой работы, экспедиции под руководством П.И.Борисковского принесли также большие научные результаты. Вместе со своими студентами П.И.Борисковский открыл ряд памятников, в том числе таких важных как Гора До, Тхиеу Зьонг, Донгхой, ставшие впоследствии эталонными во вьетнамской археологии.

2. Деятельность П.И.Борисковского на пользу археологии Вьетнама на этом не прекращается. В последующие годы он постоянно следил за процессом ее развития, неоднократно (1963, 1968 и 1975 гг.) посещал Вьетнам с научными командировками. Каждый его приезд являлся настоящим стимулом для развития вьетнамской археологии. Во время пребывания он помогал коллегам разобраться в самых трудных научных ситуациях. Его теоретические высказывания относительно двух культур Мовиуса (вслед за С.Н.Замятниным) и также открытия палеолита в Южном Вьетнаме Сореном дали мощный толчок для дальнейших научных поисков каменного века во Вьетнаме. Многие его работы, такие, как "Древнейшее прошлое человечества", "Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии" являются настольным пособием для каждого вьетнамского палеолитчика. Многие молодые вьетнамские археологи прошли аспирантуру в России не без его помощи и поддержки. В списке научных работ П.И.Борисковского выделяется ряд публикаций, посвященных вьетнамской археологии (монография, 13 статей и научных докладов), которые высоко оценивают во Вьетнаме.

* Вьетнам, г. Хошимин, Институт общественных наук

О заслугах П.И.Борисковского в археологии Вьетнама можно очень много говорить. Поколения археологов Вьетнама знают и помнят его не только как своего великого учителя, но и как очень близкого, доброжелательного друга, который посвятил часть своей жизни делу развития молодой науки Вьетнама.

СПИСОК РАБОТ П.И.БОРИСКОВСКОГО ПО АРХЕОЛОГИИ ВЬЕТНАМА

1962. Исследования памятников каменного века в Демократической Республике Вьетнам в 1960-1961 гг. // Советская археология 1: 17-25.
1962. Археологические открытия во Вьетнаме // Вестник АН СССР 4: 98-101.
1962. Основы археологии. Ханой. (на вьетнамском языке).
1963. Археология во вьетнамском историческом журнале // Советская археология 1: 312-314.
1963. Regional report Democratic Republic of Vietman // Asian perspectives IV/1-2.
1966. Некоторые проблемы каменного века Вьетнама // Sbornik Národního muzea v Praze. ser. A - Historia XX/1-2: 23-27. Praha.
1966. Гора До - древнепалеолитическое местонахождение во Вьетнаме // Археология старого и нового света: 144-160. Москва.
1966. Первобытное прошлое Вьетнама. Москва-Ленинград.
1966. Basic problems of the Prehistoric Archaeology of Vietnam // Asian perspectives IX: 83-85.
1970. The new problems of the Palaeolithic and Mesolithic of the Indo-Chines peninsula // 28th Intern. Congr. of Orientalists. Moscow.
1971. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Ленинград.
1973. Некоторые проблемы палеолита Южной и Юго-Восточной Азии // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва.
1977. Археология во Вьетнаме в наши дни // Советская археология 4: 183-191.
1977. Некоторые мнения о палеолите Вьетнама // Археология 1: 17-19. (на вьетнамском языке).
1978. Some problems of the Palaeolithic of South and Southeast Asia // Early Palaeolithic in South and East Asia: 87-95. Chicago.

ХРОНИКА CHRONICLE

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 1993 ГОДУ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.

В 1993 году ИИМК РАН продолжал археологические экспедиционные исследования на территории России, Украины, Таджикистана и Туркменистана. В основном, велись работы по спасению памятников, разрушающихся в зонах строительства и в рамках международных проектов (Новые открытия и взаимодействие древних культур 1994:5-49).

Крупные исследования слоев стоянок раннего и среднего палеолита проведены Северо-Кавказской палеолитической экспедицией (Л.В.Голованова) в Мезмайской пещере, небольшие исследования памятников вели Северо-Кавказский отряд (А.Е.Матюхин) и Предкавказская палеолитическая экспедиция (В.Е.Щелинский). Продолжено изучение стоянок верхнего палеолита Костенковской (Н.Д.Праслов), Авдеевской (Г.П.Григорьев) и Брянской - Юдиново - (Г.В.Григорьева) экспедициями. Масштабные раскопки стоянки позднего палеолита - раннего мезолита на Верхней Волге проведены Тверской неолитической экспедицией (Г.В.Синицына).

В рамках международных проектов - российско-норвежского и российско-туркмено-английского - обследованы неолитические стоянки Кольского полуострова (В.Я.Шумкин) и древнеземледельческое поселение Джейтун в Южной Туркмении (В.М.Массон, В.И.Тимофеев, Т.А.Шаровская). Совместно с Академией Наук Туркменистана продолжено изучение памятников эпохи неолита и бронзы в Южной Туркмении - Каракумской (Ю.В.Березкин, Н.Ф.Соловьева) и Сумбарской экспедициями (И.Н.Хлопин), а на Северном Кавказе - Майкопским (А.Д.Резепкин) и Предгорным (Г.Я.Поплевко) отрядами.

Памятники кочевых культур раннего железного века Южной Сибири исследованы крупными хозяйственными экспедициями - Бейской (М.Н.Пшеницына), Среднеенисейской (Н.А.Боковенко, Н.Ю.Кузьмин), Сибирской (С.В.Красниенко, А.Б.Субботин) и Тувинской (В.А. Семенов).

Исследование классических древностей Причерноморья продолжали на территории Республики Крым - Кульчукская (А.С.Голенцов) и Боспорская (В.А.Горончаровский, Ю.А.Виноградов) экспедиции, на юге Украины и России - экспедиции Нижнебугская (Е.Я.Рогов) и Нижне-Донская (К.К.Марченко).

Успешно проведены российско-таджикские работы на городище древнего Пенджикента (В.И.Распопова) с участием ученых ряда стран Запада и российско-туркмено-английские исследования по программе "Древний Мерв" (В.А.Завьялов).

Широкие исследования, в основном на хозяйственные средства, продолжали Староладожская (А.Н.Кирпичников, В.А.Назаренко), Выборгская (В.А.Тюленев), Торопецкая (Д.И.Фоняков), Ивангородская (А.В.Курбатов) и Псковская городская (В.И.Кильдюшевский, С.В.Белецкий) экспедиции. В рамках международных проектов и при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований и Министерства культуры России на средневековых памятниках Северо-Запада России вели работы Новгородская областная (Е.Н.Носов) - о участии специалистов Швеции, Германии и Англии, Архангельская арктическая экспедиции (О.В.Овсянников) - с участием ученых Норвегии, Приозерский отряд (А.И.Сакса) и группа подводных исследований "Балтика" (В.И.Козлов).

Под научным кураторством и при активном организационном участии ИИМК РАН в 1993 году проведены пять международных конференций: "Новые открытия и методические основы археологической хронологии" (март, Санкт-Петербург), "Мерв и сельджукская эпоха" (сентябрь, Мары, Туркменистан), "Древний Амударья" (сентябрь, Чарджев, Туркменистан), "Бухара и мировая культура" (сентябрь, Бухара, Узбекистан), "Проблемы культурогенеза и культурное наследие" (ноябрь, Тюмень). В конференциях участвовало от 70 до 100 ученых из стран СНГ и Запада. Ко всем конференциям опубликованы тезисы докладов.

В Диссертационном совете Д 200.15.01 ИИМК РАН в 1993 году успешно прошли защиту 16 работ. Защищены 4 диссертации на соискание степени доктора исторических наук: С.Н.Астахов "Палеолит Тувы", Л.С.Клейн "Археологическая типология", А.М.Микляев "Каменный - железный век в междуречье Западной Двины и Ловати", В.И.Распопова "Раннесредневековый согдийский город (по материалам Пенджикента)" - все Санкт-Петербург.

Защищено также 14 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук: В.Э.Аманбаева (Бишкек) "Материальная культура городов Чуйской долины домонгольской эпохи (VI - нач. XIII вв.) и проблемы культурогенеза", И.В.Бруяко (Одесса) "Демография и экономика населения Северо-западного Причерноморья во второй половине VIII - начале III вв. до н.э.", Е.А.Гаджиева (Екатеринбург) "Неолит Бассейна р.Конды", Е.Ю.Гирия (Санкт-Петербург) "Технологический анализ пластинчатых индустрий", Е.В.Избицер (Санкт-Петербург) "Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III - II тыс. до н.э.", Р.Б.Исмагилов (Алматы) "Ранние скифы и Центральная Азия", И.В.Калинина (Санкт-Петербург) "Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона (подходы и методика изучения)", С.И.Коваленко (Кишинев) "Поздний палеолит Молдавского Приднестровья (проблемы культурогенеза, функций орудий, хозяйства)", В.С.Мосин (Челябинск) "Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья", Рысин М.Б. (Санкт-Петербург) "Закубанье в эпоху средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны)", М.Фаузи (Дамаск, Сирия) "Средневековые мечети Средней Азии и Сирии", А.В.Чиндин (Караганда) "Каменные индустрии племен Центрального Казахстана эпохи мезолита - энеолита (на основе типологии, трасологии, эксперимента)".

Кроме того, была рассмотрена докторская диссертация М.А.Джафарова (Баку) "Средний палеолит Азербайджана", направленная ВАК РФ на дополнительное заключение.

В 1993 году ИИМК РАН изданы: ежегодник "Археологические Вести" № 2 и 7 монографий и сборников в серии "Археологические изыскания": вып.4 - "Новые открытия и методологические основы археологической хронологии"; вып.7 - Г.Н.Курочкин "Богатые курганы скифской знати на юге Сибири"; вып.8 - М.Д.Хлобыстина "Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории"; вып.9 - К.Х.Кушнарера "Южный Кавказ в IX - II тыс. до н.э."; вып.10 - "AD POLUS" (сборник памяти Л.П.Хлобыстина); вып.11 - "Проблемы культурогенеза к культурное наследие (в трех частях)"; вып.12 - "Изучение памятников морской археологии".

Кроме того, на хозяйственные средства издан том монографии М.В.Малевской и Д.И.Фонякова "Древний Торопец", а при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований в рамках программы "От Северной Руси к Северной Пальмире" - сборник "Древности Северо-Запада России". При участии ИИМК в 1993 году изданы сборники "Древности Байкала" и "Древний Псков. Исследования средневекового города". На материалах фотоархива ИИМК вышел иллюстрированный каталог "Прошлое Урала в фотографиях".

Л.Б.Кирчо
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
ученый секретарь.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Главной задачей периодического сборника " Археологические Вести " является оперативное введение новой информации в научный оборот.

На страницах сборника публикуется статьи о новых интересных археологических открытиях и идеях (объем 10-15 машинописных страниц и 4-5 иллюстраций), общие работы теоретического и научно - исследовательского характера (объемом не более 20 стр.) и обзоры (6 - 10 стр.), заметки о проведении международных конференций, симпозиумов, конгрессов, по организации науки (объемом 3 -5 стр.).

Направляемые статьи должны быть оформлены следующим образом:

1. Статья должна быть напечатана на машинке с пронумерованными листами рукописи.

2. Принимаются только графические иллюстрации. Сформированные таблицы должны уместиться в размер стандартного машинописного листа.

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. На обороте иллюстрации необходимо написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи ссылка на рисунок дается в тексте в скобках: например (рис.1: 3,4). Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе.

3. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2.....

4. Ссылки на библиографию даются в тексте в скобке (фамилия, год, стр.): например (Смирнов 1964:15-25) или (Белавин, Носкова 1989:254, рис.1; и т.д.). Если имеются две работы одного автора под одним годом издания, то во втором случае рядом с годом ставится буква "а" (1990а). В конце статьи прилагается список использованной литературы в алфавитном порядке (сначала русская литература, затем - зарубежная). Названия журналов и сборников пишутся полностью без сокращений:

Порядок оформления ссылок следующий:

- книги

Макарова, Т.И. 1986. Черное дело Древней Руси. Москва: Наука.

- периодические издания

Кирпичников, А.Н. 1965. Так называемая сабля Карла Великого // Советская археология 2: 268-276.

Седов, А.В. 1989. Археологические исследования в вадии Хадра-маут // Вестник древней истории 2: 135-142.

- авторефераты

Столба, В.Ф. 1990. Херсонес и скифы в У-П вв. до н.э. (Проблемы взаимоотношений). Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Ленинград.

- тезисы

Киселев, С.В. 1956. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 - 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения истории и Пленума ИИМК, посвященной итогам археологических экспедиций 1955 г.: 155-156. Москва - Ленинград: Наука.

- рецензии

Ковалевская, В.Б. 1974. Рецензия на: Les methodes mathematique de l'archéologie. Paris. 1972 // Советская археология 2: 290-294.

5. К статье следует приложить русский текст резюме (не менее 3-4 машинописных страниц со ссылками на рисунки и основную литературу). Для облегчения перевода необходимо, чтобы текст резюме был написан простым языком, а специальные термины и географические названия даны в английском переводе.

6. Первый экземпляр статьи должен быть напечатан четким шрифтом на пишущей машинке или лазерном (струйном) принтере с разрешением не менее 300 точек на дюйм. Никаких рукописных исправлений и подчеркиваний в данном экземпляре не допускается (дополнительные исправления автор может сделать на втором экземпляре).

7. В электронном варианте материалы могут быть присланы на дискетах 3,5 или 5,25 дюйма, русский текст в альтернативной кодировке (866 таблица) формат текста: текстовый файл для DOS или Microsoft Word 5.0 for DOS или текстовый файл для Windows 3.0 (3.1) или Microsoft Word 2.0 for Windows.

8. В конце статьи необходимо указать место работы автора и почтовый адрес.